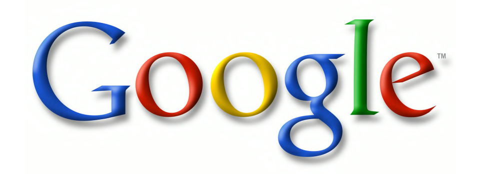
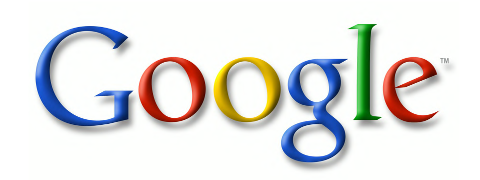
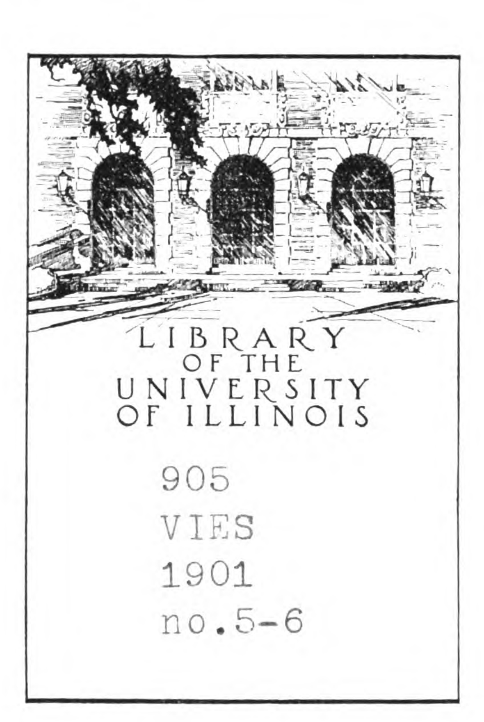






Мое знакомство съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ.

(Изъ бумагъ покойнаго академика М. О. Микѣшина).

Декабря 24-го 1880 года, наканунѣ Рождества, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, я имѣлъ первое свиданіе и знакомство съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ Лорисъ-Меликовымъ.

Свиданіе это было назначено мнѣ вслѣдствіе письма моего къ графу, посланнаго ему лишь за два дня, т. е. 22 декабря, такого содержанія:

„Ваше сіятельство, графъ Михаилъ Таріеловичъ!

Зная, что каждая минута Вашего времени поглощается важнѣйшими заботами о государственныхъ мѣрахъ, осмѣливаюсь просить назначить мнѣ моментъ, для личнаго сообщенія о дѣлѣ, которое (смѣю полагать) достойно Вашего высокаго вниманія.

Единственно лишь чувство гражданскаго долга даетъ смѣлость утруждать Васъ этой просьбой и тѣмъ брать на себя серьезнѣйшую отвѣтственность за качества гражданской миссіи, руководящей моимъ настоящимъ поступкомъ“.

На второй же день, въ отвѣтъ на это, отъ правителя дѣлъ его канцеляріи я получилъ слѣдующее приглашеніе, съ надписью „въ собственныя руки, весьма нужное“:

„Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ покорнѣйше проситъ васъ, Михаилъ Осиповичъ, пожало-

вать къ нему сегодня, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, 24 декабря 1880 г., среда".

У меня запрыгало сердце отъ этого быстраго приглашенія и въ особенности оттого, что это свиданіе казалось мнѣ трудно достижимымъ и во всякомъ случаѣ осуществимымъ лишь при чьей-либо удачной протекціи...

Я было и измыслилъ такую протекцію и находилъ ее наилучшею, это—прослышавъ недѣли три тому назадъ о пріѣздѣ въ Петербургъ генерала Б. и зная, что онъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ графомъ и еще, болѣе того, что (будто бы) его мѣтятъ на постъ товарища министра къ Лорисъ-Меликову, я 11 декабря въ $9^1/_2$ часовъ утра отправился къ нему (№ 83, въ Европейскую гостинницу). Онъ дружески, по старому, встрѣтилъ меня, расцѣловался и, когда я попросилъ у него протекціи для свиданія съ графомъ, онъ наотрѣзъ обѣщалъ мнѣ это немедленно устроить; но предупредилъ, что графъ не можетъ дать мнѣ болѣе 10 минутъ свиданія и уже ни въ какомъ случаѣ не болѣе 15-ти. Но что онъ, какъ никто иной, можетъ у графа настоять на назначеніи мнѣ свиданія... Такъ я съ нимъ и разстался успокоенный.

Прошла недѣля, а отъ него ни гу-гу! Въ эту недѣлю я повидался съ своимъ старымъ пріятелемъ Дмитріемъ Петровичемъ Кладищевымъ и говорилъ съ нимъ объ обѣщаніи Б., но онъ сообщилъ мнѣ, что Б. болѣе уже не въ фаворѣ у графа, и совѣтовалъ мнѣ о свиданіи хлопотать черезъ генераловъ Гейнса и Фаддѣева, которые теперь въ большомъ ходу у министра. Не особенно желая протекціи именно этихъ господъ, я письмомъ напомнилъ Б. о своихъ ожиданіяхъ и о его обѣщаніи, и вдругъ онъ отвѣчаетъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„20 декабря 1880 г. Многоуважаемый Михаилъ Осиповичъ, при теперешнемъ состояніи здоровья графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова и при постоянныхъ усиленныхъ занятіяхъ его, было бы болѣе чѣмъ неудобно просить его о назначеніи Вамъ особой аудіенціи, поэтому совѣтовалъ бы Вамъ, не добиваясь такой аудіенціи, побывать у графа въ одинъ изъ пріемныхъ дней отъ 11 до 12 часовъ утра.

Душевно вашъ Н. Б.".

Изъ этого письма я понялъ, что слухъ, переданный мнѣ Кладищевымъ, справедливъ... Кстати, отъ одного грека, присяжнаго повѣреннаго, узналъ я, будто бы Б. выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Грецію по приглашенію тамошняго правительства командовать фло-

томъ въ войнѣ съ турками и что эта война будто бы неизбѣжна...

Съ другой стороны, по городу ходилъ слухъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ по разстроенному здоровью, не могущему примириться съ здѣшнимъ климатомъ, назначается на постъ намѣстника Кавказскаго...

Ну, думаю, дѣло мое плохо; Кладищевъ правъ относительно Б , а онъ въ отношеніи графа... А другого человѣка межъ министрами или высокопоставленными людьми, для сочувствія и покровительства моей идеѣ, я не вижу, не знаю... Была не была, думаю, попытаюсь просить свиданія у незнакомаго министра прямо, безъ всякой протекціи, письмомъ...

Итакъ, наволновавшись довольно, къ вечеру 24-го числа, нанялъ я 4-хъ-мѣстную карету, захватилъ съ собой свою тетрадку съ *земельнымъ проектомъ*, нагрузилъ карету дѣтьми, завезъ ихъ „на елку“ въ Николаевскую, къ знакомымъ, выгрузилъ ихъ тамъ у подъѣзда, а самъ поѣхалъ дальше, къ историческому...

„зданію у Цѣпного моста“...,

приснопамятному мнѣ издавна по Мезенцеву и графу Муравьеву, по Каракозовскому дѣлу... Даже въ самый тотъ подъѣздъ и квартиру мнѣ пришлось войти, ибо тамъ-то и живетъ графъ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе на этотъ разъ сдѣлалъ на меня этотъ подъѣздъ и входъ вздоховъ... Какъ-то весело и привѣтливо свѣтитъ тамъ нынѣ газъ, какъ то добродушно и учтиво снялъ съ меня швейцаръ шубу, вѣстовой донской казакъ указалъ мнѣ на входъ въ комнаты... Совсѣмъ по-иному встрѣтилъ меня рыжій чиновникъ (вѣроятно, онъ и есть правитель канцеляріи). Узнавъ мою фамилію, онъ удивился, что я рано явился, болѣе чѣмъ за ½ часа до назначеннаго часа и предложилъ мнѣ ждать въ пріемной. По его заявленію, графъ занятъ „наверху“ подписью бумагъ и освободится никакъ не ранѣе какъ въ 8½ часовъ. Я спросилъ у него, какъ мнѣ понимать, что графъ назначилъ мнѣ свиданіе вечеромъ, да еще и въ такой неурядный вечеръ, какъ Рождественскій сочельникъ?

На это меня обрадовалъ чиновникъ разъясненіемъ. что графъ назначаетъ вечернія свиданія изрѣдка, въ случаяхъ исключительныхъ и по дѣламъ, требующимъ спеціальнаго вниманія.

Началъ я мѣрить шагами пріемную и думать... Много я передумалъ въ эти ½ часа. Нечего и повторять здѣсь этихъ думъ, а заключилъ свои думы тѣмъ,

что какъ бы благословлялъ меня на это свиданіе мой покойный батюшка, какъ бы онъ приголубилъ меня за идеи, роящіяся въ мозгу моемъ за послѣднее время...

На этой мысли звонко ударило на часахъ ½ девятаго и еще не замолкъ звукъ ихъ боя, какъ отворилась дверь въ пріемную изъ внутреннихъ комнатъ и тотъ же секретарь, выйдя оттуда, пригласилъ меня къ графу.

Иду по мягкому ковру комнаты, что межъ пріемной и его кабинетомъ, а въ памяти мелькнула почему-то сцена казни Гоголевскаго Остапа, когда тотъ съ своего эшафота крикнулъ въ толпу до свого батько Тараса Бульбы:

„Чи ты видышь менэ, батько?“...

Войдя въ обширный кабинетъ, я заперъ за собою дверь и, мелькомъ замѣтя сидящую за огромнымъ письменнымъ столомъ, что посрединѣ комнаты, сгорбленную надъ бумагами фигуру генерала, довольно громко и явственно сказалъ: „Здравствуйте, графъ“.

Отвѣта не было. Озадаченный этимъ, я остановился какъ вкопанный. Прошла секунда или двѣ. Я во всѣ глаза глядѣлъ на него, а онъ дописалъ что-то, росчеркнулся, быстро всталъ съ рабочаго стула и, обогнувъ столъ, сдѣлалъ ко мнѣ два-три шага и протянулъ руку.

Тутъ я замѣтилъ, что росту онъ средняго, ниже меня вершка на 1½, и фигурой, хотя сложенъ не дурно, но не внушителенъ и не молодцоватъ, а скорѣе дѣлаетъ впечатлѣніе сильно усталаго человѣка, но блеснувшіе глаза...

— Здравствуйте, художникъ, сказалъ онъ ласковымъ и симпатичнымъ тономъ голоса.—Садитесь, родной, и что прикажете?

Указалъ онъ на стулъ какъ разъ противъ, черезъ столъ отъ мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ и гдѣ снова теперь сѣлъ.

Сѣлъ я, и мы прямо встрѣтились всѣми четырьмя нашими глазами въ упоръ. Прошелъ моментъ многозначительнаго безмолвнаго знакомства.

Чудесные глаза его заискрились такъ ласково, такъ умно и такъ въ то-же время проницательно, что онъ въ одинъ мигъ подкупилъ полное мое довѣріе, и вся неловкость и неудобство перваго знакомства съ новою и высокопоставленною личностью моментально исчезли.

На видъ ему лѣтъ 55 или 58, кабы мѣрить его нашею сѣверною мѣркою, а такъ какъ онъ южанинъ, армянинъ, то можетъ быть ему и болѣе. Волосы на головѣ, густыхъ бакахъ и усахъ изъ смолисто-черныхъ дѣлаются сивыми, а мѣстами—почти сѣдыми, что очень эффектно для жи-

вописнаго портрета. Но игра выраженій и мысли въ его чертахъ, а въ особенности въ его удивительныхъ глазахъ—таковы, что ихъ никогда не передастъ никакая фотографія, а писать бы я могъ съ него большой этюдъ-портретъ съ наслажденіемъ и, пожалуй, съ успѣхомъ...

— Позвольте, ваше сіятельство, ранѣе изложенія поводовъ предстоящаго разговора, для прямоты и удобства мнѣ передачи вамъ своихъ идей, временно забыть, что я бесѣдую съ графомъ, министромъ и генералъ-адъютантомъ, а видѣть въ васъ лишь равноправнаго съ собой гражданина?

— Не только „временно", но прошу васъ относиться ко мнѣ не иначе, какъ такъ, и постоянно.

— Съ другой стороны, позвольте васъ просить также забыть, что передъ вами художникъ, артистъ, а мѣрить и судить обо мнѣ только какъ о гражданинѣ...

— Это къ чему же, перебилъ онъ,—ваша профессія не исключаетъ для васъ возможности быть „гражданиномъ" въ высшемъ смыслѣ этого слова, чему въ исторіи...

— Я однакожъ прошу васъ отрѣшиться отъ предвзятаго взгляда на насъ, артистовъ, которымъ надѣляется намъ какъ бы неизбѣжный при нашей свободной профессіи грѣхъ опоэтизированія и фантазіи во всѣхъ вопросахъ и дѣлахъ практическаго и реальнаго свойства.

— Извольте, я сумѣю васъ выслушать и понять какъ слѣдуетъ. Говорите, въ чемъ же дѣло?

— Нынче лѣтомъ, съ весны, я былъ въ Парижѣ. Ко мнѣ высылались туда нѣсколько нашихъ главныхъ ежедневныхъ газетъ. Жадно читая ихъ, я до боли сердца впечатлялся извѣстіями изъ разныхъ концовъ Россіи и день ото дня болѣе мрачнаго свойства о предвѣстіяхъ голода...

— Н-ууу-сссъ, значительно промычалъ графъ.

— Въ то-же самое время, возстановляя въ своей памяти всѣ исторіи первой французской революціи, для особой, спеціально-художественной цѣли, я жадно читалъ по этому предмету разныя сочиненія. Сопоставляя невольно и сравнивая межъ собой причины, вызвавшія явленія французскаго террора, съ бѣдствіями нашего...

— Что же тутъ общаго? строго перебилъ меня графъ.

— Я разумѣю такія общія явленія, какъ голодъ напримѣръ, обѣднѣніе низшихъ сословій въ государствѣ, аграрныя условія и т. п.

— Хорошо-съ, поощрилъ онъ.

Я продолжалъ: познакомясь съ экономическими программами Тюрго, Монтескье, Мирабо и др., включи-

тельно съ пьяными фантазіями по этимъ вопросамъ нынѣшнихъ коммунаровъ, а затѣмъ, возвратясь въ Петербургъ, я поглотилъ все, что могъ, изъ усилій русскаго мозга по части земельнаго устройства крестьянъ: прочелъ кн. Васильчикова, проф. Янсона и слѣдилъ за всѣми дебатами и полемиками о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о перенадѣлахъ и т. п. и ни съ чѣмъ изъ прочтеннаго не согласился, т. е. признавъ во многихъ изъ этихъ научныхъ трудовъ неоспоримые статистическіе факты, я не могъ согласиться съ ихъ выводами, находя одни—неосуществимыми химерами, другіе—лишь либеральнымъ кокетничаньемъ, а иные просто безполезными...

— Прекрасно, перебилъ графъ,—но вы ошибетесь, если вздумаете построить какую-либо новую систему для Россіи на французскихъ фундаментахъ, о которыхъ вы упомянули...

— Нѣтъ, графъ,—смѣю увѣрить васъ, что все, что мной упомянуто уже и что можно упомянуть еще объ аграрномъ устройствѣ Англо-Ирландіи, Италіи или хоть бы Германіи, сдѣлано и сдѣлается мною лишь затѣмъ, во-первыхъ, чтобы вамъ было вѣдомо, что я хотя нѣсколько, но уже въ курсѣ предмета, о которомъ говорю, а во-вторыхъ для того, что всѣ упоминающіяся здѣсь системы, какъ иноземныя, такъ и свои, русскія, примѣненныя уже на практикѣ, какъ равно и теоріи, проектируемыя лишь (какъ напр. Янсоновская о недостаточности надѣловъ)—непримѣнимы, по моему убѣжденію, къ условіямъ русскаго національнаго, историческаго быта, что я иду противъ всѣхъ ихъ въ совокупности и осмѣлюсь предложить на вашъ судъ нѣчто вполнѣ своеобразное, основанное на старо-древнихъ русско-народныхъ традиціяхъ, служащихъ къ большому укрѣпленію государственной власти и общественнаго спокойствія и довольства...

— Что же это за система, вы изложили ее письменно? спросилъ графъ, протягивая черезъ столъ руку къ тетрадкѣ, что я держалъ въ рукахъ (этой самой, въ которой я теперь пишу):—вы можете у меня оставить это для прочтенія.

— Извините, но я предпочелъ бы прочесть самъ, чтобы пропустить все лишнее, такъ какъ это лишь эскизъ проекта и притомъ написанный торопливо, съ ошибками, помарками.

— Охъ, родной, съ усмѣшкой и косясь глазами на эту тетрадку, сказалъ графъ,—сколько же времени нужно,

чтобы ее прочесть? Вѣдь я мученикъ. Вѣрьте, что у меня совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени...

— Чтобы прочесть не захлебываясь отъ торопливости, нужно около часа, графъ. Какъ мнѣ быть, я и самъ страдаю: мнѣ стыдно, что насилую ваше вниманіе...

Во время нашего разговора ему нѣсколько разъ подавали большіе пакеты, на адреса которыхъ онъ торопливо взглядывалъ. Также прочелъ одну или двѣ депеши и сдѣлалъ на нихъ помѣтки. Я пробовалъ останавливаться говорить, когда онъ обращалъ вниманіе на свои бумаги.

— Пожалуйста продолжайте, я слушаю, понукалъ онъ.

Когда дѣло дошло до чтенія, онъ заботливо вынулъ свои часы, взглянулъ на нихъ и всталъ.

— У васъ, родной, есть время меня обождать $^1/_2$ часа, меня уже ждутъ, покурите.

Онъ вышелъ. Оставшись у стола, на которомъ лежала масса раскрытыхъ писемъ, бумагъ, телеграммъ, я, почувствовалъ себя неловко, хотя мнѣ льстило такое довѣріе графа. Я вышелъ въ смежную комнату, черезъ которую вошелъ въ кабинетъ, и присѣлъ тамъ у стола, на диванѣ.

Черезъ 5 минутъ изъ кабинета вынесъ слуга для меня стаканъ чаю и раскрытый портъ-папиросъ, который я ранѣе видалъ въ рукахъ хозяина.

Лицо, какъ и вся скромная и изящная фигура этого слуги меня поразили: столько скромнаго и серьезнаго достоинства свѣтилось въ большихъ, сѣро-голубыхъ глазахъ этого молодого человѣка, что впечатлѣнію, которое онъ дѣлалъ, могъ бы завидовать любой благорожденный аристократъ...

Ровно черезъ $^1/_2$ часа меня снова попросили въ кабинетъ, куда уже вернулся графъ. Мы молча сѣли. Онъ казался еще болѣе усталымъ, но тотчасъ же при разговорѣ оживился.

— У меня и теперь къ вашимъ услугамъ не болѣе $^1/_2$ часа. Вѣдь въ это время вы прочесть не успѣете?

— Едва ли, графъ, а, впрочемъ, попробую.

— Нѣтъ, такъ не стоитъ. Знаете что, дорогой мой, одно изъ двухъ: или оставьте мнѣ вашу тетрадку, и я даю вамъ слово прочесть ее до завтрашняго утра,— или обождите до перваго свободнаго для меня вечера, когда я приглашу васъ часа на два, и болѣе, чтобы было времени и толково прочесть, и сдѣлать о прочитанномъ сужденіе и выводы.

Я, конечно, выбралъ послѣднее. Тутъ графъ самъ началъ говорить:

— Вы говорили давеча о неурожаѣ, о нынѣшнемъ голодѣ; раздуваетъ этотъ вопросъ и вся пресса, но это не вѣрно, смѣю въ томъ васъ завѣрить.

— Я уже знаю вашъ взглядъ на этотъ предметъ изъ газетъ..

— Что газеты... Но я даю слово, что при нынѣшней го-ло-ду-хѣ у насъ, въ Россіи, за будущіе 8 мѣсяцевъ до новаго урожая умретъ или можетъ умереть отъ голоду во всякомъ случаѣ не болѣе того, сколько отъ голоду-же помираетъ народу въ одну или, лучше сказать, въ каждую недѣлю—въ городѣ Лондонѣ, въ богатѣйшемъ центрѣ самаго богатаго европейскаго государства, а это, согласитесь, еще невозможно назвать голодомъ, къ тому же, мое слово обезпечивается принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя объявятся не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ новаго года.

— О, кабы вашими устами медъ пить... А нельзя ли узнать, если это не будетъ съ моей стороны нескромностью, какія будутъ эти спасательныя мѣры?

— Да ужъ, конечно, не новыя субсидіи да подкармливанія голодающаго и развращающагося этими подачками народа, съ усмѣшкой сказалъ графъ и прибавилъ:—слава Богу, 18-ть уже милліоновъ ухлопали на это нелѣпое дѣло... Нѣтъ, ужъ новыхъ тратъ на это не будетъ болѣе отнынѣ.

— А что же, графъ? настаивалъ я.

— О, есть многое... хотя бы раскопка и эксплоатація (такихъ-то и такихъ-то) соляныхъ пластовъ и залежей (не упомню этихъ названій), къ чему привлечется обиженное неурожаемъ населеніе, затѣмъ—расчистка и регулированіе всей площади казенныхъ лѣсовъ; ирригація безводныхъ и черноземныхъ степей.

— И облѣсеніе? вставилъ я.

— Конечно, современемъ и облѣсеніе, продолжалъ онъ все болѣе воодушевляясь,—затѣмъ устройство подъѣздныхъ желѣзнодорожныхъ путей,—кажется такъ онъ сказалъ,—и мало ли чего есть, за работой надъ чѣмъ голодающій людъ можетъ накормить себя и затрата на что правительства не будетъ для него убылью, а напротивъ...

— Не могу не выразить своего восхищенія этимъ мѣрамъ, графъ, тѣмъ болѣе, что (какъ вы услышите изъ моей записки) онѣ предусмотрѣны и въ моей системѣ; я съ радостью вѣрю въ благодѣтельность этихъ мѣръ: онѣ, безъ сомнѣнія, парализуютъ грозное впечатлѣніе голода, которымъ угнетена не только масса пострадав-

шаго отъ нынѣшняго неурожая населенія Юго-Восточной Россіи, но и все русское общество...

— Повторяю, опять началъ графъ,—что мнѣнія о голодѣ, постигшемъ будто-бы Россію, вздуты и крайне преувеличены...

Тутъ графъ привелъ нѣсколько цифръ, выражающихъ нормальный (общій) сборъ хлѣбовъ въ имперіи (въ четвертяхъ), привелъ максимальную цифру четвертей общаго урожая, раздѣляя эту цифру на части, идущія на мѣстное годовое продовольствіе, на запасъ, на вывозъ за границу и сопоставивъ съ этимъ цифру нынѣшняго урожая, вывелъ минусъ недобора, очень значительный и по его мнѣнію, но, принимая въ счетъ имѣющіеся запасы прошлыхъ лѣтъ въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи, онъ очень опредѣленно и логично отвергъ трагическій характеръ нынѣшняго неурожая. Я не могу въ подробности привести эту часть разговора, такъ какъ не могъ удержать въ памяти цифръ.

Въ заключеніе графъ выразилъ, что впечатлѣніе нынѣшняго неурожая было-бы еле замѣтно, еслибы нашъ рубль былъ рублемъ.

— Вотъ гдѣ и въ чемъ наше истинное горе! Даешь рубль, а его принимаютъ чуть что не за полтинникъ...

— Но, графъ, рѣшился сказать я, — всѣ мѣры, о которыхъ вы изволили говорить, суть палліативы, могущіе ослабить наступившій неурожайный пароксизмъ; вѣроятно, и вы смотрите на нихъ не иначе, ими не излечить коренныхъ причинъ болѣзней, порождающихъ такіе пароксизмы.

— Съ Божьей помощью мы и до основныхъ причинъ доберемся. Да вотъ, оживленно сказалъ онъ, — посмотрите...

Тутъ онъ взялъ со стола одинъ изъ синихъ большихъ пакетовъ, при мнѣ только что полученныхъ и вскрытыхъ имъ. Изъ пакета вынулъ нѣсколько отчетливо и убористо исписанныхъ тетрадей.

— Теперь возвращаются назадъ сенаторы, дѣлавшіе по губерніямъ ревизіи, вотъ ихъ труды (указалъ онъ на кучу такихъ же большихъ пакетовъ на столѣ).—Вотъ при васъ доставлено отъ сенатора Шамшина, смотрите... (и сталъ читать заголовки тетрадей):

„Продовольственныя средства крестьянъ (такого-то) уѣзда или волости“.

На второй тетради:

„О крестьянскихъ надѣлахъ“ и т. п., прочелъ онъ нѣсколько заглавій.

— Вотъ этимъ путемъ мы доберемся и до основныхъ причинъ болѣзней...

Такъ и чесался у меня языкъ высказать свое сомнѣніе по поводу пресловутыхъ „сенаторскихъ ревизій", да не посмѣлъ послѣ отчетливо выраженной графомъ вѣры въ нихъ; а всетаки не удержался и сказалъ:

— Да чуть-ли не самая главная изъ искомыхъ причинъ только что съ такой яркостью выразилась въ недавнемъ процессѣ здѣшняго уголовнаго суда, по дѣлу судившихся крестьянъ гр. Бобринскаго...

Глаза графа ярко сверкнули при этой моей фразѣ.

— О, съ какимъ восторгомъ я дождался ихъ оправдательнаго вердикта!..

— Вотъ, кстати, графъ, сказалъ я,—не позволите-ли сдѣлать вамъ вопросъ: что дѣлать этимъ обѣленнымъ и оправданнымъ крестьянамъ? Вѣдь имъ нѣтъ иной дороги, какъ войти снова въ тѣ же самыя условія созданнаго для нихъ быта, который уже довелъ ихъ до преступленія и до скамьи подсудимыхъ... (Я замеръ отъ ожиданія отвѣта графа).

Онъ на моментъ задумался.

— Да вѣдь подобный вердиктъ—палка о двухъ концахъ.

— А если спина, по которой попадетъ сія метафорическая палка, не ощутительна, рѣшилъ возразить я, — что тогда дѣлать этимъ оправданнымъ крестьянамъ?

— Ну, какъ не ощутительна! Вѣдь этотъ фактъ возбуждаетъ общественное негодованіе, а вѣдь общественное мнѣніе—сила!

— Да, конечно, но это сила отвлеченная, не реальная и потому вовсе не дѣйствительная для людей не щекотливыхъ, чему мы видимъ столько примѣровъ въ аграрной передрягѣ, происходящей теперь въ Ирландіи... Вотъ если бы сила общественнаго мнѣнія могла бы его „бойкотировать"...

— Что вы сказали?

— Отлучить отъ себя, какъ сдѣлали ирландцы, лигитинеры, отлуча Бойкота...

— А, знаю... усмѣхнулся графъ. — Нину! произнесъ онъ междометіе, и на томъ неоконченный разговоръ этотъ оборвался.

Но я продолжалъ его въ иномъ направленіи:

— Однако-жъ, есть средства, обойдя даже нужду въ возбужденіи общественнаго мнѣнія, а также и мѣры „бойкотированія" устроить по новому судьбу крестьянъ, въ чемъ и состоитъ моя система...

— По французской мѣркѣ? насмѣшливо прервалъ графъ.

— О, нѣтъ! смѣю увѣрить васъ въ противномъ и даже настолько, что еслибы вы нашли хотя намекъ въ моей системѣ „земельной реформы“ на что-либо чужое, не русское, то я готовъ бы себя обречь повѣшенію на любомъ фонарѣ противъ вашихъ оконъ.

Онъ улыбнулся слушая.

— Напротивъ, продолжалъ я, — могу увѣрить васъ, что моя идея покоится на старо-древнихъ народно-государственныхъ россійскихъ традиціяхъ и, будучи вполнѣ независимой отъ формы правленія, во всякомъ случаѣ, должна служить не къ послабленію, а къ утвержденію и усиленію государственной власти правительства...

— Да, да! серьезно и вопросительно сказалъ онъ.— Въ такомъ случаѣ еще разъ предлагаю вамъ на выборъ: оставить ли вашу третрадку мнѣ на ночь для прочтенія, чтобы, познакомясь съ ней заранѣе, удобнѣй было бы говорить и судить о вашей идеѣ, или вы обождете, когда у меня будетъ первый свободный вечеръ, когда я приглашу васъ и прочесть и поговорить?

Я остановился на послѣднемъ. Затѣмъ разговоръ обратился на настоящую дѣятельность министра. Такъ-же просто и безъ малѣйшей эффектаціи графъ сообщилъ мнѣ о томъ, какъ онъ чувствовалъ себя не готовымъ къ многотруднымъ и тяжкимъ обязанностямъ въ моментъ, когда государю угодно было призвать его къ этой дѣятельности...

— Едва совладалъ съ собой, едва не растерялся... простодушно и искренно сказалъ онъ.

Эта откровенность и человѣчность приводили меня въ восторгъ.

— Знаете, продолжалъ онъ,—при началѣ, мнѣ, неподготовленному, пришлось разомъ бороться со столькими противными и сильными теченіями, что я чуть не спасовалъ, боясь, что не выгребу...

— Графъ, не удержался наконецъ я,—не хотѣлъ бы я казаться льстивымъ, но не могу не высказать вамъ своего правдиваго восторга тому, что вы въ труднѣйшую и тяжелую пору общественнаго унынія и страха— такъ выгребли...—тутъ я всталъ со стула,—выгребли съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что вамъ въ ножки слѣдуетъ кланяться...—сказалъ я, да и струсилъ:—не похоже-ли это на хамское низкопоклонство, на лесть предъ силой, властью? Такъ струсилъ за собственное

достоинство, что чувствовалъ, какъ покраснѣлъ, я растерялся и разомъ сѣлъ.

Графъ молчалъ, потупя глаза и думалъ. Боже мой, какъ я раскаявался въ этотъ моментъ за вылетѣвшую фразу! А вѣдь сказалъ ее отъ чистѣйшаго сердца и по искреннему убѣжденію...

Что думалъ въ этотъ моментъ Лорисъ-Меликовъ, сей новый человѣкъ, Христосъ его вѣдаетъ!.. Только-бы не заподозрилъ меня въ гнусной лести!..

Прошло нѣсколько мгновеній въ молчаніи. Наконецъ, графъ прервалъ молчаніе:

— А много дѣла... много впереди...

— Въ городѣ ходитъ слухъ, будто здоровье ваше не выноситъ здѣшняго климата, что будто вы назначены на постъ Кавказскаго намѣстника. вмѣсто в. к. Михаила Николаевича? Правда-ли это?

— Неправда, прямо отвѣтилъ онъ и снова весело и ласково взглянулъ на меня.

— Мнѣ невозможно разбирать климаты и положительно некогда хворать... А; кстати—перемѣнилъ онъ тонъ,—вы дѣлали памятникъ моему дядѣ—кажется, такъ онъ сказалъ—на Кавказѣ, князю Аргутинскому, вотъ ему? подвелъ меня къ стѣнѣ и указалъ на большую фотографію въ рамѣ.

— Нѣтъ, графъ, не я, и я не знаю, кто.

— Но вы дѣлали маленькую статуетку его, что у генерала Исакова?

— Тоже не я.

— А я почему-то приписывалъ это вамъ, она мнѣ очень нравится. Не можете-ли для меня сдѣлать такой-же экземпляръ, я вамъ дамъ письмо къ генералу Исакову?

— Я съ большимъ бы удовольствіемъ, графъ, и генерала Исакова я давно лично знаю, но...

— Что же „но"?

— Но это было-бы нарушеніемъ интереса автора этой статуетки...

Не успѣлъ я еще кончить эту фразу, какъ онъ торопливо положилъ мнѣ одну руку на плечо, а другой взялъ мою руку:

— Охъ, родной, благодарю васъ... это у меня изъ ума вонъ...

— Я побуду, графъ, у генерала Исакова и узнаю, кто авторъ статуетки, и затѣмъ, если вамъ угодно, повидаюсь съ нимъ и передамъ ваше желаніе; если же автора нѣтъ въ живыхъ, тогда другое дѣло...

— Еще разъ благодарю...

Тутъ я вспомнилъ, не злоупотребляю-ли я временемъ и любезностью хозяина, хотя онъ ничѣмъ не далъ этого замѣтить. Я взялъ свои шляпу и тетрадку и сдѣлалъ видъ, что желаю откланяться, но онъ еще задержалъ меня одну-двѣ минуты, спросивъ:

— А гдѣ ваша мастерская, художникъ?

Я отвѣчалъ, что здѣсь, въ городѣ эту зиму нѣтъ, а что съ весны я дезертирую въ Парижъ, гдѣ уже нанята постоянная квартира и отдѣлывается мастерская.

— Вотъ какъ! удивился онъ:—а почему?

— Долго говорить, графъ, а я и такъ отнялъ у васъ слишкомъ много времени...

— Но вѣдь вы здѣсь на службѣ?

— Да, графъ, но откуда вы это знаете?

— Отъ вашего товарища, художника Айвазовскаго, который, какъ и вы, тоже въ морскомъ вѣдомствѣ.

— Отъ этой службы, графъ, мнѣ ни тепло, ни холодно, т. е. скорѣе холодно, ибо я, считаясь 22 года на коронной службѣ, послѣдній десятокъ лѣтъ не получаю ни жалованья, ни содержанія, ни заказовъ, ни повышеній... Но не думайте, пожалуйста, что этимъ я жалуюсь вамъ: я лишь поясняю, что дезертирую за границу и оставляю здѣшнюю службу, потому что представляю собою зерно, раздавленное жерновомъ.

— Вотъ какъ! удивился графъ, внимательно и серьезно взглянувъ мнѣ въ глаза.

Не понялъ я, что означалъ этотъ взглядъ... Но, во всякомъ случаѣ, фразѣ моей было придано значеніе...

Я сталъ было прощаться, да вспомнилъ:

— Мною сдѣлана въ настоящее время статуя императрицы Екатерины II-й, копія съ моей же статуи, что здѣсь на Невскомъ, на памятникѣ. Эту копію сдѣлалъ я тоже для памятника въ г. Ирбитѣ. У насъ обычай, всякій публичный памятникъ, передъ отливкой его изъ металла, представлять на воззрѣніе государя въ гипсѣ. Позвольте просить васъ, графъ, доложить Его Величеству: желаетъ ли онъ осмотрѣть статую и, если желаетъ, то угодно-ли Его Величеству, чтобы я выставилъ ее въ одной изъ залъ вокзала Николаевской желѣзной дороги, гдѣ удобнѣе будетъ смотрѣть ее государю, нежели въ частномъ литейномъ заводѣ Моранда?

— Хорошо, я завтра доложу государю.

— Итакъ, продолжалъ онъ любезно, подавъ мнѣ на прощанье руку,—до свиданья, я вскорѣ приглашу васъ.

— Когда мнѣ ждать этого приглашенія, ваше сіятельство, черезъ недѣлю? спросилъ я наугадъ.

— Вѣроятно и ранѣе, дней черезъ пять, проговорилъ онъ, ласково провожая меня глазами.

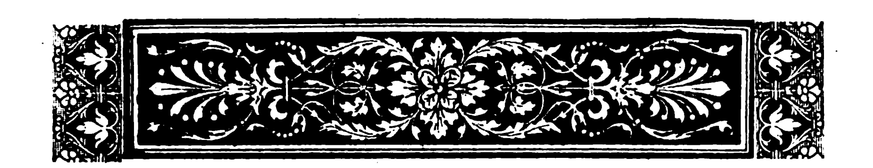
На томъ я и вышелъ.

Заѣхавъ къ знакомымъ за дѣтьми, возвратился домой въ началѣ 12-го часа ночи; а на завтра, т. е. на самое Рождество, 25-го декабря, сѣлъ за эту тетрадку, чтобы на свѣжей памяти записать первую свою бесѣду съ этимъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Много на моей памяти есть встрѣчъ съ высокопоставленными людьми, слѣдовало-бы ихъ на досугѣ записать, хотя бы начиная съ покойнаго Николая I Павловича, Маріи и Елены Павловны, съ покойнымъ наслѣдникомъ и со всѣми живыми нынѣ членами императорской фамиліи, а въ особенности съ государемъ Александромъ Николаевичемъ; но эти встрѣчи не идутъ въ сравненіе. Изъ ряда же министровъ и иныхъ высшихъ властей не царскаго рода, съ которыми судьба сводила меня въ болѣе или менѣе близкія, а часто даже въ очень нервныя, а изрѣдка и въ дружескія сношенія, эти сношенія ни съ кѣмъ не начинались такъ просто и человѣчно, какъ съ очаровательнымъ Михаиломъ Таріеловичемъ Лорисъ-Меликовымъ. У него чуется огонь, энергія... замѣтно, что изъ его тучи легко могутъ вылетать и громы, и молніи, и блистать лучистое солнце! Ровно ничего не жду я отъ него для себя, лично. Не знаю, можетъ и дѣло, по которому я сошелся теперь съ нимъ, не заслужитъ его протекціи, и это было бы для меня горькимъ впечатлѣніемъ; но все равно, отъ этого мнѣніе о немъ не измѣнится и оно таково, что если ждать намъ (Россіи) отъ кого-либо чего хорошаго, то это единственно отъ него...

Сегодня, когда пишу я эти строки, приглашенія его я еще не получилъ.

29 декабря 1880 г. СПБ.



ВЕНЕЦЕЙСКАЯ ЛАГУНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*).

Чуть брезжилъ разсвѣтъ надъ уснувшей лагуной, когда Шоринъ еще темными уличками и переулками, проходя черезъ площади и площадки, мосты и мостики, достигъ, наконецъ, посольскаго дворца.

Подходя къ дому, онъ тотчасъ же замѣтилъ у высокой pili, столба, торчавшаго изъ воды подъ его окномъ, гондолу, мирно и неподвижно стоявшую на сонныхъ водахъ канала.

Гондола привлекла его вниманіе. Это была та же лодка, которую онъ уже видѣлъ въ первый день своего пріѣзда въ Венецію, и о владѣльцѣ которой вспомнилъ въ эту ночь у Лючіетты.

Любопытство его было крайне возбуждено, и онъ, недолго думая, осторожно вошелъ въ гондолу.

На днѣ ея, подъ балдахиномъ, подложивъ подъ голову одну изъ подушекъ, снятыхъ со скамьи, дремалъ человѣкъ. Но лица его не было видно, такъ какъ оно было прикрыто плащемъ.

Шоринъ почувствовалъ вдругъ приступъ злости. Что нужно было этому человѣку подъ окнами его комнаты? Зачѣмъ онъ слѣдитъ за нимъ?

И Шоринъ рѣшилъ немедленно узнать все.

Онъ ощупалъ на всякій случай свой поясъ: кинжалъ, который онъ не переставалъ носить изъ предосторожности со дня представленія въ театрѣ, былъ при немъ.

Тогда онъ растолкалъ незнакомца. Человѣкъ быстро

поднялся съ своего жесткаго ложа и еще быстрѣе поспѣшилъ надѣть маску. Внутри лодки было совсѣмъ темно, и Шоринъ не могъ разглядѣть его лица.

— Что тебѣ надо и кто ты? крикнулъ владѣлецъ лодки.

— Напротивъ, я хочу знать, кто ты и что *тебѣ* надо? отвѣтилъ Шоринъ.

Но человѣкъ ничего ему не сказалъ.

— Кто ты? еще разъ спросилъ Шоринъ.

— Все, что хочешь, въ зависимости отъ обстоятельствъ, наконецъ отвѣтилъ лодочникъ.

— Какъ твое имя?

— „Человѣкъ въ маскѣ". Развѣ можетъ быть имя у человѣка, который скрываетъ лицо свое подъ маской?

— Можетъ.

— Какое же? И если ты его знаешь, то мало цѣнишь свои слова, задавая пустые вопросы. Какое же у меня имя?

— Человѣкъ, который надѣваетъ маску не для карнавальнаго веселья, носитъ имя негодяя.

Тотъ засмѣялся.

— Ты не глупъ и достаточно смѣлъ. И такъ какъ ты теперь знаешь мое имя, то можешь проваливать.

— Мнѣ надо знать, для чего ты стоишь здѣсь?

— Ты очень любопытенъ.

— Согласенъ, но я жду отвѣта.

— Любопытство часто дорого обходится человѣку, который любопытствуетъ, а я не привыкъ удовлетворять дорогія прихоти даромъ.

— Вотъ какъ! Сколько тебѣ надо, негодяй?

— Это мое имя, которое я твердо знаю, а потому тебѣ нѣтъ надобности такъ часто поминать его. Цѣна зависитъ отъ твоей щедрости.

Шоринъ бросилъ ему на дно лодки нѣсколько дукатовъ. Тотъ не поднялъ ихъ, а только сосчиталъ глазами.

— Для начала недурно, хотя могло бы быть и больше.

— Такъ кто же ты, наконецъ?

— Я шпіонъ, отвѣтилъ онъ просто.

— Шпіонъ? удивился Шоринъ.

— Да, шпіонъ. Насъ много и мы состоимъ на негласной службѣ у правительства. Правительство къ каждому иноземцу приставляетъ по шпіону, если онъ не совершилъ никакого преступленія; если же совершилъ, за нимъ слѣдятъ сбиры. Я слѣжу за тобой съ перваго дня, какъ ты поселился въ Венеціи. Я знаю, гдѣ ты бывалъ, съ кѣмъ знаешься и что дѣлаешь. Сей-

часъ ты возвращаешься отъ Лючіетты, танцовщицы Санъ Кассіано.

— Ты это знаешь?! вскрикнулъ Шоринъ въ полномъ изумленіи.

— Да, я это знаю. Я самъ тебя привезъ къ ней, и гондола моя стояла подъ балкономъ ея дома. Тебя можно поздравить съ успѣхомъ. Я тебя ждалъ, но ты былъ тамъ такъ долго, что я соскучился. Тогда я рѣшилъ уплыть и подождать тебя здѣсь. Ты думаешь, можетъ быть, что я попался и что ты нечаянно накрылъ меня?

— Думаю.

— И ошибаешься. Я тебя ждалъ. Если бы я не хотѣлъ, тебѣ бы никогда не накрыть меня. Но я зналъ, что, увидя мою лодку, ты войдешь ко мнѣ. Любопытные люди вездѣ одинаковы на свѣтѣ. Видишь ли, продолжалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ и безстрастнымъ голосомъ, — всякій иноземецъ, проведшій ночь въ домѣ Лючіетты, остается въ нашемъ городѣ надолго, если не навсегда, и если его не вышлютъ отсюда, какъ выслали этого бѣднаго Краона, мѣсто котораго ты заступилъ.

— Ты и объ этомъ знаешь?

Человѣкъ усмѣхнулся.

— Я знаю о многомъ.

— О чемъ еще?

— О многомъ. Твои посланники должны уѣхать, а ты не хочешь уѣзжать, а хочешь остаться. Они готовятся къ отъѣзду и весь вечеръ и часть ночи проискали тебя. Я бы могъ имъ указать, гдѣ ты, но старикъ вашъ не понялъ меня и, кажется, даже выбранилъ на своемъ языкѣ. Кромѣ того, я подумалъ, что, можетъ быть, мнѣ выгоднѣе стать на твою сторону.

— Неужели? Какъ же ты можешь быть на моей сторонѣ, когда ты служишь правительству?

— Ахъ, это все равно. Я служу правительству, пока оно платитъ деньги. Но если мнѣ будутъ платить больше, какая цѣль мнѣ служить правительству?

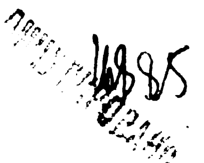
Шоринъ засмѣялся, до того поразило его спокойствіе и убѣжденность тона, которымъ говорилъ этотъ человѣкъ.

— Итакъ, если я буду платить тебѣ, то...

— То я буду служить тебѣ.

— И будешь, конечно, получать деньги и отъ правительства въ то же время?

— Буду... чтобы не возбуждать его подозрѣній. Это даже въ интересахъ моей службы тебѣ.



— Скажи, сдѣлай милость, васъ такихъ много въ городѣ?

— Есть-таки.

— Что же вы за люди?

— Полезные всякому влюбленному человѣку.

— И васъ не преслѣдуетъ правительство?

— Нѣтъ. Оно насъ боится.

— Вотъ какъ! Есть, значитъ, кого боится и венецейское правительство... Для чего же я буду платить тебѣ? Что ты можешь мнѣ сдѣлать?

— Многое.

— Напримѣръ?

— Весьма многое. Мы всемогущи. Мы можемъ спасти человѣка отъ преслѣдованія сбировъ. Это уже не мало. Мы можемъ похитить среди дня женщину. И то вѣдь недурно? Мы можемъ доставать у венеціанскихъ жидовъ, населяющихъ гетто, деньги нуждающемуся, но, конечно, подъ хорошіе проценты. Мы можемъ устранить съ твоего пути неудобнаго человѣка, отправивъ его на дно нашей лагуны; можемъ скрыть человѣка въ городѣ, чтобы его не нашли никакіе сбиры; можемъ человѣку, который жаждетъ любви, отыскать эту любовь.

— Хорошія занятія! Что же стоитъ, напримѣръ, отправить человѣка на дно лагуны?

— Это зависитъ отъ человѣка, который проситъ объ этомъ, и отъ человѣка, котораго надо отправить. Отъ двадцати дукатовъ и больше, въ зависимости отъ трудности дѣла.

— Ты наемный убійца?

— Иногда насъ называютъ такъ, но мы называемъ себя полезными людьми для общества.

— Какую же пользу вы приносите?

— Мы уничтожаемъ слабыхъ и даемъ мѣсто сильнымъ. Мы, въ этомъ отношеніи, живыя силы природы. Вѣдь природа поступаетъ такъ же. Если двумъ людямъ тѣсно въ городѣ,—одинъ долженъ исчезнуть. Мы облегчаемъ задачу природы, взявъ на себя часть ея работы.

Шоринъ присѣлъ на скамью. Этотъ человѣкъ интересовалъ его.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ,—и съ тобой говорить занятно, но я не вижу, чѣмъ ты мнѣ можешь быть полезенъ? Сбиры меня не преслѣдуютъ, денегъ мнѣ не нужно, любви я не ищу... такой, за которой слѣдовало бы обращаться къ тебѣ. Убивать мнѣ тоже некого.

— Но развѣ тебѣ не нужно скрыться отъ твоихъ

пословъ? Они уѣзжаютъ отсюда черезъ день. Ты имъ нуженъ, и они ищутъ тебя. Если они не найдутъ тебя, то обратятся къ сбирамъ, а сбиры, будь, пожалуйста, увѣренъ, найдутъ тебя, гдѣ бы ты ни скрылся... если только не скрою тебя я. Вспомни чернаго человѣка, который обокралъ Краона? Они нашли его. Нашли, потому что черный человѣкъ былъ скупъ какъ дьяволъ и не обратился къ намъ за помощью. Вспомни Николо, который осужденъ и приговоренъ къ смерти?

— Такъ что же? Онъ вѣдь скрылся, потому что его не могутъ найти?

— Онъ здѣсь. И даже разгуливаетъ по городу. Мы спрятали его и охраняемъ отъ сбировъ.

— Онъ здѣсь?! И онъ не боится? спросилъ Шоринъ, вспомнивъ объ ужасномъ приговорѣ.

— Ему нечего бояться, пока онъ подъ нашимъ покровительствомъ.

— Но за что же вы помогаете ему? У него вѣдь нѣтъ денегъ.

— Но у него есть богатый отецъ.

— Отецъ его живъ.

— Что такое жизнь? загадочно произнесъ брави.— Жизнь есть временное благо.

— Вы убьете старика?

Брави засмѣялся.

— Мы никого не убиваемъ. Мы только облегчаемъ переходъ отъ временной жизни къ вѣчной. Мы—источники вѣчной жизни. Но старикъ можетъ умереть и безъ нашей помощи, осторожно прибавилъ онъ.—Тогда Николо сдѣлается богатъ; мы же позаботимся объ этомъ, чтобы капиталъ старика не исчезъ, и онъ, Николо, вознаградитъ насъ за всѣ наши хлопоты. Если хочешь, синьоръ Джіованни, я могу тебя въ этой же гондолѣ доставить сейчасъ въ вѣрное мѣсто; завтра—уже будетъ поздно. Твои вещи я тоже доставлю тебѣ, потому что... вотъ взгляни...

Онъ указалъ пальцемъ на что-то прикрытое въ глубинѣ навѣса гондолы.

— Что это? спросилъ Шоринъ.

— Это твои вещи.

— Какъ? вскрикнулъ Шоринъ.—Мои вещи!? Откуда ты ихъ добылъ?

— Во-первыхъ, не кричи. Свѣтаетъ, и скоро городъ проснется. А взялъ я ихъ изъ твоей комнаты.

— Но комната была заперта.

— Но окно открыто.

— Оно высоко.

— Не настолько, чтобы этого нельзя было перекинуть въ него.

Онъ указалъ Шорину на веревочную лѣстницу, сложенную на скамейкѣ.

Шоринъ возмутился.

— Но какъ же ты смѣлъ! Развѣ я просилъ тебя объ этомъ?

— Наши услуги тѣмъ и дороги, что мы не ожидаемъ просьбъ и предупреждаемъ желанія. Человѣкъ, которому мы служимъ, можетъ ѣсть, пить, спать и веселиться спокойно, ни о чемъ не думая, ничего не опасаясь. Мы за него думаемъ и дѣйствуемъ.

— Но ты мнѣ еще не служишь, возразилъ Шоринъ.—И, можетъ быть, я хочу уѣхать.

— Тогда возьми свои вещи. Мнѣ чужого не нужно: мы—честные люди.

— Честные люди!

— Да, честные люди. Но, я знаю, что ты не хочешь уѣхать. Ты не можешь уѣхать. Отъ любви такой женщины, какъ Лючіетта, никто еще не отказывался. Я знаю человѣческое сердце.

— О, ты много знаешь, какъ я вижу.

— Да, да, многое. Однако, время идетъ, солнце близко къ восходу. Рѣшай.

Шоринъ схватилъ голову обѣими руками и задумался. Думы его были продолжительны и глубоки, и брави не мѣшалъ ему.

Шоринъ тщетно вопрошалъ свое сердце, свой умъ... Онъ не получалъ отвѣта. Онъ зналъ, что ему лучше уѣхать, но у него не было силъ на это. Вспомнилась ему только что мелькнувшая ночь, милый, обворожительный образъ Лючіетты, ея взоры, поцѣлуи и пляски; вспомнились ему ея горячія ласки и страстныя объятія. И ея слова о томъ, что она никого не любитъ, не любитъ и его. Такъ что жъ? Лучше прожить мѣсяцъ, да такой жизнью, чѣмъ влачить пасмурное существованіе до смерти, безъ огня ея ласки, безъ свѣта ея, хоть бы и призрачной, любви. Все это смутно всплывало въ его сознаніи и голова его кружилась отъ этихъ смутныхъ думъ. Но какъ же Посниковъ и Чемодановъ и вся ихъ челядь уѣдутъ безъ него? Не пропадутъ!—рѣшилъ онъ. Обойдутся какъ-нибудь! Да и какое ему дѣло до нихъ, до всего свѣта? Ахъ, эта Венеція! Недаромъ онъ такъ стремился къ ней, всей душой рвался въ этотъ городъ чудесъ и грѣховной любви, въ это лоно порока. Неда-

ромъ онъ боялся его! И вотъ, теперь онъ на распутьи: онъ чувствуетъ, какъ все доброе, все взлелѣянное въ его душѣ съ дѣтства, родиной, быстро отступаетъ отъ него и какъ все злое, весь ядъ, которымъ пропитанъ воздухъ этого города, входитъ въ него. Гдѣ его дѣтская, чистая вѣра? Гдѣ страхъ грѣха и боязнь Бога? Ничего этого нѣтъ! Осталась одна страсть къ женщинѣ, которую онъ едва знаетъ, больная, разнузданная страсть, которая навѣрное приведетъ его къ гибели... Но другого выхода нѣтъ, потому что темная сила, которую люди называютъ любовью, покорила, обезсилила его волю и онъ не въ состояніи побороть въ себѣ эту страсть.

Вотъ онъ сидитъ въ этой воровской лодкѣ, рядомъ съ человѣкомъ, котораго бы, на его родинѣ, немедленно отправили на плаху, и этотъ человѣкъ почти держитъ его въ своей власти, и онъ почти уже готовъ отдаться ему въ кабалу. Что будетъ дальше? Что бы ни было, онъ чувствуетъ, что рѣшеніе его созрѣло... Одну минуту, казалось, проблескъ сознанія вернулся къ нему, совѣсть его пробудилась. Онъ спокойно вернется домой, выйдетъ изъ этой лодки, чтобы никогда не вернуться въ нее больше. И никогда нога его не будетъ въ Венеціи...

И въ этотъ рѣшительный моментъ онъ услыхалъ дьявольскія слова человѣка въ маскѣ:

— Развѣ вы, сеньоръ, не обѣщали Лючіеттѣ быть завтра въ соборѣ св. Марка, чтобы слушать проповѣдника? Я самъ это слышалъ черезъ раскрытыя окна.

Шоринъ вздрогнулъ съ головы до ногъ.

Да, онъ обѣщалъ ей это. И это ничтожное обстоятельство сломило его волю.

— Тебѣ какое дѣло? Ѣдемъ.

Человѣкъ въ маскѣ мгновенно вышелъ изъ-подъ навѣса, молча сталъ у кормы и началъ грести.

Гондола медленно отплыла отъ посольскаго дворца.

Шоринъ кинулся на подушки и закрылъ глаза рукою. Изъ нихъ текли слезы. Это были его первыя слезы горя, первыя сознательныя слезы, съ тѣхъ поръ какъ онъ помнилъ себя.

Онъ плакалъ о своей загубленной жизни, о своей странной судьбѣ. Одинокій, далеко заброшенный отъ родины, къ которой онъ давно охладѣлъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ обасурманился, по выраженію Посникова, въ Нѣмецкой слободѣ, въ якшаніи съ чужеземцами,—кто знаетъ, что его ожидаетъ здѣсь, на чужбинѣ? Выгодно проданные товары дадутъ ему возмож-

ность жить здѣсь долго и безбѣдно. Но потомъ? И каждый разъ, какъ этотъ грозный вопросъ вставалъ передъ нимъ, онъ безпомощно и слабо отстранялъ его изъ своего сознанія, какъ человѣкъ, отмахивающійся отъ назойливой мухи, приставшей къ нему. Далекія и блѣдныя тѣни родины вставали передъ нимъ, въ черной глубинѣ навѣса гондолы, уносившей его въ невѣдомую даль жизни, какъ тогда на голландскомъ кораблѣ, въ одну изъ его безсонныхъ ночей, въ страстномъ ожиданіи Венеціи...

Гондола плыла по мрачнымъ, узкимъ и грязнымъ каналамъ; дома становились все мельче, все ничтожнѣе, все ниже. Прошла гондола уже подъ нѣсколькими горбатыми мостами, со сводовъ которыхъ капала сырость и камни которыхъ были осклизлы и покрыты бѣловатой плѣсенью. Съ поверхности воды подымался утренній туманъ, осторожный какой-то, нерѣшительный, низко стлавшійся по застывшей въ ночномъ холодѣ водѣ. Но, несмотря на рѣзкій утренній воздухъ, въ немъ чувствовалось какое-то нѣжное дуновеніе весны, еще далекой, еще не родившейся и вмѣстѣ съ тѣмъ близкой и неизбѣжной.

И съ каждой волной этого воздуха сердце Шорина билось сильнѣе и кровь заливала его щеки.

— Погибъ, погибъ, шепталъ онъ, какъ будто онъ не имѣлъ уже больше возможности вернуться,—погибъ... но ради нея, ради Лючіетты!..

Ахъ, одно имя это заставляло больно сжиматься его сердце.

Послѣдняя звѣзда исчезла съ блѣднаго предразсвѣтнаго неба и новый день загорался новой, чуть-чуть розовой зарей.

Для Шорина тоже наступала заря новой жизни, но какая печальная, угрюмая заря, несмотря на всѣ радости, которыя она ему сулила!..

Съ кампанилы далекой церкви раздался ударъ колокола, призывавшаго набожныхъ людей къ ранней молитвѣ; но набожныхъ людей, очевидно, не было въ Венеціи объ эту пору ея паденія, потому что городъ спалъ глубокимъ сномъ.

Шоринъ набожно перекрестился, услышавъ этотъ первый призывъ благовѣста. Ему казалось, что окна домовъ, мимо которыхъ они плыли, смотрятъ на него не то насмѣшливо, не то укоризненно. И ему дѣлалось все болѣе и болѣе жутко.

— Какъ тебя звать? спросилъ онъ у человѣка въ

маскѣ, который управлялъ гондолою молча, не желая нарушать молчаливаго настроенія своего спутника.

Но Шорину требовался человѣческій голосъ, что-нибудь живое, что могло бы отвлечь его отъ мертвыхъ думъ, даже голосъ этого бандита.

— Зови меня Гвидо, сказалъ брави и снялъ съ лица маску.

Теперь ему нечего было скрывать свое лицо, которое имѣло суровое и жестокое выраженіе. Черныя брови были тѣсно сдвинуты надъ глазами и въ глазахъ его, черныхъ какъ угли, горѣлъ зловѣщій огонекъ, а на губахъ блуждала насмѣшливая улыбка.

„Да, этотъ человѣкъ", подумалъ Шоринъ,—„ни надъ чѣмъ не задумается. У него нѣтъ человѣческихъ чувствъ, у него нѣтъ сердца".

Гвидо заговорилъ.

— Нашъ городъ похожъ на западню, сказалъ онъ,— люди ходятъ по немъ спокойно, но вдругъ проваливается нога и человѣкъ—въ западнѣ. Ему уже не выбраться, и онъ погибаетъ. Въ особенности онъ опасенъ для чужеземцевъ. Наши женщины—единственныя въ мірѣ. Бѣда у кого страстное сердце, молодые годы и слабая воля. Тотъ погибнетъ.

— Каркай, проклятая птица! сказалъ Шоринъ порусски.

— Ты говоришь что-то?

— Нѣтъ, ничего.

Они подплывали къ отдаленнѣйшей окраинѣ города.

Тянулись по сторонамъ какіе-то длинные, безконечные заборы; дома попадались все рѣже и рѣже и были похожи на жалкія лачуги, каналъ сталъ такимъ узенькимъ, что, казалось, гондола вотъ-вотъ застрянетъ въ немъ и не пойдетъ дальше.

— Много на твоей совѣсти человѣческихъ жизней? вдругъ спросилъ у него съ ненавистью Шоринъ, потому что ему дѣлалось страшно.

— На моей совѣсти? усмѣхнулся Гвидо.—Ни одной. Онѣ, должно быть, на небѣ, а не на моей совѣсти.

— Негодяй!

— Ты уже говорилъ мнѣ это. Не совѣтую тебѣ часто повторять это слово.

— Ты мнѣ грозишь? яростно вскрикнулъ Шоринъ, хватаясь за кинжалъ.

— О, нѣтъ! засмѣялся тотъ.—Грозить можно тому, кого боишься. Я не боюсь тебя. Но только это ужъ вовсе не такое красивое слово, чтобы его стоило такъ

часто повторять. Зови меня, просто, безъ этого пышнаго титула, Гвидо. Но вотъ мы и дома.

Гондола причалила къ небольшому одноэтажному домику объ одно окно; каменный заборъ, полуразвалившійся уже отъ времени, почти скрывалъ его со стороны канала. Въ заборѣ была калитка, наглухо запертая.

Гвидо издалъ пронзительный свистъ. Черезъ нѣсколько минутъ калитка отворилась и изъ нея вышла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, худенькая, блѣдная, черноглазенькая и черноволосая.

Она съ радостнымъ крикомъ кинулась на шею Гвидо и обвила ее своими тоненькими рученками.

Шоринъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Этотъ разбойникъ, отправлявшій людей въ лучшую жизнь, не задумываясь о совѣсти и грѣхѣ, имѣлъ дочь, прелестнаго ребенка и любилъ онъ ее, видимо, беззавѣтно. Глаза его сдѣлались добрыми, сурово сдвинутыя брови раздвинулись и нѣжная, ласковая улыбка появилась на его губахъ, въ то время, какъ онъ страстно и нѣжно цѣловалъ дѣвочку и гладилъ ее по головкѣ.

— Bambina mia! шепталъ онъ.—О, моя крошка Энрика! Какъ твой папа соскучился о тебѣ... Поцѣлуй меня еще разъ... вотъ такъ, мой ангелъ... вотъ такъ! Еще разъ! Это моя дочь,—сказалъ онъ Шорину,—бѣдная сиротка безъ мамы. Мама ея умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вотъ для нея я и работаю. Энрика, ангелъ мой! Вотъ тебѣ новый гость. Спрячь его подальше, да ухаживай за нимъ получше. Проводи его... куда ты знаешь, а я заберу его вещи и принесу.

Ребенокъ довѣрчиво взялъ Шорина за руку и повелъ его черезъ калитку въ домъ.

XII.

Соборъ св. Марка, возведенный на мѣстѣ прежней церкви св. Θеодора, Нарзесомъ, былъ выстроенъ въ IV вѣкѣ, послѣ перенесенія мощей этого патрона Венеціи въ городъ. Въ 976 году, послѣ пожара, уничтожившаго базилику, былъ возведенъ настоящій соборъ; мраморъ и другіе матеріалы для постройки привозились венеціанскими кораблями изъ Константинополя и съ островов Архипелага, брались они изъ развалинъ антич-

ныхъ греческихъ храмовъ, почему соборъ и получилъ такой пестрый видъ и разнообразіе стилей.

На Шорина онъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе своимъ величіемъ, полумракомъ, царившимъ въ немъ, и мозаиками, которыми были покрыты своды, стѣны и полы.

Служба уже окончилась, и отецъ Мартинъ, знаменитый проповѣдникъ, посланный папой въ Венецію, взошелъ на каѳедру.

Шоринъ, переодѣтый въ венеціанскій костюмъ, который ему добылъ Гвидо, явившись въ храмъ, съ большимъ трудомъ отыскалъ Лючіетту и сѣлъ рядомъ съ нею.

Она не узнала его сначала подъ этимъ обликомъ венеціанца и вздрогнула, когда онъ шопотомъ назвалъ ея имя.

Взглянувъ на него, она улыбнулась и проговорила:

— Тебѣ очень идетъ нашъ костюмъ, ты настоящій венеціанецъ и очень красивъ. Но отчего такъ поздно? Развѣ опаздываютъ на свиданіе?

Онъ сказалъ ей, что окончательно рѣшилъ порвать съ русскимъ посольствомъ и что его задержалъ переѣздъ въ новое помѣщеніе; она не спросила куда, и онъ не сказалъ ей ничего объ этомъ. Она была въ скромномъ платьѣ, безъ всякихъ украшеній и имѣла видъ монахини; это было до того непривычно, и такъ шло къ ея грѣховной головкѣ, что Шоринъ не могъ оторвать отъ нея глазъ и тотчасъ же забылъ всѣ свои сомнѣнія и угрызенія. Она одна теперь была передъ его глазами, и въ его мечтахъ и сердцѣ. Одна она царила надъ его волей и жизнью.

Шоринъ взглянулъ съ любопытствомъ и ревностью на о. Мартина. Это былъ человѣкъ высокаго роста, лѣтъ за тридцать, но уже съ просѣдью, которая очень шла къ его молодому лицу и огненному взору.

Монахъ ожидалъ съ высоты каѳедры присутствующихъ; любителей церковныхъ проповѣдей было не много, и церковь наполовину была пуста.

Взоръ проповѣдника упалъ на Лючіетту, сидѣвшую какъ разъ противъ каѳедры; о. Мартинъ внимательно и долго посмотрѣлъ на молодую женщину, какъ бы вызывая въ своемъ воспоминаніи давно забытый образъ. Потомъ, очевидно, вспомнилъ, потому что въ глазахъ его промелькнула молнія и на уста его легла неопредѣленная улыбка.

— Смотри, онъ узналъ меня, шепотомъ сказала Лю-

чіетта.—Видно, я мало измѣнилась за эти годы,—не безъ гордости прибавила она.

— Лючіетта, я люблю тебя! сказалъ ей въ отвѣтъ Шоринъ.

— Молчи, онъ начинаетъ говорить.

И дѣйствительно, о. Мартинъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, началъ проповѣдь обычными словами:

— In nomine Patris et Filli et Spiritus Sancti.

„Я посланъ сюда нашимъ святѣйшимъ отцомъ для того, чтобы сказать вамъ, братія мои, слова истины и справедливости. До святого престола дошли слухи о великомъ паденіи нравовъ Венеціи, о томъ развратѣ, который, какъ страшная моровая язва, вошелъ въ стѣны города святого Марка и царитъ въ немъ, какъ въ древнихъ Содомѣ и Гоморрѣ, о той блудной и грѣховной роскоши, которая обуяла жителей лагунъ.

„Женскіе наряды стали столь откровенными, что нельзя безъ омерзенія и гадливости смотрѣть на ихъ носительницъ, прогуливающихся безъ сознанія своей грѣховности на площади города. Въ этихъ нарядахъ, съ накрашенными лицами и напудренными волосами, женщины ваши входятъ въ храмы божіи, въ сопровожденіи своихъ любовниковъ и чичисбеевъ. Зачѣмъ онѣ являются къ престолу Спасителя?“

Онъ метнулъ взоръ на Лючіетту и, продолжительно передохнувъ, чтобы дать слушателямъ время сосредоточиться, продолжалъ:

„Онѣ являются сюда не затѣмъ, чтобы молиться о ниспосланіи имъ скромности и умѣреннаго образа жизни, и не затѣмъ являются онѣ сюда, чтобы вымолить себѣ прощеніе въ гнусныхъ грѣхахъ. Развѣ кто изъ нихъ думаетъ о добродѣтеляхъ, долженствующихъ украшать ихъ полъ, о скромности, милосердіи и щедрости къ бѣднымъ, о цѣломудріи? Нѣтъ. Присутствуя въ церкви, онѣ думаютъ еще о тѣхъ горячихъ объятіяхъ, изъ которыхъ только что освободились, и уста ихъ, вмѣсто молитвы, шепчутъ слова любовной ласки.

„О, женщина! Вижу тебя въ домѣ твоемъ, нещадящей слова для попрековъ мужу; вижу дѣтей твоихъ, брошенныхъ на попеченіе слугъ, такихъ же развратныхъ, какъ и ты сама; вижу тебя передъ зеркаломъ, выстаивающей часами и накрашивающей себѣ щеки, брови и губы; вижу тебя вечеромъ, на улицѣ, у дверей подозрительныхъ притоновъ, на порогахъ которыхъ остаются честь, вѣра, преданность долгу. Имъ нѣтъ

входа въ капище безчестія, и добродѣтелями небрежешь ты такъ же расточительно, какъ тщательно хранишь ты свои пороки".

— Какъ хорошо ты знаешь этихъ женщинъ! вдругъ насмѣшливо сказала Лючіетта.

Проповѣдникъ на минуту примолкъ и тѣмъ же елейнымъ тономъ отвѣтилъ ей:

— Чтобы успѣшно бороться противъ зла, надо знать зло.

Но вдругъ внезапно разсердился и громовымъ голосомъ прибавилъ:

— А если ты еще позволишь себѣ такія замѣчанія, я прикажу тебя вывести!

И сейчасъ же, перейдя въ проповѣдническій тонъ, продолжалъ, какъ ни въ чемъ ни бывало:

— „Порочныя женщины! Знаете ли вы, что существуетъ небо и что Сынъ человѣческій обитаетъ его? Думаете ли вы когда-нибудь о томъ, что, живя на землѣ, вы живете временно и что, послѣ смерти, васъ ожидаетъ новая жизнь? Думаете ли вы о небѣ и о томъ, кто обитаетъ въ немъ? Нѣтъ, порочныя женщины. Вы живете въ полномъ невѣдѣніи всего этого, какъ будто вамъ предстоитъ жить вѣчно на этихъ каналахъ и въ этихъ мраморныхъ дворцахъ, прекрасныхъ снаружи и наполненныхъ гнилью и прахомъ внутри!"

Кое-гдѣ, подъ сводами обширнаго храма, раздались смѣшки.

Но о. Мартинъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ, только голосъ его зазвучалъ чуть-чуть рѣзче:

— Заботитесь ли вы о своей душѣ такъ, какъ заботитесь о тѣлѣ? Нѣтъ! Тѣло ваше вымыто и надушено и облечено въ тонкія ткани; душа ваша черна и никогда не омывается словами святого писанія; и потому смердитъ отъ нея, какъ будто весь адъ заключенъ въ ней!

„Вы ищете только земныхъ и суетныхъ благъ. И евангеліе ваше—евангеліе дьявола; ложь на устахъ, ложь въ сладострастныхъ глазахъ вашихъ, ложь въ вашихъ позорныхъ ласкахъ. Безпечны и равнодушны вы къ слову Божію и храмъ Божій такое же для васъ мѣсто свиданія, какъ и тѣ притоны, которые вы посѣщаете и въ которыхъ дѣйствуете".

— Клянусь тебѣ, Джіованни, я не лгала тебѣ, когда ласкала тебя вчера, проговорила шопотомъ Лючіетта,

обращаясь къ Шорину,—и сладострастные глаза мои не лгали, когда я смотрѣла на тебя.

Сердце Шорина замерло отъ восторга.

— Лючіетта, тихо сказалъ онъ, задыхаясь,—я люблю тебя. Ты прекрасна какъ весенній цвѣтокъ, и я люблю, люблю тебя, моя радость!

Она улыбнулась.

— Онъ такъ же говорилъ со мной, кивнувъ въ сторону проповѣдника, сказала она улыбаясь,—и почти тѣми же словами. И клялся мнѣ въ вѣчной любви у алтаря Божія, какъ теперь у алтаря Божія онъ говоритъ всѣ эти гадости о такихъ женщинахъ, какъ я. Можетъ быть и ты превратишься въ такого же ненавистника женщинъ, какъ онъ?

— Пусть покараетъ меня Господь, если это случится...

— Его онъ не караетъ, однако.

— Если вы наговорились тамъ, то я буду продолжать! громко крикнулъ въ ихъ сторону о. Мартинъ.

— Развѣ ты скажешь что-нибудь новое? раздался чей-то голосъ.—Вотъ ужъ ты болтаешь тутъ полчаса, а говоришь вѣдь все одно и то же.

Всѣ обернулись и засмѣялись.

Проповѣдникъ освирѣпѣлъ.

— Что же ты смотришь? крикнулъ онъ церковному сторожу,—и не выгонишь палкой изъ церкви это грязное и вонючее животное, которое дерзко прерываетъ меня?

Сторожъ кинулся къ женщинѣ, но за нее вступились и чуть-чуть не вышло свалки.

Между тѣмъ, точно забывъ въ одно мгновеніе объ этомъ происшествіи, о. Мартинъ продолжалъ:

— Путь вашъ покрытъ кровью, которую проливаютъ изъ-за васъ тѣ, кто борется за обладаніе вашей любовью, нечестивыя женщины. И кровь эта вопіетъ къ вамъ. Но вы глухи и слѣпы. Вамъ говорятъ и вы не слышите; вамъ указываютъ и вы не видите. Умъ вашъ не работаетъ и сердце бездѣйствуетъ, но, когда сердце бездѣйствуетъ, человѣкъ нравственно умираетъ. Если соль потеряетъ свою силу, чѣмъ она осолится? Если человѣкъ потеряетъ свое сердце, чѣмъ онъ станетъ жить? Но я скажу вамъ: бойтесь, нечестивыя женщины! Бойтесь часа возмездія, ибо часъ этотъ близокъ! И тѣло ваше, привыкши къ холѣ и нѣгѣ, къ мастямъ и благовоніямъ, къ мягкимъ пуховикамъ и подушкамъ, изнѣженное ласками и поцѣлуями, окажется безсильнымъ, дряблымъ и жалкимъ передъ страданіемъ.

Женщины смотрѣли на проповѣдника и дѣлали свои замѣчанія, перешептываясь между собою; мужчины смотрѣли на женщинъ и любезничали съ ними. Шоринъ и Лючіетта, которой надоѣла эта проповѣдь, тихо разговаривали между собою.

— Какъ я могла любить его когда-то! удивлялась себѣ Лючіетта,—и желать даже смерти, когда онъ покинулъ меня... Что было бы, если бы я повѣрила ему тогда?

Теперь проповѣдникъ говорилъ о страсти, о болѣзняхъ и смерти.

— Стоитъ ли думать о тѣлѣ и заботиться о немъ? Стоитъ ли умащать его благовоніями и украшать его? Завтра отъ тѣла ничего не останется кромѣ гноя, который превратится въ прахъ, а прахъ — въ землю. Душа—вѣчна. И тотъ, кто не бережетъ ее, преступникъ передъ собою и Господомъ. За нѣжной кожей розовыхъ ланитъ скрываются отвратительныя кости черепа. Но душа, у которой нѣтъ оболочки, нѣтъ формы, прекрасна и вѣчна. Почему же вы не хотите подумать о ней, объ этой красотѣ безъ формы? О, порочныя женщины! Внемлите моимъ словамъ! Покайтесь, ибо покаяться никогда не поздно и раскаяніе одного грѣшника дороже Господу десяти праведниковъ...

Соборъ мало-по-малу пустѣлъ. Выходили изъ него парочками: кавалеръ провожалъ даму.

— Уйдемъ! сказала Лючіетта. — Онъ нагналъ на меня скуку и сонъ.

Они вышли, и о. Мартинъ проводилъ ихъ гнѣвнымъ взоромъ. И тотчасъ же въ сборѣ начался неистовый шумъ. Кто-то съ кѣмъ-то поссорился и началъ тутъ же сводить счеты. Никто больше не слушалъ проповѣдника, и онъ сошелъ съ каѳедры, пустивъ паствѣ какое-то сложное и грозное проклятіе.

Народъ спѣшилъ на площадь, и Лючіетта, всегда очень любопытная, уговорила Шорина пойти вслѣдъ за всѣми.

На площади расклеено было объявленіе сената, котораго давно ждали и о которомъ много говорили въ Венеціи.

„Злоупотребленіе роскошью и тщеславіемъ",—говорилось въ объявленіи,—„достигли величайшихъ и угрожающихъ размѣровъ. Это ведетъ къ упадку нравственности среди гражданъ и мѣшаетъ имъ съ доблестью и честью служить своей странѣ". Далѣе говорилось о воспрещеніи носить кружева, кромѣ тѣхъ, которыя срабо-

таны въ Венеціи, о воспрещеніи открытыхъ корсажей и рукавовъ и длинныхъ треновъ, объ отвѣтственности продавцевъ, которые занимались бы тайной продажей запрещенныхъ тканей и предметовъ роскоши, указанныхъ подробно въ указѣ.

Лючіетта читала это объявленіе смѣясь.

— Это продолженіе проповѣди на площади, сказала она.—Но этого ничего не будетъ. Правительство можетъ выписать еще десять отцовъ Мартиновъ изъ Рима и написать еще двадцать указовъ, никогда оно не заставитъ женщину одѣваться просто. Аминь. Твои послы уѣхали?

— Не знаю, отвѣтилъ Шоринъ. — Они должны уѣхать сегодня.

— Ты остался? Совсѣмъ?

— Остался, уныло сказалъ онъ.

— Это хорошо, радостно проговорила она, — я-бы скучала, если-бы ты уѣхалъ.

— Благодарю, Лючіетта, за эти слова, серьезно отвѣтилъ онъ ей,—но прошу тебя уйдемъ отсюда, потому что я боюсь быть узнаннымъ. Мнѣ надо скрываться нѣкоторое время.

— Пойдемъ ко мнѣ, въ садъ, который за домомъ. Тамъ тебя никто не увидитъ.

Они прошли на пьяцетту и отправились въ гондолѣ домой.

Маленькій садъ, прилегавшій къ заднему фасаду дома Лючіетты, былъ очень красивъ и великолѣпно отдѣланъ. Множество мраморныхъ статуй украшало его. Статуи изображали миѳологическія фигуры въ смѣлыхъ, рискованныхъ позахъ. Въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ сада стояла бесѣдка, вся затканная ползучими растеніями. Задняя стѣна бесѣдки въ видѣ открытой площадки съ колоннами выходила на другой каналъ, пролегавшій за домомъ.

— Я нарочно не взяла съ собой Карлоне, начала Лючіетта, когда они усѣлись въ бесѣдкѣ.

— Почему? спросилъ Шоринъ.

— Чтобы она намъ не мѣшала! засмѣялась она.— Знаешь, мнѣ кажется, что я начинаю любить тебя... Это сдѣлалось какъ-то внезапно, сразу... Не знаю, можетъ это также внезапно и пройдетъ. Но только ничего не можетъ быть радостнѣе начала весны и начала любви. Природа и чувства просыпаются; воздухъ и первое увлеченіе—легки, прохладны и грудь дышетъ свободно. Лѣтомъ знойно и жарко. Знойная страсть такъ же утомительна какъ и знойное лѣто. Осенніе дни унылы и мрачны,

а зимой природа и сердце засыпаютъ и сковываются холодами. Моя любовь еще никогда не достигала знойнаго лѣта и я знала только весну и зиму, между ними осень. Вотъ человѣкъ, который далъ бы мнѣ почувствовать зной...

Сзади нихъ, на площадкѣ, послышался шорохъ.

Лючіетта испуганно повернулась.

— Что это? сказала она.

— Должно быть ящерица пробѣжала, или сухой листъ, сорванный вѣтромъ.

Но глаза Лючіетты широко раскрылись и она со страхомъ смотрѣла на чьи-то пальцы, уцѣпившіеся за край площадки. Скоро надъ ней показалась голова мужчины въ войлочной шляпѣ. Лицо его было скрыто маской.

— Кто ты и что тебѣ надо? спросилъ у него Шоринъ.

— Бѣги скорѣе, отвѣтилъ ему человѣкъ,—ты спустишься по веревочной лѣстницѣ въ мою гондолу.

— Ты Гвидо?

— Да.

— Зачѣмъ мнѣ уходить отсюда?

— Твои посланники еще не уѣхали и всюду ищутъ тебя по городу. Сбиры рыскаютъ всюду. Тебѣ надо скрыться. Когда я подъѣхалъ сюда, я видѣлъ какъ кто то шелъ къ Лючіеттѣ. Лицо его было скрыто шапкой. Можетъ быть, что сбиръ. Спускайся сюда. И поторопись.

Лючіетта обняла Шорина.

— Ступай, сказала она,—сбиръ плохой гость. Приходи ко мнѣ ночью.

Шоринъ быстро спустился съ площадки по лѣстницѣ, и гондола отчалила отъ стѣны.

Но уже въ калитку сада, съ противоположной стороны входилъ человѣкъ въ старомъ изодранномъ плащѣ, съ низко надвинутой на лицо шапкой. У него была длинная сѣдая борода и видъ у него былъ нищаго.

Лючіетта хотѣла позвать Джильду и садовника, но незнакомецъ сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она молчала и не двигалась съ мѣста.

— Не бойся, я тебѣ не сдѣлаю ничего худого, сказалъ онъ ей.

Она вздрогнула. Чей это голосъ? Онъ такъ ей знакомъ...

— Кто ты? испуганно спросила она.

— Ты меня не узнала?

— Нѣтъ.

Тогда онъ подошелъ ближе къ ней и снялъ свою шляпу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бороду.

— Николо! въ ужасѣ воскликнула она.

— Да, это я, Николо. Тотъ Николо, который чуть не погибъ изъ за тебя, Лючіетта.

— О, уходи, уходи! шопотомъ проговорила она.— Развѣ ты не читалъ ужаснаго приговора о тебѣ?

— Я его знаю.

— Такъ значитъ ты знаешь какой отвѣтственности подлежатъ тѣ, кто имѣетъ съ тобою сношенія?

— И это знаю.

— Ты хочешь меня погубить! Что я тебѣ сдѣлала?

— Что ты мнѣ сдѣлала? И это ты спрашиваешь меня объ этомъ? Ты? Но развѣ ты не знаешь, что я любилъ тебя?

— Знаю, тихо отвѣтила она.

— Да, я любилъ тебя, и ты, взявъ у меня деньги и душу, прогнала меня отъ себя и ввергла въ отчаяніе. Я сталъ играть, чтобы добыть денегъ, потому что человѣкъ безъ денегъ для тебя не человѣкъ. Я проигрался. Краонъ отнялъ у меня деньги и твою любовь. Я хотѣлъ убить его, увы, неудачно! Теперь, ты знаешь, я приговоренъ къ смерти. Ты, ты одна погубила мою душу. Смерти я не боюсь, потому что жизнь безъ твоей любви— смерть, и я давно уже умеръ душою. Но я не отдамъ дешево жизни. Сегодня ночью скончался мой отецъ...

— Николо! вскрикнула она съ ужасомъ.

— Не кричи такъ, насъ могутъ услышать. Да, онъ былъ старъ и тученъ. Ударъ поразилъ его.

— Ударъ наемнаго убійцы? спросила она шопотомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ на это, и голова его низко опустилась.

— Онъ умеръ—говорить объ этомъ нечего. У него осталось огромное богатство—неисчислимое количество дукатовъ и драгоцѣнностей. Завтра это богатство будетъ въ моихъ рукахъ.

— Какъ низко ты палъ, Николо, съ чувствомъ сожалѣнія и гадливости проговорила она.

Николо засмѣялся.

— Да, низко. Ниже нельзя. Но въ этомъ безнадежная любовь къ тебѣ виновата. Послѣ завтра я уѣду въ Римъ...

— Уйди, уйди отсюда, ты меня погубишь.

— Я уѣду въ Римъ, перемѣню имя и заживу богачемъ. Хочешь со мной ѣхать?

— Уйди, уйди, умоляю тебя.

Но Николо не двигался съ мѣста.

— Я тебя осыплю золотомъ, я отдамъ тебѣ все, что буду имѣть. Это очень много, Лючіетта. Мнѣ ничего не надо кромѣ любви, страстно прошепталъ онъ, близко нагнувшись къ ней.

— Ты ошибаешься, Николо. Я не такъ люблю деньги, какъ ты думаешь. Да, я люблю ихъ, но не до такой степени, чтобы дарить свои ласки человѣку, котораго я не люблю и... презираю.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Николо.

— Ты меня презираешь, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— За что? За то, что я погубилъ жизнь изъ за тебя?

— Я тебя не просила объ этомъ.

— За то, что я принесъ тебѣ жертвы...

— Я ихъ не требовала.

— Которыхъ ни одинъ изъ тѣхъ, кого ты дарила ласками, не принесъ тебѣ? Ты меня презираешь, ты? Ты, которую обнимали венеціанскіе богачи и знатные чужеземцы? Которая живешь въ домѣ, купленномъ тебѣ когда-то Исаакомъ Понтевеккіо, старымъ богатымъ жидомъ изъ гетто? Дьяволы давно ждутъ тебя въ аду, Лючія! И, право, презрѣніе свое ты смѣло могла-бы оставить для себя одной.

— Уйди отсюда, или я позову людей.

— Я не двинусь съ мѣста.

— Я позову людей и выдамъ тебя правительству.

— Позови. У меня на поясѣ добрый кинжалъ, который мнѣ не измѣнитъ. Я не уйду отсюда. Если меня откроютъ, я скажу, что ты дала мнѣ пріютъ у себя.

— Ты меня губишь, Николо, мягко сказала она.— Это ли ты называешь любовью?

— Если гибнуть, то вмѣстѣ. Отчего ты не хочешь согласиться на мое предложеніе?

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, когда настанетъ ночь, сказала она, чтобы отдѣлаться отъ него.—Теперь я боюсь. Уходи и возвращайся, если хочешь, когда стемнѣетъ.

— Ты приготовишь тогда сбировъ? насмѣшливо сказалъ онъ.

— Николо! гнѣвно воскликнула она.—На моей душѣ много грѣховъ и жизнь моя не отличалась праведностью. Но я еще никогда не выдавала преступника, осужденнаго къ смерти.

— Преступника! сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—

Краонъ живъ и уѣхалъ отсюда. Ты жива и, какъ я слышалъ, увлечена новой любовью. Два моихъ злѣйшихъ врага—ты и Краонъ,—живы. Гдѣ же мое преступленіе? Но по нашимъ законамъ я дѣйствительно преступникъ, достойный казни. Глупый законъ, глупые судьи! Имъ слѣдовало бы казнить тебя. Я же не совершилъ никакого преступленія, достойнаго казни.

— А отецъ? тихо спросила она.

— Онъ умеръ отъ удара, глухо отвѣтилъ Николо.— И клянусь тебѣ, не я нанесъ ему этотъ ударъ. Но оставимъ это. Ты хочешь, чтобы я пришелъ къ тебѣ вечеромъ. Я приду. Но приду въ послѣдній разъ.

Онъ надѣлъ бороду и шляпу и преобразился опять въ стараго, изможденнаго нищаго, мгновенно перемѣнивъ походку и голосъ.

— До свиданья! сказалъ онъ.

— Прощай.

XIII.

Лючіетта съ душевнымъ волненіемъ ожидала Николо. Какъ только начало смеркаться и густыя вечернія тѣни наползли въ ея небольшой садъ, она вошла въ него и стала бродить по дорожкамъ. Вотъ, со всѣхъ колоколенъ раздался вечерній благовѣстъ, призывавшій къ молитвѣ; онъ напомнилъ ей о посѣщеніи собора св. Марка и проповѣдь о. Мартина. И она начала думать о немъ и о томъ, какъ сильно могутъ измѣниться люди подъ вліяніемъ всевозможныхъ обстоятельствъ жизни. Что же есть вѣчнаго на свѣтѣ? Можетъ быть и есть что нибудь—только, конечно, не душа человѣческая и не любовь къ женщинѣ, которая живетъ въ этой душѣ. Вѣчная жизнь! Переходъ отъ смерти къ лучшей жизни! Все это были слова, которымъ она давно не вѣрила. Есть жизнь съ ея радостями и печалями. Есть любовь съ ея ревностью, радостью перваго свиданія, горемъ послѣдней разлуки. Но что—за предѣлами жизни и любви? Вѣроятно ничего. Роза тоже живетъ, цвѣтетъ и умираетъ. Развѣ мы знаемъ, куда она дѣвается? Лепестки ея опадаютъ, сморщиваются, засыхаютъ, и ихъ уноситъ вѣтеръ. Женщина—та-же роза. Цвѣтъ ланитъ ея пропадаетъ, блескъ глазъ ея блекнетъ, морщины набѣгаютъ на ея чело, и красавица увядаетъ. Вѣтеръ смерти скашиваетъ ее, и она исчезаетъ... куда? Не все ли равно, куда исчезнетъ она, Лючіетта, разъ у нея не

будетъ ни этого сада, ни этого дома, ни этихъ богатыхъ одеждъ, противъ которыхъ воздвигъ теперь гоненіе сенатъ, состоящій изъ стариковъ, потерявшихъ вкусъ къ женщинѣ, представленіе о жизни? И въ этомъ дворцѣ, какъ и въ этомъ саду, расцвѣтетъ новая женщина—роза, которая такъ же въ извѣстное время совершитъ свой жизненный кругъ и погибнетъ.

Такова жизнь. Стоитъ ли думать о прошломъ, загадывать о будущемъ? Жизнь—сонъ, иногда хорошій и сладкій, иногда дурной, или даже кошмаръ. Сладко грезить, тяжело просыпаться. И потому всѣ эти отцы Мартины, всѣ эти монахи и проповѣдники дѣлаютъ злое дѣло, стараясь разбудить людей отъ ихъ добровольнаго сна.

Эти мысли, вдругъ нахлынувшія на нее, развлекли ее нѣсколько, и она продолжала ходить по саду и мечтать въ ожиданіи.

Вотъ зажглись первыя звѣзды, и звуки вечернихъ пѣсенъ съ гондолъ донеслись до ея слуха.

Но Николо не шелъ и не шелъ.

Вечеръ былъ чисто весенній. Въ воздухѣ стоялъ ароматъ первыхъ расцвѣтавшихъ цвѣтовъ; холодные вечера разомъ, дружно прошли, и кое-гдѣ, на небольшихъ клочкахъ земли, которыми такъ дорожила безземельная Венеція, зазеленѣли кусты своими молодыми почками, а на каменныхъ стѣнахъ, прикрытыхъ днемъ солнцемъ, зашевелились мухи. И по вечерамъ стало тепло.

Лючіетта жадно вдыхала этотъ воздухъ. Вся душа ея жаждала пробужденія, любви, новой любви, которая дала бы ей много ощущеній и радостей и никакого горя. Она не вѣрила въ существованіе такой любви, да и любовью называла то, что не было достойно этого имени. Но такъ ужъ она понимала любовь и другой любви она не знала и не испытывала.

Шоринъ ей очень нравился; въ немъ было что-то, чего не было въ другихъ мужчинахъ, которыхъ она любила до сихъ поръ. Какая-то мягкость, нѣжность, почти женская, какое-то почтительное, благодарное и робкое отношеніе къ женщинѣ. Въ немъ не было ничего варварскаго, грубаго, какъ о томъ говорили венеціанцы, разсказывая о чужеземцахъ и, въ особенности, о русскихъ. Въ немъ, наконецъ, было что-то цѣломудренное и чистое, далекое отъ порока, и это веселило и смѣшило ее и возбуждало въ ней любопытство.

Но Николо все еще не шелъ, и она стала безпокоиться.

Вечеръ уже переходилъ въ ночь, и она боялась, чтобы оба соперника не встрѣтились у нея въ одинъ часъ.

Николо она не любила, никогда не любила. Это былъ человѣкъ холоднораспутный и безстрашный, а въ послѣднее время—озлобленный, затравленный и готовый на все, какъ всякій венеціанецъ ея времени. Она знала въ своей жизни много такихъ, и Николо не представлялъ для нея прелести новизны. Но, въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ столько несчастій свалилось на бѣдную голову молодого патриція, новое чувство къ нему стало слагаться въ душѣ Лючіетты. Ей стало жалко его и ей хотѣлось его утѣшить. Отчего ей не полюбился Николо? Онъ, дѣйствительно, принесъ ей все въ жертву и честь своего имени, и безопасность своей жизни. Она ему ничѣмъ не отплатила и всегда обращалась съ нимъ несправедливо и сурово. Бѣдный мальчикъ! Его любовь, безумная и яркая, начинала затрагивать ея сердце.

Послышались шаги.

— Это онъ, Николо! подумала она и пошла на встрѣчу входившему въ садъ человѣку.

Но это былъ Шоринъ.

Нѣсколько еще минутъ тому назадъ она думала о немъ съ любовью, но теперь видъ его внезапно раздражилъ ее. Такъ смѣнялись въ этой неуравновѣшенной женской душѣ чувства и впечатлѣнія, и душа ея походила на раннее весеннее небо, на которое набѣгаютъ тучки и, набѣжавъ, съ такой же быстротой расходятся съ нею.

— Это ты? сказала она разочарованно.

— Это я, голубка моя. Я немного опоздалъ, но душа моя стремилась къ тебя.

Она насмѣшливо взглянула на него.

— Какъ ты сталъ похожъ на нашихъ, на венеціанцевъ, сказала она тѣмъ же разочарованнымъ голосомъ.—Въ тебѣ ничего почти не осталось московскаго, прежняго.

— Это для того, чтобы тебѣ легче было любить меня, отвѣтилъ Шоринъ, принявъ ея слова за похвалу себѣ.

— Почему? возразила она.—Я знакома съ венеціанской любовью, и сердце мое ищетъ чего-нибудь новаго.

Подъ вліяніемъ темноты и ночи, онъ сдѣлался смѣлѣе и хотѣлъ обнять ее, но она высвободилась изъ его рукъ рѣшительнымъ движеніемъ.

Онъ былъ изумленъ и горестно взглянулъ на нее.

— Лючіетта! укоризненно сказалъ онъ.

Лицо ея оставалось строгимъ и холоднымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня... проговорила она.— Уходи. Да, уходи. Я жду здѣсь одного нужнаго человѣка... Завтра увидимся. Приходи завтра, объ эту пору.

Онъ растерянно стоялъ передъ ней.

Идя сюда, онъ былъ полонъ любви и страсти. Онъ мечталъ о прелестной Лючіеттѣ и называлъ ее родными ласкательными именами—голубкой, разлапушкой, лебедкой и жалѣлъ что не могъ ихъ сказать ей по-русски, не могъ перевести эти слова по-венецейски. И вотъ какъ она встрѣчаетъ его!

И онъ видѣлъ, что Лючіетта ходила по саду, опасливо озираясь, ожидая кого-то, и что она къ нему вдругъ стала равнодушна.

Сердце его мучительно сжалось отъ боли.

— Кого ты ждешь? спросилъ онъ ее.

Отвѣта не послѣдовало.

— Ты ждешь Николо?

Она тихо засмѣялась.

— Ты начинаешь ревновать, сказала она,—а я тебѣ уже говорила, что ревность похожа на безобразную болѣзнь.

— Но еще ты такъ недавно говорила мнѣ о любви... о томъ, что полюбишь меня...

— Развѣ я тебя не любила?

— Такъ мало!..

— Я тебѣ никогда не клялась въ вѣчной любви, Джіованни.

— Я для тебя остался здѣсь, Лючіетта...

— Ты начинаешь упрекать меня?

— Нѣтъ, я не упрекаю тебя. Но я думалъ...

— Ступай отсюда. Я не хочу, чтобы тебя застали у меня сегодня ночью.

Онъ видѣлъ, что рѣшеніе ея неизмѣнно, и съ болью въ душѣ, съ тоскою въ сердцѣ, низко опустивъ голову, вышелъ.

И вдругъ, пока онъ шелъ по узенькой, пустынной уличкѣ, ведшей къ дому Лючіетты, на него напалъ внезапный порывъ тоски и грусти по далекой родинѣ.

За все его длинное путешествіе и пребываніе здѣсь, это былъ первый порывъ, первый признакъ тоски по родинѣ, которой онъ не зналъ до нынѣ. И какъ-то любовно рисовались ему поля, покрытыя еще снѣгомъ, среди которыхъ затерялась Москва, съ ея теремами, съ ея церквами, съ ея слободами и предмѣстьями. Грустно-грустно ему сдѣлалось, такъ грустно, что захотѣлось плакать.

Зачѣмъ, зачѣмъ онъ остался здѣсь одинъ, среди этой чужой жизни, чужихъ людей, на языкѣ которыхъ онъ выучился говорить, но никогда не выучится понимать языка ихъ души, какъ и они никогда не поймутъ его? Ему вспомнились длинные московскіе вечера, товарищи и пріятели, которыхъ онъ оставилъ тамъ, далеко, за моремъ-за океаномъ, и съ которыми онъ никогда не былъ особенно близокъ, но которые теперь, издалека, казались ему дороже и милѣе. Онъ вспомнилъ робкую, нерѣшительную весну, которая подходила медленно и спокойно, постепенно сгоняя снѣга съ улицъ и площадей, въ противуположность этой южной веснѣ, которая является какъ грубый побѣдитель, сразу, въ нѣсколько дней; ему вспомнилась и дѣвушка, которой онъ никогда не видалъ и которую ему прочили въ невѣсты. Кто знаетъ, можетъ быть она красавица, не хуже Лючіетты? Но онъ тотчасъ же отклонилъ отъ себя эту мысль.

„Не можетъ того быть“, сказалъ онъ себѣ.—„Такихъ одна на свѣтѣ, а ежели и есть другая, то не въ Россіи, не у насъ въ Москвѣ“. Но все-таки онъ съ сожалѣніемъ подумалъ о тихой семейной жизни, которую могъ бы себѣ устроить, о томъ, какъ онъ убралъ-бы свои покои вывезенными изъ Венеціи убранствами и золочеными кожами на удивленіе Москвы, какъ у него могли бы быть дѣти, вотъ хоть бы такая-же славная дѣвочка какъ Энрика. И ему жаль стало своей загубленной жизни, и онъ раскаялся въ своемъ горячемъ и скоромъ рѣшеніи, созрѣвшемъ подъ вліяніемъ больной страсти, порвать связи съ родиной. Ахъ, если бы Лючіетта любила его! Ему ничего не было бы жалко... но вотъ она уже не любитъ его...

Гвидо говорилъ ему, что послы уѣхали, поднявъ на ноги сбировъ и отчаявшись найти его. И теперь рисовался воображенію Шорина голландскій корабль, который уноситъ дьяка Посникова и стольника Чемоданова къ берегамъ далекой отчизны. И Посниковъ вдругъ сдѣлался ему милъ, несмотря на то, что онъ давно уже не ладилъ съ нимъ...

Въ узкомъ переулочкѣ выросла передъ нимъ тѣнь человѣка, который грубо остановилъ его.

Въ одно мгновеніе ока въ рукахъ человѣка, лицо котораго было скрыто маской, блеснулъ кинжалъ и скользнулъ по плечу Шорина.

Отъ силы удара Шоринъ упалъ, и это спасло его. Хотя плащъ окрасился кровью и Шоринъ почувствовалъ тонкую, мелкую струйку, сбѣгавшую съ плеча ему на

грудь, но не потерялъ присутствія духа и, быстро поднявшись, выхватилъ свой кинжалъ, готовясь нанести ударъ своему неизвѣстному противнику.

Однако, также внезапно кто-то остановилъ его руку сзади.

Онъ хотѣлъ крикнуть, обернуться.

— Молчите, синьоръ, быстро проговорилъ человѣкъ, схватившій его,—это я, Гвидо. Я слѣдилъ за вами и охранялъ вашъ путь. Къ сожалѣнію, я не могъ предвидѣть быстроты удара Николо.

— Такъ это Николо?

— Да, это онъ.

Гвидо оставилъ руку Шорина и быстро сталъ между противниками.

— Николо, насмѣшливо сказалъ онъ,—тебѣ надо бы поучиться владѣть кинжаломъ. Твои раны неудачны. Такъ же какъ и Краонъ, синьоръ Джіованни остался невредимъ. Ты бы ужъ лучше нанялъ брави, если самъ не умѣешь! Теперь вѣдь у тебя и деньги есть! Зачѣмъ браться за дѣло, котораго не знаешь?

Николо усмѣхнулся.

— Ты правъ, сказалъ онъ,—жалѣю, что не обратилися къ тебѣ. Но ты бы обманулъ меня, потому что я вижу, что этотъ человѣкъ находится подъ твоимъ покровительствомъ.

— Да, ты не ошибся. Я его оберегаю отъ сбировъ такъ же, какъ и тебя. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Я слѣдилъ за нимъ и поджидалъ его съ вечера у дома Лючіетты. Онъ мой соперникъ. Лючіетта моя и я никому не уступлю ея. Никому! Я хотѣлъ убить его, но проклятая рука моя не имѣетъ вѣрности удара.

— Къ счастью, нѣтъ, согласился, смѣясь, Гвидо.— Но, однако, ступай своей дорогой и дай намъ пройти. И уѣзжай поскорѣй, потому что скрывать тебя дольше опасно. Ты щедро расплатился со мной, и я желаю тебѣ удачи. Прощай. Мнѣ скоро нужно будетъ для другого подземелье, въ которомъ я пряталъ тебя.

— Я думаю, что уѣду завтра.

— Добрый путь.

— А тебѣ, обратился Николо къ Шорину,—не совѣтую попадаться на моей дорогѣ. И второй ударъ будетъ вѣрнѣе перваго.

— Не грози мнѣ, потому что я не боюсь тебя, разбойникъ! отвѣтилъ Шоринъ.—Я на медвѣдей ходилъ съ рогатиной, такъ тебя ли мнѣ бояться? Счастье твое, что руку мою удержалъ Гвидо.

— Идемте, идемте, синьоръ, поспѣшимъ, сказалъ Гвидо;—вонъ рука моя вся въ крови, вы слишкомъ много теряете ее и можете ослабѣть. Энрика перевяжетъ вамъ рану и залѣчитъ ее, она у меня мастерица на это. До гондолы еще сотня шаговъ.

Николо уже былъ далеко и не отвѣтилъ ничего на послѣднія слова Шорина.

Шоринъ дошелъ до гондолы и, когда сѣлъ въ нее, почувствовалъ жгучую боль въ плечѣ.

Энрика, дѣйствительно, тотчасъ же облегчила его страданія; обмыла рану, приложила къ ней какую-то мазь и перевязала ему плечо съ удивительной быстротой и ловкостью.

Шоринъ вскорѣ уснулъ, но къ утру, проснувшись, почувствовалъ, что ему скверно. Лихорадка била его и голова его горѣла какъ въ огнѣ.

Энрика осмотрѣла ему рану и опять перевязала ее. Гвидо куда-то исчезалъ по своимъ темнымъ дѣламъ и, когда вернулся къ вечеру домой, посѣтилъ своего больного.

— Что, синьоръ, плохо? спросилъ онъ.

— Недужится.

Гвидо внимательно посмотрѣлъ на него. На лицѣ брави появилось тревожное выраженіе. Онъ сдѣлалъ знакъ дочери выйти изъ комнаты и самъ тотчасъ же отправился за нею.

— Энрика, что я думаю, сказалъ онъ ей шепотомъ.— Нынче патриціи и дѣти благородныхъ синьоровъ стали хуже брави и пиратовъ. Ужъ не былъ ли отравленъ кинжалъ у этого разбойника Николо?

Дѣвочка сдѣлала серьезное не по лѣтамъ лицо, подумала съ минутку и отвѣтила съ полной увѣренностью:

— Нѣтъ, отецъ, ты ошибаешься. Рана не отравлена. Рука не вспухла и не посинѣла. Это отъ слабости, онъ потерялъ много крови.

— Тѣмъ лучше, если такъ. Завтра подымется.

— Завтра? Нѣтъ. Съ недѣлю пролежитъ.

— Ну, какъ знаешь! Ты у меня вѣдь лучше всякаго венеціанскаго врача съ ихъ шарлатанскими лѣкарствами.

Лицо дѣвочки приняло гордое выраженіе.

— Не всякія болѣзни я умѣю лѣчить, скромно возразила она,—но раны—умѣю. Мало ли я ихъ видѣла и вылѣчила у твоихъ гостей, которые скрываются у насъ отъ сбировъ.

— Ты у меня славная и умница, сказалъ Гвидо, цѣлуя ее.

И, дѣйствительно, Энрика не ошиблась. Шорину на другой же день сдѣлалось лучше, а дней черезъ пять онъ попросился встать, и она позволила ему это.

Плечо все еще болѣло и рана не совсѣмъ зажила, но Шорину хотѣлось поскорѣе выйти, чтобы увидѣться съ Лючіеттой. Однако, Энрика не выпускала его и даже убрала отъ него маску и широкополую шляпу, которую онъ носилъ въ послѣднее время, чтобы не быть узнаннымъ.

— Говорилъ ли ты Лючіеттѣ, какъ я просилъ тебя, что боленъ? спросилъ онъ у Гвидо.

Гвидо смутился.

— Говорилъ, сказалъ онъ.

Но Шоринъ замѣтилъ это смущеніе, и безпокойство овладѣло имъ.

Энрика продолжала ухаживать за нимъ, и онъ чувствовалъ къ ней глубокую благодарность человѣка, возвращеннаго къ жизни.

— Николо здѣсь еще? спросилъ онъ у дѣвочки, когда остался съ ней вдвоемъ.

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ, отвѣтила она.

— Куда? радостно вскрикнулъ онъ.

— Не знаю.

— Надолго?

— Не знаю.

— А отецъ твой знаетъ?

— Конечно, знаетъ.

На другой день онъ задалъ тотъ же вопросъ Гвидо.

Но Гвидо уклонился отъ прямого отвѣта.

— Вотъ выйдешь самъ, все узнаешь, таинственно сказалъ брави и поспѣшилъ выйти, чтобы не распространяться дальше.

Шоринъ рѣшилъ, несмотря ни на какіе протесты, выйти на слѣдующій же день къ вечеру.

„Что думаетъ обо мнѣ Лючіетта?“ говорилъ онъ себѣ, спѣша къ ея дому. И потомъ ему вспомнились слова Гвидо:—„Зачѣмъ тебѣ кинжалъ? Николо нѣтъ и тебѣ некого опасаться“... Что это значило? Куда и зачѣмъ уѣхалъ Николо? Отчего они скрываютъ отъ него это?

Онъ подходилъ къ дому Лючіетты, и тревожное, мрачное чувство все больше и больше овладѣвало имъ. Какъ она его встрѣтитъ? Что скажетъ ему? Прошло ли ея

капризное расположеніе духа? Любитъ ли она его еще?

Но вотъ и ея домъ.

Онъ вздрогнулъ и остановился. Плечо его опять заныло. Что это? Домъ казался пустыннымъ, необитаемымъ. Ставни были наглухо заперты, какъ и калитка. Ни луча свѣта изъ-за запертыхъ ставенъ, ни звука голоса. Все точно умерло въ этомъ домѣ. Шоринъ схватилъ тяжелый молотъ, висѣвшій на цѣпи у калитки, и нѣсколько разъ постучалъ имъ.

Онъ думалъ, что выйдетъ Джильда, но никто не выходилъ и никто не отозвался.

Онъ стучалъ долго, ожидая результатовъ.

Наконецъ, кто-то зашевелился за стѣной, и хриплый голосъ раздался за калиткой:

— Кто здѣсь?

— Это я, синьоръ Джіованни. А вы кто?

— Я—садовникъ. Что вамъ нужно?

Калитка тяжело повернулась на своихъ ржавыхъ петляхъ и въ отверстіи ея показался садовникъ. Лицо его было сурово и хмуро, потому что онъ спалъ въ бесѣдкѣ и его насильно оторвали отъ перваго сладкаго сна.

— Что вамъ нужно?

— Мнѣ нужно видѣть твою хозяйку, синьорину Лючіетту.

— Для этого вамъ нужно было прійти недѣлей раньше, синьоръ.

— Почему?

— Потому что она покинула Венецію.

— Покинула Венецію?..

— Да. Домъ ея запертъ и даже заколоченъ.

— А синьорина Карлоне?

— Уѣхала вмѣстѣ съ нею, усмѣхнулся садовникъ.

— Куда же онѣ уѣхали и надолго ли?

— Про это не знаю.

И онъ заперъ передъ его носомъ калитку.

Шоринъ слышалъ, какъ прозвенѣлъ замокъ, и ему показалось, что глухая стѣна сада навсегда отдѣлила его отъ Лючіетты, которой онъ уже никогда больше не увидитъ.

Отчаянная тоска обуяла его. За что она такъ жестоко поступила съ нимъ? За что она заставила его порвать всѣ нити съ прошлымъ и оставила его одинокимъ въ этой чужой странѣ? Теперь онъ понялъ зловѣщее молчаніе Гвидо. Лючіетта уѣхала съ Николо и Карлоне. Но главное съ Николо! Что же это за женщина?

Онъ еще долго стоялъ у калитки, не будучи въ си-

лахъ уйти отъ этого дома, въ которомъ была погребена его неудавшаяся страсть, дорогая ему, потому что это была первая страсть его жизни.

Но ничего не оставалось больше, какъ уйти.

И онъ пошелъ медленной, невѣрной походкой, уже не оборачиваясь на заколоченный домъ.

„Одинъ, одинъ!" шепталъ онъ горестно —„Господь недаромъ караетъ меня! Одинъ, здѣсь, въ этой Венеціи, среди чужихъ людей, у разбойника! О, Господи, велики мои преступленія, но и тяжко наказаніе отъ гнѣва Твоего". — Онъ удивился, прислушавшись къ своимъ мыслямъ. Удивился тому, что имя Божіе въ первый разъ пришло ему на уста во время его продолжительнаго пребыванія въ этомъ нечестивомъ городѣ. Какъ измѣнилась душа! Какъ умалилось его благочестіе!..

Онъ рѣшилъ немедленно, на другой же день уѣхать изъ Венеціи на родину. Гдѣ-нибудь онъ догонитъ своихъ посланниковъ и присоединится къ нимъ. Онъ скажетъ, что его ранили, что онъ лежалъ у одного человѣка, пріютившаго его, и не могъ во-время дать знать о себѣ. Конечно, Посниковъ будетъ ворчать на него и укорять его, но все это будетъ лучше, чѣмъ оставаться въ пустынной и постылой для него теперь Венеціи.

Онъ прощался съ Энрикой и Гвидо, которые его не удерживали.

Энрику онъ горячо обнялъ и далъ ей нѣсколько дукатовъ. Онъ щедро наградилъ и разбойника, который сказалъ ему:

— Если когда-нибудь понадобится вамъ мой домъ, синьоръ Джіованни, вы всегда можете разсчитывать на наше гостепріимство.

Шоринъ грустно улыбнулся.

— Я никогда больше не вернусь въ Венецію, сказалъ онъ.

— Кто разъ побывалъ въ ней, тотъ непремѣнно въ нее вернется, возразилъ Гвидо.—Это какъ вино; кто его попробовалъ, тотъ всегда уже пьетъ его.

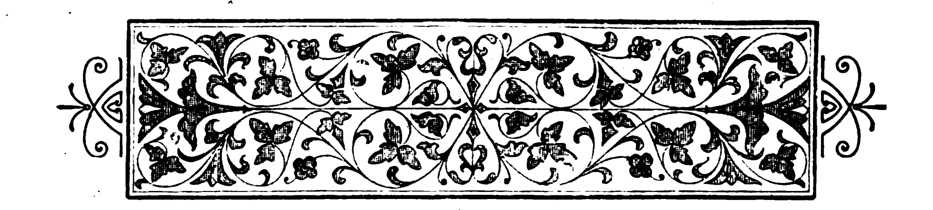
— Никогда я не буду больше въ Венеціи, твердо повторилъ Шоринъ.

Путь его лежалъ на Флоренцію, и Гвидо со всевозможными предосторожностями проводилъ своего гостя изъ города.

Съ злой тоской на душѣ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отправился Шоринъ въ городъ флоренскаго князя.

В. Свѣтловъ.

(До слѣд. кн.).



Изъ воспоминаній смолянки.

ГЛАВА I.

Мое поступленіе въ Смольный монастырь.—Дѣленіе на классы.—Преподаваніе.—Пестрая дѣтская толпа.—Общее направленіе воспитанія.—Ученіе.—Характерный эпизодъ на выпускномъ экзаменѣ.

Я поступила въ Смольный монастырь въ тотъ классъ, гдѣ моя тетка была инспектрисой, и хотя я была приведена годомъ позднѣе общаго пріема (пріемъ былъ въ 1842 году, а я была приведена въ 1843),—но мнѣ удалось сразу занять первенствующее мѣсто. въ силу той серьезной подготовки, которая заботливо дана была мнѣ дома.

Въ то время весь курсъ ученія въ Смольномъ монастырѣ дѣлился на 3 класса, и воспитанницы оставались по 3 года въ каждомъ классѣ. Ни отпусковъ, ни выѣздовъ не полагалось, и двери Смольнаго, затворявшіяся, при поступленіи, за маленькой дѣвочкой, вновь отворялись, по прошествіи 9 лѣтъ, уже передъ взрослой дѣвушкой, окончившей полный курсъ наукъ.

Въ каждомъ изъ трехъ классовъ было по восьми классныхъ дамъ, при одной инспектрисѣ, и классная дама, принявъ воспитанницу на свое личное попеченіе въ день поступленія ея въ институтъ, неуклонно заботилась объ ней затѣмъ втеченіе всѣхъ девяти лѣтъ. Группа воспитанницъ, отданная подъ покровительство и управленіе одной классной дамы, образовывала изъ себя «дортуаръ». Эти дѣвочки спали въ одной комнатѣ и значились подъ послѣдовательной серіей нумеровъ.

Въ классахъ воспитанницы размѣщались уже по степени сво-

ихъ познаній, и тамъ классныя дамы дежурили поочередно, черезъ день, такъ какъ всѣхъ классныхъ отдѣленій было по 4 на каждый классъ. Въ смыслѣ преподаванія всѣ дѣвочки сразу поступали въ вѣдѣніе учителей и профессоровъ; учительницы полагались только для музыки. Положеніе профессоровъ въ первые два года поступленія воспитанницъ было болѣе нежели затруднительное. Большинство дѣтей не знало ровно ничего; было даже много такихъ, которыя и русской азбуки не знали.

Составъ институтокъ былъ самый разнообразный.

Тутъ были и дочери богатыхъ степныхъ помѣщиковъ, откормленныя и избалованныя на обильныхъ хлѣбахъ, среди раболѣпнаго угожденія безчисленной крѣпостной дворни... Рядомъ съ этими рыхлыми продуктами русскаго чернозема находились чопорные и гордые отпрыски феодальныхъ остзейскихъ бароновъ, съ ихъ строгой выдержкой, съ ихъ холодно-презрительнымъ тономъ.... Тутъ же были и блѣдныя, анемичныя маленькія петербургскія аристократки, которыхъ навѣщали великосвѣтскія маменьки, братья кавалергарды и сестры фрейлины, и рядомъ съ этимъ блескомъ галуновъ, аксельбантовъ и сіятельныхъ титуловъ внезапно выростала неуклюжая и полудикая дѣвочка, словно волшебствомъ занесенная сюда изъ глухого захолустья и поступившая въ число воспитанницъ аристократическаго института единственно въ силу того только, что ея дѣдъ и отецъ,—чуть не однодворцы—значились записанными въ 6-ю или такъ называемую «бархатную книгу».

Чтобы дать понятіе о томъ рѣзкомъ различіи, какое царило въ рядахъ одновременно и на равныхъ правахъ воспитывавшихся дѣвочекъ,—достаточно будетъ сказать, что ко дню выпуска того класса, въ которомъ я воспитывалась и въ спискахъ котораго значилось много громкихъ и блестящихъ именъ,—за одной изъ воспитанницъ, уроженкой южныхъ губерній, отецъ старикъ пришелъ въ Петербургъ изъ Чернигова пѣшкомъ, вмѣстѣ съ вожакомъ-мальчикомъ, который за руку велъ его всю дорогу, такъ какъ нищій старикъ ослѣпъ за три года до выпуска дочери!...

На меня, воспитанную въ строгихъ приличіяхъ дворянскаго дома того времени, произвела удручающее впечатлѣніе та грубость обращенія, которая царила между дѣвочками и выражалась въ постоянныхъ перебранкахъ и дикихъ, безтолково грубыхъ выраженіяхъ. Самымъ грубымъ и оскорбительнымъ словомъ между дѣтьми было слово «звѣрь», а прибавленіе къ нему прилагательнаго «пушной» удваивало оскорбленіе, но рѣзкій тонъ, какимъ выкрикивались эти оригинальныя оскорбленія, грубые, наступательные жесты, все это дышало чѣмъ-то вульгарнымъ и пошлымъ.

Классныя дамы въ сущность этихъ споровъ и ссоръ входили рѣдко и унимали ссорившихся тогда только, когда возгласы ихъ дѣлались слишкомъ громки и рѣзки и нарушали тишину. Если же эти междоусобныя войны разгорались во время рекреаціонныхъ часовъ, когда кричать и шумѣть разрѣшалось, то воюющія стороны могли выкрикивать все, что имъ угодно и какъ имъ угодно... За ними никто не слѣдилъ и ихъ никто не останавливалъ.

Несравненно болѣе строгое вниманіе ближайшаго начальства обращено было на внѣшній видъ дѣтей и на тщательное испол-

неніе форменныхъ прическокъ, избиравшихся по распоряженію ближайшаго начальства. Такъ, меньшой классъ долженъ былъ обязательно завивать волосы, средній заплетать ихъ въ косы, подкалываемыя густыми бантами изъ лентъ, а старшій, или такъ называемый «бѣлый» классъ, нося обязательно высокія черепаховыя гребенки, причесывался «по-большому», въ одну косу, спуская ее какъ-то особенно низко, согласно воцарившейся въ то время модѣ. Въ общемъ, какъ это ни странно покажется, но взыскивалось за неряшливую прическу несравненно строже, нежели за плохо выученный урокъ, и несвоевременно развившіяся букли доставляли ребенку несравненно больше непріятностей, нежели полученный въ классѣ нуль.

За ученьемъ-же классныя дамы слѣдили мало, и учиться можно было по личному усмотрѣнію, болѣе или менѣе тщательно и усердно. Нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить то, что многія воспитанницы такъ и оставили стѣны Смольнаго Монастыря, ровно таки ничего не зная.

Какъ теперь помню я красавицу Машеньку П. въ день послѣдняго выпускного экзамена исторіи. Это былъ не публичный экзаменъ, гдѣ всѣ вопросы извѣстны каждой изъ насъ заранѣе, а такъ называемый «инспекторскій» экзаменъ, длящійся по нѣскольку часовъ изъ каждаго предмета и резюмирующій собою всю пройденную въ 9 лѣтъ учебную программу. Отецъ Машеньки былъ генералъ-лейтенантъ, мать ея—бывшая фрейлина, старшая сестра ея тоже имѣла фрейлинскій шифръ, а братъ, блестящій камеръ-пажъ, не задолго передъ тѣмъ вышелъ въ кавалергарды. Она до поступленія своего въ Смольный уже прекрасно болтала по французски, очень граціозно танцовала, была замѣчательно хороша собой, но лѣнива была феноменально и положительно никогда и ничему не училась. Русскую исторію въ старшемъ классѣ, преподавалъ намъ Тимаевъ, бывшій преподаватель великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевенъ и занимавшій у насъ въ то время почетное мѣсто инспектора классовъ.

На эти экзамены, серьезные и отвѣтственные не столько для насъ, сколько для самихъ преподавателей, обыкновенно приглашались профессора университета и спеціалисты даннаго предмета. И на этотъ разъ пріѣхало двое какихъ-то очень серьезныхъ и почтенныхъ старичковъ. Всѣ мы сильно волновались. Волновался, вмѣстѣ съ нами, и самъ Тимаевъ. Самыя лучшія ученицы робѣли, именно въ силу исключительнаго желанія угодить Тимаеву, котораго всѣ мы глубоко уважали, а нѣкоторыя и «обожали», по институтской традиціи.

Не волновалась и не робѣла одна только Машенька П., потому что не знала ровно ничего, и не только не выучила, но, вѣроятно, во всѣ девять лѣтъ даже не прочла ни одной страницы изъ русской исторіи.

Но вотъ прозвонилъ звонокъ, мы торопливо заняли свои мѣста, и въ широко на обѣ половинки растворенныя двери класса вошли почетные посѣтители. Тутъ были и начальница Смольнаго, М. П. Леонтьева, и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, не про-

пускавшій почти ни одного экзамена, и два заслуженныхъ профессора въ звѣздахъ, и инспектриса, и пріѣхавшая, въ видѣ особаго почета, на экзаменъ Тимаева графиня Юлія Ѳедоровна Баранова, урожденная Адлербергъ, бывшая воспитательница великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевенъ. Графиня была подругой матери Маши П., и подозвавъ ее къ себѣ, она ласково поцѣловала Машу и сказала:

— Voyons, chère enfant! Distinguez vous! se verrai maman, et je lui donnerai de vos nouvelles!

Прочитана была обычная молитва передъ ученіемъ, многія изъ насъ украдкой приложились къ крестикамъ и образкамъ, которыхъ у каждой было нацѣплено на ленточкахъ неимовѣрное количество, и... экзаменъ начался.

Все шло прекрасно. «Чужіе» профессора какъ нарочно вызывали все хорошихъ ученицъ, и Тимаевъ смотрѣлъ бодро, весело, «сіялъ». Но вотъ въ числѣ прочихъ произнесена и фамилія «госпожи П.». Машенька мѣрно выступаетъ своей граціозной, колеблющейся па ходу походкой.

Она повидимому совершенно спокойна... но это то, что называется «le courage du désespoir». Вынувъ билетъ, она отходитъ въ линію и съ такимъ непритворнымъ, комическимъ удивленіемъ смотритъ въ доставшуюся ей на долю бумажку, что мы всѣ начинаемъ, мало по малу, улыбаться... Но съ благодѣтельной первой лавки данъ сигналъ... Билетъ пропутешествовалъ туда для обозрѣнія... и оттуда начинается усердное «начитыванье» вопроса. Прочитывается разъ, другой, третій...—Поняла?.. Машенька утвердительно киваетъ головой.

Она и въ самомъ дѣлѣ поняла, и даже кое что запомнила... но такъ какъ раньше она ни о чемъ подобномъ не слыхала, то полученныя свѣдѣнія оказываются чрезвычайно краткими, сжатыми... «Растянуть» билетъ на потребное количество минутъ не представляется никакой возможности...

На бѣду и вопросъ-то достался касающійся исторіи Польши, предметъ, о которомъ бѣдной Машенькѣ и случайно даже слышать не приходилось...

Она какъ-то безнадежно повторяетъ то, что успѣла себѣ усвоить, сознавая сама въ глубинѣ души, что этого «не хватитъ».

Но вотъ наступила и ея очередь...

— Госпожа П.! Прочитайте намъ вашъ билетъ и отвѣтьте на него!.. раздается голосъ Тимаева.

Та читаетъ билетъ не смѣло, не рѣшительно, точно по складамъ разбираетъ.

— Rassurez-vous, mon enfant!.. ободряетъ ее графиня Баранова.

— Погромче... Пожалуйста погромче!.. убѣждаетъ одинъ изъ «чужихъ» профессоровъ.

Машенька ободряется и начинаетъ бойко излагать свои ограниченныя познанія... Не прошло и двухъ минутъ, а она сказала уже все, что ей успѣли «начитать».

— Ну-съ... хорошо... хорошо!.. Продолжайте!.. ободряетъ ее Тимаевъ, не ожидавшій отъ извѣстной лѣнивицы и того, что она успѣла сказать.

— Continuez, chère enfant... Continuez!.. поддерживала графиня Баранова.

Но Маша молчала. Весь наличный запасъ ея знаній былъ истощенъ. Она бросила умоляющій взглядъ въ бокъ, на благодѣтельную первую лавку. Оттуда немедленно послышалось подкрѣпленіе, въ видѣ умѣлаго шепота.

— Затѣмъ на престолъ вступилъ польскій король Іоаннъ Собѣсскій!.. неслось съ благодѣтельной скамейки...

Машенька молчала, нетерпѣливо пожимая плечами. Усиленный шопотъ первой лавки доносится до экзаменаторовъ... Тимаевъ слышитъ усердное подсказыванье и, видя на слегка удивленномъ лицѣ Машеньки ясно выраженное сомнѣніе, украдкой дѣлаетъ ей головою утвердительный знакъ.

Тогда она уже чувствуетъ себя освобожденной отъ всякаго сомнѣнія и громко, ясно, отчетливо отчеканиваетъ:

— Польскій король, Александръ Невскій!...

Эффектъ былъ поразительный...

— Садитесь!.. какимъ-то упавшимъ голосомъ произнесъ Тимаевъ.

Она низко присѣла и возвратилась на мѣсто, спокойная и невозмутимая...

— Да развѣ тебѣ это говорили? укоризненно замѣчали ей потомъ подруги. — Вѣдь тебѣ подсказывали имя короля Іоанна Собѣсскаго.

— Ну-у! Такого я никогда и не слыхала! почти обидѣлась П.

А между тѣмъ. та-же Машенька П. получала прекрасныя отмѣтки по французской словесности и очень мило и картинно разсказывала о казни Людовика XVI, и о страданіяхъ маленькаго дофина. причемъ и въ русской передачѣ называла Симона не иначе какъ «le savetier Simon!..»

Я разсказала этотъ эпизодъ единственно для того, чтобы наглядно показать, какъ мало было «принужденія» въ системѣ нашего ученія. Объ общихъ основахъ нашего воспитанія я этого сказать не могу. Ко многому насъ «принуждали», многое намъ «усиленно внушали», но ни историческія. ни географическія, ни главнымъ образомъ. математическія познанія, въ число этого «многаго» не входили.

Правда, профессора были прекрасные, преподаваніе было дѣльное и умѣлое, но научиться чему-нибудь можно было только при настойчивомъ желаніи и при настоятельной жаждѣ знанія... А часто-ли жажда эта встрѣчается въ дѣтскомъ возрастѣ, и въ особенности между дѣвочками?..

ГЛАВА II.

Особенности институтской жизни. — Стихійная сила. — Двѣ сестры Ч—овы. —Мать М. Д. Скобелева. — Фрейлина Нелидова.—Наши учителя.—Протоіерей Недешевъ.

Институтская жизнь, сухая, форменная, какъ-то по солдатски аккуратная, такъ сильно шла въ разрывъ со всѣмъ тѣмъ, къ чему я привыкла до тѣхъ поръ, что втянуться въ нее я не могла ни-

какъ. и съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все скучнѣе, непривѣтнѣе и даже какъ будто физически холоднѣе.

И не на меня одну эта жизнь производила такое жуткое, такое непріятное впечатлѣніе. Весь маленькій классъ, поголовно, грустилъ и плакалъ по домѣ, за что получалъ, при рѣдкихъ встрѣчахъ въ столовой и въ саду, названіе «нюней» и «плаксъ» отъ средняго класса, облеченнаго въ голубыя платья и потому носившаго общее названіе «голубыхъ».

Этотъ классъ, составлявшій переходную ступень отъ младшихъ къ старшимъ, былъ въ постоянномъ разладѣ самъ съ собой и въ открытой враждѣ со всѣми. «Голубыя» бранились со старшимъ классомъ, дразнили маленькихъ, дерзили класснымъ дамамъ, и появляясь въ столовой или въ саду, вносили съ собой какой-то особый задорный шумъ, какую-то рѣзкую, неугомонную браваду... Старшій классъ, или «бѣлыя» (носившія темно-зеленыя платья), — относились къ «голубымъ» съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, маленькія или «кофейныя», (одѣтыя въ платья кофейнаго цвѣта)—хоромъ кричали имъ: «звѣри голубые!..» а тѣ побѣдоносно шествовали между этими двумя враждебными имъ лагерями и задирали всѣхъ, ловко отстрѣливаясь отъ всевозможныхъ нападокъ.

Это было что-то бурное, вольное, неукротимое... Какая то особая стихійная сила среди нашего дѣтскаго населенія... И все это какъ то фаталистически связано было съ голубымъ цвѣтомъ дѣтскихъ платьевъ. Стоило пройти тремъ очереднымъ годамъ, и тѣ же дѣвочки сбросивъ съ себя задорный голубой мундиръ, дѣлались внимательнѣй къ маленькимъ, уступчивы съ классными дамами, и только съ замѣнившими ихъ «голубыми» слегка воевали, потому что, въ сущности, съ ними нельзя было не воевать.

Я, въ силу своей исключительной научной подготовки, сдѣлалась объектомъ особо усердныхъ преслѣдованій «голубыхъ». Онѣ прозвали меня «восьмымъ чудомъ» и при встрѣчѣ посылали мнѣ въ догонку этотъ эпитетъ, изрѣдка измѣняя его на эпитетъ «кометы», значеніе и смыслъ котораго такъ и остался мнѣ непонятнымы.

И замѣчательно, что «азартъ» этого «голубого мундира» равно сообщался самымъ образованнымъ, самымъ благовоспитаннымъ дѣвочкамъ.

Такъ, въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ Смольномъ воспитывались двѣ сестры Ч., Лина и Лили. Первая изъ нихъ (впослѣдствіи баронесса Б.) была въ старшемъ классѣ, когда я поступила въ маленькій классъ, а Лили (впослѣдствіи графиня О.-Д.) только что перешла въ «голубой» классъ.

И, Боже мой!.. Какихъ только неправдъ я не вынесла отъ этой хорошенькой и бойкой Лили!.. Старшая сестра, Лина или Александра, была болѣзненная и кроткая молодая дѣвушка и горячо любила Лили (Елизавету), которая была положительной красавицей.—но ни любовь сестры, ни увѣщанія, ни просьбы, ничто не могло унять стихійную удаль обворожительной, черноглазой Лили. Она какъ буря носилась по корридорамъ, выдумывала всевозможныя шалости и до слезъ доводила свою лучшую и любимую подругу,

Наташу С.,—которая, какъ родственница директрисы, имѣла свою отдѣльную комнату, гдѣ при ней жила ея старушка няня, всегда прогонявшая отъ своей «княжнуши» неугомонную и вѣчно шумѣвшую Лили Ч.

— И на барышню то непохожа!.. угрюмо ворчала она, покачивая своей сѣдою головой.—Словно кадетъ неугомонъ, или офицеръ гусарскій.

Возвращаюсь къ своему кофейному классу, или къ «кафулькамъ», какъ насъ дразнили «голубыя».

Это оригинальное прозвище существовало уже въ стѣнахъ Смольнаго монастыря за долго до моего поступленія туда и пріобрѣло такую широкую извѣстность, что императоръ Николай, всегда удивительно ласковый и привѣтливый къ дѣтямъ, какъ то сказалъ, глядя попеременно то на насъ, то на «голубыхъ»:

— Ну охота, mesdames, связываться съ «кафульками»!.. Fi donc!..

Весь этотъ мелкій вздоръ нашей институтской жизни государь зналъ изъ разсказовъ одной изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы, Л. А. Нелидовой, родной сестры знаменитой въ то время В. А. Нелидовой.

Л. А. вышла изъ Смольнаго въ годъ нашего поступленія туда и была сверстницей Ольги Полтавцевой, впослѣдствіи матери нашего знаменитаго героя Скобелева, которую я, будучи ребенкомъ, часто видала у своей тетки-инспектрисы.

Высокая, стройная, въ легкомъ бѣломъ платьѣ и ярко пунцовой бархатной мантильѣ, накинутой на плечи, она была совершенная красавица.

Меньшая сестра ея Annette Полтавцева (впослѣдствіи графиня Адлербергъ) была въ старшемъ классѣ, когда я была въ меньшемъ. Она была далеко не такъ хороша какъ сестра, но ростомъ и стройностью фигуры не уступала ей.

Помню я, какъ позднѣе, когда Полтавцева была уже замужемъ за Скобелевымъ, она смѣясь жаловалась моей теткѣ, что свекоръ ея (знаменитый комендантъ Петропавловской крѣпости) мѣшаетъ ей воспитывать сыновей.

— Невозможно ихъ пріучить къ выдержаннымъ, строгимъ манерамъ, говорила она.—Дома слушаются, ведутъ себя прилично, войдутъ въ берега совсѣмъ! А чуть попадутъ на одинъ день къ дѣдушкѣ, такъ все пропало!.. Ничего онъ имъ порядкомъ не дастъ... все съ боя бери!.. свое въ атаку... въ штыки!!. Они оба крошечные... упадутъ... перебьются... все на себѣ изорвутъ!.. Прямое мученье!

И вотъ, одинъ изъ этихъ маленькихъ воякъ и сдѣлался впослѣдствіи тѣмъ легендарнымъ генераломъ, который прогремѣлъ на весь міръ.

Л. А. Нелидова бывала у моей тетки рѣже, но всетаки бывала, и однажды, смѣясь, разсказывала при мнѣ, какъ государь, изъ ея повѣствованій знакомый съ учительскимъ персоналомъ Смольнаго, однажды окликнулъ ее въ театрѣ, и показывая глазами на проходившаго по партеру учителя математики Буссе, подмигнувъ сказалъ ей:

— Любочка!.. Глядите. «кудряша» идетъ!..

Голова Буссе была вся покрыта совершенно курчавыми, сѣдыми волосами, и дѣти, дѣйствительно, за глаза называли его иногда «кудряшей».

Въ маленькомъ классѣ Буссе не преподавалъ; у насъ былъ свой учитель, старичокъ Булановъ, типъ, какіе я встрѣчала впослѣдствіи среди чиновниковъ, блаженной памяти, управы благочинія. Худенькій, сгорбленный. мозглявый, съ вѣчно слезящимися глазами. и огромной табакеркой, которую онъ всегда торжественно выкладывалъ на столъ. рядомъ съ громаднымъ пестрымъ фуляровымъ платкомъ,—Булановъ былъ учителемъ, способнымъ внушить навсегда ненависть къ преподаваемой имъ наукѣ. И ненавидѣли же мы ариѳметику и стояли въ ней на такой единодушной точкѣ замерзанія. что многія, даже въ старшемъ классѣ, не знали въ разбивку таблицы умноженія.

Что касается до меньшого класса, тамъ и простого сложенія почти никто не могъ сдѣлать. и Булановъ, изощряясь въ средствахъ доканать насъ за наше упорное незнаніе. придумалъ намъ слѣдующее своеобразное наказаніе.

Онъ вызывалъ виновную къ большой черной доскѣ и заставлялъ крупными буквами мѣломъ написать на ней: «Г-жа (такая то) не знаетъ таблицы умноженія», или «Г-жѣ (такой то) упорно не даются самыя простыя цифры». Сначала это огорчало насъ, затѣмъ только слегка конфузило. а подъ конецъ начало просто смѣшить!..

Въ силу ли фаталистической случайности, или же по особому выбору заботливаго начальства, но всѣ наши учителя и профессора были и стары, и безобразны собой. Исключеніемъ изъ этого правила у насъ, въ маленькомъ классѣ. былъ только французъ Nouquet, вертлявый, живой, не старый, и ежели не красивый. то на столько миловидный, что рядомъ съ нашими безобразными старичками являлся почти красавцемъ. Его «обожали» усиленно и усердно, но отъ него всякая поэзія какъ то отскакивала безслѣдно и незамѣтно.

Законъ Божій въ младшемъ классѣ преподавалъ молодой священникъ, о. Іоаннъ Преображенскій, свѣтлая и почтенная личность. Въ среднемъ училъ Красноцвѣтовъ, очень образованный и умный священникъ, долгое время бывшій при одной изъ нашихъ заграничныхъ миссій и затѣмъ отозванный, и, какъ говорили, бывшій долгое время не у дѣлъ за написаніе какой то книги въ духѣ лютеранства. Насколько все это была правда, я не ручаюсь.

Законоучителемъ старшаго класса былъ Іоаннъ Недешевъ, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей, какихъ мнѣ когда-либо случалось встрѣчать въ жизни. Въ то время, когда мы узнали о. Недешева, это былъ уже дряхлый старикъ. ему было болѣе 70 лѣтъ, но ходилъ онъ еще бодро, опираясь на палку. Говорилъ онъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія зубовъ во рту, очень неясно и неразборчиво. и самый складъ его рѣчи представлялъ собою много оригинальнаго. Образованія онъ, повидимому, былъ самаго зауряднаго. что не мѣшало ему въ то время, о которомъ я говорю. быть духов-

нымъ отцомъ почти всей петербургской аристократіи, поголовно. Во главѣ его духовныхъ дочерей стояла знаменитая въ то время Т. Потемкина, извѣстная своей широкой благотворительностью и своей строгой жизнью. Она часто приглашала о. Недешева къ себѣ, нерѣдко сама его посѣщала и вручала ему крупныя суммы для раздачи бѣднымъ, по личному его усмотрѣнію. Къ этимъ деньгамъ онъ прибавлялъ почти все то, что получалъ и заработывалъ самъ, оставляя себѣ только на самое необходимое.

Нерѣдко онъ отправлялся въ гостиный дворъ и тамъ, обращаясь къ наиболѣе выдающимся и богатымъ купцамъ, которые всѣ поголовно его знали, высоко чтили и готовы были всегда безпрекословно исполнить его волю,—говорилъ:

– А ты, вотъ что!.. Послалъ-бы ты тутъ, кое кому, фунтиковъ десять чаю... Да и сахарку-бы приложилъ!.. Я вотъ и списочекъ тебѣ передалъ-бы!.. Ась?..

Купецъ немедленно изъявлялъ полную готовность исполнить его волю. «списочекъ» тутъ-же вручался, и по чердакамъ и подваламъ разсылались и чай, и сахаръ, и деньги. Къ другимъ купцамъ старый пастырь церкви обращался съ просьбой «пріодѣть» коекого, иныхъ просилъ за ученье внести деньги, не встрѣчая нигдѣ отказа.

На себя отецъ Недешевъ не тратилъ почти ничего, и придерживаясь стариннаго счета, на ассигнаціи, имѣлъ какое-то совершенно исключительное понятіе о тратахъ и потребностяхъ тратъ.

Такъ, напримѣръ, отпустивъ на хозяйство три рубля серебромъ, онъ довольнымъ тономъ говорилъ:

— Ужъ и денегъ я, братецъ мой, отвалилъ! Страсть!.. Цѣлыхъ десять рублей съ полтиной! Теперь, гляди, мы съ Настасьей долго сыты будемъ!..

«Настасья» была крошечная, прелестная дѣвочка, лѣтъ 3-хъ или 4-хъ, родная внучка отца Недешева и круглая сирота. Дѣдъ горячо любилъ ее и даже по своему баловалъ, но баловство это было своеобразное.

Никогда не забуду я, съ какимъ торжествомъ онъ какъ-то объявилъ намъ, когда мы были уже его ученицами, въ старшемъ классѣ:

— Какихъ мы съ Настасьей обновъ накупили!! Вотъ такъ обновы!!. Поглядѣть такъ любопытно!

— Батюшка, приведите ее къ намъ, въ обновахъ!

— Ладно... приведу!.. съ улыбкой согласился онъ.—То-то вы порадуетесь! Дайте только срокъ, сошьемъ все!..

Оказалось, что «обновы» заключались въ простомъ платьѣ, изъ того грубаго ситца, который составляетъ идеалъ благополучія фабричныхъ бабъ и мужиковъ.

ГЛАВА III.

Пріѣздъ императрицы Александры Ѳеодоровны.—Наши семейныя дѣла.—Владѣтельная княжна Гурійская.—Дѣтство и отрочество княжны Терезы.

Я уже говорила, что поступила годомъ позже назначеннаго срока, такъ что остальныя «кофейныя» имѣли уже случай видѣть императрицу Александру Ѳеодоровну неоднократно, я-же еще ни разу ее не видала.

Несмотря на сравнительное развитіе мое, — я всетаки была 8-ми-лѣтнимъ ребенкомъ. Дѣтское воображеніе работало во мнѣ живо, и я особенно склонна была къ фантастическимъ представленіямъ о томъ, чего я сама не видала. Такъ, объ особахъ царской фамиліи я только слышала, живя въ провинціи, не видала ихъ никогда, и представленіе мое о нихъ носило печать чего-то чудеснаго.

И вотъ однажды, передъ обѣдомъ, по классамъ «кофейныхъ» молніей пронеслась вѣсть: «Государыня пріѣхала, съ одною изъ дочерей своихъ, и мы увидимъ ее въ столовой!..» Прибѣжали пепиньерки и классныя дамы, стали обдергивать и поправлять «кафулекъ». Въ корридорѣ показался старшій унтеръ-офицеръ, Андрей Ивановъ, съ маленькою раскаленной плиткой, на которую онъ лилъ какое-то куренье... Куда-то вихремъ пронесся мимо классовъ нашъ экономъ Гартенбергъ. Сторожъ Никифоръ появился въ корридорѣ въ новомъ мундирѣ... Словомъ, вся праздничная обстановка была на лицо...

Насъ собрали въ рекреаціонную залу и стали устанавливать по парамъ.

— Государыня уже въ столовой! торопливо говоритъ вошедшая въ залу тетка моя, инспектриса.—Ведите скорѣе дѣтей!..

И мы торопливо строимся и ускореннымъ шагомъ направляемся въ столовую.

Я почти бѣгу... Въ моемъ сильно возбужденномъ воображеніи видѣніемъ встаютъ и корона, и порфира, и блескъ какихъ-то фантастическихъ лучей...

Но вотъ мы и въ столовой.

— Nous avons l'honneur de saluer Votre Majesté!.. кричимъ мы всѣ заученнымъ хоромъ.

Но гдѣ-же императрица?.. Къ намъ съ привѣтливой улыбкой подходитъ худенькая, идеально граціозная женщина, въ шелковомъ клѣтчатомъ платьѣ, желтомъ съ лиловымъ, и въ небольшой шляпѣ съ фіалками и высокой желтой страусовой эгреткой. Ни діадемы, ни порфиры... ни даже самаго миніатюрнаго бриліантика!.. Я разочарована...

Рядомъ съ императрицей стояла высокая и стройная блондинка, идеальной красоты, съ строгимъ профилемъ камеи и большими, голубыми глазами. Это была средняя дочь государыни, великая княжна Ольга Николаевна, впослѣдствіи королева Виртембергская, одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ современной ей Европы.

Тетка моя доложила государынѣ о моемъ поступленіи въ институтъ, и она милостиво пожелала меня видѣть.

— Mais c'est une grande demoiselle, toute raisonnable! улыбнулась она своей обаятельной улыбкой на мой низкій реверансъ, отвѣшенный по всѣмъ законамъ этикета.

Насчетъ реверансовъ у насъ тоже было гораздо строже, нежели насчетъ уроковъ!

Императрица милостиво потрепала меня по щекѣ и сказала, что она передастъ государю, какую «petite merveille» привезли ему въ пансіонерки.

Тетка моя была очень довольна этимъ и очень ласково обошлась со мной, что, кстати сказать, случалось съ ней не часто.

Я не одна изъ ея родственницъ воспитывалась въ Смольномъ; во вниманіе къ ея личнымъ заслугамъ этому учрежденію, кромѣ меня воспитывались еще четыре ея племянницы, дочери ея другого родного же брата, и она насъ всѣхъ, повидимому, не особенно горячо любила, вымещая на насъ этимъ недружелюбнымъ чувствомъ то, что даваемое намъ воспитаніе служило ей какъ бы наградой за ея долголѣтнюю и резностную службу, тогда какъ въ душѣ она, навѣрное, предпочла бы этому всякую другую награду.

Кромѣ насъ пятерыхъ, у нея лично воспитывалась еще шестая племянница, усыновленная ею съ дѣтства и въ то время, о которомъ я пишу, уже окончившая курсъ. Она была сверстницей Скобелевой (рожденной Полтавцевой), знаменитой своимъ пѣніемъ калмыцкой княжны Фавсты Калчуковой и свѣтлѣйшей княжны Гурійской, личности во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной. Свѣтлѣйшая княжна Тереза Гурійская (princesse de Gouries) была дочь какого-то владѣтельнаго князя, добровольно или недобровольно, отказавшагося отъ своего миніатюрнаго престола и вступившаго въ русское подданство. Княжну Терезу я узнала уже взрослой дѣвушкой, лѣтъ 20—23.

Она окончила курсъ, въ классѣ моей тетки, до нашего поступленія въ Смольный и принадлежала къ выпуску 1842-го года.

По словамъ нашей смолянской хроники, при покореніи или присоединеніи этого княжества владѣтельныхъ княженъ и прямыхъ наслѣдницъ князя было двѣ: княжны Сарра и Тереза.

Между обіими дѣвочками была значительная разница лѣтъ. Княжнѣ Саррѣ было уже 13 или 14 лѣтъ, маленькой Терезѣ— лѣтъ 5 или 6. Сходства между ними въ то время не было ни малѣйшаго.

Властная, гордая и заносчивая Сарра ничему не хотѣла подчиняться и ко всему русскому, безъ исключенія, относилась съ какой-то страстною враждой.

Маленькая Тереза, напротивъ, была добрый и привязчивый ребенокъ, и когда Сарра, достигнувъ 16-ти-лѣтняго возраста, занемогла чахоткой, маленькая сестренка не отходила отъ нея и всячески старалась ее успокоить и утѣшить.

Тою же мыслью озабочены были и особы царской фамиліи, всегда особенно благосклонно относившіяся къ сиротамъ-княжнамъ, и тотчасъ, какъ княжнѣ Саррѣ исполнилось 16 лѣтъ, ей посланъ былъ, при особомъ рескриптѣ, отъ императрицы брилліантовый фрейлинскій шифръ.

Произошелъ однако эпизодъ, вслѣдствіе котораго Сарра не стала фрейлиной. Она и года не прожила послѣ этого эпизода, и, по ея кончинѣ, маленькая Тереза взята была въ Смольный монастырь и спеціально поручена заботамъ инспектрисы пепиньерокъ m-elle Усларъ.

Одинокая и сиротливая сама и къ тому же обиженная природой (m-elle Усларъ была крошечнаго роста и совершенно кривобокая).—старая дѣвица горячо привязалась къ красивому, своеобычному ребенку.

Тереза была совершенно необыкновенный человѣкъ; всѣ привычки и стремленія полудикихъ, азіатскихъ народовъ сказались въ ней во всей силѣ. Она любила сидѣть на полу, по цѣлымъ часамъ напѣвала себѣ подъ носъ какія-то тягучія, мучительно однообразныя пѣсни и обладала гомерическимъ, почти не дѣтскимъ аппетитомъ, перѣдко бывавшимъ для нея источникомъ всевозможныхъ злоключеній. Она съѣдала по нѣсколько обѣдовъ, требовала, вмѣсто обычно раздаваемаго дѣтямъ бѣлаго хлѣба, большія краюшки чернаго хлѣба съ масломъ и нарушала одинъ изъ строжайшихъ приказовъ нашего институтскаго распорядка безпрестанною посылкой въ сосѣднюю лавочку за всевозможными сайками, банками патоки, солеными огурцами, являвшимися, вѣроятно въ смыслѣ запретности этого угощенія, любимымъ лакомствомъ дѣтей.

Повторяю, все это къ намъ перешло только въ видѣ преданія о громадной красавицѣ Терезѣ, которая, въ наше время, занимала уже отдѣльную комнату, рядомъ съ помѣщеніемъ ея неизмѣннаго друга и воспитательницы, m-elle Усларъ, но оригинальность княжны и теперь, взрослою дѣвушкой, ручалась намъ за то, что и преданія о ней мало погрѣшали.

Тереза была замѣчательно хороша, обычною, тяжелой грузинской красотою; бѣлая, полная, крупная, съ нѣсколько крючковатымъ носомъ и большими миндалевидными глазами,—она отличалась какимъ-то властнымъ, не столько крикливымъ, сколько доминирующимъ голосомъ и такимъ гомерическимъ хохотомъ, раскаты котораго были хорошо знакомы всему Смольному монастырю.

Царская фамилія, всегда внимательно относившаяся къ Терезѣ, со времени кончины гордой Сарры усугубила къ ней свое вниманіе.

Маленькіе капризы Терезы, сообщенные m-elle Усларъ, исполнялись безпрекословно, и молодыя великія княжны, по приказанію государя и государыни, называли ее «ma cousine».

Это послѣднее обстоятельство, по разсказамъ нашей старой няни Анисьи, ходившей, до ея выпуска, за Терезой,—служило поводомъ къ массѣ оригинальныхъ выходокъ неистощимой на дикія выдумки княжны Терезы.

Замѣчу кстати, что ходившія за нами няни, взятыя всѣ изъ воспитанницъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома—говорили намъ всѣмъ «ты», что на первыхъ порахъ поражало, а иногда и оскорбляло нашъ дѣтскій слухъ, привычный дома къ раболѣпной рѣчи крѣпостной прислуги.

Тереза къ числу оскорблявшихся этой фамильярностью не принадлежала. По ея восточнымъ понятіямъ, слово «вы» было глупое слово.

Тереза была чрезвычайно добра, но и чрезвычайно вспыльчива. и никто не помнитъ, чтобы она, разсердившись за что-нибудь, стѣснилась временемъ или мѣстомъ для выраженія своего гнѣва.

Не останавливалась она также и надъ выборомъ выраженій, не затрудняясь соображеніями о томъ, къ кому они были адресованы,

Время шло. Тереза получала приглашенія на всѣ придворные балы, была непремѣннымъ членомъ всѣхъ устраивавшихся во дворцахъ фестиваловъ, широко пользовалась гостепріимствомъ великой княгини Елены Павловны, салонъ которой служилъ мѣстомъ собранія всѣхъ умныхъ и талантливыхъ людей той эпохи, была желанной гостьей на всѣхъ, самыхъ интимныхъ собраніяхъ при дворѣ. но... оффиціальнаго положенія не занимала никакого и фрейлинскаго шифра не получала. Это ее сердило, и она рѣшилась сама возбудить этотъ вопросъ.

— Душечка!.. обратилась она къ своему старому другу, m-lle Усларъ,—начавъ свою рѣчь съ традиціоннаго эпитета «душечка», прилагавшагося ею безразлично къ всѣмъ, кого она любила, безъ различія, не исключая изъ этого числа и императрицы, которую она съ дѣтства называла часто въ глаза «душечкой».—Послушайте!.. Что-жъ это мнѣ шифра не даютъ?.. Вонъ ужъ масса нашихъ и дежурятъ при императрицѣ, и на выходахъ парадируютъ въ сарафанахъ, одну меня только обошли!!. Почему это такъ?..

— Я право не знаю... Тереза!.. растерянно отвѣчала старушка.— Я думаю, что это потому... что твоя покойная сестра Сарра... ты знаешь...

— Ничего я ровно не знаю! нетерпѣливо возразила Тереза.— При чемъ тутъ моя «покойная» сестра Сарра?.. Она успокоилась, а я и безпокоиться не начинала!.. Нѣтъ, душечка, ужъ вы, какъ тамъ хотите, а это мнѣ устройте!..

— Хорошо. Тереза!.. Я постараюсь... я узнаю стороной!..

Справки были осторожно наведены, и въ дѣйствительности оказалось, что шифра Терезѣ не присылали, опасаясь съ ея стороны такого-же рѣзкаго отвѣта, какой былъ полученъ отъ княжны Сарры.

Тереза поспѣшила успокоить всѣхъ, и шифръ былъ торжественно привезенъ графиней Разумовской, самой старой, важной и почетной изъ всѣхъ придворныхъ дамъ того времени, по слухамъ, почти считавшейся визитами съ императрицей.

Тереза очень обрадовалась, съ обычнымъ своимъ дикимъ порывомъ обняла и расцѣловала чопорную графиню и разразилась, въ знакъ удовольствія, такимъ гомерическимъ взрывомъ хохота, что и директрисѣ m-me Леонтьевой, и старушкѣ Усларъ пришлось извиняться за нее передъ удивленной и слегка испуганной графиней Разумовской.

А Тереза, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала хохотать, между смѣхомъ вставляя, по адресу графини, успокоительныя фразы, въ родѣ слѣдующихъ:

— Это ничего, душечка! Это я такъ!.. Я ужасно рада!!. И большое, большое merci и вамъ, и ангелу императрицѣ, и чудному государю!!. Скажите имъ, что я всѣхъ ихъ цѣлую и обожаю!..

Этотъ послѣдній эпизодъ я. хотя стороною. но помню сама. Онъ произошелъ уже на второй годъ моего пребыванія въ институтѣ, и объ немъ въ тотъ-же вечеръ шелъ, въ моемъ присутствіи, оживленный разговоръ у моей тетки. Къ концу разговора пришла сама княжна Тереза и совершенно спокойно и хладнокровно подтвердила все выше переданное.

ГЛАВА IV.

Представленіе княжны Терезы ко двору.—Особая милость государя.—Выборъ жениха.—Траги-комическій эпизодъ сватовства.—Послѣдующая судьба княжны Терезы.—Смерть ея воспитательницы.

Придворное платье княжны Терезы (красный бархатный сарафанъ. съ вышитымъ золотомъ длиннымъ трэномъ) было готово въ очень скоромъ времени, и я какъ теперь помню ее, пришедшую показаться моей теткѣ, въ полной парадной придворной формѣ. Роскошный сарафанъ и русская повязка съ длинной фатой какъ нельзя болѣе шли къ ея крупной, дебелой красотѣ.

Терезѣ назначенъ былъ день. въ который она поѣхала. чтобы принести благодарность Ихъ Величествамъ, и я слышала разсказъ о томъ, что пріемъ этотъ былъ обставленъ, по желанію государя, особой торжественностью. За княжною прислана была придворная карета, съ двумя лакеями въ придворной ливреѣ, о прибытіи ея доложилъ императрицѣ оберъ-камергеръ, и при ея представленіи присутствовали всѣ три дочери императора Николая, великая княгиня Марія Николаевна. бывшая въ то время замужемъ за герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ, и Ольга и Александра Николаевны.

Императрица обняла и крѣпко поцѣловала княжну Терезу, сама приколола шифръ къ ея лѣвому плечу и тутъ-же надѣла ей на шею богатое жемчужное ожерелье. Затѣмъ къ Терезѣ подошли государь и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, и оба поцѣловали у нея руку, а императрица, обращаясь къ дочерямъ, сказала:

— Remerciez votre cousine pour la joie que nous éprouvons tous de la voir faisant partie de notre cour.

По слухамъ. она хотѣла сказать «de notre famille», но государь воспротивился этому, какъ воспротивился и тому, чтобы. замѣнивъ слово «famille» словомъ «cour». императрица сказала «honneur», а не «joie».

Весь церемоніалъ пріема новой фрейлины былъ, какъ оказывается, опредѣленъ и строго обдуманъ заранѣе, но сама княжна Тереза всѣхъ этихъ нюансовъ, конечно, не замѣтила. Она была по своему просто и откровенно рада, и радость ея еще удвоилась. когда на слѣдующій день за семейнымъ обѣдомъ во дворцѣ, куда приглашена была и вновь пожалованная фрейлина,—государь объявилъ ей о новой, дарованной ей царской милости. Государю

благоугодно было объявить титулъ свѣтлости навсегда закрѣпленнымъ за княжной Терезой, такъ что, за кого-бы она впослѣдствіи ни вышла замужъ, тотъ дѣлался свѣтлѣйшимъ княземъ.

Такая небывалая милость со стороны государя подала, при нелѣпой своеобразности мнѣній и поступковъ княжны, поводъ къ цѣлой серіи комическихъ эпизодовъ.

Вдругъ, около мѣсяца спустя, неугомонная княжна объявила, что выходитъ замужъ за бывшаго своего учителя рисованія, то вдругъ какому-то совсѣмъ ничтожному гвардейскому офицеру, подвернувшемуся ей на балѣ, и снискавшему ея благоволеніе своимъ умѣньемъ танцовать мазурку—объявила, что она сдѣлаетъ его свѣтлѣйшимъ княземъ...

Государь, узнавая объ этомъ по обыкновенію, хохоталъ, но въ концѣ концовъ, конечно, получилось то, что просватана была княжна Тереза, за князя Д.. — офицера, если я не ошибаюсь, преображенскаго полка,—носившаго самого по себѣ титулъ свѣтлости. Передачу оффиціальнаго предложенія невѣстѣ, по желанію императрицы, взяла на себя все та-же графиня Разумовская. Она явилась въ Смольный монастырь, en grande tenue, съ Екатерининскимъ орденомъ на груди, и пройдя въ квартиру директрисы, m-me Леонтьевой, просила пригласить къ ней княжну Гурійскую. Леонтьева, заранѣе предупрежденная о ея визитѣ, встрѣтила ее въ полномъ парадѣ.

Княжна Тереза вышла въ сопровожденіи своей бывшей воспитательницы, m-lle Усларъ, тоже парадно одѣтою, въ дорогое форменное, синее платье... На княжнѣ платье было бѣлое, совершенно гладкое, оттѣненное только голубою лентой фрейлинскаго шифра на лѣвомъ плечѣ...

Она шла, весело улыбаясь.

Графиня встала ей на встрѣчу, и усадивъ ее передъ собою, торжественно передала ей оффиціально предложеніе князя Д., присовокупивъ, что бракъ этотъ вполнѣ одобренъ Ихъ Величествами. Княжна Тереза слушала молча, кусая губы.

Вся эта торжественность, вся эта оффиціальная помпа начинали не на шутку забавлять ее. Она чувствовала приближеніе пароксизма неудержимаго хохота.

M-me Усларъ, зная свою воспитанницу, была полна тревоги... Она бросала на Терезу умоляющіе взгляды, которые еще болѣе смѣшили неутомимую хохотушку...

— Княжна... Я жду вашего отвѣта!.. Что угодно будетъ вамъ, чтобы я передала его свѣтлости, князю Д.?..

Тереза молчала, продолжая кусать губы... Леонтьева тревожно переводила свой взоръ съ воспитательницы на воспитанницу... Усларъ была какъ на иголкахъ.

— Voyons!.. Thérèse!.. почти робко начала она и неловкимъ движеніемъ выронила изъ рукъ табакерку.

Табакъ просыпался ей на платье и на коверъ... Тереза неудержимо расхохоталась...

Табачная пыль поднялась въ воздухъ... Когда раздалось громкое чиханье графини, и обѣ начальницы почтительно раскланялись съ

нею. Тереза вскрикнула отъ восторга и расхохоталась такъ, какъ умѣла хохотать только она одна.

Подхвативъ длинный шлейфъ своего параднаго бѣлаго платья, она бросилась бѣжать, оглашая воздухъ хохотомъ. Такъ вылетѣла она въ переднюю, вихремъ промчалась въ корридоръ, гдѣ буквально упала отъ хохота на первыхъ ступенькахъ парадной лѣстницы, ведущей прямо изъ швейцарской въ аппартаменты директрисы. Ее почти подняли и, чуть-чуть не въ истерикѣ, довели до ея комнаты.

Удивленная и оскорбленная графиня Разумовская такъ и уѣхала, не добившись никакого положительнаго отвѣта, а Леонтьева и Усларъ остались среди горькаго недоумѣнія, не зная, чѣмъ разрѣшится этотъ траги-комическій эпизодъ.

Все уладилъ государь, искренно желавшій этой свадьбы.

Онъ извинился за Терезу передъ графиней Разумовской, объяснился самъ и съ невѣстой и съ женихомъ, и свадьба была торжественно отпразднована въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи Ихъ Величествъ.

О дальнѣйшей судьбѣ оригинальной смолянки мнѣ извѣстно очень мало. Я случайно видѣла ее, и почти не узнала, лѣтъ 9 или 10 спустя, когда я уже вышла изъ института. Она очень растолстѣла, подурнѣла и отцвѣла съ той быстротою, съ какой обыкновенно отцвѣтаютъ всѣ южанки, но въ семейномъ отношеніи была, какъ я слышала, очень счастлива.

Она была матерью многочисленнаго семейства, а мужъ ея, за смертью какихъ-то старшихъ въ его родѣ князей Д., вышелъ въ отставку и вступилъ въ самостоятельное владѣтельное княженіе въ одномъ изъ далекихъ уголковъ Грузіи.

M-lle Усларъ, въ конецъ осиротѣвшая съ замужествомъ княжны, не долго прожила послѣ ея отъѣзда. Она умерла на службѣ, въ тѣхъ-же комнатахъ, въ которыхъ она жила вмѣстѣ съ Терезой, а мѣсто ея заняла m-lle Слонецкая, бывшая одно время классной дамой и назначенная инспектрисой, по представленію Леонтьевой, надъ которой Слонецкая вскорѣ пріобрѣла неограниченное и... къ несчастію, не особенно благотворное вліяніе.

ГЛАВА V.

Классныя дамы и ихъ отношенія къ дѣтямъ.—Два типа классныхъ дамъ.—Отрадное исключеніе.—Катенька С.—Жалоба императрицѣ.

Я уже сказала выше, что каждая изъ насъ, на всѣ 9 лѣтъ, поступала въ исключительное распоряженіе той классной дамы, въ дортуарѣ которой она числилась. Это была ея прямая наставница, ея гувернантка, женщина, призванная замѣнить ей отсутствующую мать.

Конечно, трудно было-бы требовать, чтобы каждая изъ классныхъ дамъ проникалась пламенной, чисто материнской любовью къ двадцати пяти пріемнымъ дочерямъ, — но во всякомъ случаѣ можно

было-бы вносить во взаимныя отношенія и больше душевности. и болѣе сознанія извѣстнаго долга.

Ни того, ни другого на лицо не было.

Дѣти прямо таки ненавидѣли своихъ классныхъ дамъ, классныя дамы обижали и угнетали дѣтей. пока тѣ были маленькими. и жестоко платились за это впослѣдствіи, когда эти многострадальныя дѣвочки выростали и, въ свою очередь, вымещали на классныхъ дамахъ всѣ вынесенныя ими въ дѣтствѣ мученія.

Отраднымъ исключеніемъ изъ числа всѣхъ классныхъ дамъ того класса, въ который я поступила. была Лопатинская. прекрасная семьянинка, мать и бабушка многочисленнаго семейства, сумѣвшая внести и въ судьбою посланное ей семейство чисто материнскія заботы. Она заботилась объ нихъ съ утра до ночи, гордилась примѣрными ученицами своего дортуара, подбодряла лѣнивыхъ. отстаивала ихъ интересы передъ всѣми учителями. заступалась за нихъ передъ дежурными классными дамами. жила ихъ дѣтскими радостями, горевала вмѣстѣ съ ними въ ихъ дѣтскихъ невзгодахъ и, по возможности. замѣняла имъ ихъ отсутствующія семьи.

Дѣти, по глупости. иногда тяготились ея заботами. остальныя классныя дамы смѣялись надъ нею и прозвали ее «насѣдкой». но всѣ. кто близко зналъ эту достойную женщину. рано или поздно отдали ей. навѣрное, полную справедливость и оцѣнили ее по достоинству.

Я, къ сожалѣнію, въ ея дортуаръ не попала; тетушка моя выбрала мнѣ классной дамой Волкову, пожилую 50-ти-лѣтнюю дѣвицу, несомнѣнно особу очень достойную. но дослуживавшую уже, въ то время, послѣдніе годы свои до полной пенсіи (25-ти-лѣтней службы) и видимо озабоченной только тѣмъ, чтобы дотянуть лямку.

Она не обижала дѣтей, не притѣсняла ихъ, не оскорбляла никогда ихъ дѣтскаго самолюбія. но она не любила ихъ, и чуткое дѣтское сердце это прекрасно понимало.

Вообще нигдѣ и никогда сиротская дѣтская душа такъ не требуетъ ласки, и такъ отзывчиво не откликается на нее, какъ въ стѣнахъ закрытаго заведенія. при томъ робкомъ сознаніи «вѣчности заточенія», которое встаетъ въ дѣтскомъ умѣ при мысли о 9-ти-лѣтнемъ срокѣ пребыванія въ институтѣ. Девять лѣтъ—это вѣчность въ глазахъ ребенка!

А тутъ еще безтолковые окрики. вздорныя придирки, и что хуже всего, обидныя прозвища и клички, которыми классныя дамы награждали воспитанницъ, и на которыя дѣти отвѣчали. въ свою очередь, такими-же прозвищами и кличками.

Особенно рѣзка и груба была съ дѣтьми классная дама Павлова. рѣзкая особа, замѣчательно некрасивая собой, съ грубымъ, почти мужскимъ голосомъ, и манерами рыночной торговки. Она топала на дѣтей ногами, драла ихъ за уши, бранилась какъ кухарка и вносила въ безотрадную и такъ уже дѣтскую жизнь цѣлый адъ новыхъ терзаній. Дѣти платили ей за это полнѣйшей ненавистью. и такъ вымещали на ней все это, позднѣе. по переходѣ въ голубой и въ особенности въ старшій классъ,—что даже ее. подчасъ, жалко становилось.

Прямую противоположность Павловой, въ смыслѣ вѣжливости и

мягкости обращенія, представляла собой другая классная дама. Кривцова, довольно элегантная блондинка. лѣтъ 40—45, всегда ровная и почти ласковая въ обращеніи съ дѣтьми; но ласка ея дышала такимъ равнодушіемъ, ей такъ мало было дѣла до ввѣренныхъ ея надзору дѣтей, она такъ всецѣло игнорировала и ихъ самихъ, и ихъ дѣтскіе интересы, и весь складъ ихъ дѣтской жизни, что даже отъ криковъ и брани Павловой вѣяло большей жизнью, нежели отъ этого мертваго, могильнаго равнодушія.

Павлова кричала, неистовствовала, дергала во всѣ стороны дѣвочку и сама держалась какъ припадочная, но злясь и бранясь, она видѣла передъ собою живого человѣка, тогда какъ Кривцова и до этого не снисходила. Она прямо игнорировала окружавшій ее дѣтскій міръ и врядъ-ли даже хорошо знала въ лицо даже своихъ воспитанницъ.

Такая ненормальность отношеній создавала и явленія ненормальныя, и объ одномъ изъ этихъ явленій я хочу поговорить подробно.

О томъ, что личныя отношенія классныхъ дамъ къ ввѣреннымъ имъ дѣтямъ значительно вліяли на успѣхи дѣвочекъ въ наукахъ,—говорить, конечно, излишне; это ясно доказалъ исходъ всего учебнаго курса, и въ то время, какъ личныя воспитанницы Павловой занимали самыя послѣднія мѣста въ спискахъ воспитанницъ по ученію,—два первыхъ шифра въ нашемъ выпускѣ получили воспитанницы Фредериксъ и Распопова, обѣ изъ дортуара Лопатинской.

Система глубокаго равнодушія Кривцовой вызвала другіе результаты, а именно отразилась на одной изъ воспитанницъ такъ необычайно, что до сихъ поръ, припоминая это страшное, вполнѣ ненормальное явленіе нашей институтской жизни, останавливаешься въ недоумѣніи, не зная чему его приписать.

Дѣло въ томъ, что въ дортуарѣ Кривцовой объявилась странная, до дикости невозможная дѣвочка, которая довела свои шалости до того, что вовсе перестала учиться. Она не приготовляла ни одного урока, не брала въ руки ни одной книги и постоянно занималась только тѣмъ, что или таракановъ впрягала въ бумажныя тележки, или разводила чернилами узоры на своемъ бѣломъ фартукѣ, или приставала къ подругамъ, къ нянькамъ, къ класснымъ дамамъ, всѣхъ выводя окончательно изъ терпѣнія. У товарокъ своихъ она разбрасывала тетради, у нянекъ выдергивала спицы изъ чулокъ, которые онѣ вязали, изъ подъ классныхъ дамъ выдергивала стулья, у звонившаго на уроки и рекреаціи солдата уносила колоколъ и звонила имъ, бѣгая по корридорамъ, въ неурочные часы; однимъ словомъ, наполняла весь институтъ своими шалостями и со всѣхъ сторонъ возбуждала ропотъ неудовольствія.

Катя С. (такъ звали маленькую шалунью) была миловидная бѣлокуренькая дѣвочка, съ живымъ лицомъ и ясными голубыми глазками. Она была очень общительна, чрезвычайно добра, всегда готова была подѣлиться со всѣми послѣднимъ, и если на такой благодарной почвѣ развился такой необычайный характеръ, то вина въ этомъ всецѣло падаетъ на невниманіе и неумѣлость ея воспитателей.

Началось съ того, что маленькой Катѣ отецъ привезъ много всевозможныхъ гостинцевъ, а классная дама, за что-то ею недовольная, сначала спрятала отъ нея всѣ лакомства, а затѣмъ, желая глубже поразить ея дѣтское сердце, на ея глазахъ раздала всѣ ея гостинцы другимъ.

Это возмутило дѣвочку. Она нашла это несправедливымъ, и съ цѣлью возстановить, по своему разсужденію, нарушенное право, она пошла и тихонько съѣла конфеты, ей непринадлежавшія.

Въ поступкѣ этомъ она чистосердечно созналась, но не ощутила при этомъ ни тѣни раскаянія, и тогда находчивая Кривцова, вмѣсто того, чтобы объяснить ребенку его ошибку, нашла болѣе цѣлесообразнымъ наклеить на картонъ громадный билетъ съ надписью крупными буквами: «воровка», и надѣвъ билетъ этотъ, на снуркѣ, на шею маленькой Катѣ, выставить ее, съ этимъ позорнымъ украшеніемъ, въ дверяхъ дортуара, предварительно снявъ съ нея фартукъ, что считалось у насъ въ Смольномъ величайшимъ наказаніемъ.

Съ этого дня участь маленькой Кати была рѣшена. Воровкой она себя не считала, чужія конфеты она, по ея мнѣнію, имѣла полное право съѣсть, съ той минуты какъ ея собственныя конфеты были съѣдены другими,—а горевать надъ незаслуженнымъ наказаніемъ она не хотѣла, считая это для себя унизительнымъ.

Равнодушіе С. къ такому, изъ ряда вонъ выходящему наказанію убѣдило наше недальновидное начальство въ томъ, что дѣвочка «погибла», что она «неисправима», что она, за свою *порочность*, должна быть торжественно выдѣлена изъ среды подругъ, которыхъ она можетъ *заразить* своимъ примѣромъ.

А между тѣмъ, всѣ проказы и шалости этой «погибшей» дѣвочки были простыми, дѣтскими шалостями, и ни одной порочной черты въ нихъ никогда не было. Она шалила въ классахъ, болтала ногами, смѣшила сосѣдокъ своихъ глупыми шутками надъ учителями и классными дамами,—и вотъ ее сажаютъ одну, на стулѣ, впереди всего класса, и для вящаго ея посрамленія, изобрѣтаютъ для нея особый костюмъ.

Изъ ея несложнаго форменнаго туалета навсегда исчезаетъ фартукъ, волосы ея, среди завитыхъ головъ подругъ, заплетаются въ двѣ косы, которыя и распускаются по ея плечамъ.

Въ этомъ, совершенно оригинальномъ видѣ, маленькая Катя фигурируетъ и на урокахъ, и въ столовой, на глазахъ 450 учениць всѣхъ трехъ классовъ, и торжественно шествуетъ по корридорамъ, на глазахъ у безчисленной прислуги. Дѣвочка теряется окончательно; самолюбіе ея притупляется, дѣтское сердце ея ожесточается.

Отецъ ея уѣзжаетъ къ себѣ въ Вологду, недовольный ею, но она и этимъ бравируетъ. Правда — это отнынѣ единственное для нея средство самозащиты. Она изощряется въ шалостяхъ, какъ надъ нею изощряются въ наказаніяхъ, и въ концѣ концовъ, надъ нею ставятъ крестъ и перестаютъ ею заниматься.

Дѣвочка растетъ какъ трава въ полѣ, и имя ея дѣлается синонимомъ всего дурного, безтолковаго, ни къ чему не пригоднаго. Нашалитъ которая-нибудь изъ воспитанницъ, напроказитъ не въ

мѣру сильно,—и надъ нею раздается укоризненный голосъ классной дамы:

— Что это ты, ma chère, С. что-ли?..

Не гуманнѣе этого относились къ протестующему ребенку и учителя. Они знали, что уроковъ С. не учитъ никогда, и вмѣсто того, чтобы настаивать на ея занятіяхъ, совсѣмъ оставили всякую заботу о ней.

— Вы, г-жа С., конечно урока не знаете?.. спросятъ ее, бывало.

Она встанетъ со своего стула, сдѣлаетъ учтивый реверансъ, и отвѣтитъ: «Non, monsieur!»... если ее спрашиваетъ русскій учитель, или: «Совсѣмъ ничего не знаю-съ!», если ее спрашивали французъ или нѣмецъ.

На иностранныхъ языкахъ она объяснялась по своему, «каріе глаза» переводила словами: «des yeux carrés», перила на лѣстницѣ называла: «les périls sur l'escailler», и слово «шутить» переводила словами: «parler par bêtise».

Этотъ разговоръ ужасно смѣшилъ всѣхъ, и вскорѣ она усвоила и до самаго выпуска оставила за собою роль какого-то общественнаго шута, котораго и любили, и въ достаточной степени побаивались.

Я не знаю, чтобы въ другомъ классѣ, въ мое время, былъ субъектъ въ родѣ С., если не считать 14-ти лѣтнюю воспитанницу М., которая была прямоидіотка отъ природы, совсѣмъ ничему не училась, не знала даже азбуки и продолжала безсмысленно и почти безсознательно двигаться среди своихъ сверстницъ, единственно въ силу того, что была ошибочно принята въ число воспитанницъ во время общаго пріема.

С. знали положительно всѣ; всѣ три класса, три инспектрисы, 24 классныхъ дамы и вся безчисленная прислуга Смольнаго монастыря, и, въ силу той нелогичности, какою отличалось—все въ нашемъ воспитаніи, — всѣ дѣянія С. и всѣ ея чудачества, считавшіяся нравственнымъ паденіемъ и порочностью,—ложились на насъ всѣхъ мрачнымъ, неизгладимымъ пятномъ. Отсюда ѣдкая, презрительная ненависть всего класса къ маленькой подругѣ, которая, наоборотъ, сама всѣхъ горячо любила и среди неустанныхъ шалостей своихъ не сдѣлала никогда никому и тѣни зла.

Между тѣмъ, неисправимость Кати и ея настойчивыя шалости навели мудрое начальство на мысль исключить ее изъ числа воспитанницъ Смольнаго монастыря. Къ счастью, такая рѣшительная мѣра ни отъ кого изъ начальствующихъ лицъ не зависѣла. Для этой крайней и безпощадной мѣры нужна была санкція самой императрицы, которой при этомъ должны были докладываться и мотивы самаго изгнанія. Подобный докладъ могъ идти только отъ лица директрисы заведенія, которая, по разъ навсегда заведенному порядку, еженедѣльно, особыми рапортами, докладывала государынѣ обо всемъ, что происходило въ стѣнахъ института.

И вотъ, послѣ долгаго и усерднаго совѣщанія, рапортъ составленъ и отправленъ, причемъ злополучной С., — которой въ

то время минуло 11 лѣтъ, — поставлена на видъ та крайняя и позорная мѣра, которая принята противъ нея.

— Ну, вотъ еще!—пожимая плечами, отвѣчала она, собравшемуся синклиту. — Мало-ли, что вы тутъ выдумаете!.. Станетъ императрица васъ слушать!!

Это смѣлое восклицаніе переполнило чашу. Всѣ заволновались и закаркали, съ единодушіемъ, достойнымъ лучшей участи и совершенно иного примѣненія. Мы всѣ, узнавъ о посланномъ во дворецъ рапортѣ, тревожились и волновались невыразимо, и при этомъ краснѣли, сознавая, что и на насъ всѣхъ косвенно падаетъ стыдъ и позоръ ожидаемой крупной и выдающейся кары.

ГЛАВА VI.

Отвѣтъ императрицы. — Пріѣздъ государыни. — Ея разговоръ съ С. — Ропотъ нашего начальства. — Итоги полученнаго воспитанія. — Прощаніе С. съ институтомъ.—Ея дальнѣйшая судьба.

Отвѣтъ императрицы не заставилъ себя долго ждать. Его привезъ къ намъ статсъ-секретарь Гофманъ, почему-то особенно близко стоявшій къ Смольному монастырю и особенно часто и заботливо насъ навѣщавшій.

Онъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, выразилъ нѣкоторое удивленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почтительное порицаніе директрисѣ за то, что она обезпокоила государыню такимъ сенсаціоннымъ докладомъ, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ, Гофманомъ, и на возраженіе м-мъ Леонтьевой, что она уполномочена дѣлать доклады свои самостоятельно и желаетъ пользоваться этимъ полномочіемъ,—Гофманъ сообщилъ ей отвѣтъ императрицы.

Государыня, сильно взволнованная испрашиваемымъ разрѣшеніемъ на «изгнаніе» воспитанницы, и при томъ такого маленькаго ребенка, какимъ была С., — отказала директрисѣ въ испрашиваемой Высочайшей санкціи и повелѣла отложить всякое рѣшеніе до личнаго ея пріѣзда.

Одновременно съ этимъ, Гофманъ, не стѣсняясь, сообщилъ и о неудовольствіи государя вслѣдствіе того, что рапортъ этотъ разстроилъ и взволновалъ императрицу, спокойствіе которой государь внимательно оберегалъ.

— Государю благоугодно было приказать, чтобы впредь всѣ подобнаго рода рапорты представлялись на личное его усмотрѣніе, прежде, нежели повергаться на санкцію государыни!.. — сказалъ Гофманъ, обращаясь къ директрисѣ.

Но нашу м-мъ Леонтьеву не такъ легко было сконфузить.

Императоръ Николай шутя говорилъ объ ней:

— Марья Павловна est à cheval sur ses idées.

И дѣйствительно, съ идеи, разъ засѣвшей ей въ голову, ее невозможно было сдвинуть.

Выслушавъ Гофмана, она холодно повела плечами и спокойно замѣтила ему, что подобное указаніе она можетъ выслушать отъ самой императрицы, и что рапорты объ институтѣ, направленные

къ государю, она считаетъ настолько же страннымъ и не логичнымъ, какъ рапортъ о кадетахъ и воспитанникахъ Пажескаго корпуса, доложенный императрицѣ. Гофманъ молча пожалъ плечами.

Весь эпизодъ этотъ произошелъ ранней весною, но наступили и каникулы (начинавшіеся у насъ 24-го іюня и продолжавшіеся до 1-го августа), а государыня все еще не пріѣзжала. Это огорчало всѣхъ насъ, а больше всѣхъ С. Она даже шалить перестала, и относительно нея признано было возможнымъ ввести нѣсколько льготныхъ мѣръ. Ей возвратили фартукъ и разрѣшили завивать волосы, которые она, на досугѣ, коротко остригла, никому объ этомъ не сказавши.

Начальство укоризненно покачало головами, но не могло не сознаться при этомъ, что это бѣлокурая, кудрявая головка, съ задорнымъ, веселымъ личикомъ, съ ясными, смѣло и прямо смотрящими глазами, подкупающе дѣйствовала на всякаго посторонняго зрителя.

— Вотъ С.. всегда-бы такъ!.. укоризненно замѣчали ей и классныя дамы и моя тетка инспектриса, между прочимъ, со стороны всѣхъ уже возведенная въ общій титулъ «тетки».

Наконецъ, въ одинъ изъ ясныхъ и теплыхъ лѣтнихъ дней, по саду гдѣ мы гуляли, молніей пронеслась вѣсть, что императрица пріѣхала. Всѣ забѣгали, засуетились...

Намъ велѣно было строиться попарно, чтобы итти въ большую, мраморную залу... Мы уже двинулись дружнымъ строемъ, когда на встрѣчу намъ бѣгомъ пронеслась одна изъ пепиньерокъ, посланная предупредить насъ, что государыня придетъ въ садъ. Насъ тутъ-же выстроили колонной, по 10 человѣкъ въ рядъ, и наскоро осмотрѣвъ наши руки, фартуки и порядкомъ таки растрепанныя головы, сдвинули въ задніе ряды тѣхъ, которыя выглядѣли особенно неряшливо.

С., которая всегда была растрепаннѣе всѣхъ, на этотъ разъ выглядѣла совсѣмъ элегантно. Къ ея довольно оригинальной удачѣ, она цѣлыхъ два часа передъ тѣмъ простояла наказанная у дерева и какъ туалетъ ея, такъ и мелкія букли ея бѣлокурыхъ волосъ сохранились въ полной и небывалой симметріи.

Тѣмъ не менѣе, она запрятана была, по обыкновенію, въ задніе ряды обширной колонны, гдѣ она стояла всегда, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, изъ опасенія, чтобы она не выкинула какой нибудь фокусъ.

Государыня показалась въ концѣ аллеи, окруженная воспитанницами старшаго класса, пользовавшимися привилегіей сопровождать ея величество свободно, безъ всякаго фронта. Императрицу, на этотъ разъ, кромѣ двухъ дочерей (Маріи и Ольги Николаевенъ), сопровождала еще довольно многочисленная свита. Съ нею были двѣ дежурныя фрейлины (графиня Гендрикова и г-жа Бартенева), графъ Кушелевъ-Безбородко, Гофманъ, принцъ Петръ Ольденбургскій и еще какіе-то генералы въ густыхъ эполетахъ и аксельбантахъ, фамиліи которыхъ не удержались у меня въ памяти.

Императрица подошла къ намъ, и со своей ласковой, обаятельной улыбкой, сказала по русски, — слегка останавливаясь передъ

каждымъ словомъ, что съ ней бывало всегда, когда она говорила на русскомъ языкѣ:—Здравствуйте, мои кафульки!..

Мы отвѣтили хоромъ французскимъ привѣтствіемъ.

Она улыбнулась, и окинувъ зоркимъ взглядомъ нашу колонну, для чего поднесла даже къ глазамъ лорнетъ, тихо сказала что-то директрисѣ.

— Oui, Votre Majesté!.. громко отвѣтила Леонтьева.

Тетка подскочила и тоже что-то торопливо заговорила. Императрица сдѣлала головою утвердительный знакъ.

— Mademoiselle S.. avancez!.. подходя къ намъ, сказала директриса.

С. вышла изъ рядовъ смѣлая, бойкая и жизнерадостная... Государыня пристально взглянула на нее въ лорнетъ... С. сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ императрицѣ... Глаза ихъ встрѣтились... и вдругъ, С., не въ силахъ удержаться отъ шалости, дурашливо закачала отрицательно головой и, не дожидаясь со стороны государыни никакого вопроса и никакого замѣчанія, торопливо заговорила:

— Ce n'est pas vrai... Ce n'est pas vrai!..

Это вышло такъ глупо и смѣшно, этотъ смѣлый протестъ противъ никѣмъ не формулированнаго обвиненія прозвучалъ такой веселой, забавной нотой, что государыня громко разсмѣялась, а за нею неудержимо расхохотались и всѣ посвященные въ смыслъ и значеніе это нѣмой сцены.

— Ты... все шалишь?.. съ ласковой улыбкой проговорила императрица.—Шалить... не надо... это не хорошо!..

С. стояла сконфуженная и улыбалась.

— А папа и мама у тебя есть?—продолжала государыня.

— Папа есть... мама умерла! тихо проговорила дѣвочка.

— Папу огорчать не надо!.. ласково замѣтила государыня и протянула С. руку, которую та поцѣловала.

— Надо совсѣмъ не понимать дѣтей, съ несвойственною ей строгостью, обратилась императрица къ наличному составу нашего начальства,—для того, чтобы нарисовать такими мрачными красками такую свѣтлую, дѣтскую головку. Пожалуйста, chère Марья Павловна, не пугайте меня больше такими грозными призраками!.. обратилась она къ Леонтьевой.—Я отъ этого почти занемогла! (J'ai failli en'être malade!..).

Обѣ эти фразы сказаны были государыней по французски. Русскій языкъ ей до самой кончины не давался вполнѣ.

По отъѣздѣ императрицы ожесточеннымъ толкамъ и пересудамъ нашего начальства не было конца.

Сильнѣе всего волновалась тетка.

— Съ ними (то есть съ нами) такимъ образомъ сладу не будетъ!.. громко роптала она.—Я не понимаю императрицу!.. Вѣдь все это падаетъ на насъ!.. Намъ съ ними нянчится приходится!.. А ежели имъ открыто дается право балбесничать, такъ чего-же отъ нихъ ждать?!

Въ выраженіяхъ тетушка не стѣснялась, и любимое ею выраженіе «балбесничать» было однимъ изъ самыхъ мягкихъ и нѣжныхъ выраженій ея лексикона.

Леонтьева волновалась меньше. Методическая и крайне спокойная отъ природы, она почти рада была такому мирному исходу дѣла, и поднимая глаза къ небу, высказывала надежду, что этотъ урокъ послужитъ С. ко благу.

Къ сожалѣнію, это благое пожеланіе не оправдалось. Съ С. въ оправданіе словъ тетушки, дѣйствительно, никакого сладу не было. Она опять перестала и причесываться, и одѣваться, остриглась въ одинъ прекрасный день «въ кружокъ», какъ стригутся мужики, и снова возсѣла одна на стулъ, впереди всего класса, безъ фартука и съ гладко распущенными, прямо лежащими волосами, придававшими ей видъ какой-то юродивой.

Окончилась ея карьера въ Смольномъ монастырѣ самымъ неутѣшительнымъ образомъ. Передъ послѣдними «инспекторскими экзаменами» она, по единодушному настоянію всѣхъ профессоровъ, отправлена была въ лазаретъ, откуда уже взялъ ее отецъ, не дожидаясь дня общаго выпуска. Всѣ боялись, что она и на торжествѣ послѣднихъ экзаменовъ выкинетъ какой-нибудь «артикулъ».

Туалетъ ко дню ея отъѣзда изъ Смольнаго отецъ ей сдѣлалъ прекрасный, и она чинно пришла прощаться съ нами, въ розовомъ шелковомъ платьѣ и такой-же шляпѣ, завитая, надушенная и очень хорошенькая собой. Она чинно вошла въ классъ, очень мило и почтительно простилась съ дежурной классной дамой, сказала намъ всѣмъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ и вдругъ... подхвативши и собравъ въ кучу свои шелковыя и кружевныя юбки, слегка приподняла ихъ, и съ ловкостью бѣлки, прыгнувъ на заднюю скамейку, перепрыгнула съ нея на пюпитръ, по дорогѣ задѣла и опрокинула чернильницу, и затѣмъ, послѣдовательно прыгая по лавкамъ и пюпитрамъ, вихремъ пронеслась по всему классу и, вся раскраснѣвшаяся, вспотѣвшая, съ распустившимися подъ шляпой волосами, вылетѣла въ корридоръ...

Мы всѣ, что называется, остолбенѣли отъ удивленія... Отецъ ея, не успѣвшій ее догнать, въ недоумѣніи стоялъ посреди класса...

Къ счастью, дежурной оказалась м-мъ Лопатинская, которую мы всѣ къ тому времени, успѣли оцѣнить, и которую всѣ глубоко уважали... Она съ улыбкой обратилась къ озадаченному отцу и тономъ искренняго убѣжденія сказала:

— Ничего! Вы этимъ не смущайтесь!.. Это все безвредныя, дѣтскія шалости! Онѣ души не портятъ и сердца не омрачаютъ! Вѣдь прыгать всю жизнь нельзя... съ годами придетъ и серьезность и разсудительность!..

И она была права, пророчески права! Много лѣтъ спустя, лѣтъ двадцать коли не болѣе, я близко познакомилась въ Москвѣ съ родственникомъ Кати С., М. А. С., пользовавшимся въ Москвѣ большимъ уваженіемъ и умершимъ годъ тому назадъ.

Отъ него я узнала, что Катенька С. (его дальняя родственница) вышла замужъ и оказалась прекрасной семьянинкой и очень счастливо жила въ провинціи, окруженная родными и друзьями.

Тутъ же вмѣстѣ съ этимъ, мнѣ пришлось выслушать отъ этого почтеннаго общественнаго дѣятеля и образцоваго педагога и горькое слово укора, по адресу Смольнаго монастыря. «изуродовав-

шаго», по его убѣжденію, прекрасную и богато одаренную натуру.

Хоть и грустно мнѣ было его слушать, но согласиться съ нимъ пришлось!..

ГЛАВА VII.

Кара, примѣненная къ воспитанницѣ П. — Ея сестра. — Семейство О.— Холера 1848 года.—Смерть воспитанницы.—Приказъ императрицы.—Случай съ докторомъ Корнеліусомъ.—Маленькія сироты.

Совершенно иное явленіе представляла собой другая воспитанница, П.. тоже возбудившая противъ себя негодованіе начальства и быстро исчезнувшая изъ нашей среды, и изгнанная безапелляціонно.

На этотъ разъ ни съ чьей стороны не было протестовъ противъ этого изгнанія, и П. исчезла быстро и безслѣдно, такъ что мы почти не замѣтили ея исчезновенія.

Въ сущности для меня и до сихъ поръ остается тайной причина ея изгнанія, но бросая ретроспективный взглядъ на весь этотъ эпизодъ, я полагаю, что П., приведенная откуда-то изъ далека, была не по лѣтамъ развита и имѣла понятіе о многомъ, о чемъ мы, и при выпускѣ, не имѣли ни малѣйшаго представленія. Порочнаго лично въ ея жизни, конечно, не могло быть ничего; ей, въ минуту изгнанія ея изъ Смольнаго, было лѣтъ 12—13, но она многое понимала, и могла многое намъ передать, а это было-бы очень нежелательно.

Вообще, въ смыслѣ сохраненія въ чистотѣ какъ понятій, такъ и воображенія дѣтей,—воспитаніе наше не оставляло желать ничего лучшаго. Съ нами обращались подчасъ очень грубо, на насъ не обращали достаточнаго вниманія, но насъ тщательно оберегали отъ всего, слишкомъ рано развивающаго понятія о нѣкоторыхъ вопросахъ жизни.

Я едва помню, какъ внезапно исчезла съ нашего горизонта П., на мѣсто которой огорченнымъ родителямъ разрѣшено было привезти ея меньшую сестру. Та была на нѣсколько лѣтъ моложе и потому поступила уже не въ нашъ классъ, а въ слѣдующій, въ то время, когда мы перешли уже въ голубой классъ. Встрѣченная враждебно всѣмъ начальствующимъ персоналомъ, за ея родство съ изгнанной сестрою, ни въ чемъ неповинная меньшая П. провела два или три года въ Смольномъ, и тоже куда-то исчезла, чуть-ли даже не умерла въ институтѣ.

Говоря о преемственности въ смыслѣ успѣха или неуспѣха въ ученіи и поведеніи, не могу умолчать, въ видѣ рѣзкаго контраста съ предъидущимъ, о необыкновенномъ семействѣ, члены котораго, въ теченіи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ лѣтъ, были гордостью и славой Смольнаго монастыря, и имя котораго навсегда тѣсными узами связано съ нашимъ институтомъ.

Я говорю о сестрахъ О. явившихъ себѣ рѣдкій примѣръ того, какихъ блестящихъ результатовъ можно достигнуть путемъ разумнаго воспитанія съ самыхъ юныхъ, раннихъ лѣтъ.

Мать О—хъ, вдова полковника, осталась сравнительно еще молодою женщиной, съ громаднымъ семействомъ на рукахъ и самыми ограниченными средствами къ жизни. У нея было пять дочерей и два сына. Всѣмъ имъ надо было дать образованіе. всѣхъ нужно было поставить на ноги, а на все это, кромѣ обычной вдовьей пенсіи, не было почти ничего. И вотъ эта примѣрная мать, эта глубоко почтенная личность, сама получивъ воспитаніе въ институтѣ, принялась понемножку подготовлять дочерей къ Смольному, гдѣ она желала дать имъ всѣмъ воспитаніе. Затѣмъ. подготовленныхъ научно, твердо и надежно поставленныхъ нравственно, она послѣдовательно. одну за другою, привозила и отдавала дочерей въ Смольный монастырь, а сыновей въ корпусъ.

Самая старшая изъ дочерей. Екатерина Николаевна, выпущенная изъ Смольнаго въ 1845 году, получила первый шифръ; за нею, въ слѣдующемъ выпускѣ 1848 года, — первый шифръ получила Анна Николаевна О—ва; въ выпускѣ 1851 года, десятый шифръ получила Марья Николаевна О—ва; а въ 1854 году, первый шифръ получила Елизавета Николаевна О—ва. а третій или пятый шифръ Ольга Николаевна О—ва.

Уже послѣ выпуска третьей дочери, императрица обратила вниманіе на мать такого образцоваго семейства и пожелала видѣть ее во главѣ вновь поступающаго меньшаго класса воспитанницъ.

M-me О—ва была сдѣлана инспектрисой въ Смольномъ. а вслѣдъ за нею, той же чести удостоилась старшая изъ ея дочерей. Екатерина Николаевна, получившая мѣсто инспектрисы пепиньерокъ, то самое, которое когда-то занимала M-lle Усларъ.

Среди нашихъ учителей и профессоровъ имя О—выхъ сдѣлалось синонимомъ всѣхъ совершенствъ и всѣхъ дѣтскихъ добродѣтелей, и, узнавъ, что въ классъ поступила «новенькая», по фамиліи О—ва. каждый изъ нихъ съ радостью и почти съ уваженіемъ встрѣчалъ ребенка, зная, что это поступаетъ будущая краса и гордость класса.

Я выше сказала. что не помню отчетливо, домой уѣхала. или умерла меньшая П., но я скорѣе склонна думать, что ее взяли домой, потому что смерть воспитанницы. навѣрное, болѣе или менѣе рѣзко запечатлѣлась бы въ моемъ умѣ.

Умирали у насъ воспитанницы рѣдко; случаи смертности между дѣтьми крайне непріятно вліяли на императрицу, и страхъ огорчить или разстроить этимъ путемъ обожаемую государыню сдѣлался. во время холерной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Петербургѣ, источникомъ слѣдующаго печальнаго происшествія.

Холера въ 1848 году свирѣпствовала ужасно. У насъ прекращены были классы, введено было употребленіе отварной воды съ краснымъ виномъ, и. въ виду отдаленности нашего лазарета отъ классовъ и дортуаровъ, въ каждомъ этажѣ устроены были временные лазареты въ рекреаціонныхъ залахъ.

Діэта соблюдалась самая строгая. все привозимое дѣтямъ под-

вергалось строжайшему контролю, и для меня совершенно непостижимо, какъ могла, при такихъ условіяхъ, эпидемія проникнуть въ стѣны Смольнаго монастыря.

А между тѣмъ, она туда проникла. Въ маленькомъ классѣ (мы тогда уже готовились къ переходу въ старшій) внезапно занемогла воспитанница—Мальдзиневичъ или Манцевичъ, не помню въ точности,—болѣзнь быстро приняла острый характеръ, и на вторыя сутки ребенка не стало.

Дѣвочка была уроженка польскихъ губерній, единственная дочь у матери, небогатой вдовы, и составляла единственную отраду и утѣшеніе этой послѣдней. Она уѣхала домой на родину, тотчасъ послѣ помѣщенія дочери въ институтъ, не видала ее два года, и по особой, фатальной случайности, собравшись навѣстить ее, пріѣхала въ Петербургъ поздно вечеромъ, часа за два или за три до кончины дочери, умершей въ ту же ночь. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, и проѣхавъ долгій путь на лошадяхъ, бѣдная женщина страшно утомилась и заснула крѣпкимъ сномъ въ нумерѣ гостинницы, порѣшивъ, на слѣдующій день, рано утромъ, отправиться въ Смольный на свиданіе съ дочерью. При всемъ утомленіи своемъ, нѣжная и любящая мать проснулась съ зарею и къ 11 часамъ утра была уже въ Смольномъ.

Вѣсть о вторженіи страшной эпидеміи въ стѣны нашего института успѣла уже облетѣть все зданіе, и къ моменту появленія въ швейцарской несчастной матери нашъ старый швейцаръ Антонъ уже зналъ и о смерти, и объ имени умершаго ребенка.

Это имя, ему совсѣмъ незнакомое, потому что дѣвочку никто никогда не посѣщалъ, и такъ внезапно повторенное явившейся, незнакомой ему дамой, поразило несообразительнаго швейцара. Онъ вообразилъ себѣ, что это какая-нибудь знакомая или дальняя родственница ребенка, явившаяся съ цѣлью взять на себя хлопоты о погребеніи, и на вопросъ незнакомки о томъ, гдѣ она можетъ найти маленькую Мальдзиневичъ, ни на минуту не задумываясь, отвѣтилъ:

— Въ мертвой комнатѣ, сударыня, вѣроятно! Въ часовню ее врядъ-ли еще вынесли... Да барышня, къ тому-же, еще кажется и католичка была!..

При этихъ словахъ, несчастная мать вскрикнула и замертво упала на порогѣ швейцарской. Сбѣжалось перепуганное начальство... вызваны были доктора ..

Убитая, и обезумѣвшая отъ горя мать, убѣдившись въ поразившемъ ее несчастіи, разразилась,—какъ разсказывали тогда—такими проклятіями,.. призывала такія страшныя бѣдствія на головы всѣхъ, кто, по ея мнѣнію, «убилъ» ея дочь,—что о крупномъ скандалѣ этомъ, мигомъ облетѣвшемъ весь Петербургъ, не посмѣли не доложить государынѣ, и она встревоженная и взволнованная, приказала передать отъ ея имени докторамъ, что она и слышать не хочетъ о томъ, чтобы что-нибудь подобное повторилось.

Императрица Александра Ѳеодоровна гнѣвалась такъ рѣдко, что переданныя имъ царскія слова сильно встревожили и огорчили нашихъ докторовъ. Въ особенности сильно волновался старшій врачъ

института, г. Корнеліусъ, добрѣйшій нѣмецъ, котораго всѣ въ Смольномъ очень любили. Корнеліусъ былъ еще не старый человѣкъ и прекрасный семьянинъ. Онъ боготворилъ свою жену и двухъ дочерей, дѣвочекъ лѣтъ 7—8, которыхъ тоже готовилъ въ будущія воспитанницы Смольнаго монастыря.

Въ то время, къ которому относится моментъ моего повѣствованія, жена Корнеліуса готовилась вновь быть матерью, и эта дружная, счастливая семья жила своей тихой, свѣтлой, радостной жизнью... Кончина маленькой воспитанницы и гнѣвъ императрицы грозно упали на это мирное, свѣтлое гнѣздышко. Докторъ заволновался, сталъ по нѣскольку разъ на день посѣщать лазареты, часто въ тревогѣ вскакивалъ ночью и бѣжалъ взглянуть, не случилось ли чего-нибудь? Въ это самое время у него на лицѣ вскочилъ какой-то злокачественный прыщикъ.

Его товарищи по службѣ посовѣтовали ему беречься, принцъ Ольденбургскій, входившій во всѣ дѣла института, настоялъ на приглашеніи новаго, лишняго врача, (четвертаго по счету) въ помощники Корнеліусу,—но все было напрасно.

Удержать его дома не было никакой возможности. А болѣзнь, между тѣмъ, брала свое... На верхней губѣ былъ уже большихъ размѣровъ злокачественный нарывъ, и каждая неосторожность, каждое нечаянное дуновеніе вѣтра, грозили опасностью не только здоровью, но и самой жизни несчастнаго доктора.

Проходить надо было длинными, сырыми, давно необитаемыми корридорами (лазареты помѣщались въ старомъ зданіи первоначальнаго Смольнаго монастыря)—и отъ сквозного вѣтра уберечься было невозможно.

Сама больная и съ трудомъ переносившая трудную беременность,—жена Корнеліуса всячески успокаивала и уговаривала мужа, но видно не суждено имъ было долгое и прочное счастіе...

Однажды ночью докторъ, проснувшись, началъ торопливо одѣваться, чтобъ бѣжать въ лазаретъ. Женѣ его съ утра нездоровилось, и она, хотя и проснулась при сборахъ мужа, но молчала, зная что протестъ ея ни къ чему не послужитъ. Только когда онъ уже ушелъ, торопливо кутаясь на ходу, въ длинную шинель съ капюшономъ, испуганная молодая женщина замѣтила, что онъ ушелъ не совсѣмъ одѣтый и вмѣсто сюртука надѣлъ подъ шинелью только спальный халатъ свой.

Страшная мысль озарила ее... Въ нормальномъ состояніи докторъ не могъ въ халатѣ побѣжать въ лазаретъ. Боли лица за послѣдніе дни особенно сильно мучили его... Въ конецъ расшатанные нервы видимо не выдержали... Докторъ психически занемогъ...

До смерти испуганная молодая женщина вскочила и, разбудивъ прислугу, послала за товарищами мужа, жившими тутъ же, на казенныхъ квартирахъ...

Но было уже поздно. Прислуга дорогой встрѣтила уже печальный кортежъ. Доктора несли на рукахъ наскоро созванные дежурные служители... Его сопровождалъ дежурный по лазарету фельдшеръ. Больной что-то невнятно бормоталъ, то вскрикивая и пытаясь вскочить на ноги и отбиться отъ державшихъ его рукъ... то безпомощно о чемъ-то рыдая...

Къ утру наступилъ уже періодъ буйнаго помѣшательства. Въ тотъ-же день онъ былъ отправленъ въ психіатрическую больницу, гдѣ и умеръ, не приходя въ сознаніе и не узнавъ о смерти горячо любимой жены, скончавшейся отъ послѣдствій преждевременныхо родовъ, черезъ двое сутокъ послѣ того, какъ мужа ея увезли въ больницу.

Крошечныя дѣвочки, взлелѣянныя горячей любовью родителей, избалованныя постоянной лаской и привѣтомъ, — остались однѣ въ мірѣ... Родныхъ у нихъ не было положительно никого... Самъ докторъ прожилъ или, точнѣе сказать, промучился около шести недѣль въ больницѣ и умеръ мучительной смертью отъ рака на губѣ.

Императрица приказала немедленно зачислить оставшихся сиротокъ, на казенный счетъ, въ Смольный монастырь и тотчасъ же принять ихъ въ число воспитанницъ, не смотря на ранній возрастъ.

Всѣ встрѣтили ихъ лаской и горячимъ привѣтомъ... Тетушка моя, исключительно любившая Корнеліуса и его жену, ласкала и всячески баловала малютокъ... Моя старшая кузина, добрая какъ ангелъ, горько плакала надъ ними... Но могли ли всѣ эти ласки, весь этотъ привѣтъ замѣнить имъ то, что такъ жестоко, такъ внезапно, такъ безповоротно отняла у нихъ судьба?..

Какъ теперь вижу я передъ собою эти два блѣдныхъ, дѣтскихъ личика, съ широко раскрытыми, словно недоумѣвающими глазками, съ выраженіемъ непосильнаго, дѣтскаго горя въ осунувшихся чертахъ...

Это былъ первый ударъ житейской грозы, разразившейся у меня на глазахъ...

Предвѣстникъ иныхъ такихъ же тяжкихъ, но... ближе коснувшихся меня житейскихъ грозъ...

(До слѣд. кн.)

Послѣдній валъ.

из прошлаго Испаніи.

I.

У калитки.

Алонзо.

Куда? Куда... Ужъ поздно... Онъ въ Альгамбрѣ.
Онъ скрылся тамъ за каменной стѣною,
Въ обители тѣней и привидѣній,
Гдѣ все живое вымерло давно...
Эй, соколъ мой! вернись! Здѣсь воздухъ чище,
Здѣсь жизнь кипитъ... Здѣсь ты не тѣнь, а птицу,
Живую птицу изловить съумѣешь.
А я — клянусь тебѣ чѣмъ только хочешь —
На этотъ разъ не отниму добычи
И дамъ тебѣ досыта наглотаться
Горячей крови. Соколъ, воротись!
Не слышитъ и не слушаетъ... Что дѣлать?
Нельзя же мнѣ вернуться къ королевѣ
Безъ сокола любимаго ея,
Увидѣть слезы, услыхать насмѣшки...
Придется мнѣ пробраться въ царство мертвыхъ,
Хоть и не той дорогою, какъ соколъ...
Э, да дорогъ здѣсь столько жъ, сколько въ Римъ!
Вездѣ видны ворота да калитки,
Да окна, старыми забитыя досками.
Здѣсь жили крѣпко... Но на зло преградамъ
Я постучусь у перваго же входа
И крикомъ разбужу весь темный міръ
Духовъ и мертвецовъ и привидѣній...
Эй, вы! Кто тамъ? Скорѣй сюда! сюда!
Простите мнѣ, что васъ я безпокою,

Но разбрелись вы сами по могиламъ,
Совсѣмъ не позаботясь о живыхъ
И позабывъ оставить для приличья
Хоть стараго привратника у входа
Иль нищаго съ убогою клюкою...
Нѣтъ отклика. Они, какъ видно, медлятъ
Иль не хотятъ мнѣ подавать отвѣта.
Придется вновь покой ихъ потревожить,
А въ ожиданьи поглядѣть хоть въ щелку
На славу пережитую Альгамбры.
Быть можетъ, удостоюсь я увидѣть,
Какъ увѣнчалъ здѣсь стѣны паутиной
Паукъ — прямой наслѣдникъ этой славы,
Иль нетопырь, на зло своей природѣ,
Средь бѣла дня свою покажетъ морду,
А увидавъ вдругъ солнце и меня,
Опять скорѣй глаза свои зажмуритъ
И скроется. Но что мнѣ показалось?
Какъ будто вдругъ захлопнулось окно
У башни, что направо... Я чуть видѣлъ;
Такъ быстро все мелькнуло. Кто-бъ тамъ ни былъ,
Я достучусь, докличусь, если только
Я не обманутъ зрѣньемъ. Все недвижно...
Ни звука не раздастся надъ безмолвнымъ,
Пустыннымъ царствомъ... Но что такое?
Калитка заперта, а не забита,
Какъ думалъ я... Теперь я слышу ясно,
Какъ брякаетъ замокъ — работа мавровъ
На старомъ и заржавѣвшемъ засовѣ.
Ну, старое желѣзо нечестивыхъ!
Не выдержало бъ ты моихъ ударовъ,
Когда бъ со мной былъ христіанскій мечъ!
Что жъ дѣлать мнѣ? Искать другого входа?
Пробиться въ царство мертвыхъ кулаками
И, можетъ быть, назадъ ужъ не вернуться?
Прощайте же, красавицы двора,
И вы, давно отцвѣтшія старушки,
Которыя такъ часто любовались
Своимъ красивымъ баловнемъ — пажемъ
И втихомолку слезы проливали
И слали вздохи!.. Разстаюсь я съ вами...
Надолго ли? Вернусь ли?.. Самъ не знаю.
Ударюсь я съ разбѣга въ дверь плечомъ
И упаду, какъ съ неба въ царство мертвыхъ.
(Отбѣгаетъ и останавливается, услыхавъ пѣсню).

Инеса (за стѣною).

Отрадно на волѣ бродить въ тишинѣ
По заламъ роскошнымъ Альгамбры;
Отрадно взноситься на гордомъ конѣ

Подъ самыя стѣны Альгамбры.
Глядѣть, какъ внизу разстилается долъ
Подъ гордою кручей Альгамбры,
Какъ плавно ширяетъ свободный орелъ
Надъ башнями старой Альгамбры...

Алонзо.

Что это? Пѣсня? Чудный женскій голосъ!..
Конечно, плѣнная царевна здѣсь томится
И услаждаетъ пѣснями неволю ..
Но какъ она съ тѣхъ поръ не постарѣла
И сохранила свѣжій, юный голосъ
На зло вѣкамъ. Опять она поетъ.

Инеса.

Но тяжко томиться и воли не знать
Въ глухомъ подземельѣ Альгамбры
И рваться на волю и цѣпью бряцать
О крѣпкія стѣны Альгамбры...

Алонзо.

Ну, такъ и есть... Они ее держали
Здѣсь на цѣпи въ глубокомъ подземельѣ
И перемерли всѣ, о ней не вспомнивъ...
Вѣдь совѣсти, конечно, не бывало
Въ поминѣ даже у невѣрныхъ мавровъ.

Инеса (поетъ).

Какъ птица живу я, какъ птица пою
Я въ клѣткѣ подъ сводомъ Альгамбры
И прежнюю жизнь вспоминаю свою
И недруговъ грозной Альгамбры.

Алонзо.

Ну, коли въ клѣткѣ, такъ не въ подземельѣ,
Не на цѣпи... Мнѣ все же стало легче...
А, можетъ быть, и тутъ иносказанье,
Какъ говорилъ когда-то мой учитель?

Инеса (поетъ).

Ахъ, тяжко мнѣ жить у невѣрныхъ въ плѣну
И знать неприступность Альгамбры,
Душой устремляясь въ родную страну,
Туда, гдѣ не видно Альгамбры!
Мой соколъ принесся и бьется крыломъ
Ко мнѣ чрезъ рѣшетку Альгамбры...
Не рвись, о мой соколъ! Иль оба умремъ
Мы въ душныхъ объятьяхъ Альгамбры.

Алонзо.

Ну, тутъ ошибка; соколъ королевинъ...
Но въ темнотѣ не трудно обознаться

И легкое безумье здѣсь понятно...
Но кто жъ невѣрные? Рабы ль пророка
Иль мы, владѣльцы этихъ старыхъ стѣнъ?
И кто сама пѣвица? Христіанка
Иль дочь проклятыхъ мавровъ? Привидѣнье
Иль чудное живое существо?
Мнѣ все равно, лишь только бы открыла
Она мнѣ дверь! Прекрасная царевна!

Инеса (поетъ).

По полямъ и по долинамъ,
Заглушая гулъ рѣчей,
Раздаются звуки пѣсенъ.
Раздается звонъ мечей...

Алонзо.

Э, пѣснямъ-то конца не будетъ видно...
Я понимаю цѣль всѣхъ этихъ пѣсенъ;
Она поетъ, чтобы меня не слушать
И не давать на окликъ мой отвѣта.
Не отрывалъ бы слуха я отъ пѣсенъ
И наслаждался голосомъ пѣвицы,
Да надобно подумать и о дѣлѣ.
Эй, плѣнная царевна! Если духи
Васъ въ птицу пѣвчую еще не обратили
И не замкнули въ клѣткѣ, если образъ
Вы носите живого человѣка,
Владѣете руками и ногами
И не сидите на цѣпи въ темницѣ.
То потрудитесь отворить калитку
И пропустить меня во дворъ Альгамбры.

Инеса.

Я здѣсь одна и отпереть калитки
Я не могу...

Алонзо.

Достаньте же ключи.
Вы знаете, конечно, гдѣ ихъ прячетъ
Волшебникъ вашъ...

Инеса.

И вовсе не волшебникъ,
А тетя.

Алонзо.

Тетя? Что я слышу?
Такъ, стало быть, вы существо живое,
Прекрасное живое существо:
У привидѣній тетокъ не бываетъ.

Инеса.

Конечно, я живая... Здѣсь мы съ тетей
Живемъ недавно и на зло молвѣ,

Толкующей о всякомъ страшномъ вздорѣ,
Не вѣдаемъ ни чаръ, ни привидѣній.

Алонзо.

Ни привидѣній... Можетъ быть. Не знаю,
Но чары — есть. И голосъ вашъ чаруетъ,
И чары есть, конечно, и въ очахъ...
Ищите же ключи!

Инеса.

Искать не надо;
Они со мной, но тетя запретила
Мнѣ отворять калитку.

Алонзо.

Гдѣ же тетя?

Инеса.

Ушла къ обѣднѣ и назадъ не скоро
Она вернется.

Алонзо.

Слушайте! Мой соколъ.
Иль нѣтъ, не мой, а соколъ королевы,
Ея любимецъ — залетѣлъ сюда,
Въ пустынныя развалины Альгамбры,
И скрылся здѣсь.

Инеса.

Вашъ соколъ? Трепетала
Недаромъ, значитъ, крошка-канарейка
И билась въ клѣткѣ. Напугалъ вашъ соколъ
Мою пѣвунью. Я черезъ окно
Ее старалась тщетно успокоить...
Пришлось оставить комнату и выдти
Самой въ нашъ садикъ. Гдѣ же соколъ вашъ,
И кто вы сами?

Алонзо.

Соколъ здѣсь летаетъ
Иль кроется въ разсѣлинѣ, а самъ я
Любимый пажъ испанской королевы.
Вы слышали, конечно, что съ недѣлю
Тому назадъ весь дворъ въ Гранаду прибылъ?

Инеса

Ахъ, слышала... Мнѣ тетя говорила,
Что почему-то для меня опасенъ
Весь этотъ дворъ. Еще она твердила,
Что страшенъ воръ, разбойникъ, но страшнѣе
Ихъ всякій пажъ иль рыцарь королевы...
Лишь изъ-за нихъ, покинувши Гранаду,
Сюда мы скрылись на короткій срокъ...
Вы видите теперь, что мнѣ къ калиткѣ
И подойти никакъ уже нельзя.

Алонзо.

А, можетъ быть, еще сказала тетя,
Что всякій пажъ похожъ слегка на чорта,
Украшенъ и рогами, и хвостомъ,
И длинными, предлинными когтями?..

Инеса.

Ахъ, нѣтъ не то, но тетя говорила...

Алонзо.

Послушайте! Забудьте этотъ вздоръ!
Взгляните на меня хотя сквозь щелку,
Черезъ окно иль съ крыши, если можно...
Увидите, какъ страхъ вашъ пропадетъ.

Инеса.

Но и смотрѣть мнѣ тетя запретила...

Алонзо.

Да полноте... Вѣдь я на васъ смотрю
И черезъ трещину досчатой двери
Я упиваюсь вашей красотой
И не могу на васъ налюбоваться,
Хоть, каюсь вамъ, не вижу въ томъ грѣха,
Идите же къ калиткѣ! Отворите!

Инеса.

Но я боюсь...

Алонзо.

Да, за себя боитесь,
А за меня бояться было бъ лучше
И благороднѣе. Подумайте: ужасенъ
И страшенъ гнѣвъ испанской королевы...
Повѣрьте мнѣ: я не шучу здѣсь шутокъ;
Я честь свою спасаю, даже жизнь...
Боитесь вы, — а жалости ужели
Нѣтъ въ вашемъ сердцѣ? (Я путемъ неправды
Скорѣй достигну цѣли и проникну
Сперва къ ней въ сердце, а потомъ и въ дверь...
Но, какъ она прекрасна! Боже! Боже!
Я не встрѣчалъ подобной красоты
И не видалъ еще такого взгляда.
Невиннаго и чистаго какъ небо.
О, сохрани меня, святой Антоній,
Патронъ мой добрый! Дай мнѣ не забыть
Про сокола, какъ буду я въ оградѣ!)

Инеса.

Ужель ушелъ онъ? Я его сгубила...
Я не спасла несчастнаго отъ казни...

Алонзо

А! хитрость удалась... Мы побѣдили! (громко)
Я жду тебя, прекрасное созданье...
Бери-жь ключи и отвори калитку,
Да не забудь про сокола напомнить!

II.

Въ саду.

Донья Клара.

Всѣ говорятъ, что можно за стѣнами
Безъ страха жить... Ахъ, что такое стѣны!
Конечно, встарь онѣ хранили мавровъ
Отъ лютости испанскаго меча
И христіанскихъ стрѣлъ;—то не заслуга...
А вотъ какъ я за тѣми же стѣнами
Съ племянницей укрыться захотѣла
Отъ наглости испанскихъ кавалеровъ
Да отъ лукавой дерзости пажей,
Такъ непреступныя когда-то стѣны
Для нихъ явились торною дорогой
И словно воскъ растаяли предъ ними.
Ахъ, не могу забыть я мигъ ужасный,
Когда, сюда изъ города вернувшись,
Нашла я вдругъ калитку отпертою.
А на дворѣ увидѣла коня,
Нетерпѣливо бьющаго копытомъ...
Святая дѣва! Вотъ тебѣ и стѣны!
Оплотъ надежный! Поспѣшаю дальше
И что-же слышу? Онъ уже клянется...
Не конь клянется, нѣтъ, а пажъ лукавый...
Клянется онъ въ любви нелицемѣрной,
Клянется, что съ глубокой раной въ сердцѣ
Уѣхать долженъ вслѣдъ за королевой,
Что скоро возвратится; вспоминаетъ,
Какъ часты и отрадны были встрѣчи.
За этими то крѣпкими стѣнами,
Которыя служили только маврамъ,
Какъ помнитъ онъ мигъ перваго свиданья...
А я то, я — не вѣдала, не знала,
Что скрылась я въ предательской трущобѣ
И погубить могла мою голубку.
Ахъ, помогли мнѣ, право, всѣ святые...
Молитвой грѣшною я тихую овечку
Отъ гибели, грозившей ей, спасла.
Но и теперь не знаю я покоя
И о несчастной плачу каждый день.
Уѣхалъ дворъ, бѣдняжка все твердила:

„Вернется онъ!“ Бѣдняжка все ждала,
Все вѣрила ласкающей надеждѣ,
Не вѣдая притворства и обмана...
Шли мѣсяцы... Она скрывала слезы,
Но съ каждымъ днемъ блѣднѣе и блѣднѣй
Ланиты становились. Взоръ недвижный
Она куда-то въ даль все устремляла
За эти старыя предательскія стѣны.
Но разставаться съ ними не хотѣла
И возвращаться въ городъ. Чудный голосъ
Ужь не звенитъ давно въ затишьѣ сада,
А съ нимъ замолкла наша канарейка
И не поетъ и не щебечетъ больше.
Такъ вотъ вы какъ надежны были стѣны.
Твердыня мавровъ! Чу, она идетъ.
И шумъ шаговъ ея мнѣ рѣжетъ сердце. (Къ ней)
Что, бѣдная, несчастная голубка?
Все плачешь ты о вѣтренномъ пажѣ,
Обманщикѣ лукавомъ и холодномъ?

Инеса.

Онъ не обманщикъ, тетя, или не былъ
Обманщикомъ, когда мнѣ говорилъ,
Когда въ саду свои давалъ мнѣ клятвы
И прямо такъ въ глаза мои глядѣлъ.
Нѣтъ! говорилъ онъ правду на колѣняхъ
Здѣсь предо мной; но могъ меня забыть,
Тамъ вдалекѣ увлечься могъ другою
И мало-ль что...

Донья Клара.

Повѣрь, что и тогда
Лукавилъ онъ, хитрилъ передъ тобою...
Я знаю ихъ... Какъ могъ онъ не понять,
Что бракъ ему съ тобою невозможенъ,
Немыслимъ даже... Разсуди сама!
Онъ — будущій богатый царедворецъ,
Любимый пажъ испанской королевы,
Сынъ знатнаго и гордаго вельможи.
А ты — хоть отрасль благородной крови,
Дочь воина, погибшаго въ сраженьи,
Послѣдняя въ роду, когда-то славномъ,
Но всѣми позабытая сиротка,
Живущая у старой, бѣдной тетки.

Инеса.

Послушай, тетя! Разгони мнѣ скуку,
Не пѣснью и не сказкою, а былью!..
Мнѣ помнится, ты прежде говорила,
Что между мной и этою Альгамброй

Есть что то общее, что. можетъ, и теперь
Тѣнь предка моего незримо бродитъ
Въ тиши ночной по старымъ этимъ заламъ
И вздохами ихъ своды оглашаетъ.

Донья Клара.

Забудь, дитя! Я повторяла сказки
Да вымыслы досужіе народа...
Имъ вѣрятъ только маленькія дѣти,
Да твой отецъ имъ почему-то вѣрилъ
И, вѣроятно, умеръ съ этой вѣрой.

Инеса.

Ахъ, нѣтъ, не сказки, тетя! Тайный голосъ
Мнѣ говоритъ, что есть хоть доля правды
Въ народныхъ толкахъ, въ голосѣ молвы...
Иначе бъ я тебя и не просила
Мнѣ повторить народное преданье.

Донья Клара.

Ну, слушай же! Скажу словами пѣсни;
Хоть ничему я въ пѣснѣ той не вѣрю:
На славу и честь мавританской земли
Три дочери пышной красою цвѣли
У князя могучей Альгамбры.
Гремѣла краса ихъ въ далекихъ краяхъ,
Князья къ нимъ слетались на легкихъ коняхъ
Въ чертоги роскошной Альгамбры;
Но дѣвы князьямъ не казали и глазъ
И гордо имъ свой посылали отказъ
Изъ царственныхъ башенъ Альгамбры.
Безплодными были совѣты отца;
Казалось, у дѣвъ холоднѣе сердца,
Чѣмъ камень холодной Альгамбры.
Но старшую дѣву плѣнилъ паладинъ,
Взлетѣвшій. какъ соколь до гордыхъ вершинъ
До стѣнъ неприступной Альгамбры...
И дѣва дала ему страшный обѣтъ
Забыть, чему съ раннихъ повѣрила лѣтъ
Проклясть полумѣсяцъ Альгамбры,
Креститься и вмѣстѣ подъ сѣнью креста
Покинуть навѣки родныя мѣста,
Умчаться отъ пышной Альгамбры.
Исполнила слово. И къ дѣвѣ второй
Незримо пробрался вечерней порой
Въ высокую башню Альгамбры
Другой паладинъ, и она поклялась
Омыться крещеньемъ, отринувши связь
Со всею святыней Альгамбры...
Умчалась, исполнила грозный обѣтъ
И проклялъ обѣихъ на старости лѣтъ

Сѣдой повелитель Альгамбры
И самъ не сводилъ ужь ревнивыхъ очей
Съ послѣдней изъ чудныхъ своихъ дочерей,
Съ жемчужины лучшей Алгамбры;
Читалъ вмѣстѣ съ нею священный коранъ.
Надѣлъ ей на шею святой талисманъ,
Оплотъ и охрану Альгамбры.
Но грянулъ для дѣвы назначенный часъ...
Едва прошептали вечерній намазъ
Всѣ жители горной Альгамбры,
Едва съ минарета сошелъ муэзинъ,
Ужъ къ дочери третьей проникъ паладинъ.
Проникъ черезъ стѣны Альгамбры,
Явился съ побѣдною силой рѣчей
И съ блескомъ чарующимъ ясныхъ очей.
Затмившимъ всѣ блески Альгамбры.
И дѣва клялася оставить коранъ,
Сорвать охранявшій ее талисманъ
И свергнуть съ вершины Альгамбры,
Презрѣть всѣ моленья и слезы отца
И вѣрной кресту пребывать до конца
На ужасъ и горе Альгамбры.
Сразилъ бы владыку послѣдній ударъ,
Не вѣрилъ теперь онъ въ могущество чаръ,
Ни въ крѣпкія стѣны Альгамбры;
И вотъ, какъ условный приблизился срокъ,
Зардѣлся кровавой зарею востокъ,
Сверкнулъ полумѣсяцъ Альгамбры
И грянули громы, и вѣтеръ завылъ,
Но дѣвѣ несчастной хватило бы силъ
Навѣки бѣжать изъ Альгамбры...
Ее не сберегъ бы святой талисманъ
И цѣпью своей не сдержалъ бы коранъ
Въ холодныхъ объятьяхъ Альгамбры,
Когда бы по сводамъ безчисленныхъ залъ
Молящій ей голосъ отца не звучалъ,
Сѣдого владыки Альгамбры.
Въ далекія страны ушелъ паладинъ
И въ битвахъ нещадно разилъ сарацинъ,
Ревнителей вѣры Альгамбры,
И кончилъ печальную жизнь онъ свою
Въ крови утопая, въ жестокомъ бою,
Жемчужину помня Альгамбры...
И духъ паладина быстрѣе всѣхъ стрѣлъ
Чрезъ сушу и море сюда прилетѣлъ,
Сюда, черезъ стѣны Альгамбры,
И ночью съ мечемъ, обагреннымъ въ крови,
Онъ бродитъ, вздыхая о прежней любви.
По заламъ пустыннымъ Альгамбры...
Обрызганы кровью кольчуга и щитъ,

И кровью невѣрныхъ онъ щедро роситъ
Холодныя плиты Альгамбры.

Инеса.

Мнѣ страшно, тетя!.. Но меня-то что же
Связуетъ съ этимъ бѣднымъ паладиномъ
Иль дѣвою несчастной?

Донья Клара.

Что связуетъ?
А то, что паладинъ несчастный былъ
Изъ вашего же рода. Не оставилъ
Потомства онъ, но вы свой родъ ведете
Отъ паладинова меньшого брата.

Инеса.

А Зореида? Кажется, что такъ
Звалась невѣрная... Что сталось съ нею?

Донья Клара.

Да! Зореида. А о ней глухая
Идетъ молва, что вѣкъ свой проводила
Она, живя въ однихъ воспоминаньяхъ.
И до сихъ поръ по заламъ замка бродитъ
Незримою, тоскующею тѣнью,
Все избѣгая встрѣчи съ паладиномъ
И заглянуть въ глаза ему не смѣя.

Инеса.

Послушай, тетя! Не онъ ли часто
Меня зоветъ изъ тихихъ водъ фонтана,
Когда сижу, надъ ними наклонясь, я
И въ тишинѣ свои роняю слезы?

Донья Клара.

Какія глупости!

Инеса.

Повѣрь мнѣ, тетя!
Когда заря, съ землею разставаясь,
Играетъ свѣтлой влагою фонтана
И золотитъ чуть видимую рябь,
Мнѣ кажется, что чьи-то смотрятъ очи
Изъ глубины и голосъ мнѣ звучитъ...

Донья Клара.

Ну вотъ надѣлала я бѣдъ, повѣдавъ
Тебѣ нелѣпый вымыселъ народа
И поводъ давъ безумному мечтанью...
Скажу-ка я объ этомъ дону Педро—
Духовнику, пускай онъ окропитъ
Святой водою и фонтанъ нечистый,

И чистую, но глупую головку,
Открытую для сказокъ и мечты.

III.

У фонтана.

Инеса.

Ахъ, эта тетя! Хорошо мнѣ съ ней...
И тяжело. Она не понимаетъ,
Не можетъ понимать моей тоски.
Какъ ей понять? Она вѣдь не любила,
Не испытала въ жизни свѣтлый рай,
Не вѣдала ни сладкихъ сновъ, ни грезъ
И пылкихъ не таитъ воспоминаній
На днѣ души. Вѣдь надо свѣтъ увидѣть
Хоть разъ одинъ, хоть на мгновенье ока,
Чтобъ чувствовать холодный ужасъ мрака
И тосковать затѣмъ подобно мнѣ.
Для тети ясно все, весь міръ понятенъ,
И есть на все готовыя слова...
Несчастье происходитъ оттого,
Что появился гадкій, злой мужчина,
Обманщикъ, лжецъ—и нашъ покой нарушилъ...
А, если былъ явившійся прекрасенъ,
Какъ херувимъ, и добръ, какъ ангелъ Божій,
И чистъ былъ духомъ, и не вѣдалъ лжи,—
Вѣдь могутъ же явиться и такіе...
Тогда уже-ль несчастье не возможно
И счастіе само плыветъ намъ въ руки,
А уходить отъ насъ уже не можетъ?
Но вотъ какъ разъ оно и убѣжало
И вдалекѣ едва-едва мелькаетъ
Блуждающимъ огнемъ передо мною,
Хотя совсѣмъ еще не угасаетъ.
Онъ, можетъ быть, удержанъ королевой,
Или отца суровое рѣшенье
Его гнететъ и держитъ въ злой неволѣ.
А онъ томится такъ, какъ я томлюся.
И любитъ такъ же, какъ и я люблю...
И смотритъ онъ, какъ я, быть можетъ, въ воду
И видитъ онъ знакомыя черты,
Какъ я, на чистомъ зеркалѣ фонтана,—
Мои черты; вѣдь онъ меня любилъ...
Онъ, можетъ быть, какъ я роняетъ слезы,
И падаютъ тѣ слезы въ глубь фонтана,
Сливаясь тамъ съ кристальною водой...
Но что теперь я вижу? Эти воды
Отъ слезъ моихъ подернулися зыбью,
Кипятъ и негодуютъ, и бурлятъ,

И кроются серебряною пѣной,
И шумно плещутъ въ каменныя стѣны...
Что это? Косы черныя по влагѣ
И вьются, и колышатся, какъ змѣи...
Вотъ голова явилась... Женскій обликъ...
Прекрасенъ онъ, хоть искаженъ страданьемъ
И непонятной весь исполненъ грусти...
Отвѣтствуй мнѣ, прекрасное созданье,
Кто ты? откуда?

Зореида.

Я къ тебѣ пришла...
Я предка твоего всю жизнь любила
И на тебя любовь перенесла.
Я Зореида, о которой бродитъ
Здѣсь темное и смутное сказанье.
Откуда я?—повѣдать не могу я;
Нѣтъ слова подходящаго на вашемъ,
Подсказанномъ вамъ жизнью языкѣ.
Я умерла невѣрной, хоть и знала,
Что передъ истиной глаза я закрываю,
Бѣгу ее и смерть себѣ готовлю...
Откуда я? Не спрашивай! Ты видишь;
Искажено лицо мое страданьемъ
И дикою исполнено тоской...
Откуда я?—не все ль равно... Ты можешь,
Спасти меня и ключъ въ твоихъ рукахъ.

Инеса.

Ужасенъ мнѣ твой образъ, Зореида!
Твои слова ножомъ мнѣ рѣжутъ сердце...
Но мнѣ ли, дѣвушкѣ простой и слабой,
Спасти тебя, бороться съ адской силой...

Зореида.

Спаси меня! Недаромъ я ждала
И издали я простираю руки
Къ тебѣ одной...

Инеса.

Но я сама слаба.

Зореида.

Спаси меня! Давно твой славный предокъ
Открылъ глаза мнѣ. Чуднымъ языкомъ
Онъ говорилъ мнѣ о Христѣ распятомъ
И спасшемъ міръ, и властно сокрушившемъ
Оковы смерти и воскресшемъ вновь...
Онъ говорилъ, и истина тогда ужъ
Лучами яркими передо мной блеснула
И навсегда мнѣ озарила душу.

Я вѣрила тогда и поклялась
Предъ нимъ попрать законъ свой нечестивый.
Креститься, жить и вѣровать, какъ онъ...
Я вѣрила тогда, и лучъ блаженства
Мнѣ проникалъ въ разбуженную душу...
Я вѣрила—и счастлива была.
Что дальше сталось?—я сама не знаю;
Моя душа покрылась черной мглой,
Я клятвы не сдержала, а затѣмъ
Я вѣрила всю жизнь и трепетала,
Какъ вѣрую теперь и трепещу.

Инеса.

Но что жъ должна я сдѣлать, Зореида?

Зореида.

Спасти меня. До чистыхъ водъ фонтана
Коснись рукою и скорѣй чело мнѣ
И грудь, и плечи осѣни перстами,
Какъ крестишься сама ты, если слышишь
Призывный благовѣстъ!
(Инеса исполняетъ ея просьбу).
Господь тебя храни!
Онъ твой и мой теперь... Ужасный трепетъ
Покинулъ душу и покойна я...
Я удалюсь теперь въ свою могилу,
А душу, чувствую, зоветъ уже Господь.

Инеса.

Покойся же въ блаженствѣ, Зореида!

Зореида.

Теперь и я могу тебѣ помочь...
Прими мой даръ, въ немъ чары не таятся,
Даю его крещеною рукою—
Рукою христіанки. Съ этой лютней,
Которая вѣка здѣсь пролежала,
Забытая въ развалинахъ фонтана,
Прими и даръ неистощимый пѣсенъ,
Которымъ нѣкогда сама я обладала.
Онъ дастъ тебѣ могущество и силу,
Онъ власть тебѣ откроетъ надъ сердцами
И въ немъ найдешь ты счастье и отраду,
А наконецъ и исполненье лучшихъ
Своихъ надеждъ... Будь счастлива! Живи...
(Исчезаетъ).

Инеса.

Что это? Сонъ иль нѣтъ? Я такъ все помню,
Какъ будто все свершилось на яву
Передо мной, какъ будто не спала я...

Вотъ вижу я: между камнями лютня,
Которой прежде я не замѣчала...
Заглохшія серебряныя струны
Зовутъ, влекутъ къ себѣ мои персты...
Я чувствую, какъ грудь моя открылась
Для новыхъ пѣсенъ... Я запѣла бъ громко,
Запѣла бъ такъ, какъ прежде не пѣвала...
Но тетя спитъ... Будить ее нельзя.

IV.

Въ монастырѣ.

Донья Клара.

Повѣрите ль, донъ Педро? Даже страшно
Бываетъ мнѣ, когда она поетъ
И держитъ эту маленькую лютню,
Найденную въ развалинахъ. Пыталась
И отнимать не разъ я эту лютню,
И прыскала ее водой святою.
И говорила громко: съ нами Богъ!
Не исчезаетъ лютня, не смолкаетъ...
Она жъ поетъ, веселая, какъ птичка,
И прежнее свое забыла горе
И расцвѣла такою красотою,
Какой не замѣчали прежде люди.

Донъ Педро.

Ну, въ этомъ я еще бѣды не вижу...
Повеселѣла, позабыла горе
И расцвѣла... Зачѣмъ же ей дурнѣть?

Донья Клара.

Но все жъ, отецъ святой, мнѣ страшно что-то...
Подумайте! Вѣдь мы живемъ въ Альгамбрѣ,
Гдѣ до сихъ поръ, быть можетъ, бродятъ тѣни
Невѣрныхъ мавровъ, гдѣ заклятья, чары
И до сихъ поръ, быть можетъ, тяготѣютъ,
Гдѣ носятся, пожалуй, злые духи
И чудеса свершаютъ для соблазна.

Донъ Педро.

Но въ чемъ соблазнъ вы видите, синьора,
Не въ томъ ли только, что, забывъ про горе,
Племянница у васъ похорошѣла
И распѣваетъ пѣсни словно птичка?..
Соблазна въ этомъ усмотрѣть не можетъ
Суровый пастырь.

Донья Клара.

Ну, а сонъ-то, сонъ!

Донъ Педро.

Невиннѣйшій, вполнѣ благочестивый
И чистый сонъ. Такіе сны съ небесъ
Къ намъ иногда спускаются на землю...
Оставьте же вашъ тщетный страхъ, синьора,
Не безпокойтесь!

Донья Клара.

Ахъ, какъ можно!
Вы судите, отецъ мой, издалека,
А надо самому все видѣть, слышать,
Чтобы понять мой страхъ и опасенья.
Вы говорите, что бѣды въ томъ нѣтъ,
Что расцвѣла она, похорошѣла
И все поетъ... Но тутъ безсильна рѣчь...
Какъ расцвѣла и *какъ* похорошѣла,
И *какъ* поетъ? Вотъ въ чемъ, отецъ мой, сила
И весь соблазнъ. Повѣрите ль? Съ утра ужъ
У насъ народъ толпится у калитки...
Издалека приходятъ, чтобы слышать
Ея поистинѣ прекрасный голосъ...
Издалека приходятъ, чтобъ хоть мелькомъ
Сквозь трещину стѣны иль въ щелку двери
На красоту ея полюбоваться...
Я слышала, что ужъ по всей Гранадѣ
Ее зовутъ красавицей Альгамбры
И говорятъ о ней, какъ будто бъ
Она была княжною иль царевной,
А не простою бѣдною сироткой...

Донъ Педро.

И въ этомъ я бѣды не вижу.

Донья Клара.

Повѣрите ль, донъ Педро, ужъ изъ замковъ.
Ко мнѣ неоднократно присылали
И рыцари и гордые бароны,
Прося, чтобы я честь имъ оказала,
Съ племянницей пріѣхавъ къ нимъ на праздникъ.

Донъ Педро.

И въ этомъ я не нахожу соблазна.

Донья Клара.

Но все идетъ такимъ волшебнымъ ходомъ,
Что право я, отецъ мой, соблазняюсь...
Недавно насъ никто не зналъ, не вѣдалъ,
И сами мы родныхъ своихъ не знали,—

Да близкихъ нѣтъ у насъ и въ самомъ дѣлѣ
Ни здѣсь, ни гдѣ-нибудь на бѣломъ свѣтѣ.
Теперь о насъ всѣ вспомнили внезапно,
Напоминаютъ намъ и насъ зовутъ.

Донъ Педро.

Да развѣ нѣтъ, синьора, волшебства
И въ прелести дѣвичьей красоты
И въ дивномъ голосѣ?

Донья Клара.

Ну, сами вы сказали!
Да волшебство откуда же взялось?
Повѣрьте, padre, я грѣха боюсь,
Я трепещу за собственную душу,
За сироту, которую взяла...

Донъ Педро.

А молится она?

Донья Клара.

Щебечетъ больше
Да распѣваетъ пѣсни. Не пропуститъ,
Однако, днемъ ни Angelus, ни Ave!
А вечеромъ всегда ужъ на молитву
Становится и съ радостнымъ лицомъ,
Но долго, горячо молитвы шепчетъ.

Донъ Педро.

Оставьте же, синьора, всякій страхъ!
Повѣрьте: ангелы съ весельемъ смотрятъ
Днемъ на ея младенческую радость,
А ночью весело взлетаютъ къ небу,
Неся ея горячія молитвы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Аксаковъ.

300-лѣтіе Рыцаря печальнаго образа.

I.

Триста лѣтъ тому назадъ въ Испаніи, въ глухомъ мѣстечкѣ Аргамасильи, въ душной тюрьмѣ великій и несчастный Сервантесъ задумалъ первыя главы всечеловѣчеекаго романа —„Донъ-Кихота Ламанчскаго". Творецъ Рыцаря Печальнаго Образа, человѣкъ возвышеннаго ума, благороднаго сердца и дѣтски-чистой, доброй души, писатель съ пылкой фантазіей, герой, сражавшійся при Лепанто подъ знаменами Донъ-Жуана Австрійскаго и искалѣченный на-вѣки въ этомъ величайшемъ морскомъ сраженіи, а потомъ пережившій втеченіе пяти лѣтъ всѣ ужасы плѣна у алжирскаго деспота, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднякъ, котораго всю жизнь преслѣдовала судьба, который вѣчно думалъ о кускѣ хлѣба для себя и своей семьи, этотъ геній, чье имя знаетъ каждый образованный человѣкъ всего міра,—Мигуэль Сервантесъ, былъ брошенъ въ тюрьму за какіе-то долги или денежные счеты.

Кажется, вся жизнь писателя состояла изъ этихъ возмутительныхъ противорѣчій. Душа, окрыленная фантазіей, неслась куда-то ввысь, не знала мѣры своимъ порывамъ, отдавалась вся безъ раздѣла чувству, стремилась къ одному добру, истинѣ и свѣту, а жизнь, какъ грязный, циничный, грубый и пошлый Санчо Панца, держала тѣло въ рабствѣ велѣній плоти, и наглымъ смѣхомъ старалась заглушить звуки небесной идеальной музыки, къ которымъ прислушивалась чуткая душа поэта.

Думалъ ли Сервантесъ, стоя на бортѣ испанской галеры, тяжело раненый, но не оставлявшій своего поста, полный отваги и безумной жажды подвиговъ,—думалъ ли онъ, что черезъ двадцать шесть лѣтъ судьба заставитъ его принять мѣсто комиссара по поставкѣ провіантовъ для „Непобѣдимой Армады", позорно погибшей, не видавъ непріятеля, не слыхавъ ни одного выстрѣла?

Сервантесъ не разъ спотыкался и о морское интендантство и о пороги дворцовъ испанскихъ вельможъ, къ которымъ являлся онъ

жалкимъ просителемъ, и жизнь забрасывала его своею грязью, то обвиненнаго въ растратѣ, то преслѣдуемаго за долги, то очерненнаго гнусной клеветой, то гонимаго завистниками.

Но пошлость не погубила великаго писателя, и въ пятьдесятъ три года, когда человѣкъ уже начинаетъ подводить итоги прожитого, онъ съ юношеской энергіей, несмотря на всѣ ужасы тюремнаго заключенія, изнемогая тѣломъ, но бодрый духомъ, создалъ безсмертную повѣсть о томъ, какъ жилъ, страдалъ и умеръ Алонзо—добрый, безумный, несчастный, но великій Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

Несомнѣнно, что, начавъ юмористическій романъ, осмѣивающій увлеченія современниковъ рыцарскими похожденіями, Сервантесъ и не думалъ, что потѣшный Рыцарь печальнаго образа постепенно выростетъ въ гигантскую фигуру страдальца-идеалиста.

Но геній тѣмъ и великъ, что часто самъ не знаетъ, что творитъ.

Задавшись мыслью воскресить въ памяти читателей забытый и несправедливо опошленный образъ Донъ-Кихота, я привелъ эти черты жизни самого Сервантеса лишь потому, что онѣ несомнѣнно отразились на духѣ всего произведенія и безусловно имѣютъ съ нимъ тѣсную связь.

Идеалистъ-Сервантесъ тоже сражался съ вѣтряными мельницами и такъ-же, какъ его герой, вѣчно страдалъ при столкновеніи съ неприкрашенною, пошлою дѣйствительностью.

II.

Первая часть „Донъ-Кихота“ вышла въ свѣтъ въ 1605 году, но не правильнѣе ли года литературнаго произведенія считать съ момента, когда лихорадочно работалъ умъ автора, а рука его, нервно вздрагивая, пестрила листы безсмертными строками?

Особыя обстоятельства жизни Сервантеса, о которыхъ мы уже упомянули, и собственное его признаніе въ предисловіи къ первой части романа, ясно показываютъ, что Донъ-Кихотъ именно родился въ затхломъ воздухѣ тюрьмы, въ которой Сервантесъ терпѣлъ невыносимыя для людей XX вѣка муки, т. е. ровно триста лѣтъ тому назадъ.

Въ тѣ времена ни одна книга не могла обойтись безъ посвященія какому-нибудь меценату, иначе ее не стали бы покупать.

Когда уже было написано нѣсколько главъ „Донъ-Кихота“, поэта выпустили изъ тюрьмы. На короткое время онъ забылъ о своемъ несчастномъ Рыцарѣ,—жизнь съ ея пошлыми требованіями обступила его кругомъ и говорила: иди и ищи! И Сервантесъ пошелъ. Грозный Филиппъ II умеръ и на престолъ его вступилъ Филиппъ III, одинъ изъ тѣхъ королей, которыми правятъ временщики и фавориты, одинъ изъ правителей, которыми богато прошлое и настоящее. Филиппа III не существовало, его замѣнялъ герцогъ Лерма. Сервантесъ явился къ всесильному временщику и просилъ, быть можетъ, указывая на свои заслуги, быть можетъ, на рубцы своихъ ранъ, полученныхъ при защитѣ отечества... Едва ли онъ говорилъ о своихъ литературныхъ заслугахъ, уже тогда составившихъ ему

громкое имя, врядъ ли въ понятіи главы государственныхъ дѣлъ Испаніи такія заслуги составляли въ формулярномъ спискѣ просителя рекомендательныя статьи.

Герцогъ Лерма не понялъ, кто передъ нимъ кланялся униженно, прося и ему удѣлить ничтожную часть въ раздѣлѣ добычи, которая вся находится въ рукахъ могущественнаго временщика, или доходами. Правда, однимъ маніемъ руки это золото, собранное съ полей, взятое изъ скромнаго заработка труженика—однимъ маніемъ руки оно могло претвориться и въ блестящій орденъ, и въ бриліантовыя украшенія на груди фаворитки, и въ памятникъ художественнаго творчества, и въ роскошный дворецъ въ Аранжуэцѣ. и въ мелкую монету, брошенную вельможнымъ чиновникомъ на бубенъ веселой гитаны, и въ скудное содержаніе голоднаго поэта, котораго не кормятъ его стихи и новеллы, который хочетъ все свое тѣло, съ его низкимъ умомъ и пошлой разсчетливостью отдать канцеляріи герцога Лерма, чтобы душѣ, великой своей душѣ, позволить свободно витать въ области фантазіи. Писатель всегда жаждетъ раздѣлить самого себя на двѣ половины: одну бросить, въ силу необходимости, Молоху житейской пошлости, а другую сохранить какъ святая-святыхъ въ древнебиблейской скипіи. Большею частью это желаніе невыполнимо. Герцогъ Лерма холодно принялъ Сервантеса и поэтъ сошелъ по ступенямъ чертоговъ, полный ужаса передъ жизнью, передъ нищетой и униженіемъ. Другой впалъ бы въ отчаяніе, другой покончилъ бы самовольно со своею жизнію, но Сервантесъ не могъ, не смѣлъ этого сдѣлать: на его рукахъ еще находилось неокрѣпшее дитя его фантазіи, дитя, появленіе котораго ждалъ и требовалъ міръ, самъ того не сознавая.

И ничтожны были для Сервантеса земныя горести, ничтоженъ былъ весь хламъ жизни, кажущійся столь необходимымъ. Поэтъ терпѣливо страдалъ, переносилъ голодъ и невзгоды и... дописалъ первую часть «Донъ-Кихота».

Лучшимъ доказательствомъ, что мы не ошибаемся въ датѣ рожденія Рыцаря печальнаго образа, служатъ слова автора въ предисловіи къ первой части. Самъ осуждая свой романъ, онъ говоритъ, что нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ быть то мѣсто, гдѣ написано это произведеніе, т. е. тюрьма, въ которой бѣдный Сервантесъ былъ заключенъ до своего визита герцогу Лерма приблизительно за два года, а во дворецъ временщика жалкимъ просителемъ явился онъ въ 1603 году.

Нищета преслѣдовала Сервантеса, и когда была написана первая часть романа, творецъ его не могъ уже дальше ждать и сталъ заботиться о томъ, чтобы скорѣй показать свое литературное дѣтище и получить деньги отъ продажи книги. Какъ теперь выходъ въ свѣтъ книги обусловливается надписью: «дозволено цензурой», такъ триста лѣтъ тому назадъ требовалась другая надпись: «посвящается такому-то вельможѣ».

«Донъ-Кихотъ» въ первомъ своемъ изданіи посвященъ дону Алонзо Лопецъ де-Зунига-и-Соломайоръ.

Это было, какъ мы говорили уже, въ 1605 году. Успѣхъ книги былъ неожиданный. Она разошлась въ тридцати тысячахъ экземпля-

рахъ и вскорѣ была переведена на всѣ языки тогдашнихъ цивилизованныхъ народовъ.

III.

Имя Донъ-Кихота пережило самый романъ, оно стало нарицательнымъ. Донъ-Кихотъ—синонимъ смѣшного чудака, неумѣющаго въ дѣйствительной жизни отличить грубый циничный обманъ отъ истиннаго горя и страданія, достойныхъ сожалѣнія и помощи.

И, какъ всегда бываетъ, это имя опошлилось и получило совсѣмъ несвойственное ему значеніе. Благодаря иллюстраціямъ и нелѣпымъ передѣлкамъ для сцены, благодаря тому, что большинство знаетъ о романѣ Сервантеса лишь по малограмотнымъ дѣтскимъ книжкамъ, въ глазахъ даже образованной публики Ламанчскій рыцарь рисуется только въ каррикатурномъ видѣ безконечно длиннаго и худого, какъ скелетъ, человѣка въ бутафорскихъ доспѣхахъ, верхомъ на жалкой клячѣ. О самомъ же романѣ большинство думаетъ, что это смѣшная сказка для дѣтей, описаніе ряда невозможныхъ похожденій, которыми забавляться могутъ только малолѣтніе читатели.

Поэтому фабула романа забылась вовсе, кромѣ развѣ отдѣльныхъ эпизодовъ комическаго характера, вродѣ сраженія съ вѣтряными мельницами, да губернаторства Санчо-Панца на островѣ. Кстати сказать, это выдающаяся по своему глубокому смыслу часть романа, въ которой Сервантесъ буффона Санчо перевоплощаетъ въ представителя здраваго народнаго смысла, — обыкновенно извѣстна какъ грубый фарсъ, гдѣ ненасытный обжора и корыстолюбецъ терпитъ заслуженное наказаніе.

Между тѣмъ, «Донъ-Кихотъ Ламанчскій», какъ истинное произведеніе генія, содержитъ въ себѣ массу сторонъ и въ каждой изъ нихъ Сервантесъ является огромнымъ художникомъ и глубокимъ знатокомъ человѣческаго ума и сердца. «Донъ-Кихотъ»—это и сатира, рѣзкая и безпощадная, на увлеченіе современниковъ фантастическими рыцарскими романами, это и сатира на идеальныя стремленія человѣка, далекія отъ пошлой дѣйствительности, это и грандіозная картина вѣчной борьбы между духомъ и плотью, рокового противорѣчія между свободной фантазіей, даромъ небесъ, и тяжкими узами земли, это правдивая, полная жизни и красокъ картина сельскаго и городскаго быта Испаніи второй половины XVI вѣка, это и цѣлое міровоззрѣніе Сервантеса на жизнь государственную и народную, наконецъ, на что, кажется, вовсе мало обращено вниманія, это тончайшій психо-патологическій этюдъ изъ жизни сумасшедшаго, котораго преслѣдуетъ навязчивая идея.

Въ литературѣ всего міра еще не появлялось другого произведенія, гдѣ бы сумасшествіе было описано съ такой правдивостью, съ такимъ проникновеніемъ въ самые тайники больного ума, съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ страданіямъ безумца, съ такимъ яркимъ реализмомъ и полнотой воспроизведенія. Психіатрамъ было бы положительно полезно изучать безуміе Донъ-Кихота.

IV.

Есть много доказательствъ въ пользу того, что Сервантесъ далеко не сознавалъ самъ, въ какую грандіозную эпопею разростется

незначительный вначалѣ художественный замыселъ. Юморъ, чуждый тяжеловѣснаго цинизма Раблэ, составлялъ отличительную черту Сервантеса. Рыцарскія похожденія стали отходить въ то время въ область преданій и перешли въ литературу не только въ поэтической формѣ какъ напр., «Orlando furioso», но и преимущественно въ «рыцарскіе романы», которые большею частью не отличались художественными достоинствами, но зато изобиловали самими невѣроятными приключеніями. Это было нѣчто въ родѣ романовъ Майнъ-Рида или Густава Эмара съ тою разницею, что въ тѣ наивныя времена допускались описанія различныхъ чудесъ, продѣлокъ волшебниковъ, великановъ, драконовъ и прочее. Рыцарскіе романы были любимымъ чтеніемъ, но конечно, увлеченіе ими не доходило до безумія Донъ-Кихота, хотя, быть можетъ, прототипомъ Рыцаря печальнаго образа и послужилъ какой-нибудь соотечественникъ Сервантеса. Большинство же интересовалось этими книгами и зачитывалось ими по свойственному человѣческой натурѣ стремленію ко всему, что представляетъ контрастъ съ дѣйствительностью сѣренькой жизни. Хозяинъ таверны у Сервантеса тоже ярый чтецъ этихъ романовъ, однако это не мѣшаетъ ему спокойно торговать и наживаться отъ своихъ гостей. Еще до появленія «Донъ-Кихота» среди образованной части испанскаго общества уже замѣчался протестъ противъ рыцарскихъ романовъ, и вельможи - меценаты отказывались давать свое имя авторамъ этого рода литературы. Такое отрицательное отношеніе къ рыцарству былыхъ временъ испыталъ на себѣ и самъ Сервантесъ. которому донъ Алонзо-Лопецъ сначала отказалъ въ своемъ покровительствѣ, еще не читая романа, только потому, что въ немъ говорилось о рыцаряхъ, и лишь по прочтеніи первыхъ главъ вельможа измѣнилъ свое мнѣніе и даже сильно заинтересовался оригинальнымъ произведеніемъ. Такимъ образомъ. почва къ появленію сатиры на искусственный романтизмъ героической эпохи была уже подготовлена, уже замѣчался нѣкоторый поворотъ, если не къ реализму, то къ большей естественности Въ области драмы поворотъ этотъ уже былъ совершенъ знаменитымъ Лопе де-Вега, который перенесъ на сцену мотивы современной ему жизни и бытъ обыкновенныхъ людей. Но романъ все еще находился во власти искусственнаго героизма и ждалъ. чтобы этому ложному направленію былъ нанесенъ окончательный ударъ. Съ этой точки зрѣнія «Донъ-Кихотъ» имѣлъ огромное значеніе для современниковъ, но для насъ, уже переплывшихъ геркулесовы столбы реализма, горячность, съ которой Сервантесъ относится къ разнымъ «Амадисамъ Гальскимъ», «Зеркалу рыцарства», «Рено Монтобанскому» и т. д., мало понятна и лишь при большой силѣ воображенія мы можемъ сочувственно относиться къ автору и не зѣвать надъ тѣми мѣстами романа, гдѣ устами священника или каноника проповѣдуются «новые» взгляды на литературу. Но для того времени это была критика, полная яда и сарказма.

Однако, если сатира Сервантеса въ этомъ смыслѣ и потеряла современный интересъ, то въ ней заложена идея, не умирающая и до сихъ поръ. Эта идея касается предѣловъ фантазіи въ литературѣ и вліянія послѣдней на міровоззрѣніе читателя. Конечно, мы уже

перестали увлекаться благородными разбойниками, Дубровскими, Карлами Морами и т. п., такъ какъ хорошо знаемъ, что всѣ эти типы представляютъ не болѣе, какъ иллюзію, основанную на подборѣ эффектныхъ моментовъ и полномъ умалчиваніи объ отвратительной наготѣ разбойничьяго промысла. Конечно, только дѣти желаютъ походить на героевъ Майнъ-Рида, которые кромсаютъ безъ счета краснокожихъ и цѣлятъ твердой рукой между глазъ непріятеля. Но несомнѣнно, что и въ лучшихъ литературныхъ образцахъ герои не обходятся безъ фантастической бутафоріи и дѣйствуютъ особенно на молодое воображеніе въ смыслѣ недовольства сѣрой дѣйствительностью, не дающей цѣльныхъ типовъ и законченныхъ образовъ. Этотъ разладъ между литературой и жизнью тщетно старается примирить реализмъ, вырождающійся, наконецъ, въ декаденство. Въ мои задачи не входитъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса — я хочу только указать, что Сервантесъ заложилъ одинъ изъ крупныхъ камней въ фундаментѣ зданія реалистической критики и его заслуга въ этомъ смыслѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

V.

Желаніе осмѣять увлеченіе своихъ современниковъ рыцарскими романами побудило Сервантеса написать юмористическій романъ, въ которомъ доблестный странствующій рыцарь былъ бы изображенъ въ карикатурномъ видѣ. Первыя главы, т. е. первый выѣздъ Донъ-Кихота, носятъ наиболѣе каррикатурный характеръ и не отличаются широтой замысла. Это первая попытка Донъ-Кихота на многотрудномъ поприщѣ странствующаго рыцаря, это первое столкновеніе бѣднаго безумца съ дѣйствительной, пошлой жизнью. Здѣсь Донъ-Кихотъ является исключительно сумасшедшимъ, его психическое разстройство находится въ полномъ напряженіи. Глубокаго анализа человѣческой натуры здѣсь не видно и, если бы авторъ продолжалъ свой романъ по той же программѣ, то онъ представлялъ бы изъ себя не болѣе какъ повтореніе одной и той же каррикатуры лишь съ перемѣной лицъ и обстановки. Талантъ Сервантеса подсказалъ ему, что человѣкъ не можетъ быть все время безумнымъ, что весь ужасъ психически-больного и заключается въ противорѣчіи его свѣтлаго разума съ навязчивой идеей, что, наконецъ, въ цѣляхъ правдиваго юмора и реализма необходимо противопоставить фантазеру Донъ-Кихоту другую личность, которая бы реагировала совершенно иначе на описываемыя событія. Такое сопоставленіе двухъ противоположныхъ личностей давало автору возможность доходить до высокаго реальнаго комизма, не прибѣгая къ утрировкѣ, а съ другой стороны и изобразить цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ изъ жизни различныхъ классовъ общества. Такъ создался образъ оруженосца странствующаго рыцаря, комическая, но реальная фигура Санчо-Панцы. Съ этого момента тѣсныя вначалѣ рамки творчества раздвигаются шире. Донъ-Кихотъ одновременно съ безуміемъ, приводящимъ его къ смѣшнымъ приключеніямъ, проявляетъ и недюжинный умъ, что вноситъ въ романъ новый элементъ—трагическій и вызываетъ сочувствіе къ нему читателя. Этимъ сочувствіемъ про-

никся, повидимому, и самъ Сервантесъ и сталъ все болѣе вносить въ личность странствующаго рыцаря черты собственнаго душевнаго разлада между идеальными стремленіями и жестокой побѣдой надъ ними дѣйствительной жизни. Донъ-Кихотъ все болѣе облагораживается, его прекрасныя душевныя качества, чистое любящее сердце, отзывчивое къ страданіямъ ближняго, чувство собственнаго достоинства, несмотря на всевозможныя униженія, ясный умъ во всемъ, что не касается предмета его безумія—все это привлекаетъ читателя къ бѣдному страдальцу и заставляетъ относиться къ нему съ невольнымъ уваженіемъ.

Донъ-Кихотъ—испанскій гидальго, благородный бѣднякъ, Тургеневскій Чертопхановъ XVI столѣтія, человѣкъ до того цѣломудренный въ своей мысли, что презираетъ все плотское; онъ былъ дѣвственникомъ, лелѣявшимъ въ мечтахъ своихъ образъ какой-то Дульцинеи, которая не была и не могла быть въ дѣйствительной жизни. Онъ былъ бѣденъ, жизнь съ самыхъ первыхъ шаговъ поставила его въ то ужасное положеніе, когда человѣкъ неумѣющій добывать средства собственнымъ трудомъ, не получившій отъ благородныхъ предковъ наслѣдственнаго богатства, долженъ по катехизису средняго человѣческаго существованія обречь себя на мелкія заботы о маленькомъ сытомъ довольствѣ, и радоваться, что на крошечномъ огородѣ у него выросли овощи крупнѣе и сочнѣе, чѣмъ у сосѣда. Онъ долженъ былъ жениться на скромной и бѣдной дѣвицѣ, любящей куръ, индюшекъ, свиней и приготовленіе безконечнаго количества запасовъ въ прокъ. Донъ-Квизада (настоящая фамилія Донъ-Кихота, по увѣренію Сервантеса) долженъ былъ прожить весь вѣкъ свой въ своемъ маленькомъ домикѣ, питаться отъ доходовъ маленькаго клочка земли, толстѣть, народить съ дюжину здоровыхъ дѣтей, ходить въ будни въ затрапезномъ платьѣ, а по праздникамъ надѣвать значительно потертый, но все еще великолѣпный бархатный дѣдовскій костюмъ и чувствовать себя въ немъ настоящимъ гидальго, между которымъ и окружающими крестьянами лежитъ огромная пропасть, хотя многіе изъ этихъ, провонявшихъ лукомъ смердовъ и богаче въ нѣсколько разъ его. Развлеченія гидальго должны были заключаться въ охотѣ, да въ разговорахъ поучительнаго характера со скромнымъ сельскимъ священникомъ. Итакъ, проведя свою вполнѣ благонамѣренную жизнь и совершивъ на землѣ все земное, Донъ-Квизада долженъ былъ спокойно умереть, объѣвшись какимъ-нибудь національнымъ блюдомъ вродѣ *оллы*, въ которую старинной испанской кулинаріей разрѣшалось класть все, что угодно,—умереть на рукахъ любящей жены, окруженнымъ многочисленнымъ поколѣніемъ и пріятелями, вродѣ цирюльника,—умереть послѣ исповѣди въ своихъ маленькихъ житейскихъ грѣхахъ, отпущенныхъ ему старою рукою пріятеля и собутыльника—священника, умереть добрымъ католикомъ и оставить по себѣ память хорошаго хозяина, любящаго отца и мужа и благонамѣреннаго гражданина.

Вотъ что судьба дала на долю бѣднаго испанскаго гидальго, Донъ-Квизада.

Но, къ сожалѣнію, таже судьба сыграла съ нимъ плохую шутку. Она вложила въ душу дворянина бѣдняка стремленіе къ чему-то

болѣе высокому, чистому и хорошему, чего не давала пошлая дѣйствительность. При другихъ условіяхъ Донъ-Квизада, быть можетъ, сдѣлался бы побѣдителемъ мавровъ, завоевателемъ новыхъ странъ, Христофоромъ Колумбомъ. Но онъ былъ бѣденъ и прикованъ жизнію къ своему глухому медвѣжьему уголку, къ мѣстечку Ламанча. Дѣйствительная жизнь не давала ничего его пылкимъ стремленіямъ и осуждала его на пошлое существованіе средняго человѣчка. Эту окружающую жизнь онъ не могъ любить, не могъ проникнуться ея интересами, а другого, кромѣ огорода и свинарни, ничего не было. И Донъ-Квизада постепенно отдался во власть фантазіи. Это часто случается съ людьми, жизнь которыхъ представляетъ явное противорѣчіе ихъ стремленіямъ и желаніямъ. Фантазія есть свободная область для человѣческаго духа. Но фантазія, богиня щедрая на свои призрачные дары, ревниво слѣдитъ, чтобы ея поклонникъ не отдавался дѣйствительнымъ благамъ жизни. Чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ несчастнѣе человѣкъ, тѣмъ богаче даритъ его фантазія. Бѣднякъ, лежа на соломѣ, воображаетъ себя милліонеромъ, уродъ—красавцемъ и побѣдителемъ женскихъ сердецъ, пигмей—Геркулесомъ, трусъ совершаетъ чудеса храбрости, голодный участвуетъ въ роскошныхъ пирахъ, бѣдный гидальго Донъ-Квизада видитъ себя блестящимъ рыцаремъ Донъ-Кихотомъ. Но та же богиня Фантазія коварно губитъ своихъ поклонниковъ. Она заставляетъ ихъ презирать все реальное, она заставляетъ ихъ забывать потребности тѣла и гнушаться матеріальными наслажденіями. Она изсушаетъ эту презрѣнную плоть и заставляетъ мозгъ работать съ удесятеренной силой, и человѣкъ часто гибнетъ и превращается въ жалкаго безумца. Донъ-Квизада нашелъ особый способъ уходить отъ жизни: онъ увлекся чтеніемъ рыцарскихъ книгъ. Быть можетъ, вначалѣ онѣ служили ему просто утѣшеніемъ въ окружающей сѣрой обстановкѣ, бѣдной яркими красками. Но, мало-по-малу, фантазія все сильнѣе захватывала его въ свою власть и, если сначала, напримѣръ, охота съ ея неожиданностями, трудностями, а изрѣдка и опасностями до извѣстной степени утоляла пылкую страсть къ приключеніямъ, то вскорѣ это стало казаться ничтожнымъ, нестоющимъ вниманія по сравненію съ блестящими образами рыцарскихъ подвиговъ, описанныхъ въ книгахъ, и Донъ-Квизада, окончательно отрѣшившись отъ всего реальнаго, всецѣло погрузился въ нихъ. Это было начало сумасшествія, и Сервантесъ съ изумительнымъ искусствомъ рисуетъ постепенное развитіе и весь ходъ безумія. Весь романъ можно разсматривать какъ психологическій этюдъ сумасшествія, поражающій необычайнымъ реализмомъ. Донъ-Кихотъ, какъ и всѣ фантазеры, люди не отъ міра сего, свелъ почти на нѣтъ всѣ свои тѣлесныя потребности, довольствовался самымъ скромнымъ столомъ, одѣвался бѣдно, все хозяйство сдалъ на руки домоправительницѣ и племянницѣ, но зато тратилъ всѣ свои доходы на покупку книгъ, а когда ихъ не хватало, то не стѣснялся закладывать и распродавать свое послѣднее имущество. Книгами онъ наполнилъ весь свой домъ. Но фантазія требовала все новой пищи, и естественно было для Донъ-Кихота взяться самому за перо и удовлетворить свою страсть описаніемъ выдуманныхъ приключеній.

Здѣсь однако сказалась правдивость его натуры: вѣря по-дѣтски во все, что было напечатано въ рыцарскихъ романахъ, Донъ-Кихотъ не могъ лгать самъ, какъ лгали его любимые авторы, чего онъ однако не допускалъ въ своихъ мысляхъ, принимая всякія бредни за чистую монету. Отсюда одинъ шагъ до нелѣпѣйшей мысли сдѣлаться самому странствующимъ рыцаремъ и прославить себя удивительными подвигами. При поверхностномъ взглядѣ кажется, что Сервантесъ допускаетъ шаржъ, заставляя своего героя принимать вѣтряныя мельницы за великановъ, стадо овецъ за непріятельское войско, грязную таверну за роскошный замокъ и т. п., но всякій, знакомый съ ходомъ мысли безумныхъ, знаетъ, къ какимъ удивительнымъ уловкамъ прибѣгаютъ они, чтобы убѣдить и самихъ себя и другихъ въ несуществующихъ вещахъ. Донъ-Кихотъ могъ даже сознавать ясно, что имѣетъ дѣло съ людьми и предметами самыми обыкновенными, но ему такъ хотѣлось видѣть кругомъ лишь одно необыкновенное, чудесное, что больной его умъ сталъ искать лазейку, сталъ строить самые рискованные силлогизмы и, наконецъ, нашелъ твердую опору для собственной безумной идеи: все обыкновенное только кажется такимъ вслѣдствіе козней волшебниковъ, умѣющихъ своими чарами заставлять видѣть не то, что есть на самомъ дѣлѣ. Это геніальное проникновеніе въ самый способъ мышленія умопомѣшаннаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ это не великолѣпнѣйшая характеристика всего идеалистическаго направленія человѣчества. Безумный говоритъ: мое безуміе есть истина, а дѣйствительность есть ложь. Развѣ не то же самое говорили и говорятъ всѣ люди, стоящіе нѣсколько выше пошлой буржуазной жизни, желающіе видѣть въ ней то, что создалъ ихъ собственный умъ, что расцвѣтила ихъ собственная фантазія?

Полное помраченіе разсудка, минутныя просвѣтленія, своеобразная логика безумія—все это мастерски очерчено Сервантесомъ, и образъ Донъ-Кихота положительно ни на одно мгновеніе не отступаетъ отъ реальной правды, и какъ художественное произведеніе не содержитъ въ себѣ и намека на какую либо искусственность, утрировку или каррикатуру.

VI.

Санчо-Панца, такъ-же какъ и Донъ-Кихотъ, вовсе не каррикатура: оба эти типа не только реальны въ окружающей ихъ обстановкѣ, они и для современной жизни представляютъ вполнѣ художественные образы двухъ противоположныхъ характеровъ. Простой мужикъ Санчо-Панца былъ увлеченъ безумнымъ гидальго Донъ-Кихотомъ на самую нелѣпую авантюру обѣщаніемъ сдѣлать его губернаторомъ острова. Здѣсь сказалось то отношеніе крестьянина къ барину, которое существуетъ и понынѣ: если-бы Донъ-Кихотъ вздумалъ учить Санчо-Панца, какъ нужно пахать землю или разводить свиней, смѣтливый мужикъ сразу понялъ-бы, что баринъ говоритъ глупости, но губернаторство, быстрый переходъ ничтожнаго дворянина въ знатнаго вельможу, внезапное обогащеніе послѣ рыцарскаго подвига—все это удѣлъ баръ, все это область, въ которой

ничего не понимаетъ Санчо, но, вѣроятно, много смыслитъ Донъ-Кихотъ.

Эти люди, т. е. привилегированное сословіе, по мнѣнію Санчо-крестьянина, глупы, дѣтски наивны, ничего не умѣютъ дѣлать, т. е. не умѣютъ работать въ полѣ и на огородѣ, весь грязный трудъ выполняютъ за нихъ другіе, а они только бражничаютъ да проводятъ время въ веселой праздности. Между тѣмъ, эти люди почему-то пользуются большимъ уваженіемъ, чѣмъ трудолюбивый Санчо, и уваженіемъ и богатствомъ. Значитъ, имѣютъ же они какія то особыя достоинства, недоступныя разуму человѣка низкаго званія, достоинства, за которыя барина кто-то награждаетъ титулами, даетъ ему возможность распоряжаться другими людьми и вести сытую, беззаботную жизнь. Вѣроятно, и господа умѣютъ что-то дѣлать, что-то важное, что гораздо скорѣе даетъ богатство, чѣмъ безконечный, тяжелый трудъ земледѣльца. Что собственно—Санчо не знаетъ, да и не пытается узнать, такъ какъ это дѣло барское, а не мужицкое. Санчо убѣжденъ, что онъ все равно ничего не пойметъ, да и господа говорятъ какимъ-то особымъ языкомъ, для него непонятнымъ. Поэтому, для будущаго оруженосца въ словахъ Донъ-Кихота не было ничего невѣроятнаго, безумнаго. Баринъ что-то болтаетъ совершенно непонятное, но приэтомъ говоритъ горячо и убѣдительно, и Санчо среди потока неизвѣстныхъ для него словъ и понятій слышитъ, что оруженосцы при рыцаряхъ дѣлались обладателями большихъ помѣстій и даже цѣлыхъ острововъ. Этого было достаточно. «Чѣмъ чортъ не шутитъ!»—подумалъ Санчо и затрусилъ на своемъ ослѣ во слѣдъ рыцарю въ ржавыхъ доспѣхахъ верхомъ на бѣдномъ инвалидѣ—Россинантѣ.

Всѣ пылкія рѣчи Донъ-Кихота интересуютъ Санчо лишь съ одной точки зрѣнія: онъ вопреки здравому смыслу готовъ подтверждать всевозможныя нелѣпости, потому что всѣхъ баръ считаетъ въ душѣ если не безумными, то во всякомъ случаѣ глупыми, а потому послѣ всякой драки сумасшедшаго рыцаря съ проѣзжими проситъ у Донъ-Кихота обѣщаннаго острова, не зная, какой собственно подвигъ его облагодѣтельствуетъ. Вѣра Санчо въ звѣзду Донъ-Кихота чрезвычайно велика и подчасъ даже умилительна. Конечно, мужикъ смотритъ на барина просто какъ на доходную статью и, быть можетъ, поэтому, собственно, оберегаетъ его и ухаживаетъ за нимъ какъ нянька за дитятей, а въ истинно расположенныхъ къ Донъ-Кихоту людяхъ, священникѣ, цырюльникѣ и лиценціатѣ, видитъ своихъ личныхъ враговъ, а главное враговъ своего будущаго благополучія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Санчо по своему добръ и незлобивъ. Онъ даже чувствителенъ и способенъ проливать слезы, а около смертнаго одра Донъ-Кихота выражаетъ самую необузданную горесть не только потому, что теряетъ человѣка, отъ котораго постоянно пользовался, но и по чисто человѣческому чувству горести при утратѣ близкаго лица и добраго барина. Преданность Санчо терпитъ массу испытаній и онъ, какъ умный мужикъ, выманиваетъ себѣ и жалованье и ослятъ, а когда видитъ, что безумная авантюра приходитъ къ концу, то посредствомъ наглаго обмана подвергаетъ себя мнимому истязанію за деньги. Но все-же Санчо вѣритъ, что рано или поздно, а

баринъ сумѣетъ устроить его дѣла и когда онъ, наконецъ, получаетъ островъ, благодаря возмутительной забавѣ герцога надъ сумасшедшимъ и его слугой, Санчо сразу мѣняется, думая, что онъ достигъ своей цѣли, что надежда на барина осуществилась, и начинаетъ серьезно и дѣловито относиться къ своимъ обязанностямъ и примѣняетъ здравый крестьянскій умъ къ дѣламъ управленія островомъ. Это одна изъ лучшихъ страницъ романа. Здѣсь Сервантесъ отдаетъ явное предпочтеніе демократическому началу и удивляетъ читателя своею непостижимою прозорливостью. Мужикъ не признаетъ никакой политики, никакихъ высшихъ соображеній и дѣйствуетъ прямо, согласно своему мужицкому разуму, и дѣйствуетъ хорошо, честно, вникая въ самую суть дѣла и оберегая права личности. Санчо дѣйствительно могъ бы управлять островомъ лучше, чѣмъ губернаторъ изъ дворянъ, пріѣхавшій въ провинцію, чтобы «покормиться». Какъ ни былъ жаденъ мужикъ, онъ не тронулъ ни копѣйки изъ общественной кассы, онъ отнесся къ своимъ обязанностямъ, какъ къ серьезному мірскому дѣлу. Не виноватъ онъ, что надъ нимъ сыграли баре отвратительную шутку изъ желанія потѣшить себя самихъ, посмѣяться надъ бѣднымъ Санчо, представителемъ «подлаго» сословія.

Съ появленіемъ на сцену Санчо-Панца, Сервантесъ становится и критикомъ современнаго ему соціальнаго строя и, если онъ отдаетъ видимое предпочтеніе аристократіи, то несомнѣнно ради угожденія сильнымъ міра сего, а въ душѣ остается истиннымъ демократомъ, хотя какъ правдивый писатель не стѣсняется ярко обрисовывать и отрицательныя стороны простого народа.

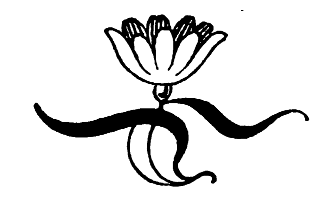
Если мы вспомнимъ, что романъ написанъ триста лѣтъ тому назадъ, что взгляды Сервантеса не были чужды условныхъ понятій его времени, его геніальное воспроизведеніе народнаго типа, почти свободное отъ сословныхъ предразсудковъ, покажется намъ еще болѣе изумительнымъ, еще болѣе свидѣтельствующимъ, что великіе умы способны мысленно опережать столѣтія и создавать безсмертные образы, высказывать безсмертныя мысли, до которыхъ впослѣдствіи съ безконечными усиліями и жертвами доростаетъ позднѣйшее человѣчество.

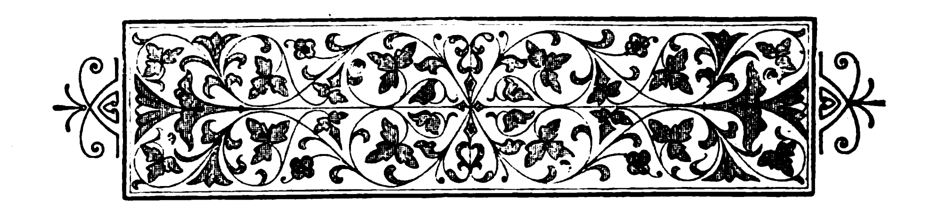
Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о желательности популярнаго изданія «Донъ-Кихота». Несомнѣнно, въ немъ имѣется потребность, и отсутствіемъ его объясняется то, что большая публика мало знакома съ чуднымъ произведеніемъ Сервантеса. Въ 1899 г. журналъ «Вокругъ Свѣта» въ видѣ безплатной преміи для своихъ подписчиковъ издалъ довольно сносный переводъ Донъ-Кихота съ большимъ количествомъ иллюстрацій Густава Дорэ. Но мнѣ популярное изданіе рисуется въ иномъ видѣ. Для современнаго читателя романъ отличается большими длиннотами и несущественными вставками, развлекающими вниманіе. Поэтому для популярнаго изложенія требуется серьезная, но конечно вполнѣ литературная переработка со значительнымъ сокращеніемъ текста. Иллюстраціи Дорэ—единственно художественныя—хороши, но и въ нихъ замѣчается два существенныхъ недостатка: легкомысленное, чисто-французское отношеніе къ тексту, показывающее слабое знакомство

съ нимъ, и недостаточное проникновеніе идеей автора, что привело къ ненужнымъ каррикатурнымъ искаженіямъ. Вообще Дорэ, великолѣпный иллюстраторъ Гаргантюа и Пантагрюэля, совсѣмъ не справился съ Донъ-Кихотомъ, и лишь мѣстами его рисунки отличаются художественной правдой и соотвѣтствіемъ идеѣ. Отчего бы гг. книгоиздателямъ не заняться этимъ дѣломъ и хотя бы къ юбилейному сроку, въ 1905 г., не выпустить въ свѣтъ хорошаго и дешеваго изданія «Донъ-Кихота» въ осторожно переработанномъ видѣ, а русскимъ художникамъ не сдѣлать попытку передать своимъ карандашомъ повѣсть о похожденіяхъ многострадальнаго рыцаря?

Быть можетъ, именно славянская натура окажется болѣе способной воспріять идеи Сервантеса и русскій иллюстраторъ сумѣетъ лучше Дорэ изобразить слезы, невидимыя за смѣхомъ, и рѣзче оттѣнить высокотрагическіе моменты въ комической обстановкѣ.

Сергѣй Соломинъ.





НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

X. Не у дѣлъ. Жозефина. 1795.

Бѣдствія опальнаго.—„Безуміе жениться".—Портретъ страннаго генерала.—Спаситель конвента.—„Бонапартъ".—Жозефина и бракъ.

Въ тотъ день, когда произошло знаменательное въ жизни Наполеона 13-е вандемьера, истекло пять мѣсяцевъ съ его появленія въ Парижѣ. Уже въ седьмой разъ судьба наносила ему, повидимому, смертельный ударъ. Онъ самъ рисовалъ себя такъ: „Я теперь—словно наканунѣ сраженія. Твердая увѣренность, что двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, убѣжденъ въ безразсудствѣ задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что я долженъ пренебрегать и своей судьбой, и смертью. Если такъ пойдетъ дальше, я, кажется, не стану даже сворачивать съ дороги передъ встрѣчнымъ экипажемъ".

Наполеону стало опять такъ же плохо, какъ въ Оссонѣ (гл. III), даже хуже: онъ уже вкусилъ сладость успѣха, обонялъ ѳиміамъ славы. Его мучили заботы о родныхъ, которые раздѣляли его опалу. Сестры бѣдствовали, съ Летиціей, въ Марсели. Братья лишились мѣстъ. Люсьенъ попалъ даже въ тюрьму, а на его плечахъ были жена и ребенокъ. Люси былъ разжалованъ и лишь изъ милости попалъ въ кадеты на казенный счетъ. Самъ Напо-

леонъ нищенствовалъ на скудномъ жалованьѣ заштатнаго генерала. Онъ жилъ въ плохой меблированной комнаткѣ и съ трудомъ добился казеннаго сукна для замѣны поношеннаго мундира, въ которомъ щеголялъ среди золотой молодежи. Онъ занималъ у своего Жюно, который одинъ только остался при немъ; Мартонъ укатилъ въ рейнскую армію. Буонапарте пускался на все—опять хватался за литературу, пробовалъ торговать книгами, замышлялъ спекулировать церковными имуществами на деньги Жозефа. „Немножко ассигнатовъ, привезенныхъ изъ арміи, говоритъ Мармонъ, ушли на неудачную биржевую игру, Наполеонъ спалъ всего три часа; и на его лицѣ показывались признаки невралгіи. У него планы смѣнялись планами съ лихорадочной поспѣшностью; тоска и отчаяніе перемежались дерзкими мечтами о собственномъ домѣ, дачѣ, кабріолетѣ и тройкѣ. Несчастный чуть не каждый день пишетъ своимъ, особенно Жозефу, и отъ волненія не можетъ кончать писемъ. Но восклицаетъ: „бодритесь, веселитесь, не заботьтесь! Живу только счастьемъ моихъ. Дали вамъ счастье! фортуна никогда не покидаетъ меня въ моихъ предпріятіяхъ“. А въ душѣ мучительный знакомый голосъ: „Воинъ долженъ побѣдить или умереть на ложѣ славы“.

Опальный всюду жаловался на несправедливость министерства прошеніями и прожектами, которые тамъ называли „химерами“. Онъ то слушалъ курсъ астрономіи, то сваталъ богатую невѣстку Жозефа, которая, однако, вышла за Бернадота. Сегодня онъ задумывался о смерти, завтра готовъ былъ продать свою саблю англичанамъ въ Остъ-Индію, а не то ихъ врагамъ, русскимъ. Храбрецъ, выходившій послѣ 9 ч. вечера на улицу (тогда рѣдко кто рѣшался на это), страшился сыщиковъ бѣлаго террора: видныхъ якобинцевъ все арестовывали и казнили. Онъ требовалъ „раскаянія“ даже отъ своихъ прежнихъ друзей и истолковывалъ „Ужинъ въ Бокерѣ“ въ консервативномъ духѣ. А самъ ходилъ только къ госпожѣ Пермонъ—вдовѣ съ взрослыми дѣтьми, у которой собирались якобинцы и корсиканцы и которая бѣжала, наконецъ, тайкомъ изъ Парижа. Говорятъ, онъ предлагалъ руку и этой сверстницѣ своей матери; такъ овладѣвало имъ отъ бездѣйствія и возраста „безуміе жениться“ (la folie de se marier)! Впрочемъ, старушка была знатнаго рода, а главное богата. Лишь подъ конецъ Буонапарте началъ посѣщать Барраса, который превратился въ душу золотой молодежи и прелестницъ сомнительной строгости, въ особенности Жозефины Богарнэ, и даже попалъ

въ директора. „Баррасъ, говоритъ онъ, игралъ видную роль, а мнѣ, въ моемъ положеніи, непремѣнно надо было уцѣпиться за кого-нибудь". Ему льстило и знакомство съ такимъ салономъ, какъ у маркизы Богарнэ: онъ говорилъ тогда Мармону, что ему хотѣлось бы войти въ „высшее общество".

А тамъ его не баловали: скорѣе чуждались этого страшнаго якобинца. Непріятны были его искривленныя губы, его строгое, испитое лицо оливковаго цвѣта, казарменность его манеръ, сальность походныхъ разсказовъ, небрежность въ одеждѣ. Отъ всей его молчаливой, раздраженной, но холодной фигуры вѣяло чѣмъ-то рѣзкоповелительнымъ и гордымъ, отчаяннымъ и загадочнымъ: его сравнивали съ Маратомъ. Дамы наблюдательны. Г-жа Пермонъ описываетъ Наполеона такъ: „у него рѣзкія, угловатыя черты лица, маленькія руки съ длинными худощавыми пальцами, длинные растрепанные волосы. Онъ ходитъ безъ перчатокъ (безполезная издержка!), носитъ дурно сшитые и плохо вычищенные башмаки, имѣетъ болѣзненный видъ отъ худобы и желтоватости лица, скрашеннаго лишь глазами, которые сверкаютъ умомъ и твердостью духа". Другая дама добавляетъ: „Съ такимъ господиномъ непріятно встрѣтиться вечеромъ у лѣса. Мундиръ у него до того истасканный, такой жалкій, что я сначала не повѣрила, что это генералъ. Говорили, что онъ очень бѣденъ и гордъ, какъ шотландецъ". А жена его школьнаго товарища, Бурьена, говоритъ: „Онъ сталъ еще холоднѣе и загадочнѣе; улыбка у него фальшивая и зачастую неумѣстная. На него находятъ припадки какой-то озлобленной веселости: тогда чувствуешь себя крайне неловко и утрачиваешь дружеское къ нему расположеніе".

Особенно интересенъ, даже самъ по себѣ, отзывъ вдовы Богарнэ. Жозефина писала подругѣ: „Я въ восторгѣ отъ мужества генерала, отъ его всезнанія, мѣткости сужденій, живости ума, съ которою онъ, кажется, понимаетъ каждаго раньше, чѣмъ тотъ выскажется. Но, признаюсь, меня страшитъ, что онъ, повидимому, желаетъ властвовать надъ всѣмъ. Въ его пытливомъ взорѣ что-то грозное, непостижимое, что смущаетъ даже нашихъ директоровъ... Баррасъ увѣряетъ, что добудетъ генералу начальство надъ итальянскою арміей, если онъ женится на мнѣ. А Буонапарте сказалъ мнѣ: „Такъ, по-ихнему, мнѣ нуженъ покровитель! Погодите, они сами будутъ пресчастливы, если я захочу стать ихъ покровителемъ. При мнѣ сабля; а съ нею я далеко пойду!.....Не знаю почему,

но это смѣшное самомнѣніе до того опутываетъ меня, что я считаю возможнымъ все, чего ни пожелаетъ этотъ странный человѣкъ. А онъ обладаетъ чрезвычайно пылкимъ воображеніемъ, не дозволяющимъ предвидѣть его предпріятія и поступки".

Эта вѣра въ свою звѣзду была такъ глубока, что юный генералъ не боялся окружать себя талантами, которые могли только оттѣнять его блескъ. Отсюда — его отчаянная смѣлость и скороспѣлость: ему хотѣлось вдругъ взлетѣть выше всѣхъ, когда и всѣ поднимались быстро. На замѣчаніе насчетъ его молодости онъ отвѣчалъ: „На полѣ брани живо старѣются". Если онъ увлекался античностью, подобно всѣмъ французамъ, то не Аѳинами и республикой, а Римомъ, съ его непобѣдимыми легіонами и міродержавіемъ. Онъ бросился въ водоворотъ издыхающей революціи, какъ иностранецъ и честолюбецъ: ему были чужды страданія французской „канальи", какъ называли привилегированные пролетарія; онъ не терпѣлъ массовыхъ, безпорядочныхъ движеній. Въ рѣзкомъ, холодномъ, какъ сталь, лаконизмѣ писемъ и рѣчей генерала уже стушевывались слѣды „чувствительности" и „идеологіи". Впрочемъ, онъ еще помнилъ Аркадію своей ранней юности: въ его походной сумкѣ хранился экземпляръ Руссо; на всей его фигурѣ еще лежалъ отпечатокъ идеализма революціи, который усиливалъ его обаяніе, прикрывая исполинскій эгоизмъ.

Этого-то чудака, почти мальчишку, который, безъ роду-племени, безъ связей и богатствъ, уже очаровывалъ всѣхъ, обстоятельства вдругъ вознесли на степень спасителя правительства.

Наканунѣ 13-го вандемьера, мятежники открыто готовились къ борьбѣ. Правительство не могло медлить: отъ исхода умѣлой битвы зависѣло его существованіе. Ночью, послѣ бурнаго засѣданія конвента въ Тюльери, Баррасъ былъ назначенъ начальникомъ „внутренней" арміи. Онъ и не думалъ бы объ этомъ, если бы утромъ не получилъ записочки отъ Буонапарте. Теперь онъ согласился съ условіемъ, чтобы секундъ-генераломъ назначили „корсиканскаго офицерика, который не станетъ церемониться". Конечно, Баррасъ устранился, возложивъ кровавую расправу на Наполеона. Послѣдній съ жаромъ взялся за дѣло: его судьба была связана съ судьбой конвента.

У Буонапарте было всего 5.000 солдатъ противъ 20.000 мятежниковъ. Но за него былъ опытъ битвъ въ узкихъ ущельяхъ Альпъ. А главное, онъ полагался на своихъ любимицъ—на пушки, которыхъ недоставало противнику.

Артиллерійскій офицеръ Мюратъ молодецки спроворилъ ихъ изъ артиллерійскаго парка за городомъ къ Тюльери, такъ что мало кто и замѣтилъ. Мятежники не знали даже, что командуетъ побѣдитель Тулона: приказанія отдавались именемъ Барраса. Буонапарте и въ донесеніи о боѣ не упоминалъ себя: онъ исчезъ тотчасъ послѣ дѣла, какъ былъ невидимкой до него. Тѣмъ болѣе поразила всѣхъ испитая, вдохновенная фигурка генерала, возникавшая, на конѣ, всюду, гдѣ кипѣлъ бой, словно духъ крови и смерти. Наполеонъ проявилъ глубокое пониманіе дѣла и лихорадочное рвеніе, но соединенное съ математической точностью разсчета. Онъ сразу пустилъ въ ходъ перекрестный огонь картечи, какъ бы давая міру первый урокъ великаго значенія артиллеріи. Часа въ четыре все было кончено: и парижанъ погибло не больше двухъ сотенъ. На другой день столица приняла обычный видъ: театры были переполнены. Вслѣдъ затѣмъ графъ Артуа съ англичанами бѣжали во-свояси. Вандея замерла и 80.000 войска были переведены оттуда на границы.

Міровой переворотъ былъ очевиденъ. Но немногіе могли измѣрить его глубину. Дѣло въ томъ, что новая форма правленія въ „столицѣ міра“, директорія, началась съ работы пушекъ и штыка: гражданская власть становилась подъ охрану военной: расчищался путь цезаризму. И цезарь былъ на-лицо: „генералъ Вандемьеръ“ (такъ называли Наполеона другіе генералы) сталъ главнокомандующимъ внутренней арміи, его имя, уже знакомое войскамъ, вышло изъ мрака неизвѣстности для всего свѣта. Передъ нами другой человѣкъ: изъ куколки выскочилъ мотылекъ. Буонапарте уже окруженъ штабомъ, гдѣ первенствуютъ друзья—родные съ Мартономъ Жюно во главѣ. У него уже любимая повелительная фраза: „Мое намѣреніе таково (mon intention est)“. Буонапарте даже перемѣнилъ свой четкій почеркъ на непостижимыя ребяческія каракули. Вскорѣ онъ сталъ подписываться *Бонапартъ*: „Buonaparte“ выдавало его итальянское происхожденіе. Онъ сталъ „роковымъ человѣкомъ“. „Счастье со мною!“ пишетъ онъ 14-го вандемьера, „судьба“ начертываетъ онъ на обручальномъ кольцѣ своей невѣсты. Его вѣра въ свою „звѣзду“; его высокомѣріе достигли дерзости и наглости. Обнаружилась и алчность корсиканца-пролетарія. У Буонапарте отличный экипажъ и красивый домъ. Онъ схватился за финансовыя спекуляціи,—и на семью полился золотой дождь: разъ ей сразу было послано четыреста тысячъ франковъ. Люсьенъ былъ освобожденъ и посланъ къ матери въ Марсель;

Люи сталъ поручикомъ; Жозефу обѣщано мѣсто консула; Жеромъ попалъ въ парижское высшее училище. Въ то же время нашъ генералъ, съ одной стороны, оказался такимъ чудеснымъ полицейскимъ, что уже не было бунтовъ, несмотря на голодовку, съ другой—сталъ покровителемъ всѣхъ опальныхъ и неудачниковъ: онъ раздавалъ мѣста и деньги интереснымъ людямъ всевозможныхъ партій и хлѣбъ—голодающимъ; онъ льстилъ направо и налѣво, всѣхъ очаровывалъ. Счастливчикъ ухаживалъ и за дамами, сталъ чуть не великосвѣтскимъ львомъ.

Но къ концу этого чудеснаго года—новая перемѣна въ „фатальномъ" человѣкѣ: онъ внезапно погрузился въ прежнюю угрюмую задумчивость и сталъ нелюдимъ; онъ опять сдѣлался неуклюжимъ, раздражительнымъ, грознымъ. Директора смущались, не знали, что дѣлать съ своимъ спасителемъ.

Но, вотъ, Баррасъ провѣдалъ отъ своей *Жозефины Богарнэ*, что страшный генералъ врѣзался въ нее по-уши, что онъ любитъ даже ея дѣтей и „все что она ни дѣлаетъ и говоритъ, всѣхъ, кого она видитъ, ея платья, все что касается его обожаемаго друга". Чтобы понять природу Бонапарта, особенно въ виду его разсужденій о любви въ Валансѣ, приведемъ одну изъ многихъ его записочекъ къ Жозефинѣ, относящихся къ той порѣ: „Жду тебя, полный тобой. Твой образъ и вчерашній опьяняющій вечеръ не даютъ покоя моимъ чувствамъ. Милая, несравненная Жозефина, какое странное впечатлѣніе производите вы на мое сердце! Сердитесь ли вы на меня, печальны ли вы, безпокоитесь ли,—и моя душа разрывается отъ мученій, и нѣтъ покоя вашему другу. А развѣ я нахожу его, когда отдаюсь владѣющему мной глубокому чувству, когда я впиваю съ вашихъ устъ, изъ вашего сердца пожирающее меня пламя? Ахъ, этой ночью я понялъ, что вашъ образъ—не вы сами. Ты ѣдешь въ полдень; черезъ три часа увижу тебя. До тѣхъ поръ тысячу разъ цѣлую, mio dolce amor. Но ты не цѣлуй меня: иначе—я сгорю!"

Эта страсть разбила даже кланное чувство корсиканца. Наполеонъ зналъ, что его завистливая родная семья возненавидитъ соперницу, съ которой онъ будетъ дѣлить свое сердце. Особенно должна была негодовать матрона Летиція, которая считала и все счастье генерала Вандемьера „временнымъ" („provisoire", писала она тогда Жозефу).

Мягкость нрава Жозефины, благоволеніе, блиставшее

въ ея взорахъ и проявляемое не только въ рѣчахъ, но и въ тонѣ голоса, какая-то свойственная креолкамъ безпечность, сквозящая въ ея манерахъ и движеніяхъ, даже когда она старается нравиться,—все это придавало всюду ея существу прелесть, которая перевѣшивала блестящую красоту обѣихъ ея соперницъ (г-жъ Рекамье и Тальенъ)... То не была особенно умная женщина. Это—креолка, крайне кокетливая, мало образованная. Но она понимала, чего не доставало ей, и не роняла себя въ разговорѣ. Она обладала тонкимъ чутьемъ и отлично умѣла говорить всякому пріятное. Къ сожалѣнію, ей недоставало серьезности чувствъ и истиннаго величія души. Другіе прибавляютъ, что то была интригантка, отлично игравшая слезами, лестью, всякою ложью. Словомъ, предъ нами непостижимое сліяніе безсознательнаго эгоизма, тонкаго разсчета и полнаго самозабвенія страсти, украшенной нѣжностью, граціей, кружевами и брилліантами, а вмѣстѣ— рабыня вспышекъ страсти и случайныхъ встрѣчъ.

Этотъ недостатокъ проявился и въ отношеніяхъ креолки къ Бонапарту. Въ ея вышеупомянутомъ письмѣ къ подругѣ читаемъ: „Наконецъ, часто мое уже готовое согласіе останавливало именно то, что должно бы нравиться мнѣ,—сила этой страсти, проявляемая съ такой энергіей, что въ ея искренности нельзя сомнѣваться. Можно ли мнѣ, уже утратившей первую молодость, надѣяться сохранить надолго эту бурную нѣжность генерала похожую на припадокъ безумія? Не сталъ бы онъ сожалѣть о потерѣ блестящей связи? И тогда, что я отвѣчу, что мнѣ останется дѣлать?“

Другого дѣла Жозефина не признавала: она и не думала о своихъ дѣтяхъ.

Увядающая роза склонилась на совѣты всемогущаго Барраса, которому уже надоѣдали сумасбродныя и даже для него дорогія выходки томной креолки. Она сдалась также своей вѣрѣ въ геній необыкновеннаго жениха, сулившій блестящую будущность. Она уже мечтала быть пристроенной (casée): она гадала на кофе, ѣздила по ворожеямъ. Наконецъ, интересенъ былъ этотъ „mariage de raison“ (бракъ по разсчету). Страстной креолкѣ надоѣло служить любовницей истасканнаго сластолюбца, который никогда не любилъ ни одной женщины. Она еще способна была на минутное увлеченіе чувственностью, напоминая вспышки погасающей лампы. И ей предстояло испытать послѣднюю авантюру съ обезумѣвшимъ юношей, повторить всю знакомую гамму любви.

А выйдетъ неудача въ „свѣтѣ"—не трудно повернуть оглобли, отдаться другому, бросивъ околдованнаго, какъ выжатый лимонъ.

Но и Бонапартъ, при всей пылкости своей страсти, не былъ чуждъ разсчета. Онъ видѣлъ всемогущество женщинъ, воскресшее, какъ при „старомъ порядкѣ", въ обществѣ, спѣшившемъ испить чашу наслажденій до дна. „Женщины, писалъ онъ Жозефу, всюду—въ театрахъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ. Въ кабинетѣ ученаго сидятъ самыя милыя особочки, здѣсь только во всемъ свѣтѣ онѣ достойны кормила правленія. И мужчины совсѣмъ одурачены ими: они думаютъ только о нихъ, живутъ только для нихъ". Бонапартъ видѣлъ, что для хорошей карьеры требуются эти царицы „свѣта" и склонялся передъ ними, сознавая свое неумѣнье владѣть его условностями. Злой на языкъ Люсьенъ восклицаетъ: „что было бы съ нимъ, если бы онъ, подобно Магомету, не нашелъ себѣ Хадиджи?" Когда богачки, г-жа Перманъ и невѣстка Жозефа, отказали, годилась и Жозефина, которая прикрывала свое безденежье пышной жизнью и была наперсиицей главы директоріи.

А тутъ еще, съ одной стороны, горячность корсиканской крови, съ другой опытность кокетки, которая „съ талантомъ употребляла бѣлила и румяна" и умѣла пускать въ ходъ „туалетные фокусы при блескѣ свѣчъ" (слова г-жи Ремюза и Люсьена). Жозефина, удостоивавшая своихъ ласкъ политиковъ и банкировъ, залучила и генерала, котораго встрѣтила у Барраса. Тутъ дѣйствовали не одна нѣжная небрежность лѣнивыхъ позъ на диванчикѣ на двоихъ, не одно свободное и очень открытое платье пеньюра; выскочкѣ льстило и ласковое слово аристократки, непривычное для слуха солдата-пролетарія. Вѣдь маркиза Богарнэ понижалась, становясь „гражданкой Бонапартъ"! Наполеона плѣнялъ и ароматъ „стараго порядка": по его собственнымъ словамъ, обращеніе Жозефины дышало „спокойствіемъ и достоинствомъ двора".

Вотъ признаніе самого Наполеона, поясняющее все сказанное: „Однажды, когда я сидѣлъ подлѣ нея, она лестно отозвалась о моемъ высокомъ талантѣ; и эта похвала отуманила меня. Съ тѣхъ поръ я все обращался къ ней, всюду слѣдовалъ за ней, наконецъ, страстно влюбился. И когда я еще не смѣлъ признаться, наше общество дало ей понять. Когда дѣло разгласилось, Баррасъ заговорилъ со мной о немъ. У меня не было причинъ отпираться. „Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, вы должны жениться на г-жѣ Богарнэ. Вы можете пу-

стить въ ходъ ваше знаніе и вашъ талантъ; но вы одиноки, безъ состоянія и связей. Женитесь: это дастъ прочную опору".

Баррасъ осуществилъ намекъ. Нищая Жозефина оказалась самою богатой невѣстой: Бонапартъ, самый младшій изъ генераловъ, получилъ, наканунѣ свадьбы, должность главнокомандующаго итальянскою арміей. 9-го марта 1796 года онъ вступилъ въ гражданскій бракъ, при которомъ присутствовалъ геній лжи: невѣста помолодила себя на 4 годика, женихъ постарѣлъ на годъ. То же сдѣлали, при своихъ свадьбахъ, Жозефъ и Люсьенъ: и вышло такъ, что всѣ трое братьевъ родились въ одномъ и томъ-же 1768 году.

Наполеонъ только три дня наслаждался упоеніемъ любви безраздѣльно: 12-го марта онъ уже поскакалъ за Альпы. И жена уже не принадлежала ему. Напрасно онъ изо дня въ день слалъ ей страстныя мольбы летѣть къ его груди. Она собиралась цѣлыхъ два мѣсяца, пока не кончился салонный сезонъ столицы. То она была больна, чувствуя какъ бы беременность; то „традиціи" знати не дозволяли женамъ быть въ походѣ. Такъ увѣряли ее высокородные обожатели, которыхъ теперь стало больше прежняго: во главѣ ихъ стоялъ нѣкій Шарль—олицетворенное ничтожество великосвѣтскаго фатовства. „Я въ отчаяніи, писалъ полководецъ къ Карно,—жена не ѣдетъ. У нея навѣрное есть любовникъ, который держитъ ее въ Парижѣ. Да будутъ прокляты всѣ женщины!" Наконецъ, директорія погнала Жозефину, опасаясь, что ея генералъ броситъ армію и прискачетъ къ своей суженой. Супруга двинулась, съ плачемъ и—съ своимъ Шарлемъ, котораго она пристроила адъютантомъ въ итальянскую армію. Зиму и осень, эти славные дни мужа, она проводила, порхая, съ своимъ штатомъ флирта, между Миланомъ, Болоньей и Римомъ. Тамъ она застряла и въ ту минуту, когда Наполеонъ поскакалъ въ Парижъ съ лавровыми вѣнками.

Б. НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.

12-го марта 1796—9 ноября 1799.—3 года и 7 мѣсяцевъ.

XI. Колыбель «рокового человѣка».

Условія зарожденія міродержца.—Безпомощность Франціи.—Гибельное положеніе арміи.—Театръ первыхъ подвиговъ.—„Великолѣпные босоножки".—„Снятіе оковъ съ народовъ".—Идеалъ Марса въ юности.—Его сподвижники.—Отрицаніе „героепоклонства".—Новая тактика и Карно.—Проза дѣйствительности.

Казалось, Бонапартъ летѣлъ, какъ угорѣлый, въ Италію, чтобы сломить себѣ шею. Онъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Его обуревала еще не насыщенная страсть къ Жозефинѣ, которой онъ посылалъ пламенныя письма чуть не съ каждой станціи. Его томила жажда славы и величія: онъ вѣрно разсчитывалъ, что ея утоленіе тамъ, за далекими, но хорошо знакомыми горами, а не въ столицѣ Франціи. Парижане ненавидѣли его, въ глубинѣ души, за 13-е вандемьера. Завистники и „свѣтъ" насмѣхались надъ нимъ и подставляли ему ножку. Самъ честный Карно, цѣнившій его талантъ, не довѣрялъ назойливому выскочкѣ: онъ не далъ ему портфеля военнаго министра, какъ ни настаивалъ Баррасъ. Наконецъ, въ Парижѣ, Бонапартъ былъ только человѣкъ извѣстной партійки, въ арміи же—герой всей націи, а при удачѣ—и міровой геній.

Между тѣмъ, повидимому, все было противъ него. Директорія колебалась въ самомъ основаніи. Въ казнѣ не было ни гроша. Бонапартъ очистилъ послѣдушки, отправляясь въ армію. Ассигнаты ничего не стоили; да еще англичане уже наводнили Францію фальшивыми бумажками. Всюду свирѣпствовалъ такой голодъ, что сложилась поговорка: „тощъ, какъ французъ". Одинъ роялистъ справедливо писалъ директорамъ: „Ваше положеніе поистинѣ ужасно. За исключеніемъ Пруссіи, всѣ великія державы Европы—ваши отъявленные враги. Вы потеряли въ бояхъ и госпиталяхъ большую часть юношества: скоро рекрутскіе наборы станутъ невозможны. Обработка земли пала отъ недостатка рабочихъ рукъ, лошадей и удобренія. Уничтожена ваша торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя; фабричные рабочіе потеряли кто жизнь, кто разсудокъ. Недостаетъ и военныхъ запасовъ для вашихъ судовъ, а также всѣхъ чужеземныхъ произведеній. Нѣтъ у васъ кредита ни дома, ни за границей".

Не лучше было въ арміи. Есть картина, изображающая раздачу одному батальону, за отличіе, по парѣ деревянныхъ башмаковъ на брата. Голодные солдаты падали духомъ отъ послѣднихъ неудачъ. Заклятый врагъ, Англія, разъяренная базельскимъ миромъ 1795 года, который разстроилъ первую коалицію монарховъ и сдѣлалъ Пруссію орудіемъ Парижа, пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы отомстить Франціи нашествіемъ австрійцевъ и сардинцевъ. Республика отвѣчала смѣлымъ и величественнымъ планомъ: Карно велѣлъ „доконать императора и освободить Италію". Но онъ началъ не съ того конца. У границъ Италіи была оставлена маленькая армія (38.000 человѣкъ и 30 пушекъ). Карно сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ рейнскихъ арміяхъ, которыя должны были молніеносно двигаться на Вѣну, весной 1796 г. Ими командовали достойные люди, разгромившіе первую коалицію. Таковъ былъ скромный, дѣльный Журданъ, который до революціи торговалъ въ лавочкѣ, какъ „неблагородный". А подлѣ красовался Гошъ—первый послѣ Наполеона стратегъ, сынъ охотника и принцъ видомъ, величавый, но человѣчный покоритель враговъ и сердецъ, особенно женскихъ. Этотъ благороднѣйшій отпрыскъ революціи былъ даже превзойденъ, на этотъ разъ, серьезнымъ, образованнымъ, приличнымъ Моро (Moreau): образецъ хладнокровія, стойкости духа, дисциплины и гуманности, Моро бросался въ опасность для спасенія товарищей и „старался, чтобы всѣ столько же уважали характеръ французовъ, сколько страшились ихъ оружія".

Но этимъ доблестнымъ генераламъ повредилъ самъ Карно, у котораго, на этотъ разъ, геометрія черезчуръ перевѣсила стратегію: преслѣдуя свой любимый планъ—охватывать врага съ боковъ, онъ слишкомъ разъединилъ обѣ арміи. Этимъ воспользовался единственный изъ австрійцевъ, не походившій на вѣнскихъ рутинеровъ,—братъ императора Франца II, молодой эрцгерцогъ Карлъ. Это былъ храбрый воинъ, даровитый организаторъ и человѣкъ образованный, скромный, независтливый: солдаты любили его. И какъ полководецъ, онъ былъ способенъ на хорошіе планы; но онъ медленно соображалъ; и его осторожность доходила чуть не до боязливости, особенно въ виду горячаго, изворотливаго противника. Карлъ бросился между растянутыми арміями врага и оттѣснилъ ихъ такъ, что ихъ спасло отъ погибели только знаменитое въ военныхъ лѣтописяхъ отступленіе Моро. А вслѣдъ затѣмъ умеръ Гошъ (сентябрь

1797 г.), эта краса французскихъ войскъ, который болѣе Наполеона былъ достоинъ великой роли: его уже называли „французскимъ Вашингтономъ“. Внезапную смерть героя приписывали то Бонапарту, то Пишегрю, хотя онъ, скорѣе, палъ жертвой женолюбія.

Французы истомились, впадали въ отчаяніе: всѣ жаждали мира уже только съ „естественными границами“ (Рейнъ, Ницца, Пиренеи), бросая первоначальную мечту о міровой революціонной пропагандѣ. Но для этого нужна была война, необходимая и для правительства, въ виду еще сильныхъ партій роялистовъ и якобинцевъ. Требовались именно внезапныя, чудесныя побѣды въ Италіи. Это было въ интересахъ не одного Бонапарта, но и директоровъ, которые видѣли въ немъ своего спасителя и опасались рейнской арміи, этого притона якобинства. Для всѣхъ ихъ Италія представляла самое привлекательное поприще: она славилась своими богатствами, скопленными втеченіе вѣковъ, благодаря міровой торговлѣ и благодатной природѣ.

А тамъ, въ суровыхъ ущельяхъ горъ, изнывала заброшенная армійка, покрытая лохмотьями или кусками кожи. Она давно уже не видала денегъ: даже генералы получали 8 фр. въ мѣсяцъ. Въ ея управленіи царствовала анархія. А противъ нея стояли, въ боевомъ порядкѣ, четыре австрійскихъ арміи, опиравшіяся на рядъ неприступныхъ крѣпостей, съ знаменитой Мантуей во главѣ. Ихъ охранялъ съ суши изворотливый и хозяйственный „привратникъ Альпъ“, сардинскій король, а съ моря — англійскій флотъ, подъ командой талантливаго, отважнаго и упорнаго Нельсона. Французской арміи въ Италіи была поставлена невозможная задача: ее разрѣшилъ герой, рожденный тогда войной и революціей.

Положеніе Бонапарта было отчаянно лишь съ виду; въ сущности, онъ былъ окруженъ самыми счастливыми условіями. Важнѣе всего было то, что непріятель никуда не годился. Австрія и Германія представляли собой средневѣковую развалину, главное въ Европѣ убѣжище всякой отсталости и высокомѣрной бездарности. Ихъ императоръ Францъ II, хотя молодой человѣкъ, сверстникъ Бонапарта, былъ лицемѣромъ ретроградства, игрушкой іезуитовъ и эмигрантовъ, узкимъ фанатикомъ крестоваго похода противъ „яда революціи“. Онъ не обращалъ вниманія на Италію, хотя парижскіе аристократы извѣщали его, уже въ началѣ 1796 года, что французы рѣшились вторгнуться туда „во что бы то ни стало“. Его итальянскія арміи были снабжены старыми ружьями,

у которыхъ зачастую не хватало кремней. Во главѣ ихъ стояли такіе ветхіе рутинеры, какъ 72-хъ-лѣтній Больё; да и тѣ не смѣли сдѣлать шагу безъ приказа не нюхавшихъ пороху тупицъ придворнаго совѣта въ Вѣнѣ. Эти лжеполководцы были приверженцами старой школы, когда война была частью парадомъ экзерциргауза, частью маневрированіемъ черепахи, „съ обезпеченіемъ тыла" и съ охраной „каждаго пунктика". Они безсмысленно растягивали свои войска, навьюченныя безконечнымъ багажемъ. Вдобавокъ, австрійцы ревновали сардинцевъ: то были „союзники съ расходящимися линіями отступленія". Бонапарту было обидно драться съ этими мастодонтами военщины; а они не принимали никакихъ предосторожностей противъ этого „мальчишки" и его барановъ [1]). Наконецъ, французамъ помогъ великій герцогъ тосканскій: онъ не пропустилъ неаполитанскихъ войскъ черезъ свои владѣнія.

Въ рукахъ Бонапарта были и всѣ положительныя условія успѣха, помимо его собственнаго генія. Передъ нимъ развертывался наилучшій театръ войны—всѣ эти перерѣзанныя горами и потоками мѣстности, которыя онъ зналъ, какъ свою квартиру, изучивъ ихъ еще въ 1794 г.: онъ цѣлую послѣднюю зиму составлялъ планы, записки, особенно карты, въ которыя и не заглядывали его противники.

У Бонапарта была и лучшая въ свѣтѣ армія, поставленная имъ уже въ 1794 г. въ крѣпкія, искусно выбранныя позиціи. То было невиданное въ Европѣ „поголовное ополченіе" конвента,—самъ народъ подъ ружьемъ. То были уже закаленные въ эпическихъ походахъ бойцы, но все молодежь, ловкая, смѣтливая, легкая на подъемъ: 38.000 Наполеоновъ въ миніатюрѣ! Въ ней еще не остылъ восторгъ революціи: ею руководилъ не одинъ инстинктъ, но и сознаніе борьбы за человѣческія права, за магическія три слова революціи. Одинъ сержантъ всегда молился такъ: „Справедливый Боже! Возьми подъ свой святой покровъ великодушную націю, которая сражается лишь за равенство". Одинъ отставной капитанъ 66-ти лѣтъ самъ вновь явился на службу. Когда ему

---

[1]) Враги приписывали успѣхи Бонапарта подкупу. Сохранилось одно его письмо отъ 1797 г., гдѣ онъ, называя австрійское начальство „отвратительнымъ" (détestable), прибавляетъ: „Невѣрно, будто я подкупилъ военачальниковъ: я и не думалъ объ этомъ. Но я настаиваю на томъ, что не было у нихъ ни одного генеральнаго штаба, въ которомъ многіе высшіе офицеры не были бы преданы мнѣ и подкуплены. Оттого я зналъ не только объ ихъ рѣшеніяхъ, но и о замыслахъ: и я разрушалъ ихъ, прежде чѣмъ они вполнѣ созрѣли".

отняли лѣвую руку, онъ взялъ ее въ правую и потрясалъ ею, восклицая: „Да здравствуетъ республика! У меня еще остается десница, чтобы защищать ее!“

Это—„босоножки“ (гл. VII), которые шли освобождать своего брата, итальянскаго „каналью“, отъ ига „тирановъ“. И ихъ встрѣчалъ такой же могучій, пылкій союзникъ. По всему полуострову носились свободолюбивыя пѣсни Альфьери, словно стонъ замученнаго народа. При появленіи французовъ всюду выростало „древо свободы“. Героевъ-лохмотниковъ дѣти засыпали цвѣтами; а женщины кидались имъ въ объятія.

Самъ юный вождь любилъ тогда „красавицу Италію“, эту мать французской культуры, эту пышную, покрытую чудесами искусства страну, гдѣ и лаццарони смотритъ счастливцемъ, утопая въ морѣ блеска отъ глубокаго неба, искрящихся волнъ и горныхъ сѣдинъ, чувствуя, какъ прозрачный воздухъ льется въ душу. „Италія, Италія!“ восклицалъ онъ восторженно, ночуя на лонѣ Альпъ, у Тендскаго перевала еще въ началѣ 1795 г. Можно понять гравюру итальянскаго художника „Свобода Италіи“, посвященную тогда „свободнымъ людямъ“. Передъ нами Геркулесъ съ разорванными цѣпями, у памятника Виргилія. Его обнялъ десницей маленькій генералъ, съ очаровательно-задумчивымъ лицомъ, обвившій другою рукой станъ дебелой красавицы-Италіи, которая положила свои руки на его плечо и подняла благодарные взоры къ небу. Надъ блаженною группой летятъ Музы съ вѣнками и трубятъ славу. Вдали вырисовывается веселый городокъ среди красивыхъ горъ. Кругомъ роскошная растительность.

Этотъ генералъ гравюры похожъ, по выраженію лица, на знаменитый портретъ-картину барона Гро, изображающій Бонапарта на мосту у Арколэ, съ знаменемъ въ рукахъ. Дивно идеализованныя вдохновенныя черты юнаго генія битвъ отчасти соотвѣтствовали дѣйствительности. Тогдашняго 27-лѣтняго Наполеона любили не одни босоножки, уже увѣровавшіе въ его „звѣзду“. Все подчинялось обаянію этого героя, когда, уже вступивъ въ Миланъ, онъ воскликнулъ: „Не то еще будетъ!“ Онъ превращалъ даже банкировъ въ поэтовъ своими величавыми фантазіями и фанатичной вѣрой въ себя. Въ его испитыхъ чертахъ подвижника, окаймленныхъ длинными прядями жиденькихъ волосъ, лежали глубокая дума и сосредоточенная энергія непобѣдимой страсти. На всемъ его существѣ чувствовалось сіяніе свѣжей славы и юности. Въ его походномъ чемоданчикѣ хра-

нились Руссо, Вольтеръ, Монтескье и Тацитъ, а въ душѣ—идеалъ чистой славы Паоли, какъ возродителя человѣчества. Герой почти не спалъ, за работой, ѣлъ что попало, ходилъ чуть не въ рваныхъ мундирчикахъ. Онъ очаровывалъ сослуживцевъ товарищеской простотой; въ депешахъ восхвалялъ ихъ, а о себѣ ни слова. И руки его оставались чистыми среди грудъ награбленнаго золота. Кумиръ лагеря, онъ всячески защищалъ солдатиковъ, безпощадно преслѣдовалъ интендантскихъ крысъ, которыхъ называлъ „riz-pain-sel" (рисъ-хлѣбъ-соль).

На бивуакахъ онъ жилъ мечтами „при лунномъ свѣтѣ" да перечитывалъ „Новую Элоизу" и „Вертера". Онъ пылалъ страстью къ своей Жозефинѣ: „Меня интересуютъ почести лишь потому, что ты ими интересуешься; стремлюсь къ побѣдѣ, потому что это тебя обрадуетъ: иначе я покинулъ бы все, чтобы самому броситься къ твоимъ ногамъ. Милый другъ, будьте увѣрены и смѣло увѣряйте другихъ, что я люблю васъ превыше всякаго воображенія! Знайте, что каждое мое мгновеніе посвящено вамъ; что не бываетъ часа, когда бы я не думалъ о васъ; что мнѣ никогда не случалось думать о другой женщинѣ; что всѣ онѣ кажутся мнѣ некрасивыми, неграціозными, лишенными остроумія. Вы, вы одна, такая, какой вижу васъ мысленно, можете мнѣ нравиться и поглотить всѣ способности моей души, пучины которой вы измѣрили. Въ моемъ сердцѣ не осталось заглаженныхъ складокъ, которыя не были бы раскрыты передъ вами. Всѣ мои мысли подчинены вамъ; въ васъ вся моя умственная и физическая энергія. Моя душа такъ связана съ вами, что тотъ день, когда вы перестанете меня любить или когда жизнь ваша прекратится, будетъ также днемъ моей смерти. Природа и вся земля облечены, въ моихъ глазахъ, прелестью единственно лишь потому, что вы здѣсь живете... Между любящими сердцами устанавливается какъ бы магнетическая связь. Вамъ извѣстно, что я не могу вынести даже и мысли о томъ, чтобы у васъ завелся любовникъ... Я вѣрю въ вашу любовь и горжусь ею. Несчастья являются вѣдь только испытаніями, еще болѣе увеличивающими силу взаимной нашей привязанности. Младенецъ, столь же милый, какъ и его мать, увидитъ свѣтъ въ вашихъ объятіяхъ! Подумаешь, до чего доходитъ моя слабохарактерность! Я пожертвовалъ бы, кажется, всѣмъ за возможность увидѣться съ тобой хоть на одинъ день! Тысячу разъ цѣлую ваши глазки и губки. Восхититель-

ная женщина! Какимъ могуществомъ ты обладаешь! Зная, что тебѣ нездоровится, я положительно чувствую себя больнымъ. Впрочемъ, у меня дѣйствительно лихорадочный жаръ. Не задерживай у себя курьера больше 6 часовъ: отправь его тотчасъ же ко мнѣ съ драгоцѣннымъ письмомъ отъ царицы моего сердца".

Въ бояхъ Бонапартъ десятки разъ былъ въ когтяхъ смерти: подъ нимъ было убито 19 лошадей;—онъ переходилъ пропасти подъ пулями. Въ его „запискахъ" на о. св. Елены описаніе тѣхъ медовыхъ дней славы—самыя искреннія, самыя чарующія страницы.

Эти страницы проникнуты тѣмъ духомъ „третьяго чина": онѣ напоминали поручика Валянса, автора „Ужина въ Бокерѣ". Въ рѣчахъ и воззваніяхъ юнаго главнокомандующаго магическій девизъ революціи еще не былъ забытыми словами: въ нихъ кипѣла ненависть пролетарія и выскочки къ знати и преданіямъ, къ устоямъ стараго порядка. Онъ съ наслажденіемъ шельмовалъ „этихъ наглыхъ монарховъ, презрѣнныхъ тирановъ", которые до того боялись своихъ „народовъ", что когда Габсбургу посовѣтовали воспользоваться одушевленіемъ тирольцевъ, онъ воскликнулъ: „Лучше зажать ротъ врагу какою-нибудь провинціей, чѣмъ вооружить народъ, т. е. разрушить тронъ". Побѣдитель мечталъ тогда даже о раздѣлѣ Турціи, въ союзѣ съ Россіей, съ тѣмъ, чтобы была возстановлена Польша и чтобы „изъ гробницъ великихъ предковъ Греціи вышелъ геній Свободы". И когда его мысль касалась впервые коренного переустройства Франціи, ему грезилось, что тогда „вся Европа станетъ свободной".

Но потомка выходцевъ изъ Италіи, которой Франція была обязана своей культурой, больше всего трогала судьба этой скованной „красавицы". Въ немъ уже не было и слѣда мелкаго корсиканскаго патріотизма: онъ даже совѣтовалъ не замѣщать должностей на островѣ туземцами. Бонапартъ жилъ мечтой, которая, два поколѣнія спустя, овладѣла и душой его подражателя—племянника. Онъ думалъ „возстановить итальянское отечество" во всей его цѣлости—„отъ Альпъ до Іоническаго м., отъ Средиземнаго м. до Адріатики". Онъ надѣялся „перелить" (refondre) итальянцевъ, чтобы создать изъ нихъ „націю".

Какъ только босоножки перевалили черезъ Альпы, Бонапартъ потрясъ ихъ, какъ электрической искрой, воззваніемъ на ихъ и на французскомъ языкахъ: „Народы Италіи! возвѣстилъ онъ. Французская армія при-

шла разбить ваши цѣпи. Французскій народъ—другъ всѣхъ народовъ. Идите къ нему съ довѣріемъ! Республика, поклявшись ненавидѣть тирановъ, поклялась также въ вѣрности братству народовъ. Побѣдоносныя арміи наглыхъ королей, конечно, должны распространять ужасъ среди побѣжденныхъ; но республиканская армія, вынужденная воевать на смерть съ королями, посвящаетъ себя дружбѣ народовъ, которыхъ ея побѣды освобождаютъ отъ тираній". А своимъ солдатамъ Бонапартъ говорилъ, послѣ первыхъ подвиговъ: „Вы побѣждали безъ пушекъ, переходили потоки безъ мостовъ, совершали непосильные марши безъ сапогъ, ночевали подъ открытымъ небомъ безъ водки, а зачастую и безъ хлѣба. Это возможно только для республиканскихъ, свободныхъ войскъ. Но вы все еще ничего не сдѣлали. Нужно освободить Италію; нужно и здѣсь снять оковы съ народа. Пусть успокоются всѣ народы! Мы—друзья ихъ, въ особенности же потомковъ Брутовъ, Сципіоновъ и великихъ людей, которыхъ мы взяли себѣ за образецъ. Возстановить Капитолій, благоговѣйно помѣстить въ немъ статуи славныхъ героевъ, разбудить римскій народъ, усыпленный вѣками рабства—вотъ что должно быть плодомъ вашихъ побѣдъ! Эти побѣды составятъ эпоху. Вы стяжаете безсмертную славу, измѣнивъ лицо лучшей части Европы!"

И какъ радовался герой, когда замѣтилъ, что его побѣды производятъ „чарующее дѣйствіе" на всѣхъ итальянцевъ, которые „въ два года стали неузнаваемы", благодаря зарожденію „національнаго духа"! А *пока* онъ заткнулъ Габсбургу глотку Венеціей, какъ даромъ Данаидъ; уже успѣлъ привить даже новый духъ къ этому заскорузлому гнѣзду олигархіи. „Пусть демократія заразитъ остальныя владѣнія Габсбурга! И тогда,—мечталъ другъ Робеспьеровъ, „абсолютизмъ и олигархія станутъ уродствомъ въ глазахъ Европы. И какого же вамъ лучшаго доказательства ихъ дряхлости, ихъ упадка, ихъ беззаконій!" Бонапартъ пришелъ въ восторгъ, когда національная гвардія въ Миланѣ праздновала „возрожденіе итальянской свободы и отечества". Онъ радовался, видя, что итальянская дѣтвора начинала играть „не въ рясы и часовни, а въ оловянные солдатики". И пятнадцать лѣтъ спустя, онъ ликовалъ, что „исчезла австрійская сила въ Италіи, а съ нею погибли троны королей Сардиніи и Неаполя, герцоговъ Пармы, Модены и Тосканы, олигархіи Генуи и Венеціи, и пала

свѣтская власть папы, эта вѣчная причина раздробленія Италіи".

Немудрено, что юный геній становился тогда не только идоломъ солдатъ, пугаломъ тирановъ, надеждой народовъ, но и божкомъ передовой интеллигенціи. И эта сила идеализма соединялась съ тѣмъ геніальнымъ практицизмомъ, который показалъ тогда міру перво-класснаго полководца. Уже со дня своего пріѣзда въ армію Бонапартъ все захватилъ въ свои ловкія и могучія руки. Сначала всѣ дичились этого „медвѣдя", который все „мечталъ" въ одиночку. Самому молодому изъ генераловъ не хотѣли подчиняться такіе маститые вожди, какъ Массена и Ожеро. Бонапартъ заставилъ ихъ долго ждать въ передней, вышелъ въ шляпѣ и заговорилъ повелительно. Но его слова были такъ дѣльны, что, уходя, Ожеро сказалъ Массенѣ; „Этотъ генеральчикъ-спичка навелъ на меня страхъ; онъ съ перваго взгляда какъ-то заполонилъ меня". Генералы знали, что Бонапартъ выговорилъ себѣ полную независимость: онъ зналъ, что значатъ въ арміи агенты правительства, по примѣру комиссаровъ конвента. И закипѣла работа созданія чудесъ, сразу затмившихъ подвиги Гоша, Моро и Журдана, которымъ вчера только дивился свѣтъ. Теперь-то Бонапартъ впервые развернулъ свой геній во всю ширь, не только какъ воинъ, но и какъ дипломатъ и правитель. Казалось, мозгъ и нервы его не нуждались въ отдыхѣ, глаза—въ снѣ; и всѣ тайны среды раскрывались передъ нимъ мгновенно, какъ по волшебству. Онъ не хуже Карно явилъ примѣръ умѣнья цѣнить таланты и безъ зависти ставить ихъ на свои мѣста. Онъ первый корпѣлъ надъ картами, что было зазорнымъ дѣломъ въ глазахъ тогдашнихъ полководцевъ. Вездѣ у него проявлялась такая вовсе не юношеская предусмотрительность и осторожность, рѣшительность и тонкость разсчета, что даже Массена не могъ найти ни малѣйшей ошибки и проникся восторженнымъ уваженіемъ къ нему.

Вождю „великолѣпныхъ босоножекъ" (Superbes nu-pieds) соотвѣтствовали, по талантамъ, главные помощники. Тутъ были „руки армій, не разъ спасавшія Наполеона,—самъ Массена и Ожеро. Начали выдѣляться какъ генералы, Ланнъ, Маршанъ, Мюратъ, Жюль, Бернадотъ, какъ начальникъ штаба—Бертье. Всеобщую любовь пріобрѣтали даровитые и чистые сверстники Бонапарта, строгій республиканецъ Жуберъ, который электризовалъ всѣхъ однимъ взглядомъ, и тихій, застѣнчивый Дезэ,

человѣкъ почти съ женскимъ сердцемъ, но всегда готовый, съ львиной отвагой, на смертельныя выходки въ авангардѣ. То были товарищи Гоша и Моро и какъ бы близнецы лучшихъ преданій революціи, которыя вскорѣ умерли съ ними. Всѣ эти генералы, вчера еще ничтожества, вышедшія снизу, дружились съ офицерами; а офицеры ѣли изъ одного котла съ солдатами, шли босикомъ рядомъ съ ними, съ сумками за плечами.

Вотъ качественныя силы съ которыми юная республика выступила противъ количественнаго превосходства маститой Австріи. Заправлявшій ими геній войны до того поразилъ міръ своими успѣхами, что исповѣдники „героепоклонства“ до нашихъ дней видѣли въ итальянской кампаніи неопровержимое свидѣтельство могущества личности въ исторіи. Но въ самое послѣднее время наука доказала документально, что тутъ-то блистательно обнаружилась неизбѣжная связь человѣка съ средой, въ смыслѣ не только окружающихъ условій, но и преданій.

Въ наше время было бы смѣшно доказывать, что никакой геній не творитъ изъ ничего: довольно припомнить такого колосса исторіи, какъ Петръ Великій [1]). Излишне напоминать и о томъ, что до Наполеона создались революціонныя идеи, а съ ними возникла и незбѣжная пропаганда, которая неминуемо вела къ войнамъ. И до него французы пришли въ Италію, гонимые первою коалиціей. Ниже намъ придется разсмотрѣть этотъ вопросъ пристальнѣе. Теперь же укажемъ на самое поразительное открытіе исторической науки по эпохѣ Наполеона I. Оказывается, что главный лучъ въ славѣ Бонапарта. препрославленный планъ итальянскаго похода, заимствованъ издалека. Роясь въ военномъ архивѣ, въ злополучную зиму въ Парижѣ, Наполеонъ напалъ на планъ кампаніи маршала Мальбуа, который находился въ Италіи, въ 1745 году, точно въ такомъ же положеніи. Не его и знаменитая новая тактика, перевернувшая военное искусство. Она—дѣло націи и обстоятельствъ. Въ сущности, это—Эпаминондова система клина или „бреши“, пробоины, неизбѣжная при борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Новая тактика воплотилась тогда въ незабвенномъ „устроителѣ побѣдъ“, Карно (гл. VII).

Наконецъ, приходится снять съ Наполеона и одно

[1]) Въ нашей оцѣнкѣ Петра I мы настаивали на этой точкѣ зрѣнія. См. нашу *Русскую Исторію*, II. §§ 219—221.

пятно, которое любятъ выставлять его „хулители“. Тотъ идеалистическій оттѣнокъ, который сопутствовалъ ему въ началѣ итальянскаго похода, началъ быстро тускнѣть и замѣняться мрачною чертой. Какъ только разъярилась фурія войны, требовавшая ставить на карту все, Бонапартъ и его босоножки начали измѣняться. Но то было опять требованіе обстоятельствъ. Измѣнялась вся Франція, весь духъ эпохи: „исчадіе революціи“ неизбѣжно долженъ былъ превращаться въ творца цезаризма. Наставалъ новый періодъ въ исторіи, съ новыми жертвами. Беззавѣтный идеализмъ революціи долженъ былъ смѣниться грубою прозой практицизма. Реакція должна была проявиться, прежде всего, въ такой реальной области, какъ армія, которая притомъ принуждена была бороться съ самыми варварскими пережитками стараго строя въ Европѣ. Чтобы раздавить „змѣй“ старины, какъ выражались якобинцы, приходилось прибѣгнуть къ безпощадности, озвѣриться; это требовалось и тою скоропалительностью, безъ которой армійка Бонапарта не могла бы побѣдоносно драться на всѣ фронты съ массами непріятеля. Да и его великіе предшественники, Тюренъ, Мальборо, особенно Фридрихъ II, котораго онъ усердно изучалъ, брали своею безчувственностью хирурга, жестокостью мясника.

Важнѣе для будущности всего міра и страшнѣе всего была другая черта, въ которой особенно ярко отражалось наступленіе новой эпохи. Она тѣмъ болѣе поразительна, что обстоятельства вдругъ раскрыли ее во всемъ ея безобразіи. Они требовали, чтобы Бонапартъ, для спасенія рейнскихъ армій, ударилъ во флангъ Австріи немедленно и дерзко. Да и его голодная армія не могла дольше стоять въ холодныхъ тѣснинахъ Альпъ; она сразу разбѣжалась бы вся—и солдаты коалиціи наводнили бы Парижъ на 18 лѣтъ раньше. А у Бонапарта не было никакихъ запасовъ: отправляясь въ Италію, онъ могъ взять въ свою штабную кассу лишь около 48.000 фр. да на нѣсколько десятковъ тысячъ векселей.

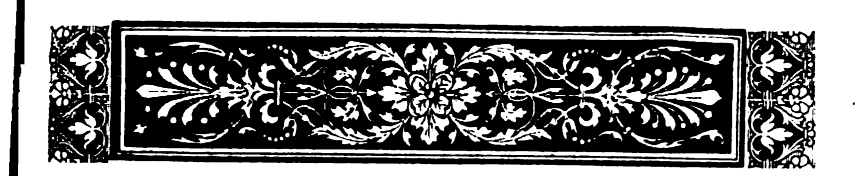
И вотъ, впервые три волшебныхъ идеально-юношескихъ словечка революціи замѣнились голосомъ суровой дѣйствительности, словно воскресавшей изъ глубокихъ могилъ не только стараго строя, но временъ итальянскихъ кондотьеровъ XVI в. Когда босоножки, дрожащіе отъ голода и холода, взобрались на вершины горъ, Бонапартъ, какъ Сатана-искуситель, издалъ первую прокламацію того новаго духа „Аттилы“, который жилъ въ немъ уже до самаго конца и сгубилъ его: „Солдаты!

Вы наги; васъ кормятъ впроголодь; правительство много задолжало вамъ и ничего не можетъ дать. Терпѣніе, мужество, которыя вы явили среди этихъ скалъ, дѣлаютъ вамъ честь; но они не доставили вамъ ни славы, ни выгодъ. Я сведу васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Передъ вами раскинутся роскошныя области, большіе города: вы найдете тамъ почести, славу и *богатство*. Неужели же у васъ не хватитъ доблести, мужества и стойкости?"

Бонапартъ исполнилъ требованія минуты: отъѣзжая изъ Парижа и опустошивъ сундуки правительства, онъ условился съ директоріей, что его армія будетъ не только содержать сама себя, но и пополнять ея казну: онъ зналъ, что въ Италіи, несмотря на отвратительное правительство, хранится много сокровищъ. Но тутъ лежало зерно цѣлаго европейскаго переворота: генералъ, содержащій свое правительство,—уже диктаторъ на дѣлѣ. Онъ и подсмѣивался надъ нелѣпыми планами операцій, которые вздумала было посылать ему директорія; онъ даже началъ безъ ея спроса вести дипломатическіе переговоры. Впрочемъ, покуда это былъ только Цезарь въ Галліи, кумиръ арміи, лагерь которой становился его передвижнымъ государствомъ. Говорятъ, что юный честолюбецъ, голова котораго кружилась отъ изумительнаго поворота колеса Фортуны, уже мечталъ о престолѣ. Если это такъ, то его мысли влеклись къ этой „красавицѣ Италіи", сокровища которой не охранялись дракономъ: итальянцы были жалкая масса, несплоченная, невѣжественная, суевѣрная, забитая. Кстати, корсиканецъ радъ былъ отомстить Генуѣ, а якобинецъ радовался случаю сбить спесь съ римскаго первосвященника. Во всякомъ случаѣ, по собственному признанію Бонапарта, именно тогда зародилась въ немъ мысль о своей высокой участи. „Фортуна, сказалъ онъ, тоже женщина; а потому чѣмъ больше она для меня дѣлаетъ, тѣмъ больше я долженъ отъ нея требовать... Теперь никто не задается великими замыслами; надо будетъ подать примѣръ".

Совершилось превращеніе въ вождѣ—измѣнилась и армія. Вскорѣ стушевался симпатичный типъ солдата первыхъ призывовъ всенароднаго „ополченія": исчезъ босоножка, этотъ спартанецъ революціи съ идеализмомъ аѳинянина. А его генералы обнаружили непреодолимую склонность къ своекорыстію и къ роли царедворцевъ: они уже начинали возить груды сокровищъ въ своихъ чемоданищахъ—„телѣгахъ". **А. Трачевскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Беатриче Ченчи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Переводъ съ итальянскаго Г. Львовича и Э. Русаковой).

(Продолженіе).

Церковь Св. Ѳомы.

СТАРИКЪ разсмѣялся и сказалъ:

— Хочешь, я докажу тебѣ, что здѣсь нѣтъ ни Бога, ни Христа.

Съ этими словами онъ поднялся на ступеньки алтаря, ударилъ кулакомъ о его мраморную доску и продолжалъ:

— Христосъ, если ты присутствуешь здѣсь!.. Я отрекаюсь отъ Тебя, десять разъ, сто разъ отрекаюсь отъ Тебя здѣсь, обѣщаю впредь идти противъ Тебя всякимъ словомъ и дѣломъ, всѣми силами моей души... Если ты слышишь это, то здѣсь же уничтожь меня! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, направился къ Беатриче.—Что такое Богъ? продолжалъ старикъ.—«Богъ былъ слово», только слово: это говоритъ Іоаннъ въ началѣ своего евангелія... Этотъ мертвецъ не мертвъ!—съ этими словами онъ ударилъ кулакомъ по головѣ умершаго. — Все существующее не исчезаетъ, а только измѣняетъ форму. Вещество было еще передъ созданіемъ нашего міра и будетъ послѣ его уничтоженія. Изъ этого трупа возникнутъ милліоны живыхъ существъ и мертвое превратится въ живое: вѣчная смѣна жизни смертью и смерти жизнью — въ этомъ и состоитъ все. Истинная мудрость заключается въ томъ, чтобы извлекать возможно больше наслажденій изъ той формы, какую дала намъ природа... Иди ко мнѣ, Беатриче, тебя одну я люблю... ты свѣтъ моей жизни... тебя...

Старикъ подходитъ къ ней все ближе и ближе, онъ уже прикоснулся къ ней, уже рука его съ чрезмѣрной нѣжностью пытается обнять ея шею. Дѣвушка съ ужасомъ отскочила отъ него, толкнувъ при этомъ гробъ, и крикнула:

— Между мною и вами трупъ вашего сына, убитаго вами!

Отъ толчка гробъ опрокинулся и упалъ; упало и нѣсколько высокихъ подсвѣчниковъ съ горѣвшими на нихъ свѣчами; они опрокинулись на Ченчи и повалили его на землю. Голова мертвеца коснулась головы старика, волосы ихъ спутались; пламя одной свѣчи зажгло эти волосы. Старикъ въ ужасѣ закричалъ:

— Мертвецъ жжетъ меня!

Онъ энергичнымъ движеніемъ освободился отъ мертваго и всталъ.

— О, Франческо Ченчи! проворчалъ онъ.—Ты испугался! Чувство страха овладѣло тобою... Трусъ! Мертвецъ и дѣвушка испугали тебя... Видно, ты дѣйствительно уже старѣешь!

Беатриче убѣжала. Старикъ нетвердыми шагами вышелъ изъ церкви и направился къ дому.

VII.

Отчаяніе.

Съ морского побережья дулъ сырой, несносный сирокко. Этотъ вѣтеръ измождаетъ и разслабляетъ тѣло: стѣны домовъ покрываются влагою, волосы слипаются, выступаетъ тягостный, холодный потъ; люди легко раздражаются, голосъ человѣческій звучитъ рѣзче, и даже самые пріятные звуки производятъ впечатлѣніе какого-то скрипа или лязга задвигаемаго засова. Въ одну такую ночь въ бѣдномъ жилищѣ сидѣли молодые супруги и разговаривали; передъ ними стоялъ дешевый некрашенный столъ; на столѣ тускло горѣла лампа, слабо освѣщая комнату. Глаза мужа были опущены; онъ сидѣлъ опершись локтемъ о столъ и свѣсивъ кисть руки съ видомъ человѣка, убитаго горемъ. Жена тоже была измучена, но въ глазахъ ея виднѣлась римская гордость, особенно теперь, когда она сердилась и съ раздраженіемъ говорила:

— Нѣтъ, никогда не заставите вы меня повѣрить этимъ мерзостямъ!

Мужчина, о которомъ идетъ рѣчь, былъ Джакомо Ченчи, женщина—жена его Луиза Веліа. Джакомо, какъ мы говорили, шелъ двадцать шестой годъ; это былъ рослый, крѣпкій человѣкъ, но сильно исхудавшій. Онъ прошелъ школу своего отца; вліяніе дурного примѣра, можетъ быть, заставило бы его пойти по слѣдамъ отца, если бы любовь рано не смягчила его сердца. Онъ влюбился въ Луизу, хорошую дѣвушку изъ семьи хотя и зажиточной, но принадлежавшей къ низшимъ классамъ. Она тоже полюбила его не за знатность и богатство его рода, а за то, что онъ былъ такъ глубоко несчастенъ. У нихъ было четыре сына. Жили они на окраинѣ города, вдали отъ того блеска, котораго требовала знатность рода Ченчи. Дѣло въ томъ, что Франческо Ченчи, когда прошелъ страхъ, внушенный ему папою Климентомъ VIII, принудившимъ его выплачивать сыну 2,000 скуди ежегодно, и когда онъ замѣтилъ, что новый папа, Сикстъ V, человѣкъ иныхъ взглядовъ, сталъ оттягивать уплату, затѣмъ постепенно уменьшать сумму, такъ что въ послѣднее время не давалъ почти ничего. Это поставило семью Джакомо въ самое

затруднительное положеніе. Луиза терпѣливо переносила всѣ лишенія, старалась утѣшать мужа; особенно тяжело было ей видѣть, что платье Джакомо совсѣмъ несоотвѣтствуетъ его общественному положенію, а дѣти ходятъ почти голыми и часто вынуждены голодать. Наконецъ, терпѣніе ея истощилось, и она начала раскаиваться въ безплодныхъ жертвахъ, принесенныхъ ею Это можно было замѣтить по выраженію ея лица, по звукамъ ея голоса. Но Джакомо было теперь не до наблюденій. На ея восклицаніе онъ отвѣтилъ только: — Луиза!.. Но въ тонѣ, съ которымъ онъ произнесъ это слово, какъ будто слышалось: еще большія мерзости совершилъ отецъ... подойди ближе... чтобъ дѣти не слыхали!.. Но такъ какъ она не хотѣла подойти, онъ самъ приблизился къ ней и сказалъ:

— Ты знаешь, какъ благородна и прекрасна была моя мать... И хотя сама она всегда была безупречна, но не могла воспрепятствовать тому, что въ нее влюблялись. Особенно ею увлекся одинъ здѣшній аристократъ, Каспаро Ланци; онъ имѣлъ безтактность напечатать стихотвореніе, въ которомъ воспѣвалъ свою любовь и прислалъ его моей матери. Когда онъ на другой день пришелъ къ намъ съ обычнымъ визитомъ, мать отказала ему отъ дома. Ланци со слезами на глазахъ ушелъ, но не переставалъ прохаживаться подъ стѣнами палаццо. Однажды на разсвѣтѣ я услыхалъ крикъ подъ окнами моей комнаты: я выбѣжалъ со свѣчею въ рукахъ и увидѣлъ Ланци, пронзеннаго насквозь кинжаломъ. Мать моя, и безъ того уже измученная, была крайне потрясена этимъ убійствомъ, въ которомъ она обвиняла себя. Она и раньше рѣдко выходила изъ дому, теперь же нигдѣ не показывалась. По ней видно было, что ей не долго уже осталось жить. Франческо Ченчи тоже распространялъ слухъ, что она скоро умретъ. Въ это время онъ страстно влюбился въ нашу нынѣшнюю мачиху, Лукрецію Петрони... Какъ-то за столомъ онъ улучилъ минуту и незамѣтно всыпалъ какой-то порошокъ въ стаканъ вина, которое пила мать. Мать выпила вино и замѣтила, что оно горькое. Графъ потребовалъ бутылку, попробовалъ вино и похвалилъ его. Я хотѣлъ было сказать о порошкѣ, но графъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, что я не могъ выговорить ни слова. Черезъ три дня мать моя умерла... Ее не вскрывали и не бальзамировали подъ тѣмъ предлогомъ, будто тѣло скоро начало разлагаться.

Луиза слушала мужа съ выраженіемъ недовѣрія въ лицѣ и, когда онъ кончилъ, сказала:

— Я не говорю, что графъ святой! Избави Богъ! Но все-же вы лишь повредили себѣ тѣмъ, что постоянно осуждаете отца... Не даромъ папа счелъ васъ безсердечнымъ сыномъ, который можетъ даже желать смерти отцу.

— Да, счастье этого дьявола такъ же велико, какъ и его пороки.

— Какой стыдъ!.. Подумайте, что ваши дѣти могутъ услышать, какъ вы отзываетесь о своемъ отцѣ.

— Такъ что-же? Пусть они знаютъ, что отецъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ дѣдомъ.

— Ахъ, если вы правду говорите о графѣ, то у васъ есть общее съ нимъ,—именно, ненависть дѣтей.

— Ненависть моихъ дѣтей? Луиза, ты въ своемъ умѣ?

— Да, да, заговорила она, утративъ всякую сдержанность,— ненависть вашихъ собственныхъ дѣтей! Ваши дѣти терпятъ голодъ, а вы не въ состояніи дать имъ хлѣба, они ходятъ голыми, а вы не можете одѣть ихъ,—о себѣ я ужъ не говорю. Вашъ домъ, который вы любили когда-то, опротивѣлъ вамъ; васъ рѣдко можно увидѣть здѣсь, мысль о насъ не удерживаетъ васъ, —мы ночи напролетъ ждемъ и не можемъ дождаться васъ..! Скажите, лучше ли это для вашихъ дѣтей, что васъ постоянно нѣтъ дома? Можетъ быть они меньше плачутъ, когда вы ихъ не видите? Зачѣмъ вы заставляете меня одну нести этотъ крестъ?

— Луиза, ты права. Но неужели моя слабость, если хочешь, мое малодушіе не заслуживаютъ извиненія?

— Какая ложь! Какая жестокость! Твоя слабость? Твое малодушіе? Куда же ты дѣваешь деньги, выдаваемыя отцомъ?

— Пожалуйста,—къ чему это озлобленіе? Развѣ я не говорилъ тебѣ тысячу разъ, что отецъ не выдаетъ мнѣ назначенной суммы и лишь изрѣдка бросаетъ три-четыре скуди, точно назойливому нищему?

— Удивительно!.. Отецъ лишь изрѣдка бросаетъ тебѣ три-четыре скуди... На что же ты содержишь своихъ содержанокъ, кормишь своихъ незаконныхъ дѣтей?

— Луиза, ты съ ума сошла...

— Мнѣ все равно, что бы ты ни говорилъ. Знай, что я уйду къ своимъ родителямъ,—они съ радостью примутъ меня; мнѣ не страшно и самой зарабатывать себѣ хлѣбъ. Я не упрекаю тебя, что моя молодость ушла безплодно... Такова уже участь женская! И зла я тебѣ не желаю. Боже мой! какъ могла бы я желать зла отцу моихъ дѣтей...

Джакомо съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на жену и своимъ угнетеннымъ видомъ еще больше раздражалъ её. Наконецъ, онъ, совершенно подавленный, сказалъ:

— Ахъ, кто это отравляетъ сердце моей жены? Кто отнимаетъ у меня плоть отъ плоти моей? Что Богъ соединилъ, то лишь злоба Франческо Ченчи старается разлучить... Это онъ,—я чувствую это!.. Скажи, Луиза, кто наклеветалъ тебѣ на меня?

— Наклеветалъ! Много ли тѣхъ грѣшниковъ, которые сами каются въ своихъ грѣхахъ?.. А ожерелье, которое ты купилъ содержанкѣ,—клевета? А платье изъ серебряной парчи для твоего незаконнаго ребенка,—клевета? А новый домъ, выстроенный тобою для податливаго мужа содержанки—тоже клевета?

— Клянусь Богомъ, что твои слова разсмѣшили бы меня, если бы мнѣ не было такъ тяжело... Скажу только, Луиза, что все это ложь...

— Ложь—говоришь ты? Такъ вотъ тебѣ—читай!

Она вынула бумагу и бросила ее на столъ. Джакомо взялъ ее и сталъ читать. Это было анонимное письмо, написанное измѣненнымъ почеркомъ; въ этомъ письмѣ Луизѣ сообщалось о любовной связи ея мужа съ женою одного столяра, живущаго близъ Ринетты, и о томъ, какъ много онъ тратитъ на эту женщину. Далѣе сооб-

щалось, что Джакомо выстроилъ этимъ людямъ новый домъ, даритъ этой женщинѣ драгоцѣнности и другія платья. Отъ этой, дескать, связи—что особенно оскорбило Луизу—родился прелестный ребенокъ, котораго Джакомо любитъ больше всего на свѣтѣ. Потомъ съ злорадствомъ говорилось о платьѣ изъ серебряной парчи. Джакомо спокойно отдалъ письмо женѣ и сказалъ:

— Какъ ты, при твоемъ здравомъ умѣ, могла повѣрить этой пачкотнѣ?

— Потому что это правда... отвѣтила Луиза съ судорожнымъ плачемъ.

— Луиза, неужели ты больше вѣришь клеветнику, который даже не имѣлъ мужества подписать своего имени... у котораго могутъ и должны быть самыя дурныя цѣли... вѣришь больше, чѣмъ своему мужу?

— Я больше вѣрю письму, чѣмъ тебѣ,—въ немъ написана правда, а ты лжецъ!

— Луиза, я скажу тебѣ то, что ты мнѣ раньше говорила:—подумай, что это могутъ слышать наши дѣти и что я ихъ отецъ.

— Я нарочно говорю въ ихъ присутствіи:—пусть они знаютъ, каковъ ихъ отецъ.

— Полно, жена,—я даю тебѣ слово благороднаго человѣка и этого довольно!

— Дѣйствительно, благородный человѣкъ, рыцарь безъ упрека; остается вамъ еще быть рыцаремъ безъ страха, чтобы стать похожимъ на Баярда.

Джакомо то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Луиза раздражалась все больше и больше. Наконецъ онъ сердито крикнулъ:

— Замолчите...

— А если я не замолчу?..

— Тогда я найду средство закрыть вамъ ротъ...

— Ты найдешь... О, ты давно уже все нашелъ! Какъ часто, когда мы лежали вмѣстѣ въ постели, какъ часто ты, вѣроятно, размышлялъ о средствахъ избавиться отъ меня!

— Луиза, замолчи же, наконецъ, замолчи же ради Бога!

— Нѣтъ, я не замолчу... Я хочу говорить... Ты лжецъ, измѣнникъ!...

Джакомо вспыхнулъ. Измученный горемъ, онъ потерялъ теперь всякое самообладаніе. Какъ безумный, онъ бѣгалъ по комнатѣ; ему попалась въ руки длинная шпага и онъ въ слѣпой ярости бросился на жену. Луиза моментально схватила дѣтей, поставила ихъ передъ собою и крикнула:

— Накорми ихъ моею кровью, палачъ!...

Джакомо стоялъ какъ громомъ пораженный: наконецъ, онъ бросилъ шпагу и сказалъ:

— Нѣтъ... никогда...

Онъ въ замѣшательствѣ обратился къ дѣтямъ:

— Дѣти, убѣдите мать, что она ошибается... Дайте мнѣ обнять васъ... Утѣшьте меня...

— Нѣтъ, закричали дѣти:—ты довелъ до слезъ мать... Мы не любимъ тебя, противный, уйди, уйди!...

— Уйти? Хорошо... Если и дѣти отталкиваютъ меня, я уйду... Отецъ преслѣдуетъ меня до смерти... жена отрекается отъ меня... дѣти прогоняютъ меня... Какъ же мнѣ еще жить послѣ этого?... Видишь ли ты это, Господи, и допускаешь. Ты, который трости надломленной не переломилъ?...

Луиза не замѣтила, какъ мужъ ея ушелъ; съ нея достаточно было любви дѣтей. Лаская ихъ, она не замѣтила, что порваны самыя крѣпкія узы семьи.

VIII.

Пиръ.

Донъ Франческо Ченчи устроилъ блестящій пиръ. Въ обширномъ залѣ, расписанномъ лучшими художниками тѣхъ временъ, когда художественный вкусъ былъ еще не вполнѣ испорченъ, стояли накрытые столы. У стѣнъ тянулся бѣлый, украшенный золотомъ карнизъ, поддерживаемый колоннами, испещренными золотистыми арабесками. Мѣста между колоннами заполнены были зеркалами высотою въ восемь локтей; такъ какъ тогда не умѣли еще изготовлять такихъ большихъ зеркалъ изъ цѣльнаго стекла, то они были составлены изъ нѣсколькихъ кусковъ, причемъ щели между отдѣльными кусками были прикрыты рисунками изумительной красоты. Все убранство поражало своей роскошью.

Донъ Франческо принималъ гостей съ достоинствомъ и любезностью. Среди гостей было нѣсколько членовъ дома Колонны, два князя Санта-Кроче, князь Онофріо Оріоло и донъ Паоло, о которомъ мы говорили выше, и монсиньоръ казначей церкви; нѣсколько позже прибыли кардиналы: Сфорца и Барберини, а также родные и друзья семейства Ченчи; наконецъ, по приказанію графа явились: Лукреція, Беатриче и Бернардино. Беатриче была въ траурномъ платьѣ. Единственное украшеніе ея состояло изъ увядшей розы, которую она приколола къ волосамъ, точно въ предзнаменованіе своей собственной судьбы.

— Добро пожаловать, дорогіе родные и друзья, добро пожаловать, высокопреосвященные кардиналы, столпы святой церкви, слава Рима и міра! Я не въ силахъ выразить вамъ мою благодарность за честь, которую вы оказываете мнѣ вашимъ присутствіемъ въ кругу моей семьи.

— Графъ Ченчи, вашъ славный домъ такъ высокъ! Онъ не нуждается въ постороннихъ лучахъ, чтобы свѣтлой звѣздой сіять на римскомъ небѣ, отвѣтилъ синьоръ Курціо Колонна въ духѣ того времени.

— Доброта ваша, уважаемый донъ Курціо, превышаетъ всякую мѣру, я глубоко благодаренъ вамъ за вашу любовь. Синьоры, я сталъ почти чужимъ для васъ: я боялся, что мое появленіе испугаетъ васъ. Глубокая печаль терзала меня... И я, чувствуя, какъ она грызетъ мое сердце, затаилъ ее въ себѣ, боясь, чтобы со мной не случилось, какъ съ Пандорой, когда она неосмотрительно открыла ящикъ и, противъ своей воли, выпустила на свѣтъ столько не-

счастій... Угнетеннаго печалью, еще больше чѣмъ прокаженнаго, нужно держать подальше отъ шатровъ Израиля... Но теперь. когда слабый лучъ свѣта начинаетъ освѣщать мракъ моей души, я стряхиваю пепелъ, которымъ я посыпалъ было голову свою, и еще разъ... можетъ быть, послѣдній разъ... срываю розу, чтобы украсить ею волосы свои.

Синьоръ Онофріо отвѣтилъ:

— Графъ, мы, родные и друзья, собрались, чтобы раздѣлить съ вами радость вашу! Она должна быть велика, потому что я никогда не видалъ васъ такимъ веселымъ.

— Я былъ бы не правъ, князь, если бы захотѣлъ быть невеселымъ. Парка, какъ вы знаете... или лучше сказать, не знаете, потому что вы, какъ высокопреосвященные кардиналы, считаете эти старые разсказы ересью... Будьте однако снисходительны къ низвергнутымъ богамъ. Юпитеръ тоже былъ богъ и зналъ, какой путь ведетъ къ раю. Вы вѣдь не сердитесь на тѣхъ, кто вѣритъ слишкомъ много... недовольны тѣми, которые вѣрятъ мало... и преслѣдуете тѣхъ, кто вовсе не вѣритъ... Я понять не могу, какъ вы еще можете дѣйствовать единодушно, когда вы самого Бога нашего раздѣлили на три лица: вамъ слѣдовало бы назначить премію тому, кто вѣрилъ въ еще большую несообразность, и дать индульгенцію на милліонъ лѣтъ тому, кто первый дошелъ до этого. Но о чемъ я говорилъ?.. Да, Парка ткетъ черныя и золотыя нити нашей жизни: человѣкъ любитъ раздѣлять ихъ. Да и отчего бы намъ не плакать въ печальные и радоваться въ веселые дни? Безъ этого наша жизнь вся превратилась бы въ вѣчную заупокойную службу. Всему свое время—и, хотя я не могу согласиться съ премудрымъ Соломономъ, что есть время и для убійства, но все-же согласенъ съ нимъ въ томъ, что все суета.

Монсиньоръ казначей раздражительно замѣтилъ:

— Вы обыкновенно такъ сдержанны въ проявленіи вашей радости передъ людьми, которыхъ вы рѣдко видите. Теперь же въ ней есть что то болѣзненное. Она меня тѣмъ больше поражаетъ, что смерть еще такъ недавно погрузила въ печаль вашъ домъ.

— Ахъ, монсиньоръ, о чемъ вы напоминаете мнѣ! Неужели мы не можемъ забыть ни одного печальнаго событія, безъ того, чтобы какой нибудь участливый другъ не напомнилъ намъ о немъ! Но васъ это меньше всего можетъ удивлять, такъ какъ вы въ божественныхъ дѣлахъ стоите на такой высотѣ! Развѣ я не подражаю царю Давиду? Видите, какимъ хорошимъ примѣрамъ я слѣдую. Когда у Давида умеръ сынъ, онъ воскликнулъ: «пока сынъ мой былъ живъ, я плакалъ и постился, думая не сохранитъ ли Богъ мнѣ сына моего; теперь онъ умеръ,—зачѣмъ же мнѣ еще поститься? Развѣ я могу воскресить его? Я пойду къ нему, но онъ не вернется уже ко мнѣ»...

Беатриче бросило въ дрожь отъ этого страшнаго лицемѣрія.

— Довольно, закричали гости,—избавьте насъ отъ этого грустнаго настроенія. Мы хотимъ всецѣло раздѣлить радость вашу.

— Друзья, если бы вы сказали, что хотите удовлетворить ваше любопытство, это было бы правдоподобнѣе и, можетъ быть, искрен-

нѣе. Однако, я не скажу ничего, пока вы голодны. Подготовьтесь сперва дарами Вакха и Венеры и затѣмъ вы услышите мою благую вѣсть, евангеліе графа Франческо Ченчи. Пойдемте къ столу, благородные друзья!

За столомъ первое мѣсто занялъ хозяинъ по обычаю того времени; справа и слѣва отъ него сѣли члены его семьи; затѣмъ слѣдовали гости, причемъ каждому было указано мѣсто соотвѣтственно его общественному положенію. Блюда подавались тонкія и изысканныя: одно изъ нихъ представляло Колизей, другое галеру; телятина была приготовлена въ видѣ скалы, у подножья которой разбивались морскія волны изъ желе; потомъ была крѣпость изъ марципановъ: когда ее подрѣзали, изъ нея вылетали птички и разлетались по комнатѣ; изъ огромнаго паштета вышелъ карликъ, одѣтый папою, проговорилъ папское благословеніе и убѣжалъ. Словомъ, были самыя причудливыя и кощунственныя блюда, придуманныя насмѣшливой фантазіей графа Ченчи. Кубки часто и быстро ходили вокругъ стола, какъ челнокъ въ рукахъ ткача. Пили разные сорта туземныхъ и иностранныхъ винъ, преимущественно испанскихъ, такъ какъ итальянцы въ тѣ времена предпочитали южныя вина французскимъ и рейнскимъ. Когда гостинасытились, они заговорили:

— Не пора-ли, графъ Франческо, положить конецъ нашему безпокойству? Сообщите намъ причину вашей радости.

— Да, пора, отвѣтилъ графъ и лицо его приняло мрачное выраженіе.—Но прежде я спрошу васъ, благородные друзья, не имѣю ли я основанія радоваться, если Богъ услышалъ мои многократныя мольбы и исполнилъ ихъ, когда я потерялъ уже всякую надежду на ихъ исполненіе? Такъ случилось со мною. Радуйтесь и веселитесь, потому что я въ полномъ смыслѣ слова счастливъ...

— Беатриче... дочь моя... поддержи меня... мнѣ страшно... сказала Лукреція.

— Крѣпитесь... я не въ силахъ поддержать васъ... голова у меня кружится и кажется, будто всѣ гости плаваютъ въ крови.

— О, Боже! продолжала Лукреція, — я дрожу какъ въ лихорадкѣ...

— Вы, вѣроятно, знаете, благородные друзья, продолжалъ графъ,—что я соорудилъ въ церкви св. Ѳомы семь гробницъ изъ дорогого мрамора художественной работы. Я молилъ Господа оказать мнѣ милость, чтобы я передъ своей смертью похоронилъ тамъ всѣхъ своихъ дѣтей. Наконецъ, я далъ обѣтъ сжечь въ знакъ радости свой палаццо и церковь, если молитва моя будетъ услышана.

Гости переглянулись со страхомъ и изумленіемъ, затѣмъ посмотрѣли на графа, какъ бы упрекая его, что онъ слишкомъ много выпилъ вина.

Беатриче опустила голову, какъ увядшій цвѣтокъ, украшавшій ея волосы. Графъ громко кричалъ:

— Одного я уже тамъ похоронилъ; двухъ другихъ, слава Богу, могу теперь похоронить за одинъ разъ: они въ моихъ рукахъ, а это почти все равно, что въ могилѣ. И такъ мы приближаемся къ

желанной цѣли. Богъ, оказавшій столь явные знаки своего благоволенія ко мнѣ, навѣрное, исполнитъ мою молитву, раньше чѣмъ я умру.

— Графъ. для шутокъ вамъ слѣдовало бы избрать менѣе грустную тему.

— Вы думаете, что я шучу? Вотъ вамъ: читайте... Съ этими словами онъ бросилъ на столъ какія-то письма. — Читайте... Вы увидите, что два моихъ сына умерли въ Саламанкѣ. Какою смертью? Этотъ вопросъ не имѣетъ для меня значенія. Мнѣ важно, что они умерли и теперь лежатъ въ дубовыхъ гробахъ: теперь мнѣ надо лишь истратить нѣсколько скуди... и этотъ расходъ я охотно понесу... двѣ мессы... двѣ телѣги негашеной извести... пусть и души ихъ горятъ вмѣстѣ съ тѣлами,—на это я не пожалѣлъ бы и двухъ тысячъ телѣгъ... О, папа Климентъ, принудившій меня выплачивать имъ ежегодно четыре тысячи дукатовъ, можешь ли ты теперь заставить меня платить эти деньги и впредь? Черви не подадутъ тебѣ просьбъ... Благодарю Тебя, Всемогущій Боже, не по заслугамъ моимъ, а лишь по Своему неизреченному милосердію наградилъ Ты меня.

Монсиньоръ казначей, подавляя волненіе, сказалъ:

— Благородные синьоры, не придавайте значенія его словамъ: разсудокъ его омраченъ виномъ или какимъ-нибудь большимъ несчастьемъ. иначе Богъ не потерпѣлъ бы такихъ словъ. Небо обрушилось бы на голову графа, если бы онъ говорилъ это сознательно.

— Вы знаете. что Богъ не всегда караетъ виновнаго: не одинъ священникъ былъ пораженъ молніей во время совершенія мессы и не одинъ грабитель оставался безнаказаннымъ... Казначей! ты самъ долженъ радоваться тому, что Богъ такъ же мало вниманія обращаетъ на мои слова, какъ и на твои руки. Ты, грабитель святой матери нашей церкви! Если мнѣ полезно, что Богъ глухъ, то тебѣ полезно. что онъ слѣпъ. Если же Онъ слышитъ, то Онъ привыкъ уже многое выслушивать отъ меня!

Гости со страхомъ смотрѣли на графа; онъ же съ торжествующимъ видомъ продолжалъ:

— Для меня важно лишь то, что сыновья мои умерли. Вы же. можетъ быть, полюбопытствуете узнать, какою смертью они умерли. Слушайте! Феличе, юноша благочестивый, молился въ церкви Пресвятой Дѣвы. Во время молитвы балка. поддерживавшая сводъ, обрушилась на него и нѣжно сломила ему шею. Въ тотъ же вечеръ и въ тотъ же часъ Кристофано былъ убитъ ревнивымъ мужемъ. заставшимъ въ его объятіяхъ свою жену. Если взвѣсить всѣ обстоятельства этихъ двухъ смертей, то нужно признать еретикомъ, достойнымъ отлученія отъ церкви, того, кто сталъ бы отрицать. что здѣсь все совершилось подъ особеннымъ водительствомъ божественнаго Провидѣнія.

Беатриче пристально смотрѣла на отца. который изрѣдка посматривалъ на нее, Бернардино пряталъ лицо свое на груди матери. Гости сжимали кулаки, и лица ихъ приняли мрачное выраженіе. Первыми поднялись кардиналы и казначей со словами:

— Идемте! Идемте всѣ: гнѣвъ Божій не замедлитъ обрушиться на этотъ домъ нечестія.

Въ залѣ поднялся шумъ, прерываемый порицаніями и бранью; всѣ встали, проклиная графа.

— Погодите! закричалъ Франческо Ченчи злобно и насмѣшливо.—Что вы дѣлаете? Здѣсь не театръ, здѣсь нѣтъ зрителей; напрасно вы пытаетесь разыграть трагедію. Прилично ли вамъ, высокопреосвященные кардиналы, показывать, что вы дрожите при мысли о крови? Зачѣмъ же вы носите красное платье? Не затѣмъ ли, чтобы на немъ незамѣтны были слѣды человѣческой крови? Шарлатаны, торгующіе Христомъ! Фарисеи,—если бы Христосъ теперь снова пришелъ, вы заставили бы его бѣжать въ Мекку и стать мусульманиномъ. Вы, князь Колонна, будьте покойны: я достаточно долго пробылъ въ Рокка-Петрелла, чтобы хорошо ознакомиться съ вашими словами и дѣлами. Если же вы этого не знаете, то я вамъ скажу, что въ вызываніи мертвыхъ я болѣе искусенъ, чѣмъ вамъ, можетъ быть, было бы пріятно, и могу заставить говорить кое-какія могилы и кое-какихъ мертвецовъ... Теперь я обращаюсь къ вамъ, благородный другъ, монсиньоръ казначей!... Совѣтую вамъ никогда не забывать, что я сынъ моего отца, а отецъ мой тоже былъ казначеемъ... Счастье ваше, что у меня нѣтъ времени или охоты дать нашему общему другу, кардиналу Альдобрандино, аріаднину нить, съ помощью которой онъ могъ бы оріентироваться въ дѣлахъ казначейства... Я—какъ бурная морская волна: можетъ быть, я разобьюсь о прибрежныя скалы, но прежде опрокину и уничтожу все, что стоитъ на моемъ пути. Поймите, что вы въ моихъ рукахъ,—упадите къ ногамъ моимъ и поклонитесь мнѣ!

Гости съ раздраженіемъ подошли ближе къ двери, чтобы выйти изъ этого дома нечестія, но графъ снова воскликнулъ:

— Благородные друзья и родные! Безъ моего позволенія вы не уйдете изъ моего дома. Позвольте мнѣ еще минуту пробыть въ вашемъ обществѣ.

Онъ взялъ чашу, выточенную изъ чистѣйшаго хрусталя, наполнилъ кипрскимъ виномъ и, поднявъ ее, сказалъ:

— Сокъ жизни, созрѣвшій подъ яркими лучами солнца! Какъ ты пѣнишься и играешь, такъ взыграло сердце мое при вѣсти о смерти моихъ сыновей!... Теперь, благородные друзья мои и родные, я не нуждаюсь уже въ вашемъ обществѣ. Можете идти, я отпущу васъ, однако не дамъ вамъ платья и лошадей [1]).

— Онъ сошелъ съ ума, онъ обезумѣлъ!

— Я всегда думалъ, что онъ можетъ и ангеловъ довести до слезъ.

— Скажите лучше: заставить дьяволовъ скрежетать зубами...

— Это бѣшеное животное, его нужно связать!..

— Да!... связать его... связать!...

Окончивъ свою рѣчь, графъ спокойно сѣлъ, взялъ серебряные щипцы и сталъ ѣсть конфеты. Когда теперь нѣкоторые изъ гостей

---

[1]) Древній обычай, по которому хозяинъ, прощаясь съ гостями послѣ пиршества, дарилъ имъ платье, лошадей, а иногда и деньги.

съ угрожающими движеніями подошли къ нему, онъ не поднимая головы, крикнулъ:

— Олимпіо!

На этотъ зовъ вошелъ вооруженный слуга, которому графъ велѣлъ, на всякій случай, быть наготовѣ; за нимъ вошло еще до двадцати человѣкъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ, какъ бандиты. Они окружили гостей и обнажили кинжалы, точно лишь ожидая знака со стороны графа, чтобы начать кровопролитіе. Графъ сперва продолжалъ спокойно ѣсть конфеты и съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ всѣ гости поблѣднѣли отъ страха. Затѣмъ онъ всталъ, медленно вошелъ въ ихъ кругъ и со злобнымъ смѣхомъ сказалъ:

— Вы люди ученые и вспомните пиръ, данный Домиціаномъ сенаторамъ [1]). Однако, будьте покойны, я обѣщаю вамъ, что приказанія «подавать плоды» не послѣдуетъ [2]). Неосмотрительные! Неужели вы не знаете, что графъ Ченчи, хотя уже и не раскаленное желѣзо, какимъ онъ былъ въ молодости, но все-же въ немъ достаточно жара, чтобы при случаѣ ожечь и воспламенить?... Подумайте, месть моя подобна запечатанной королевской бумагѣ: смерть она, навѣрное, несетъ съ собою, но кому и въ какое время— неизвѣстно. Теперь оставьте меня въ покоѣ, но лишь только вы переступите порогъ, забудьте все, что было здѣсь,—забудьте, какъ сонъ, о которомъ не вспоминаютъ послѣ пробужденія. Имѣйте, пожалуйста, въ виду, что слова мои крылаты и подобны ворону Ноя, который улетѣлъ и не вернулся, потому что нашелъ трупы и могъ питаться ими, а въ случаѣ надобности и самъ дѣлалъ ихъ...

Гости уходили съ опущенными глазами изумленные, раздраженные и испуганные. Беатриче покачала головой и стала громко упрекать ихъ.

— Трусы! И въ вашихъ жилахъ течетъ латинская кровь! И вы потомки древнихъ римлянъ! Потомки,—развѣ лишь какъ черви, заведшіеся въ трупѣ коня, павшаго на полѣ битвы, могутъ считаться его потомками... Одинъ старикъ приводитъ васъ въ страхъ? Является нѣсколько вооруженныхъ слугъ и кровь застываетъ въ вашихъ жилахъ? Вы уходите и оставляете двухъ беззащитныхъ женщинъ и несчастнаго мальчика... въ когтяхъ коршуна. Развѣ вы не слыхали?... Онъ не скрываетъ, что хочетъ убить насъ... Вспомните еще, что смерть не есть самое худшее, чего можно ожидать отъ него... Развѣ не клялись вы, рыцари, защищать вдовъ и сиротъ? Ахъ, мы хуже сиротъ... У тѣхъ нѣтъ отца, а у насъ отецъ—палачъ собствен-

---

[1]) Однажды Домиціанъ устроилъ пиръ, пригласивъ важнѣйшихъ представителей римской знати. Залъ пиршества былъ въ траурномъ убранствѣ, какъ при похоронахъ; кругомъ возвышались надгробные памятники съ именами приглашенныхъ гостей и горѣли факелы. За столомъ служили голые рабы, выкрашенные въ черную краску, на подобіе негровъ, и вооруженные обнаженными мечами. Кушанья подавались такія, какія обыкновенно бывали только на похоронныхъ пиршествахъ. Во время пира Домиціанъ разсказывалъ объ убійствахъ, совершенныхъ имъ раньше. Насладившись страхомъ гостей, Домиціанъ по окончаніи пира посмѣялся надъ ними и отпустилъ ихъ.

[2]) „Подавайте плоды“—эти слова служили сигналомъ къ убійствамъ; въ этомъ смыслѣ впервые употребилъ ихъ Альбериго Манфреди, бывшій синьоромъ Фаенцы.

ныхъ дѣтей... Подумайте, рыцари, о вашихъ дѣтяхъ... сжальтесь надъ нами... возьмите насъ къ себѣ.

Гости ушли, проговоривъ нѣсколько пустыхъ словъ въ утѣшеніе Беатриче. Въ залѣ остались только графъ и Беатриче, а также Марціо, никѣмъ не замѣченный и убиравшій со стола серебряную посуду.

— Ну что, теперь тебѣ все ясно? обратился графъ къ Беатриче.—Не находишь ли ты, что человѣческая помощь надежнѣе?... Сила есть право: они двойники. Я это знаю; я самъ испыталъ это. Ежедневно и всегда я видѣлъ и чувствовалъ это: право есть сила... Посмотри вокругъ себя, дочь моя; ты увидишь, что у тебя нѣтъ иного пристанища, какъ на моей груди; прильни къ ней: здѣсь ты найдешь убѣжище, какого ни Богъ, ни люди не дадутъ тебѣ... Какъ безконечно я люблю тебя; все, кромѣ тебя, все на небѣ и на землѣ я ненавижу. Тщетно стала бы ты искать человѣка, который могъ бы сравниться со мною; во мнѣ найдешь ты бодрость юности, разсудительность зрѣлаго возраста, постоянство старости... Люби меня, Беатриче... люби меня!

— Отецъ! Если бы я сказала вамъ, что я васъ ненавижу, это была бы неправда; если бы я сказала, что боюсь васъ, то и это была бы неправда. Я вижу въ васъ бичъ Божій, — какъ голодъ, моровая язва, война... Я преклоняюсь предъ волей Божьей. Не вѣря уже въ помощь со стороны людей, я тѣмъ беззавѣтнѣе ввѣряю себя милосердію Божьему. Отецъ!... сжальтесь надо мною... убейте теперь же меня!

Она бросилась къ ногамъ графа, поднявъ руки, какъ бы ожидая удара. Но отчего же эта безстрашная дѣвушка вдругъ вскочила, обняла отца, прикрыла руками его голову и издала крикъ ужаса? Марціо, услыхавъ слова графа, выдававшія его дьявольскія намѣренія, тихонько подошелъ къ нему съ тяжелой серебряной вазой въ рукахъ и, со всей силою поднявъ ее, уже готовъ былъ размозжить ему голову. Это и удалось бы ему, такъ какъ графъ, не подозрѣвая опасности, въ полузабытьи любовался дѣвушкою. Донъ Франческо, пораженный крикомъ и движеніемъ Беатриче, невольно поднялъ глаза вверхъ и ему показалось, будто въ эту минуту сверкнула молнія. Онъ быстро овладѣлъ собою, оглянулся и увидѣлъ Марціо, спокойно убиравшаго посуду.

— Марціо... ты здѣсь?

— Эччеленца!...

— Ты здѣсь!...

— Что прикажете, эччеленца?...

— Ступай вонъ!

Марціо поклонился и уходя сдѣлалъ знакъ Беатриче, какъ бы желая сказать ей: «ахъ, зачѣмъ вы мнѣ помѣшали!» Беатриче сжала руку дона Франческо и воскликнула:

— Несчастный старикъ! Смерть уже осѣняетъ тебя своими крыльями, грѣхи твои уже влекутъ тебя въ адъ. Покайся, старикъ: ты стоишь на краю могилы. Подумай о спасеніи своей души...

Донъ Франческо съ улыбкою слышалъ ее; когда она кончила, онъ насмѣшливо отвѣтилъ:

— Хорошо, милая Беатриче, ты одна можешь подготовить меня къ райскому блаженству. Сегодня ночью я прійду къ тебѣ... Мы помолимся вмѣстѣ...

Беатриче выпустила руку отца и вышла изъ залы, тихо вздыхая:

— Погибъ... безвозвратно погибъ!..

Донъ Франческо налилъ бокалъ вина и залпомъ выпилъ его.

X.

Пожаръ.

Какое несчастье постигло столяра и его жену! Они спали въ верхней комнатѣ надъ мастерской. Женщину мучилъ страшный сонъ. Ей снилось, что какое то чудовище съ сверкающими глазами, размахивая крыльями, какъ огромная летучая мышь, бросилось на нее. Она пыталась защищаться, но силы измѣнили ей, хотѣла крикнуть, но не могла. Она напрягла всѣ усилія и перевернулась на бокъ, глаза ея отяжелѣли; какіе-то свѣтлые круги стояли въ нихъ, вызывая сильную боль; въ вискахъ стучало. Наконецъ, она открыла глаза и видитъ: сквозь щели пола прорывается огонь, вся комната полна дыма, воздухъ накаленъ до послѣдней степени.

— Пожаръ! Пожаръ! закричала она, озираясь съ испугомъ и спрыгнувъ съ постели. Прежде всего она схватила ребенка, лежавшаго въ люлькѣ.

— Пожаръ! закричалъ проснувшійся мужъ, подбѣжалъ къ двери и открылъ ее.

Пламя, раздутое тягой, разгорѣлось еще сильнѣе; огонь охватилъ весь домъ. Мужъ возвращается, беретъ жену и ребенка и сквозь пламя бросается къ лѣстницѣ. Каменныя ступеньки лѣстницы съ грохотомъ обрушились; въ нижнемъ этажѣ дома также все въ огнѣ. Платье на женщинѣ и ребенкѣ загорѣлось, она съ трудомъ тушитъ пламя. Впередъ! — лишь бы только добраться до наружной двери! Вотъ они уже у двери, еще шагъ и они спасены... Увы, они не могутъ открыть двери... стучатъ, толкаютъ,—ничего не помогаетъ: она заперта снаружи на задвижку! Окруженные пламенемъ они едва могутъ дышать. Мужъ беретъ ребенка на руки и, оставляя жену, пытается снова подняться по лѣстницѣ. Жена не пускаетъ его, прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ и защищая его и ребенка отъ огня. Мужъ входитъ въ комнату и вдругъ чувствуетъ, что мужество его изсякло и что у него захватываетъ дыханіе; онъ пошатываясь падаетъ на полъ, но имѣетъ еще столько самообладанія, чтобы передать ребенка матери; говорить онъ уже не въ состояніи и лишь глазами выражаетъ такое отчаяніе, котораго не могли бы выразить никакія слова. Затѣмъ онъ еще разъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и изо всѣхъ силъ ударилъ обѣими руками въ стѣну, точно пытаясь проломить ее. Въ такомъ отчаянномъ положеніи женщина перестала

уже думать о мужѣ и все свое вниманіе сосредоточила на ребенкѣ; она подошла къ окну и открыла его.

Люди, собравшіеся на улицѣ, увидѣли ея фигуру среди пламени, и содрогнулись отъ ужаса. Они искренно хотѣли помочь ей и обсуждали, что дѣлать? Однако всѣ, съ истинно-римской флегмой, скрестивъ руки на груди, равнодушно смотрѣли на огонь и говорили, что здѣсь уже помочь невозможно, воды нѣтъ, а въ такое пламя развѣ лишь дьяволъ могъ бы пойти. Знаете, что можно сдѣлать? Подождать, не потухнетъ ли огонь самъ собою, а затѣмъ позаботиться, чтобы эти несчастные не умерли безъ святого причастія.

Луиза Ченчи, подстрекаемая ревностью, уже нѣсколько ночей, переодѣтая въ мужское платье, ходила близъ дома столяра, надѣясь поймать мужа на мѣстѣ преступленія. Была она здѣсь и въ эту ночь. Правда, до сихъ поръ старанія ея оставались безуспѣшными, но подозрѣніе нисколько не уменьшилось; напротивъ, она еще болѣе утверждалась въ немъ и придумывала тысячи страховъ, вмѣсто того, чтобы спокойно объясниться съ мужемъ.

Такимъ образомъ, она и теперь, вмѣстѣ съ другими людьми, поспѣшила сюда, лишь только раздался крикъ: пожаръ! и показалось пламя. Увидѣвъ, что горитъ именно этотъ домъ, она съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ подумала: гдѣ грѣхъ. тамъ и наказаніе. Вначалѣ, когда огонь пылалъ со всею силою, нѣсколько человѣкъ притащили высокую лѣстницу и прислонили ее къ стѣнѣ. Однако, не нашлось никого, кто рискнулъ бы подвергнуться опасности и подняться по ней. Когда среди пламени показалась женщина съ ребенкомъ на рукахъ, нашлось одно лицо, не вынесшее такого зрѣлища: это была Луиза Ченчи. Она быстро подошла къ лѣстницѣ и стала вызывать желающихъ подняться къ окну, но тщетно: желающихъ не оказалось. Тогда Луиза сама взобралась по лѣстницѣ, взяла ребенка и стала спускаться внизъ; какой-то молодой человѣкъ поднялся до половины лѣстницы и принялъ отъ нея ребенка; Луиза снова вернулась къ окну; пламя уже охватило лѣстницу; Луиза, не думая объ опасности, взяла на руки женщину, которая нѣкогда обнимала ея мужа, но теперь со страхомъ прижалась къ ней.—Какъ она хороша! воскликнула Луиза и пошатнулась на лѣстницѣ. Она спускалась внизъ,—еще оставалось лишь три ступеньки, какъ вдругъ съ страшнымъ грохотомъ стѣна обрушилась; пламя потухло, изъ развалинъ поднялись клубы дыма съ милліонами искръ. Въ толпѣ пронесся крикъ ужаса: всѣ думали, что обѣ женщины погибли. Въ эту минуту Луиза вышла изъ дыма съ женою столяра на рукахъ. Толпа одобрительно закричала.

Жена столяра лежала безъ чувствъ; судьба мужа была ей еще неизвѣстна. Луиза рѣшила помѣстить ее у одной вдовы, жившей въ томъ же домѣ, гдѣ жили Ченчи. Жену столяра уложили на подстилку и четверо сильныхъ мужчинъ взялись нести ее. Ребенка несла сама Луиза, но попросила, чтобы кто-нибудь помогъ ей. Изъ толпы вышелъ рослый, крѣпкій человѣкъ, обросшій длинными волосами, и предложилъ ей руку.

— Опирайтесь на меня, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, мало гармонировавшимъ съ его суровой наружностью. — Эта рука

могла бы поднять колонну Трояна. Если хотите, я понесу васъ вмѣстѣ съ ребенкомъ.

— Охотно вѣрю, что вы могли бы сдѣлать это,—да благословитъ васъ Богъ! Но мнѣ хорошо и такъ. А вы, обратилась она къ остальнымъ,—идите медленно на улицу Санъ-Лоренцо-Панисперна, въ домъ Ченчи.

— Въ домъ Ченчи? съ изумленіемъ воскликнулъ незнакомецъ.

— Чему же вы удивляетесь? Не думаете ли вы, что моему дому чуждо милосердіе и состраданіе? Какое основаніе вы имѣете такъ думать?

Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ и лишь покачалъ головою. Луиза, задѣтая заживое, продолжала:

— Хотите знать, кто на пожарѣ поднялся по лѣстницѣ, когда всѣ вы, мужчины, стояли неподвижно отъ страха? Я вамъ скажу: это была женщина... Во мнѣ вы видите жену Джакомо Ченчи, невѣстку графа Франческо.

Незнакомецъ, очевидно, пораженный, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и сталъ тереть лѣвой рукой свой лобъ, точно стараясь недопустить, чтобы мысли его выразились въ словахъ. Этотъ страшный незнакомецъ былъ Олимпіо, а четыре человѣка, съ такимъ состраданіемъ несшіе жену столяра, были его товарищи, поджегшіе домъ. Они сдѣлали свое дѣло такъ осторожно, что на нихъ не могло пасть никакого подозрѣнія: каждый думалъ, что пожаръ произошелъ не отъ поджога, а отъ какого-нибудь несчастнаго случая.

Несчастную вдову принесли въ домъ Ченчи, куда раньше пришла Луиза въ сопровожденіи Олимпіо. Больная была окружена здѣсь самой тщательной заботливостью, приглашенъ былъ врачъ, а для ребенка взята кормилица. Больная бредила всю ночь; черезъ день ей стало лучше, сознаніе ея прояснилось и она начала искать ребенка. Ей сказали, что онъ лежитъ рядомъ съ нею, но она не могла повернуться. Относительно мужа ее успокоили, увѣривъ, будто онъ лежитъ въ больницѣ и есть надежда на его выздоровленіе. Луиза выбивалась изъ силъ, ухаживая за больной и подавляя въ себѣ чувство ревности. Наконецъ, въ ней зародилось сомнѣніе,—правда, лишь слабое сомнѣніе,—что, можетъ быть, ея подозрѣнія неосновательны.

Однажды она сидѣла у постели больной. Анджіолина — такъ звали жену столяра — смотрѣла на Луизу съ благоговѣніемъ вѣрующаго, взирающаго на чудотворную икону и тихо говорила ей слова благодарности. Луиза пристально посмотрѣла на Анджіолину; она замѣтила, что румянецъ здоровья вернулся на ея щеки, отъ ожоговъ не осталось и слѣда и женщина эта была теперь красивѣе, чѣмъ когда-либо. Чувство ревности овладѣло Луизой, сердце ея забилось сильнѣе, и она съ горечью спросила:

— Скажите, дѣйствительно ли я только одна забочусь о васъ?

— А кто же еще могъ бы думать о бѣдной женщинѣ,—кромѣ васъ?

— Да... Я понимаю, что вы не можете вспомнить о такихъ вещахъ... въ эту минуту.

— Ахъ, да.—вы правы! воскликнула Анджіолина, покраснѣвъ отъ стыда.—Боже, какъ неблагородны бываемъ мы... безъ всякаго желанія и сознанія!

— Такъ о васъ кто-нибудь заботится?

— Да, есть человѣкъ, сдѣлавшій намъ много благодѣяній.

— Вотъ что! Какъ же онъ называется?

— Какъ онъ называется? Графъ Ченчи.

— Ченчи? Ченчи, говоришь ты? воскликнула Луиза, какъ ужаленная.

Анджіолина же, упрекая себя въ своей забывчивости, съ увлеченіемъ продолжала:

— Благородный, великодушный рыцарь... такихъ людей я не знаю больше, кромѣ васъ. Онъ заново отстроилъ нашъ домъ, разрушенный раньше наводненіемъ, а теперь погибшій отъ пожара. Онъ настаивалъ, чтобы я купила себѣ дорогія платья... золотое ожерелье... Онъ упрекалъ меня, что я не просила его быть крестнымъ отцомъ моего ребенка...

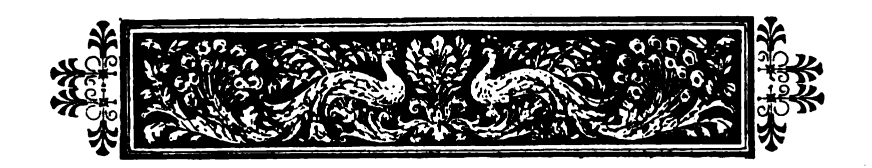
Луиза съ раздраженіемъ прервала ее:

— Довольно! довольно!

Чтобы не выдать своего волненія, она отошла въ сторону и проговорила про себя: «Неблагодарная! Даже не стыдится говорить о своемъ позорѣ! Боже мой, неужели снова послалъ Ты на насъ змѣю, чтобы она уязвила меня въ самое сердце»!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ф. Тверацци.



Эдгаръ Поэ и одинъ изъ его „ученыхъ" критиковъ.

Эдгаръ Поэ (1811—1849) принадлежитъ къ числу тѣхъ извѣстныхъ писателей, произведенія которыхъ разбирались на многихъ языкахъ, но врядъ ли какой другой писатель нашелъ себѣ „критика", составившаго разборъ своеобразнѣй ниже приводимаго.

Къ числу такихъ критиковъ принадлежитъ неизвѣстный авторъ брошюры подъ заглавіемъ „Говорящій мертвецъ", съ разборомъ одного изъ разсказовъ Эдгара Поэ, изданной въ 1859 г.

Авторъ, судя по его ссылкѣ на журналъ L'Illustration, повидимому, знаетъ французскій языкъ и основательно знакомъ съ священнымъ писаніемъ, къ которому онъ постоянно обращается, изобильно его цитируя. Такимъ образомъ, зная французскій языкъ, зная текстъ священнаго писанія и твореній святыхъ отцовъ, живя, повидимому, въ Петербургѣ, что можно предположить изъ того, что брошюра „Говорящій мертвецъ" дозволена петербургской цензурой и напечатана въ типографіи И. Шумахера въ Петербургѣ же, г. критикъ не потрудился узнать *только*—*кто* такой Эдгаръ Поэ и *что* за произведеніе имъ разбираемое.

Эдгаръ Поэ, какъ его называетъ авторъ брошюры,—„одинъ изъ ученѣйшихъ людей нашего времени", „докторъ". Поэ никогда ни тѣмъ, ни другимъ не былъ.

Американскій поэтъ родился въ Бальтиморѣ. Остав-

шись круглой сиротой въ дѣтствѣ, онъ былъ принятъ на воспитаніе состоятельнымъ купцомъ Алленомъ, учился сначала на родинѣ, потомъ въ Англіи, въ школѣ близъ Лондона, затѣмъ опять въ Америкѣ въ Шарлотсвильскомъ университетѣ. Еще студентомъ онъ началъ вести разгульную жизнь, отличался мастерствомъ въ спортахъ, былъ превосходнымъ пловцомъ и гимнастомъ. Изгнанный изъ университета за безчинство, Поэ поссорился съ Алленомъ изъ-за неуплаты послѣднимъ его долговъ и отправился въ Европу съ цѣлью сражаться въ рядахъ грековъ противъ Турціи. Блужданія по Европѣ безъ денегъ и друзей были полны приключеній и кончились тѣмъ, что Поэ очутился въ Петербургѣ, слоняясь по кабакамъ и живя какъ бродяга и нищій. Его розыскалъ священникъ Миддльтонъ и помогъ вернуться въ Америку, гдѣ Поэ помирился съ Алленомъ и на его счетъ поступилъ въ военную академію. Онъ участвовалъ въ разныхъ американскихъ періодическихъ изданіяхъ, временно издавалъ собственный журналъ (Stylus), но все усиливавшійся алкоголизмъ дѣлалъ для него невозможной правильную журнальную дѣятельность. Въ сохранившихся письмахъ много свидѣтельствъ о томъ, какъ всѣ любили и жалѣли поэта, но не могли удержать его отъ пагубнаго порока. Женившись (1837 г.) на своей кузинѣ, Викторіи Клеммъ, Поэ временно исправился, потомъ снова запилъ и много страдалъ изъ-за матеріальной нужды и болѣзни и скорой смерти жены. Слухи о нищетѣ Поэ проникли въ печать и послужили источникомъ новыхъ униженій для Поэ, который велъ себя очень непривлекательно, лгалъ и унижался. Послѣ смерти своей жены онъ увлекался другими женщинами, собирался жениться, но привычки пьянства брали верхъ, онъ устраивалъ безчинства и рвалъ этимъ всякія отношенія. Умеръ онъ въ госпиталѣ, куда былъ доставленъ въ пьяномъ видѣ изъ кабака какими то случайными собутыльниками.—Годы разгула соотвѣтствовали, однако, самому блестящему періоду творчества Поэ. Таковы въ общихъ чертахъ біографическія, всѣмъ извѣстныя данныя объ Эдгарѣ Поэ.

Герои его разсказовъ одержимы маніями, преслѣдуемы галлюцинаціями, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ невроза, ужаса. Эти существа создаютъ въ произведеніяхъ Поэ фантастическій міръ, гдѣ возможное и несуществующее сливаются въ новый родъ чудеснаго. Основной элементъ таланта Поэ умѣнье придавать реальность отдѣльнымъ чертамъ фантастическаго цѣлаго.

Всѣ происшествія описываются съ точностью и необычайнымъ обиліемъ подробностей; онъ переходитъ отъ нагляднаго къ вѣроятному и постепенно увлекаетъ читателя, куда хочетъ.

Очень многія изъ произведеній Поэ переведены на русскій языкъ и были помѣщаемы въ журналахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ („Современникъ", „Отечественныя Записки", „Библіотека для Чтенія"), благодаря чему является совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ авторъ „Говорящаго мертвеца", какъ кажется, впервые услышалъ о Поэ только черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, да и то просматривая старый французскій журналъ, и принялъ фантастическій разсказъ, передаваемый популярнымъ писателемъ отъ своего имени, за дѣйствительность, а самого Эдгара Поэ за „почти главнаго дѣятеля въ необычайномъ событіи". Авторъ „Говорящаго мертвеца", такимъ образомъ, никогда не слыхавъ ни о Поэ, ни объ его произведеніяхъ, не имѣя никакого понятія объ его жизни, принимая фантастическій разсказъ за ученый трактатъ, обрушивается на бѣднаго писателя со всѣмъ своимъ запасомъ знанія священнаго писанія *и чувствомъ оскорбленнаго христіанина*; неизвѣстный критикъ *опровергаетъ ученаго* Поэ, который пожелалъ „дерзко, подъ покровомъ яко бы науки, а въ самомъ дѣлѣ при пособіи силы враждебной приподнять завѣсу вѣчности и заглянуть въ ту страну, для которой еще тускло и слабо духовное зрѣніе перстнаго человѣка" и дѣйствіе котораго „есть уже вторженіе въ судьбы Вышняго Промысла" и самъ „исполнитель — дерзко взимавшійся на разумъ Божій".

Вотъ содержаніе этого любопытнаго литературнаго памятника.

«Говорящій мертвецъ».

Есть предѣлы, положенные уму человѣческому, на рубежѣ которыхъ стоятъ Вышнимъ перстомъ начертанныя слова: „досёлѣ дойдеши и не прейдеши". Древніе египтяне, отличавшіеся глубокимъ знаніемъ силъ природы [1]), выразили это покровомъ Изиды; всякаго, кто осмѣливался приподнять только край этого покрова, ожидала неминуемая смерть отъ разгнѣванной богини. „Вышнихъ себе не ищи", говоритъ писаніе, „яже ти повелѣнная, сія разумѣвай; нѣсть бо ти потреба тайныхъ. Многи бо прельсти мнѣніе ихъ и лукавно погуби мысль ихъ" [2]).

[1]) Это видно изъ книги Исходъ, гл. 7 и 8.
[2]) Сирах. 3 ст. 23 и 24.

Гдѣ кончается міръ чувственный, видимый, тамъ начинается сверхъ-чувственный, невидимый; въ немъ нѣтъ ничего похожаго на то, что видимъ, слышимъ, осязаемъ, чувствуемъ, понимаемъ мы здѣсь—въ этомъ укромномъ и опальномъ жильѣ нашемъ; тамъ или благодатное вѣяніе Присноживущаго и Животворящаго Духа Божія, или тлетворное дыханіе духа злобы, именуемаго *„княземъ воздушнымъ“* [1]). Переступая заповѣдную границу, человѣкъ, смотря по нравственному своему состоянію, впадаетъ или въ область свѣта, или въ область тьмы; въ первомъ случаѣ онъ остается весьма недолго, потому что слабая природа его не можетъ вмѣстить въ себя того, чего тутъ око не видитъ, ухо не слышитъ и что на сердце человѣку взойти не можетъ; во второмъ онъ остается гораздо долѣе, и даже можетъ остаться навсегда, обуянный силою нечистою и пропитываемый ею до того, что уподобляется, становится какъ бы однороднымъ ей и служитъ уже послушнымъ рабомъ князя воздушнаго. По свойству растлѣнія, глубоко нынѣ лежащаго въ природѣ человѣка, смертный быстрѣе тяготѣетъ долу, чѣмъ стремится вверхъ; легче наклоняется къ злу, чѣмъ подъемлетъ главу свою къ свѣту добра. Но, проторгаясь въ высшія области міра, человѣкъ въ томъ и другомъ случаѣ находитъ себя какъ бы потерявшимся и, спустившись послѣ нѣкотораго времени изъ міра сверхъ-чувственнаго въ міръ видимыхъ явленій, не обрѣтаетъ ни словъ, ни другихъ способовъ передать то, что было съ нимъ въ минуты таинственнаго созерцанія. Примѣровъ этому безчисленное множество въ житіяхъ святыхъ Божіихъ и великихъ подвижниковъ жизни духовной; самъ учитель языковъ, апостолъ Павелъ, восхищенный до третьяго небесъ, сознавался, что не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ былъ въ тѣ минуты или внѣ тѣла; что хотя и слышалъ онъ неизрѣченные глаголы, но выразить ихъ отказывается [2]). Всячески, углубленіе внутрь себя и умная молитва, сопровождаемая усиленнымъ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ пристрастій міра, бываетъ тѣмъ путемъ, съ продолженіемъ коего становится возможнымъ проникновеніе за положенные предѣлы съ безопасностію для тѣхъ, кто ступилъ за эту грань во всеоружіи вѣры, любви и надежды—и, наоборотъ, мрачное невѣріе ,отчаяніе и, наконецъ, безуміе становится удѣломъ того, кто дерзнулъ бы, подъ покровомъ якобы науки, а въ самомъ-то дѣлѣ, при пособіи силы враждебной, приподнять завѣсу вѣчности и заглянуть въ ту страну, для которой еще тускло и слабо духовное зрѣніе перстнаго человѣка.

Непроницаема тайна міра загробнаго. Только при свѣтѣ Евангелія открывается человѣку жизнь будущая, да и то на столько, на сколько это нужно для его нравственнаго совершенствованія на землѣ. Любопытственное же, самоизвольное посягательство на разгадку будущаго есть уже вторженіе въ судьбы Вышняго Промысла, премудро скрывшаго отъ чело-

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) 2 Коринѳ. 12 ст. 2—5.

вѣка то, что ему покамѣсть знать не нужно, есть уже дѣло отца лжи, обольщающаго довѣрчивыя жертвы свои плодами отъ того же древа познанія, которыми отравилъ онъ прародителей нашихъ въ раю.

Не для *пустого и безплоднаго любопытства*, а для *вразумленія безусловно* довѣряющихъ нынѣ водительству ума, дерзко вземлющагося на разумъ Божій, передаемъ мы *ужасающій своею наглостью и безвѣріемъ разсказъ одного изъ ученѣйшихъ людей нашего времени—доктора Эдгара Поэ, который былъ почти главнымъ дѣятелемъ въ необычайномъ событіи* [1]), имъ повѣствуемомъ [2]). Передавая его, мы позволяемъ себѣ дѣлать по временамъ нѣкоторыя замѣтки и сужденія о томъ, что встрѣтится.

> „Вниманіе мое, втеченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, многократно обращалось къ магнетизму.. Около девяти мѣсяцевъ тому, мнѣ пришло на мысль, что въ ряду произведенныхъ донынѣ опытовъ находится столько же замѣчательный, сколько и необъяснимый пропускъ: никто еще не былъ магнетизированъ при часѣ смертномъ (in articulo mortis).

Впродолженіе десяти вѣковъ православная часть человѣчества тоже задаетъ себѣ вопросъ словами вдохновеннаго пѣснопѣвца: „Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти?"—и тотчасъ же находитъ успокоительный отвѣтъ въ томъ, что все это сталось съ человѣкомъ „Бога повелѣніемъ, подающаго представльшемуся упокоеніе". Не того, совсѣмъ не того ищетъ теперь *современная наука* [3]).

> Надлежало, говоритъ *многоученый докторъ* [4]), удостовѣриться, во-первыхъ, способенъ ли паціентъ въ этомъ положеніи подвергнуться какому-либо магнетическому вліянію; во-вторыхъ, если онъ способенъ, то уменьшается ли оно или же увеличивается отъ этого состоянія; въ-третьихъ, въ какой степени и втеченіе какого времени магнетизмъ можетъ остановить преобладательное дѣйствіе смерти? Подлежали поясненію и другіе вопросы, но эти наиболѣе подстрекали мое любопытство, особенно же послѣдній, по причинѣ необъятности послѣдствій.

Значитъ, простое и пустое любопытство руководило *дерзкаго испытателя* [5]) великой тайны, заключенной въ разлученіи души отъ тѣла; значитъ, ему хотѣлось, при посредствѣ науки, пойти вопреку тому вѣчному опредѣленію, по которому „персть должна возвратиться въ землю, якоже бѣ и духъ возвратиться къ Богу, иже даде его" [6]). Можно теперь понять всю необъятность послѣдствій, которыми ласкалъ себя *испытатель*,

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) L'Illustration. Journal universelle. 8 Mars 1856 № 680 XXVII Vol.
[3]) Курсивъ нашъ.
[4]) Курсивъ нашъ.
[5]) Курсивъ нашъ.
[6]) Екклез. 12 ст. 7.

дерзко вздмавтійся на разумъ Божій [1]). Но насколько достигъ онъ ожидаемаго, мы увидимъ въ концѣ этого *страшнаго разказа* [2]).

Отыскивая вокругъ себя субъекта, на которомъ можно бы было произвести эти опыты, я вспомнилъ о моемъ другѣ, Эрнестѣ Вальдемарѣ, извѣстномъ составителѣ книги: Bibliotheca Forensica и сочинителѣ, подъ псевдонимомъ Иссахара Маркса, польскихъ переводовъ Валленштейна и Гаргантуа. Вальдемаръ, жившій наиболѣе въ Гарлемѣ, Нью-Іоркской области, сдѣлался, съ 1839 года, особенно замѣчателенъ необычайной худобой и бѣлокуростью бакенбардъ, въ противоположность черному цвѣту его волосъ, которые всѣ принимали за парикъ. Онъ былъ необыкновенно нервнаго темперамента, слѣдовательно, особенно способенъ для опытовъ магнетизма. Два или три раза я приводилъ его въ сонъ безъ особенныхъ усилій, но не могъ пріобрѣсть ничего другого изъ результатовъ, на которые имѣлъ естественное право разсчитывать, по особенности же его нервнаго образованія. Неполноту этого успѣха я всегда приписывалъ плохому состоянію его здоровья: воля его никогда не была положительно и совершенно покорна моей, и потому я не могъ въ ясновидѣніи добиться отъ него опыта рѣшительнаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до знакомства моего съ нимъ, медики объявили его чахототнымъ. Онъ самъ, какъ бы уже по привычкѣ, говорилъ совершенно спокойно о близкой кончинѣ своей, какъ о событіи, котораго избѣжать невозможно и о которомъ не слѣдуетъ сожалѣть.

Что и говорить! Жизнь вѣдь намъ на то дана, чтобъ пользоваться ею короткій срокъ, и потомъ бросить, какъ никуда негодную ветошь. Правда, сожалѣть о ней не стоитъ, коль скоро человѣкъ всѣ помышленія ума и сердца своего устремилъ къ высшему, небесному своему назначенію, коль скоро сокровище его тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, коль скоро, оканчивая пройденное имъ поприще жизни, онъ можетъ дерзновенно сказать съ Апостоломъ: „подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ; прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судія» [3]). Но какъ не сожалѣть о жизни, если при концѣ ея, оглянувшись назадъ, не видимъ мы ни одного посѣяннаго нами добраго зерна, ни одной мысли, оставляющей по себѣ благотворный слѣдъ, ни одного начинанія на пользу себѣ и ближнимъ нашимъ? Какъ не сожалѣть о жизни, если вся она была только сцѣпленіемъ преступленій и пороковъ одинъ другого хуже и отвратительнѣе? *Докторъ—магнетизеръ* [4]), какъ замѣтно, попалъ на своего; какъ тотъ такъ и другой, почитая жизнь „пустою и глупою

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Тимоѳ. 4 ст. 8 и 8.
[4]) Крусивъ нашъ.

шуткой", порѣшили разыграть ее въ послѣднемъ фарсѣ съ *безстыдствомъ язычника временъ Августовыхъ и съ безстрашіемъ отверженныхъ сыновъ тьмы кромѣшной* [1]).

Понятно, что, когда впервые пришла мнѣ мысль, о которой упомянуто, я, весьма естественно, не могъ не припомнить г. Вальдемара. Мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстна его философская твердость духа, чтобы ожидать какого либо сопротивленія съ его стороны; родственниковъ онъ въ Америкѣ не имѣлъ, стало быть, не могло представиться и сторонняго вмѣшательства. Я откровенно высказалъ ему все, и къ великому удивленію моему, это живо заинтересовало его. Я говорю—къ великому удивленію, потому что, хотя онъ и подвергалъ себя моимъ магнетическимъ опытамъ, но никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ дѣйствіямъ симъ. Болѣзнь его именно была такова, что дозволяла почти положительно опредѣлить время смерти, и мы условились чтобъ за 24 часа, или около того, до кончины, онъ прислалъ за мною.

Вотъ что значитъ имѣть философскую твердость духа. Съ нею вовсе нѣтъ никакой надобности молить Бога о ниспосланіи „мирной и непостыдной кончины живота нашего", а можно даже самый страшный моментъ этотъ употребить для изысканій на пользу науки, въ ожиданіи необъятности послѣдствій для мнимаго блага человѣчества. „Предаде Богъ" всѣхъ этихъ господъ съ философской твердостью духа „въ неискусенъ умъ творити неподобная" [2]).

Въ настоящее время прошло не болѣе семи мѣсяцевъ со дня, въ который я получилъ отъ Вальдемара собственноручную записку слѣдующаго содержанія:

„Любезный П!

Вы можете пожаловать и теперь. Д. и Ф. [3]) согласны въ томъ, что я не дотяну долѣе полуночи, и, мнѣ кажется, разсчетъ ихъ весьма вѣренъ.

Вальдемаръ".

Записка эта была получена мною черезъ полчаса по написаніи, а черезъ пятнадцать минутъ я былъ уже въ комнатѣ умирающаго. Я не видалъ его передъ этимъ днемъ дней десять, и былъ испуганъ ужасной перемѣной, совершившеюся въ такое короткое время. Цвѣтъ лица былъ свинцовый, глаза совершенно тусклые, а истощеніе таково, что скулы рѣшительно прорѣзывались сквозь натянутую кожу. Мокротныя изверженія были чрезмѣрны; пульсъ едва-едва былъ ощутителенъ. Несмотря на то, умственныя способности сохранились въ особенно замѣчательной степени и даже проявлялась въ извѣстной мѣрѣ сила физическая. Онъ говорилъ внятно, принималъ безъ посто-

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Римл. 1 ст. 28.
[3]) Доктора, пользовавшіе его.

ронняго пособія лекарства, и, когда я вошелъ въ комнату, записывалъ карандашомъ какія-то замѣтки или памятки. Онъ былъ обложенъ и поддерживаемъ въ постели подушками; доктора Д. и Ф. находились при немъ.

Повидавшись съ больнымъ, я отвелъ докторовъ къ сторонѣ и просилъ у нихъ подробнѣйшаго отчета о физическомъ состояніи поціента. Лѣвое легкое было уже около 18 мѣсяцевъ въ окаменѣломъ или хрящевидномъ состояніи, т. е. совершенно невыгодно для жизненнаго дѣйствія; правое, въ верхней части, было тоже, если не вообще, то въ частности, хрящевато; нижняя же часть его составляла сплошную массу гноящихся туберкуловъ, такъ сказать, одинъ на другомъ. Существовали язвы сквозныя, обширныя и въ одной точкѣ приросты къ ребрамъ. Эти явленія въ правой половинѣ были сравнительно не такъ застарѣлы, но окаменѣніе вообще шло съ удивительною быстротою; за мѣсяцъ медики не видѣли и признака, и не болѣе какъ за три дня ими усмотрѣнъ былъ приростъ къ ребрамъ. Независимо отъ чахотки, подозрѣвали аневризмъ аорты, но на этотъ предметъ діагностика не могла быть совершенно точна. По согласному мнѣнію обоихъ докторовъ, г. Вальдемаръ долженъ былъ умереть около полуночи слѣдующаго дня, въ воскресенье. Это происходило въ субботу въ семь часовъ.

Отходя отъ больного для разговора со мной, доктора простились съ нимъ окончательно, ибо имѣли намѣреніе прекратить свои визиты; но по настоянію моему, согласились пріѣхать еще на слѣдующій день около 10 часовъ вечера.

Когда они удалились, я свободно говорилъ съ г. Вальдемаромъ о близкой его кончинѣ и особенно о предположенномъ опытѣ. Онъ повторилъ мнѣ, что согласенъ, и даже, что желаетъ этого, причемъ приглашалъ начать немедленно.

Кто же это разговаривалъ такъ свободно о великой минутѣ разлученія души съ тѣломъ? Кто-же это, готовясь переступить въ другой міръ, положимъ, хоть невѣдомый, смотрѣлъ на себя, какъ на субъекта празднаго любопытства, и, поддерживаемый въ этой мысли другимъ, подобнымъ же матеріалистомъ, совершенно смежилъ очи свои предъ разверзающейся передъ нимъ бездной вѣчности? Кто это, язычники что ль? Но и тѣ просили въ эти мгновенія приносить умилостивительныя жертвы богамъ своимъ. Дикари какіе нибудь? Но и тѣ на сей разъ заставляютъ пѣть хвалебные гимны идоламъ своимъ. Нѣтъ, это говорятъ христіане, слышавшіе слово Божіе, или, правильнѣе, не христіане, а отвергшіеся вѣры безбожники, съ философскою твердостью духа, матеріалисты, умничанье которыхъ самовѣрнѣйшимъ образомъ изображено Премудрымъ почти за три тысячи лѣтъ назадъ: „самослучайно", дескать,

рождени есмы, и посемъ будемъ яко же не бывше: понеже дымъ дыханіе въ ноздряхъ нашихъ и слово искра въ движеніи сердца нашего, ей же угасшей, пепелъ будетъ тѣло и духъ нашъ разліется, яко мягкій воздухъ" [1]). Прогрессъ, какъ видите, поворотилъ назадъ...

При больномъ находились для прислугъ мужчина и женщина; но я не былъ расположенъ начать дѣло этого рода безъ свидѣтелей, которые во всякомъ случаѣ заслуживали бы болѣе вѣроятія, и потому отложилъ испытаніе до восьми часовъ слѣдующаго дня, когда прибылъ мнѣ на помощь студентъ медицинскаго фалькутета Теодоръ Л. И., котораго я зналъ нѣсколько. Первоначальная моя мысль была дождаться докторовъ, но я не могъ долѣе откладывать опыта, во-первыхъ—по настоянію самого г. Вальдемара, и во-вторыхъ — убѣжденію, что нельзя было терять и минуты, ибо больной видимо и съ чрезвычайною быстротою клонился къ смерти.

Замѣчаете ли, читатели, что ни доктора, ни самъ больной ни мало не подумали о христіанскомъ приготовленіи къ переходу въ другую жизнь? Кто воспретилъ имъ это? Духъ сомнѣнія, духъ отрицанія, духъ самоусовершенствованія, духъ невѣрія, духъ лжи и неправды, „духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, духъ, наконецъ антихристовъ" [2]). Прошу помнить это для дальнѣйшихъ соображеній при изложеніи обстоятельствъ этого *страшнаго дѣла,* [3]) а между тѣмъ *подумать да и сказать мнѣ потомъ: не имѣетъ ли и наука*, мудрствующая „по стихіямъ міра сего, а не о Христѣ", *того одуревающаго свойства, которое видимъ въ людяхъ исключительно занятыхъ страстію и готовыхъ для ея удовлетворенія принести въ жертву и чувство религіозное и любовь родственную и привязанность дружественную, — все, все, что есть святого для человѣка на землѣ? подъ чью она тогда попадетъ дирекцію?..* [4]).

Г. Л. И. согласился записывать все, что произойдетъ, и по его-то запискѣ я долженъ теперь продолжать разсказъ, почерпаемый, или лучше, выписываемый здѣсь буквально.

Не доставало 5 минутъ до 8 часовъ, когда я, взявъ за руку больного, просилъ его объявить г. Л. И. столь внятно, сколько это ему возможно: точно ли онъ, г. Вальдемаръ, вполнѣ согласенъ на то, чтобъ я магнетизировалъ его въ этомъ положеніи? Онъ отвѣчалъ слабымъ, но совершенно внятнымъ голосомъ: да, я хочу быть магнетизированъ, и тотчасъ присовокупилъ къ этому: я опасаюсь, что вы слишкомъ долго медлили. Въ то время, когда онъ произносилъ это, я началъ тѣ ма-

[1]) Премуд. 2 ст. 2 и 3.
[2]) Іон. 4 ст. 3.
[3]) Курсивъ нашъ.
[4]) Курсивъ нашъ.

гнетическіе пассы, которые, по моимъ наблюденіямъ, имѣли на него наиболѣе вліянія. Онъ, очевидно, ощутилъ дѣйствіе моей руки при первомъ косвенномъ пассѣ передъ его лбомъ; но, несмотря на мои усилія, я не могъ добиться другого видимаго результата до 10 часовъ и нѣсколькихъ минутъ, когда доктора Д. и Ф. прибыли по данному ими обѣщанію. Въ краткихъ словахъ, я объяснилъ имъ, что хотѣлъ дѣлать, и, такъ какъ они съ своей стороны не видѣли къ тому препятствія, ибо признавали больного уже въ агоніи (въ смертномъ томленіи, въ умираніи), то я продолжалъ, не колеблясь, перемѣнивъ только косвенные пассы на вертикальные сверху, и совершенно вперивъ мой взоръ въ правый глазъ паціента.

Какова сила воли сначала у паціента, который еще бредитъ подъ вліяніемъ земныхъ впечатлѣній, и потомъ у кураторовъ его, которымъ, быть можетъ, долго еще придется бредить подъ вліяніемъ научной страсти, повелѣвающей имъ смотрѣть на своего паціента какъ на любопытный субъектъ, и дѣлать, „не колеблясь", все, что имъ вздумается для пользы... науки. *Страдай, несчастный паціентъ. Что имъ до тебя. Тутъ наука, наука въ виду;*[1]) то есть, не суббота человѣка ради, а человѣкъ ради субботы...

Въ это время пульсъ его былъ едва замѣтенъ, а дыханіе, продолжавшееся съ перемежками около полуминуты, было почти храпѣніемъ. Состояніе это продолжалось безъ перемѣны около четверти часа; послѣ чего вздохъ совершенно естественный, хотя очень глубокій, вырвался изъ груди умирающаго: но дыханіе, для слуха, сохраняло вполнѣ прежнюю храпливость безъ уменьшенія перемежекъ; въ это время оконечности тѣла умирающаго были леденно-холодны.

Въ одиннадцать часовъ безъ пяти минутъ я замѣтилъ несомнѣнные признаки магнетическаго вліянія. Стекловидное колебаніе глаза замѣнилось тѣмъ выраженіемъ тягостнаго внутренняго созерцанія, которое усматривается лишь въ случаяхъ ясновидѣнія, и насчетъ котораго совершенно нельзя ошибиться.

А мы, и чуть ли не каждый изъ насъ, видѣли подобныя явленія и безъ магнетическаго вліянія и безъ случаевъ особеннаго ясновидѣнія, и тоже вѣримъ и знаемъ, что насчетъ значенія ихъ нельзя ошибиться. Стоя надъ смертнымъ одромъ близкихъ къ намъ, мы радовались какому то полному, небесному восхищенію, выражавшемуся на лицѣ умирающаго, обращенному обыкновенно въ такія минуты на правую сторону; скорбѣли и ужасались, замѣчая тягостное, усиленное вниманіе или созерцаніе чего-то, какъ видно, ужасающаго съ лѣвой стороны. Разогните Четьи - Минеи, Прологи, благочестивыя жизнеописанія, — вы, если не на каждой страницѣ, то при

[1]) Курсивъ нашъ.

концѣ почти всякой біографіи человѣка праведнаго и грѣшнаго, христіанина и язычника, встрѣтите тѣ явленія, которыя современная наука ухитрилась изъяснить магнетическимъ вліяніемъ. *Кто-же нашихъ то больныхъ магнетизировалъ въ великую минуту разлученія души съ тѣломъ? Кто-же это ихъ то заставлялъ улыбаться съ правой, и приводилъ въ ужасъ и содроганіе съ лѣвой стороны? Отвѣчай мнѣ, наука, гордо вземлющаяся на разумъ Божій и все объясняющая*[1]).

Нѣсколькими быстрыми пассами я заставилъ вѣки трепетать, какъ при начинающемся снѣ, и еще нѣсколькими такими же закрылъ ихъ совершенно. Не довольствуясь однако же симъ, я дѣятельно и неослабно продолжалъ манипуляціи со всею доступною мнѣ силою воли до тѣхъ поръ, пока не одеревянилъ совершенно членовъ больного, приведя ихъ въ положеніе, которое казалось мнѣ наиболѣе удобнымъ.

Какъ кому угодно, а мнѣ кажется, что магнетизеръ въ этомъ случаѣ напрасно приписываетъ силѣ собственной воли то, что бываетъ со всякимъ умирающимъ естественнымъ порядкомъ—трепетаніе вѣкъ, потомъ закрытіе ихъ, одеревененіе членовъ. Вотъ развѣ приданіе трупу того или другого „наиболѣе удобнаго положенія",—это пожалуй; но на такую манипуляцію, мнѣ кажется, всякій способенъ.

Когда все было устроено такимъ образомъ, пробило 12 часовъ (полночь...), и я просилъ двухъ медиковъ и студента осмотрѣть г. Вальдемара. Послѣ многихъ наблюденій и испытаній, они признали, что умирающій находится въ необыкновенно полнѣйшемъ состояніи каталепсіи. Любопытство (?) обоихъ докторовъ было возбуждено до послѣдней степени; одинъ изъ нихъ г. Д. тотчасъ же рѣшился остаться на всю ночь при постели паціента (!); докторъ же Ф. простился съ нами, объявивъ, что пріѣдетъ около разсвѣта, г. Л. И. и прислуга остались.

Когда-то Св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ благоговѣйномъ созерцаніи великаго момента разлученія души съ тѣломъ, говорилъ, между прочимъ, въ вдохновенныхъ гимнахъ своихъ: „молчите, не тревожьте почившаго и вы увидите великое таинство. Страшный часъ, — молчите, да съ миромъ душа изыдетъ—великій теперь для нея подвигъ". Теперь, какъ видите, не тому учитъ эта *мрачная наука*[2]); она становится у смертнаго одра ближняго не тайнозрительницею, а (простите за выраженіе) сплетницей, не утѣшительницею и не облегчительницей страданій умирающаго, а палачемъ, и какъ тигръ надъ растерзанной, но еще трепещущей жертвой, допытывается тайны болѣзненнаго разлученія души отъ тѣла. Да полно, признаетъ ли она въ человѣкѣ присутствіе души—этого животворящаго начала... Будемъ читать дальше, — можетъ, и узнаемъ и услышимъ отвѣтъ на это.

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.

Мы оставили г. Вальдемара совершенно спокойнымъ до трехъ часовъ утра; послѣ чего осмотрѣли его и нашли рѣшительно въ томъ же положеніи, какъ при отъѣздѣ г. Ф. Пульсъ былъ такъ-же съ трудомъ распознаваемъ; дыханіе едва замѣтно, да и то при посредствѣ подставляемаго зеркала; глаза были естественно смежены, а члены все такъ-же вытянуты, тверды и холодны, какъ мраморъ. Несмотря на то, общій видъ рѣшительно не представлялъ образа смерти.

Приблизясь къ г. Вальдемару, я употребилъ полуусиліе, чтобъ побудить правую руку его слѣдовать за моею, которою я медленно поводилъ надъ нимъ. Опыты этого рода никогда не удавались вполнѣ надъ г. Вальдемаромъ, а потому и въ настоящемъ случаѣ я, конечно, весьма мало надѣялся на успѣхъ: но, къ великому моему удивленію, рука его, хотя слабо, но безъ усилій послѣдовала за направленіемъ моей руки. Тогда я рѣшился попробовать сдѣлать нѣсколько вопросовъ.—Г. Вальдемаръ, спросилъ я, спите ли вы?—Онъ не отвѣчалъ, но я замѣтилъ дрожаніе около его губъ, и это побудило меня повторить вопросъ нѣсколько разъ. При третьемъ разѣ очень легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу его; вѣки открылись настолько, что можно было видѣть бѣлую полосу глазного яблока; губы тяжело и медленно шевельнулись и изъ устъ вышли чуть чуть слышныя слова: „да, сплю теперь... не будите меня, оставьте меня такъ умереть“...

Напрасны просьбы твои, несчастный. Это вѣдь не братья твои по плоти, не христіане по духу Евангельской вѣры и любви: *это такіе ученые* [1]), для которыхъ ты не болѣе, какъ любопытный субъектъ; *они измучатъ тебя, чтобы допытаться тайны, отъ вѣка сокрытой* [2]); допытаются ли—это еще вопросъ; но ты не умолишь ихъ прекратить твои мученія. Они исправляютъ на землѣ должность тѣхъ мучителей, *въ руки которыхъ переходитъ теперь бѣдная душа твоя, и потому не жди себѣ ни здѣсь, ни тамъ пощады* [3])

Я ощупалъ члены и нашелъ ихъ все такъ же холодными и одервенѣлыми. Правая рука, какъ и передъ симъ, повиновалась движенію моей руки. Я опять спросилъ ясновидящаго: все ли вы чувствуете въ груди боль, г. Вальдемаръ? На этотъ разъ отвѣтъ послѣдовалъ немедленно, но еще менѣе внятно: никакой боли... я умираю. Я не счелъ нужнымъ болѣе тревожить его въ этотъ разъ, и потомъ до пріѣзда доктора Ф. не было ничего ни сдѣлано, ни спрошено. Онъ прибылъ передъ свѣтомъ и крайне удивился, нашедши больного еще живымъ. Освидѣтельствовавъ его пульсъ и поднеся зеркало къ устамъ,

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Курсивъ нашъ.

онъ просилъ меня еще поговорить съ паціентомъ. Я спросилъ: г. Вальдемаръ, спите ли вы еще? — Какъ тогда, въ первый разъ, такъ и теперь, протекло нѣсколько минутъ до отвѣта, втеченіе которыхъ умирающій, казалось, сосредоточивалъ все возможное ему усиліе, чтобъ говорить. При четвертомъ разѣ онъ сказалъ чрезвычайно слабо и неразборчиво: да... сплю... умираю. По мнѣнію, или, лучше сказать, по желанію докторовъ, нужно было оставить г. Вальдемара въ этомъ состояніи мнимаго спокойствія, не тревожа, до смерти, которая, по единогласному нашему заключенію, должна была послѣдовать черезъ нѣсколько минутъ. Не менѣе того я вознамѣрился сдѣлать ему еще одинъ вопросъ и повторилъ предшествовавшій. Во время произнесенія мною уже извѣстныхъ словъ, въ лицѣ умирающаго произошла чрезвычайная перемѣна. Глаза пришли въ вращательное движеніе и медленно открылись, причемъ зрачки закатились подъ лобъ. Кожа внезапно приняла мертвенный цвѣтъ, скорѣе походя на бѣловатую бумагу, чѣмъ на пергаментъ, а гектическія круглыя пятна, которыя до этой минуты ясно обозначались на срединѣ каждой щеки, внезапно сошли; я употребляю выраженіе „сошли“, потому что внезапность ихъ исчезновенія не представляла мнѣ въ ту минуту никакого другого подобія, какъ отходъ пламени съ задутой свѣчи. Въ то же время верхняя губа скрутилась и поднялась выше десенъ и зубовъ, которые до той минуты были ею совершенно закрыты, а нижняя челюсть отвалилась, отвисла съ весьма слышнымъ шумомъ, оставивъ ротъ широко открытымъ и вполнѣ показавъ глотку и языкъ распухшій и черный. Надѣюсь, что ни одному изъ присутствовавшихъ тогда со мною не были совершенно чужды страшныя зрѣлища, представляемыя различными видами смерти, но при всемъ томъ отвратительно-безобразный и ужасающій видъ г. Вальдемара въ эту минуту до такой степени превышалъ всякое понятіе, что каждый изъ насъ, будто ошеломленный, отскочилъ отъ его кровати.

Что же, господа, гдѣ жъ дѣвалась ваша философская твердость духа? Чего вы испугались? Отвратительнаго вида вашей жертвы? Да развѣ вамъ не объяснила наука ваша, что это все какъ нельзя болѣе естественно? Мы—другое дѣло,—мы боимся и трепещемъ отъ одного вашего разсказа; *ибо знаемъ, кто невидимо присутствовалъ въ эти страшныя минуты у одра страдальца*[1]), ибо намъ сказано, что „смерть грѣшниковъ люта“, и видя ее на другихъ, мы трепещемъ за самихъ себя. А вамъ-то что, великіе мудрецы вѣка? Не боялись проторгнуться въ заповѣдную область тайнъ Божіихъ, что жъ вы испугались вида во всемъ—внутри и снаружи—похожаго на васъ человѣка? Ободритесь, господа философы, и продолжайте.

[1]) Курсивъ нашъ.

Я вижу, что достигъ здѣсь въ разсказѣ моемъ той точки, съ которой каждый читающій впадаетъ въ совершенное невѣріе; несмотря на то, я долженъ продолжать.

Г. Поэ, говоря это, имѣетъ въ виду своихъ соотечественниковъ-американцевъ, изъ которыхъ каждый, по своему произволу, выдумываетъ себѣ религію, свою философію, свои законы нравственные, свою правду и кривду, свою совѣсть, совершенно независимо отъ всего того, чему учитъ Евангеліе и древне-апостольская вѣра. Въ насъ дальнѣйшій разсказъ не только не породитъ невѣрія, но даже не возбудитъ особеннаго удивленія; ибо все это мы много разъ видѣли своими глазами: да то бѣда, что читанное-то нами было въ книгахъ священныхъ, а вѣдь этихъ книгъ многіе изъ нынѣшнихъ ученыхъ не жалуютъ, и все тамъ написанное подвергаютъ сомнѣнію или прямо почитаютъ вымысломъ; слышанное и видѣнное другими тоже отвергается многими изъ нашихъ умниковъ, какъ не имѣющее авторитета достовѣрности, исключительно принадлежащаго ихъ собственному я. Слѣдовательно, продолжайте, г. Поэ, невѣровъ вы не убѣдите, а насъ не удивите.

Въ г. Вальдемарѣ не оставалось ни малѣйшаго признака жизни. Порѣшивъ между собою, что онъ уже умеръ, мы собирались предоставить трупъ его попеченію двухъ лицъ, составлявшихъ его прислугу, когда сильный трепетъ языка его заставилъ насъ остановиться. Это трепетное движеніе продолжалось, можетъ быть, минуту, послѣ чего изъ неподвижныхъ и удаленно-разверстыхъ одна отъ другой челюстей изшелъ такой голосъ, что было бы совершеннѣйшимъ съ моей стороны безуміемъ пытаться дать о немъ понятіе какимъ-либо описаніемъ. Конечно, можно было бы примѣнить къ опредѣленію его два или три эпитета; я, напримѣръ, могъ бы сказать, что то были звуки дряблые, жесткіе, глухіе, пустые, глубокіе; но отвратительно-ужасающая общность произведеннаго ими впечатлѣнія рѣшительно невыразима по той весьма простой причинѣ, что никогда никакой подобный сему звукъ не поражалъ человѣческаго слуха. Были однако жъ двѣ особенности, которыя, какъ тогда, такъ и теперь, по мнѣнію моему, исключительно знаменовали эти звуки и могутъ представить, разумѣется, наислабѣйшую лишь тѣнь понятія о сверхъ-человѣческой странности ихъ. Во-первыхъ, голосъ доходилъ до нашего (по крайней мѣрѣ до моего) слуха будто бы изъ чрезвычайно-отдаленнаго мѣста, или же изъ преглубочайшаго подземелья. Во-вторыхъ, онъ производилъ на мой слухъ такое впечатлѣніе (я предвижу, что въ этомъ случаѣ мнѣ невозможно быть понятнымъ), какое производятъ на чувство осязанія студенистыя и слизистыя вещества. Я говорю о звукѣ и голосѣ, желая выразить, что звукъ этотъ

былъ послѣдовательностью слоговъ, обозначавшихся съ ясностью именно совершенно-чудесною, невыразимо-поразительною. Г. Вальдемаръ, очевидно, отвѣчалъ на вопросъ, который былъ сдѣланъ ему мною за нѣсколько минутъ передъ симъ. Вы помните, что я спросилъ его тогда: спите ли вы еще? Теперь онъ отвѣчалъ: да... нѣтъ... я спалъ... а теперь я мертвъ.

Откуда же звукъ этотъ, ничѣмъ невыразимый, ничѣмъ не объяснимый? Откуда этотъ голосъ, образовавшійся въ правильные, членораздѣльные звуки? Принимая въ соображеніе всецѣло разстройство организма умершаго и, наконецъ, отсутствіе всякихъ жизненныхъ отправленій, признанное самими экспертами, нельзя не согласиться, что покойникъ никакъ не могъ самъ собою связать и выговорить почти восемь словъ при рѣшительной неподвижности разверстыхъ челюстей и распухшаго, почернѣлаго, высунутаго языка. Чревовѣщатели, хоть и произносятъ цѣлыя рѣчи какъ бы брюхомъ, но въ процессѣ говоренія и языкъ и уста; а у г. Вальдемара все это было въ неподвижномъ, омертвѣломъ, наконецъ, даже въ полуразрушенномъ состояніи. Невозможно также представить себѣ чтобы въ минуту сдѣланія *докторомъ Поэ* [1]) вопроса, невыраженный отвѣтъ остался въ организмѣ умиравшаго, какъ осадокъ какой нибудь жидкости или матеріи вообще. Слово есть достояніе духовной стороны человѣка, его сознательно можетъ употреблять только духъ, да и то непостижимымъ для насъ образомъ, но никакъ не тѣло. Сорока, попугай произносятъ заученныя слова, по устройству ихъ языка и внутренняго строенія ихъ организма, да потому еще, что имъ присуще оживляющее начало, животная душа; а въ г. Вальдемарѣ сами доктора не нашли ни малѣйшаго признака жизни. Бывали опять случаи, что человѣкъ умершій, въ состояніи уже охлажденія, издавалъ изнутри себя звукъ: но это было не болѣе, какъ изверженіе послѣдняго остатка воздуха въ легкихъ, а отнюдь не членораздѣльные звуки, составившіе у г. Вальдемара ровно 12 слоговъ, не безсмысленныхъ какихъ нибудь, а связныхъ и полныхъ внутренняго значенія. Наконецъ, какъ ни странно вдругъ услышать отъ трупа человѣческій звукъ, но все въ немъ не настолько ужаснаго, сколько, по сознанію самого Поэ, было страшнаго и отвратительно-ужасающаго въ словахъ, изрыгнутыхъ его паціентомъ. Откуда-жъ, спрашиваемъ опять, такіе членораздѣльные звуки? Откуда въ нихъ эта страховитость, отвратительность, слезливость, такъ сказать? Кто былъ тутъ дѣйствующимъ лицомъ, видимо не управлявшимъ полуразрушенными органами трупа и однако жъ говорившимъ сознательно и складно.

Позволяемъ себѣ привести одинъ разсказъ, имѣющій поразительное сходство съ тѣмъ, что передаетъ г. Поэ о своемъ паціентѣ. Разсказъ напечатанъ въ отчетѣ журнала „Маякъ" 1844 г.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

„Въ первые годы службы своей въ Астрахани (1821 г.) лейтенантъ М. М. Шамшевъ, нынѣ помѣщикъ Тверской губерніи, жилъ въ приходѣ церкви св. Іоанна Златоуста, въ особомъ флигелькѣ дома вдовы священнической, у которой были три дочери. Къ нимъ часто приходила гостить бѣдная старушка Екатерина Ивановна, не отличавшаяся однако-же особенною набожностью и безукоризненностью своего поведенія.

„Въ послѣднее свое посѣщеніе Екатерина Ивановна занемогла, осталась у вдовы и черезъ недѣлю умерла. Когда она стала кончаться, говоритъ Шамшевъ. ко мнѣ прибѣжали въ великомъ испугѣ, и кликнули смотрѣть: никогда я не видалъ такой ужасной кончины. Такъ ее страшно корчило, вскидывало, и такъ неистово она смотрѣла, что всѣ домашніе и сосѣди едва смѣли войти въ ту комнату, напрягши все свое мужество, и я едва-едва былъ въ силахъ достоять до конца. Любопытство видѣть все самому придало мнѣ силы. Наконецъ, она затихла и скончалась. Ее стали обмывать, я ушелъ къ себѣ и, закуривъ трубку, ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ самомъ грустномъ настроеніи духа, обдумывая: что бы это значило? Не прошло и часу послѣ того, какъ я ушелъ отъ покойницы и раздумывалъ у себя. вдругъ на хозяйскомъ крылечкѣ, которое приходилось противъ моего окна, слышу шумъ и какъ будто что-то заслонило его. Я взглянулъ пристальнѣе въ окно, на крылечко выбѣжали и столпились всѣ хозяйки и сосѣдки, ни на одной лица не было, такъ какъ онѣ были перепуганы, и кличутъ меня:—М. М., подите сюда... слышите хохотъ?—Какой хохотъ?—Екатерина Ивановна хохочетъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, пока я надѣвалъ сюртукъ, изъ комнаты, гдѣ лежала покойница, раздался по всему дворику ужасный хохотъ. Я побѣжалъ; она лежала совсѣмъ прибранная; прикоснулся,—вся уже остыла. Хозяйки и сосѣдки, не смѣя войти въ комнату, украдкою выглядывали изъ-за дверей. Пока я осматривалъ, да всматривался, стоя подлѣ самаго лица Катерины Ивановны, раздался ужасный, заливной хохотъ. Я невольно отпрыгнулъ шага на два; волосъ дыбомъ, морозъ оледѣнилъ всю кровь въ жилахъ моихъ.—Господи, какъ бѣсы-то надъ душенькой потѣшаются, жалобно проговорилъ кто-то въ толпѣ присутствовавшихъ за дверьми. Между тѣмъ, народу сбѣжалось довольно. Хохотъ продолжался. Придя нѣсколько въ себя, я подошелъ поближе, всматривался въ лицо, — но никакого движенія въ губахъ, ни въ одномъ мускулѣ лица,— а хохотъ невыносимый. Было нѣсколько пріемовъ такого хохота, пока призванный псаломщикъ не началъ читать псалтирь, тогда все прекратилось“.

Шамшевъ говорилъ объ этомъ съ штабъ-лекаремъ 45 флотскаго экипажа Роновымъ и съ инспекторомъ Астраханской врачебной управы Суворовымъ. Оба они не могли дать никакого физіологическаго объясненія этому чудному явленію, и не находили ничего подобнаго въ лѣтописяхъ физіологіи, а

утверждали, что случалось умершимъ, во время обмыванія, издавать голосъ, похожій на неясное слово, на хохотъ или хрипѣніе, но это легко объясняли они движеніемъ воздуха, оставшагося въ легкихъ, черезъ гортань; а болѣе или менѣе сомкнутое состояніе зубовъ и губъ, при различныхъ положеніяхъ языка могли разнообразить послѣдніе звуки умершаго во время обмыванія, въ скорости совершенно прекращавшіеся. Но періодическій дикій и продолжительный хохотъ безъ всякаго участія губъ и безъ движенія какихъ либо мускуловъ, физіологическими причинами, по ихъ мнѣнію, не объяснимо. Если же не человѣкъ умершій хохоталъ, то кто же за него хохоталъ?

Авторъ отчета рѣшаетъ этотъ вопросъ прямо, что хохоталъ бѣсъ, овладѣвшій душою грѣшницы, но мы не пойдемъ такъ далеко, хоть и въ этомъ, нѣсколько поспѣшномъ, убѣжденіи *есть своя доля правды* [1])! Спросимъ только, присутствовало ли въ г. Вальдемарѣ то высшее, животворное начало, которое мы обычно называемъ душою? Было ли оно въ немъ во всѣ три раза,—то есть, когда онъ свободно изъявлялъ желаніе быть магнетизируемымъ, когда говорилъ потомъ, что онъ спитъ и умираетъ, и когда, наконецъ, произнесъ поразившія всѣхъ ужасомъ слова: я мертвъ? Надѣюсь, что никто противъ того не станетъ спорить, что было. Самые отчаянные матеріалисты должны согласиться съ тѣмъ, что не физическимъ же образомъ дѣйствовалъ на своего паціента докторъ Поэ, и что при манипуляціяхъ внѣшнихъ главнѣе всего требовались чрезвычайныя усилія воли; а воля, какъ извѣстно, даже тому, кто знаетъ только азбуку психологіи, принадлежитъ не къ животнымъ отправленіямъ организма, а къ высшимъ проявленіямъ духа. Если же это такъ, то, значитъ, и въ паціентѣ было однородное начало, приходившее въ соприкосновеніе съ началомъ, управлявшимъ дѣйствіями куратора и совершенно подчинившееся ему только тогда, когда оно потеряло точку опоры для своей дѣятельности и исполняло то, что было угодно его владыкѣ. Замѣчательно, что во всѣ три момента дѣйствіе свободной воли умиравшаго было не одинаково: на предложеніе Поэ подвергнуть его магнетизированію, г. Вальдемаръ отвѣчалъ полною готовностью и даже торопилъ ученаго испытателя немедленно начать свои опыты; передъ несчастнымъ еще не открывалась та страшная область князя тьмы, въ которую вступалъ онъ. Затѣмъ обнаружилось сознаніе мучительной боли, происходившей отнюдь не въ тѣлѣ, а въ другой половинѣ бытія его, ибо на вопросъ доктора: не чувствуетъ ли онъ боли въ груди?—г. Вальдемаръ отвѣчалъ: никакой,—а между тѣмъ за минуту передъ тѣмъ умолялъ своего истязателя оставить его умереть такъ. Наконецъ, въ третій моментъ онъ уже совершенно отказывается отъ дальнѣйшихъ опытовъ, и, истощивъ напрасныя мольбы о пощадѣ,

---

[1]) Курсивъ нашъ

думаетъ устрашить своихъ мучителей ужасными словами:—я мертвъ. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть самоличной дѣятельности духа, постепенно отторгавшагося отъ всего земного и начинавшаго испытывать дотолѣ невѣдомыя впечатлѣнія иного міра, къ которому онъ такъ дурно былъ приготовленъ.

Устранивъ, такимъ образомъ, всякое сомнѣніе о дѣйствительности присутствія въ несчастномъ паціентѣ высшаго оживляющаго начала, обыкновенно называемаго душою, мы, чтобъ разрѣшить вопросъ: кто говорилъ, какъ выражается поэтъ, полуразрушаясь надъ могилой, прежде того изслѣдуемъ: какія ощущенія испытываетъ душа, разлучаясь отъ тѣла? Сначала непремѣнно тягостныя: она разлучается съ тою половиною, которая пребывала бы съ нею въ этомъ неразрывномъ единеніи, еслибъ не грѣхъ, извратившій всю природу человѣка и постановившій нескончаемую вражду между плотію и духомъ. Тягость этой борьбы и скорби знаетъ церковь православная, и для того то она вооружаетъ отходящаго вѣрой и надеждой: для того то укрѣпляетъ его дѣйственными своими молитвами и не оставляетъ души и по ту сторону гроба, для того то и философы нынѣшніе вооружаются твердостію духа, которая однако-жъ, какъ мы видѣли на г. Вальдемарѣ, разлетается прахомъ и дымомъ при первомъ шагѣ въ страну загробную. Но по мѣрѣ ослабленія узъ, привязавшихъ душу къ плоти, она съ большимъ уже нетерпѣніемъ рвется въ высшія, болѣе сродныя ей сферы и толкуетъ вмѣстѣ съ Давидомъ: „увы мнѣ яко пришельствіе мое продолжится на земли“ [1]), и чѣмъ слабѣе становятся всѣ земныя привязанности, тѣмъ сильнѣе стремится она вверхъ или внизъ,—это все равно въ настоящемъ случаѣ. Для нея въ мірѣ земномъ и видимомъ нѣтъ уже жилища, она задыхается, мучится тамъ, какъ птица безъ воздуха, какъ рыба безъ воды, „въ велицѣмъ подвизѣ содержится“, какъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ.

Спрашиваемъ теперь всѣхъ и каждаго: не мучительно ли для души, насильно удерживаемой въ несродной ей сферѣ, и съ перваго шага въ вѣчность начинающей испытывать истязанія, виновниковъ которыхъ она знаетъ, и находитъ, что они могли бы прекратить ихъ, если бы захотѣли? въ душѣ какъ бы она ни была преступна, все еще остается хоть слабая надежда на милосердіе и любовь Божію, и потому для нея не такъ страшны неизвѣстныя еще мученія, какъ томительно то состояніе, въ которомъ она пребываетъ, вися, такъ сказать, между двухъ міровъ. Вотъ для чего и установлено церковіею православною послѣдованіе о исходѣ души. Церковь молится здѣсь о скорѣйшей, легчайшей, безпрепятственной развязкѣ драмы, называемой жизнію человѣческой и дальнѣйшую участь отходящаго передаетъ неистощимому милосердію и высочайшей любви ходатая спасенія нашего. Дѣйствительно, въ эти минуты, говоря словами св. Дамаскина, совершается

---

[1]) Псал. 119, ст. 5.

„великое таинство", и душа тужитъ и скорбитъ, если ее далѣе извѣстнаго срока удерживаетъ что нибудь въ негодномъ жилищѣ, которое грозитъ уже разрушеніемъ, гніетъ и тлѣетъ, не представляя собой ни малѣйшей точки опоры для дѣятельности.

Очевидно теперь, что я веду моихъ читателей къ тому убѣжденію, что въ несчастномъ Вальдемарѣ говорилъ *не кто другой, а его собственная душа*; [1]) сначала не прозиравшая въ область загробную, потомъ унывшая отъ испытываемыхъ ею страданій замедленнаго разлученія съ тѣломъ и, наконецъ, слезно рыдающая и именемъ любви Божіей испрашивающая у своихъ же ближнихъ пощады. По нравственному своему состоянію. она стремилась не вверхъ, а внизъ, не въ царство свѣта, а въ область тьмы, и потому голосъ ея слышался *по замѣчанію доктора* [2]), какъ бы изъ преглубочайшаго подземелья. Въ Патерикѣ Печерскомъ пишется, что на привѣтъ архимандрита Діонисія въ первый день Пасхи, послѣ заутрени: „Христосъ Воскресе", почивающіе въ кіевскихъ пещерахъ угодники въ одинъ голосъ отвѣтствовали „Воистину Воскресе" и звуки эти, по сказанію свидѣтелей—были ясны, свѣтлы и такъ торжественны, что въ своемъ сліяніи и совокупности были подобны грому. Какъ говоритъ душа, какъ слышатся смертныя слова нездѣшняго міра—это тайна; но что они бываютъ слышимы—это аксіома [3]).

Думаю, что теперь никто не станетъ спорить противъ того, что уже сказано мною, то есть, что люди, подобные г. Вальдемару, по ту сторону гроба, впадаютъ не въ область свѣта, а въ область тьмы [4]), и что свидѣтелями отлученія такихъ душъ отъ тѣла, и потомъ спутниками ихъ въ воздушномъ странствованіи въ невѣдомую страну вѣчности, должны быть силы, равнонастроенныя съ ними,—*именно, духи сомнѣнія, отрицанія, невѣрія,—короче, слуги антихристовы со всѣми свойствами ихъ отвратительной, помраченной природы. Съ адскомъ хохотомъ прислуживая мрачной наукѣ, вземшейся на разумъ Божій и ставшей послушнымъ ихъ орудіемъ, они въ свою очередь начинаютъ по своему магнетизировать душу*, [5]) и въ удовлетвореніе земныхъ своихъ клевретовъ удерживаютъ ее при тѣлѣ, никуда негодномъ, полуразрушенномъ, мертвомъ. Слабая надежда на милосердіе Божіе и заслуги Искупителя все болѣе и болѣе гаснетъ все темнѣе становится въ унылой душѣ, все дальше и дальше уходитъ отъ нея, чуть чуть тлѣя въ сокровеннѣйшей глуби ея. Душѣ отрѣшившейся кажется, что стоило бы только рвануться ей изъ объятій окружившихъ ея силъ темныхъ, чтобы съ молитвеннымъ воплемъ о пощадѣ возлетѣть еще къ

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Марк. 9, ст. 7. Луки 3, ст. 22. Іоан. 12, ст. 28. Дѣян. 9, 4, ст. 5 и 6, гл. 10, ст. 13 и 15. 3 Кор. 12, ст. 4.
[4]) Курсивъ нашъ.
[5]) Курсивъ нашъ.

незакрывшемуся окончательно царству свѣта, такъ какъ она не слышала рѣшительнаго себѣ приговора отъ судьи Всеправеднаго, и въ правѣ позволить себѣ хоть мало, хоть обманно надѣяться на милосердіе Того, Кто истощилъ Себя на крестѣ за спасеніе рода человѣческаго, который всегда былъ и есть ничѣмъ не лучше ея грѣшной, а тутъ держатъ, съ двухъ сторонъ держатъ,—съ одной такіе же смертные во имя *своей науки*, [1]) съ другой—безсмертные во имя исконной злобы противъ лучшаго созданія Божія. Какъ же не воскликнуть ей такъ, какъ воскликнула душа г. Вальдемара послѣ семимѣсячныхъ истязаній: изъ любви Божіей, „скорѣе, скорѣе усыпите меня?"

Скажутъ, пожалуй, что все это мечта. Не думаю, разъ потому, что въ этой мечтѣ больше психологическихъ и разумныхъ основаній, чѣмъ въ бездоказательномъ и голословномъ отнесеніи всей вины необыкновенныхъ явленій исключительно къ дѣйствіямъ злого духа; во-вторыхъ — потому, что всему этому легко найти множество подтверждающихъ примѣровъ и подкрѣпительныхъ указаній въ писаніяхъ величайшихъ подвижниковъ и житіяхъ святыхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Станемъ теперь читать дальнѣйшій разсказъ доктора Поэ.

> Никто изъ присутствовавшихъ не пытался ни отрицать, ни удерживать невыразимаго ужаса, произведеннаго этими словами. Г. Л. И. (студентъ) упалъ безъ чувствъ, а прислуга въ ту же минуту выбѣжала изъ комнаты, и ни за что въ свѣтѣ не соглашалась войти опять. Мои собственныя впечатлѣнія были таковы, что я и думать не смѣю дать о нихъ читателю хоть малѣйшее понятіе. Около часа, мы молча, не произнося ни единаго звука, трудились всячески привести въ чувства г. Л. И. Успѣвъ въ этомъ, мы опять начали внимательно всматриваться въ положеніе г. Вальдемара

Еще не совсѣмъ отравленное ядомъ сомнѣнія, еще не до послѣдней глухоты оглушенное адскимъ шумомъ отрицанія сердце юноши не могло вынести звуковъ, раздавшихся съ той стороны гроба и ужаснувшаго даже отъявленныхъ невѣровъ. Не стерпѣла такого необычайнаго явленія и простодушная прислуга,—и все это по весьма простой и понятной причинѣ: нерастлѣнные умомъ и сердцемъ яснѣе прозирали внутренними очами духа въ ту область, куда отшелъ паціентъ науки, и, не умѣя отдать себѣ отчета въ видимомъ и слышимомъ, самимъ ужасомъ своимъ неотразимо свидѣтельствовали о неприкосновенности тайнъ міра загробнаго. „Утаи Всевышній отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ есть та младенцамъ".

> Оно (положеніе) нисколько не измѣнилось противъ описаннаго сейчасъ; вся разница состояла въ томъ, что на поднесенномъ зеркалѣ не появилось ни малѣйшаго слѣда дыханія. Пробовали, но безъ успѣха, пустить кровь

---

[1]) Курсивъ нашъ.

изъ руки, которая, нужно замѣтить, уже не повиновалась болѣе моей волѣ; единственное, истинное свидѣтельство о присущей еще силѣ вліянія магнетическаго проявлялось въ сотрясательномъ движеніи языка каждый разъ, когда я обращалъ вопросъ къ г. Вальдемару. Казалось, онъ усиливался отвѣчать, но ему уже не доставало воли. Къ вопросамъ, дѣлаемымъ ему другими, онъ, очевидно, былъ рѣшительно нечувствителенъ, несмотря на стараніе мое привести его въ магнетическое соотношеніе съ каждымъ изъ присутствовавшихъ.

Еще бы. Довольно и одного мучителя сверху, да другого снизу, которымъ законтрактовалъ погибшій несчастную душу свою; и съ тѣми не можетъ развязаться, и тѣхъ не умолитъ пустить душу на покаяніе, а тутъ еще изволь разговаривать съ прочими и приходить въ магнетическое соотношеніе со всякимъ, кому вздумаетъ сдѣлать эту честь привиллегированный истязатель. „*Я мертвъ*" [1]), сказалъ онъ, чтобы окончательно отвязаться отъ всякихъ разспросовъ; и эксперты самимъ дѣломъ убѣдились въ этомъ,—чего же они хотѣли, допрашивая мертвеца? *Г. Поэ, вѣруя въ свою науку* [2]), находитъ, что магнетизированіе еще не потеряло своей силы надъ умершимъ, что оно обнаруживалось въ сотрясательномъ движеніи языка, всякій разъ, когда онъ обращался съ вопросомъ къ своему паціенту. Уступаемъ и вѣримъ дѣйствительности такого явленія: но не соглашаемся изъяснить его такъ, какъ изъясняетъ ученый докторъ. Не извнѣ была сила, приводившая языкъ въ сотрясательное движеніе, а извнутри, отъ самой души, еще присущей тѣлу, но уже не имѣвшей въ немъ опоры для обычной своей дѣятельности; не воли недоставало несчастному паціенту, ибо воля оставалась съ душою и въ душѣ, а того органа, которымъ она дѣйствовала. Инструментъ разстроился, колки повыскакали, струны порвались,—на чемъ же играть?

Я считаю, что передалъ теперь все совершенно что необходимо къ уясненію положенія ясновидящаго въ это время. Достали для прислуги другихъ людей и въ десять часовъ я вышелъ изъ дома съ двумя докторами и съ г. Л. И.

Дѣйствительно, ясновидящаго. Теперь онъ яснѣе зритъ ту страшную область тьмы, въ которую ниспалъ по собственной волѣ, пренебрегши всѣмъ, что подавала ему религія: полнѣе созерцаетъ то, что до сего было для него лишь гадательнымъ, и, къ неизобразимому своему ужасу, ощущаетъ присутствіе темныхъ клевретовъ князя воздушнаго, которому такъ усердно служилъ онъ всю жизнь свою. Да, *докторъ Поэ не ошибся* [3]), назвавъ своего паціента ясновидящимъ; ошибся только въ томъ, что будто бы передалъ все, что нужно къ

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Курсивъ нашъ.

уясненію его положенія. Впрочемъ, этого не передалъ бы и самъ страдалецъ, если бы могъ ожить и получить попрежнему употребленіе ума, воли и всѣхъ отправленій тѣлеснаго своего организма.

После полудня мы всѣ пришли посѣтить паціента. Положеніе его было совершенно тоже. Тогда между нами произошло преніе о необходимости и возможности разбудить его.

Что такое? Разбудить? Да развѣ вы, господа, не признали его мертвымъ? Развѣ не сказалъ онъ самъ вамъ объ этомъ? Будятъ только того, кто спитъ, въ комъ всѣ жизненныя отправленія идутъ обычнымъ порядкомъ, или открыто обнаруживаясь въ организмѣ, или тайно, при неповрежденномъ однако же состояніи всѣхъ органическихъ внутренностей; а тутъ можно развѣ только одно—воскресить. Воскрешайте же, мы тогда признаемъ васъ чудотворцами.

Намъ не трудно было согласиться, что подобное дѣйствіе не поведетъ ни къ чему путному.

Вотъ что правда, то правда. Какъ не вышло ничего путнаго вначалѣ и впродолженіе магнетизированія, такъ и еще болѣе ничего не можетъ быть теперь, когда страдалецъ почти весь уже во власти другихъ истязателей и держится на землѣ только ихъ силою, ради обмана людей, „преданныхъ въ неискусенъ умъ творити неподобная".

Было неотразимо ясно, что смерть или то, чему привычно даютъ это наименованіе, было остановлено магнетическимъ дѣйствіемъ; слѣдовательно, для всѣхъ насъ было совершенно очевидно, что разбудить г. Вальдемара значило убить его мгновенно или, по крайней мѣрѣ, очень скоро.

Что за путаница. Что за изумительная сбивчивость понятій. Вотъ ужъ правда, что, если кого захочетъ наказать Богъ, то прежде разумъ отниметъ. Сами же говорятъ, что субъектъ мертвъ, и между тѣмъ опровергаютъ бытіе даже смерти, сами же видятъ въ немъ отсутствіе всякой жизненности, и при всемъ томъ боятся убить мертвеца, боятся, значитъ, смерти, которую опровергаютъ. Не помраченіе ли это смысла? Бывъ обмануты миражемъ магнетическаго чудодѣянія, они приписываютъ своему искусству то, что, очевидно, выходитъ изъ круга всевозможныхъ явленій, чему нѣтъ и быть не можетъ ни основаній, ни силъ въ мірѣ видимомъ, подлежащемъ смерти и тлѣнію. Удивительно, какъ хитро умѣетъ обольщать человѣка исконный врагъ его, хоть удочка, на которую онъ ловитъ нынѣшнихъ разумниковъ, старая и очень ржавая, да приманка свѣжа: „будете яко бози, вѣдущи" и то и то, и пятое и десятое.

Съ этой минуты до протекшей недѣли, втеченіе почти семи мѣсяцевъ, мы продолжали заходить къ г. Вальдемару ежедневно, въ сопровожденіи друзей, медиковъ и постороннихъ. Во все это время ясновидящій оставался точнѣйшимъ образомъ въ томъ самомъ положеніи, которое выше описано. Прислуга не отлучалась отъ него ни на минуту.

Можетъ ли это быть? скажете вы съ изумленіемъ, даже съ досадой, что такъ дерзко играютъ вашимъ довѣріемъ. Втеченіе почти семи мѣсяцевъ мертвецъ остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находился въ день своей кончины,—это сказка, бредни, обманъ.—Нѣтъ, не сказка и не обманъ. Превращеніе тѣла въ первоначальные свои элементы служитъ съ одной стороны наказаніемъ за грѣхъ первородный, а съ другой—знакомъ милости и любви Божіей, превращающей все, что въ человѣкѣ тлѣннаго и смертнаго, въ нетлѣнное и безсмертное; все равно, и неистлѣваніе тѣла по смерти бываетъ съ одной стороны особеннымъ чудодѣйственнымъ проявленіемъ силы Вышней, къ прославленію угодившихъ Богу праведною жизнію и главное—къ вразумленію и назиданію живыхъ; а съ другой знаменіемъ тягчайшаго гнѣва Божія. Есть между нашимъ народомъ страшная клятва: чтобъ тебя земля не приняла,—основаніе этой клятвы глубоко лежитъ въ томъ божественномъ опредѣленіи, по которому персть должна возвратиться въ землю. Разница между тѣломъ, прославленнымъ нетлѣніемъ, обыкновенно называемымъ мощами, и трупомъ, не принятымъ землею, та, что первые издаютъ изъ себя пріятный запахъ, или, по крайней мѣрѣ, не представляютъ ничего ни страшнаго, ни отвратительнаго, а неистлѣвшія тѣла отлученныхъ бываютъ раздуты въ родѣ огромнаго пузыря, необыкновенно черны, или же просто гнусны и безобразны. Притомъ не надобно однако же упускать изъ виду, что какъ не всегда прославленіе угодниковъ Божіихъ сопутствуется нетлѣніемъ ихъ тѣла,—такъ-же и одно это не есть необходимымъ свидѣтельствомъ ихъ святости, равно какъ и нравственно разстроенное состояніе человѣковъ грѣшниковъ не влечетъ неизбѣжно за собою карательное неистлѣніе ихъ тѣлъ, по разлученіи съ душою. То и другое бываетъ по особенному смотрѣнію Божію. Несмотря на это, въ св. горѣ Аѳонской съ давняго времени ведется обычай—черезъ три года откапывать кости всякаго изъ братіи, дабы увидѣть, въ какой мѣрѣ почившій угодилъ Богу. Овыя кости, говоритъ извѣстный путешественникъ инокъ Парѳеній, желтыя и свѣтлыя, какъ елейныя; овыя благоуханныя, сіи тлѣнію не предаются, признаются за кости богоугодныхъ людей, овыя бѣлы и трухлявы, то есть тлѣнныя: сіи полагаютъ въ милости Божіей. овыя черныя, а овыя смердящія: сіи признаются за кости грѣшныхъ, и о этихъ болѣе творятъ поминовеніе и молятся, чтобы Господь грѣхи имъ простилъ, а овыя бываютъ связаны родителями или духовными отцами, или по какому-либо случаю, то есть, подъ клятвою: сихъ тѣла не разрушаются, но лежатъ цѣлы, черны и смрадны, хотя бы много лѣтъ въ землѣ лежали [1]). Что жъ мудренаго послѣ этого, если и тѣло г. Вальдемара, какъ человѣка завѣдомо и добровольно отчуждившаго себя отъ Бога и даже въ часъ смертный не вспомнившаго о своемъ Искупителѣ и Ходатаѣ, осталось неистлѣв-

[1]) Сказаніе о странствіи инока Парфенія. Часть II, стр. 192.

шимъ, даже неизмѣнившимся? что удивительнаго, если праведнымъ судомъ Божіимъ допущено было *такое неистлѣніе въ поруганіе разуму человѣческому, дерзко вземшемуся на разумъ Божій*. [1]). Что невѣроятнаго, если тѣло было въ томъ же положеніи, то есть, такъ же страшно и безобразно какъ и за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ? Оно вѣдь находилось въ полной власти еще безобразнѣйшихъ существъ, которыя губятъ всякую красоту и внутреннюю и внѣшнюю. Благодаримъ г. Поэ, что онъ безумной рѣшимостью своей извѣдать тайны міра загробнаго утвердилъ, мимо вѣдома и желанія своего, дѣйствительность явленій, упорно и насмѣшливо отвергаемыхъ мнимыми философами въ повѣствованіяхъ людей незнакомыхъ ни съ магнетизмомъ, ни съ верченіемъ столовъ, ни съ разговоромъ подстольнымъ. Послѣдствія *дерзкой попытки* [2]) его, дѣйствительно, „необъятны" для вѣрующихъ и невѣрующихъ.

> Въ прошедшую пятницу мы наконецъ рѣшились приступить къ опыту разбудить его, или по крайней мѣрѣ попробовать разбудить, и вотъ этотъ-то несчастливый результатъ, быть можетъ, возбудилъ столько толковъ и преній въ свѣтѣ, породивъ мнѣнія, которыя я никакъ не могу не считать неизвинительными.

Крайне жаль, что г. Поэ не сообщилъ ни одного изъ этихъ толковъ и мнѣній, которые, какъ замѣтно, были не совсѣмъ благопріятны, какъ для него самого, такъ и для его искусства. А они много пролили бы свѣта на дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, естественныхъ явленій.

> Чтобы извлечь г. Вальдемара изъ его летаргіи (хороша летаргія!), я употребилъ привычные пассы. Втеченіе нѣкотораго времени они были безуспѣшны. Первый признакъ пробужденія (мертвеца-то? sic) проявился въ нѣкоторомъ пониженіи (закатываніи вверхъ, какъ это было прежде) зрачка. Замѣтили, какъ обстоятельство особенно значительное, что это пониженіе зрачка сопровождалось обильнымъ истеченіемъ изъ-подъ вѣкъ желтоватой, гноевидной влаги (ichor), прокислой и чрезвычайно вонючей.

Что же это за ихорь? Не перегнившій ли мозгъ, который, при колебаніи, незамѣченномъ, быть можетъ, самими лаборантами, потекъ въ вѣковыя отверстія и произвелъ движеніе зрачка, приписанное докторомъ силѣ магнетизма? По крайней мѣрѣ, мы находимъ такое объясненіе простѣйшимъ и слѣдственно ближайшимъ къ истинѣ. Отвратительное качество истекшей влаги напоминаетъ намъ о другомъ подобномъ, но по свойству своему противоположномъ явленіи, личнымъ свидѣтелемъ котораго былъ упомянутый инокъ Парфеній. „Послѣ малой вечерни, пишетъ онъ, откопали кости блаженной памяти схимонаха Никодима. Едва ихъ вынули и обмыли, ока-

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.

зались желты, яко воскъ и испустили нѣкое благоуханіе. Отпѣли панихиду и поставили ихъ въ кошницѣ среди церкви. Съ вечера начали всенощное бдѣніе. Едва начали пѣть: „Хвалите имя Господне", тогда пошло неизрѣченное благоуханіе по всему храму и на дворѣ, чему вся братія весьма удивилась и начали между себя переговаривать, такожде и въ алтарѣ, и вси недоумѣвали, отчего такое благоуханіе происходитъ, нашъ же старецъ о. Іоанникій со свѣчей подошелъ къ костямъ, и увидѣлъ, что изъ сухой кости, изъ главы, изъ тѣхъ отверстій гдѣ были уши истекаетъ миро, подобное елею и испускаетъ неизрѣченное благоуханіе. Всѣ видѣвшіе сіе возрадовались и прославили Бога, творящаго дивныя чудеса" [1]). Не правда ли, что явленіе совершенно похожее, да только въ томъ разница, что останки одного источали миро благовонное, а останки другого гноевидную, желтоватую, вонючую жидкость, и опять — тамъ были сухія кости, а тутъ цѣлая масса безобразнаго организма, и слѣдовательно тамъ подобное явленіе было, дѣйствительно, чудеснымъ явленіемъ силы Божіей, а тутъ простымъ и обыкновеннымъ дѣйствіемъ разложенія головныхъ внутренностей.

Тогда пригласили меня испытать, какъ прежде, силу вліянія на руку паціента. Я пробовалъ, но безъ успѣха. Докторъ Ф. пожелалъ, чтобы я спросилъ о чемъ либо паціента. Я обратился къ нему съ вопросомъ: „г. Вальдемаръ, можете ли вы объяснить намъ, каковы ваши чувствованія и желанія въ настоящую минуту?" Гектическія пятна мгновенно появились на щекахъ, языкъ затрясся или лучше съ жестокимъ усиліемъ поворотился во рту, хотя челюсти и губы оставались окаменѣлыми, и наконецъ тотъ же отвратительно-ужасающій голосъ, о которомъ я старался дать елико-возможное понятіе произнесъ: „Изъ любви Божіей... скорѣе... скорѣе... усыпите меня... или... скорѣе разбудите меня... скорѣе... говорю вамъ, что я мертвъ".

Послѣ того, что уже сказано нами, нѣтъ нужды прибѣгать къ новымъ изъясненіямъ этого явленія. *Пытка страдальца со стороны земныхъ его истязателей* [2]) кончается, уступая мѣсто нескончаемому мученію въ вѣчности. Если здѣсь вопль его долго оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, то тамъ неизбѣжно исчезнетъ, ибо сыны мрака менѣе, чѣмъ питомцы науки, могутъ быть подвигнуты къ жалости именемъ любви Божіей. Чтобы дать возможность отрѣшиться душѣ истязуемой, нужно было, чтобы разорвался тѣсный кругъ, который образовали видимые и невидимые истязатели, сцѣпившіеся, такъ сказать, за руки; нужно лишь, чтобы желанія тѣхъ и другихъ перестали быть одинаково настроенными къ истязанію и несчастію паціента, и чтобы земные мучители, если не

---

[1]) Тамъ же, стр. 189.
[2]) Курсивъ нашъ.

изъ любви Божіей, которую по своему *понимаетъ гордая наука* [1]), то хоть отъ безуспѣшности своихъ беззаконныхъ изысканій, отступили отъ безчеловѣчныхъ притязаній своихъ.

> Я былъ совершенно обезсиленъ, и нѣсколько минутъ колебался, что дѣлать? Сперва я старался усыпить паціента: но, не успѣвъ въ этомъ, по причинѣ совершеннаго изнеможенія моей воли, обратился къ противоположному намѣренію и употребилъ всевозможныя усилія, чтобы разбудить его. Я былъ увѣренъ, что это испытаніе будетъ успѣшнѣе, или, по крайней мѣрѣ, воображалъ такъ; не обинуясь скажу, что всѣ, находившіеся въ комнатѣ думали тотчасъ же увидѣть паціента проснувшимся.

Какъ хотите, а мнѣ кажется, что у г. Поэ обезсилѣла не только воля, но не стало и послѣдняго здраваго смысла. Сперва онъ думаетъ усыпить, потомъ разбудить паціента, какъ будто это одно и то же, какъ будто онъ не слышалъ отъ самого Вальдемара, и самъ фактически не убѣдился, что онъ мертвъ. Въ смыслѣ такой неопредѣлительности понятій и душа отшедшаго смѣшанно употребляетъ слова: „усыпите и разбудите", какъ бы желая сказать такъ: будите или усыпляйте, только, ради любви Божіей, пустите меня на покаяніе. Если, какъ, не обинуясь, говоритъ Поэ, всѣ, находившіеся въ комнатѣ, были убѣждены въ томъ. что увидятъ паціента проснувшимся. то, конечно, въ этомъ увѣрилъ ихъ больше всего самъ магнетизеръ, обѣщавшій, должно быть сдѣлать своего паціента безсмертнымъ; но жаль, что при этомъ онъ выпустилъ изъ виду одно неважное обстоятельство, что если-бы даже и можно было ему воротить душу, то негдѣ быть ей, нечѣмъ дѣйствовать, ибо организмъ испорченъ и почти разложился. Удивительное ослѣпленіе! Прошу жъ послѣ этого увѣрить въ чемъ нибудь невѣра. Самыя очевидныя, самыя осязательныя, самыя вопіющія явленія ему ни по чемъ: то онъ увѣренъ, то воображаетъ, то сомнѣвается, точно помѣшанный или ошеломленный громомъ. Такъ-то *мнѣніе лукавно погубляетъ мысль человѣка* [2]).

> Но совершенно уже невозможно, чтобы кто либо изъ смертныхъ. носящихъ названіе человѣка. могъ предвидѣть или ожидать то, что произошло на самомъ дѣлѣ. . Въ то время, когда я быстро совершалъ магнетическіе пассы подъ гулъ восклицаній: „умеръ, умеръ", исходившихъ именно и положительно изъ языка, а не изъ устъ паціента, втеченіе одной минуты и даже менѣе, тѣло его съежилось, искрошилось, распалось. истлѣло совершенно подъ моей рукой. На постели очамъ присутствовавшихъ представилась почти жидкая масса отвратительнаго, невообразимо-ужасающаго гноя.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ подлинника.

Такъ вотъ результатъ *всѣхъ научныхъ изслѣдованій разума человѣческаго, безумно вземшагося на разумъ Божій* [1]). Вотъ эти неисчислимыя послѣдствія, которыя *ученый докторъ* [2]) сулилъ себѣ и другимъ отъ имени *боготворимой имъ науки* [3]). Вотъ развязка страшной комедіи, далеко страшнѣйшей, чѣмъ знаменитая комедія Данта—плодъ желчной досады и разстроеннаго воображенія,—*главнаго дѣйствующаго лица которой не видно было на сценѣ, но которое безспорно присутствовало за кулисами и управляло всѣмъ ходомъ пьесы* [4]). Что же, г. магнетизеръ, вы не воскресили вашего бѣднаго паціента? То-то же и есть. Видите ли, читатели мои, теперь всю безуспѣшность, все безуміе людей, вѣрующихъ въ свое „я“? Связь подавшихъ другъ другу руки истязателей разорвалась, желанія ихъ разошлись; ибо земные отказались отъ дальнѣйшихъ пытокъ во имя науки, и душа уносится подземными отъ смраднаго трупа въ невѣдомую сферу мрака. Кто бы ни вопилъ страшныя слова: „умеръ, умеръ“,—отошедшій ли, или самъ духъ злобы,—но въ нихъ нельзя не чувствовать, не слышать какой-то дикой радости; могла повторять ихъ и душа, отрѣшаемая отъ узъ плоти, могъ повторять и духъ мрака, ставшій уже единственнымъ и полнымъ обладателемъ души; но смыслъ этихъ словъ одинаковъ,—насмѣшка надъ усиліями смертныхъ и отголосокъ изъ того міра, котораго не любитъ допускать наука, охотнѣе склоняющаяся къ матеріализму. Драма кончилась, и кончилась именно тѣмъ способомъ, какого слѣдовало ожидать. Напрасно г. Поэ увѣряетъ, что никто изъ смертныхъ не могъ предвидѣть такого окончанія; не могъ предвидѣть тотъ, кто мало или вовсе незнакомъ съ явленіями, бывающими въ нѣдрахъ того христіанскаго міра, который, какъ ковчегъ Ноевъ, блюдется среди потопа всеобщаго разстлѣнія; а мы не только предвидѣли, но даже знали, что все это должно было кончиться такъ, а не иначе. *Подобныя явленія не одинъ разъ бывали съ отлученными отъ церкви, или умершими подъ анаѳемой отца духовнаго или подъ клятвою родительской* [5]). Въ Требникѣ Петра Могилы пишется, что когда найдено было въ землѣ неистлѣвшее тѣло одной женщины, по собраніи свѣдѣній, отлученной отъ церкви, и внесено въ храмъ, то послѣ разрѣшительной молитвы, прочтенной патріархомъ надъ закрытымъ и запечатаннымъ гробомъ усопшей, всѣ кости съ трескомъ, внятно слышаннымъ всѣми предстоявшими, отдѣлились отъ тѣла, которое тотчасъ же обратилось въ прахъ, оставивъ голыя и сухія кости [6]). „Надъ сими (не истлѣвающими), пишетъ инокъ Парфеній, призываютъ отца духовнаго читать разрѣшительную молитву. Аще отецъ духовный не раз-

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Курсивъ нашъ.
[4]) Курсивъ нашъ.
[5]) Курсивъ нашъ.
[6]) Читай также Нов. Скриж. Часть IV. стр. 119.

рѣшитъ, то призываютъ епархіальнаго епископа или митрополита; аще сіи не разрѣшатъ, то ѣздятъ къ вселенскому патріарху константинопольскому и берутъ отъ него разрѣшительную грамоту, и читаютъ надъ тѣломъ, и закапываютъ паки въ землю, и по четыредесяти днехъ паки откапываютъ, и ничто не обрѣтаютъ, кромѣ однихъ бѣлыхъ костей. Этому всему азъ самовидѣцъ во св. горѣ Аѳонской. И у насъ въ Молдавіи вошло въ обычай откапывать кости всѣхъ мірскихъ, равно въ Валахіи, въ Болгаріи и по всей Греціи, и часто случается, что обрѣтаютъ связанныхъ, но родные стараются и получаютъ разрѣшеніе" [1]). Что же держитъ тѣла эти въ неистлѣніи? Власть церкви, связавшая душу съ трупомъ. Что же теперь держало въ неистлѣніи тѣло г. Вальдемара? Та же самая власть, но не запрещавшая душѣ оставить тѣла, а отступившая и предавшая ее сатанѣ, во изможденіе уже не плоти, а ея самой по существу своему, безсмертной. Тамъ, однакоже, церковь, разрѣшающая узы, передаетъ страдальческую душу неистощимому милосердію Божію, и тѣло мгновенно разрушается, какъ уже не сдерживаемое ничѣмъ вышеестественнымъ; здѣсь происходитъ то же самое, но съ другими послѣдствіями, при пособіи другихъ силъ, во власти которыхъ находится отринутая душа.

Въ заключеніе скажемъ, что несмотря на толки ученыхъ, враждующихъ и насмѣшливо отвергающихъ дѣйствительность магнетизма, мы вѣримъ ему, но вѣримъ, какъ верченію столовъ и подстольнымъ разговорамъ, съ той, однакожъ, оговоркой, что видимъ въ этомъ отнюдь не успѣхи ума человѣческаго въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія, а скорѣе потемненіе его и обратное шествіе къ тому „раю", надъ вратами котораго стоитъ Дантовская надпись: lasciate ogni speranza qui l'intrate, вѣнчаемая словами лукаваго прельстителя: „въ оньже аще день снѣсте отъ древа познанія, смертію не умрете, но будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое [2])". Нѣтъ никакой возможности исчислить всѣ козни врага рода человѣческаго, уловляющаго не тѣмъ, такъ другимъ довѣрчивыя души. Самъ Спаситель завѣщалъ только „бдѣть и молиться, да не внидемъ въ напасть" [3]). Что не дѣйствуетъ на однихъ, тѣмъ хитрѣйшій всѣхъ тварей земныхъ ратуетъ противъ другихъ; въ чемъ яснозрящіе въ духѣ вѣры истинной видятъ паутину, то является крѣпкими узами для помраченныхъ стихійной мудростью и преданныхъ *въ неискусенъ умъ творите неподобная* [4]).

Но при всей запутаности, при всемъ самообольстительномъ довѣріи къ наукѣ, при всемъ безсмысліи нѣкоторыхъ мѣстъ, разсказъ *доктора Поэ* [5]) приводитъ насъ къ слѣдующимъ

---

[1]) Также стр. 192.
[2]) Бытія 3, ст. 6.
[3]) Марка 14, ст. 38.
[4]) Курсивъ подлинника.
[5]) Курсивъ нашъ.

заключеніямъ: 1) что есть въ человѣкѣ оживотворяющее начало, именуемое духомъ, и что ему, какъ произшедшему отъ начала вѣчнаго Бога, не будетъ конца; 2) что духъ непремѣнно долженъ слѣдовать вѣчному опредѣлнію и возвращаться въ свойственную ему сферу, а не оставаться въ мірѣ видимомъ, гдѣ съ разрушеніемъ тѣла исчезаетъ уже точка опоры для его внѣшней дѣятельности; 3) что „тлѣнному сему подобаетъ облещися въ нетлѣніи и мертвенному сему облещися въ безсмертіи [1]) силою Воскресшаго изъ мертвыхъ и насъ совоскресившаго съ собою; 4) что есть силы, враждебныя человѣку, способныя къ видимымъ чудодѣйствіямъ, точно такъ-же, какъ волхвы фараоновы были способны спорить съ посланникомъ, Божіимъ Моисеемъ; 5) что отлученіе отъ церкви ужасно по своимъ послѣдствіямъ и, наконецъ, 6) что всякій любоиспытующій умъ долженъ памятовать слова Премудраго: „высшихъ себе не ищи: яже ти повелѣнная сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ“ [2]).

И „критика“ Поэ и „резюме“ едва ли требуютъ объясненій...

Читая подобный приговоръ, невольно приходятъ на умъ слова Крылова въ баснѣ „Оселъ и Соловей“:

„Избави Богъ и насъ отъ эдакихъ судей!“

С. Сухонинъ.

[1]) I Кор. 15, ст. 53.
[2]) Сир. 3, ст. 23.

Французскіе интенданты.

I.

Парижскіе архивы и Токвиль.

Стремленіе историковъ отыскивать законы развитія обществъ уже приводитъ къ очертанію великой науки—соціологіи. Но пока, въ силу новизны дѣла, сложности матеріала и недостаточности исторической критики, оно еще далеко до желательнаго удовлетворенія. Особенно трудно установить общій ходъ культурнаго развитія: отсюда не мало противорѣчій въ воззрѣніяхъ соціологовъ. Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ болѣе легкой стороной исторіи—съ политическимъ бытомъ, особенно если взять его внѣшность, такъ называемыя „учрежденія", не углубляясь въ ихъ корни въ глубинѣ общественнаго строя. Здѣсь относительно легко сравнивать однородныя явленія у разныхъ націй; а въ научномъ сравненіи все дѣло. Но и здѣсь еще не дошли до такой опредѣленности, чтобы представить какъ бы строгій учебникъ: мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ такого. Работы въ этомъ направленіи идутъ недолго, всего съ полвѣка, когда начала исчезать схоластика и въ юриспруденціи, безъ которой здѣсь не обойтись.

Сначала, подъ вліяніемъ Англіи, съ ея талантливымъ Галламомъ, обратили вниманіе на общія государственныя учрежденія. Позже выдвинулся вопросъ объ администраціи. Здѣсь эпоху составила геніальная книга Токвиля—„L'Ancien régime et la Révolution, вышедшая въ 1859 г., почти въ одно время съ знаменитыми трудами Дарвина и Бокля. Она повліяла на ходъ дальнѣйшихъ изслѣдованій повсюду, не исключая Россіи, гдѣ ея слѣды можно замѣтить почти во всѣхъ трудахъ по нашей внут-

ренней исторіи, отъ Кавелина и Чичерина до Ключевскаго. Очевидно, подъ ея наитіемъ написана и книга новаго русскаго ученаго, г. Ардашева, о провинціальныхъ интендантахъ во Франціи при Людовикѣ XVI [1]). Это поистинѣ научная работа, долго печатавшаяся по частямъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и не даромъ снискавшая полную премію С. М. Соловьева.

Она сразу прекрасно зарекомендовываетъ автора, какъ добросовѣстнаго труженика. Мы можемъ засвидѣтельствовать это, опираясь на личный опытъ. Дѣло въ томъ, что г. Ардашевъ изучалъ свой вопросъ по основному первоисточнику—по національному архиву въ Парижѣ, которымъ пользовались и мы для нашего сочиненія „Франція и Германія при Людовикѣ XVI“ [2]). Мы обѣими руками подписываемся подъ всѣмъ, что сказано г. Ардашевымъ объ этомъ драгоцѣннымъ хранилищѣ документовъ, который представляетъ собой истинное вавилонское столпотвореніе. Довольно сказать, что мы случайно нашли тутъ замѣчательную переписку министра иностранныхъ дѣлъ, Вержена, съ Людовикомъ XVI въ 1774—1786 гг., существованіе которой и не подозрѣвали сами французы.

Въ 1880 году, когда мы обратились къ министру иностранныхъ дѣлъ Фрейсинэ за позволеніемъ заниматься 19-мъ вѣкомъ въ его архивѣ, молодая республика еще не знала, на какую ногу стать въ такого рода дѣлахъ. Ей достался въ наслѣдіе старый „уставъ“ (reglement), раскрывающій архивы для науки лишь „до смерти Людовика XV“. Мое дѣло передали въ особую комиссію изъ чиновниковъ г-на Фрейсинэ („церберовъ“, какъ называли ихъ мои парижскіе товарищи) и ученыхъ. Послѣдніе отстояли мое требованіе и, какъ выражались они, „подвинули дѣло на полвѣка“: мнѣ разрѣшили изученіе документовъ по эпохѣ Наполеона I. Мое дѣло тянулось съ мѣсяцъ. Въ утѣшеніе мнѣ, ученая братія посовѣтовала мнѣ заглянуть въ національный архивъ, замѣтивъ: „тамъ собственно внутреннія дѣла Франціи, но чѣмъ чортъ не шутитъ: у насъ тутъ страшный безпорядокъ“. Начальникомъ національнаго архива былъ тогда

[1]) *Павелъ Ардашевъ*: Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1787). Провинціальные интенданты. Историческое изслѣдованіе, преимущественно по архивнымъ даннымъ. Т. I. Спб. 1900. Стр. 658.

[2]) *A. Tratschevsky*: La France et l'Allemagne sous Louis XVI. Avec un appendice contenant des lettres et des mémoires inédits de Vergennes. Paris. 1880. Предварительно было напечатано въ „Revue historique“.

извѣстный ученый, покойный Альфредъ Мори. Онъ показалъ мнѣ весь свой архивъ и его плохіе каталоги, подтвердивъ слова своихъ товарищей. Почти случайно я дорылся въ каталогахъ до упомянутой переписки Верженa. Потомъ я имѣлъ случай убѣдиться, что чортъ шутилъ и въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ: тамъ попадаются бумаги по внутреннимъ дѣламъ Франціи. И не мудрено: въ старину secrétaire d'Etat des affaires étrangères вѣдалъ и часть внутреннихъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ областяхъ. Въ нашихъ приказахъ было едва-ли еще не больше путаницы. Мы знаемъ, что́ значитъ работа въ архивахъ вообще и въ такихъ, какъ парижскіе, въ частности. Мы привѣтствуемъ г. Ардашева съ одолѣніемъ такого тяжелаго и непріятнаго труда—надѣемся, не въ ущербъ своему здоровью: онъ обѣщаетъ намъ *второй* томъ своего труда. Ожидаемъ его съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что онъ обѣщаетъ быть еще болѣе интереснымъ. Лежащій передъ нами первый томъ захватываетъ болѣе внѣшнюю и сухую сторону предмета—интендантовъ, какъ *учрежденія;* второй томъ будетъ посвященъ имъ, какъ *людямъ*, въ различныхъ *событіяхъ* изучаемой эпохи.

II.

Значеніе интендантства въ исторіи.

Основные законы общежитія нигдѣ не проявляются такъ ясно, какъ въ администраціи. Тутъ-то очевидны и „интеграція и дифференцированіе“, эти неизбѣжныя стороны всякой „эволюціи“. Вездѣ сначала вся власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Первобытный старѣйшина, онъ—и военачальникъ, и судья, и даже жрецъ. Но этихъ, вытекшихъ изъ родовыхъ главъ, царьковъ множество. Далѣе, ихъ число сокращается: идетъ процессъ централизаціи власти, вмѣстѣ съ собираніемъ земель и націи. Но феодальные князьки еще держатъ все въ своихъ рукахъ: они—и государи и помѣщики. Постепенно образуется единая, королевская власть. Ея органы сначала напоминаютъ первобытное смѣшеніе отправленій, своего рода совмѣстительство. Таковы были и наши намѣстники съ волостями, въ лицѣ которыхъ сохранились пережитки областной самостоятельности удѣльной поры. При Грозномъ мѣстами является уже раздѣленіе властей: воевода завѣдуетъ „острогомъ“ (крѣпостью), а намѣстникъ—„городомъ“ или гражданскою

частью. Впрочемъ, намъ законъ не писанъ: при томъ же Грозномъ пытались ввести въ областное управленіе выборное начало, а послѣ Смуты начали опять соединять обѣ власти въ рукахъ воеводъ, чтобы опять разъединить ихъ при Петрѣ I. Впрочемъ, не мало путаницы прошло это дѣло и на Западѣ. Только во Франціи процессъ шелъ болѣе просто и ясно, благодаря такому же ходу абсолютизма.

Во Франціи отчетливая личность Ришелье и вполнѣ конечная простота его была служатъ какъ бы высокимъ верстовымъ столбомъ политической эволюціи, который указывалъ путь и другимъ народамъ. Его задача состояла въ искорененіи пережитковъ первобытной независимости всюду. Желая прочно установить абсолютизмъ, онъ отнималъ всякія привиллегіи у знати и городовъ. Онъ подавлялъ политическое значеніе парламентовъ и отмѣнялъ государственные чины или земскіе соборы, внушая націи, что это—самое вредное учрежденіе на свѣтѣ: вмѣсто нихъ онъ изрѣдка собиралъ, какъ свѣдущихъ людей, „именитостей“ или „нотаблей“—изъ своихъ клевретовъ. Кое-гдѣ сохранявшіеся провинціальные чины превращались въ орудіе короны для сбора податей.

Понятно, что должно было произойти съ областнымъ управленіемъ. Страна дѣлилась тогда на „губерніи“ (gouvernements), съ губернаторами во главѣ, которые играли роль нашихъ воеводъ послѣ смуты. Чтобы ограничить всемогущество этихъ царьковъ, кардиналъ-исполинъ раздѣлилъ Францію на „интендантства“ (intendances). Въ провинціяхъ за родовитыми губернаторами осталось одно разорительное представительство особы короля: власть же ихъ перешла къ людямъ изъ буржуазіи, недавно „облагороженнымъ“ (anoblis), а они выбирали своихъ помощниковъ (subdelégués) изъ мѣстныхъ обывателей. Эти выскочки скромно назывались *интендантами* короля (управляющими, приказчиками). Сначала они посылались по странѣ временно, напоминая ревизоровъ Карла Великаго (missi dominici) и фискаловъ Петра I, которые должны были „тайно подсматривать надъ всѣми дѣлами, сыскивать всякую неправду“: имъ поручалось „бить знать и магистратуру (парламенты) въ зѣницу ока“, по словамъ очевидца. Понятно, что во времена Фронды парижскій парламентъ уничтожилъ интендантовъ, вмѣстѣ съ другими органами высшаго произвола, вродѣ чрезвычайныхъ судовъ. А при Людовикѣ XIV, который довелъ систему Ришелье до крайности, интенданты не только были возстановлены, но къ нимъ совсѣмъ пе-

решила власть губернаторовъ. И эти новые царьки въ провинціи, заодно съ ихъ прямыми начальниками, „министрами“ въ столицѣ, стали душой осѣнившей Францію бюрократіи, этой главной опоры абсолютизма, этой колоссальной фабрики бумажнаго крючкотворства. Тогда же появилась ихъ правая рука — правильная полиція, съ знаменитымъ „Чернымъ кабинетомъ“ (вскрытіе писемъ) и съ „припечатанными письмами“ (лишеніе свободы кого-угодно безъ суда). Самый клиръ обратился въ полицейскихъ помощниковъ интендантовъ, въ ихъ „естественныхъ субделегатовъ“.

Что значитъ интендантъ, объ этомъ можемъ судить по слѣдующимъ словамъ извѣстнаго пріятеля регента Филиппа Орлеанскаго, Джона Ло: „никогда я не повѣрилъ бы тому, что видѣлъ въ бытность мою контролеромъ финансовъ (министромъ финансовъ, который обыкновенно и назначалъ интендантовъ). Знайте, что французское королевство управляется тридцатью интендантами. Тутъ нѣтъ ни парламента, ни государственныхъ чиновъ, ни губернаторовъ. Счастье и бѣдствіе, преизобиліе или нищета правленій зависятъ отъ тридцати „чиновъ-докладчиковъ“. Токвиль говоритъ: „Интендантъ, это—и администраторъ и судья; это—единственный проводникъ всей воли правительства въ провинціи. Нечего и говорить про приниженность частныхъ лицъ: даже сельская община не смѣла истратить собственныхъ 25 ливровъ или починить подгнившій столбъ въ часовнѣ безъ „дозволенія интенданта“, этого ея „опекуна“, который заправлялъ и выборами въ ней“.

III.

«Эволюція» интендантства.

Таковъ общій типъ интендантства и его историческій смыслъ повсюду. Но и здѣсь была своя эволюція, которая становится замѣтной лишь при ближайшемъ изученіи учрежденія въ самой жизни. Заслуга г. Ардашева состоитъ въ томъ, что онъ выдвинулъ эту сторону вопроса, слѣдуя и здѣсь по стопамъ своего великаго учителя. „Интендантъ 1740 года, замѣтилъ Токвиль, совсѣмъ не походитъ на интенданта 1780 г. Послѣдній, правда, имѣетъ тѣ же полномочія, тѣхъ же агентовъ, тотъ же произволъ, что и его предшественникъ, но не тѣ же виды. Одинъ былъ занятъ почти исключительно поддержаніемъ провинціи въ повиновеніи, наборомъ въ ней

милиціи и въ особенности сборомъ подати, у другого уже совсѣмъ иныя заботы: его голова наполнена тысячью проектовъ въ видахъ развитія общественнаго богатства. Шоссе, каналы, фабрики, торговля—вотъ главные предметы его думъ; земледѣліе въ особенности привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Интендантомъ былъ сначала г. Тюрго. Явленіе обычное въ исторіи. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. „Просвѣщеніе" 18-го вѣка просачивалось всюду. Извѣстно, что наперсники Людовика XV охраняли, при обыскахъ, творенія вольнодумцевъ казенными печатями, не то прятали ихъ въ своихъ кабинетахъ; а „Свадьба Фигаро" Бомарше появилась на придворной сценѣ, и роль Розины играла Марія Антуанета.

Эволюція интендантства или претвореніе его формъ тѣмъ любопытнѣе, что оно характеризуетъ весь „старый порядокъ" (ancien régime), который г. Ардашевъ справедливо начинаетъ съ Людовика XIV. Нашъ авторъ правъ, вообще указывая на разладъ между историками и юристами. Конечно, иное дѣло—законъ, и иное дѣло—жизнь. Весь „старый порядокъ" представляется неподвижнымъ съ точки зрѣнія законовъ и реформъ, но онъ полонъ жизни, перемѣнъ въ бытовомъ отношеніи. Само же интендантство даже лишено метрики, какъ и многія важныя учрежденія въ прошломъ. 1635-й годъ можно считать лишь приблизительно эпохой его рожденія, такъ же, какъ и 1597-й годъ—началомъ крѣпостничества на Руси. Тѣмъ скупѣе документальная исторія на опредѣленіе перемѣнъ въ его судьбѣ за полтораста лѣтъ. Да этого и нельзя требовать: законодательство „стараго порядка" вообще отличалось той безтолковой смутой (confusion), которой запечатлѣна и до-петровская Русь [1]). Изъ него можно видѣть только, что интендантство, подготовлявшееся еще до Ришелье, вводилось постепенно: оно охватило всю Францію лишь къ концу 17-го вѣка въ разгаръ могущества короля-Солнце. Приэтомъ королевская власть дѣйствовала „тихимъ московскимъ обычаемъ": ей даже было выгодно не тревожить общества новыми законами въ направленіи тяжелой централизаціи власти. Интендантство вполнѣ организуется при Кольберѣ, входя маховымъ колесомъ въ знаменитую „систему" Людовика XIV.

Начавшись съ фискальнаго учрежденія, какъ всѣ старинныя органы власти, интендантство овладѣло почти

---

[1]) См. нашу „Русскую Исторію", I, § 195.

всею гражданскою частью въ провинціяхъ, но безъ всякаго военнаго и, тѣмъ паче политическаго, значенія. Такъ, въ до-революціонной Франціи оно играло приблизительно роль нынѣшнихъ департаментовъ. Только интендантъ имѣлъ болѣе власти, чѣмъ префектъ, и пользовался большею независимостью предъ начальствомъ; у него было и гораздо больше доходовъ. Онъ зналъ только своего министра финансовъ, который заправлялъ остальными министрами, а слѣдовательно всѣмъ государствомъ: тогда королевскій совѣтъ, совмѣщавшій въ себѣ de jure всѣ власти, былъ на дѣлѣ лишь красивою куклой. Въ интендантствѣ замѣтна даже склонность къ наслѣдственности, что было естественно, въ виду продажи должностей, которая отличала старый порядокъ. Образовывались „династіи" интендантовъ и даже субделегатовъ, напоминающія у насъ, передъ Смутой, засиліе дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ. Интендантъ нѣсколько пасовалъ только предъ главнокомандующимъ провинціи, который обыкновенно былъ изъ знати, и имѣлъ связи при дворѣ и сталкивался съ нимъ по дѣламъ полиціи, жандармеріи и военнаго хозяйства. Впрочемъ, главнокомандующій больше торчалъ въ Версалѣ, а въ „своей провинціи" былъ только гостемъ.

Жизнь интенданта отравляла только борьба съ мѣстными пережитками феодализма. Неукротимые „соколки" (hoberaux) знати вѣчно воевали съ нимъ, сохраняя въ своихъ предковскихъ замкахъ фанаберію гранъ-сеньеровъ. Впрочемъ, интендантъ легко справлялся съ мелкими шиканами захудалыхъ родовъ дворянства. Другое дѣло заправилы мѣстнаго судебнаго мірка парламентскіе, поддерживаемые парижскимъ парламентомъ, сохранявшимъ еще нѣкоторое политическое значеніе. Имъ придавали силу два пережитка отдаленныхъ временъ: въ ихъ рукахъ, кромѣ суда, уцѣлѣла еще значительная административная власть; ихъ должности были наслѣдственны, въ силу законной продажи или „полетты", введенной еще при Генрихѣ IV, по совѣту финансиста Paulet.

Но даже тутъ интендантъ постепенно пріобрѣталъ все больше и больше значенія. Наконецъ, благодаря призывамъ (évocations) королевскаго совѣта, онъ захватилъ почти всѣ гражданскія тяжбы. И весьма важно, что само населеніе просило объ этихъ призывахъ. Г. Ардашевъ говоритъ: „ближайшее знакомство съ отрицательными сторонами обыкновенной юстиціи" при старомъ порядкѣ дѣлаетъ для насъ вполнѣ понятнымъ это, представ-

ляющееся съ перваго взгляда неожиданнымъ, предпочтеніе, отдаваемое подсуднымъ населеніемъ „административному суду“ передъ судомъ „независимымъ“. Не совсѣмъ неожиданно. Въ исторіи не рѣдки подобные примѣры, при борьбѣ новыхъ началъ съ пережитками старины. Довольно вспомнить попытку Грознаго ввести у насъ выборное начало въ областномъ управленіи: вскорѣ начались такія же жалобы населенія на земскихъ избранниковъ, какъ прежде—на намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ.

Что касается собственно администраціи, то тутъ интендантъ былъ полнымъ хозяиномъ своей провинціи. Обширны были его полицейскія полномочія. Онъ вмѣшивался авторитетно во всѣ мелочи городской и сельской жизни. Ему всецѣло были подчинены такіе части населенія, которыя считались опасными или „подозрительными“, какъ-то, гугеноты, не исключая „обращенныхъ“, евреи, нищіе, и бродяги. Ему принадлежала и „книжная полиція, т. е. надзоръ за типографіями и книжными лавками. Конечно, въ особенности силенъ былъ интендантъ,-фискалъ. Онъ-то чинилъ не только взиманіе, но и раскладку всякихъ государственныхъ сборовъ, за исключеніемъ „абонированныхъ“, сдаваемыхъ на откупа Онъ частью прямо распоряжался казенными суммами, частью надзиралъ за ихъ расходованіемъ. Это, какъ говорили тогда, былъ попреимуществу „блюститель и охранитель пошлинъ, доходовъ и королевской казны“. „Что же касается народнаго хозяйства,—говоритъ г. Ардашевъ,—то интендантъ является дѣятельнымъ органомъ правительства въ его „опекающей и поощрительной“ политикѣ по отношенію къ промышленности, сельскому хозяйству и торговлѣ. Несходившій, при старомъ порядкѣ, съ очереди продовольственный вопросъ (subsistances) и связанная съ нимъ „хлѣбная полиція“ составляютъ одинъ изъ постоянныхъ предметовъ административнаго вѣдѣнія интендантовъ. Народное здравіе и общественное призрѣніе завоевываютъ себѣ, въ особенности съ середины 18-го вѣка, все болѣе и болѣе видное мѣсто въ административномъ „доменѣ“ интенданта. Наконецъ, интенданту принадлежали очень обширныя полномочія въ области военнаго управленія, поскольку послѣднее соприкасалось съ гражданскимъ“.

А. Трачевскій.

Герценъ и Тургеневъ.

(Продолженіе).

XIII.

Въ концѣ 1861 года въ Лондонъ пріѣхалъ бѣжавшій изъ Сибири извѣстный агитаторъ М. А. Бакунинъ. Герценъ посвятилъ его пріѣзду спеціальную статью заканчивавшуюся слѣдующимъ образомъ:

„Подъ предлогомъ торговаго дѣла Бакунинъ пробрался на Амуръ, сѣлъ на американскій клиперъ и приплылъ въ Японію.

„Изъ Японіи онъ приплылъ въ С. Франциско и перебрался черезъ Панамскій перешеекъ въ Сѣверные Штаты. Изъ Нью-Іорка онъ 26 декабря приплылъ въ Ливерпуль и 27 былъ встрѣченъ нами въ Лондонѣ.

„Но чтобы ничего не доставало, человѣкъ этотъ, выходя послѣ 14 лѣтъ страданій, утомленный путемъ вокругъ свѣта, не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной *нѣмецкой* газеты, напоминавшей, что онъ ein verdäctiger Character [1]).

„А, впрочемъ, пожалуй нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы—*агенты русскаго народа*, мы работаемъ для него, ему принадлежатъ наши силы, наша вѣра, и никакому народу развѣ его“...

Бакунинъ явился въ Лондонъ безъ всякихъ средствъ, и Герцену, который уже поддерживалъ Огарева и его семью, пришлось поддерживать и Бакунина. Герценъ

---

[1]) Кружокъ нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, группировавшійся вокругъ Маркса, неоднократно называлъ Бакунина и Герцена „агентами русскаго правительства“

обратился къ Тургеневу, просилъ его, не сможетъ ли онъ съ своей стороны поддержать Бакунина и похлопотать, чтобы такую же поддержку оказалъ Сазоновъ.

Тургеневъ не былъ для Бакунина чужимъ человѣкомъ. Они встрѣчались въ кружкѣ Бѣлинскаго, вмѣстѣ слушали лекціи въ Берлинѣ. Объ этомъ періодѣ сохранились чрезвычайно любопытныя воспоминанія остзейскаго барона Б. У. Ф. (напечатанныя въ Baltische Monatschrift, 1884 г.) [1]), бывшаго ихъ товарищемъ по берлинскому университету.

„Втеченіе зимняго семестра 1839—1840 гг., говоритъ авторъ воспоминаній,—я посѣщалъ утреннія лекціи логики проф. Вердера. На эти лекціи являлось не много слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по-русски, это были Иванъ Тургеневъ и Михаилъ Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженные приверженцы гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключомъ къ познанію добра... Мы—земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у *обоихъ друзей*, жившихъ на *одной квартирѣ*, для занятій философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай—въ то время рѣдкость въ Берлинѣ—и хлѣбъ съ холодной говядиной служили матеріальной придачей этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и, несмотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ нерѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ. Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда-нибудь высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ, какъ на дѣло далекаго будущаго“.

Дружба Тургенева съ Бакунинымъ выдержала серьезное испытаніе, когда Бакунинъ находился уже въ Шлиссельбургской крѣпости, причемъ Тургеневъ высказалъ

[1]) Напечатаны въ извлеченіи въ „Рус. Стар.“ 1884 г.

не малое гражданское мужество, а именно онъ „осмѣлился просить облегченія участи Бакунина и снабжалъ его книгами, несмотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у императора Николая I“ [1]).

Прибавимъ кстати, что даже впослѣдствіи, поссорившись съ Бакунинымъ, Тургеневъ „помогалъ ему, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналъ объ этомъ“ [2]).

Бакунинъ послужилъ, какъ извѣстно, Тургеневу для созданія типа Рудина. Помимо указаній на это нѣмецкаго писателя Шмидта [3]), недавно напечатано письмо С. Т. Аксакова къ Тургеневу, устанавливающее этотъ фактъ [4]).

„Рудинъ,—писалъ С. Т. Аксаковъ,—похожъ очень на общаго нашего знакомаго, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворителенъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неуясненности, характеръ Рудина не широко развитъ; но, тѣмъ не менѣе, повѣсть имѣетъ большое достоинство, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ, вы бы изобразили Рудина совершеннымъ *героемъ*. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно кой-чего еще бы прибавить. *А замѣчательное лицо—нашъ знакомый*!“

Тургеневъ съ своей обычной добротой откликнулся на призывъ Герцена помочь Бакунину, какъ читатели убѣдятся изъ ниже приводимаго письма Тургенева (датированнаго 25 января 1862 г.):

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Братъ Бакунина тебѣ, вѣроятно, сообщалъ, что онъ нашелъ меня больнымъ; и я до сихъ поръ поправиться не могу и не рѣшаюсь выходить на улицу. Это опять отложило время моей поѣздки въ Лондонъ, которая рѣшительно начинаетъ принимать какой-то миѳическій оттѣнокъ,—но я не теряю надежды.

„О твоемъ сынѣ уже пошелъ запросъ къ Головнину [5]), черезъ князя Орлова [6]). По словамъ сего послѣд-

---

[1]) См. „Рус. Ст.“ 1884. Май.
[2]) Ibid., стр. 396.
[3]) См. „Иностранная критика о Тургеневѣ“, стр. 24.
[4]) „Русское Обозрѣніе“ 1894, декаб., стр. 587.
[5]) А. В. Головнинъ былъ тогда назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣсто адмирала Путятина.
[6]) Тогдашній русскій посолъ въ Парижѣ.

няго, онъ не предвидитъ препятствій къ исполненію его желанія [1]).

„Доставленіе постоянной суммы М (ихаилу) А (лександровичу) [2]) затруднительнѣе. С(азоновъ)давно уѣхалъ въ Египетъ, да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ гроша, если нельзя протрубить о немъ во всеуслышаніе. Боткинъ [3]) будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва-ли согласится на что-нибудь постоянное. Впрочемъ, я еще съ нимъ потолкую. Объ остальныхъ здѣшнихъ русскихъ и говорить нечего. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что касается до меня, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 франковъ впредь на неопредѣленное время и первые 500 франковъ (считая съ 1-го января) отправляю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ, 1/4 часть желаемой суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной.

„Дошли до меня слухи объ оваціяхъ, дѣлаемыхъ твоему сыну русской молодежью въ Гейдельбергѣ и въ Карлсруэ. C'est un signe des temps!

„Первыя извѣстія о Головнинѣ довольно хороши; что будетъ дальше? Читалъ ты статью: „La Russie sous Alexandre II“ въ Revue des deux mondes? [4]).

„Кланяйся всѣмъ лондонскимъ друзьямъ, а я жму тебѣ руку и говорю—до свиданія,—что бы тамъ ни было.

Ив. Тургеневъ“.

Rue de Rivoli, 210.

Пріѣздъ Бакунина, его участіе въ польскомъ возстаніи и отношеніе „Колокола“ къ польскому вопросу представляютъ настолько важный историко-литературный эпизодъ, что мы должны остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ, подъ вліяніемъ Бакунина, всецѣло овладѣвшаго слабохарактернымъ Огаревымъ, отношенія между Герценомъ и Тургеневымъ начинаютъ портиться, хотя Тургеневъ, отзываясь неособенно уважительно объ Огаревѣ и Бакунинѣ, продолжаетъ съ большой любовью относиться къ самому

---

[1]) Сынъ А. И. Герцена, А. А. Герценъ хлопоталъ тогда о разрѣшеніи ему возвратиться въ Россію, откуда онъ былъ вывезенъ ребенкомъ.

[2]) Бакунину.

[3]) В. П. Боткинъ, членъ кружка Станкевича, авторъ „Писемъ объ Испаніи“.

[4]) Во 2-й январской книжкѣ „Revue des deux mondes“ за 1862 г. была помѣщена статья Шарля де Мазада „La Russie sous le regne d'Alexandre II“.

Герцену. Въ русской литературѣ сдѣлалось избитымъ мѣстомъ выраженіе, что „Колоколъ" потерялъ свое вліяніе вслѣдствіе его отношенія къ польскому вопросу, но каково было это отношеніе, въ чемъ заключалась ошибка Герцена, подъ чьимъ вліяніемъ произошла перемѣна въ направленіи „Колокола", остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. О Бакунинѣ и его вредномъ вліяніи на „Колоколъ" Тургеневъ, какъ увидятъ читатели далѣе, неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ къ Герцену, поэтому мы и считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ эпизодѣ, пользуясь преимущественно любопытными воспоминаніями г-жи Огаревой-Тучковой, напечатанными въ „Русской Старинѣ" за 1894 г., и замѣчательными воспоминаніями о Бакунинѣ самого Герцена, написанными съ большой теплотой и, тѣмъ не менѣе, безпристрастно описывающими слабыя стороны агитатора.

Кузина Герцена, Т. Пассекъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Бакунина и его вліяніе на Герцена:

„Личность Бакунина, — говоритъ Пассекъ, — была странна и замѣчательна: умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкой философіей, онъ иногда былъ малодушенъ, какъ ребенокъ, которому хочется какого-нибудь дѣла: если печатать—то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ, ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти—идти на проломъ. Бакунинъ часто вредно вліялъ на Герцена, обыкновенно черезъ Огарева. Онъ настаивалъ на своей программѣ, а эта программа скоро запугала всѣхъ и прямо противорѣчила тому, что раньше говорилось въ „Колоколѣ".

Герценъ не сразу сдался и сначала упорно боролся съ Бакунинымъ, какъ можно заключить изъ разсказа г-жи Тучковой-Огаревой [2]).

„Еще до освобожденія крестьянъ,—говоритъ она,— пріѣзжали въ Лондонъ три члена ржонда. Они пріѣзжали затѣмъ, чтобы заручиться помощью Герцена. Увидавъ ихъ, Бакунинъ началъ было говорить о тысячахъ, которыхъ Герценъ и онъ могутъ направить, куда хотятъ. Но, слушая Бакунина, они вопросительно смотрѣли на Герцена, и тотъ сказалъ откровенно, что не располагаетъ никакой матеріальной силой въ Россіи, но что онъ имѣетъ

---

[1]) Т. Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ". т. III.
[2]) „Рус. Старина". 1894, кн. XI.

вліяніе на нѣкоторое меньшинство своимъ словомъ и искренностью. Сначала Герценъ убѣждалъ этихъ господъ оставить всѣ замыслы возстанія, говоря, что не будетъ пользы: Россія-де сильна, Польшѣ съ ней не тягаться. Россія идетъ путемъ постепеннаго прогресса, пользуйтесь тѣмъ, что она выработаетъ. Ваше возстаніе ни къ чему не приведетъ, только замедлитъ или даже повернетъ вспять ходъ развитія Россіи, а стало быть и вашего. Передайте ржонду мои слова. Въ чемъ же можетъ состоять сближеніе между нами?—продолжалъ Герценъ.— Жалѣя Польшу, мы не можемъ сочувствовать ея аристократическому направленію: освободите крестьянъ съ землею, и у насъ будетъ почва для сближенія. Но посланные ржонда молчали или уклончиво говорили, что освобожденіе крестьянъ еще не подготовлено въ Польшѣ, Тогда Герценъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ не только русскіе не будутъ имъ сочувствовать, но что и польскіе крестьяне поймутъ, что имъ не за что подвергаться опасности и примкнутъ, въ концѣ концовъ, къ русскому .правительству, что позже и произошло въ дѣйствительности. Такъ посланники и уѣхали обратно, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній".

Изъ приведеннаго отрывка читатели видятъ, какъ ясно и трезво смотрѣлъ на готовившееся польское возстаніе Герценъ. Что-же заставило его примкнуть къ нему? Отвѣтомъ на это служатъ воспоминанія Герцена о Бакунинѣ и той роли, какую Бакунинъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ.

„Въ концѣ ноября,—говоритъ Герценъ,—мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо:

„*15 Октября 1861 г., С.-Франциско.* Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ С.-Франциско.

„Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло, буду у васъ служить по *польско-славянскому* вопросу, который былъ моей idée съ 1846 г. и моей *практической спеціальностью* въ 48 и 49 гг.

„Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ. это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ.

О намѣреніи Бакунина уѣхать изъ Сибири мы знали

нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина въ нашихъ объятіяхъ“.

Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взошелъ *новый* элементъ, и то, пожалуй, элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 г. Бакунинъ былъ тотъ-же, онъ состарѣлся только дѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ одной идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впередъ остается не такъ много и что слѣдственно надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 г. во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи „Reforme“ и „Vraie Rêpublique“ [1]), рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо.

Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ: они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія“.

Европейская реакція не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ *прочелъ* въ Сибири такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи Римской имперіи. Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 г. были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Коссидьеромъ, рѣчи славянъ на Пражскомъ съѣздѣ, споръ съ Араго или Руге; все это было для Бакунина *вчера*, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

[1]) Радикальные французскіе журналы конца 40-хъ годовъ.

Впрочемъ, оно и не мудрено.

Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29 ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 года, Бакунинъ въ это время уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрскими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгретцъ не положилъ пушками предѣлъ краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи не подстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги [1]), Бакунинъ является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ; совѣтуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“.

Послѣ взятія Дрездена начался длинный мартирологъ. Напомню здѣсь главныя черты. Бакунинъ былъ приговоренъ къ эшафоту. Король Саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ Бакунина въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что-нибудь о славянскихъ замыслахъ. Бакунина посадили въ Грачинъ и, ничего не добившись, отослали въ Ольмюцъ.

Въ Россіи Бакунинъ былъ посаженъ въ крѣпость.

---

[1]) О Пражскомъ сеймѣ см. статью Ровинскаго „Чехи въ 1848 и 1849 гг.“ („Вѣст. Евр.“ 1870, № 1—2).

Въ 1854 г. Бакунина перевели въ Шлиссельбургъ, а въ 1857 г. онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь [1]).

„Въ Иркутскѣ, говоритъ Герценъ,—Бакунинъ очутился на волѣ послѣ девятилѣтняго заключенія. Начальникомъ края былъ тамъ, на его счастье, оригинальный человѣкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михаила Бакунина и Михаила Муравьева, самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Бакунину вздохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву Бакунинъ въ головѣ назначалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

Бѣгство Бакунина замѣчательно пространствомъ; это самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ. Пробравшись на Амуръ подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ Японскому берегу. Въ Гоко-Дади другой американскій капитанъ взялся его довезти до Санъ-Франциско. Бакунинъ отправился къ нему на корабль и засталъ моряка, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Бакунина. Бакунинъ принялъ приглашеніе и, только, когда гость пріѣхалъ, узналъ, что это—генеральный русскій консулъ.

Скрываться было поздно, смѣшно: онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что выпросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится, адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву.

— Вы не съ нашими-ли возвращаетесь? спросилъ Бакунина консулъ.

— Я только что пріѣхалъ, отвѣчалъ Бакунинъ,— и хочу еще посмотрѣть край.

Вмѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше не было.

Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т. е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дѣло.

[1]) Объ этомъ періодѣ жизни Бакунина см. „Воспоминанія г-жи Тучковой-Огаревой“ („Рус. Стар.“ 1894, XI, 20) и записки графа Фицтума—фонъ-Экштадта, помѣщенныя въ извлеченіи въ „Рус. Ст.“ 1887 г. (V, 394).

къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія.

Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны.

Говорятъ, будто И. Тургеневъ хотѣлъ нарисовать портретъ Бакунина. Но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Бакунина. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ Тургенева—наслушавшійся философскаго жаргона молодой Бакунинъ.

Въ Лондонѣ онъ говорилъ въ 1862 году противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 году противъ Бѣлинскаго. Бакунинъ находилъ насъ *умѣренными*, неумѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Напёрсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшкѣ Іоанновичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ *еско* на концѣ; наконецъ, былъ болгаринъ, лѣкарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: Бонопартовской, Мѣрославской, Чарторыжской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ.

Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовывалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлую Криницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого-нибудь отсталаго далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ

перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ-же. Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ и онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, со всклокоченной гривой.

Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ-же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ-же бездомный Bohemien съ Rue de Bourgogne, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на-право и на-лѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть бродягой, бездомникомъ. Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его личность, его эксцентрическое появленіе, вездѣ, въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальствованіе въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача его въ Россію,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его куда хотите, только въ *крайній край*: анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клотца, другомъ Гракха Бабефа.

Уѣхавъ въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не сдалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

„Когда въ спорѣ, Бакунинъ, увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Бакунину про-

щали, и я первый. Мартьяновъ [1]), бываоло, гваривалъ:

— Это, Александръ Ивановичъ, большая Лиза, какъ же на неё сердиться: дитя!

„Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой [2]). Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи *родины*, т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія.

Долго послѣ отъѣзда Бакунина изъ Лондона, въ № 10 Paddintgon Green разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили Бакунина.

Затѣмъ Герценъ даетъ нѣсколько сценокъ изъ жизни Бакунина въ Лондонѣ.

Вчера,—говоритъ Бакунину одинъ изъ его друзей,— пріѣхалъ N. N. изъ Россіи: прекраснѣйшій человѣкъ, бывшій офицеръ.

— Я слышалъ объ немъ, его очень хвалили.

— Можно его привести?

— Непремѣнно, да что привести,—гдѣ онъ? Сейчасъ.

— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

— Можетъ быть, но...

---

[1]) Мартьяновъ, эмигрантъ, вольноотпущенный крестьянинъ графа Гурьева, жилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, гдѣ онъ напечаталъ брошюру „Народъ и Государство". Въ 1863 г. Мартьяновъ возвратился въ Россію, былъ подвергнутъ суду и рѣшеніемъ Сената осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ и затѣмъ на пожизненное поселеніе въ Сибири, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

[2]) Бакунинъ, женился въ Томскѣ, въ 1859 г., на дочери поляка ссыльнаго Ксаверія Васильевича Квятковскаго, Антонинѣ Васильевнѣ. Свою жену Бакунинъ въ одномъ изъ писемъ къ Герцену характеризуетъ такъ: „Она—полька, но не католичка, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она—славянская патріотка". (Письмо изъ Иркутска, отъ 8 декабря 1860 г.).

— Но я знаю, рыцарски отважный и благородный человѣкъ.

— И вѣрный?

— Его очень уважаютъ.

— Идёмъ!

— Куда-же? Вѣдь онъ хотѣлъ къ вамъ прійти, мы такъ сговорились, я его приведу.

Бакунинъ бросается писать; пишетъ, перемарываетъ кой-что, переписываетъ и печатаетъ пакетъ, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ № 10 Paddington Green ходитъ ходенемъ съ нимъ вмѣстѣ.

Является офицеръ скромно и тихо. Бакунинъ le mes á l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ и вдругъ спрашиваетъ:

— Вы, навѣрно, не откажетесь сдѣлать что-нибудь для общаго дѣла?

— Безъ сомнѣнія..

— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

— Ничего; я только что пріѣхалъ: я...

— Можете вы ѣхать завтра, послѣ-завтра, съ этимъ письмомъ въ Яссы?

Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ:

— О, да!

— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

— Да я хоть сейчасъ, только... (офицеръ конфузится)... я никакъ не разсчитывалъ на эту поѣздку...

— Что? Денегъ нѣтъ? Ну, такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего-всего какіе-нибудь двадцать фунтовъ стерлинговъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Бакунина на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадныя конфекты, чтобъ чѣмъ-нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю: „скажите высокому джентльмену, что я лично съ нимъ переговорю“.—Дѣйствительно, переписка оказывается излишней. Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Бакунинъ.

— Зачѣмъ двадцать фунтовъ для N. N.?

— Не для чего, а для *дѣла*. А что, братъ, N. N. прекраснѣйшій человѣкъ.

— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

— Это такой случай, пропустить его грѣшно; я его посылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

— Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

— Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь!

— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ?

— Ты почемъ знаешь?

— Я знаю потому, во-первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ; а во-вторыхъ, еслибъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность; ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахію. Ну, скажи-ка, зачѣмъ?

— Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

— Это правда, я даже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ. Ну, а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.

— Вѣдь онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ. Полно, полно. Письмо пошлешь съ какимъ-нибудь Петреско-Манонъ-Леско, а теперь пойдемъ ѣсть.

И Бакунинъ, самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: „Теперь настала счастливая минута",—и закуривалъ папироску.

Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

Бакунинъ вставалъ поздно; нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай.

Разъ, часу въ одиннадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

— Кто тамъ? кричитъ Бакунинъ, просыпаясь.

— Русскій.

— Ваша фамилія?

— Такой-то.

— Очень радъ.

— Что вы это такъ поздно встаете, а еще демократъ!

... Молчаніе... Слышенъ плескъ воды... каскады...

— Михаилъ Александровичъ!

— Что?

— Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

— Да.

— Нехорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности. Вотъ и Т(ургеневъ) свою дочь прочитъ замужъ. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ.

— Что вы за вздоръ несёте!

— Да вы, скажите, по любви женились?

— Вамъ что за дѣло?

— У насъ былъ слухъ, что вы женились оттого, что невѣста ваша богата.

(Бакунинъ ничего не взялъ за невѣстой).

— Что вы это допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту!

— Ну, вотъ вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души... Прощайте. А я все-таки зайду.

— Хорошо, хорошо. Только будьте умнѣе.

Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня.

„Бакунинъ помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ.

Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой—готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта неспѣтость, dieses Zoegernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки, невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи â contre coner; вся отрицательная сторона была у меня передъ глазами.

Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ; я увлекался, но это не составляетъ главнаго. Отдаваясь по удобовпе-

чатлительности, я тотчасъ останавливался; мысль, рефлексія и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не на практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему я давалъ себя вести nolens-volens...

Причиной быстрой сговорчивости былъ *ложный стыдъ*, а и иногда и лучшія *побужденія любви, дружбы, снисхожденія;* но почему же это все побѣждало логику?

Послѣ похоронъ Ворцеля [1]), 5 февраля 1857 г., когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за свой письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю вмѣстѣ съ Ворцелемъ, не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ польской эмиграціей?

Кроткая личность старика Ворцеля, являвшаяся примиряющимъ началомъ при безпрерывно возникавшихъ недоразумѣніяхъ, исчезла, а *недоразумѣнія остались*. Частно, лично, мы могли любить того-другого изъ поляковъ, быть съ ними близкими; но вообще одинаковаго пониманія между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянутыми, добросовѣстно *неоткровенными;* мы дѣлали другъ другу уступки, т. е. ослабляли сами себя, уменьшали другъ въ другѣ чуть ли не лучшія силы. Договориться до одинаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ. Идеалъ поляковъ былъ *за ними*, они шли къ своему прошедшему и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна *мощей*, а у насъ—пустыя колыбели. Они ищутъ воскресенія мертвыхъ...

Формы нашего мышленія, упованія—не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то mèsallianc'омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу. Что они могли въ насъ любить? Что уважать? Они *переламывали себя*, сближаясь съ нами; они дѣлали для нѣсколькихъ русскихъ почетное исключеніе.

Во время Николаевскаго царствованія мы болѣе сочувствовали другъ другу, чѣмъ знали другъ друга. Но, когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ и что мы разой-

---

1) Графъ Станиславъ Ворцель, эмигрантъ по возстанію 1830 года, близкій другъ Мадзини и Герцена, который посвятилъ ему очень теплый некрологъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1858 г.

демся по разнымъ. Послѣ Крымской кампаніи *мы* радостно вздохнули, а ихъ наша радость *оскорбила:* новый воздухъ въ Россіи имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У нась новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ, готовые все ломать, а у нихъ—съ панихидъ и упокойныхъ молитвъ.

Далѣе Герценъ разсказываетъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о польскомъ возстаніи имъ былъ написанъ рядъ статей по польскому вопросу, глубоко тронувшихъ поляковъ.

Старикъ Адамъ Чарторыжскій,—говоритъ Герценъ,—съ смертнаго одра прислалъ мнѣ съ сыномъ теплое слово; въ Парижѣ депутація поляковъ поднесла мнѣ адресъ, подписанный четырьмя-стами польскихъ эмигрантовъ, къ которому присылались подписи отовсюду,—даже отъ польскихъ выходцевъ, жившихъ въ Алжирѣ и въ Америкѣ. Казалось, во многомъ мы были близки, но шагъ *глубже*—и *рознь*, *рѣзкая рознь* бросалась въ глаза.

...Разъ у меня сидѣли: Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ поляковъ; всѣ они были проѣздомъ въ Лондонѣ и заѣхали пожать мнѣ руку за статьи. Зашла рѣчь о покушеніи на жизнь великаго князя Константина Николаевича.

— Выстрѣлъ этотъ,—сказалъ я,—страшно повредитъ вамъ. Можетъ быть, вамъ бы и уступили *кое-что*; теперь-же ничего не уступятъ.

— *Да мы только этого и хотимъ!*—замѣтилъ съ жаромъ Ш. Е.—Для насъ нѣтъ хуже несчастья, какъ уступки... Мы хотимъ *разрыва*, открытой борьбы!

— Желаю отъ души, чтобы вы не раскаялись.

Ш. Е. иронически улыбнулся, и никто не прибавилъ ни слова. Это было лѣтомъ 1861 г., а черезъ полтора года говорилъ то же Падлевскій, отправляясь черезъ Петербургъ въ Польшу.

Кости были брошены!

Бакунинъ не слишкомъ останавливался на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ.

Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Бакунинъ, особенно озабоченный и нѣсколько торжественный.

— Варшавскій центральный комитетъ,—сказалъ онъ,—прислалъ двухъ членовъ, чтобы переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это—Падлевскій; другой—Г (иллеръ?). Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ,

а завтра соберемся у меня. *Надобно окончательно опредѣлить наши отношенія.*

Тогда набиралось мое „Письмо русскимъ офицерамъ въ Польшѣ".

— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все-ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ *мало.*

Вечеромъ Бакунинъ пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Бакунинъ сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими, чтобы ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей *игры защиты*, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

Я видѣлъ по лицамъ, что Бакунинъ угадалъ и что чтеніе не то, чтобъ особенно понравилось.

На другой день утромъ Бакунинъ уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности *мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.*

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще.

— Есть таки кое-что.

— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! Ты вовсе не практическій человѣкъ.

— Это уже прежде тебя говорили.

Бакунинъ махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія онъ торопился сгладить *какъ-нибудь* затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а—бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,— повторялъ мнѣ съ досадой Бакунинъ, когда мы потомъ толковали у него съ представителями ржонда,—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальныя статьи, не литература.

— Съ моей стороны, замѣтилъ Г (иллеръ),—я *изъза словъ* спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— Браво, Г.!—радостно воскликнулъ Бакунинъ.

Ну этотъ,—*подумалъ я*,—*пріѣхалъ подкованный и полѣтнему и на шипы*, *онъ ничего не* уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

Г(иллеръ) и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было *не въ словахъ* и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились".

Я сказалъ имъ это,—продолжаетъ Герценъ,—говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобы удивиться моимъ словамъ, но Г (иллеръ) призадумался.

— Вы думали, сказалъ я ему, улыбаясь,—что мы сильнѣе?

„— Да, любезный другъ, однако же, началъ Бакунинъ, ходившій въ волненіи по комнатѣ...

„— Что же, развѣ *есть*? спросилъ я его и остановился.

„— Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю сторону, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь...

„Бакунинъ собирался въ Стокгольмъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Бакунинымъ. Въ то-же время, какъ Потебня, пріѣхалъ черезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ тайнаго общества „Земля и Воля". Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ, о раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это—предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но боялся явно выступить противъ своихъ.

Уполномоченный „Земли и Воли" былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться *агентами* общества. Я отклонилъ это, къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое, французское названіе.

Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары конвента 1793 года трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

„— А много васъ? спросилъ я.

„— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и *тысячи три* въ провинціяхъ.

„— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева.

„Онъ промолчалъ.

„— Ты вѣришь? спросилъ я Бакунина.

„— Конечно, *онъ* прибавилъ: ну, *нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ*! и онъ расхохотался.

„— Это другое дѣло.

За нѣсколько дней до отъѣзда Бакунина пришелъ Мартьяновъ блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался идти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ:

— Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, такъ ли, иначе ли, а „Колоколъ"-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ, и правы, но ихъ дѣло шляхетное, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать...

— Ни вы не поѣдете въ Россію, ни „Колоколъ" не погибъ, отвѣтилъ я ему.

Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то *ошибочное* сдѣлано...

Къ концу 1863 года расходъ „Колокола" съ 2500—2000 экземпляровъ сошелъ на 500 и ни разу не поднимался выше 1000 экземпляровъ.

Вышеприведенный отрывокъ наглядно рисуетъ, какую громадную непоправимую ошибку сдѣлалъ Бакунинъ, увлекши за собой Герцена и Огарева [1]). И поляки и вся масса русскихъ поняли присоединеніе Бакунина и „Колокола" къ возстанію, имѣвшему цѣлью не автономію *этнографической Польши*, а возстановленіе *исторической Польши* въ границахъ 1772 г. (т. е. со включеніемъ

[1]) Характерно для Бакунина, что еще въ 1860 г. (отъ 8 декабря, изъ Иркутска) онъ писалъ Герцену: „Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками,—пропагандою, впрочемъ довольно успѣшной: мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской

областей, населенныхъ вовсе не поляками), какъ признаніе русскими радикалами этой странной претензіи и это было главной причиной паденія популярности какъ „Колокола“, такъ и самого Герцена. Одинъ изъ современниковъ польскаго возстанія, жившій въ Кіевѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ Малороссіи возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, въ чисто польской области, пользовалось сочувствіемъ образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились около Кіева и въ Могилевской губерніи. Результатомъ такого расширенія поля возстанія было проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи

жизни, а потому и въ необходимости *примиренія съ Россіей*“. Какъ читатели видѣли, несмотря на это, Бакунинъ всецѣло примкнулъ къ польскому возстанію. Это тѣмъ болѣе кажется удивительнымъ, что онъ очень ярко характеризовалъ участь и нетерпимость польскаго патріотизма въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 7 ноября 1860, изъ Иркутска): „Должно вамъ сказать,—пишетъ Бакунинъ Герцену и Огареву,—что именно въ нерчинскихъ заводахъ, несмотря на то, что туда было сослано наиболѣе умныхъ, талантливыхъ, замѣчательныхъ и по характеру и по сердцу поляковъ, а, можетъ быть, именно и потому,—польско-католическій фанатизмъ дошелъ до своего крайняго развитія. Основателемъ нерчинскаго польскаго круга былъ полякъ Эренбергъ. Онъ придалъ всему направленію вмѣстѣ съ нимъ и потомъ сосланныхъ соотечественниковъ, тотъ мечтательно-экзальтированный, мистически-патріотическій характеръ, который въ началѣ своемъ былъ гораздо шире и богаче содержаніемъ, впослѣдствіи же сократился и стѣснился въ безвыходно-узкій, польскій, фанатическій патріотизмъ. Какъ старовѣры или евреи, которые убѣждены, что они не оттого гибнуть, что они остаются евреями, а что они еще слишкомъ мало евреи, такъ и они увѣрили себя, что не католицизмъ и не польская исключительность, а недостатокъ католичества и національной исключительности погубили ихъ... Поляки, итальянцы, венгерцы, всѣ угнетенные славянскіе народы очень естественно и съ полнымъ правомъ выставляютъ впередъ принципъ національности—и, можетъ быть, по той же самой причинѣ мы, русскіе, такъ мало и хлопочемъ о своей національности и такъ охотно забываемъ ее въ высшихъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе, это право есть вмѣстѣ и болѣзнь, *вредная, опасная болѣзнь*. Заговорите съ полякомъ о Göthe, онъ сейчасъ скажетъ вамъ: „а у насъ-то каковъ поэтъ Мицкевичъ!“ О Гегелѣ—они запоютъ вамъ о великомъ польскомъ философѣ Трентковскомъ, о великомъ философѣ экономистѣ Четховскомъ; ихъ губитъ болѣзненное народное тщеславіе. Вмѣсто того, чтобы идти впередъ, они *смотрятъ назадъ*, гдѣ кромѣ смерти, ничего не найдутъ; вмѣсто того, чтобы возобновить свою національную жизнь въ общеніи съ міровой жизнью, они отдѣляются отъ нея, какъ жиды, и хвастаются какимъ-то мессіоническимъ призваніемъ. Это жидовство ихъ погубитъ, если мы, славяне, и прежде всего мы, русскіе, не вырвемъ ихъ изъ болѣзненнаго самосозерцанія. Хотятъ они или не хотятъ, мы должны для нашего обоюднаго спасенія *помириться, побратоваться*“.

Но всѣ эти тонкія критическія замѣчанія, обличающія крупную наблюдательность, всѣ эти программы Бакунина разсѣялись въ прахъ въ вихрѣ польскаго возстанія, куда онъ былъ втянутъ не сочувствіемъ къ идеямъ возстанія, а самымъ фактомъ возстанія, отвѣчавшаго его революціоннымъ инстинктамъ, которые управляли имъ, часто вопреки собственнымъ выводамъ и наблюденіямъ.

полякамъ, которая приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи. Какъ отозвалось польское возстаніе на дѣлѣ „великихъ реформъ", извѣстно всѣмъ, изучавшимъ исторію 60-хъ годовъ.

Пагубное вліяніе Бакунина отразилось не только въ дѣлѣ польскаго вопроса, но и въ другихъ отношеніяхъ. Теорія Щапова о расколѣ, какъ политическомъ протестѣ народа, нашла сочувствіе у Огарева, который началъ издавать при „Колоколѣ" спеціальный журналъ для вовлеченія раскольниковъ въ революціонное движеніе, носившій названіе „Общее Вѣче". Огареву содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи эмигрантъ Кельсіевъ, увлекавшійся идеей о возможности раскольничьей революціи. Огареву и Кельсіеву, религіозныя убѣжденія которыхъ не имѣли ничего общаго съ расколомъ, приходилось для „практическихъ цѣлей" и въ журналѣ и въ личныхъ сношеніяхъ съ раскольниками надѣвать на себя личину раскольниковъ. Пріѣздъ Бакунина подлилъ масла въ огонь. Бакунинъ, руководясь принципомъ „цѣль оправдываетъ средства", вполнѣ сочувствовалъ и поддерживалъ тактику Огарева. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, бывшаго въ Лондонѣ съ цѣлью установленія сношеній съ кружкомъ „Колокола", имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о роли Бакунина въ этомъ дѣлѣ [1]).

„Пафнутій,—говорится въ воспоминаніяхъ,—разсказалъ на пріемѣ у Герцена, какъ старообрядческій инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на Пражскомъ славянскомъ сеймѣ (1848) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенной новостью для Герцена. Не дальше, какъ на слѣдующій день послѣ свиданія Пафнутія съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали, между прочимъ, объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 января, въ Крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи",—тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый

---

[1]) Разсказы Пафнутія вошли, какъ матеріалы, въ статью „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій". („Русскій Вѣстникъ" 1866—67 гг.).

Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ-будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ Герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ Бакунинъ составилъ для „Колокола" статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ отца Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень не маловажной въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ примѣчаніемъ, что на Пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока. При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, — такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, — помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло!"

„Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія и вообще не мало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи, такъ какъ Кельсіевъ понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что, по крайней мѣрѣ, нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность".

„Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь, курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: „Ну, значитъ, благословилъ!“ Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси“.

Чѣмъ же окончились эти недостойныя заискиванія предъ невѣжественнымъ раскольникомъ? Пафнутій пріѣзжалъ въ Лондонъ съ довольно широкими планами устройства въ Англіи старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, группировавшихся возлѣ „Колокола“. Но личное столкновеніе съ ними произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи, когда Кельсіевъ тайкомъ пріѣхалъ въ Москву, уклонился даже отъ свиданія съ нимъ. Въ довершеніе скандала старообрядческій бѣлокриницкій епископъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтывалъ своимъ единовѣрцамъ „показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ Царемъ и отъ врагъ Его удалятися и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, *тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ*, *гнѣздящихся въ Лондонѣ*“... [1]).

Дальше читатели изъ писемъ Тургенева убѣдятся, какъ „Колоколъ“ подъ вліяніемъ Бакунина и Огарева все больше и больше терялъ живую связь съ Россіей и изъ органа, отражавшаго общественныя нужды, превращался въ личный эмигрантскій органъ, въ каѳедру, съ которой проповѣдывались теоріи, не имѣвшія живого приложенія къ тогдашней русской дѣйствительности.

Какъ относился Тургеневъ къ польскому возстанію? Имѣется любопытный намекъ на это въ его письмѣ къ П. В. Анненкову [2]).

„Извѣстія изъ Польши горестно отразились и здѣсь.—

---

[1]) См. „Партія Герцена и старообрядцы“ („Русскій Вѣстникъ“, 1867, мартъ, 401).

[2]) Подробнѣе о дальнѣйшей дѣятельности и судьбѣ Бакунина, см. воспоминанія Л. Мечникова о немъ („Истор. Вѣстн.“, 1897); воспом. Н. Ге („Сѣверн. Вѣстн.“, 1894); статья Н. Берга о польск. экспедиціи и участіи въ ней Бакунина („Ист. Вѣстн.“, 1881, № 1), а также: „Берегъ“-1880, № 67; „Газета Гатцука“, 1876, № 84 и въ статьѣ Булгакова „Теорія и практика новѣйшаго соціализма“ („Ист. Вѣстн.“, 1884, № 10).

писалъ Тургеневъ,—опять кровь, опять ужасы... Когда же все это прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней? Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши".

Какъ извѣстно, подавленіе возстанія сопровождалось аграрными мѣрами Н. А. Милютина, вызвавшими нареканія и въ европейской и въ польской печати. Тургеневъ относился съ большой симпатіей къ Н. А. Милютину и находился въ перепискѣ съ нимъ. Остзейскій товарищъ Тургенева по Берлинскому университету разсказываетъ [1]), что Милютинъ сообщилъ Тургеневу свой планъ политическихъ и аграрныхъ реформъ передъ отъѣздомъ въ Польшу. Въ 1882 г., когда этотъ остзейскій товарищъ выразилъ Тургеневу свое неудовольствіе за „возвеличеніе" Милютина въ статьяхъ Леруа-Болье („L'Empire de Tsars"), Тургеневъ [3]) написалъ ему: „Хотя дѣятельность Милютина въ Польшѣ требуетъ многихъ оговорокъ (впрочемъ, онъ самъ называлъ ее Тамерлановымъ дѣломъ и видѣлъ въ немъ печальную необходимость), тѣмъ не менѣе я никогда не забуду огромныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и далекій отъ того, чтобы видѣть въ Милютинѣ, какъ вы выражаетесь, „одного генія", я привѣтствую въ лицѣ его одного изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей" [4]).

Любопытно, что самъ Герценъ посвятилъ Милютину одну изъ лучшихъ своихъ статей позднѣйшаго періода „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ". Статья эта, въ которой Каразинъ сравнивается съ маркизомъ Позой, имѣетъ слѣдующее характерное посвященіе:

„Вамъ, Н (иколай) А (лексѣевичъ), послѣднему нашему маркизѣ Позѣ, отъ всей души посвящаю этотъ очеркъ".

Но пока гроза польскаго возстанія только надвигалась и отношенія Тургенева къ Бакунину оставались еще дружескими. Онъ продолжалъ заботиться о доставленіи ему средствъ, какъ увидятъ читатели изъ ниже приводимаго письма (датированнаго 11 февраля 1862 г.):

„Милый Александръ Ивановичъ, — писалъ Турге-

---

[1]) См. „Вѣстн. Евр.", 1887, янв., 12.
[2]) См. „Рус. Ст.", 1884, январь, 17.
[3]) См. „Рус. Ст.", 1884, май, 397—398.
[4]) О дѣятельности Н. А. Милютина см. книгу Леруа-Болье „L'homme d'état russe", Paris, 1884; некрологъ его, написанный Кавелинымъ, „Вѣст. Евр.", 1872, № 3; біографич. очеркъ, составленный его сыномъ, „Рус. Ст.", 1880, № 2.

невъ,—отвѣчаю тебѣ съ быстротою молніи и тоже по пунктамъ:

1) „Колоколъ“ нисколько не запрещенъ и продавался еще вчера вечеромъ *повсюду*.

2) Не имѣй никакого дѣла съ „Будущностью“ [1]) и Трюбнару [2]) не совѣтую. Этотъ журналъ не окупался и не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. *Семувѣръ*, какъ пишутъ ci-devant помѣщики подъ своими ci-devant приказами.

3) Не имѣю никакого понятія о Садовскомъ (?), но ты поступишь благоразумно, если не прикоснешься болѣе ни единымъ пальцемъ до всего этого дѣла. Долгоруковъ (между нами) нравственно погибъ и едва ли не подѣломъ; ты сдѣлалъ все, что могъ въ „Колоколѣ“; надо было его поддержать въ силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбѣ. Онъ будетъ къ тебѣ лѣзть въ самую глотку, но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовыхъ тебѣ не изъ чего поддерживать; превратись въ Юпитера, до котораго всѣ эти дрязги не должны доходить [3]).

4) Въ Россіи, точно, кутерьма, но прошу тебя убѣдительно, не трогай пока Головнина. За исключеніемъ двухъ, трехъ вынужденныхъ и то весьма легкихъ уступокъ, все, что онъ дѣлаетъ—хорошо. (Вспомни его разрѣшеніе Кавелину и др. читать публичныя лекціи и т. д,, и т. д.). Я получаю очень хорошія извѣстія о немъ. Не безпокойся; если онъ свихнется, мы тебѣ его „представимъ“, какъ говорятъ мужики, приводя виноватыхъ для сѣченія въ волость.

5) Et tu, Brute! Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу въ „Русскій Вѣстникъ“? Но изъ чего же я разсорился съ „Современникомъ“, воплощеннымъ въ образѣ Некрасова? Въ программахъ своихъ они утверждаютъ, что они мнѣ отказали, яко отсталому; mais tu n'est pas dupe, надѣюсь, этого маневра, и очень хорошо знаешь, что я бросилъ Некрасова, какъ безчестнаго человѣка. Куда жъ мнѣ было дѣться съ своей работой? Въ „Библіотеку“ пойти? Да и конецъ концовъ,

---

[1]) Журналъ, издававшійся въ Парижѣ, редакторомъ котораго былъ одно время кн. П. Долгоруковъ.

[2]) Лондонскій книгопродавецъ, издатель соч. Герцена.

[3]) Тургеневъ, очевидно, имѣетъ въ виду дѣло Долгорукаго съ кн. С. Воронцовымъ, разбиравшееся 1-й разъ въ Парижѣ и 2-й разъ въ Брюсселѣ. Воронцовъ обвинялъ Долгорукаго въ клеветѣ, по поводу изданнаго имъ „Родословія русскихъ дворянскихъ родовъ“. (Подробнѣе см. журналъ „Мин. Юстиціи“, 1862, № 5, а также Любавскаго, „Русскіе уголов. процессы“. 1866 г.).

„Русскій Вѣстникъ“ не такая ужъ дрянь, хотя многое въ немъ мнѣ противно до тошноты [1]).

6) Я бы тебя вызвалъ на дуэль, если бы ты заподозрилъ меня въ дружбѣ съ Ч—ринымъ; но даже въ отношеніи къ москвичамъ ты не правъ. Многіе изъ нихъ имъ гнушаются. Въ Петербургѣ онъ былъ бы невозможенъ... вотъ послѣ этого и брани Петербургъ!

7) Дромадеръ Бакунинъ былъ здѣсь, мямлилъ, скрипѣлъ и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 франковъ [2]).

„Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 франковъ прибавилось пока 200. Надѣюсь, однако, собрать всѣ. Бакунинъ пишетъ мнѣ о 1000 руб. сереб. Я готовъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго, я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ ему, а 1000 р. сереб. съ 500 фр. составитъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва. Надобно соображаться съ средствами, а они едва ли будутъ велики. Боткинъ долго ничего не дастъ и т. д.

„Ну, прощай, милый другъ, или таки до свиданья.

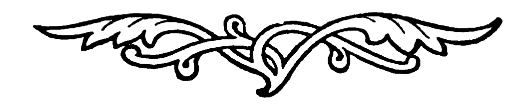
Твой Ив. Тургеневъ...

Вторникъ, 11 февраля, 62.
Парижъ, Rue de Rivoli 210.

Если въ жизни Герцена, какъ читатели видѣли, крупную роль сыгралъ польскій вопросъ, то не меньшее значеніе для Тургенева имѣло появленіе въ печати его романа „Отцы и дѣти“. Этой эпохи и отношенія Герцена къ знаменитому роману мы коснемся въ слѣдующей главѣ.

В. П. Б.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



[1]) Въ мартовской книжкѣ „Русск. Вѣстн.“ долженъ былъ появиться романъ Тургенева „Отцы и дѣти“.

[2]) Дромадеръ—братъ М. А. Бакунина; Мишель—М. А. Бакунинъ.

Намѣстники и генералъ-губернаторы Царства Польскаго.

Въ концѣ минувшаго марта состоялось назначеніе новаго главнаго начальника Царства Польскаго. Оттого считаемъ умѣстнымъ предложить вниманію читателей нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о томъ, по какимъ именно причинамъ учреждена была должность намѣстника Царства Польскаго и впослѣдствіи замѣнена должностью генералъ-губернатора, а равно краткую характеристику лицъ, управлявшихъ краемъ впродолженіе 70 лѣтъ.

I.

По трактату 1815 года Россіи окончательно досталось ,,Царство Польское'', которому она предоставила автономное управленіе съ сеймомъ и намѣстничествомъ, причемъ императоръ Александръ I, цѣня храбраго польскаго генерала Зайончека, тогда же возвелъ его въ княжеское достоинство и назначилъ намѣстникомъ Царства Польскаго. Въ 1816 г. главное предводительство сохранившимся польскимъ войскомъ принялъ на себя, съ самыми широкими полномочіями, русскій великій князь Константинъ Павловичъ (р. въ 1779 г.), а бывшій намѣстникъ Зайончекъ (р. въ 1752 г., ум. въ 1826 г.), какъ вполнѣ преданный Россіи,—безусловно подчинился ему.

Стремясь упрочить расшатанное положеніе Царства, великій князь прилагалъ всѣ усилія къ правильной организаціи польской арміи и къ успокоенію поляковъ миролюбивыми способами, но достигнуть этой цѣли ему не удалось, а напротивъ, уже съ 1817 г. начали формироваться тайныя общества для подготовленія возстанія. На сеймѣ 1820 г. оппозиція отвергла проекты правительственныхъ законовъ, а сеймъ 1825 г. объявилъ почти формальный разрывъ съ правительствомъ. Въ 1828 г.,

по объявленіи Россіею войны Турціи,—надежда поляковъ на возстановленіе Польши почти созрѣла, а французская Іюльская революція, создавшая замѣшательство по всей Европѣ, привела ихъ къ ошибочному заключенію, что наступилъ удобный моментъ, почему въ началѣ октября 1830 г. на улицахъ Варшавы появились прокламаціи, а 17 октября поляки произвели мятежъ, водворившій революціонное правительство. Толпа заговорщиковъ, подъ предводительствомъ Набеляка и Тржасковскаго, напала на Бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ великій князь, но онъ, спасшись отъ нападенія, сталъ во главѣ находившагося тамъ русскаго войска и, избѣгая кровопролитія, отвелъ его на границу Царства, затѣмъ, при послѣдовавшемъ усмиреніи возстанія, командовалъ резервнымъ корпусомъ и, будучи въ Витебскѣ, скончался отъ холеры въ 1831 г.

Отъ холеры же умеръ, 29 мая того же года, бывшій главнокомандующій русскою арміею противъ польской, генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, котораго замѣнилъ, 13 іюня, также генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій. Онъ побѣдилъ польское войско, разбилъ его и взялъ штурмомъ Варшаву, а за заслуги императоръ Николай I наградилъ его титуломъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго и назначилъ первымъ *русскимъ* намѣстникомъ Царства Польскаго.

Когда возмущеніе прекратилось и страсти улеглись, императоръ Николай I, отмѣнивъ польскую конституцію, объявилъ, 14 февраля 1832 г., манифестъ, въ которомъ было изложено, что „манифестомъ отъ 25 января 1831 г., объявляя подданнымъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Царство Польское, мгновенно отторгнутое мятежниками отъ власти законной, возвѣстилъ и о своемъ намѣреніи устроить будущую судьбу края на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей имперіи“. Затѣмъ, когда „силою оружія положенъ конецъ волновавшимъ Царство Польское смятеніямъ и народъ, злоумышленниками къ преступленію вовлеченный, возвращенъ къ долгу и успокоенъ“, то призналъ „за благо привести свое намѣреніе въ дѣйство, дабы, учрежденіемъ постояннаго и твердаго порядка, оградить навсегда отъ новыхъ вредныхъ покушеній спокойствіе и неразрывное соединеніе двухъ народовъ. Царство Польское, побѣдоноснымъ оружіемъ Россіи покоренное, еще въ 1815 г. получило не только возвращеніе своей народной самобытности, но и особенныя права, начертанныя въ хартіи

государственныхъ установленій", но они „не могли удовлетворить закоренѣлыхъ враговъ законнаго порядка и власти, а въ своихъ преступныхъ замыслахъ продолжали мечтать о раздѣленіи народовъ и дерзнули самыя благодѣянія возстановителя ихъ отчизны употребить во зло, обративъ на разрушенія законы, имъ дарованные, и преимущества, коими были обязаны одной державной волѣ. Кровопролитія были слѣдствіемъ сихъ замысловъ, спокойствіе, коими Царство Польское наслаждалось въ высшей, дотолѣ неизвѣстной въ краѣ степени,—исчезло предъ ужасами междоусобной брани и въ повсемѣстномъ опустошеніи. Сіи злосчастія миновались: Царство Польское успокоится и процвѣтетъ среди возстановленной въономъ тишины, подъ сѣнью бдительнаго правленія".

При манифестѣ этомъ объявлено положеніе о порядкѣ управленія Царствомъ Польскимъ, а въ этомъ положеніи помѣщены, между прочимъ, слѣдующія основныя статьи: „І. Царство Польское, присоединенное навсегда къ Державѣ Россійской, есть нераздѣльная оной часть. Оно будетъ имѣть особое, сообразное съ мѣстными потребностями его управленіе, свои, также особенныя уложенія: гражданское и уголовное и всѣ, доселѣ существовавшія въ городахъ и въ сельскихъ обществахъ, дарованныя имъ мѣстныя права и установленія остаются на прежнемъ основаніи и въ прежней силѣ. 22. Главное Управленіе Царства Польскаго поручается дѣйствующему Именемъ Нашимъ Совѣту, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Царства. 23. Совѣтъ Управленія составляется: изъ намѣстника Царства, главныхъ директоровъ, предсѣдательствующихъ въ комиссіяхъ, между коими раздѣляются дѣла управленія, генеральнаго контролера, предсѣдательствующаго въ высшей счетной Палатѣ и другихъ, особыми Нашими повелѣніями назначаемыхъ въ оный членовъ. 26. На основаніи положеній устава, Совѣтъ Управленія избираетъ и представляетъ на усмотрѣніе Наше, чрезъ намѣстника Царства, кандидатовъ на упраздняющіяся мѣста: архіепископовъ, епископовъ, главныхъ директоровъ, государственныхъ совѣтниковъ, членовъ высшаго суда и другихъ, назначаемыхъ Нами по частямъ правительственной и судебной, чиновниковъ. Сіи списки кандидатовъ принимаются въ соображеніе съ другими свѣдѣніями, при опредѣленіи представляемыхъ Намъ Совѣтомъ Управленія, или же иныхъ, достойныхъ Нашей довѣренности подданныхъ Нашихъ, какъ жителей Царства Польскаго, такъ и прочихъ областей Имперіи, на открывающіяся мѣста;

и 27. Въ случаѣ смерти, тяжкой болѣзни, или отсутствія намѣстника Царства, или же иной законной причины, препятствующей ему въ исправленіи должности, оная временно поручается старшему изъ членовъ Совѣта Управленія доколѣ дальнѣйшая Наша о томъ воля не будетъ извѣстна".

Положеніемъ этимъ и руководствовался фельдмаршалъ *Паскевичъ*, какъ намѣстникъ. Онъ родился въ 1782 году; произведенъ изъ пажей въ поручики Преображенскаго полка, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ; съ 1806 г. по 1814 г. участвовалъ въ войнахъ, произведенъ: въ генералъ-маіоры въ 1810 г., въ генералъ-лейтенанты въ 1813 г., назначенъ корпуснымъ командиромъ въ 1821 г., участвовалъ въ судѣ надъ декабристами въ 1826 г., посланъ командовать войсками противъ персіанъ (вмѣстѣ съ А. П. Ермоловымъ), разбилъ ихъ, овладѣлъ Эриванью, за что пожалованъ графскимъ достоинствомъ, съ наименованіемъ Эриванскимъ; замѣнилъ на Кавказѣ Ермолова въ 1827 г., удачно руководилъ войсками противъ турокъ и за это произведенъ въ фельдмаршалы въ 1829 г., вступилъ, по смерти Дибича, главнокомандующимъ войсками въ Польшѣ въ 1831 г., за взятіе Варшавы получилъ, какъ выше сказано, титулъ свѣтлѣйшаго князя варшавскаго и званіе намѣстника Царства Польскаго, и водворивъ порядокъ напряженно поддерживалъ въ немъ русскую власть; отличался энергіею, широкимъ гостепріимствомъ и величественностію, сообразно расположенію къ нему императора Николая I и пережилъ его короткое лишь время: умеръ намѣстникомъ 20 января 1856 г.

Вмѣсто него намѣстникомъ назначенъ былъ также одинъ изъ первыхъ русскихъ военныхъ сановниковъ, генералъ - адъютантъ, генералъ - отъ - артиллеріи князь Михаилъ Дмитріевичъ *Горчаковъ*. Онъ родился въ 1793 г., воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи; въ службу вступилъ въ 1807 г., участвовалъ въ войнахъ 1812—1814 г.г., произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1824 г., отличился въ турецкую войну 1828—1829 г.г., назначенъ начальникомъ артиллеріи, дѣйствовавшей въ Польшѣ въ 1829 г., произведенъ: въ генералъ-лейтенанты въ 1831 г., въ генералы-отъ-артиллеріи въ 1843 г., былъ, въ 1849 г., въ венгерской кампаніи; въ крымскую войну сперва — командовалъ тремя корпусами на Дунаѣ, а потомъ — состоялъ главнокомандующимъ всею арміею и руководилъ обороною Севастополя до 1855 г., назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ

первою арміею 30 января 1856 г., а умеръ въ этихъ званіяхъ 16 мая 1861 г.

II.

Послѣ крымской войны по всей Россіи повѣяло свѣжестью, поэтому и въ Царствѣ началось смягченіе господствовавшей системы управленія. Общихъ дворянскихъ, напр., учрежденій тамъ не имѣлось, отчего коллективно поляки не могли ничего ни обсуждать, ни предпринять даже и по экономической части. Въ 1857 г. дозволено было открыть сельскохозяйственное общество, въ составъ котораго вошло дворянство, а среди него вскорѣ же родилось глухое броженіе, увеличившееся возвратомъ, по амнистіи, изъ Сибири, сосланныхъ туда по возстанію 1831 г.—Въ 1859 г. этому же обществу предоставлено было обсудить предположеніе объ освобожденіи мѣстныхъ крестьянъ, по примѣру внутреннихъ губерній. Отсюда возникли бѣлая — аристократическая и красная—демократическая партіи, принявшіяся враждовать между собою, увлекшіяся политикою и договорившіяся до формальнаго заявленія о присоединеніи къ Царству Западнаго края, а спустя нѣкоторое время въ Варшавѣ произошли публичныя манифестаціи: первая — 10 Іюля 1860 г., при похоронахъ вдовы Сокинскаго, участвовавшаго въ возстаніи 1830 г., вторая—17 ноября того же года, въ годовщину перваго возстанія 1830 г., третья—15 февраля 1861 г., въ годовщину Гроховскаго сраженія, причемъ въ послѣднемъ столкновеніи съ войсками было убито 5 человѣкъ. Князь Горчаковъ не вѣрилъ въ возможность мятежа; между тѣмъ былъ образованъ народовой ржондъ, банды и т. д. Мятежъ вызвалъ крутыя мѣры. Первою изъ этихъ мѣръ было объявленіе, на 3 января 1863 г., рекрутскаго набора, а въ числѣ призывавшихся въ солдаты, были включены отмѣченные въ совершеніи ранѣе уличныхъ манифестацій. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ открытому возстанію 10 января, которое продолжалось 18 мѣсяцевъ. Войска имѣли столкновеній: въ 1863 г.—547, въ 1864 г.—84, итого 631, а въ нихъ потеряли: мятежники — до 30.000, а войска—до 6.000 человѣкъ. Существовалъ долго мятежъ предпочтительно потому, что по непредвидѣннымъ разнымъ причинамъ часто смѣнявшіеся намѣстники принуждены были изучать положеніе края и распоря-

женія предшественниковъ, да и дѣйствовать съ крайнею осторожностью, соотвѣтственно гуманнымъ предначертаніямъ императора Александра II.

По смерти князя Горчакова прожившаго 68 лѣтъ, временно исправлялъ должность намѣстника генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи Николай Онуфріевичъ *Сухозанетъ*. Онъ родился въ 1794 г., получилъ домашнее воспитаніе, въ военную службу вступилъ въ 1811 г., служилъ въ артиллеріи; назначенъ начальникомъ штаба артиллеріи I арміи въ 1824 г., произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1828 г., участвовалъ въ войнахъ 1829—1831 г., назначенъ начальникомъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи въ 1832 г.; произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1840 г., назначенъ начальникомъ артиллеріи въ 1849 г., произведенъ въ генералъ-отъ-артиллеріи въ 1852 г., назначенъ: командиромъ корпуса и южною арміею въ 1855 г., военнымъ министромъ 17 апрѣля 1855 г., исправляющимъ должность намѣстника, съ оставленіемъ военнымъ министромъ, 16 мая 1861 г., уволенъ отъ должностей намѣстника 6 августа, а военнаго министра, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, 9 ноября того же 1861 г., умеръ 29 іюля 1871 г.

Замѣнилъ старика Сухозанета младше его по возрасту на 20 лѣтъ,—генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи графъ Карлъ Карловичъ *Ламбертъ* I. Родился онъ въ 1815 году; воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; проходилъ военную службу въ войскахъ и разныхъ должностяхъ; произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1849 г., назначенъ генералъ-адъютантомъ въ 1855 г., по упраздненіи департамента военныхъ поселеній назначенъ былъ: предсѣдателемъ временнаго комитета объ южныхъ поселеніяхъ въ 1857 г., исправляющимъ должность намѣстника Царства Польскаго, съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи 6 августа 1861 года. Во время усиливавшихся въ Варшавѣ безпорядковъ не ладилъ, по различнымъ распоряженіямъ, съ бывшимъ тамъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Герштенцвейгомъ, и когда послѣдній умеръ, вслѣдъ затѣмъ и Ламбертъ былъ уволенъ отъ должности 21 апрѣля 1862 г., а умеръ за границею въ 1865 г.

Тогда на постъ намѣстника призванъ былъ опять старый, опытный воинъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Александръ Николаевичъ *Лидерсъ*. Онъ родился въ 1790 г., былъ домашняго воспитанія, военную службу проходилъ въ разныхъ войскахъ; отличался въ бояхъ подъ Аустерлицемъ, въ турецкую

войну 1828—1829 г., въ Польшѣ въ 1831 г. и, будучи, съ 1829 г., генералъ-маіоромъ, произведенъ: въ генералъ-лейтенанты—въ 1831 г., въ генералъ-отъ-инфантеріи—въ 1843 г., воевалъ въ 1840-хъ годахъ на Кавказѣ и въ Венгріи; въ крымскую войну сперва командовалъ войсками на Дунаѣ, а въ 1855 г. всею крымскою арміею; съ 1856 по 1861 г. находился въ отпуску; назначенъ исправляющимъ должность намѣстника Царства Польскаго и главнокомандующимъ I арміею 9 октября 1861 г., но во время прогулки по Варшавѣ былъ, 16 іюня 1862 г., тяжело раненъ, отчего покинулъ постъ съ того же дня, и назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта и возведенъ въ графское достоинство; умеръ въ 1874 г.

Въ интересахъ скорѣйшаго и лучшаго умиротворенія края и дарованія ему разныхъ льготъ, должность намѣстника, съ обширными полномочіями, принялъ великій князь *Константинъ Николаевичъ* (родился 9 сентября 1837 г.). Въ день въѣзда его въ Варшаву на его жизнь сдѣлалъ покушеніе Ярошинскій. Однако, онъ не придалъ особаго значенія этому событію, а горячо принялся за примѣненіе выработанныхъ въ Петербургѣ предположеній примирительнаго характера. Съ этою цѣлію во главѣ гражданскаго управленія поставленъ былъ полякъ же маркизъ Вѣлепольскій, но очень многіе, предпочитая революцію мирнымъ либеральнымъ реформамъ,—возненавидѣли его за переходъ на сторону правительства (въ него тоже стрѣляли), и крайняя партія неудержимо стремилась къ революціи, полагая въ ней спасеніе отчизны. Въ то же время реакціонная русская печать считала примирительную политику послабленіемъ полякамъ и рекомендовала силою заставить ихъ подчиниться и ввести для этого самыя суровыя кары. Противоположныя эти идеи, одинаково антипатичныя великому князю, побудили его, по безуспѣшности цѣлесообразныхъ, разумныхъ и мягкихъ мѣръ,—сложить съ себя званіе намѣстника, въ которомъ онъ пробылъ съ 27 мая 1862 г. по 19 октября 1863 года. Затѣмъ онъ состоялъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта съ 1865 по 1881 г., когда удалился отъ всѣхъ должностей и скончался 13 января 1892 года.

Намѣстникомъ былъ назначенъ боевой и умудренный на разныхъ служебныхъ поприщахъ, генералъ-адъютантъ, генералъ - отъ - инфантеріи, графъ Федоръ Федоровичъ *Бергъ*. Онъ родился въ 1793 г., воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, въ службу вступилъ юнкеромъ въ Либавскій пѣхотный полкъ въ 1812 г.,

участвовалъ въ 14 сраженіяхъ; въ 1814 г. былъ уже капитаномъ генеральнаго штаба; въ 1820 г.—переименованъ въ коллежскіе совѣтники и, какъ хорошо знавшій иностранные языки, съ такимъ успѣхомъ служилъ по дипломатической части, что вскорѣ же получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіе камергера; въ 1822 г. имѣлъ порученіе упорядочить положеніе киргизъ-кайсацкой степи, уничтожить разбойничьи шайки, возстановить сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ, собрать свѣдѣнія о пространствѣ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ свиту; 13 августа 1826 года оказалъ особенныя отличія при осадѣ Браилова; подъ его руководствомъ были сдѣланы въ 1828—1830 г.г. съемки части Болгаріи, Румыніи и Балканскихъ горъ и карта, послужившія руководствомъ при военныхъ операціяхъ; въ 1831 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, за что былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ; назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба и произведенъ въ генералы-отъинфантеріи въ 1843 году, въ Венгерской кампаніи состоялъ при австрійскомъ императорѣ 8 мѣсяцевъ 1849 года, въ восточную войну 1853—1856 года сначала командовалъ войсками въ Эстляндіи, а потомъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и командующимъ тамъ войсками; 26 августа 1856 г. возведенъ въ графское достоинство; назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго 19 октября 1863 г., возведенъ въ фельдмаршалы 28 октября 1866 г., пробылъ намѣстникомъ до смерти 8 января 1874 г.

Служа съ молоду въ дипломатическомъ корпусѣ, графъ Бергъ усвоилъ себѣ солидныя познанія по этой части. Въ должности намѣстника онъ искусными и энергичными мѣрами сумѣлъ подавить мятежъ, хотя заговоры противъ него и покушенія на его жизнь были неоднократно. Наконецъ, по водвореніи спокойствія въ обезсиленномъ и разочарованномъ краѣ, онъ провелъ въ его жизнь цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью примирить интересы Россіи и Царства Польскаго и завершившихся тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ существованіи самаго намѣстничества миновала надобность, почему, съ его смертью, оно было упразднено, а взамѣнъ учреждено съ сокращенными правами варшавское генералъ-губернаторство надъ 10 губерніями Царства Польскаго.

III.

По умиротвореніи края въ немъ съ 1864 г. началось, съ устройства крестьянъ, коренное преобразованіе всего строя жизни, причемъ всѣми предметами, за исключеніемъ военнаго, усиленно занимались подъ руководствомъ статсъ-секретаря Н. А. Милютина: на мѣстѣ—учредительный комитетъ, а въ Петербургѣ другой комитетъ и взамѣнъ бывшаго статсъ-секретаріата, собственная Его Императорскаго Величества канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго. Затѣмъ по увольненіи, за болѣзнію, Милютина (умеръ 21 января 1872 г.) названная канцелярія поступила въ 1867 г. въ вѣдѣніе статсъ-секретаря Д. Н. Набокова и дѣятельно продолжала осуществлять предрѣшенныя реформы. Такимъ образомъ, значеніе генералъ-губернаторства естественнымъ порядкомъ приняло новое направленіе, такъ что занимавшимъ этотъ постъ проводить самостоятельно какую-либо внутреннюю политику уже не приходилось, вслѣдствіе отсутствія въ томъ надобности, а надлежало только укрѣплять то, что создавалось силою общей программы.

Впродолженіе мятежа намѣстники напрягали всѣ усилія къ подавленію его; а вдаваться въ критическую оцѣнку послѣдовавшей потомъ дѣятельности генералъ-губернаторовъ, въ особенности послѣднихъ трехъ, конечно, еще рановременно, поэтому ограничимся лишь нижеслѣдующими краткими біографическими о нихъ свѣдѣніями.

Первымъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа былъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Евстафьевичъ *Коцебу*. Онъ родился въ 1801 г., воспитывался въ школѣ колоновожатыхъ въ Москвѣ; въ службу вступилъ въ 1819 г., участвовалъ въ войнахъ 1829—1831 г.; назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса въ 1837 г., произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1838 г.; назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствовавшей арміи въ 1843 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1847 г., назначенъ корпуснымъ командиромъ въ 1855 г., произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи въ 1859 г., назначенъ: новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ 1862 г.; варшавскимъ генералъ-губернаторомъ 11 января 1874 г. и возведенъ въ графское достоинство; уволенъ отъ должности, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, 18 мая 1880 г., умеръ 23 апрѣля 1884 г.

Послѣ Коцебу генералъ-губернаторомъ вступилъ ге-

нералъ - адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Петръ Павловичъ *Альбединскій*, который родился въ 1826 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; въ службу вступилъ въ 1843 г., служилъ въ гвардіи, командовалъ полками; произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1860 г.; назначенъ начальникомъ штаба гвардіи въ 1865 г.; произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1866 г.; назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками: лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ—въ 1866 г., виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ—въ 1874 г.; произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1878 г.; назначенъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками 18 мая 1880 г.; умеръ членомъ государственнаго совѣта 4 іюня 1883 г.

Открывшуюся вакантную должность занялъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Іосифъ Владиміровичъ *Гурко*. Онъ родился въ 1828 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; въ службу вступилъ въ 1848 г., произведенъ: въ генералъ-маіоры въ 1867 г., въ генералъ-лейтенанты въ 1876 г., въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1877 г.; предъ послѣдней турецкою войною командовалъ гвардейскою кавалерійскою дивизіею, а во время войны передовымъ отрядомъ, переходилъ Балканы, выказалъ боевыя способности и одержалъ рядъ крупныхъ побѣды, а по окончаніи войны былъ назначенъ: помощникомъ главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго округа и временнымъ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1879 г., одесскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1882 г., а варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками варшавскаго округа 7 іюля 1883 г., уволенъ, по болѣзни, отъ этихъ должностей, съ производствомъ въ генералъ-фельдмаршалы и съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта 6 декабря 1894 г., умеръ 15 января 1901 г.

За фельдмаршаломъ Гурко постъ принялъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Павелъ Андреевичъ *Шуваловъ*. Онъ родился въ 1830 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, въ службу вступилъ въ 1849 г., служилъ послѣдовательно военнымъ агентомъ во Франціи, директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командиромъ: гвардейскаго стрѣлковаго баталіона и Семеновскаго полка; произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1864 г., былъ потомъ начальникомъ штаба гвардіи и Петербургскаго округа съ 9 сентября 1867 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1873 г., состоялъ: командиромъ гвардейской пѣхотной дивизіи—съ

9 августа 1877 г., корпуснымъ командиромъ—съ 1879 г., назначенъ: полномочнымъ посломъ при германскомъ императорѣ въ 1885 г., произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи въ 1887 г., назначенъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ 13 декабря 1894 г., уволенъ, по болѣзни, 12 декабря 1896 г., съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта.

По оставленіи графомъ Шуваловымъ должности, ее занялъ генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ *Имеретинскій*, который родился въ 1837 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; началъ военную службу въ 1855 г., участвовалъ въ бояхъ на Кавказѣ, при усмиреніи польскаго мятежа въ 1863 г., былъ потомъ начальникомъ штаба Варшавскаго округа; произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1869 г., участвовалъ и отличался въ турецкой войнѣ; произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1877 г., назначенъ: начальникомъ штаба Петербургскаго военнаго округа въ 1879 г., начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія и главнымъ военнымъ прокуроромъ въ 1881 г., произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1891 г., назначенъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ 1 января 1897 г., умеръ 27 ноября 1900 г.

Нынѣ постъ генералъ-губернатора занимаетъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Михаилъ Ивановичъ *Чертковъ*. Онъ родился въ 1829 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; въ службѣ съ 1848 г., командовалъ полкомъ; участвовалъ въ войнахъ 1849, 1854—1856 гг.; произведенъ: въ генералъ-маіоры въ 1860 г., былъ губернаторомъ: воронежскимъ—съ 12 апрѣля 1861 г., волынскимъ—съ 8 января 1864 г., помощникомъ виленскаго, ковенскаго, гродненскаго и минскаго генералъ-губернатора—съ 5 сентября 1867 г., наказнымъ атаманомъ войска Донского — съ 2 марта 1868 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ томъ же 1868 г., назначенъ: кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа съ 13 сентября 1878 г., членомъ государственнаго совѣта съ 13 января 1881 г., произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1883 г., назначенъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ 24 марта 1901 г.

В. Н.

Странички прошлаго.

Вызовъ на поединокъ оберъ-прокурора св. Синода имеретинскимъ царевичемъ Константиномъ.

Въ 1804 году на имя имеретинской царицы Анны, только что переселившейся въ Россію, былъ данъ Высочайшій рескриптъ. Въ немъ императоръ Александръ I, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «...переселеніемъ вашимъ въ Россію возложили вы на насъ пріятное намъ попеченіе о доставленіи вамъ спокойнаго и безнуждпаго житія... старались мы всегда изыскивать способы, кои заботливость наша могла бы употребить на пользу вашу. Въ таковомъ нашемъ къ вамъ благорасположеніи находимъ мы, что мѣсто настоящаго пребыванія вашего, по отдаленности своей, не позволяетъ вамъ, по мѣстнымъ недостаткамъ того края, приличное дать воспитаніе царевичу, сыну вашему, а тѣмъ самымъ подвергаетъ васъ чувствительнѣйшему для родительскаго сердца лишенію. Сіе уваженіе побуждаетъ насъ пригласить васъ отправиться съ сыномъ вашимъ на жительство въ Москву. Тѣ выгоды, которыя столица сія представитъ вамъ для пріятнѣйшаго препровожденія времени, и способы, которые найдетъ тамъ царевичъ къ пріобрѣтенію всѣхъ познаній, ему необходимо нужныхъ по рожденію его, къ чему существующій въ сей древней столицѣ нашей университетъ представитъ довольно средствъ. А потому предлагаемъ мы, на случай согласія вашего на сіе перемѣщеніе, ускорить удвоеніемъ ежегодной пенсіи вашей и опредѣленіемъ сыну вашему равномѣрно по десяти тысячъ рублей на годъ, которое назначеніе и будетъ имѣть мѣсто съ пріѣзда вашего въ Москву»... [1]).

Изъ этого рескрипта видно, что заботливость императора Александра I имѣла побудительнымъ мотивомъ дать сыну царицы Анны Матвѣевны, царевичу Константину, «приличное воспитаніе».

Однако, политическія и военныя обстоятельства того времени

---

[1]) Журналы Комитета министровъ, т. II, стр. 707.

помѣшали царицѣ поселиться въ Москвѣ, и уже въ 1810 году царевичъ Константинъ пріѣзжаетъ въ С.-Петербургъ [1]) и начинаетъ здѣсь хлопотать о производствѣ ему пенсіи, какъ указывалось въ рескриптѣ.

Просьба его объ этомъ въ 1811 году восходила на разсмотрѣніе комитета министровъ. Въ своемъ ходатайствѣ царевичъ объяснялъ, что онъ «весьма нуждается въ содержаніи» и что грузинскіе царевичи уже получаютъ пенсіонъ [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ главнокомандующій въ Грузіи генералъ Тормасовъ обращался къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Козодавлеву, съ такою аттестаціею молодого царевича:

«...Царевичъ Константинъ добровольно явился въ дѣйствовавшій въ Имеретіи отрядъ генералъ-маіора Лисаневича, принялъ присягу на вѣрность и сохранилъ оную во всей непоколебимости; когда же покореніе Имеретіи совершилось, то по первому приглашенію охотно прибылъ въ Тифлисъ и отправился въ С.-Петербургъ, что добрыя свойства сего царевича, безпритворное усердіе и покорность обнадеживаютъ, что онъ пребудетъ твердъ въ преданности Его Императорскому Величеству» [3]).

Козодавлевъ къ этой аттестаціи добавилъ, что царевичъ Константинъ объявилъ ему, что по опредѣленіи ему пенсіона, онъ намѣренъ тотчасъ вступить на военную службу.

Царевичу былъ выданъ пенсіонъ въ размѣрѣ 6000 руб. въ годъ въ виду того, что онъ «находится при царицѣ матери своей, которая пользуется большимъ пенсіономъ, квартирою и экипажемъ». Въ 1812 году царевичъ вступаетъ уже на службу въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ съ чиномъ ротмистра и назначается флигель-адъютантомъ къ государю.

Но еще до поступленія своего на службу, царевичъ въ 1811 году обращается въ синодъ съ просьбою о расторженіи его брака. Въ прошеніи онъ указывалъ, что бракъ его не можетъ считаться дѣйствительнымъ и законнымъ, такъ какъ онъ былъ совершонъ противъ его воли и въ такомъ возрастѣ, когда, по гражданскимъ законамъ Россіи, мужчины и женщины не могутъ вступать въ бракъ. Обвѣнчанный на 14-мъ году жизни, Константинъ просилъ расторгнуть свой бракъ, и просьба эта также разсматривалась въ комитетѣ министровъ [4]).

Приэтомъ было постановлено, что для выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, оберъ-прокуроръ св. синода долженъ былъ истребовать отъ жены царевича Константина необходимыя по дѣлу объясненія, а главнокомандующему въ Грузіи было предложено собрать свѣдѣнія, возможно подробныя, о бракѣ царевича и потомъ предложить ихъ на разсмотрѣніе синода.

Порядокъ судопроизводства того времени, разумѣется, не могъ

---

[1]) 22-го сентября.
[2]) Журналы Комитета министровъ. т. II, стр. 156.
[3]) Журналы Комитета министровъ, т. II, стр. 484.
[4]) Ibid., стр. 304.

отличаться достаточною быстротою, и дѣло о расторженіи брака, начатое въ 1811 году, было окончено черезъ 14 лѣтъ.

Причинъ такой медленной волокиты было множество: помимо самой формы процесса, практиковавшагося въ духовныхъ судахъ, въ дѣлѣ царевича Константина слѣдствіе велось нѣсколькими лицами, въ разныхъ мѣстахъ, крайне отдаленныхъ другъ отъ друга и отъ Петербурга, гдѣ жилъ и находился на службѣ истецъ.

Къ 1824 году царевичъ Константинъ уже успѣлъ дослужиться до чина генералъ-маіора. Но рѣшеніе, постановленное синодомъ, было не въ его пользу, и въ искѣ ему было отказано.

Взволнованный и возмущенный царевичъ единственнымъ виновникомъ такого рѣшенія считалъ оберъ-прокурора синода, князя П. С. Мещерскаго, который на судѣ далъ заключеніе не въ пользу царевича.

По этому поводу онъ пишетъ Мещерскому письмо слѣдующаго содержанія [3]).

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь

Петръ Сергѣевичъ!

Въ самое то время, когда я лишенъ вами всѣхъ средствъ защитить правость моего дѣла, вспомнилъ я, что вы, хотя и христіанинъ, однако же не исполняете или не хотите исполнять долгъ истиннаго христіанина. Ибо Спаситель нашъ не къ тому распространялъ ученіе свое и спасительные законы, чтобы истреблять истину и угнетать правовѣрныхъ однимъ только насиліемъ или недоразумѣніемъ; но для того законы намъ даны, чтобы облегчать участь невиннаго и защищать право безпристрастно.

Судьбѣ угодно было возвесть васъ на степень блюстителя законовъ, а потому—и правосудія въ вышнемъ и священномъ судилищѣ.

Но я, противъ воли моей, долженъ сказать, что вы ни мало не исполняете долгъ, на васъ возложенный, ибо настаиваете въ томъ, чтобы погубить меня безъ всякой вины.

Законы—духовные, свѣтскіе и всѣ существующіе,—налагаютъ на васъ обязанность сохранять ихъ свято и ненарушимо; но вы, презирая истину, попираете оные ногами, упорно защищая незаконныя права жены моей и виновницы всего моего дѣла.

Но изъ какихъ видовъ и почему вы такъ дѣлаете, угадать не могу.

При послѣднемъ нашемъ съ вами свиданіи, вы мнѣ объявили, что три свидѣтеля по дѣлу моему недостаточны. Но на сей разъ я долженъ указать на самое Евангеліе, гдѣ именно сказано, что, если тебя не послушаютъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, чтобы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердить всякое дѣло.

Изъ чего ваше сіятельство взяли, что представленныхъ мною трехъ свидѣтелей не можетъ быть достаточнымъ?

Изъ устъ вашихъ я слышалъ одни только превратныя толкованія законовъ, служащія къ защищенію жены моей, а между тѣмъ ни одного слова, могущаго оправдать мою правоту, и по-

[3]) Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, по каталогу выпускъ I. V, стр. 585

тому видно, что вы даете болѣе вѣсу ложнымъ представленіямъ жены моей, нежели оправданіямъ, мною представленнымъ.

И изъ сего я ничего другого заключить не могу, какъ одно то, что вы изыскиваете всѣ способы вовлечь меня въ неминуемую погибель.

Между тѣмъ, вы только мнѣ сказали, что я долженъ послать въ Имеретію и исходатайствовать свидѣтельство, а иначе нѣтъ другого средства къ моему оправданію... Смѣшное рѣшеніе отъ блюстителя законовъ и правосудія!..

Спросите сами себя: можетъ ли вашъ злодѣй дать вамъ свидѣтельство къ вашему оправданію? Въ Имеретіи нѣтъ у меня никого! Но все наполнено одними родственниками жены моей и моими недоброжелателями. Слѣдственно, какъ свидѣтельство, взятое отъ лжесвидѣтелей и отъ тѣхъ, которые съ самой колыбели были уже моими злодѣями и которые насильно меня женили, не могутъ имѣть мѣста въ разрѣшеніи участи моей.

Сверхъ того, протекли уже два года тому, какъ свидѣтели ея мною опорочены и свидѣтельство, представленное женою моею, опровергнуто. Но женѣ моей довольно было времени снестись съ своими приверженными въ Имеретіи и склонить ихъ въ свою пользу. Слѣдовательно, ежели отъ одного незаконно составленнаго свидѣтельства и не отъ законовъ зависитъ рѣшеніе участи моей, то само собою разумѣется, что я останусь виноватымъ, ежели по мнѣнію вашему, представленные мною три свидѣтеля и находящіеся здѣсь— не достаточны.

На сей разъ скажу вамъ, что вы разсуждаете противозаконно и не имѣете права исполнить вашего намѣренія по силѣ воинскихъ процессовъ 3 главы 6 го пункта, ибо которые были доспрашиваемы безъ законнаго порядка и, сверхъ того, мой злодѣй и ея родственники,—нѣтъ законнаго правила доспрашивать другой разъ свидѣтелей, а потому навлекли на себя сильнѣйшее мое подозрѣніе; слѣдовательно, какъ тѣхъ свидѣтелей, по силѣ воинскихъ процессовъ, не признаю во свидѣтелей, такъ равно и вы не можете быть судьею моего дѣла, по силѣ указа 1722 года, апрѣля 27 дня и прочихъ видовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ законы, служащіе къ моему дѣлу и правотѣ моей, вами совершенно нарушены.

Взгляните, ваше сіятельство, на зерцало, и вы увидите, что всякая противность закону, а особливо явное онаго нарушеніе строжайшимъ образомъ наказывается.

Послѣдніе отговоры ваши, что по большинству голосовъ свидѣтелей должно вершить дѣло, заставили меня рыться въ законахъ. Правда, я нашелъ въ воинскихъ процессахъ, нашелъ, хотя не совсѣмъ къ дѣлу моему относящееся, но лучше совѣтую вамъ заглянуть въ тѣхъ же процессахъ во 2 главу 3 пунктъ объ уничтоженіи приговора, то вы удостовѣритесь, что я правъ!

А отговоры ваши стремятся къ одной токмо той цѣли, чтобы проволочить меня до конца жизни, а женѣ моей дать время приманять лжесвидѣтелей, а тѣмъ довершить мою погибель.

Не забудьте, ваше сіятельство, и того, что законы повелѣваютъ производить дѣло, т. е. судъ, тамъ, гдѣ челобитчикъ и отвѣтчикъ

находятся. Слѣдственно, произведенный судъ сего дѣла и все движеніе онаго ни съ чѣмъ несообразно, самимъ закономъ уничтожаемое.

Вы прочтите,—въ Библіи написано,—что Богъ далъ намъ для нашего спасенія десять заповѣдей, чтобы содѣлать насъ благополучными какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, и препоручая судьбу народа правовѣрному судьѣ, велѣлъ народу слушаться законовъ, а судьѣ—дѣйствовать по даннымъ законамъ. И вы, будучи блюстителемъ сихъ законовъ, и для того, чтобы погубить меня одного, сдѣлали десятью болѣе ошибокъ,—слѣдственно, и противностей законовъ, которыхъ я не намѣренъ здѣсь описывать; ибо, какъ вы прочтете весь ходъ моего дѣла, то тогда вы увидите всѣхъ ясно.

Если вы и скажете, что вы не одни судьей моего дѣла, а слѣдовательно не виноваты, то вы опять ошибетесь, и за меня 19-ая глава Генеральнаго Регламента подтвердитъ вамъ то же самое и дополненіе; увидите, что вы ее не соблюли, да и всѣ заключенія ваши по дѣлу моему не только что противны слову Божію и его законамъ, но даже несогласны ни съ одною чертою справедливыхъ моихъ жалобъ и доводовъ.

По вышеприведеннымъ законамъ и причинамъ, равно по правости моего дѣла, вы не имѣли никакого права столь беззаконно и неслыханно меня обижать (ибо я васъ считаю лично и главнымъ виновникомъ въ моей погибели).

И несправедливые ваши извороты и заключенія по дѣлу моему не только убиваютъ мою мать, меня и всю нашу фамилію истребляютъ, но ведутъ меня къ тому, что вы взялись истребить мой родъ, привести меня къ гробу, какъ послѣднюю отрасль въ моей фамиліи.

И сверхъ того, честь, которая была до сего времени невредима и которою я дорожилъ болѣе своей жизни, теперь вы сдѣлали ее для меня несносною. При томъ же лишаете меня всѣхъ средствъ служить съ честью своему Монарху и новому моему отечеству, для защиты коего посвящаю послѣднюю каплю крови моей.

По симъ причинамъ *я нахожу себѣ крайне оскорбительнымъ, и потому и прошу у васъ благороднаго раздѣла, т. е. выйти на поединокъ со мною на сабляхъ съ тѣмъ условіемъ, что кто изъ насъ струситъ, рубить его безъ пощады и бить до того, чтобы одинъ изъ насъ остался на мѣстѣ.*

Для того прошу васъ прогуляться на Волково поле, гдѣ артиллерійскій мишень, а я завтра буду ожидать васъ тамъ въ *восемь* [1] часовъ утра, т. е. на вышеупомянутомъ мѣстѣ.

Въ заключеніе скажу вамъ, что я во всю мою жизнь, сколько могъ избѣгалъ исторій, могущихъ меня запутать въ поединокъ. Но, при всей моей осторожности, вы довели меня до того, что я лучше избираю смерть, чѣмъ влачить жизнь обиженнаго несносно вами.

Вы, можетъ быть, думали, что имѣете дѣло съ незнающимъ законовъ и порядка производства дѣлъ и не защищающимъ правость

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

своего дѣла? Но, сверхъ вашего чаянія, къ несчастью моему, а также вашему, я законовѣдецъ и честный воинъ.

И потому доложу вамъ, что по возвышенности чувствъ къ законамъ и чести, ненавижу всѣхъ противниковъ Божескихъ и гражданскихъ законовъ.

Царевичъ Константинъ».

Это письмо, полное самаго глубокаго отчаянія, было написано подъ живымъ чувствомъ недавно пережитаго царевичемъ, совершенно незнакомымъ ни съ порядкомъ судопроизводства, ни съ теоріей формальныхъ доказательствъ, господствовавшей въ то время. Письмо написано на бумагѣ большого формата, торопливою рукою; видно, что авторъ его не заботился ни о красотѣ слога, ни объ орѳографіи и лишь спѣшилъ излить свое негодованіе.

Написанное 2-го сентября 1824 года, оно въ тотъ же самый день было въ рукахъ адресата, князя Мещерскаго.

Не надо обладать богатымъ воображеніемъ, чтобы представить себѣ положеніе оберъ-прокурора послѣ полученія подобнаго вызова. «Блюститель законовъ» могъ очутиться въ не совсѣмъ свойственной ему роли, а потому и медлить ему было невозможно.

Въ качествѣ оберъ-прокурора въ этомъ случаѣ кн. Мещерскій, поспѣшилъ обратиться къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору съ просьбою замять это неожиданное осложненіе въ процессѣ царевича Константина.

Результатомъ этого было появленіе слѣдующей записки генералъ-губернатора:

«3-го сего сентября, по утру, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Мещерскій, представя мнѣ лично полученное имъ 2-го сентября письмо отъ генералъ-маіора имеретинскаго царевича Константина..., объяснилъ мнѣ, что имеретинскій царевичъ имѣлъ дѣло въ Св. Синодѣ о разводѣ съ женою его, въ чемъ ему отказано.

Я тотчасъ же пригласилъ къ себѣ имеретинскаго царевича и внушилъ ему, что поступокъ его совершенно противенъ законамъ и приличію; ибо справедливость своего дѣла должно защищать ясными доказательствами, а не угрозами и вызовами на дуэль.

Царевичъ съ большою скромностью и чистосердечіемъ признался въ своей винѣ, извинялся въ незнаніи законовъ и далъ слово, что онъ впредь никогда не будетъ безпокоить князя Мещерскаго.

Такъ сіе дѣло совершенно прекращено». **Ф. Лѣ—евъ.**

Самозванный декабристъ.

15 февраля 1828 года засѣдателю земскаго суда Петелину, бывшему проѣздомъ по дѣламъ службы въ Яндинской слободѣ Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи, доложили, что его желаетъ кто-то видѣть по важному дѣлу. Петелинъ велѣлъ впустить къ себѣ просителя.

Вошедшій незнакомецъ, лѣтъ 27—28, высокій, статный, съ умнымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ, съ бѣлымъ открытымъ лбомъ, обрамленнымъ темнорусыми волосами, невольно обращалъ на себя вниманіе своей наружностью.

Войдя въ комнату и поклонившись, онъ заявилъ, въ присутствіи бывшаго тамъ же волостного головы Минѣева и казака Иркутскаго казачьяго полка Воротникова, засѣдателю Петелину, что онъ имѣетъ объявить «дѣло важное и секретное». Приэтомъ неизвѣстный потребовалъ. чтобы при его заявленіи присутствовалъ священникъ.

«Намѣренъ я облегчить нынѣ давно отягченное преступленіемъ мое сердце», заявилъ онъ.

Наружность его и повелительный тонъ невольно повліяли на робкаго засѣдателя.

Онъ немедленно отправилъ бывшаго при немъ казака за слободскимъ священникомъ. Черезъ нѣсколько времени явился мѣстный священникъ о. Дмитрій Копыловъ и, поздоровавшись съ засѣдателемъ, окинулъ взглядомъ присутствовавшихъ. Замѣтивъ незнакомца, онъ воскликнулъ: «Ба, да это, кажется, Викторовъ»!

Въ это время незнакомецъ всталъ, выпрямился и громкимъ, отчетливымъ голосомъ произнесъ:

«Я принадлежу къ числу государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ возмущеніи 14 декабря 1825 года. Я членъ тайнаго сѣвернаго общества. Я бѣжалъ изъ Петербурга послѣ подавленія бунта и, будучи устрашенъ неудачей своихъ собратій и товарищей, я скрывался подъ чужимъ именемъ и фамиліей.

Настоящее же мое званіе и имя лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона корнетъ Аполлонъ Пущинъ. Имя я перемѣнилъ при побѣгѣ въ городѣ Шадринѣ и назвалъ себя бродягой, почему и осужденъ, какъ бродяжествующій, на поселеніе въ Сибирь».

Присутствующіе были поражены этими словами какъ громомъ и въ комнатѣ водворилось молчаніе. Первый пришелъ въ себя засѣдатель Петелинъ и, вѣжливо обратясь къ незнакомцу, попросилъ его повторить письменно его показаніе.

Незнакомецъ сѣлъ къ столу и быстрымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ написалъ слѣдующее:

«1828 года февраля 15 дня. Я проживалъ въ Сибири подъ чужимъ именемъ. Напредъ сего я былъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона корнетъ Апполонъ Андрѣевъ Пущинъ. — Подлежу къ числу государственныхъ преступниковъ въ чемъ пріобширныхъ добросахъ [1]) могу объяснить. Я же находясь подъ судомъ въ городѣ Шадринѣ единствѣнно семь дней. Въ силу указа 1823 г. [2]) февраля въ 23-й день былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Но какъ я имѣю истинное признаніе въ своемъ преступленіи — подъ чужимъ именемъ проживалъ поселенецъ Андріанъ Викторовъ, а нынѣ Апполонъ Пущинъ».

На этомъ показаніи росписались о. Копыловъ и засѣдатель Петелинъ.

Вслѣдствіе такого заявленія засѣдатель Петелинъ рѣшился арестовать Пущина-Викторова и при рапортѣ препроводилъ его съ данной имъ подпиской съ казакомъ къ нижнеудинскому земскому исправнику. Послѣдній въ свою очередь препроводилъ Пущина-Викторова къ нижнеудинскому окружному начальнику, прося до-

[1]) Документъ приводится въ подлинникѣ съ сохраненіемъ его орѳографіи.
[2]) Видимо, описка, какъ видно изъ послѣдующаго—1827 года.

просить арестованнаго въ окружномъ совѣтѣ. 18 февраля въ присутствіи нижнеудинскаго окружнаго совѣта состоялся допросъ Пущина-Викторова, который показалъ слѣдующее:

«Имя его Андреанъ Федоровъ. сынъ Викторовъ, отъ роду имѣетъ 28 лѣтъ. У исповѣди и святого причастія былъ въ 1826 г. Напредь сего былъ Псковской губерніи города Опочекъ изъ дворовыхъ людей господина гвардіи полковника Корнила Засса, за побѣгъ отъ котораго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1826 г. по поимкѣ Пермской губерніи въ гор. Шадринѣ въ генварѣ мѣсяцѣ 1827 года былъ сужденъ и по рѣшеніи дѣла сосланъ безъ наказанія въ Сибирь на поселеніе. По приходѣ въ Нижнеудинскъ по назначенію начальства причисленъ въ Яндинскую волость. Находясь въ Ключинскомъ селеніи, занимается крестьянскою работою. Показанную ему подписку точно писалъ онъ самъ, но означеннаго въ ней извѣта не утверждаетъ. ибо извѣтъ сей изобрѣтенъ имъ ложно по причинѣ той. что засѣдатель Нижнеудинскаго земскаго суда сколько по жалобѣ какихъ то поселенцевъ. столько и за пьянство хотѣлъ его подвергнуть наказанію лозами. Лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона корнета Аполлона Андреевича Пущина знаетъ потому. что послѣдній находился въ командѣ его господина, который былъ начальникомъ сего эскадрона. А Пущинъ тотъ, какъ извѣстно ему, находится въ бѣгахъ. Впрочемъ, ни о государственныхъ преступникахъ, ни о какихъ тайныхъ обществахъ не имѣетъ онъ ни малѣйшаго понятія».

Этимъ допросомъ не окончились мытарства самозванца.

Объ изложенномъ было донесено иркутскому гражданскому губернатору, который въ свою очередь донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири. Послѣдній предписалъ 7 марта содержащагося въ Нижнеудинскомъ тюремномъ замкѣ поселенца Викторова вытребовать въ Иркутскъ подъ строгимъ карауломъ и еще разъ допросить его въ присутствіи иркутскаго губернскаго правленія.

5 апрѣля Викторовъ былъ допрошенъ въ иркутскомъ губернскомъ правленіи и показалъ то же самое, что и раньше. прибавивъ лишь, что наказанію лозами его хотѣли подвергнуть за то. что онъ, Викторовъ, бывъ отъ хозяина своего посланъ въ питейный домъ за сладкой водкой и виномъ. разбилъ нечаянно у сидѣльца порожній штофъ, за который, однако же, заплатилъ онъ тому сидѣльцу по стоющей цѣнѣ деньги.

23 мая это показаніе было представлено генералъ-губернатору, который 2 іюня предписалъ поселенца Андріана Викторова за сдѣланный ложный извѣтъ наказать хорошо розгами и отправить затѣмъ на поселеніе за Байкалъ, о чемъ и довелъ до свѣдѣнія графа Бенкендорфа.

Такъ печально для самозваннаго декабриста кончилось это пустячное само по себѣ дѣло, всколыхнувшее тѣмъ не менѣе всю сибирскую администрацію, начиная отъ засѣдателя земскаго суда до генералъ-губернатора включительно и даже далѣе.

А. Пфаффіусъ.

Оригинальный указъ.

Разыскивая матеріалъ для одной работы въ полномъ собраніи законовъ, мы наткнулись на одинъ именной указъ императрицы

Екатерины II, характерный по своему заглавію и формѣ. Вотъ этотъ указъ:

№ 13054. Генваря 15 дня 1768 года. Именный, данный Генералъ-Прокурору Князю Вяземскому. *О ссылкѣ канцеляриста Филатова въ Нерчинскъ въ работу на столько лѣтъ, сколько онъ подлоговъ учинилъ; и объ отдачѣ его по окончаніи сихъ лѣтъ на поселеніе.*

Изъ произведеннаго въ Юстицъ-Коллегіи дѣла о канцеляристѣ Вотчинной Коллегіи Семенѣ Филатовѣ, вы увидите его преступленіе и сентенцію, какова на него положена тою Коллегіею. А понеже въ Моемъ Наказѣ такое преступленіе не положено между заслуживающими смертную казнь, сверхъ того, какъ онъ Филатовъ, собственное безъ принужденія признаніе въ томъ учинилъ, такъ мать и жена его со дѣтьми просила Нашего къ нему помилованія; того ради Мы заблаго разсудили опредѣлить ему слѣдующее наказаніе: посадить его на одну недѣлю на хлѣбъ и на воду, и послѣ сослать въ Нерчинскъ на столько лѣтъ, сколько въ преступленіи его подлоговъ онъ употребилъ. Якъ-то: 1) подписался подъ руку секретаря, 2) подписался подъ руку канцеляриста, 3) печать казенную, срѣзалъ съ сенатской справки, къ своей приложилъ, 4) всю справку фальшивую самъ сочинилъ и 5) все сіе сдѣлалъ изъ лихоимства. По окончаніи же въ Нерчинскѣ сихъ лѣтъ отдать его Филатова на поселеніе.

На сколько намъ извѣстно, этотъ указъ представляетъ изъ себя единственный памятникъ подобнаго опредѣленія наказанія.

Сообщ. **П. Столпянскій.**

Конгрессъ юродивыхъ.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія ходило по рукамъ въ весьма неправильныхъ спискахъ извѣстное и нынѣ стихотвореніе «Совѣтъ нечестивыхъ», приписываемое молвою разнымъ авторамъ.

Стихотвореніе это—плодъ пера бывшаго сотрудника «Молвы» и «Русской Правды» (Д. Гирса)—нынѣ уже умершаго К. Л. Шахова-Луганскаго.

Имѣя въ полномъ моемъ распоряженіи портфель покойнаго, съ его разрѣшенія, я почитаю не лишеннымъ нѣкотораго интереса возстановить эту шуточную пародію по подлинной рукописи, въ которой встрѣчаются значительныя отступленія отъ списковъ.

Конгрессъ юродивыхъ.

Ужъ какъ было во Россіи,
Собирались всѣ витіи—
И ну толковать.
Тутъ *Скочаенскій* сначала
Объяснялъ, что насъ немало
Надо придержать;
Что прогрессъ—исчадье ада,
Сатанинская отрада,
Аспидовъ пометъ;

Полногрудая-жъ „Лурлея“
Мудреца изъ дуралея
Сразу создаетъ.
— Кусъ мякины больно лакомъ,
Поучалъ насъ *дядя-Яковъ*:
Ничего не трусь!
Гой ты край многострадальный,
Дикій, пьяный и нахальный,
О святая Русь!
А *Мокай* сидѣлъ, жеманилъ,
Сквернословилъ, англоманилъ,
Да потомъ какъ всталъ
И въ порывѣ героизма
Намъ всѣ звѣзды классицизма
Съ неба нахваталъ.
Мы подъ рѣчи тѣ дремали,
Головами всѣ кивали
И собрались спать...
Вдругъ какой-то идіотъ
Что есть силушки оретъ:
„Надо разрушать!“
Тутъ витіи встрепенулись,
Боязливо оглянулись,
Видятъ—ничего....
Молвилъ *Сапиревъ* сумбурно:
— Правда, было-бы недурно....
Знаете... тово!
Цособрать-бы всѣ гнилушки,
Зарядить-бы ими пушки,
Да по воробьямъ!
Этимъ самымъ мы ей-Богу
Порасчистили-бъ дорогу
„Новымъ-то людямъ!“
Юродивый *Аввакумъ*
Такъ и лупитъ на-обумъ:
— Всѣ мы дураки!
Аввакума успокоить,
Ассоціацій понастроить
Очень-бы съ-руки!
Тутъ два критика задорно
Затѣвали споръ упорный,
Кто кого глупѣй?
И такъ яростно кричали,
Такъ другъ друга величали,
Что хоть пожалѣй.
Мы-жъ сидѣли и молчали,
Головами всѣ качали,
Собираясь спать;
Но *Кубанинъ*—идіотъ
Что есть силушки оретъ:
„Надо разрушать!
Покажите вы народу
Ту желанную свободу
Въ чортовыхъ рогахъ,
Чтобъ на праведную душу
Два лишь слова: „все разрушу“
Наводили страхъ!
Тутъ витіи встрепенулись,
Обозлились, огрызнулись:
— Кто такой кричалъ?
Мы собрались здѣсь свободно,
Мы зѣвали благородно....
Этакій нахалъ!

— Гнать его отсель скорѣе!...
— Полногрудая Лурлея!
    — О святая Русь!..
— Panis, piscis, finis, crinis,
— Ignis, lapis, pulvis, cinis!...
    — Ничего, не трусь!...
— О, паршивыя гнилушки,
Зарядить-бы вами пушки,
    А потомъ—бумъ-бумъ!
— О лукошко свудоумья,
О лоханка тупоумья!
    Жаритъ Аввакумъ....

Очень долго всѣ кричали,
Но охрипли, замолчали
    И собрались спать;
Потянулись, и зѣвнули,
И такъ сладостно уснули,
    Что хоть не вставать.

Сообщ. **Г. Енишерловъ.**

Церемоніалъ по случаю похоронъ китайской императрицы.

Китайская императрица Тунъ-Цзы, супруга императора Дао-Гуана, умерла 16 іюня 1833 года. Пекинская газета того времени заключаетъ въ себѣ занимательныя подробности, относящіяся до этого событія.

По существующему обычаю, императорскій указъ, который издается въ подобномъ случаѣ, всегда начинается слѣдующимъ образомъ: «Повелѣнія его величества нижайше были выслушаны. Сегодня, въ четыре часа пополудни, послѣдовала кончина и окончательное отправленіе императрицы». Потомъ, излагая подробно исторію Тунъ-цзы, императоръ объявляетъ, что въ тринадцатый годъ царствованія его отца, Цзы Цзина, онъ получилъ отъ него повелѣніе на ней жениться, и что двѣнадцать лѣтъ спустя, мать его передала ему священное свое приказаніе утвердить за княжною титулъ императрицы, т. е. первой особы въ серединномъ гаремѣ. Далѣе императоръ прибавляетъ: «Нѣтъ никого во всемъ гаремѣ или императорскомъ дворцѣ, кто бы не зналъ, что впродолженіе двадцатишестилѣтняго нашего союза императрица была образцомъ нѣжности, покорности и послушанія.

«Съ недавняго времени ее постигли припадки застарѣлаго разслабляющаго недуга, и она преставилась. Я потерялъ свою семейную опору. Это событіе поразило меня такою скорбію, которую я не въ силахъ выразить».

Императоръ предписываетъ своему брату, царю Минъ-Хай, и зятю, Хинь-Аню, начальнику императорскаго дворца, и еще двумъ другимъ сановникамъ:—члену императорской палаты исповѣданій и члену палаты публичныхъ работъ, наблюдать за похороннымъ церемоніаломъ.

Черезъ недѣлю появилась въ газетахъ статья, наполненная громкими похвалами добродѣтелямъ императрицы Тунъ-Цзы, и многочисленнымъ благодѣяніямъ, излитымъ ею на землю съ того времени, какъ она соединилась съ Сыномъ Неба. Эта статья заключается

приказомъ училищу Хань-линь. заняться разсужденіями о назначеніи прозвища, которымъ нарекутъ императрицу по ея смерти.

Черезъ двѣнадцать дней послѣ этого явились новыя статьи, относящіяся до вопроса о народномъ траурѣ. Четверо сановниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, несогласны были съ мнѣніемъ императора насчетъ разныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, о томъ, сколько времени должно продолжаться запрещеніе жителямъ Небесной имперіи брить волосы; на сколько времени запрещается имъ празднованіе свадебъ, увеселенія, праздники, музыка и т. п. Различныя доказательства, въ подкрѣпленіе каждаго мнѣнія, излагались подробно и подкрѣплялись изреченіями изъ классиковъ и примѣрами изъ исторіи императоровъ, начиная со временъ императора Яо, который царствовалъ за четыре тысячи лѣтъ до Цзы-Цзина.

Царь Минъ-Хай и его сотоварищи, думая, что трауръ по императрицѣ долженъ продолжаться по крайней мѣрѣ столько же, сколько назначено сыну скорбѣть по смерти матери, и находя періодъ, впродолженіе котораго запрещено было народу брить головы и предаваться увеселеніямъ, слишкомъ короткимъ, предложили скорбѣть сто дней.

Императоръ передалъ дѣло въ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ князя Хань-Линя, съ приказаніемъ снестись съ предмѣстниками своими, которые бы могли рѣшительно выяснить это недоумѣніе.

Ихъ отзывъ утвердилъ императора въ первоначальномъ его мнѣніи, въ силу котораго запрещалось народу и войску брить голову цѣлый мѣсяцъ, а увеселенія запрещались впродолженіе ста дней.

Минъ-Хай и Хинь-Ань, погруженные въ глубокую скорбь, узнавъ объ этомъ разногласіи мнѣній, отправились къ императору въ садъ Юань-Минь-Юань, съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказа. Императоръ принялъ ихъ сурово и отвѣчалъ, что уже намѣревался наказать ихъ за неуваженіе къ императорской волѣ; что это преступленіе могло имъ стоить жизни; что изъ состраданія онъ однако-жъ ограничится преданіемъ ихъ суду, и что они должны почитать это милостію, а не наказаніемъ.

— Вотъ вамъ мой указъ, сказалъ императоръ,—возвѣстите его повсюду, какъ внѣ, такъ и внутри, т. е. во дворцѣ и во всей имперіи. Уважайте мою волю.

Послѣдующимъ повелѣніемъ возбранялось Минъ-Хаю и Хинь-Аню являться на глаза къ императору. Первый изъ этихъ вельможъ приговоренъ былъ къ лишенію половины своего жалованья впродолженіе двадцати лѣтъ, другая часть оставлена ему для удовлетворенія нуждъ. Второй же, сестра котораго принадлежала къ императорскому гарему, отправленъ, въ качествѣ императорскаго коммисара, наказать горцевъ за набѣги: это назначеніе равнялось ссылкѣ.

Въ такомъ государствѣ, какъ Китай, гдѣ всѣ постановленія опредѣляются въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ съ величайшею точностію, странно видѣть подобную неопредѣленность указаній церемоній по случаю кончины императрицы. Въ Кантонѣ были обнародованы три различныя повелѣнія. Послѣднее заключало въ себѣ слѣдующія распоряженія:

«Впродолженіе ста дней никто изъ высшихъ сановниковъ не долженъ брить себѣ голову; вступленіе въ бракъ впродолженіе двадцати семи дней запрещается какъ имъ, такъ и ихъ семействамъ; всѣ обязаны лишать себя всякихъ пировъ, музыки и театральныхъ представленій втеченіе цѣлаго года; войску и народу запрещается бриться впродолженіе одного мѣсяца; браки запрещены на семь дней, а увеселенія на сто дней». Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ предписано было, въ знакъ глубокаго траура, употреблять синія чернила во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обыкновенно употребляются красныя, и должностные лица обязаны были спороть красную обшивку, украшающую ихъ шляпы. Въ прибавленіи къ дневнику императорскаго двора заключался приказъ палаты исповѣданій о порядкѣ церемоній, при принятіи императорскаго указа, и повелѣніе объ общемъ оплакиваніи и о возложеніи траура по случаю кончины императрицы.

Когда судно, на которомъ привезли въ Кантонъ императорскій указъ, написанный на желтой бумагѣ, вошло въ рѣку, изъ города немедленно отправился военный чиновникъ, чтобы принять и хранить указъ на императорской пристани. Впереди этого чиновника шелъ церемоніймейстеръ, который объяснялъ, какъ надо принять императорскій указъ на суднѣ. Его слѣдуетъ принять, поднявъ обѣ руки надъ головой, и потомъ съ большою осторожностью наложить на колесницу дракона, въ которую впряжены тридцать два сановника. Весь поѣздъ, состоящій изъ чиновъ гражданскихъ и военныхъ, въ парадной одеждѣ, становится рядами на колѣни и остается въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока указъ пронесутъ мимо.

Послѣ этого всѣ встаютъ и процессія отправляется къ главнымъ воротамъ экзаменнаго двора, проходитъ въ большую публичную палату и опять становится на колѣни, — гражданскіе чиновники на восточной сторонѣ, а военные на западной. Они встаютъ не прежде, какъ по проѣздѣ колесницы дракона въ палату созвѣздія Куай. Тамъ императорскій указъ кладется на столъ, покрытый желтымъ ковромъ и установленный вокругъ урнами, въ которыхъ жгутъ благовонія. Когда всѣ войдутъ, церемоніймейстеръ громко провозглашаетъ: «Стройтесь! Падите трижды на колѣни, бейте въ землю челомъ девять разъ! Вставайте». По требованію церемоніймейстера глашатай беретъ императорскій указъ и поднимаетъ надъ головою для прочтенія. Въ эту минуту церемоніймейстеръ провозглашаетъ: «Сановники императорскіе, на колѣни! внимайте рѣчи его величества». Когда чтеніе кончено, онъ говоритъ: «Вставайте и плачьте!» Какъ всѣ прочія приказанія этого страннаго церемоніала, такъ и это въ точности исполняется. Когда плачъ оконченъ, глашатай кладетъ указъ опять на желтый столъ, а церемоніймейстеръ восклицаетъ: «Передайте императорскій указъ!» Подходитъ сановникъ къ желтому столу, поднимаетъ указъ надъ головою и вручаетъ губернатору, становясь передъ его превосходительствомъ на колѣни. Губернаторъ принимаетъ бумагу также на колѣняхъ, потомъ встаетъ и передаетъ чиновнику, называемому фу-чинъ-цзы, который уже передаетъ его своему главному секретарю. Всѣ эти передачи изъ

рукъ въ руки между чиновниками совершаются на колѣняхъ. Секретарь относитъ указъ въ залу Тзы - Вэй, въ департаментъ фу-чинъ-дзи, гдѣ его переписываютъ и печатаютъ на желтой бумагѣ. По окончаніи церемоніи, церемоніймейстеръ приказываетъ чиновникамъ идти и облечься въ трауръ. Они уходятъ и, когда переодѣнутся, церемоніймейстеръ опять сзываетъ ихъ и отдаетъ имъ слѣдующій приказъ: «Стройтесь! Падите на колѣни три раза! Бейте въ землю челомъ девять разъ! Вставайте и плачьте! Теперь ступайте кушать!..»

Тогда всѣ выходятъ изъ комнаты воздержанія и отправляются въ другую, гдѣ ихъ ожидаютъ уже приготовленные столы и гдѣ они ѣдятъ мало, помѣщаясь такъ же, какъ и прежде,—гражданскіе чиновники на восточной сторонѣ, а военные на западной.

По приказанію церемоніймейстера всѣ уходятъ въ общественныя палаты. Вечеромъ начинаются опять тѣ же церемоніи, только съ легкими измѣненіями. Чиновникамъ запрещается расходиться по домамъ и они должны ночевать въ публичныхъ палатахъ. Тѣ же церемоніи повторяются утромъ и вечеромъ впродолженіе двухъ дней, по истеченіи которыхъ позволяется возвратиться домой и продолжать отправленіе своихъ должностей.

Когда императорскій указъ переписанъ, одному изъ чиновниковъ поручается опять положить его на желтый столъ въ залѣ созвѣздія Куай, а другому хранить и кадить впродолженіе двадцати дней. По минованіи этого срока, указъ снова передается чиновнику фу-чинъ-цзы, который кладетъ его въ палату исповѣданій.

Въ двадцать седьмой день чиновники опять собираются и, по совершеніи тѣхъ же обрядовъ, церемоніймейстеръ приказываетъ имъ снять траурное платье, надѣть свое обыкновенное, возвратиться домой и объявить, что всѣ обряды траура по императрицѣ окончены.

Изъ области археологіи.

Преданія и легенды о курганахъ. Молчаливымъ свидѣтелямъ далекаго прошлаго—курганамъ приписываются обыкновенно окрестными жителями фантастическія сказанія, поэтическія легенды. Въ трудахъ Оренбургской ученой архивной комиссіи [1]), собранъ цѣлый рядъ такихъ преданій и легендъ, относящихся къ степнымъ курганамъ Оренбургской губерніи. Курганы на языкѣ степняковъ носятъ различныя названія; чаще называются они „чудскими буграми“, „чудскими горками“, „чудаковыми горками“, „древними горками“, „ямами“, „марами“ и пр. Большинство преданій приписываетъ происхожденіе кургановъ нѣкогда жившему здѣсь народу „чудь“ или „чудаки“, шуты, чуть, чутки, остяки. Записанныя въ уѣздахъ Оренбургскомъ, Челябинскомъ, Троицкомъ, Верхнеуральскомъ и Орскомъ сказанія о курганахъ говорятъ о чернокожемъ народѣ, который жилъ здѣсь въ старину на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе было слѣдить за непріятелемъ, жилъ селами, питаясь добычею охоты и одѣваясь въ шкуры убитыхъ звѣрей. Народъ этотъ былъ суевѣренъ, любилъ металлы: мѣдь, серебро и золото. Вокругъ ихъ жилищъ росъ непроходимый сосновый лѣсъ. Народъ вдругъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что началъ расти кругомъ „бѣлый лѣсъ“ (береза). Со страхомъ собрались жители обсудить поразившее ихъ новое явленіе и рѣшили, что явится скоро, вслѣдъ за бѣлымъ лѣсомъ, и бѣлый народъ (русскіе) и истребитъ ихъ. Жить больше нельзя, рѣшили они, выстроили себѣ земляныя жилища, укрѣпили крышу на деревянныхъ столбахъ, сложили внутрь жилища все свое имущество, вошли туда, зажгли, подрубили столбы и погибли, засыпанные землею. Такъ рисуетъ большинство сказаній происхожденіе загадочныхъ земляныхъ насыпей. Другія легенды говорятъ объ обрядѣ, исполнявшемся племенемъ „чудь“—возить землю на могилы умершихъ.

Отразилась въ преданіяхъ о курганахъ и крѣпко засѣвшая въ народной памяти личность Пугачева или „Пугача“, какъ назы-

---

[1]) Вып. VI. 1900 г., подъ редакціей И. К. Шукшинцева.

ваетъ его народъ. Перебивъ много жителей, онъ закопалъ награбленныя отъ нихъ богатства и насыпалъ надъ ними курганы. Другія версіи легендъ о происхожденіи кургановъ говорятъ такъ: а) жилъ здѣсь народъ чудаки — чудь, не знавшій Бога; когда явились необыкновенныя звѣзды при рожденіи Іисуса Христа, народъ узналъ, что родился Богъ. и рѣшилъ похоронить себя заживо со всѣмъ имуществомъ въ приготовленныхъ ямахъ; б) курганы—это просто остатки земляныхъ жилищъ остяковъ, удалившихся въ глубь Сибири; в) курганы-мары насыпаны послѣ какого-то побоища; г) на нихъ находились часовые, чтобы слѣдить за киргизами, во-время давая знать жителямъ о набѣгахъ; д) по обычаю жившей здѣсь съ Тамерланомъ татарской орды каждый родственникъ на могилу умершаго обязанъ былъ привезти не менѣе воза земли, въ уваженіе памяти и для обозначенія мѣста погребенія; е) курганы насыпаны монголами надъ могилами ихъ аульныхъ старшинъ и другихъ выдающихся людей; ж) разбойничьею шайкою, для сокрытія сокровищъ и з) на сѣверо-западной сторонѣ озера Кидагача царствовалъ нѣкогда юный и святой правитель, на юго-восточной сторонѣ жила и правила своею страною молодая дѣвушка царица. Царь предложилъ ей выйти за него замужъ. Гордая и величественная, въ то же время храбрая и ловкая, молодая царица предложила въ отвѣтъ царю поединокъ— стрѣляться изъ лука. Если царю удастся попасть въ нее, она выйдетъ за него замужъ, если же она попадетъ въ царя, тотъ долженъ сдѣлаться ея рабомъ и всѣ земли его будутъ принадлежать царицѣ. Легенда ничего не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ оригинальной четы, но указываетъ на мѣста ихъ погребенія, связывая преданіе о нихъ съ курганами, стоящими другъ противъ друга на берегахъ озера Кидагача.

Успѣхи доисторической археологіи въ XIX столѣтіи. На эту тему былъ сдѣланъ докладъ Г. М. Болсуновымъ на одномъ изъ общихъ собраній археологическаго института. XIX вѣкъ былъ вѣкомъ зарожденія и развитія доисторической археологіи. Только во второй половинѣ этого столѣтія сложилась она въ строго научную дисциплину и получила право назваться «наукою». До того времени предметы доисторической археологіи собирались, большею частью, лишь какъ «курьезитеты» и «раритеты» антикваріями. Древніе греки и римляне собирали орудія человѣка каменнаго періода, считая ихъ предметами священными и приписывая имъ чудесную и могущественную силу. Въ первые вѣка развитія христіанства каменные топоры служили въ качествѣ амулетовъ для послѣдователей гностическихъ ересей. Втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ то же суевѣрное уваженіе къ орудіямъ первобытнаго человѣка. Въ нашемъ простомъ народѣ вѣра въ таинственную силу каменныхъ орудій сохранилась до настоящаго времени. но долго не приходила никому мысль о томъ, что предметы эти могли быть лишь издѣліями руки человѣка. Такъ, въ XVI столѣтіи чешскій ученый іезуитъ Богуславъ Бальбинъ объяснялъ происхожденіе орудій и погребальныхъ урнъ доисторическаго человѣка тѣмъ. что глина или илъ сами собою непроизвольно принимаютъ въ землѣ форму сосудовъ, какъ желаетъ этого сама природа.

Только благодаря ряду великихъ экспедицій для открытія и изслѣдованія новыхъ странъ, экспедицій, познакомившихъ европейцевъ съ бытомъ современнаго дикаря, происхожденіе предметовъ доисторической культуры начинаетъ все болѣе и болѣе выясняться и вопросъ получаетъ правильное освѣщеніе. Тѣмъ не менѣе еще въ 1745 году, при изданіи печатнаго каталога минералогическаго кабинета нашей академіи наукъ, каменные топоры и стрѣлы были помѣщены въ отдѣлѣ произведеній ископаемаго царства. Отцомъ доисторической археологіи, какъ науки, былъ французскій ученый Буше де Пертъ. Крайне скептически отнеслись ученые къ представленнымъ имъ въ Парижскую академію грубымъ каменнымъ топорамъ, найденнымъ въ постпліоценовыхъ наносахъ рѣки Сомы. Благодаря авторитету Кювье всякая мысль о возможности открытія слѣдовъ первобытнаго человѣка «очевидца потопа» казалась смѣшною. Только послѣ 20-лѣтнихъ усилій Буше де Пертъ одержалъ рѣшительную побѣду и открытіе его было признано всѣмъ ученымъ міромъ. Съ этого времени, т. е. приблизительно со второй половины прошлаго столѣтія доисторическая археологія вступаетъ на путь научнаго развитія и дѣлаетъ цѣлый рядъ успѣховъ, доставившихъ ей почетное мѣсто среди другихъ естественноисторическихъ дисциплинъ. Къ такимъ успѣхамъ относятся три весьма важныя открытія: первыя два—это обнаруженіе въ Даніи кухонныхъ остатковъ, сорныхъ кучъ, а въ Швейцаріи свайныхъ построекъ. Открытія эти указали на необходимость болѣе систематическаго и методическаго изслѣдованія памятниковъ доисторической культуры. Третье открытіе слѣдовъ культуры плейстоценоваго человѣка дало матеріалъ для правильнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ человѣкомъ въ природѣ. Успѣхи доисторической археологіи имѣли значеніе и для другихъ наукъ, объектомъ которыхъ является человѣкъ: этнографіи, языкознанія, антропологіи, исторіи искусствъ и проч. Лицамъ, занимающимся изученіемъ доисторической археологіи, обязана наука и наиболѣе компетентными отвѣтами на всѣ вопросы, касающіеся генезиса и эволюціи человѣка и его культуры. Благодаря неутомимымъ трудамъ археологовъ и натуралистовъ мы имѣемъ теперь возможность заглянуть въ тотъ далекій древній періодъ жизни человѣчества, отъ котораго не дошло до насъ никакихъ историческихъ преданій и въ сравненіи съ которымъ надписи на дощечкахъ вавилонскихъ архивовъ или на пирамидахъ Египта кажутся совершенно новыми. Таковы, по мнѣнію референта, успѣхи доисторической археологіи въ XIX столѣтіи. Въ числѣ открытій нашей отечественной археологіи важнѣйшимъ является обнаруженіе присутствія человѣка на территоріи Европейской Россіи въ межледниковый періодъ. Въ заключеніе референтъ, присоединяясь къ мнѣнію графа Уварова, высказалъ надежду, что при болѣе правильномъ производствѣ раскопокъ именно у насъ въ Россіи будутъ открыты тѣ данныя, которыя необходимы для возстановленія образа жизни человѣка каменнаго періода.

Новый трудъ по нумизматикѣ. М. Г. Деммени, на одномъ изъ общихъ собраній членовъ археологическаго института, прочелъ рефератъ о новомъ трудѣ великаго князя Георгія Михаиловича,

имѣющемъ появиться въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Первая часть труда разсматриваетъ монеты царствованія императрицы Анны Іоанновны, вторая—императора Іоанна III-го. Матеріалы для исторіи монетъ обоихъ царствованійпочерпнуты изъ дѣлъ архива департамента государственнаго казначейства, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, московскаго архива министерства юстиціи и екатеринбургскаго горнозаводскаго архива. Документы царствованія Іоанна Антоновича появляются въ свѣтъ впервые, такъ какъ до сего времени считаются секретными (дѣлами съ извѣстнымъ титуломъ) и для полученія къ нимъ доступа въ архивѣ министерства юстиціи пришлось получить спеціальное разрѣшеніе министра юстиціи. Матеріалы состоятъ изъ указовъ, распоряженій, проектовъ, вѣдомостей и т. п., относящихся къ монетному дѣлу и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

По содержанію своему всѣ документы принадлежатъ: 1) учрежденіямъ, вѣдавшимъ монетное дѣло, 2) монетнымъ дворамъ, 3) монетѣ.

Документы первой категоріи даютъ историческую картину постепеннаго развитія учрежденій, вѣдавшихъ монетное дѣло. Изъ нихъ видно, какъ почти изъ единоличнаго управленія монетною частью имперіи понемногу создается обширная организація канцеляріи монетнаго правленія въ С.-Петербургѣ и московской монетной канцеляріи съ двумя экспедиціями, съ судьями совѣтниками, асессорами и другими чинами. Появляются штаты этихъ учрежденій, опредѣлявшіе число членовъ каждаго изъ нихъ, а также и положенное имъ содержаніе. Вырабатываются въ 1734 и 1738 гг. инструкціи, разграничившія обязанности и права каждаго изъ должностныхъ лицъ.

Изъ документовъ 2-й категоріи почерпаются свѣдѣнія о различныхъ монетныхъ дворахъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыя царствованія. Дворами этими были: московскіе монетные дворы (Кодашевскій, Китайскій, монетное отдѣленіе на Неглинной и на Яузѣ), монетный дворъ петербургскій и екатеринбургскій; къ концу царствованія императрицы Анны Іоанновны прекращается существованіе Кодашевскаго и Яузскаго монетныхъ дворовъ; въ 1737 г. начинаетъ вновь дѣйствовать петербургскій, основанный при Петрѣ Великомъ и работавшій короткое время при Екатеринѣ І-й. Въ этомъ же отдѣлѣ книги находятся данныя о разныхъ усовершенствованіяхъ въ машинныхъ приспособленіяхъ монетныхъ дворовъ, свѣдѣнія о чинахъ монетнаго двора, инструкціяхъ, опредѣляющихъ ихъ функціи, о числѣ рабочихъ на нихъ, заработной платѣ, полагавшейся монетчикамъ, и медальерахъ русскихъ и иностранныхъ, приглашавшихся для рѣзьбы штемпелей и обученія медальерному искусству молодыхъ людей. Между прочимъ, здѣсь можно указать на медальеровъ Шульца, рѣзавшаго у насъ штемпеля съ 1730 г., Фукса и знаменитаго шведскаго медальера Гедлингера, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1734 и 1736 гг. для рѣзьбы государственной печати, штемпелей, медалей и монетъ. Штемпель рублевика, вырѣзанный Гедлингеромъ, лопнулъ и въ 1737 г. по образцу этого художника русскимъ мастеромъ Лукьяномъ Дмитріевымъ былъ вы-

рѣзанъ новый, которымъ чеканились монеты до конца царствованія императрицы Анны.

Документы третьей категоріи касаются непосредственно монеты. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе мѣры правительства, направленныя къ привлеченію въ казну монетныхъ металловъ. Золото получалось въ незначительномъ количествѣ съ востока (Китая и Персіи). Серебро получалось главнымъ образомъ изъ-за границы отъ комиссіонеровъ по контрактамъ и лишь въ маломъ количествѣ изъ Сибири. Мѣдь получалась съ казенныхъ заводовъ и отъ частныхъ лицъ, обязанныхъ поставлять въ казну добываемую мѣдь по назначаемой правительствомъ цѣнѣ. Затѣмъ приходится отмѣтить различныя мѣропріятія какъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, такъ и въ царствованіе Іоанна Антоновича, относительно изъятія изъ обращенія прежней монеты, опредѣленія сроковъ хожденія ея и цѣны, по которой она будетъ приниматься въ казну по истеченіи этихъ сроковъ. Тутъ же находятся свѣдѣнія о стоимости выдѣлки разныхъ сортовъ монеты, разсчеты о прибыли, получаемой отъ выпуска ея, а также данныя объ усовершенствованныхъ способахъ производства монеты, вліяющихъ на удешевленіе передѣльной цѣны ея. Наконецъ, эта категорія документовъ даетъ довольно полныя свѣдѣнія о дѣйствовавшей монетной системѣ и измѣненіяхъ, происходившихъ въ нѣй, а равно о внѣшнемъ видѣ монеты. Въ царствованіе Анны Іоанновны чеканилась золотая, серебряная и мѣдная монеты. Золотая монета на основаніи именного указа отъ 23 декабря 1730 г. чеканилась въ 1730, 1738 и 1739 гг. въ видѣ россійскихъ червонцевъ «пробою и вѣсомъ противъ голландскихъ» 93-й пробы, по 118 штукъ изъ лигатурнаго фунта.

При Іоаннѣ III-мъ золотой монеты чеканено не было, хотя документы и упоминаютъ о необходимости чеканки ихъ для нуждъ двора.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны серебряная монета оставалась по своему внутреннему достоинству тою же, что̀ и въ предыдущее царствованіе, отличаясь только своимъ внѣшнимъ видомъ. Съ 22-го января 1731 г. сенатскимъ указомъ установлена серебряная монета 77-й пробы, по 15 руб. 84 коп. изъ фунта, достоинствомъ въ 1 руб., 50 коп. и 10 коп.; гривенниковъ предположено было выпустить до 1 милліона рублей, «а ежели больше того потребно будетъ гривенниковъ, также и пятикопѣечниковъ, то опредѣлиться вновь» (сенатскій указъ 22 января 1731 г.). Однако, пятикопѣечниковъ, о которыхъ упоминается въ приведенномъ указѣ, до сихъ поръ не встрѣчалось. Кромѣ рублей и полтинъ изъ вѣдомостей о чеканкѣ серебряной монеты видно, что въ 1730, 1739 и 1740 гг. чеканились и полуполтины, хотя въ архивахъ не сохранилось никакихъ документовъ о приготовленіи этой монеты.

Въ царствованіе Іоанна Антоновича монетная система осталась безъ измѣненія.

Рисунокъ серебряной монеты подвергался при Аннѣ Іоанновнѣ нѣсколько разъ измѣненіямъ. Первое крупное измѣненіе произошло въ 1734 г. въ рисункѣ рублей и полтинъ; затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить измѣненіе рисунка въ 1736—1737 гг. Изъ сенатскаго указа

отъ 5 іюня 1735 г. и др. видно, что правительство предполагало измѣнить рисунокъ гривенниковъ. Несмотря на то, что въ августѣ того же года графомъ Головкинымъ, главнымъ директоромъ монетнаго правленія, были представлены императрицѣ вновь сдѣланные гривенники «трехъ маніровъ», съ портретомъ ея величества, но, повидимому, въ 1736—1739 гг. ихъ чеканено не было и только въ 1739 г. отчеканено нѣсколько пробныхъ гривенниковъ, дошедшихъ до насъ. Въ 1740 г. монетная канцелярія задумала изготовить новые образцы пятикопѣечниковъ и гривенниковъ.

Въ царствованіе Іоанна Антоновича, въ концѣ 1740 г. (съ 25 октября), серебряная монета выпускалась со штемпелемъ предыдущаго царствованія, впредь до изготовленія новыхъ чекановъ съ соотвѣтствующими изображеніями. Представленное канцеляріею монетнаго правленія донесеніе о приготовленіи рублевиковъ съ вензелемъ императора не удостоилось утвержденія. Существованіе нѣсколькихъ экземпляровъ подобныхъ рублей въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ заставляетъ предполагать, что при означенномъ донесеніи были приложены и образцы монетъ.

Въ виду неутвержденія образца рубля съ вензелемъ императора, монетная канцелярія изготовила на петербургскомъ монетномъ дворѣ новый пробный рублевикъ, утвержденный правительницею Анною Леопольдовною 30 января 1741 года; по образцу этой пробной монеты должны были приготовляться рубли и полтины въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, съ надписью, смотря по мѣсту чеканки: московскаго двора и петербургскаго двора; подъ портретомъ императора помѣщались буквы монетнаго двора. Съ разрѣшенія канцеляріи монетнаго правленія петербургскимъ монетнымъ дворомъ отчеканено 6000 рублей новымъ штемпелемъ, заготовленнымъ въ предыдущее царствованіе.

Такое уклоненіе отъ утвержденнаго образца монеты было допущено канцеляріею для избѣжанія расходовъ по переплавкѣ этихъ рублевиковъ.

Образцовыя полтины и полуполтины были также приготовлены петербургскимъ дворомъ. Образцы первыхъ утверждены 7 апрѣля, а вторыхъ 13 іюня 1741 года. На основаніи доставленныхъ изъ С.-Петербурга монетъ московскій монетный дворъ изготовилъ послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ штемпеля рублей, полтинъ и полуполтинъ, признанные монетною канцеляріею удовлетворительными и съ октября 1741 г. чеканка этихъ монетъ была въ полномъ ходу.

Рисунки гривенниковъ утверждены въ маѣ 1741 г., причемъ было представлено 3 пробныхъ гривенника изъ числа 5, изготовленныхъ С.-Петербургскимъ монетнымъ дворомъ. Передѣлку гривенниковъ признано необходимымъ производить въ Москвѣ. Такъ какъ четыре разныхъ штемпеля, изготовленныхъ московскимъ монетнымъ дворомъ, по образцовому гривеннику, присланному изъ С.-Петербурга, найдены были монетною канцеляріею неудовлетворительными, то чеканы для гривенниковъ были вырѣзаны на петербургскомъ монетномъ дворѣ и съ двумя образцовыми монетами посланы въ Москву, гдѣ и чеканились въ большомъ количествѣ.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны въ

Россіи обращались мѣдные пятаки и копѣйки по 40 рублей за пудъ.

Высокая цѣна мѣди въ монетѣ вызывала опасенія въ поддѣлкѣ, а потому вопросъ о мѣдной монетѣ былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, образованной для пересмотра дѣйствовавшей въ то время монетной системы. Комиссія назначила для новой мѣдной монеты цѣну въ 10 рублей пудъ; этою цѣною покрывались продажная цѣна металла (6—7 р. 50 к.) и расходы на передѣлку; поддѣлка монеты такимъ образомъ не могла доставить выгоды фальшивымъ монетчикамъ. Достоинство монеты опредѣлено въ полъ (денежка) и четверть копѣйки (полушка).

28 декабря 1730 г. состоялся высочайшій указъ о приготовленіи денежекъ и полушекъ, которыя оставались въ обращеніи безъ всякихъ измѣненій какъ втеченіе всего царствованія императрицы Анны Іоанновны, такъ и въ царствованіе Іоанна Антоновича.

Такъ какъ пятаки съ крестомъ 40 руб. въ пудѣ продолжали ходить въ народѣ, то правительство, опасаясь поддѣлки ихъ, изыскивало мѣры къ изъятію ихъ изъ обращенія. Барономъ Минихомъ (братомъ фельдмаршала), ставшимъ во главѣ монетнаго управленія въ 1740 г., было представлено по этому предмету нѣсколько проектовъ какъ въ царствованіе Анны Іоанновны, такъ и въ послѣдующее правленіе.

Проекты Миниха сводились къ тому, чтобы клеймить особымъ знакомъ мѣдные пятаки, приносимые частными лицами, и брать отъ каждыхъ 20-ти нефальшивыхъ по одному пятаку, т. е. 5%. Этимъ путемъ одна двадцатая часть всѣхъ пятаковъ извлекалась изъ обращенія и въ то же время такимъ образомъ открывалась возможность опредѣлить количество имѣвшихся въ обращеніи настоящихъ и фальшивыхъ пятикопѣечниковъ. Затѣмъ имѣлось въ виду перечеканить заклейменные пятаки въ двухкопѣечники, «при перепечатаніи пятикопѣечниковъ въ двѣ копѣйки клеймо, которымъ пятикопѣечники клеймены были, видно будетъ» (док. Іоанну Антоновичу № 65). Къ такимъ опытамъ перечеканки слѣдуетъ отнести пятакъ съ клеймомъ и двухкопѣечникъ съ портретомъ императрицы Анны Іоанновны, и пятакъ съ клеймомъ, представляющимъ собою вензель Іоанна III-го Антоновича.

Слѣдующій за документами отдѣлъ составляетъ описаніе монетъ, изображенныхъ на таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ обѣихъ частей изданія. Таблицы съ рисунками монетъ составлены при участіи извѣстнаго знатока отечественной нумизматики Хр. Хр. Гиля.

Въ этомъ отдѣлѣ изображены и описаны по годамъ всѣ извѣстные типы монетъ императрицы Анны Іоанновны и императора Іоанна III, а также и наиболѣе важные варіанты этихъ монетъ.

Такъ какъ въ прежнее время штемпеля рѣзались отъ руки, то встрѣчается много мелкихъ варіантовъ, не попавшихъ на страницы этого изданія.

При тѣхъ монетахъ, которыя были изображены или описаны уже ранѣе, имѣются въ описаніи ссылки на труды, въ которыхъ онѣ были изданы впервые.

Каждая часть этого изданія снабжена отдѣльнымъ указателемъ дметнымъ и собственныхъ именъ.

Къ XII археологическому съѣзду. На послѣднемъ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губерніи, какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впредь продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки при археологическомъ съѣздѣ будетъ обезпеченъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Ѳомовки (Хомивки): группы кургановъ по два, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Ѳомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядѣ «могилокъ» у той же Ѳомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки коллекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава) выслать рукописи времени императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до $2^1/_2$ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ, указавъ на то значеніе, какое имѣетъ изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдованъ, познакомилъ съ трудомъ Б. С. Познанскаго, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высокихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ «Трудахъ предварительнаго комитета».

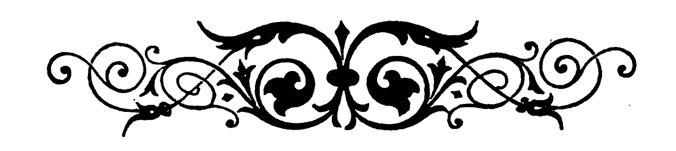
Затѣмъ проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ: 1) сообщеніе г. Яковлева о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватаго, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменныя плиты изъ краснаго песчаника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ Яковлева о случайныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ; докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе—погибель массы кургановъ и всего что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами. «Инженеры, дѣлая изысканія новостроющейся линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по которой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ нужно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнять тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ

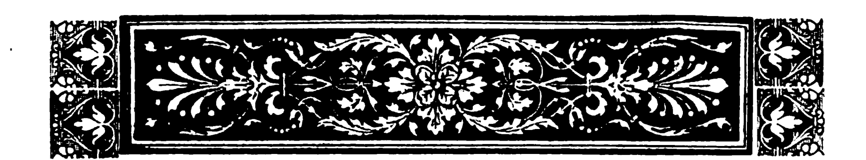
съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣчающихся кургановъ, могилъ и проч. и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, попало въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?»

„Древній Міръ", журналъ всемірной археологіи и исторіи. № 1, подъ редакціей *К. Грузинскаго.*

Журналъ, популяризующій археологическія знанія, весьма желателенъ, но первый выпускъ журнала „Древній Міръ", къ сожалѣнію, не удовлетворилъ насъ. Брошюра въ 12 страницъ формата „Нивы" даетъ лишь рядъ небольшихъ газетныхъ статей по вопросамъ археологіи и довольно полную хронику новостей. Пока журналъ можетъ имѣть интересъ для любителя—археолога и коллекціонера и едва ли можетъ привлечь публику. Сильнымъ тормазомъ къ распространенію журнала будетъ и слишкомъ высокая цѣна его (8 р. въ годъ). Содержаніе журнала составляютъ статьи: А. Рено, „Помпейскія фрески" Н. Бекаревича, „Богородское городище", „Древности въ Россіи" Д. Соколова. „Одесскій центральный архивъ" и хроника.

А. Мироновъ.





Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Историческій документъ, не оправдавшій возлагаемыхъ на него надеждъ.— Характеристика Вл. Соловьева. — На рубежѣ двухъ столѣтій. — Первый русскій натуръ-философъ—„Энциклопедія“ и „Странникъ“.

Статья г. Пирлинга «Названный Димитрій» («Вѣстникъ Европы») представляетъ попытку на основаніи новыхъ документальныхъ данныхъ разрѣшить запутанный вопросъ о русскомъ смутномъ времени. Новымъ документомъ является *докладъ князя Адама Вишневецкаго*. представленный имъ королю Сигизмунду III. о загадочномъ пришельцѣ изъ Московіи. Давно составилось убѣжденіе, что разгадку всей исторіи объ этомъ *пришельцѣ* слѣдуетъ искать въ Ватиканѣ. Къ этому убѣжденію привело то обстоятельство. что почти до послѣдняго времени рѣшеніе этой загадки основывалось исключительно на разсказѣ объ этомъ событіи позднѣйшихъ современниковъ, которые передавали только слухи. По провѣркѣ же и сопоставленіи между собою, эти разсказы въ концѣ концовъ оказывались по меньшей мѣрѣ сомнительными, и потому изслѣдованія, основанныя на нихъ, теряли свое значеніе. Увѣренность создать о загадочномъ лицѣ истинное представленіе по русскимъ источникамъ была потеряна. Осталась единственная надежда—на ватиканскій архивъ, который несомнѣнно долженъ скрывать въ себѣ, если не достовѣрныя свѣдѣнія, то, по крайней мѣрѣ. болѣе вѣроятныя, чѣмъ русскія. Въ Римской куріи возникли такія большія упованія на «*будущаго царевича*», что. по требованію благоразумія, она должна была собрать о немъ возможно полныя свѣдѣнія.

Авторъ прежде всего возбуждаетъ вопросъ. кто же собственно былъ составителемъ *доклада* и какъ онъ былъ составленъ? Но сколь большое значеніе авторъ ни придаетъ этому докладу, оказывается. однако. что такого значенія признать за нимъ нельзя. По словамъ Рангони, самъ Димитрій разсказывалъ свою исторію Вишневецкому. а Вишневецкій только записывалъ его слова. Сигизмундъ III, на основаніи доклада, сообщалъ сенаторамъ о появленіи Димитрія, но

тѣ, хотя и были этимъ сообщеніемъ взяты врасплохъ, однако отнеслись настолько къ этому извѣстію недовѣрчиво, что прямо раскритиковали его и не рѣшились ни на какія мѣропріятія. Левъ Сапѣга замѣтилъ, что Димитрій сочинилъ свою исторію «хитро, но грубо». Барановскій усмотрѣлъ въ докладѣ «цѣлый рядъ завѣдомо ложныхъ фактовъ», и т. д.

Ни то, что по этому вопросу уже было дознано раньше, ни новый документъ не устраняютъ прежнихъ вопросовъ: кто былъ Димитрій? Какой національности? Чей сынъ? Затѣмъ: кто былъ Отрепьевъ? Куда онъ дѣвался? И что зналъ о себѣ самъ Димитрій? Что думалъ о немъ Сигизмундъ III? Наконецъ, насколько были искренни люди, признававшіе въ Димитріи истиннаго царевича, но заявившіе потомъ, послѣ убійства его, что они ошибались?

На основаніи «доклада» и затѣмъ сопоставленіи его съ другими, уже извѣстными документами и изслѣдованіями, какъ-то: собственноручными письмами Димитрія къ папѣ Клименту VIII о своемъ присоединеніи къ римской церкви, собственными разсказами Димитрія о своемъ скитаніи по монастырямъ, показаніемъ дяди Отрепьева, Смирного, и проч., и проч., авторъ приходитъ къ тому заключенію, что Димитрій былъ великороссъ, побывавшій въ монастыряхъ, человѣкъ, тождество котораго съ Отрепьевымъ очень вѣроятно. Самъ Димитрій не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ «истинный царевичъ»; Рангони, утверждавшій подлинность царевича, самъ не вѣрилъ этому; Сапѣга же открыто и съ рѣшимостью высказывался противъ подлинности царевича,—онъ, вѣроятно, зналъ о Димитріи всю истину, такъ какъ въ его канцеляріи сосредоточивались не только дипломатическія сношенія съ Москвою, но и тайные доносы развѣдчиковъ; лично королю онъ заявлялъ, что Димитрій — бѣглый чернецъ Гришка Отрепьевъ.

Самъ авторъ склоненъ присоединиться къ тому же мнѣнію, за которымъ, какъ онъ полагаетъ, до сего времени остается перевѣсъ.

Существуетъ еще одно важное обстоятельство, отъ котораго можно ожидать рѣшающаго направленія этого интереснаго въ исторіи вопроса. До сего времени остается не прослѣженной судьба того столь же таинственнаго незнакомца, какъ и «названный Димитрій,»—Гришки Отрепьева. Костомаровъ рѣшительно заявляетъ, что Димитрій былъ названъ Отрепьевымъ *наугадъ*.

Однимъ журналомъ недавно сдѣлано замѣчаніе объ умершемъ писателѣ, Вл. Соловьевѣ, что вообще и всегда было трудно опредѣлить, чего собственно Соловьевъ хотѣлъ, чего онъ искалъ, къ чему стремился и зачѣмъ писалъ? Вопросъ этотъ, въ одной части его, рѣшаетъ теперь г. Спасовичъ, въ статьѣ «Вл. С. Соловьевъ какъ публицистъ».

Г. Спасовичъ начинаетъ съ констатированія того факта, что Соловьева понимали мало. «Ему ставили на счетъ, какъ недостатокъ, что онъ не причастенъ ни къ какой партіи, что его аргументами пользовались, присвоивая ихъ себѣ, люди разныхъ поло-

женій, что оставалось будто бы неизвѣстнымъ, чего онъ хочетъ и чего онъ ищетъ; что истины онъ не искалъ въ душевныхъ мукахъ; что онъ не метался безпокойно, какъ то дѣлаютъ гиганты духа, но былъ отродясь, будто бы, жизнерадостный человѣкъ, веселый и шутливый оптимистъ. Говорили, что Соловьевъ все, что проповѣдывалъ, нашелъ уже готовымъ въ славянофильствѣ; что умъ у него былъ холодный, но необычайно гибкій, что онъ былъ мыслитель-диллетантъ, сотканный, такъ сказать, изъ противорѣчій; что, проповѣдуя безграничную свободу, онъ былъ въ то же время крутой государственникъ, допускающій законность и войны и наказанія, т. е. такихъ будто бы вещей, которыя сталкиваются лбами».

Авторъ беретъ четыре крупныя публицистическія статьи Соловьева: «Національный вопросъ», «Византизмъ и Россія», «Оправданіе добра» и «Три разговора» и потомъ старается показать, справедливы ли упомянутыя обвиненія, возводимыя на Соловьева.

Первоначальный періодъ міровоззрѣній Соловьева опредѣляется прямо тѣми охранительными органами, въ которыхъ онъ началъ свою литературную дѣятельность. Выросшій въ историческомъ гнѣздѣ великорусской національности, унаслѣдовавшій ея преданія, славянофилъ и патріотъ по воспитанію, онъ, естественно, долженъ былъ примкнуть къ родственному по убѣжденіямъ кружку людей: здѣсь онъ нашелъ сразу то, чѣмъ жилъ и чего искалъ. Но Соловьевъ здѣсь не долго ужился. Дѣйствуя по долгу совѣсти, говоритъ г. Спасовичъ, Соловьевъ «безъ измѣны и отступничества, не только разстался съ своими сподвижниками, но и сдѣлался ихъ противникомъ, выбивая по очереди каждаго изъ дружинниковъ этой рати изъ его сѣдла». Кичливая, самодовольная и убогая теорія націоналистовъ была представлена Соловьевымъ въ такомъ видѣ: до-петровская археологія и не доведенная до полной сознательности христіанская мораль, прикрытыя, и та и другая, искусственными прикрасами, а въ сущности шелухою. Если снять съ ученія эту шелуху, то обнаружится настоящее его зерно, а именно преклоненіе передъ татарско-византійскою сущностью мнимо-русскаго идеала. Но, покинувъ лагерь націоналистовъ и славянофиловъ, Соловьевъ не примкнулъ и къ западникамъ. Онъ дѣйствовалъ въ духѣ «русской истинно-національной партіи», которая еще не нарождалась, но которая должна народиться. Эта партія выработаетъ свою программу, къ которой примкнетъ и правительство. Первою статьею этой программы будетъ освобожденіе русскихъ духовныхъ силъ отъ тяготѣющихъ надъ ними опеки и зависимости. Это будетъ достигнуто посредствомъ согласованія авторитета откровенія съ свободою мышленія. Но предварительно надо освободить авторитетъ откровенія отъ покрывающаго его толстымъ слоемъ византійскаго преданія, а свободу мышленія, подъ которою Соловьевъ разумѣлъ только вѣротерпимость, освободить отъ правительственной регламентаціи. Тогда Россія осуществитъ свою задачу, не осуществленную Византіей: она явитъ міру образцы государственной и общественной жизни, устроенной на основахъ любви, смиренія, непрестаннаго покаянія и непрестаннаго самоулучшенія. Прослѣживая далѣе отношеніе Соловьева къ вопросамъ экономическимъ и нравственнымъ, въ которые

Соловьевъ вноситъ цѣликомъ тѣ же свои религіозно-національные взгляды, г. Спасовичъ не раздѣляетъ точки зрѣнія людей, приписывающихъ Соловьеву многіе недостатки; наоборотъ, по его мнѣнію, Соловьевъ и здѣсь является личностью необычайно цѣльной, съ вѣрованіями задушевнѣйшими, съ качествомъ ума, предвосхищающимъ истину прежде, чѣмъ она сдѣлалась доступна знанію и очевидна для разума.

Затѣмъ, воздавъ Соловьеву должную хвалу также за его устойчивость въ своихъ взглядахъ, за упорное и непоколебимое проведеніе этихъ взглядовъ въ своихъ сочиненіяхъ и признавая въ Соловьевѣ первокласснаго бойца въ діалектикѣ, безподобнаго полемиста, мастера наносить въ состязаніяхъ быстрые, сильные и рѣшительные удары, послѣ которыхъ противникамъ его оставалось только замолчать, г. Спасовичъ приходитъ, однако, къ тому обезкураживающему заключенію, что всетаки «въ своемъ міросозерцаніи Соловьевъ, какъ философъ, былъ совсѣмъ одинокъ; онъ не имѣлъ, кажется, послѣдователей, не образовалъ секты, не оставилъ школы. Его убѣжденія казались современникамъ либо пережитками, либо утопіями». Даже проповѣдь Соловьева о вѣротерпимости въ смыслѣ свободы выбора религіознаго культа, являющаяся огромнымъ вкладомъ въ русскую общественную мысль, не могла всецѣло привлечь симпатій на его сторону. «Намъ, современникамъ, интеллигентнымъ людямъ, говоритъ г. Спасовичъ, вѣротерпимость столь-же дорога, какъ и Соловьеву, но по инымъ, чѣмъ у него, мотивамъ. У насъ она неразрывно связана съ полнѣйшимъ свободомысліемъ, съ возможностью вѣрованія или безвѣрія, съ представленіемъ о томъ, что, отрѣшившись отъ всякой религіозности, всякое лицо можетъ быть вполнѣ нравственнымъ и достойнымъ человѣкомъ».

Сколь ни блестяща защита авторомъ Соловьева, остается нерѣшеннымъ вопросъ, почему же, при всѣхъ необычайныхъ достоинствахъ Соловьева, онъ, по выраженію самого г. Спасовича, остается *одинокимъ*.

По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ разрѣшается крайне просто. Рѣшеніе его заключается, во-первыхъ, въ томъ пріемѣ письма, который практиковался Соловьевымъ, именно, въ тѣхъ предвзятыхъ взглядахъ, съ которыми онъ всегда приступалъ къ предмету и которые такъ теперь рѣшительно отталкиваютъ, въ той догмѣ, безъ которой онъ шагу ступить не могъ, а вооружившись догмой, онъ считалъ себя непогрѣшимымъ; и, во-вторыхъ, какъ ни отрицательно относился Соловьевъ къ извѣстному способу рѣшенія религіозныхъ, національныхъ и нравственныхъ вопросовъ его противниками, которыхъ онъ называлъ исламистами, идолослужителями и національными кулаками, но путь, прокладываемый самимъ Соловьевымъ, шелъ параллельно, почти рядомъ и даже переплетаясь съ тою колеею, по которой шли его противники и съ которой, во всякомъ случаѣ, сбиваться было рискованно. А самое главное то, что эти вопросы, поднимавшіеся Соловьевымъ, представляютъ интересъ не съ той стороны, съ которой разсматривалъ ихъ Соловьевъ: переоцѣнка этимъ вопросамъ производится съ совершенно иныхъ точекъ зрѣнія.

Г. Спасовичъ замѣчаетъ, что вѣрованія Соловьева во многомъ совпадали съ вѣрованіями христіанъ первыхъ вѣковъ христіанства. Такимъ образомъ, Соловьевъ опоздалъ жить тысячи на полторы лѣтъ. Несомнѣнно, что понимать его теперь трудно, а идти за нимъ невозможно.

«Вѣстникъ Европы», въ своихъ *обозрѣніяхъ* внутреннемъ и изъ общественной хроники, всегда представляющихъ большой интересъ, на этотъ разъ останавливается на сравнительномъ обзорѣ внутренней жизни Россіи въ началѣ XIX вѣка и въ его концѣ и на смутныхъ ожиданіяхъ тѣхъ благъ, которыя сулитъ XX столѣтіе.

Различіе между Россіей начала вѣка и Россіей конца вѣка поистинѣ громадно, говоритъ хроникеръ. Сто лѣтъ назадъ безправная, угнетенная масса оставалась неподвижной и задерживала движеніе привиллегированнаго меньшинства. Тщетными оставались всѣ попытки поднять нравственный уровень чиновничества, сломить неправду въ судахъ, создать самоуправленіе. Образованіе высшихъ классовъ парализовалось невѣжествомъ низшихъ. Только тяжкіе уроки, послѣ долгаго колебанія, заставили прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Но реформа, совершенная въ срединѣ вѣка, на которую возлагались всѣ надежды и которая для выполненія была отдана не ея вдохновителямъ, а людямъ другого направленія, не сломила окончательно стараго, признаннаго вреднымъ склада жизни. При другомъ направленіи реформы отличіе конца вѣка отъ начала его было-бы еще рѣзче, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности. Поэтому слѣдуетъ надѣяться, что всѣ зарегистрованныя, но несбывшіяся ожиданія непремѣнно должны осуществиться въ наступившемъ новомъ столѣтіи.

Но плюсъ всетаки получается внушительный. Напр., важнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ слѣдуетъ считать появленіе съ эпохи реформъ множества свободныхъ профессій не состоящихъ, какъ прежде, въ чиновной іерархіи: ученыхъ, литераторовъ, врачей, адвокатовъ, образованныхъ техниковъ, художниковъ.

Воля и распространеніе грамотности расширили дорогу къ свободному труду и проявленію способностей людямъ всѣхъ сословій. Нарушеніе прежнихъ затвердѣвшихъ экономическихъ отношеній сгладило разницу между слоями населенія. Сто лѣтъ тому назадъ общество было глубоко консервативно; оно опасалось перемѣнъ, невыгодныхъ для матеріальныхъ интересовъ и несовмѣстимыхъ съ излюбленными привычками. Индивидуальная мысль пробивалась наружу сквозь нагроможденные пласты косности и апатіи. XVII и XVIII вв. совмѣстно едва могли произвести пять-шесть оригинальныхъ именъ: Котошихина, Посошкова, Новикова, Радищева и Каразина, и самая судьба ихъ свидѣтельствуетъ, какъ мало общаго было между ними и окружающею средою. Оффиціальный міръ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, выставилъ такихъ людей тоже не больше. Бецкій, Сиверсъ, Румянцевъ, нѣсколько молодыхъ совѣтниковъ Александра I,—и только, а многихъ другихъ заѣла немедленно рутина. Умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, выражавшееся, по какому-то странному недоразумѣнію и

вопреки оффиціальной тенденціи, довольно свободно въ литературѣ, могло быть во всякое время прервано и смято безъ остатка, что дѣйствительно, къ пятидесятымъ годамъ и случилось. Въ настоящее время такой катастрофы уже случиться не можетъ по интенсивности и сложности самыхъ жизненныхъ формъ, ломка которыхъ совершенно невозможна. Кромѣ того, русское общество, во второй половинѣ минувшаго вѣка. во многомъ стало на одинъ уровень со своими западными сосѣдями. Его пассивная жизнь уступила мѣсто активной: оно не только получаетъ, но и даетъ, и нѣкоторые его вклады имѣютъ большую цѣнность.

Таковы вклады научные и литературные вообще.

Такимъ образомъ, для новаго, XX вѣка предстоитъ прежде всего главная задача: осуществить несбывшуюся надежду своего предшественника—довести развитіе русской общественной жизни по меньшей мѣрѣ до того предѣла, котораго возможно было достичь и раньше.

Въ Германіи въ началѣ XIX столѣтія возникло необыкновенное увлеченіе шеллинговской натуръ-философіей, этимъ «романомъ природы», который, въ свою очередь, по тогдашнему выраженію патентованныхъ жрецовъ науки, имѣлъ несчастье отвлечь и россійское юношество отъ истиннаго просвѣщенія. Это заключеніе жрецовъ справедливо, но еще справедливѣе будетъ, если скажемъ, что увлеченія «романомъ природы» совсѣмъ бы не было, если бы въ то время въ Россіи существовало «истинное просвѣщеніе» и не посылали бы добывать этого просвѣщенія за границу, въ ту - же Германію.

Исторію такого увлеченія одного русскаго юноши, необычайно трудолюбиваго и даровитаго, разсказываетъ въ «Русской Старинѣ» К. Веселовскій.

У бѣднаго русскаго ремесленника Ковунника былъ сынъ Данило, который, пережевавъ и проглотивъ къ пятнадцати годамъ весь «горькій корень» первоначальнаго ученія, возымѣлъ страшную жажду вкусить и дальнѣйшихъ «сладкихъ плодовъ» его. Но что къ лицу Юпитера, то не къ лицу быку. Ковуннику пришлось добираться до этихъ плодовъ по самой длиннѣйшей линіи, какая только существуетъ между двумя точками, и добрести отъ одной изъ нихъ къ другой только благодаря случайностямъ. Надо было, чтобы на пути Ковуннику встрѣтился добрый лекарь, который указалъ ему на добраго же студента, чтобы этотъ безплатно обучилъ Ковунника латинскому языку. Добрый лекарь этимъ не ограничился; онъ отклонилъ просьбу Ковунника о принятіи его на мѣсто фельдшера и подалъ ему добрый же совѣтъ отправиться учиться въ кіевскую духовную академію. За дверями академіи Ковунникъ исчезаетъ, а черезъ нѣсколько годовъ оттуда выходитъ вмѣсто него окончившій курсъ ученія лучшій академистъ, Даніилъ Михайловичъ Веланскій, котораго академія рѣшила послать за границу для обученія медицинѣ. Въ этотъ разъ Веланскій за границу не попалъ, а поѣхалъ учиться въ спб. медико-хирургическую академію, и только уже оттуда попалъ за границу, въ 1802 году.

именно въ самый разгаръ увлеченія шеллинговой философіей, которая всецѣло завладѣла его умомъ и не покидала уже его до самой смерти, въ 1848 году. По возвращеніи изъ-за границы ему предстояло занять въ академіи каѳедру, а для этого написать предварительно диссертацію. Диссертація, подъ заглавіемъ «О реформѣ медицинской и физической теоріи», была написана, напечатана, оглашена и назначенъ былъ диспутъ. Диспутъ назначался три раза, но желающихъ оспаривать никого не нашлось! Случился небывалый фактъ: диссертація прошла *безъ возраженій*. и Веланскому была дана степень доктора медицины и хирургіи.

Съ этого времени начинается въ Россіи чтеніе съ каѳедры «романа природы», сочиненнаго Шеллингомъ. Разумѣется, *романъ* въ настоящее время разсказывать и скучно и безполезно и не интересно. Прямой пользы, какъ и всякій романъ, онъ не принесъ. Но косвенно на русское учащееся юношество того времени онъ повліялъ самымъ плодотворнымъ образомъ, пробудивъ интересъ къ наукѣ и воодушевивъ къ научнымъ занятіямъ.

«По свидѣтельству современниковъ, лекціи Веланскаго производили на умы его молодыхъ слушателей сильное впечатлѣніе... Преподаваніе его находили особенно интереснымъ и увлекательнымъ. На лекціи Веланскаго смотрѣли какъ на откровеніе и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ безпрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ академіи». Не малую роль играла и самая личность лектора, который былъ «весь огонь и пламень».

Извѣстно, что шеллингисты всѣ отличались какою то экзальтированною приверженностью къ ученію своего учителя Шеллинга. Впослѣдствіи въ московскомъ университетѣ такой же энтузіазмъ возбуждали лекціи натуръ-философа Павлова, профессора... сельскаго хозяйства, подъ покровомъ котораго читалась тогда *запрещенная* къ преподаванію философія.

Далѣе авторъ разсказываетъ о положеніи Веланскаго въ академіи, на котораго и его сослуживцы и учебное начальство смотрѣло какъ на такого ученаго, который занимается совершенно безполезными изслѣдованіями и приноситъ вредъ студентамъ чтеніемъ своихъ лекцій. Его сочиненіе «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика», написанное имъ превосходно и излагающее систему Шеллинга въ совершенствѣ, не только не было удостоено преміи, на соисканіе которой онъ предназначалъ его, но, наоборотъ, ученый ареопагъ далъ о немъ такой отзывъ: «Сколько сія философія опасна быть должна для всѣхъ наукъ, судить можно и по тому, что почтенный авторъ сей книги и даже послѣ 35-лѣтняго занятія философическими науками все еще рѣшительно считаетъ оную единственнымъ источникомъ всей мудрости и посвящаетъ оную благомыслящимъ, правдолюбивымъ, великодушнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, кои ясное философическое знаніе и положительную истину умозрительной критики предпочитаютъ мрачному невѣдѣнію горделиваго профанизма и пышному ничтожеству кичливаго скептицизма... Не признаетъ ли конференція полезнымъ, чтобы распространенію

такого ученія положены были справедливые предѣлы для огражденія учащагося юношества отъ вредныхъ послѣдствій».

Только одинъ профессоръ, старикъ Захаровъ, не согласился съ комиссіей и подалъ особое мнѣніе: „Разсмотрѣвъ сочиненіе г. Веланскаго подъ заглавіемъ: «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика», нахожу, что оно по своему содержанію и способу изложенія есть новое и что доселѣ никто еще не писалъ на россійскомъ языкѣ о физическихъ предметахъ подобнымъ образомъ. Его физика касается до всей вселенной, основанія ея суть метафизическія, выведенныя изъ понятій отвлеченныхъ; посему теоретическія изъясненія въ оной вовсе противны мнѣнію прежнихъ и тѣхъ нынѣшнихъ естествоиспытателей, кои слѣдуютъ атомической системѣ; ибо онъ, стараясь утвердить динамическую, на однѣхъ силахъ основанную, составилъ свою, почитаетъ теплоту и свѣтъ за существа невещественныя, и, соединяя другъ съ другомъ идеальныя существа, производитъ изъ оныхъ тѣла вещественныя. Я не могу быть при семъ случаѣ ни скептикомъ, ни защитникомъ метафизическихъ его положеній, не изучившись въ полной мѣрѣ трудной системѣ, имъ предложенной, и не занимавшись никогда метафизикою, а пріучивъ себя вѣрить грубымъ опытамъ, не могу судить мужа ученостью извѣстнаго, упражняющагося уже 30 лѣтъ въ сихъ метафизическихъ изысканіяхъ и издавшаго многія подобныя философическія въ свѣтъ книги, а скажу только, что положенія его суть одни идеалы, кои съ нынѣшними нашими физическими понятіями, требующими въ доказательство опыты, не согласны. Впрочемъ, сочиненіе сіе заслуживаетъ вниманія ученой публики нашего отечества, и, можетъ быть, что современемъ будетъ уважено тѣми, кто въ таковыхъ метафизическихъ разбирательствахъ упражняется. Безвредно философствовать никому не возбраняется, и всякою безвредною философіею можетъ принести если не нынѣ, то современемъ какую-либо пользу».

Когда «опытная, наблюдательная и умозрительная физика» Веланскаго вышла въ свѣтъ, то баронъ Брамбеусъ встрѣтилъ ее злою насмѣшкою въ своемъ фантастическомъ разсказѣ: «Большой выходъ у сатаны». Это такъ задѣло за живое нашего философа, что онъ вызывалъ черезъ газеты желающихъ на публичное съ нимъ состязаніе, обязуясь уплатить 5000 руб. асс. тому, кто опровергнетъ хоть одно изъ положеній въ его физикѣ. И опять охотниковъ препираться съ нимъ на этомъ поприщѣ не явилось, точно такъ же, какъ двадцать лѣтъ ранѣе не нашлось въ медицинской академіи оппонентовъ для его докторской диссертаціи. **И. М.**

Энциклопедія. Иллюстрированный, научно-популярный журналъ. 1901 г. №№ 1—4.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго годовъ во всѣхъ газетахъ пестрѣли объявленія объ изданіи новаго, выше названнаго журнала. Реклама обѣщала самую широкую программу возникающаго изданія, которое сулило «давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній». *Особенно богатый* библіографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты и т. д. Въ обширномъ объявленіи не доставало

только главнаго—*кто* будетъ издавать журналъ, *къмъ* онъ будетъ редактироваться и *кто* принимаетъ на себя трудъ выполненія широковѣщательнаго обѣщанія. Такимъ образомъ, являлась какая-то загадочно-анонимная редакція съ таинственными сотрудниками, каковыми редакція «заручилась». называя ихъ «дѣятелями» по популяризаціи знаній.

Въ половинѣ января вышла первая тощая книжка новаго журнала, содержащая въ себѣ всего пять печатныхъ листовъ со статьями В. Марроне-Морозковской, Г. Бернгейма, Дм. Трублаевича, В. Пеханевка. С. Цукермана и др. никому невѣдомыхъ «дѣятелей». Лица эти писали, въ большинствѣ случаевъ, о томъ, что никому совершенно не интересно или давно извѣстно, потому, не останавливаясь на ихъ «трудахъ», перейдемъ къ обѣщанному «особенно богатому библіографическому отдѣлу». Раздѣляется онъ на нѣсколько, такъ сказать, главъ—обзоровъ журналовъ на разныхъ языкахъ. Обзору русскихъ журналовъ посвящено не болѣе 75 строкъ для поверхностной критики «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и «Искусства и художественной промышленности», это *все*, что редакція нашла среди русскихъ журналовъ!! Впрочемъ, явилась оговорка, что этотъ обѣщанный «особенно богатый» отдѣлъ въ слѣдующихъ книжкахъ «будетъ значительно увеличенъ». По $1^1/_4$ стр. посвящено обзору французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ и $^1/_2$ стр. на обзоръ американскихъ журналовъ. Вотъ и вся первая книжка... Второй №—столь же тощій и совершенно не интересный по содержанію, со статьями Дм. Трублаевича. М. Лера и Н. Тесла; обѣщанное значительное увеличеніе «особенно богатаго отдѣла» такъ и не состоялось, появились лишь коротенькія рецензіи о трехъ новыхъ книгахъ, да обзоръ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ журналовъ—всѣхъ вмѣстѣ на $1^1/_2$ страницахъ. О русскихъ — ни слова. Говорить о содержаніи третьяго №—это значило бы повторять сказанное о первыхъ двухъ. Многія статьи явились просто перепечатками даже изъ «Правительственнаго Вѣстника»! «Особенно богатый отдѣлъ»—по прежнему слабъ. Обзоръ русскихъ журналовъ охватываетъ только три: «Міръ Божій», «Вѣстникъ Всемірной Исторіи» и «Кіевскую старину», давая поверхностное сужденіе о каждомъ; нѣсколько, на этотъ разъ, обширнѣе—обзоръ иностранныхъ журналовъ. Библіографіи нѣтъ вовсе.

Наконецъ № 4.—Стоитъ ли начинать о немъ говорить? Все то, что говорилось о первыхъ, примѣнимо и къ этому нумеру, а что можно сказать объ этомъ—примѣнимо ко всѣмъ предыдущимъ. Объ иллюстраціяхъ во всѣхъ №№ лучше не упоминать. Желая журналу успѣха, выразимъ надежду, что послѣдующія книжки не будутъ похожими на первыя.

Въ мартовской книжкѣ журнала «Странникъ» г. Михаилъ Юркевичъ, въ статьѣ «Измите злаго отъ васъ самѣхъ», договорился до требованія исключить графа Л. Н. Толстого изъ числа академиковъ! Г. Юркевичъ думаетъ, что не мѣсто графу «засѣдать въ нашей русской Академіи наукъ». Высказывая подобное мнѣніе, авторъ. однако. не говоритъ, *кому* же въ такомъ случаѣ тамъ мѣсто?

Наконецъ, повидимому, употребляя слово «засѣдаетъ», онъ, кажется. не знаетъ, что графъ Толстой ни разу со времени своего избранія, къ сожалѣнію, не былъ въ Академіи, а только въ ней числится. Чѣмъ г. Юркевичу помѣшало такое «состояніе въ спискѣ»—не понимаемъ. Мы упоминаемъ о Михаилѣ Юркевичѣ не потому, чтобы онъ могъ претендовать на вниманіе къ себѣ. а только отмѣчаемъ какъ курьезъ, до чего не въ мѣру усердствующіе люди могутъ договориться. Послѣ этого, пожалуй, можно ожидать отъ Михаиловъ Юркевичей пожеланія, чтобы были сожжены «Война и Миръ», «Анна Каренина» и т. д.

Новыя книги.

Н. К. Шильдеръ. **Императоръ Павелъ I.** Историкобіографическій очеркъ, съ портретами, видами, планами и автографами. Спб. 1901 г.

Трудъ Шильдера въ значительной степени пополняетъ одинъ изъ давнихъ пробѣловъ отечественной исторіи, пробѣловъ, обнимающихъ краткій періодъ времени, но тѣмъ болѣе загадочныхъ для безпристрастной критики. Царствованіе Императора Павла Петровича и представляетъ до сихъ поръ подобный пробѣлъ. Послѣ славныхъ Екатерининскихъ временъ, когда жизнь русская била живымъ ключемъ и, несмотря на пристрастіе къ Европѣ, носила всѣ черты самобытнаго развитія,—наступило крутое время вплоть до 1801 г., время, полное тревогъ и странныхъ противорѣчій. Сорока двухълѣтній императоръ, долго стоявшій вдали отъ государственнаго правленія, внезапно получилъ возможность проявить свою самодержавную энергію и проявилъ ее въ формѣ столь рѣзкой и, скажемъ прямо, безсистемной, что до сихъ поръ историками не рѣшенъ вопросъ о сущности этого характера и о мотивахъ, заставлявшихъ дѣйствовать императора Павла какъ бы въ разрѣзъ съ запросами дѣйствительной жизни.

Современная наука не довольствуется категорическимъ опредѣленіемъ выдающихся характеровъ историческихъ личностей. Даже тѣ изъ нихъ, которые народной молвой названы Грозными, Жестокими и т. п., подлежатъ въ настоящее время критической переоцѣнкѣ, которая часто приводитъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, если не отрицающимъ самые факты, то дающимъ имъ совершенно новое освѣщеніе и логическій смыслъ. Правда, отыскиваніе историческихъ законовъ и траэкторій человѣческаго прогресса создало излишнюю крайность: ученіе о механическомъ процессѣ исторіи и полное отрицаніе воздѣйствія отдѣльныхъ личностей. Къ несчастію, наука о жизни человѣческой, слишкомъ близкая къ намъ по интересамъ умственнымъ, нравственнымъ и инымъ, съ трудомъ можетъ освободиться отъ различныхъ тенденцій, нося-

щихъ лишь временный, недолговѣчный характеръ. Но даже, отводя въ исторіи для личности скромное мѣсто одного изъ дѣйствующихъ факторовъ, мы не можемъ не интересоваться всѣми подробностями, всѣми вліяніями, при которыхъ образовалась умственная и нравственная физіономія тѣхъ лицъ, отъ воли которыхъ зависѣла судьба милліоновъ въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Методъ психологическій, такимъ образомъ, представляется намъ единственнымъ путемъ для того, чтобы исключить изъ исторіи все случайное, но вмѣстѣ съ тѣмъ не впасть въ огульное отрицаніе свободной воли въ правленіяхъ отдѣльныхъ личностей, общественныхъ группъ и цѣлыхъ народовъ.

Открытіе общихъ историческихъ законовъ—дѣло весьма отдаленнаго будущаго и увлекаться имъ подчасъ весьма рисковано; по крайней мѣрѣ всевозможныя историческія предсказанія или примѣненія, напримѣръ, теоріи эволюціи политическихъ и общественныхъ формъ одного народа къ жизни другого,—ни научнаго, ни практическаго значенія не имѣли. И пока мы все-же должны довольствоваться методомъ психологическимъ, хотя бы въ смыслѣ детальной и логически обоснованной разработки извѣстныхъ историческихъ моментовъ. А такъ какъ такіе моменты въ прошломъ Россіи въ значительной степени обусловливались волею самодержавныхъ правителей, то очевидно, что психологія ихъ представляется вопросомъ существенно важнымъ

Съ этой точки зрѣнія трудъ Шильдера является весьма цѣннымъ, такъ какъ авторъ съ большимъ умѣніемъ воспользовался имѣвшимся въ его рукахъ историческимъ матеріаломъ и нарисовалъ полную и яркую картину духовной жизни Павла I въ зависимости отъ вліяній и положеній, создавшихъ роковыя особенности характера императора. Шильдеръ, вопреки моднымъ декадентамъ исторической науки, не далъ новаго по существу объясненія характера Павла Петровича, какъ то пытаются дѣлать иные въ погонѣ за новизной и оригинальностью. Послѣднее стремленіе, кстати сказать, часто ведетъ историка по совершенно ложному пути, взятому отъ какого-нибудь отдѣльнаго факта, не имѣющаго общаго значенія,—по пути, вынуждающему автора часто къ болѣзненному напряженію фантазіи съ цѣлью доказать во что бы то ни стало справедливость своей мысли. Шильдеръ счастливымъ образомъ избѣгъ искушенія сказать что-нибудь оригинальное и предпочелъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ подтвердить и развить общепринятое мнѣніе, что императоръ Павелъ отличался излишней нервной раздражительностью, приводившей его въ психическомъ отношеніи къ явнымъ противорѣчіямъ и непослѣдовательности. „Историкобіографическій очеркъ" можетъ быть по справедливости названъ блестящимъ психологическимъ этюдомъ. Всѣ выдающіяся событія, вліяніе отдѣльныхъ личностей, вліяніе обстановки—все это приведено авторомъ въ стройную систему и обличаетъ въ немъ талантливаго историческаго критика. Съ первыхъ страницъ книги читатель получаетъ руководящую нить и не теряетъ ее до послѣдняго момента, т. е. до внезапной кончины императора Павла.

Самое рожденіе великаго князя Павла Петровича и его младенческіе

годы оставили неизгладимые слѣды на всю дальнѣйшую судьбу, на весь характеръ будущаго наслѣдника русскаго престола. Императрица Елизавета Петровна ясно сознавала политическое значеніе появленія на свѣтъ сына у ея племянника, великаго князя Петра Ѳеодоровича, въ смыслѣ укрѣпленія династическихъ правъ за извѣстною вѣтвью дома Романовыхъ. Новорожденнаго великаго князя окружили всевозможнымъ попеченіемъ, но, къ несчастію, сочли нужнымъ совершенно удалить его отъ матери, а самыя заботы, по невѣжеству лицъ, которымъ было поручено физическое воспитаніе младенца, дали весьма нежелательные результаты и разстроили здоровье великаго князя. Постоянныя заболѣванія (преимущественно желудочныя), а также и неумѣлое обращеніе съ нервнымъ ребенкомъ создали необычайную раздражительность, болѣзненную воспріимчивость впечатлѣній, самоуглубленіе и мрачный взглядъ на окружающее; при всемъ томъ развились нетерпимость и своеволіе. Всѣ дальнѣйшія обстоятельства жизни цесаревича не только не смягчили этихъ отрицательныхъ качествъ, но еще сильнѣе увеличивали ихъ. Воспитатель, Никита Ивановичъ Панинъ, съ трудомъ справлялся со своимъ державнымъ ученикомъ, а вліяніе С. А. Порошина, повидимому, благодѣтельное, было слишкомъ кратковременно. Тѣмъ не менѣе великій князь выказалъ хорошія способности и, какъ большинство дѣтей, воспитываемыхъ безъ общества своихъ сверстниковъ, отличался преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ и склонностью самостоятельно составлять сужденія о текущихъ событіяхъ, возбуждавшихъ, быть можетъ, чрезмѣрно его дѣтское любопытство. Теплой любви матери великій князь никогда на себѣ не испытывалъ и даже послѣ смерти Елизаветы Петровны между императрицей Екатериной и ея сыномъ не образовалось сердечной близости. Отецъ, императоръ Петръ III, казалось, вовсе даже не замѣчалъ существованія великаго князя и наслѣдника престола. Дворцовый переворотъ 1762 г. не остался безъ слѣда на воображеніи восьмилѣтняго ребенка, напуганнаго, кстати, торопливымъ отвозомъ его во дворецъ въ ночномъ костюмѣ и послѣдующимъ пребываніемъ подъ торжественной охраной сенаторовъ во время военнаго похода императрицы Екатерины на Петергофъ.

Никита Ивановичъ Панинъ держался того мнѣнія, что послѣ смерти Петра III на престолъ долженъ вступить непосредственно Павелъ I, а Екатерина должна быть избрана регентшей до совершеннолѣтія императора. Этотъ взглядъ воспитатель старался внушить своему воспитаннику и тѣмъ самымъ разжигалъ тотъ внутренній огонь, который и безъ того съ дѣтства распалялъ воображеніе великаго князя. Павелъ Петровичъ втеченіе всего 34-лѣтняго царствованія Екатерины II чувствовалъ себя обиженнымъ судьбою, устраненнымъ отъ управленія государственными дѣлами и невольно между нимъ и императрицей-матерью создалась пропасть, которая современемъ все расширялась и отдаляла другъ отъ друга столь близкія по крови личности. Тяжелое впечатлѣніе оставилъ на Павлѣ Петровичѣ и бунтъ Мировича, однако, физическая организація великаго князя, послѣ тяжкихъ испытаній въ видѣ горячки и другихъ болѣзней, совершенно окрѣпла и къ 18 годамъ возникъ

вопросъ о его бракѣ. Принцесса Дармштадтская — Вильгельмина, нареченная при супружествѣ великой княгиней Наталіей Алексѣевной, проявила вполнѣ самостоятельный характеръ и, безъ сомнѣнія, не мало повліяла на развитіе недовольства въ своемъ супругѣ противъ императрицы. Проникнувшись убѣжденіемъ, что ему необходимо принять нѣкоторое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, Павелъ Петровичъ подалъ записку Екатеринѣ II, въ которой высказался довольно рѣзко о неустройствѣ Россіи (вѣроятно, подъ вліяніемъ Пугачевскаго бунта), и находилъ необходимымъ введеніе строжайшей дисциплины и главенства военнаго сословія во всѣхъ дѣлахъ Имперіи. Шильдеръ довольно подробно останавливается на страсти Павла Петровича къ военнымъ упражненіямъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

Смерть великой княгини Натальи Алексѣевны помимо горести утраты принесла еще и муки поздней ревности. Поѣздка въ Берлинъ по указанію императрицы съ цѣлью сватовства еще болѣе убѣдила великаго князя въ преимуществахъ военнаго режима и сдѣлала его убѣжденнымъ поклонникомъ Фридриха Великаго.

Новое супружество съ Софіей-Доротеей Виртембергской (великая княгиня Марія Ѳеодоровна) принесло временное успокоеніе больной душѣ Павла Петровича. Онъ, повидимому, примирился со своею пассивною ролью въ дѣлахъ государства и съ охотой принялъ предложеніе императрицы отправиться путешествовать за границу (подъ именемъ графа Сѣвернаго). Одно обстоятельство могло, впрочемъ, омрачать супружеское счастіе великаго князя:— Екатерина по примѣру Елизаветы Петровны отстранила отъ родителей дѣло воспитанія дѣтей наслѣдника престола и, какъ извѣстно, съ чисто материнскою заботливостью относилась къ своему любимцу—великому князю Александру Павловичу. Впослѣдствіи это отразилось на отношеніяхъ императора Павла къ великимъ князьямъ.

Здѣсь наступаетъ любопытнѣйшій періодъ жизни Павла Петровича. Не имѣя возможности вліять на управленіе государствомъ и провести въ жизнь свои излюбленныя идеи, онъ съ необычайной страстностью занялся устройствомъ дарованнаго ему имѣнія—Гатчины, которое вскорѣ приняло характеръ маленькаго государства съ своимъ собственнымъ дворомъ, съ собственными войсками и съ чисто военной, вѣрнѣе, казарменной организаціей. Энергія, дотолѣ подавленная, нашла себѣ исходъ, хотя бы въ маленькомъ дѣлѣ, недовольство государственными порядками временъ Екатерины находило себѣ успокоеніе въ ежедневныхъ вахтъ-парадахъ, строжайшей субординаціи, маршировкѣ, парикахъ и прусскихъ мундирахъ.

Гатчина составляла такимъ образомъ государство въ государствѣ и Павелъ Петровичъ самодержавно правилъ среди своихъ пока немногочисленныхъ подданныхъ. Императрица Екатерина не усматривала ничего опаснаго въ подобныхъ занятіяхъ цесаревича. Дѣйствительно, Гатчина не грозила какимъ-либо новымъ переворотомъ, но впослѣдствіи значеніе ея было огромное.

Въ 1796 году съ послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ Екатерины закончилась блестящая эпоха ея царствованія.

На престолъ вступилъ Павелъ Первый и тотчасъ же началъ вводить государственный строй, выработанный имъ въ Гатчинѣ.

Послѣдовалъ рядъ крутыхъ мѣръ, отличавшихся большой стремительностью, но недостаточной послѣдовательностью. Всѣ свойства характера Павла Петровича получили свое полное развитіе и его царствованіе роковымъ образомъ закончилось въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года.

Повторимъ вмѣстѣ съ Шильдеромъ слова В. А. Бильбасова: «по смерти Екатерины... закончился періодъ государственныхъ реформъ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшаго славный трудъ Петра I и Екатерины II».

«Наступилъ», добавляетъ отъ себя Шильдеръ, «краткій, но незабвенный по жестокости періодъ четырехлѣтняго царствованія императора Павла».

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что при всѣхъ блестящихъ достоинствахъ почтеннаго труда Шильдера мы никакъ не можемъ согласиться съ его взглядомъ на историческую Немезиду, которой онъ придаетъ фатальное и отчасти даже мистическое значеніе. Такъ, въ отрицательныхъ чертахъ царствованія Павла I онъ видитъ какъ бы нѣкоторое возмездіе за несправедливое отношеніе къ царевичу Ивану Антоновичу.

Съ внѣшней стороны сочиненіе Шильдера издано прекрасно, снабжено художественно исполненными портретами, копіями съ актовъ и можетъ послужить украшеніемъ для всякой исторической библіотеки. **С—л—м—нъ.**

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXI и XXXII. Львів. (Львовъ. Австрійская Галиція).

Объемистые томы, заглавія которыхъ выписаны нами выше, являются результатомъ неутомимой дѣятельности «Научнаго Общества имени Шевченка», существующаго во Львовѣ, въ Австрійской Галиціи, и публикующаго на малорусскомъ языкѣ научныя работы своихъ членовъ, среди которыхъ имѣются люди съ такими заслуженными именами какъ профессора Грушевскій, Ів. Франко, проф. К. Студинскій, А. Кониссkій, Ѳ. Рыльскій, проф. Пулюй и др. XXXI и XXXII т. «Записокъ» представляютъ особенный интересъ потому, что въ нихъ напечатаны тѣ рефераты, которые должны были быть прочитаны на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, но въ виду оппозиціи проф. Флоринскаго, увидавшаго въ чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ «потрясеніе основъ», рефераты эти прочитаны не были и теперь желающіе могутъ познакомиться съ ними въ изданіи Общества. Нечего и говорить, что въ рефератахъ этихъ самое изощренное око не отыщетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ «сеничкина яда» и лишь полицейское рвеніе можетъ видѣть «сепаратизмъ» въ стремленіи галицко-украинскихъ ученыхъ читать эти рефераты на своемъ родномъ языкѣ, а не на русскомъ, которымъ многіе изъ нихъ не владѣютъ настолько хорошо, чтобы изъясняться на немъ совершенно свободно. Въ самомъ дѣлѣ, какую опасность для государства могъ вызвать рефератъ проф. Грушевскаго о «Похоронномъ полѣ въ селѣ Чехахъ», являющійся чисто археологическимъ отчетомъ о раскопкахъ въ Бродскомъ уѣздѣ? Столь же строго-научный характеръ носятъ и другіе историческіе рефераты: «О политическихъ партіяхъ въ Галицкомъ княжествѣ въ первой половинѣ

XIII столѣтія» д-ра М. Кордубы, «Русскія земли польской короны въ концѣ XV вѣка» С. Рудницкаго, «Объ остаткахъ первобытнаго коммунизма въ Скольскомъ и Долинскомъ судебныхъ округахъ» д-ра Охримовича и этнографическое изслѣдованіе В. Гнатюка «Словацкій разбойникъ Яношикъ въ народной поэзіи». Всѣ рефераты эти предназначены, какъ видятъ читатели, не для широкой публики, а для спеціалистовъ, какими и были члены Кіевскаго археологическаго съѣзда. Не будь нелѣпой оппозиціи со стороны людей, привыкшихъ смѣшивать «два разныхъ ремесла», науку и сыскъ, рефераты эти были бы прочитаны, вызвали бы соотвѣтственные дебаты и дѣло кончилось бы, какъ выражается одинъ изъ героевъ Гл. Успенскаго, «тихо, мирно и благородно». Теперь же, люди слѣдящіе за научными славянскими изданіями, могутъ нерѣдко наткнуться на «размышленія» братьевъ славянъ по поводу Кіевскаго съѣзда столь нелестнаго свойства, что невольно начинаютъ слетать «крылатыя слова» по адресу г. Флоринскаго. Хуже всего, что поведеніе одного человѣка окрашиваетъ вообще русскую науку въ совершенно несвойственный ей цвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать галичанину, окончившему курсъ въ одной изъ 4 существующихъ въ Галиціи малорусскихъ гимназій (въ Львовѣ, Перемышлѣ, Коломіѣ и Тернополѣ), гдѣ всѣ предметы гимназическаго курса преподаются на малорусскомъ языкѣ. Галичанинъ слышитъ малорусскій языкъ въ семьѣ, въ гимназіи, въ университетѣ (въ Львовскомъ и Черновицкомъ университетахъ нѣкоторые предметы читаются на малорусскомъ языкѣ), онъ привыкаетъ считать свой языкъ полноправнымъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, гордится имъ, гордится своей небольшой, но глубоко демократической по духу литературой, въ рядахъ которой имѣются такіе таланты какъ Шевченко, Кулишъ, Квитка, Марко-Вовчокъ, Стороженко, Франко и пр., такіе ученые какъ покойный Драгомановъ. Является такой галичанинъ на русскій археологическій съѣздъ, гдѣ всякій словакъ, словинецъ, болгаринъ, сербъ, могутъ читать на своемъ родномъ языкѣ, и узнаетъ, что его языкъ представляетъ «сепаратистское измышленіе». Какія чувства онъ унесетъ съ этого съѣзда, наконецъ, что подумаютъ другіе «братья славяне»? Но г.г. Флоринскимъ, очевидно, мало дѣла до того, что они таскаютъ русскую науку въ грязи... Въ какое безпомощное и комическое положеніе впадаетъ галичанинъ, когда онъ хочетъ писать не на родномъ, а на «общерусскомъ» языкѣ, читатели могутъ судить по слѣдующему «перлу», заимствованному нами изъ вышедшей въ Коломіѣ книги «Сборникъ декламаціи, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателей». (Собралъ М. Бѣлоусъ. 1900). «Перлъ» этотъ принадлежитъ перу г. Луцика, одного изъ галицкихъ «общерусскихъ» поэтовъ и носитъ заглавіе: «Трираменный крестъ»:

„У стопъ твоихъ, прадѣдной знамя вѣры,
Съ нѣмымъ страданьемъ клонимъ наши главы,
Сыны—росимъ слезовъ рубахи дѣры
И плачъ къ Тобѣ несеся нашъ смиренный:
Спаси насъ, кресте, святый, трираменный!“

Стихотвореніе г. Луцика, несмотря на серьезность сюжета, вызываетъ невольную улыбку. Дабы читатели не подумали, что мы выбрали нарочно наиболѣе неудачное изъ галицко-русскихъ произведеній приводимъ другой перлъ, принадлежащій перу г. Гушалевича и напечатанный въ «Иллюстрированномъ календарѣ на 1901 г.», предназначенномъ для галицкихъ крестьянъ. Стихотвореніе озаглавлено: «На будущее»:

„Чего желали мы, то сбылось:
Будущее предъ нами скрылось,
Но грозное лице его
Стоитъ предъ нами все мертво,
Мелькаетъ страшными очами,
Скрегочетъ острыми зубами,
Сближается ко намъ тропой...
Оковы стальною рукой
Несётъ и ними насъ сцѣпляетъ,
Въ очей зѣницу изжлобляетъ
И прободивши грудь перстомъ
Ударивши въ грудь молотомъ,
А руки, ноги изранены
Кладетъ межь ножи изострены“...

Поняли вы что нибудь, читатель? Мы, признаемся, ничего не понимаемъ... А вѣдь это произведеніе предназначается для чтенія галиційскихъ крестьянъ! Патріоты, въ родѣ г. Флоринскаго, называютъ малорусскій языкъ, употребляемый новѣйшими галицко-украинскими писателями, «кованымъ и искусственнымъ»... Ну, а произведенія г. Луцика и г. Гушалевича, на какомъ языкѣ они написаны? Эти патріоты забываютъ, что всякій языкъ, возвышаясь отъ простонароднаго нарѣчія, долженъ изобрѣтать или заимствовать изъ другихъ языковъ слова, выражающія высшія понятія, отсутствующія въ простонародномъ обиходѣ. Развѣ книга по философіи понятна русскому крестьянину? Развѣ всѣ наши «міровоззрѣнія», «кругозоры» и т. п. не «кованыя» слова? Въ этихъ случаяхъ важно лишь, чтобы «ковка» происходила на чисто народной основѣ, чѣмъ народу облегчается усваиваніе новыхъ для него понятій, и малорусская литература идетъ именно этимъ путемъ.

В. Б—скій.

Адольфъ Гаусратъ. **Средневѣковые реформаторы.** Т. I. Спб. 1900, стр. 379.

Это—одно изъ послѣднихъ изданій почтеннаго Л. Ф. Пантелѣева, уже обогатившаго нашу переводную литературу цѣлымъ рядомъ лучшихъ научныхъ произведеній. Книжка, за успѣшный переводъ которой ручается имя Э. Радлова, представляетъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ выборовъ. Нѣмецкій ученый Гаусратъ давно пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свои познанія, широту воззрѣній и изящество изложенія. Одинъ изъ самыхъ удачныхъ его замысловъ—дать популярно написанную галлерею средневѣковыхъ реформаторовъ. Это значитъ набросать исторію мысли въ средніе вѣка. Въ этой исторіи особенно видная и драматическая роль принадлежитъ знаменитому схоластику Абеляру. Ему и посвящены двѣ трети лежащаго передъ нами I тома труда Гаусрата.

Владѣя всѣми первоисточниками, авторъ съ любовью слѣдитъ шагъ за шагомъ за жизнью своего героя, безпристрастно оцѣнивая его главные поступки. Онъ искусно разбирается въ дебряхъ схоластическихъ преній и, не соблазняясь мелочами, даетъ ясную картину умственнаго быта 12-го вѣка, эпохи второго крестоваго похода.

По своему живому, критическому уму, по сознанію своей талантливости, Абеляръ былъ рожденный новаторъ, боецъ противъ всякихъ традицій и предразсудковъ. Такъ какъ онъ жилъ въ разгаръ церковнаго идеализма, то ему пришлось выступить въ роли предтечи Возрожденія подъ вліяніемъ Аристотеля и Аверроэса. Блестящій діалектикъ, онъ сталъ проповѣдникомъ сомнѣнія и свободы сужденій: онъ началъ толковать Библію самостоятельно и находилъ въ ней чуть не антропоморфизмъ. Въ своихъ остроумныхъ «Да и нѣтъ» (сочиненіе, которое еще не переведено съ латинскаго и издано лишь въ нашемъ столѣтіи) онъ очень находчиво приводитъ противорѣчія изъ отцовъ церкви. Мало того. Абеляръ былъ новаторомъ и въ собственной жизни. Онъ далъ первый, послѣ древняго міра, образецъ *личности*, выбивающейся изъ оковъ условныхъ правилъ жизни. Его отношенія къ Элоизѣ вызвали бы и теперь не мало филистерскихъ нареканій. Понятно, что въ то время онъ жестоко поплатился за свой жизненный протестъ: страстную, любящую натуру лишили даже способности любить...

А господствующая сила—церковный идеализмъ всю жизнь мстилъ ему за свое посрамленіе. Не будучи въ силахъ бороться съ этимъ «Голіаѳомъ» мысли и знанія, его представитель, мистикъ Бернаръ, доканалъ его самыми недостойными интригами. По его доносамъ, при соучастіи всѣхъ столповъ старины, Абеляра осудили на двухъ соборахъ и заставили удалиться въ пустыню. Сила гоненій и испытанныхъ геніемъ терзаній видна лучше всего изъ того, что Абеляръ кончилъ аскетизмомъ и проповѣдью смиренія. Гаусратъ дѣлаетъ такую глубокомысленную оцѣнку великаго учителя: «Исторія всегда помѣститъ Абеляра въ первомъ ряду мучениковъ за идею... Онъ призналъ право человѣческаго разума на пониманіе догмата, и такимъ образомъ, его борьба съ представителями мистики была борьбой за право человѣческаго духа, за свободу и истину. Поэтому мы съ полнымъ основаніемъ считаемъ его среди патріарховъ просвѣщенія Запада. Онъ несомнѣнно былъ предтечей и передовымъ борцомъ просвѣщенія. Борьба эта была для него тѣмъ болѣе трудной, что онъ *былъ членомъ церкви*, признавалъ ея правила и ограниченія и поэтому не могъ ни съ какой стороны развернуть своихъ силъ, пустить въ дѣло все свое оружіе и никогда не въ состояніи былъ высказать послѣднихъ выводовъ изъ своего принципа. Такимъ образомъ, въ его науку и жизнь вкралась извѣстная доля двойственности и противорѣчія... Нельзя сказать, чтобы онъ высказывался не вполнѣ искренно, но съ своимъ сокровеннѣйшимъ «я» онъ, во всякомъ случаѣ, вступилъ въ противорѣчіе, принося на службу неизмѣннымъ догматамъ свой подвижной умъ. То обстоятельство, что Абеляръ постоянно принужденъ былъ заставлять молчать свой разумъ, являлось тоже частью его мученичества. Такъ какъ онъ не желалъ порывать съ церковью, то какъ разъ въ самыхъ

рѣшительныхъ пунктахъ онъ не приходилъ къ послѣднимъ выводамъ. вытекающимъ изъ его принциповъ. Ясный взглядъ на человѣческія погрѣшности библейскаго писанія, на противорѣчія во мнѣніяхъ отцовъ церкви должны были бы привести къ отрицанію ихъ значенія, какъ послѣдней инстанціи, но онъ, однако, признаетъ за обоими этотъ характеръ. При его восхищеніи языческою литературою, онъ имѣлъ сильную склонность къ естественной религіи древнихъ философовъ, но взятый имъ на себя долгъ излагать христіанское богословіе помѣшалъ выработкѣ его философскаго міровоззрѣнія».

Въ силу этого мирнаго положенія и внѣшняя жизнь Абеляра находилась въ непримиримомъ противорѣчіи съ его внутренними потребностями. «Неясныя и половинчатыя отношенія, говоритъ Гаусратъ, никогда не прекращались въ его жизни, потому что онъ никогда не рѣшался положить имъ конецъ. Хотя онъ и носится съ мыслью убѣжать къ сарацинамъ, но вмѣсто того, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе, онъ дѣлается аббатомъ монастыря Сенъ-Жильда. Онъ принимаетъ союзъ Арнольда брешіанскаго, но вмѣсто того, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ и усмирить кардиналовъ, онъ ищетъ въ Римѣ помощи и отрекается отъ принциповъ, за которые умеръ Арнольдъ».

Этотъ Арнольдъ, важнѣйшій изъ учениковъ Абеляра, составляетъ предметъ послѣдней части «Средневѣковыхъ реформаторовъ» Гаусрата. Чтобы понять его значеніе, нужно разобраться въ весьма сложныхъ отношеніяхъ католичества вообще и Италіи въ частности. Автору удалось это. Онъ справедливо указываетъ на то, что папство лишь повидимому выиграло въ спорѣ за инвеституру. Въ сущности, эта великая тяжба между свѣтской и духовной властью подорвала его мощь. Она пробудила умы. Она принудила папу взяться за своего рода цезаризмъ, т. е. опереться на низшіе классы и города противъ «капиталовъ», или феодальной знати. Его главная опора была миланская «ратарія», а самое слово «ратаріи» означало лохмотниковъ. Наконецъ, папство впало во внутреннее противорѣчіе. Съ одной стороны, оно требовало, устами монаха Гильдебранда, безбрачія духовенства и почти аскетизма, съ другой—споръ объ инвеституре былъ тяжбой изъ-за сохраненія духовныхъ леновъ, церковныхъ имуществъ. Среди этого-то хаоса поднялась крупная фигура новаго пророка, имя котораго, какъ и его великаго учителя, стало «лозунгомъ борьбы за свободу духа». Гауcратъ говоритъ: «Люди сражались подъ знаменемъ чисто аскетической церковной реформаціи, но не теократическая община Гильдебранда была результатомъ этой борьбы, а республиканская—народа, сената и консуловъ; государственный строй складывается не по ветхозавѣтному, и по античному образцу. И это міросозерцаніе, полное противорѣчій, нашло также своего учителя, который проводилъ его въ жизнь, борца, полумонаха, полународнаго трибуна, реформатора, проникнутаго строго аскетическимъ духомъ и гражданскимъ стремленіемъ къ свободѣ, знатока писанія и увлекающагося древними, воодушевленнаго, неяснаго, полнаго идей будущаго, совершенно какъ сама та партія, жаждущая свободы итальянскихъ городовъ, изъ которой онъ вышелъ. То, что смутно шевелилось въ тысячѣ головъ, въ его

груди созрѣло и выработалось въ политическій образъ; то, что другимъ представлялось, какъ въ туманѣ, онъ выразилъ во многихъ краснорѣчивыхъ словахъ, и потому уже сами современники называли Арнольда изъ Брешіи своимъ пророкомъ. Въ немъ идеалъ монаха среднихъ вѣковъ слился съ античными воспоминаніями и юридическими доктринами. Онъ вступилъ какъ реформаторъ, побуждаемый христіанскимъ аскетизмомъ, древней свободой и нарождающимся гражданскимъ чувствомъ; онъ былъ далекъ отъ обычныхъ побужденій, и именно потому онъ остался однимъ изъ тѣхъ образовъ, которыми воодушевляются самыя различныя эпохи и на который и теперь еще мы можемъ взирать съ полнымъ уваженіемъ».

Конечно, «священникъ, подвергшійся гоненію шести папъ, возстановившій противъ себя епископовъ трехъ королевствъ, нажившій себѣ, въ лицѣ святого Бернара Клервоскаго, смертельнаго врага, долженъ былъ быть виднымъ лицомъ». Благодаря ему, Брешія стала главною квартирой ратаріи и муниципальнаго духа; а онъ самъ выступилъ противъ пророковъ церкви. Арнольдъ началъ очаровывать сердца тономъ южнаго краснорѣчія и искренностью. Онъ доходилъ до аскетизма, въ отпоръ распущенности клира. Главнымъ образомъ возсталъ молодой аббатъ противъ церковныхъ имуществъ, требуя отъ церкви бѣдности и простоты апостольскихъ временъ. Мало того,— онъ загремѣлъ и противъ грѣховъ семьи и общества. Тутъ ученикъ оказался головой выше своего учителя, который возставалъ только противъ собственнаго цеха. Что же касается церкви, то Арнольдъ требовалъ отъ нея отреченія отъ всего свѣтскаго, слѣдовательно, и отъ политическихъ правъ. Это—уже точка зрѣнія римскаго права: нашъ монахъ и ссылался на законы Константина и Юстиніана. Понятно, что общество, начавшее развиваться подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, бросилось въ объятія геніальнаго монаха: ему становилось тѣсно отъ церковниковъ въ ту эпоху, когда одинъ только Бернаръ основалъ 150 монастырей въ 35 лѣтъ. Движеніе такъ разросталось, что папа Иннокентій II запретилъ «оруженосцу Голіафа» (такъ называлъ Бернаръ Арнольда) жить не только въ Брешіи, но и во всей Италіи. Реакція, какъ всегда, поступила подобно унтеръ-офицерской женѣ: изъ мѣстнаго патріота Арнольдъ превратился въ главу міровой оппозиціи церкви, такъ какъ онъ опять явился въ Парижѣ, къ своему учителю—озлобленный къ озлобленному, смѣлый къ падшему духомъ.

Арнольдъ былъ осужденъ на заключеніе вмѣстѣ съ Абеляромъ, благодаря пронырству и доносамъ Бернара: его даже не допрашивали. Пророкъ бѣжалъ въ Швейцарію. Его кратковременное пребываніе въ Цюрихѣ сдѣлало то, что швейцарцы относятъ его къ числу творцовъ того духа, силою котораго Цюрихъ сталъ свободнымъ и великимъ въ слѣдующемъ столѣтіи. Но, вотъ, въ Римѣ возникла «схизма», борьба между папами-самозванцами; а на римлянъ подѣйствовалъ республиканскій духъ Милана и Брешіи. Пророкъ прилетѣлъ изъ-за Альпъ—и тотчасъ сердца римлянъ склонились къ нему. Образовалась «секта ломбардцевъ», которую особенно поддерживали набожныя женщины. За нее сталъ и муниципалитетъ, рѣшившійся низвергнуть свѣтскую власть папы. Возникло странное

явленіе! Арнольдъ, какъ предтеча Возрожденія, установилъ античную республику (1146) на основаніяхъ свободы, равенства и римскаго права; и онъ же загремѣлъ противъ разврата общества, особенно клира, началъ проповѣдывать покаяніе, даже аскетизмъ. Это-то противорѣчіе и сгубило пророка: мудрено быть въ одно время и народнымъ трибуномъ и церковнымъ реформаторомъ! Папа Евгеній III возвратился въ Римъ съ полными карманами и отлучилъ пророка отъ церкви, какъ «еретика». Онъ вступилъ въ союзъ съ Фридрихомъ Барбароссой; а «миръ между императоромъ и папой во всѣ времена приводилъ реформаторовъ на костеръ», справедливо замѣчаетъ Гаусратъ. Деньги и страхъ предъ закованной въ желѣзо конницей Фридриха склонили римскій муниципалитетъ на сторону папы. Арнольдъ бѣжалъ. Правда, и теперь ближайшіе окружающіе «почитали его, какъ пророка», говоритъ очевидецъ; но у нихъ уже не было воли и энергіи. Всадники императора изловили Арнольда— и пророкъ поспѣшно былъ повѣшенъ въ окрестностяхъ Рима. Его трупъ былъ сожженъ и брошенъ въ Тибръ, «чтобы для глупаго народа его трупъ не сталъ предметомъ поклоненія», свидѣтельствуетъ злѣйшій врагъ пророка. Кто не согласится съ благородными словами Гаусрата, которыми онъ кончаетъ біографію своего героя? «Ошибка Арнольда, говоритъ онъ, въ томъ, что онъ слишкомъ мало придавалъ значенія наличнымъ обстоятельствамъ и слишкомъ сильною представлялъ себѣ власть истины надъ умами; но эта ошибка общая ему со всѣми мучениками за идею».

А. Трачевскій.

М. И. Дубинскій (*Полтавскій*). **За дружеской бесѣдою.** Критическія статьи.—Характеристики.—Фантазіи.—Бесѣды. Спб. 1901.

Сборникъ статей г. Дубинскаго снабженъ вступительнымъ словомъ, въ которомъ новый критикъ заявляетъ, что критики уже не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ «литературная образованность пустила слишкомъ глубокіе корни въ обществѣ» и публика не нуждается въ «критическомъ менторѣ». Изъ этого глубокомысленнаго замѣчанія слѣдуетъ, что критика нужна только необразованной публикѣ! Возражать противъ такого взгляда не имѣетъ смысла, такъ какъ г. Дубинскій, видимо, не понимаетъ задачъ ни эстетической, ни публицистической критики, представляя себѣ критику вообще чѣмъ то въ родѣ школьнаго руководства. Съ упраздненіемъ критики, естественно, самоупраздняется и г. Дубинскій, но, предусматривая это, онъ дѣлаетъ такую оговорку: когда наше общество стало образованнымъ (охъ, такъ ли это!), то «профессіональная критика принуждена была уйти на задній планъ (?) и, сдавъ боевые трофеи въ національный музей, безропотно ступить на путь мирной бесѣды». Какая же цѣль подобныхъ «мирныхъ бесѣдъ»—г. Дубинскій не выясняетъ: очевидно, «писатель пописываетъ—читатель почитываетъ».

«Бесѣды» г. Дубинскаго, превращающіяся иногда въ «фантазіи», носятъ однако не «мирный», а боевой, хотя и не опасный характеръ. Раздѣляются онѣ на два отдѣла: «Дома» и «Въ гостяхъ». Въ первой статьѣ, посвященной «Воскресенію», доказывается, что въ этомъ романѣ воскресъ не кто либо изъ героевъ

его, а самъ Л. Н. Толстой, вернувшійся къ художественному творчеству.

Какъ всякому извѣстно, Толстой и не думалъ прекращать художественнаго творчества, ибо «Власть тьмы», «Крейцерова соната». «Хозяинъ и работникъ» и т. д.—вещи не менѣе художественныя, чѣмъ «Воскресеніе». Статья, посвященная декадентской поэзіи, серьезно увѣряетъ, что «современному писателю никогда не приходится думать о формѣ», такъ какъ форма уже выработана прежними корифеями русской литературы, и нынѣшнимъ поэтамъ остается лишь «опустить руку въ богатую сокровищницу формъ и образовъ, завѣщанныхъ первыми піонерами русской литературы. чтобы безъ усилій, безъ труда, однимъ взмахомъ руки дать ей плоть и кровь и превратить въ нарядную красавицу». Упадокъ современной поэзіи основанъ на недоразумѣніи, порожденномъ критикою (а она вѣдь вами упразднена. г. Дубинскій?), которая «беретъ каждое лыко въ строку и каждую риѳмованную строчку называетъ поэзіею». Мысли столь же неожиданныя, сколь и очевидно нелѣпыя. Особенно курьезна статья «Въ бѣлую ночь», въ которой Бѣлинскій по поводу своего юбилея является въ Петербургъ ночью и говоритъ цитатами изъ своихъ произведеній съ тѣнями умершихъ и живыхъ писателей. Бѣлинскій. устами г. Дубинскаго, постоянно подкрѣпляетъ свои слова хвастливымъ: «О, я предвидѣлъ! Я предсказалъ!» Толстому. который представленъ «широкоплечимъ мужчиной въ блузѣ *съ нечесаною бородой*», Бѣлинскій читаетъ строгую нотацію и въ концѣ концовъ, какъ учитель провинившагося школьника, вопрошаетъ: «Вы молчите? Не отвѣчаете?» Толстой у г. Дубинскаго, слава Богу, молчитъ. Охъ, г. Дубинскій, повѣрьте, что съ такимъ возмутительнымъ неуваженіемъ Бѣлинскій не отнесся-бы къ Толстому! За шумихой цвѣтистыхъ фразъ мы не нашли у г. Дубинскаго ни одной дѣльной мысли. **М.**

Семейный университетъ. *Ф. С. Комарскаго*. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. 1899—1901. X выпусковъ.

Нельзя не изумляться той силѣ стремленія ко всеобщему образованію, которою былъ охваченъ «конецъ вѣка». За этотъ простѣйшій залогъ лучшаго будущаго простятся всѣ прегрѣшенія бурному 19-му столѣтію, которое оказалось достойнымъ эпохи «просвѣщенія». Въ 1890-хъ годахъ Западъ, можно сказать, кишѣлъ общеобразовательными заведеніями, вѣнцомъ которыхъ сталъ знаменитый народный университетъ или, какъ говорятъ англичане, *широкое* высшее знаніе (University Extention). Россія, конечно, также пошла по этому пути, пошла, естественно, своеобразно. согласно особымъ условіямъ своей жизни. У насъ сравнительно мало даже низшихъ и среднихъ школъ. Что же сказать объ университетскомъ преподаваніи, такомъ дорогомъ и мудреномъ? А потребность въ немъ у нашего любознательнаго, даровитаго народа не меньше, чѣмъ на Западѣ. Вотъ почему для насъ особенно важенъ университетъ, такъ сказать, странствующій, разносный, который могъ бы пробираться во всякія трущобы, благо почта-то у насъ есть почти вездѣ. Только путемъ печатнаго распространенія, а не устной передачи, университет-

ская наука можетъ стать на Руси другомъ, спасительнымъ спутникомъ всякой семьи, гдѣ есть душа жива, жаждущая свѣта и правды. Съ «конца вѣка» у насъ была сознана эта благородная потребность. Ей начали, по мѣрѣ силъ, удовлетворять люди, связанные съ университетскою средой. Въ 1899 г. явилась и новая попытка, въ формѣ еще небывалой. Г. Комарскій началъ издавать «Семейный Университетъ». Задача была опредѣлена ясно. Указавъ на то, что уже сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи, г. Комарскій справедливо замѣтилъ: «Такими средствами достигается лишь какая-нибудь спеціальная задача пополненія знаній въ той или другой области, но и при такихъ условіяхъ достиженіе цѣли не вездѣ возможно. Оно очень затруднительно въ любомъ не университетскомъ городѣ. Въ особенно неблагопріятныя условія въ этомъ отношеніи поставлены глухіе провинціальные уголки... Но и въ университетскихъ городахъ чтеніе популярныхъ лекцій является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ обычнымъ явленіемъ. Кромѣ того, по весьма многимъ отраслямъ у насъ не существуетъ руководствъ, которыя, при популярномъ изложеніи, сохраняли бы вполнѣ научное достоинство».

Нечего объяснять, какъ трудно пополнить указанный пробѣлъ— дать *систематическій* сводъ наукъ въ общедоступномъ изложеніи, «для самообразованія лицъ, почему-либо лишенныхъ возможности получить образованіе въ стѣнахъ учебныхъ заведеній». А сколько у насъ такихъ алчущихъ живой воды и «лишенныхъ» ея волею судебъ! Конечно, издателю пришлось испытать много, чтобы осуществить столь естественную въ «концѣ вѣка» мысль — дать массамъ какъ бы энциклопедію современнаго знанія. Были и неизбѣжныя мытарства, по независящимъ обстоятельствамъ. Но чего стоитъ уже соединеніе достаточныхъ силъ, близкихъ къ университетскому преподаванію: ихъ у насъ такой скудный запасъ, и онѣ такъ еще мало слѣдуютъ закону раздѣленія труда! Поэтому насъ пріятно порадовала аккуратность изданія, которая и вообще-то не составляетъ отечественной добродѣтели. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ половина была уже сдѣлана: изъ предположенныхъ четырехъ курсовъ закончены два. Передъ нами X выпускъ, которымъ начинается третій курсъ. Вышедшая половина представляетъ собой крупное явленіе на нашемъ книжномъ рынкѣ. Это — 200 листовъ весьма убористой печати, прекрасно исполненныхъ и украшенныхъ многими рисунками и хромолитографіями. Сюда вошли лекціи по физикѣ, химіи, астрономіи, геологіи, біологическимъ основамъ зоологіи, анатоміи, физіологіи, физіологической химіи, зоологіи, ботаникѣ, антропологіи, психологіи животныхъ, исторіи философіи, всеобщей исторіи, русской исторіи, исторіи всеобщей литературы, исторіи русской литературы, политической экономіи, уголовнаго права и бактеріологіи. Въ изложеніи этихъ предметовъ выдержано основное условіе—ясность и сжатость; нерѣдко встрѣчается и талантливость, не легко укладывающаяся въ строго опредѣленныя рамки. За серьезность и современность знаній ручаются имена профессоровъ или ихъ ближайшихъ учениковъ, уже снискавшихъ почетное имя. Въ изданіи участвуютъ гг. Бороздинъ, В. Вагнеръ, П. Вейнбергъ, Волкова, Генкель, Гессенъ, В. Передольскій, Саккети, Сомовъ, Трачевскій,

М. М. Филипповъ, Фанъ-деръ-Флитъ, Ѳ. Шведовъ, Шимкевичъ и др. Послѣ всего сказаннаго, цѣну (40 р. за всѣ курсы) нельзя считать высокою, особенно въ виду широкой разсрочки и особыхъ льготъ учащимъ и учащимся.

Нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ такого поистинѣ необходимаго для всѣхъ образованныхъ людей и добросовѣстнаго изданія. Мы, съ своей стороны, пожелаемъ «Семейному Университету» стать дѣйствительно другомъ нашихъ семей, особенно въ темныхъ углахъ нашей провинціи, которыхъ еще, охъ, какъ много, къ прискорбію «конца вѣка» и къ стыду начала 20-го столѣтія! Да будетъ нашъ искренній голосъ нравственной поддержкой почтенному издателю. Вѣдь, довести такое мудреное и солидное дѣло до конца — было бы своего рода событіемъ. Мы все еще, какъ талантливыя дѣти, любимъ хвататься за широкія затѣи, но обыкновенно бросаемъ зданіе, не доведя его до крыши. **А.**

В. Ѳ. Тотоміанцъ. **Потребительныя общества на Западѣ.** Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Стр. 305 + VII.

Имя В. Ѳ. Тотоміанца настолько извѣстно въ экономической литературѣ (не только русской, но и западно-европейской), что рекомендовать его работы вниманію читателей нѣтъ надобности. Въ многочисленныхъ статьяхъ, разбросанныхъ въ «Мірѣ Божіемъ», «Сѣверномъ Курьерѣ», «Жизни», «Научномъ Обозрѣніи» и др., и въ трудахъ, изданныхъ отдѣльными книгами, онъ разрабатываетъ преимущественно одинъ облюбованный имъ крупный вопросъ—о кооперативномъ движеніи. Являясь горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ потребительской организаціи, какъ наиболѣе могущественнаго орудія въ борьбѣ съ капитализмомъ, Тотоміанцъ положительно можетъ яснымъ и трезвымъ изложеніемъ и отчетливой группировкой фактическихъ данныхъ увлечь на свою сторону самыхъ завзятыхъ скептиковъ и рутинеровъ. Только что изданная Б. Н. Звонаревымъ новая книга г. Тотоміанца знакомитъ съ исторіей возникновенія и постановкой потребительскаго дѣла въ Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Франціи, Германіи, Италіи, Австро-Венгріи, Голландіи, Швеціи и Норвегіи, Испаніи и Португаліи. Колыбель кооперативнаго движенія—Англія—исключена изъ настоящей книги въ виду того, что объ англійскихъ потребительныхъ обществахъ много писали и у насъ. Впервые въ литературу вопроса введены данныя объ Австро-Венгріи, Даніи, Голландіи, Швеціи и Испаніи. Авторъ не идетъ далѣе практической разработки обширнаго собраннаго имъ на мѣстѣ большею частью вовсе неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала, стройную же теорію обѣщаетъ вывести въ будущемъ. Пока же онъ ограничивается наглядными выводами, которыя сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: значеніе потребительныхъ обществъ заключается въ удешевленіи и улучшеніи качества продуктовъ, а также въ способности ихъ къ превращенію въ высшія кооперативныя формы; въ область ихъ дѣятельности входитъ и частичное разрѣшеніе квартирнаго вопроса; иногда они могутъ брать на себя функціи профессіональныхъ союзовъ и даже общегосударственныхъ, какъ, напр., страхованіе отъ безработицы, несчастныхъ случаевъ и старости; наконецъ, они нерѣдко служатъ дѣлу образованія и благотворительности; коренное

требованіе потребительской организаціи—полное исключеніе изъ нея религіозной и политической партійности.

Книга такъ богата содержаніемъ и такъ ясна по изложенію (качества рѣдкія въ большинствѣ современныхъ экономическихъ работъ), что несомнѣнно заинтересуетъ не однихъ только спеціалистовъ и сослужитъ хорошую службу нарождающимся у насъ кооперативнымъ организаціямъ—съ одной стороны, съ другой—освободитъ отъ многихъ недостатковъ уже существующія. Для всякаго такъ или иначе прикосновеннаго къ потребительскому дѣлу новая работа В. Тотоміанца должна явиться настольной книгой. Пожелаемъ ей самаго широкаго распространенія главнымъ образомъ среди массы трудящагося люда, для котораго яркія и наглядныя картины западно-европейской организаціи потребительскаго дѣла должны явиться откровеніемъ и образцомъ. **М. В.**

В. Бартольдъ. **Туркестанъ въ эпоху нашествія монголовъ.** Спб. 1900.

Несмотря на то, что мы уже тридцать лѣтъ владѣемъ Средней Азіей, объ ея исторіи мы имѣемъ самыя смутныя представленія. Нѣтъ ни отдѣльныхъ изслѣдованій, сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія, ни сводныхъ работъ; поэтому капитальный трудъ В. Бартольда является незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ исторіей Туркестана. Заглавіе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Авторъ избралъ предметомъ своего спеціальнаго изученія наиболѣе важный періодъ въ исторіи Средней Азіи—періодъ монгольскаго владычества, причемъ хотѣлъ коснуться исторіи прежнихъ вѣковъ лишь настолько, насколько это будетъ необходимо для его цѣли и насколько ему пришлось бы исправлять и дополнять выводы прежнихъ изслѣдователей. Ближайшее ознакомленіе съ литературой предмета показало, однако, что подобныхъ выводовъ, основанныхъ на изученіи первоисточниковъ, до сихъ поръ совсѣмъ нѣтъ и что безъ самостоятельнаго изслѣдованія первоисточниковъ невозможно дать даже приблизительный отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ положеніи застали монголы Среднюю Азію и какъ образовалось это положеніе. Оттого, вопреки первоначальному плану, пришлось посвятить большую часть книги изложенію исторіи до монгольскаго періода. Въ своемъ настоящемъ видѣ книга представляетъ попытку дать отвѣтъ на вопросы, чѣмъ опредѣлился ходъ исторіи страны до монголовъ, съ чѣмъ послѣдніе явились въ Туркестанъ и какъ произошло завоеваніе страны. Заканчивается книга смертью Чингисъ-хана.

Трудную задачу изложенія исторіи Туркестана по первоисточникамъ авторъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Особенныя трудности представляло составленіе историко-географическаго очерка Мавераннагра; авторъ старался воспользоваться какъ всѣми источниками, такъ и свѣдѣніями о сохранившихся памятникахъ древности; но очень многіе вопросы могутъ быть рѣшены только лицами, имѣющими возможность производить изслѣдованія на мѣстѣ. При составленіи этого очерка авторъ еще больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ своего труда, испыталъ на себѣ, насколько для работъ столичныхъ спеціалистовъ необходимы предварительныя работы туркестан-

скихъ дѣятелей. Но для успѣха этихъ работъ, заключающихся, главнымъ образомъ, въ собиранiи сырого матерiала необходимо, чтобы мѣстные дѣятели имѣли возможность шире пользоваться результатами ученыхъ изслѣдованiй и во всякомъ случаѣ при своихъ работахъ располагали бы такими трудами, которые бы давали имъ возможность орiентироваться въ дѣлѣ и спасали бы отъ непроизводительнаго занятiя—отыскивать уже найденное. Такимъ образомъ создается своего рода заколдованный кругъ: работы мѣстныхъ дѣятелей не могутъ быть успѣшными, пока они не располагаютъ результатами научныхъ изслѣдованiй, выводы научныхъ изслѣдователей не могутъ быть правильными и обстоятельными, пока мѣстныя силы не дали имъ достаточнаго количества сырого матерiала. Выходъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если какъ ученые изслѣдователи, такъ и мѣстные дѣятели постараются дать, что могутъ, и примирятся съ тѣми недостатками своихъ трудовъ, которые вытекаютъ изъ такого временнаго положенiя. Трудъ автора, несомнѣнно, даетъ возможность мѣстнымъ дѣятелямъ орiентироваться въ исторiи Средней Азiи до смерти Чингисъ-хана и можно надѣяться, что онъ значительно усилитъ интересъ къ прошлому великой страны, недавно сдѣлавшейся частью нашего государства.

Разсчитывая на туркестанскихъ читателей, авторъ старался избѣгать выраженiй, понятныхъ только для спецiалистовъ, и включилъ въ свою книгу много свѣдѣнiй, не представляющихъ для спецiалистовъ ничего новаго. По той же причинѣ авторъ отказался отъ приложенiя карты къ своему географическому очерку, такъ какъ туркестанскими дѣятелями, знакомыми съ техникой исполненiя картографическихъ работъ, подобная работа можетъ быть сдѣлана гораздо лучше, на основанiи изученiя собраннаго въ книгѣ матерiала и непосредственнаго знакомства съ краемъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ отсутствiе карты сильно затрудняетъ чтенiе книги.

Книга Бартольда была представлена въ факультетъ восточныхъ языковъ петербургскаго университета для соисканiя степени магистра восточной исторiи, но, по рѣшенiю факультета, доставила ему высшую ученую степень—доктора. Нужно пожелать, чтобы это заслуженное отличiе не ослабило научной энергiи молодого ученаго, и чтобы цѣнный трудъ былъ продолженъ за тѣ предѣлы, которыми ограничивается изданная уже часть его.

Г. М. Тумановъ. **Характеристики и воспоминанiя.** Замѣтки кавказскаго хроникера. Тифлисъ. 1901.

Въ книжкѣ Туманова собраны бiографическiе очерки нѣкоторыхъ дѣятелей кавказской печати, помѣщенные первоначально въ газетѣ «Новое Обозрѣнiе» за 1892—1900 гг. Они писались большею частью по случаю смерти, юбилея или иного торжества, и потому отличаются нѣкоторою односторонностью, отмѣчая главнымъ образомъ сильныя стороны дѣятельности даннаго лица. Тѣмъ не менѣе, книжка заслуживаетъ вниманiя. Она лишнiй разъ показываетъ, какъ тяжелъ тернистый путь провинцiальнаго журналиста, осужденнаго работать въ самой неблагопрiятной обстановкѣ, изнывая въ борьбѣ съ мелкими, но постоянными препят-

ствіями и съ нищетой... Нуженъ большой талантъ и исключительная энергія, чтобы писатель могъ, при условіяхъ провинціальной жизни, видѣть замѣтные результаты своей дѣятельности; поэтому въ большинствѣ случаевъ провинціальный журналистъ сходитъ въ могилу такимъ же неизвѣстнымъ анонимомъ, какимъ онъ вступилъ на газетное поприще. Г. М. Тумановъ сдѣлалъ симпатичную попытку спасти отъ забвенія имена нѣсколькихъ тружениковъ главнымъ образомъ грузинской печати (Г. Е. Церетели, И. А. Бахтадзе, А. Казбекъ, кн. Раф. Эристовъ, кн. Вахт. Орбеліани, И. Наношвили, З. Антоновъ, Н. Бараташвили). Кромѣ того, въ книжку вошли двѣ біографіи армянскихъ писателей Г. А. Джаншіева и Г. І. Арцруни и двѣ біографіи русскихъ дѣятелей кавказской печати А. В. Степанова и П. А. Измайлова. Очерки написаны живо, читаются съ интересомъ и пріятно удивляютъ отсутствіемъ въ нихъ проявленій столь обычной на Кавказѣ племенной вражды. Авторъ, ближе стоящій къ грузинской печати, тѣмъ не менѣе съ большимъ безпристрастіемъ относится и къ армянамъ. Два заключительныхъ очерка—о Лермонтовѣ и о русскихъ писателяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Кавказу, не представляютъ интереса.

А. А. Навроцкій (*Н. А. Вроцкій*). **Памяти Великаго Новгорода.** Спб. 1901.

Главное содержаніе книжки составляютъ стихотворныя переложенія нѣкоторыхъ новгородскихъ преданій и историческая драма въ стихахъ: «Мароа Посадница или паденіе Великаго Новгорода». Во введеніи прилагается въ сжатыхъ чертахъ исторія Новгорода до подчиненія его Москвѣ и характеристика его политическаго строя во времена независимости. Стихотворенія, проникнутыя глубокимъ сочувствіемъ славному прошлому Новгорода и его былой свободѣ, въ общемъ недурно передаютъ новгородскія легенды и могутъ служить полезнымъ пособіемъ для ихъ популяризаціи и для возбужденія интереса къ историческому чтенію. Большая часть книги занята драмой, изображающей эпоху послѣдней борьбы Новгорода съ суровой представительницей начала государственности, Москвой. Эту же эпоху рисуютъ и нѣкоторыя мелкія стихотворенія. Книгу иллюстрируютъ шесть рисунковъ, изображающихъ нѣкоторыя новгородскія древности. Издана книга изящно.

А. Серафимовичъ. **Очерки и разсказы.** Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Въ наши дни въ русской литературѣ размножились областные (зачастую окраинные), этнографическіе, пожалуй, даже географическіе беллетристы. Преобладаютъ также и «жанристы». Авторамъ какъ бы предлагается развлекать читателя описаніемъ какого-нибудь быта или уголка—поневѣдомѣе. У насъ и беллетристика отличается *своими* задачами сравнительно съ общеевропейскими. Г. Серафимовичъ тоже и «этнографъ» и «жанристъ». Рисуетъ онъ намъ и картинки «изъ жизни на далекомъ сѣверѣ» («На плотахъ», «Въ тундрѣ»), и эскизы походнаго казацкаго быта («Походъ»), касается и прозябанья все того же «Стрѣлочника», изображаетъ и совсѣмъ особыхъ мародеровъ — «ледяныхъ воровъ». Въ очеркѣ «Месть» читаемъ про такое воровство. «Это было опасное ремесло. Рыбаки добывали себѣ хлѣбъ у моря суровымъ трудомъ. Когда

они уѣзжали зимою по льду, никто не былъ увѣренъ, что они вернутся не съ отмороженными руками и ногами, или что навѣки не останутся посреди моря. Никто изъ нихъ не былъ увѣренъ, что завтра же онъ не потеряетъ всѣ свои снасти, инструменты, лошадь, сани, все, что необходимо для промысла, и не превратится изъ домовитаго хозяина въ нищаго; смерть, увѣчье и разореніе постоянно глядѣли имъ въ глаза. Поэтому то они съ такой ненавистью относились къ *ворамъ чужого улова*, которые безъ всякаго риска забирали себѣ хлѣбъ, добытый съ такими тяжкими усиліями. Рыбаки расправлялись съ ними подчасъ такъ же, какъ крестьяне расправляются съ конокрадами, но это—при томъ условіи, если вора накрывали на мѣстѣ преступленія». Разсказы «Подъ землею», «Подъ праздникъ» знакомятъ насъ съ житьемъ-бытьемъ въ шахтахъ. Безотрадныя подчасъ стороны родной дѣйствительности задѣваетъ авторъ. Кузьма, въ очеркѣ «На плотахъ», радуется, что плотъ его «не вынесло въ море». Онъ «выкрутился». «Кузьма потеръ себѣ брюхо и грудь,—животъ у него былъ надорванъ, а грудь разбита». 22 года неустанно работалъ стрѣлочникъ. Однажды, измученный посторонними порученіями начальства, онъ спутался, и ему показалось, что онъ забылъ перекинуть рычагъ стрѣлки на главный путь. Онъ бѣжитъ поправлять ошибку и слишкомъ поздно вспоминаетъ, что онъ *правильно* поставилъ стрѣлку: его перерѣжетъ *правильно* шествующій поѣздъ. Или шахтеръ именно «подъ праздникъ» тащитъ своего мальчишку къ конторщику: «пиши мало парнишку къ водокачкѣ, неча ему зря баловать», и т. д., и т. д. Тонъ разсказовъ г. Серафимовича правдивъ и человѣченъ. И жанристъ, и пейзажистъ, попреимуществу, онъ вполнѣ литературный. Но своей настоящей литературной *индивидуальности* авторъ еще не выяснилъ. Вышеназванная книга обозначена—*первою*. Подождемъ и мы оцѣнивать музу г. Серафимовича. Приличныхъ *бытописателей* у насъ и безъ того не мало. **А. Налимовъ.**

М. М. Ковалевскій. **Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства.** Т. II. М. 1900 стр. 998.

Нашъ талантливый и неутомимый ученый in partibus, Максимъ Ковалевскій, не перестаетъ обогащать науку капитальными изслѣдованіями. Его новѣйшій трудъ посвященъ весьма обширному, важному, но и крайне мудреному вопросу. Вообще экономика среднихъ вѣковъ—вещь путанная и мало изслѣдованная. Она особенно затруднительна, если брать задачу глубоко, въ связи съ общественною эволюціей, что и дѣлаетъ нашъ ученый. Второй томъ его изслѣдованія, почти въ тысячу плотно напечатанныхъ страницъ, захватываетъ время съ 9 до 14 стол., а мѣстами переходитъ даже въ 16-й вѣкъ. Въ немъ подробно, на основаніи документовъ, описываются помѣстья въ Англіи, Германіи, Италіи и Испаніи. Книга заключается самыми любопытными и поучительными главами, посвященными разложенію помѣстнаго хозяйства и ходу освобожденія крестьянъ во всей Западной Европѣ. Здѣсь ясно показано, какъ это освобожденіе связывалось съ ростомъ городовъ и средняго сословія. На примѣрѣ Италіи особенно хорошо видно значеніе фермерства или срочнаго аренднаго контракта. «Въ отличіе отъ оброч-

наго крестьянина, говоритъ М. Ковалевскій. фермеръ долженъ былъ ставить сполна какъ постоянный, такъ и оборотный капиталъ; и одно уже это обстоятельство показываетъ. изъ какой среды должны были выходить первые представители свободнаго земельнаго найма. Ими, очевидно. могли быть не отпущенные на волю крестьяне. не уносившіе изъ помѣстья ничего, кромѣ скромнаго пекулія. большая часть котораго затрачивалась на пріобрѣтеніе самой свободы. а одни располагавшіе нѣкоторымъ достаткомъ городскіе обыватели, бравшіеся за сельскохозяйственную эксплоатацію чужихъ полей, наравнѣ со всякимъ другимъ производительнымъ предпріятіемъ, причемъ размѣръ ренты или повышался, или понижался, смотря по условіямъ рынка и взаимному отношенію спроса и предложенія».

При этомъ процессѣ, въ Италіи и Испаніи начало въ разложеніи помѣстнаго хозяйства принадлежало правительству, разумѣя подъ нимъ муниципалитеты. магистраты. цехи наряду съ королевской властью. Въ остальной же Европѣ крестьяне дѣйствовали на свой страхъ, при слабой поддержкѣ городского простонародья. Таковъ смыслъ знаменитыхъ крестьянскихъ движеній 14-го вѣка въ Бельгіи. Франціи и Англіи. Разсматривая ихъ. г. Ковалевскій останавливается на важномъ вопросѣ о томъ. вызвана ли была жаккерія парижскою коммуной и ея Марселемъ? Онъ справедливо рѣшаетъ, что Марсель лишь воспользовался готовымъ движеніемъ въ видахъ своей политической реформы. Что касается англійской жаккеріи временъ Ричарда II. то нашъ авторъ и здѣсь дополняетъ прежнихъ ученыхъ, особенно на основаніи судебныхъ дѣлъ, доселѣ не вполнѣ изданныхъ и хранящихся въ центральномъ лондонскомъ архивѣ. Это—самый обстоятельный и интересный отдѣлъ книги г. Ковалевскаго. Авторъ доказываетъ. что въ возстаніи 1381 года участвовали не одни крестьяне, разгнѣванные попытками помѣщиковъ оживить крѣпостное право: тутъ видишь все рабочее сословіе, не исключая городскихъ пролетаріевъ. Причина была, главнымъ образомъ, обще-экономическая. обостренная «черною смертью». Однако движеніе было направлено и противъ фламандскихъ рабочихъ, содѣйствовавшихъ паденію заработной платы, и противъ «ломбардцевъ» или банкировъ.

Г. Ковалевскій совершенно правильно оттѣняетъ несправедливость прежнихъ обвиненій мятежниковъ Англіи въ коммунизмѣ. Новѣйшій историкъ эпохи Виклифа, Джорджъ Маколэ Тревельянъ («England in the age ot Wycliffe»), доказалъ это документально. Если встрѣчались случаи ограбленія помѣщиковъ, то виновные подвергались немедленной казни, при крикахъ: «Мы не грабители, а судьи. призванные карать неправду». «Даже старая ересь лоллардовъ, примкнувшая къ виклифинамъ, стремилась только къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. считая ихъ достояніемъ бѣдныхъ. Возстаніе 1831 г. не привело къ отмѣнѣ крѣпостничества; а между тѣмъ, въ 15-мъ вѣкѣ и въ началѣ 16-го барщина уже исчезла почти по всей Англіи. «Результатъ этотъ, говоритъ нашъ авторъ, былъ достигнутъ не законодательными предписаніями; онъ явился послѣдствіемъ самопроизвольнаго процесса развитія, источникъ котораго лежалъ въ экономическихъ причинахъ, однохарактерныхъ съ тѣми, свидѣтелями которыхъ мы уже были въ Италіи».

Этотъ процессъ рисуется такъ: «Ростъ населенія необходимо вліялъ на возвышеніе ренты за землю. но помѣщикъ не могъ воспользоваться этимъ придаткомъ. такъ какъ система вѣчно наслѣдственнаго держанія крестьянами ихъ надѣловъ на разъ установленныхъ обычаемъ или соглашеніемъ условіяхъ заставляла его довольствоваться неизмѣнными въ своей величинѣ натуральными или денежными платежами. Эти послѣдніе не только не возростали. но, наоборотъ, падали, въ виду быстраго обезцѣненія драгоцѣнныхъ металловъ, особенно съ конца XV вѣка, когда успѣли сказаться естественныя послѣдствія открытія въ Америкѣ богатыхъ залежей золота и серебра. Чтобы вознаградить себя за потерю дохода, помѣщикъ набрасывается на хозяйственныя монополіи и всячески ограничиваетъ права мірского пользованія крестьянства. эксплоатируя угодья для выпаса собственныхъ стадъ, или въ формѣ сдачъ ихъ въ арендное пользованіе. Увеличивающійся запросъ на англійскую шерсть. —естественное послѣдствіе широкаго развитія суконнаго производства во Фландріи. итальянскихъ коммунахъ и Нидерландахъ, къ которому съ XVI столѣтія присоединяется неостанавливающійся съ тѣхъ поръ ростъ туземной шерстяной промышленности,—только ускоряетъ наступленіе вышеуказанныхъ явленій. Въ результатѣ получается потеря крѣпостнымъ крестьяниномъ многихъ выгодъ, связанныхъ прежде съ его надѣломъ въ общихъ поляхъ,—выгодъ, вознаграждавшихъ его отчасти за тѣ утраты, къ какимъ вела обязательная экстенсивность практикуемаго имъ земледѣлія. Синьеры и вилланы, такимъ образомъ, одинаково заинтересованы, въ XV и XVI вѣкахъ, въ прекращеніи прежняго совмѣстнаго владѣнія, въ ликвидаціи помѣстной системы. Помимо свободы самоопредѣленія, крестьянинъ ищетъ въ выкупѣ натуральныхъ службъ и платежей возможности избѣжать тяготѣющихъ надъ его хозяйственной дѣятельностью баналитетовъ, обязательнаго сѣвооборота. обязательнаго поступленія его луговъ и пашенъ подъ общій выпасъ; даже. разставшись окончательно со своимъ надѣломъ, благодаря обмѣну его на личную свободу, прежній крѣпостной надѣется соблюсти свою выгоду, такъ какъ въ области обрабатывающей промышленности и быстро развивающихся торговыхъ предпріятій ему открывается арена для болѣе производительной затраты труда».

А. Трачевскій.

Проф. П. И. Ковалевскій. **Психіатрическіе очерки изъ исторіи.** Томикъ III. Иванъ Грозный и его душевное состояніе. Христина Шведская. Ревность. Изданіе седьмое. Спб. 1901 г.

Первый изъ названныхъ трудовъ выходитъ седьмымъ изданіемъ, что ясно свидѣтельствуетъ объ его большомъ успѣхѣ. Очеркъ «Христина Шведская» былъ напечатанъ въ № 1 «Вѣстника Всемірной Исторіи» за 1901 г. и извѣстенъ нашимъ читателямъ; наконецъ. очеркъ «Ревность» недавно появился въ одномъ изъ журналовъ и вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній среди многихъ органовъ печати. Не трудно предсказать, что изящному III-му томику предстоитъ выдержать еще нѣсколько изданій, такъ какъ труды почтеннаго профессора живо интересуютъ образованное общество.

Вл. П. Лебедевъ. **Тихія Пѣсни.** Спб. 1901 г. 216 стр.

Г. Лебедевъ принадлежитъ къ числу писателей охотно читаемыхъ публикой. его произведенія печатаются во многихъ изданіяхъ. Въ настоящее время онъ издалъ томъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ за 1889—1900 гг. въ разныхъ журналахъ. Поэзія В. П. Лебедева—тихой грусти, тоски, больного сердца. Этому посвящено большее число стихотвореній въ изящно изданномъ томѣ, здѣсь есть и переводы, фантазіи, легенды и баллады, взятыя изъ исторіи, картинки, сонеты. Авторъ, бывая въ разныхъ уголкахъ Россіи, всюду отыскиваетъ красоты природы, которымъ посвящаетъ свое вдохновеніе. Угрюмая Финляндія, дикія вершины Кавказа, берега Невы представлены въ поэтическихъ картинахъ. Восхищаясь югомъ, авторъ грустить о далекомъ, родномъ ему сѣверѣ. Среди стихотвореній, можно встрѣтить много живыхъ мыслей, поэтическихъ сравненій. Названіе «Тихія пѣсни» очень подходятъ вообще къ поэзіи В. П. Лебедева,

Türkische Litteraturgeschichte in Einzeldarstellungen *von Dr. Georg Jacob.* Heft I. Das turkische Schattentheater. Berlin. 1900.

Д-ръ Якобъ извѣстенъ, какъ издатель нѣсколькихъ турецкихъ текстовъ. Онъ въ особенности интересуется театральными представленіями у мусульманскихъ народовъ. Въ предисловіи онъ выражаетъ сожалѣніе, что занятія по турецкому языку и литературѣ въ Германіи по смерти Флейшера пріостановлены, а между тѣмъ Турція по своимъ вѣковымъ сношеніямъ съ нѣмецкими странами имѣетъ для ихъ исторіи часто существенное значеніе. Онъ желаетъ оживить интересъ къ турецкимъ занятіямъ, слѣдуя русскимъ и венгерскимъ изслѣдователямъ. Авторъ затѣмъ переходитъ къ изложенію о театрѣ у турокъ, разбирая всѣ вопросы, къ нему относящіеся. Словомъ Xajal обозначается у турокъ то, что у нѣмцевъ называется Puppenspiel (или по его терминологіи Schattenspiel), а у русскихъ, кукольная комедія.

Театральныя представленія даются у нихъ преимущественно во время праздника рамазанъ. Авторъ сообщаетъ изъ различныхъ путешественниковъ (Шардена и др.) о театральныхъ представленіяхъ и времени ихъ возникновенія. Все, что касается театральной игры (Xajal - Spiel), обозначается словомъ Rapagöslik. Авторъ останавливается на описаніи костюмовъ дѣйствующихъ лицъ, на типахъ и діалектахъ, представители которыхъ выводятся на сцену (арабы, лазы, евреи, греки, армяне и др.). Комизмъ представленія заключается въ несовершенствахъ, тѣлесныхъ, духовныхъ, моральныхъ свойствъ человѣка, выставляются патологическіе типы съ недостатками мышленія или сообразительности, глупцы и спутники, иллюстрирующіе ихъ тупость. Удовольствіе, доставляемое маріонетками на Востокѣ, очень цѣнится, а само представленіе служитъ хорошимъ источникомъ для изученія народа. Въ нихъ встрѣчаются народные стихи, поговорки. Къ книгѣ приложенъ въ нѣмецкомъ переводѣ отрывокъ изъ пьесы «Kajajk».

А. Х—въ.

Geistliches und Weltliches aus dem Türkisch—griechischen Orient. Selbsterlebtes und selbstgesechenes von *Henrich Gelzer*. Leipzig. 1900.

Эта книга принадлежитъ лицу, который пріобрѣлъ извѣстность сочиненіемъ по источникамъ византіологіи. Такъ, ему принадлежитъ трудъ, встрѣченный критикой сочувственно—«Die Genesis der bysantischen Themenverfassung» (L. 1899). Въ настоящей работѣ, написанной популярно и легко, онъ разсматриваетъ духовную жизнь въ турецко-греческомъ районѣ. Онъ открываетъ повѣствованіе съ обоврѣнія состоянія константинопольскаго патріархата, касаясь его организаціи (избранія въ патріархи, митрополиты и епископы) синодальнаго правленія и матеріальнаго положенія. Обращаясь къ историческимъ справкамъ о фанаріотахъ. авторъ восходитъ ко временамъ Мохамеда II. Фанаръ—резиденція вселенскаго патріарха. Онъ обозначаетъ число подворій святого гроба и называетъ русскія владѣнія въ Палестинѣ. Свѣдѣнія о подворьяхъ авторъ иллюстрируетъ личными впечатлѣніями. Онъ посѣтилъ также Принцевы острова и среди нихъ островъ Халки, гдѣ онъ осмотрѣлъ богословскую школу и посѣтилъ тамъ пребывающихъ эксъ-патріарховъ. Особую главу онъ посвящаетъ обозрѣнію греческихъ празднествъ и, въ особенности, св. Николая на Халки. Переходя къ церковной политикѣ грековъ, авторъ обозрѣваетъ отношенія православнаго духовенства къ англиканской церкви, религіозное состояніе греческаго народа и духовенства.

Шестая глава занята обзоромъ армянскаго патріархата въ Константинополѣ, его организаціи; сообщаетъ свѣдѣнія о патріархѣ Малакіи Орманіанѣ и его отношеніяхъ къ грекамъ. Слѣдующія главы обращены къ справкамъ о болгарскомъ экзархатѣ и исторіи болгарской схизмы, даетъ представленіе о римско-католической церкви въ Турціи, объ ихъ институтѣ на Востокѣ, о стремленіяхъ къ уніи папы Льва XIII.

Во второмъ отдѣлѣ онъ останавливается на религіозномъ состояніи современной Турціи (дервиши и ихъ происхожденіе), отмѣчаетъ контрастъ европейской культуры и азіатскаго варварства, бросающійся въ глаза посѣтителямъ Константинополя. Охарактеризовавъ турецкое правленіе, онъ заканчиваетъ книгу обзоромъ состоянія подчиненныхъ Турціи народовъ—евреевъ, грековъ и армянъ. Относительно послѣднихъ онъ сообщаетъ справки объ ихъ торговой дѣятельности, ихъ избіеніи и дурномъ вліяніи этого печальнаго факта на хозяйственную жизнь Турціи Книжка отличается не только легкостью, но и безсвязностью. Она представляетъ соединеніе обрывковъ изъ разныхъ сочиненій съ личными впечатлѣніями автора. **А. Х—въ.**

A History of Chinese Literature, by *Herbert A. Giles*, M. A. (Published by Heinemann). London. 1901.

Вышедшая на-дняхъ «Исторія Китайской Литературы» Герберта Джильса, профессора китайскаго языка и литературы въ Кембриджскомъ университетѣ, является однимъ изъ самыхъ удачныхъ выпусковъ интересной серіи «Исторіи Всемірной Литературы», издаваемой извѣстной книгопродавческой фирмой Гейнеманна. подъ

общей редакціей знаменитаго англійскаго критика Эдмунда Лоссе. Если не считать работы Д. Леггса «Китайскіе классики» («Chinese Classics»), изслѣдованіе профессора Джильса является едва ли не первой попыткой исторіи китайской литературы. Одной изъ особенностей работы кембриджскаго профессора являются обширныя и хорошо подобранныя цитаты изъ наиболѣе извѣстныхъ китайскихъ авторовъ, дающія читателю возможность самому ознакомиться съ формой и характеромъ разбираемыхъ произведеній Особенно подробно Джильсъ останавливается на Конфуціи и Менсіусѣ, двухъ свѣтилахъ древней китайской литературы. Китайскіе «ученые» позднѣйшаго періода, отличавшіеся большимъ трудолюбіемъ, соединеннымъ съ бездарностью, что называется, «засидѣли» труды этихъ двухъ замѣчательныхъ ученыхъ и философовъ, написавъ безчисленное количество комментаріевъ къ самымъ простымъ ихъ изреченіямъ и стихотвореніямъ; на эти комментаріи опять были написаны комментаріи и, такимъ образомъ, общедоступныя и полныя глубокаго смысла произведенія древнихъ мудрецовъ были погребены въ колоссальной грудѣ псевдо-ученыхъ комментаріевъ. Благодаря этому, было извращено первоначальное здоровое направленіе національной китайской литературы. Позднѣйшіе писатели старались выражаться по возможности хитросплетенно и витіевато, ставя малодоступность пониманія ихъ произведеній массой въ особенную заслугу себѣ. У китайцевъ очень развились такіе роды литературы, которые нашли себѣ мѣсто въ европейскихъ литературахъ лишь въ сравнительно позднѣйшіе періоды. Такъ, напр., лексикографія и составленіе энциклопедическихъ словарей было извѣстно китайцамъ еще въ 120 г. по Р. Х. Довольно подробно Джильсъ останавливается на китайской драмѣ, замѣчая, между прочимъ, что она, подобно древнегреческой драмѣ, выросла естественнымъ путемъ изъ танцевъ и музыкальныхъ упражненій въ связи съ религіознымъ культомъ. Насколько китайцы и въ настоящее время увлекаются драматическими произведеніями, можно судить по недавнему эпизоду, разсказанному Джильсомъ въ его книгѣ, случившемуся въ одномъ изъ столичныхъ театровъ. Зрители до того были возмущены поведеніемъ «злодѣя» пьесы, что бросились на сцену и умертвили злосчастнаго актера, изображавшаго «злодѣя». Авторъ отмѣчаетъ въ заключеніе, что болѣе или менѣе крупный интересъ для европейскаго читателя представляетъ лишь древній періодъ китайской литературы. Произведенія новѣйшаго времени сводятся къ блестящей версификаціи и безплоднымъ комментаріямъ на произведенія болѣе раннихъ періодовъ. Любимой книгой современнаго китайца является собраніе шутокъ и анекдотовъ, расходящееся въ безчисленныхъ изданіяхъ въ странѣ. Нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ не лишены остроумія, какъ читатели могутъ судить по слѣдующимъ образчикамъ: «Нѣкій докторъ залѣчилъ своего паціента на смерть. Семья паціента связала доктора и рѣшила вздуть его бамбуковыми палками. Но доктору удалось убѣжать, причемъ, спасаясь отъ преслѣдованія, ему пришлось переплыть нѣсколько глубокихъ рѣкъ. Прибѣжавъ домой, онъ сказалъ сыну, который сидѣлъ, окруженный медицинскими книгами, готовясь къ докторской профессіи, «Брось

свои книги! Въ нашемъ дѣлѣ главное—научиться хорошо плавать!» Другой анекдотъ относится къ портретисту: «Одному портретисту, дѣла котораго шли очень плохо, кто-то посовѣтовалъ изобразить на холстѣ самого себя и собственную жену и повѣсить эти изображенія на улицѣ, у входа въ мастерскую, въ видѣ рекомендательныхъ образчиковъ своего искусства. Портретистъ послушался добраго совѣта и выполнилъ его въ точности. На слѣдующее утро его навѣстилъ тесть. Увидавъ вывѣшенный портретъ, онъ долго разсматривалъ его и въ заключеніе спросилъ портретиста: «Кто эта женщина на портретѣ?»—Какъ? Развѣ ты не узнаешь своей дочери? спросилъ обиженный художникъ.—«Зачѣмъ же ты рядомъ съ ней нарисовалъ какого-то чужого человѣка? Какъ тебѣ не стыдно позорить собственную жену!» воскликнулъ тесть».

Книга Джильса снабжена довольно подробнымъ библіографическимъ указателемъ литературы предмета. Небольшой объемъ и живость изложенія привлекутъ къ работѣ проф. Джильса многихъ любителей популярной литературы, желающихъ въ общихъ чертахъ ознакомиться съ исторіей литературы этого загадочнаго восточнаго народа, которому пришлось въ послѣднее время сыграть крупную роль въ европейской политикѣ. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ книги является сочувствіе автора къ изображаемому предмету и искренняя симпатія къ китайскому народу, которая невольно передается и читателямъ. При воинственномъ задорѣ, овладѣвшемъ теперь Англіей, указанная нами черта является несомнѣнно крупной заслугой автора. **В. Б—скій.**

Rumania in 1900». By *G. Benge*. (Published by Asher and C°). London. 1901.

Книга румынскаго консула Бенгера является въ сущности призывомъ, обращеннымъ къ европейскимъ капиталистамъ, которыхъ Бенгеръ приглашаетъ «придти и володѣти», развертывая предъ ними соблазнительныя перспективы крупныхъ барышей. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на богатѣйшія нефтяныя залежи, причемъ указываетъ на то обстоятельство, что громадное большинство нефтеносныхъ пространствъ Румыніи даже не обслѣдовано порядкомъ. Германскій авторитетъ въ этой области, д-ръ Эббеке, говоритъ, что будущее снабженіе Западной Европы нефтью несомнѣнно перейдетъ въ руки владѣльцевъ карпатскихъ нефтеносныхъ площадей, которыя нуждаются лишь въ помощи крупнаго капитала, чтобы завоевать рынокъ, находящійся теперь въ рукахъ русскихъ и американскихъ нефтепромышленниковъ. Не менѣе доходнымъ промысломъ обѣщаетъ быть винодѣліе. Румынскія вина, по отзывамъ экспертовъ, не уступаютъ лучшимъ итальянскимъ и рейнскимъ сортамъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ перечисленію минеральныхъ богатствъ Румыніи и на каждомъ шагу жалуется, что все это проходитъ «втунѣ», что въ то время, какъ промышленныя предпріятія въ Европѣ даютъ maximum 5—6%, капиталъ, вложенный въ какое-либо производство въ Румыніи, быстро удвоится.

Къ этому своеобразному «воззванію» довольно механическимъ путемъ пристегнуто нѣсколько главъ историческаго характера, въ которыхъ разсказывается о судьбахъ Румыніи подъ турецкимъ вла-

дычествомъ, о превращеніи Румыніи въ европейское государство конституціоннаго типа и т. д. **В. Б—скій.**

Les Gaulois origines et croyances, par *André Lefèvre*. Bibliothèque d'histoire et de géographie universelle. Vol. I. Paris. Librairie C. Reinwald.

Небольшая книжка Лефевра, которой начинается популярная серія очерковъ всемірной исторіи и географіи, издаваемыхъ Рейнвальдомъ, заключаетъ въ себѣ исторію Галліи до завоеванія ея Цезаремъ. Въ работѣ Лефевра сгруппированы результаты новѣйшихъ изслѣдованій о кельтахъ, галлахъ, галатахъ, лигурахъ и т. д., причемъ особенное вниманіе обращено на духовную жизнь этихъ древнихъ племенъ, поскольку она успѣла отразиться въ ихъ религіозныхъ культахъ и миѳологіи. Особенную цѣнность представляетъ послѣдняя глава книги, трактующая о лигурахъ и пра-кельтахъ. Глава эта можетъ служить образчикомъ того, какъ популярно и интересно можно изложить очень сухой и спеціальный предметъ.

W. B.

Der Londoner Grafschaftsrat: ein Betrag zur Städtischen Socialreform». Von *Dr. Ludwig Sinzheimer*. (Stuttgart. J. G. Cotta'sche Buchhandlung). 1901.

Увѣсистый томъ въ 500 стр. убористой печати является результатомъ долголѣтней кропотливой работы д-ра Зинцгеймера, избравшаго предметомъ своего изслѣдованія исторію Совѣта Лондонскаго графства, являющуюся одной изъ интереснѣйшихъ страницъ муниципальнаго законодательства Европы. Д-ръ Зинцгеймеръ съ характернымъ нѣмецкимъ трудолюбіемъ и устойчивостью старается дойти «до корня» предмета; разсматривая причины и условія, вызвавшія образованіе «Совѣта», онъ подробно останавливается на агитаціи Роберта Овена, Чадвика, Ричардсона; разсказываетъ о реформѣ городского управленія въ 1835 г., разбираетъ парламентскій акт 1855 г., положившій основаніе теперешняго городского управленія Лондона. Многочисленныя отступленія отъ главнаго предмета являются въ сущности отдѣльными изслѣдованіями по вопросамъ, такъ или иначе связаннымъ съ городскимъ управленіемъ: д-ръ Зинцгеймеръ довольно подробно излагаетъ въ своей книгѣ исторію квартирнаго законодательства, законовъ о городскихъ желѣзныхъ дорогахъ, о спеціальныхъ рабочихъ поѣздахъ. Онъ обстоятельно разсказываетъ, какъ Лондонъ, находившійся въ рукахъ крупныхъ монополистовъ, мало-по-малу начинаетъ освобождаться, благодаря работѣ «Совѣта». Наибольше мѣста отведено реформѣ 1888 г., давшей Совѣту важныя полномочія и возможность (при наличности прогрессивнаго большинства) проводить законы, ведущіе къ облегченію положенія наиболѣе нуждающихся классовъ населенія колоссальной столицы Англіи. Книга Зинцгеймера вызвала единодушные восторженные отзывы въ англійской печати. **W. B.**

Monographien zur Weltgeschichte. Lübeck, die freie und Hanse-Stadt, von *Adolph Holm*. Mit 122 Abbildungen aus dem Kunstverlage von Joh. Noering in Lübeck. (Bielefeld und Leipzig). 1901.

Любекъ былъ однимъ изъ наиболѣе процвѣтавшихъ и вліятельныхъ городовъ Ганзейскаго союза. Книга Гольма посвящена исторіи

этого города и той роли, которую онъ игралъ въ знаменитомъ союзѣ. Когда къ концу XVI столѣтія союзъ распался, Любекъ, вмѣстѣ съ Бременомъ и Гамбургомъ, остались «вольными городами» и лишь въ 1870 г. вошли въ составъ Германской имперіи. Книга изобилуетъ интересными подробностями, наглядно рисующими, какую упорную борьбу вели ганзейцы съ тогдашними спекулянтами: уже тогда пришлось издавать спеціальные законы, запрещавшіе покупать селедки «раньше, чѣмъ онѣ пойманы», рожь «раньше, чѣмъ она выросла», и ткани «раньше, чѣмъ онѣ вытканы». Современное законодательство далеко не такъ щепетильно и относитъ подобныя операціи къ законнымъ «торговымъ сдѣлкамъ».

Любекъ богатъ красивыми зданіями и вообще представляетъ не малый интересъ для археолога и антикварія; въ художественныхъ музеяхъ города и въ рукахъ мѣстныхъ коллекціонеровъ находятся цѣнныя произведенія живописи ранней фламандской школы и превосходные образчики художественной средневѣковой рѣзьбы по дереву. Любекъ былъ родиной извѣстнаго художника Овербека, поэта Гейбеля и историка Курціуса.

Книга снабжена превосходными иллюстраціями и ея единственнымъ недостаткомъ является отсутствіе подробнаго указателя, всегда необходимаго въ работахъ подобнаго рода. **W. B.**

Emil Reich. **Ibsen's Dramen**. Zwanzig Vorlesungen gehalten an der Universität Wien. Dritte vermehrte Auflage. 8°. (Dresden und Leipzig). 1901.

Roman Woerner. **Henrik Ibsen**. Erster Band 1828—1873. (München). 1901.

Интересная книга Рейха, выходящая уже третьимъ изданіемъ, посвящена соціологической оцѣнкѣ драматическихъ произведеній Ибсена, сущность которыхъ, по мнѣнію автора, сводится къ изображенію борьбы крайняго индивидуализма съ общественными условіями и средой. Каждая драма Ибсена разбирается (въ хронологическомъ порядкѣ) въ отдѣльной главѣ. Заключительная глава посвящена техникѣ Ибсеновскихъ драмъ, по поводу которой авторъ замѣчаетъ, что для Ибсена на первомъ планѣ стоитъ *идея*, которую онъ желаетъ провести въ данномъ произведеніи, и для достиженія этой главной цѣли онъ нерѣдко жертвуетъ архитектурной стройностью.

Рейхъ, между прочимъ, проводитъ интересную параллель между Шиллеромъ и Ибсеномъ. Обоимъ поэтамъ пришлось отыскивать новыя формы для тѣхъ «новыхъ» идей, провозвѣстниками которыхъ они явились. Въ то время, какъ Шиллеръ нашелъ окончательное выраженіе своимъ идеямъ въ формѣ высокохудожественной стихотворной драмы, Ибсенъ, напротивъ, отъ стихотворныхъ опытовъ юности перешелъ къ житейской прозѣ, объясняя это тѣмъ, что «обыкновенные люди, которыхъ я изображаю, не говорятъ языкомъ боговъ». Шиллеръ, — говоритъ Рейхъ, — находился подъ вліяніемъ Руссо и явился выразителемъ идей 1798 г. Ибсенъ всецѣло подпалъ въ юности вліянію демократическаго движенія 1848 г. Вліяніе Канта на Шиллера можно сравнить съ вліяніемъ Дарвина и его школы на Ибсена. Не менѣе интересна параллель, проводимая

авторомъ между Вагнеромъ. Ницше и Ибсеномъ. Вагнера авторъ опредѣляетъ, какъ музыканта, поэта и философа; Ницше, какъ крупнаго поэта, несправедливо называемаго философомъ, и Ибсена, какъ философа, ложно считаемаго поэтомъ. Въ этихъ красивыхъ опредѣленіяхъ заключается если не полная правда, то во всякомъ случаѣ зерно истины.

Работа д-ра Вернера носитъ иной характеръ. Это—солидное историко-литературное изслѣдованіе. Вышедшій пока I-й томъ посвященъ разбору историческихъ и философскихъ драмъ и поэмъ Ибсена. Мы надѣемся возвратиться къ этому труду по выходѣ 2-го заключительнаго тома работы д-ра Вернера, который будетъ касаться драмъ Ибсена изъ современной жизни. **W. B.**

ОПЕЧАТКА. Въ № 4 «Вѣстника Всемірной Исторіи» въ разсказѣ П. Брюнелли «Шоура и Ріонъ», какъ въ заглавіи такъ и въ текстѣ, ошибочно напечатано вмѣсто Шоура—Тоура.

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

Механизмъ идеала въ исторіи.

Этюдъ.

I.

И въ литературѣ, и въ публикѣ постоянно приходится слышать слово „идеалъ". Ухо до такой степени къ нему прислушалось, что, кажется, будто бы это слово столь же просто и понятно, какъ всякое другое, напримѣръ—„шапка", „дерево".

Юноша говоритъ о дѣвушкѣ: „она—мой идеалъ!" Какой-нибудь дѣлецъ заявляетъ: „мой идеалъ—нажить на этомъ предпріятіи 200.000!" И тутъ же рядомъ идетъ споръ представителей двухъ современныхъ направленій въ философіи исторіи: одно изъ нихъ утверждаетъ, что исторія человѣчества представляетъ (въ большей или меньшей степени) осуществленіе человѣческихъ идеаловъ; другое, наоборотъ, доказываетъ, что идеалы не играютъ въ исторіи никакой роли,—что они представляютъ психологическое явленіе post factum, то есть, человѣкъ заблуждается, воображая, будто бы онъ самъ ставитъ себѣ *идеалы—цѣли*: они навязываются ему посторонними условіями и, движимый этими условіями, онъ, видя достигнутый „результатъ", принимаетъ его за цѣль, за идеалъ, возникшій въ нѣдрахъ его духа.

Въ виду такой путаницы понятій объ идеалѣ, не мѣшаетъ пересмотрѣть самое понятіе.

Классическое опредѣленіе слова „идеалъ" таково:

„Идеалъ,—въ противоположность дѣйствительно существующему,—есть какое-нибудь совершенство мыслимое или воображаемое въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ, и которое мы беремъ, какъ *предметъ*

стремленій или какъ образецъ, или какъ мѣрило (масштабъ) сужденія о достоинствѣ реально-существующаго предмета".

Уже изъ этого опредѣленія видно, что роль идеала въ практической жизни *двойственна:* 1) онъ является или просто критеріемъ, мѣриломъ для сужденія относительно реальныхъ, существующихъ въ дѣйствительности явленій и предметовъ.

Въ этой роли, онъ просто масштабъ для оцѣнки или измѣренія, подобный всѣмъ другимъ единицамъ мѣры или вѣса. Онъ еще не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго побужденія или толчка для воли, для творческой дѣятельности.

2) Онъ является „образцомъ", „совершеннымъ представленіемъ" о какомъ-нибудь явленіи, которое мы желаемъ осуществить, и въ этой роли является источникомъ, мотивомъ или толчкомъ къ наиболѣе совершенной дѣятельности.

Говоря проще: въ первомъ случаѣ, онъ служитъ для *измѣренія* или критики дѣйствительности, то есть, помогаетъ работѣ *теоретической*, хотя черезъ нее можетъ косвенно служить и практической работѣ. Во 2-мъ случаѣ, онъ служитъ непосредственно *практической* работѣ, подобно тому, какъ въ любомъ производствѣ или ремеслѣ—образцовый предметъ, съ котораго мы стараемся воспроизвести наиболѣе точную копію.

Опредѣливъ такимъ образомъ двойственную роль идеала, мы можемъ видѣть съ достаточной ясностью, что эта двойственность не мѣшаетъ ему быть по существу однороднымъ; то есть, его двойственность заключается не въ немъ самомъ, а въ той цѣли, для какой его употребляетъ человѣкъ. Такъ, образчикъ какого-либо товара можетъ служить для двухъ цѣлей, оставаясь однимъ и тѣмъ же: онъ можетъ употребляться нами для измѣренія или оцѣнки реальнаго товара, но можетъ быть и предметомъ подражанія при производствѣ новаго товара.

Сравненіе „идеала" съ образцомъ товара не должно шокировать читателя. Оно приводится мною, конечно, только для наглядности. Когда говорится объ идеалѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, то дѣло идетъ обыкновенно не о грубомъ матеріальномъ товарѣ, а объ явленіяхъ или продуктахъ высшаго порядка, каковы—моральныя, соціальныя, художественныя и тому подобныя области человѣческаго существованія.

Болѣе наглядное представленіе объ идеалѣ было мнѣ

необходимо для того, чтобы яснѣе показать на простѣйшихъ формахъ его психологическое происхожденіе въ человѣкѣ.

Всѣ заблужденія относительно идеала происходили главнымъ образомъ потому, что его разсматривали мистически или метафизически, приписывая ему почти сверхъестественный характеръ, и почти не было попытокъ поставить задачу на реальную, научно-психологическую почву.

Изъ этой мистико-метафизической постановки понятія объ идеалѣ вытекло и то знаменитое представленіе о немъ, которое считало его присущимъ нашей душѣ и мышленію, заложеннымъ въ нихъ невѣдомо какъ и кѣмъ, и даже существующимъ отдѣльно, внѣ нашей мысли и психики, на подобіе „идей" Платона. Какъ извѣстно, этотъ великій мыслитель древности былъ убѣжденъ, что видимые нами предметы только осуществляютъ невидимыя „идеи", существовавшія предвѣчно и существующія въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, особомъ отъ человѣческаго. Такъ, прежде реальной лошади была идея лошади, образцовый, совершенный ея прототипъ, идеалъ, а дѣйствительная лошадь только приближается къ этому образцу.

Такое понятіе Платона объ идеяхъ и идеалѣ удержалось до сихъ поръ въ особенности въ области понятій о красотѣ [1]). Идеалъ красоты считается многими и до сихъ поръ существующимъ самъ по себѣ, независимо отъ человѣческаго мозга и нервовъ. Эти послѣдніе,—т. е. наша психика, наше мышленіе, наше эстетическое чувство,—дѣлаютъ будто бы только одно: стремятся уловить черты идеальной красоты, мало-по-малу приближаясь къ этому предвѣчному образцу—идеалу.

Почти подобное же мистико-метафизическое понятіе объ идеалѣ остается еще у многихъ относительно идеаловъ моральныхъ.

Великій Кантъ является наиболѣе геніальнымъ выразителемъ этого направленія въ этикѣ. Онъ нашелъ въ нашемъ практическомъ разумѣ (т. е. въ той области нашего мышленія, которая опредѣляетъ наше поведеніе, нашу нравственность) такіе элементы, которые казались ему необъяснимыми изъ опыта или изъ обычнаго теоретическаго мышленія. Такъ, напримѣръ, мы замѣчаемъ въ себѣ чувство или голосъ „долга", пове-

---

[1]) Наиболѣе откровеннымъ его выразителемъ является Шопенгауэръ, но смутно оно господствуетъ у большинства эстетиковъ.

лѣвающаго безусловно: „ты *долженъ* это сдѣлать“, хотя бы тебѣ было это непріятно, нежелательно или грозило страданіями, даже лишеніемъ жизни. Сообразно съ этимъ голосомъ долга, мы находимъ въ своей душѣ и голосъ совѣсти, укоряющій насъ за то, что мы не исполнили долга. Какимъ образомъ мы можемъ упрекать себя въ неисполненіи, если не признаемъ себя свободными — исполнить или не исполнить чего-нибудь? Если мы не свободны, то и упрека совѣсти быть не можетъ. Нельзя, напримѣръ, упрекать человѣка, привязаннаго къ столбу, что онъ не бѣгаетъ.—И вотъ, Канту казалось очевиднымъ, что въ нашу психію вложено невѣдомо какъ и откуда идеальное сознаніе своей свободы. Что оно не могло создаться опытомъ или теоретическимъ мышленіемъ,—казалось очевиднымъ изъ того, что и по опыту и по теоретическимъ выкладкамъ ума мы не только не свободны, но, наоборотъ, являемся продуктомъ или игрушкой тысячи условій, такъ что каждое наше дѣйствіе и даже желаніе, мысль, намѣреніе — *являются* результатомъ цѣлой цѣпи причинъ, *представляются* намъ однимъ изъ звеньевъ этой цѣпи.

Отсюда казался вполнѣ логическимъ выводъ, что наша идея о внутренней свободѣ (о моральной свободѣ) вложена въ насъ сверхъопытно, сверхчувственно, трансцендентно.

И этого мало: самый *долгъ*, заставляющій насъ жертвовать внутреннему голосу иногда всей жизнью, всѣмъ ея счастьемъ, не есть ли голосъ, идущій не изъ нашей чувственной, грубо-эгоистической природы? Вѣдь, эта природа требуетъ удовлетворенія своихъ эгоистическихъ и чувственныхъ потребностей. А если и бываютъ случаи, когда она требуетъ нѣкоторой жертвы, то и эта жертва оправдывается расчетомъ или предположеніемъ, что она будетъ вознаграждена въ той или иной формѣ. Но чѣмъ же можетъ быть вознаграждена *жизнь*, которою жертвуетъ, напримѣръ, герой, умирающій за родину или идею? Нашъ чувственный опытъ и наше теоретическое мышленіе, основанное на этомъ опытѣ, исключаютъ всякую мысль о посмертной наградѣ.

Отсюда опять казалось самымъ правильнымъ логическимъ выводомъ, что въ нашъ духъ заложена, сверхъ всякаго опыта и теоретическаго мышленія, идея о сверхчувственномъ міровомъ порядкѣ или, говоря проще,— о нравственномъ міровомъ порядкѣ.

Этотъ нравственный міровой порядокъ есть идеалъ, улавливаемый болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе

смутно нашей душой въ голосѣ долга, въ чувствѣ совѣсти...

Все это казалось безспорнымъ въ то время, когда не было попытокъ объяснить этихъ идеальныхъ явленій нашей души научно-психологическимъ анализомъ.

Но не въ однихъ моральныхъ областяхъ оставалось и остается до сихъ поръ понятіе объ идеальныхъ вещахъ, будто бы данныхъ намъ сверхъ опыта. Такъ, напримѣръ, даже такія геометрическія понятія, какъ прямая линія, казались сверхъопытными, потому что въ опытѣ мы никогда не имѣли совершенно прямой линіи. Въ природѣ самая совершенная прямая линія никогда не можетъ быть вполнѣ совершенной; въ ней всегда должны быть уклоненія; она можетъ только приближаться къ совершенной прямой. Такимъ образомъ, если мы, тѣмъ не менѣе, находимъ въ своей мысли идеальную прямую, то она-де не могла явиться изъ опыта, а присуща нашей душѣ, является въ ней *a priori*.

II.

Если начать съ самыхъ простыхъ фактовъ разборъ этой идеи, примѣнивъ къ такому разбору психологическій анализъ, то мы легко приблизимся и къ правильному пониманію психологическаго происхожденія (изъ опыта) самыхъ высокихъ идеаловъ—красоты, морали и т. п.

Начнемъ, поэтому, съ *идеальной прямой* линіи.

Да, мы не находимъ въ природѣ идеально совершенной прямой линіи, какъ не находимъ совершеннаго круга, шара и т. п. Но мы на каждомъ шагу видимъ несовершенныя прямыя линіи, а еще чаще мы желаемъ ихъ имѣть: такъ, напр., вы идете торопясь по важному дѣлу; дорога передъ вами извивается вправо и влѣво. Вы стараетесь сократить ее, идете безъ дороги, руководствуясь однимъ соображеніемъ—достигнуть цѣли *самымъ кратчайшимъ путемъ*. Этотъ путь будетъ, очевидно, тотъ, который совпадетъ съ линіей, соединяющей вашъ глазъ и тотъ предметъ (напр., городъ, село, церковь), къ которому вы идете. Вотъ вамъ всѣ элементы образованія (изъ опыта) понятій о совершенной прямой. Само собою изъ этого опыта слагается ея опредѣленіе, что она есть „кратчайшее разстояніе между двумя точками“. Но, разъ сдѣлано такое опредѣленіе, оно есть и опредѣленіе *совершенства*, не существующаго въ природѣ въ узкомъ смыслѣ слова, но существующаго на каж-

домъ шагу *приблизительно*. Изъ этихъ-то приблизительныхъ прямыхъ и дѣлается опредѣленіе *совершенной прямой*.

Такимъ образомъ, очевидно, что, хотя въ природѣ мы и не находимъ абсолютной, идеальной прямой, но, тѣмъ не менѣе, ея *опредѣленіе* выводимъ изъ опыта, представленнаго несовершенными прямыми, находящимися въ *природѣ*. Это опредѣленіе является уже идеальнымъ или идеаломъ. *Несомнѣнно этотъ идеалъ данъ работой мысли надъ матеріаломъ опыта, а не однимъ опытомъ*. Но мысль не имѣла бы понятія ни о какой прямой, если бы природа не дала матеріала для этого понятія. Значитъ, *идеалъ не вложенъ заранѣе въ мысль; онъ создается мыслью, но создается на почвѣ опыта*.

Возьмемъ теперь болѣе сложный примѣръ, являющійся переходной ступенью къ высшимъ идеаламъ. Передъ нами идеальный чертежъ художественнаго кубка.

Въ природѣ нѣтъ кубковъ; стало быть, этотъ чертежъ созданъ мыслью или фантазіей человѣка. Но значитъ ли это, что идея художественнаго кубка врождена душѣ человѣка? Конечно, нѣтъ. Возьмемъ сперва простой кубокъ, служащій для обыкновеннаго повседневнаго употребленія. Въ природѣ нѣтъ кубковъ, но идея о кубкѣ, осуществленная впервые человѣкомъ, была дана его опытомъ: напримѣръ, онъ пилъ пригоршнями, представлявшими прототипъ кубка; онъ видѣлъ, какъ вода собирается въ чашечкѣ цвѣтка и т. д., и т. д. Чтобы создать изъ этихъ элементовъ опыта кубокъ, должна была немножко поработать мысль; къ ней пришло на помощь воображеніе. Художественный кубокъ былъ уже эволюціей простого; къ потребности имѣть удобное орудіе для зачерпыванія воды присоединилась потребность доставлять себѣ удовольствіе внѣшнимъ видомъ кубка. А это удовольствіе связано съ устройствомъ органа зрѣнія и зрительныхъ центровъ. Соотвѣтственно этому устройству, однѣ линіи и ихъ сочетанія пріятны нервамъ глаза, другія—наоборотъ.

Итакъ, хотя кубокъ не взятъ цѣликомъ изъ природы, но онъ взятъ изъ опыта, даннаго природой и обработаннаго мыслью, при участіи воображенія и фантазіи.

Теперь мы приходимъ къ самому существенному вопросу: если человѣку не присуща идея кубка, то что же заставило его создать, придумать кубокъ?

А то же самое, что заставило его придумать прямую линію: его *потребность*, а въ данномъ случаѣ потреб-

—

ность черпать или сберегать влагу, удовлетворяемая кубкомъ съ большимъ удобствомъ (съ меньшимъ расходомъ силы и времени), чѣмъ пригоршнями или листьями, которыми черпалъ воду человѣкъ первобытный.

Такимъ образомъ, происхожденіе идеала можно опредѣлить психологически такъ: 1) источникомъ его является *потребность* человѣка, не удовлетворяемая наличными средствами или предметами; 2) эта потребность сказывается въ чувствѣ неудовлетворенности или недовольства; 3) это недовольство заключало въ себѣ желаніе (сперва чистоотрицательное)—избавиться отъ того, что вызываетъ недовольство, а затѣмъ и положительное—отыскать новыя средства для этого избавленія; 4) эти средства могутъ быть или только отрицательными, какъ, напр., разрушеніе, или положительными, когда неудовлетворяющій предметъ мы хотимъ замѣнить удовлетворяющимъ; 5) въ этомъ случаѣ, мысль, воображеніе и фантазія создаютъ несуществующій, но желаемый предметъ, въ представленіи; 6) это представленіе и есть то, что мы называемъ идеаломъ.

III.

Переходя къ дѣйствію идеала въ исторіи, мы должны прежде всего обратить вниманіе читателя на двѣ формы проявленія идеала: онъ можетъ проявляться или какъ оригинальное изобрѣтеніе, или какъ заимствованное, подражательное орудіе прогресса.

Въ обѣихъ формахъ проявленія дѣйствіе его болѣе или менѣе подобно. Однако, есть и различія.

При оригинальномъ возникновеніи идеала, онъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, слагается изъ чувства недовольства, т. е. неудовлетворенія какой-нибудь потребности.

На той же почвѣ можетъ быть воспринятъ и заимствованный идеалъ, но, однако, эта почва не всегда обязательно имѣется на-лицо: часто извѣстный идеалъ заимствуется нами у другихъ не въ силу назрѣвшей потребности и недовольства прежнимъ положеніемъ, а въ силу того, что самъ возбуждаетъ это недовольство, являясь мѣркой окружающей дѣйствительности. Такъ, народы, находящіеся на низшихъ стадіяхъ культурной лѣстницы, видя плоды цивилизаціи и культуры другихъ странъ, принимаются нерѣдко подражать имъ не потому, что въ этомъ лежитъ ихъ живая потребность, созрѣвшая ранѣе, потому, что, прикинувъ чужую жизнь,

какъ мѣрку, къ своей жизни, они начинаютъ чувствовать недовольство своимъ обиходомъ. Безъ этого было бы необъяснимо подражательное восприниманіе многихъ ложныхъ идеаловъ и уродливыхъ формъ жизни у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, перенесеніе на русскую почву западной бюрократіи (тамъ уже отживавшей), какъ и перенесеніе къ намъ французскаго кафе-шантана, никакъ нельзя объяснить потребностью русскаго народа въ томъ или другомъ.

Но тутъ бросается въ глаза и еще одна особенность подражательнаго идеала: въ то время, какъ оригинальный идеалъ является въ формѣ представленія, подражательный идеалъ является для подражателя въ конкретной формѣ, т. е. въ своемъ осуществленномъ видѣ. Поэтому и его психологическое дѣйствіе различно. Оригинальный идеалъ дѣйствуетъ на душу, какъ мечта, образъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если онъ облекается въ художественную форму, онъ дѣйствуетъ, какъ артистическое произведеніе, или народныя легенды, сказки и т. п. Его дѣйствіе начинается съ вліянія на воображеніе, фантазію. Идеалъ-же подражательный дѣйствуя своемъ осуществленномъ видѣ, какъ и всякій предметъ, на органы чувствъ, занимаетъ преимущественно разсудочную область души.

Но въ дальнѣйшемъ вліяніи идеаловъ на жизнь сходство почти полное: такъ, люди, принесшіе въ свою страну представленіе о видѣнныхъ ими иныхъ формахъ жизни, приносятъ не самыя же формы, а только свое воспоминаніе о нихъ (представленіе). Они должны его распространять среди своихъ согражданъ совершенно такъ же, какъ распространяетъ свой идеалъ и оригинальный изобрѣтатель его, т. е. дѣйствовать сперва на воображеніе и фантазію своихъ согражданъ. Когда имъ удастся достаточно укрѣпить желаемый образецъ въ умахъ нѣсколькихъ соотечественниковъ, у этихъ послѣднихъ начинается критика своего обихода съ точки зрѣнія новаго мѣрила, закрѣпленнаго въ воображеніи. И эта критика происходитъ одинаково,—будетъ ли идеалъ оригинальный или подражательный, созданный на мѣстѣ или привозный.

Заимствованный идеалъ имѣетъ еще ту особенность, что онъ, дѣйствуя непосредственно на органы чувствъ, можетъ больше, чѣмъ оригинальный идеалъ, упасть не на почву назрѣвшей потребности; такъ, напримѣръ, онъ можетъ поражать непосредственно своимъ блескомъ, красочностью, внѣшними формами, а не своимъ внутрен-

нимъ соотвѣтствіемъ съ нуждой и недовольствомъ. Такъ, эстетическая сторона византизма несомнѣнно обусловливала (хотя бы и отчасти) перенесеніе его на русскую почву. Заимствованіе русскими различныхъ школъ западнаго искусства и литературы имѣло, очевидно, такія же психологическія причины.

Но въ общемъ слѣдуетъ признать, что, какимъ бы путемъ не сложился идеалъ, онъ идетъ въ своемъ первоисточникѣ отъ жизни и потребностей людей, такъ какъ его оригинальное появленіе всегда совершается тѣмъ процессомъ, который мы указали въ началѣ, то есть, онъ возникаетъ изъ соединенія потребности человѣка съ матеріаломъ опыта, переработаннымъ для удовлетворенія этой потребности воображеніемъ, фантазіей, мыслью въ новое представленіе или идею.

Дальнѣйшая работа идеала состоитъ въ томъ, что, отлившись въ форму опредѣленнаго представленія, онъ сообщаетъ эту форму и назрѣвшему или только назрѣвающему недовольству. То есть, смутное чувство неудовлетворенности онъ облекаетъ въ опредѣленный образъ, въ болѣе или менѣе ясное представленіе желаемаго. Этимъ способомъ онъ переводитъ чисто отрицательное состояніе души въ положительное, опредѣленное стремленіе; ставитъ оформленную цѣль, даетъ исходъ волѣ и живому творчеству.

Но этого мало: самое недовольство, какъ мотивъ воли, усиливается, когда въ воображеніи готово представленіе о лучшемъ, съ которымъ можно сравнивать наличное. Такимъ образомъ, идеалъ, родившись изъ недовольства, неудовлетворенія и т. п., самъ начинаетъ дѣйствовать въ обратномъ направленіи, какъ бы сверху внизъ, усиливая, подкрѣпляя и развивая недовольство и, слѣдовательно, способствуя еще и этимъ путемъ къ его переходу въ дѣйствіе, въ акты воли.

Отсюда очевидно, что вліяніе идеала въ исторіи должно быть огромно. Мы перечислили только незначительную часть тѣхъ психологическихъ воздѣйствій, которыми обладаетъ идеалъ. Но есть много другихъ, дѣйствующихъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, а стало быть и въ исторіи. Эта функція двойная, какъ мы видимъ: 1) критическая и 2) созидательная, причемъ первый элементъ возбуждаетъ чувство недовольства, второй—цѣлый рядъ другихъ чувствъ—*надежды*, *вѣры*, *гипнотическаго очарованія*, *создающаго энтузіазмъ или фанатизмъ*, т. е. вообще, могучіе мотивы *воли*, помимо усиленія недовольства.

Я не могу присоединиться всецѣло къ мнѣнію по-

чтеннаго нашего мыслителя Вл. Серг. Соловьева, который говоритъ, что *„вся исторія есть лишь постепенное воплощеніе идеала“*. Это можно сказать, пожалуй, о *результатѣ* исторіи, о прогрессѣ, но не обо всей *исторіи, которая есть также и исторія сопротивленія идеаламъ*. Откуда же является это сопротивленіе идеаламъ, которые въ сущности воплощаютъ только человѣческія же потребности?

IV.

Оно идетъ, во 1-хъ, отъ космическихъ силъ, что совершенно понятно, а, во 2-хъ, отъ самихъ людей, что уже менѣе понятно.

По этому поводу нужно сказать нѣсколько словъ, такъ какъ именно этотъ фактъ—медленности осуществленія идеаловъ (которое иногда заставляетъ себя ожидать тысячелѣтія),—породилъ идею, что человѣческіе идеалы не имѣютъ никакого значенія въ исторіи, что они только явленіе post factum и что исторія совершается исключительно дѣйствіемъ безсознательныхъ, космическихъ силъ.

Конечно, въ исторіи дѣйствіе идеаловъ не одно опредѣляетъ ходъ событій. Во 1-хъ, съ этой антропологической силой,—силой человѣка, сталкиваются космическія силы. Результатъ, который получается отъ этого столкновенія, можно выразить наглядно общимъ физическимъ закономъ двухъ силъ, причемъ онъ можетъ явиться или ихъ сложеніемъ, или ихъ равнодѣйствующей, и быть даже отрицательнымъ по отношенію къ человѣческой силѣ. Но это не все.

Такъ какъ идеалы выростаютъ изъ человѣческихъ потребностей (стремленій, желаній), и такъ какъ этихъ потребностей безконечное множество, то онѣ сталкиваются другъ съ другомъ, борятся, интерферируютъ въ самомъ человѣчествѣ (борьба племенъ, націй, религій, вообще группъ и классовъ за свои идеалы), въ *каждомъ отдѣльномъ обществѣ, иногда въ каждой семьѣ*, а еще чаще и въ *отдѣльномъ человѣкѣ*, гдѣ въ одномъ мозгу борятся также двѣ идеи или болѣе, два идеала или болѣе. *Продуктомъ и здѣсь является равнодѣйствующая.*

Несмотря на разнообразіе потребностей, существуютъ и потребности общія, у людей ли одинаковаго общественнаго положенія (общественныхъ классовъ), или одинаковаго географическаго положенія (націй), или одинаковаго родового положенія. Поэтому, силы отдѣльныхъ идеаловъ слагаются въ групповыя силы, т. е. *идеалы аггрегируютъ, сливаются, становятся классовыми*, національ-

ными, родовыми, семейными: тутъ—однѣ группы людей борятся за нихъ съ другими, какъ одинъ человѣкъ борется съ другимъ.

Наконецъ, при распространеніи идеала отъ одного изобрѣтателя къ массѣ, сперва ближайшихъ, а потомъ и остальныхъ людей, является также борьба, подобная борьбѣ двухъ идеаловъ, новаго и стараго, въ мозгу одного человѣка, гдѣ привычка, консерватизмъ, мезонеизмъ борятся подобно инерціи физическихъ силъ съ каждой попыткой другой силы отклонить ихъ движеніе или создать новое на смѣну покоя.

Вотъ, *благодаря-то всѣмъ этимъ столкновеніямъ идеаловъ, ихъ дѣйствіе въ каждую данную эпоху не безусловно, такъ что исторія даетъ въ результатѣ, повторяю, только равнодѣйствующую и не только равнодѣйствующую силъ космическихъ и антропологическихъ, но и, въ средѣ этихъ послѣднихъ, ея равнодѣйствующая опредѣляется въ свою очередь равнодѣйствующей всѣхъ сталкивающихся идеаловъ.*

Приэтомъ можетъ казаться, что *чѣмъ больше человѣческихъ элементовъ группируются вокругъ одного идеала, тѣмъ болѣе вѣроятна его побѣда въ борьбѣ съ другими* человѣческими идеалами.

Это *не всегда оправдывается* исторіей: *въ осуществленіи идеаловъ среди самого человѣчества мы не всегда видимъ сперва побѣду наиболѣе всеобщихъ идеаловъ, т. е. выражающихъ собою наибольшую сумму потребностей наибольшаго числа людей.* Это апріорное предположеніе вѣрно только относительно самыхъ первичныхъ, элементарныхъ потребностей, напр., потребности имѣть рѣчь (языкъ), орудія труда и домашняго обихода, общественную организацію для цѣлей войны, производства и т. п.

Созданіе религій, какъ начала объединяющаго вокругъ одного идеала, созданіе морали, какъ начала устраняющаго внутреннюю борьбу между единицами, можно также отнести къ этому правилу. Но есть идеалы, въ которыхъ заинтересованы всѣ люди одинаково, а, между тѣмъ, они запоздали осуществленіемъ. Почему же?

Классифицируя массы *идеаловъ* въ болѣе или менѣе опредѣленныя группы, по *потребностямъ, создавшимъ ихъ, мы можемъ ихъ раздѣлить на* космическіе, соціальные, лично-соціальные и, наконецъ, индивидуальные. Разберемъ сперва *космическіе*, т. е. такіе, гдѣ въ идеалы воплощали потребности *борьбы съ внѣшней природой.*—Это наиболѣе первобытные идеалы, воплощаемые въ былинахъ, древнемъ эпосѣ, сказкахъ: человѣкъ, подавляемый природой, ея силами, закономъ смерти и т. п., созда-

валъ въ фантазіи образы героевъ, побѣждавшихъ чудовищъ и драконовъ, дикихъ звѣрей, могучихъ волшебниковъ; эти герои, боги и полубоги обладали или безсмертіемъ, или чудодѣйственными средствами (въ родѣ живой воды) отъ болѣзней, ранъ, смерти; они умѣли побѣждать темноту при посредствѣ свѣтящихся райскихъ птицъ,—побѣждать пространство при помощи ковровъ-самолетовъ, сапоговъ-скороходовъ, волшебныхъ коней, летающихъ по воздуху, etc. etc.

Эти идеалы-сказки только теперь начинаютъ осуществляться, напримѣръ, въ нашей современной техникѣ, въ желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, въ воздушныхъ шарахъ, электричествѣ, въ поразительныхъ открытіяхъ врачебной науки... Не странно ли, что прошли цѣлыя тысячелѣтія, а человѣчество, мечтавшее объ этихъ идеалахъ, не воплощало ихъ! Можно сказать, почти не считая парадоксомъ, что прогрессъ по крайней мѣрѣ XIX вѣка есть осуществленіе сказокъ первобытныхъ народовъ въ области физическихъ идеаловъ. — Что же задержало этотъ прогрессъ?

Почему потребовались тысячелѣтія для осуществленія этихъ сказокъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ у всѣхъ индо-европейцевъ, т. е. и наиболѣе древнѣйшихъ [1])? Отчасти я уже указалъ причины медленности осуществленія идеаловъ, лежащія въ групповой борьбѣ за нихъ, когда сталкиваются два (или болѣе) идеала, враждебные другъ другу. Но откуда здѣсь могли возникнуть групповая враждебность и борьба? Вѣдь, потребности, заключенныя въ космическихъ идеалахъ (напр., идеалѣ исцѣленія отъ болѣзней, побѣды надъ силами природы и т. п.) были абсолютно-всеобщими? Но въ томъ-то и дѣло, что стремленіе воплотить эти идеалы раздѣлилось еще въ первобытныя эпохи на два теченія, *физическое* и *мистическое*: у обоихъ были одинаковыя цѣли, но разныя средства. Разница въ средствахъ вызвала борьбу. Дѣло въ томъ, что человѣчество не всегда шло ближайшими путями къ построенію своихъ идеаловъ, а слѣдовательно и ступеней-цѣлей. Такъ, потребность побѣдить космическія бѣдствія, а въ томъ числѣ смерть, болѣзни и пр., вела не только къ созданію *физическихъ* идеаловъ, но и *идеаловъ мистическихъ*, т. е. безсмертія за гробомъ, исцѣленія не путемъ врачебныхъ средствъ, *а путемъ таинственныхъ заклинаній*, жертвъ невидимымъ существамъ,

[1]) Всѣ эти сказочные идеалы мы находимъ уже въ Магабаратѣ, т. е. болѣе двухъ съ половиной, а, быть можетъ, и трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ.

являвшимся въ свою очередь идеалами всемогущества или силы.

Въ то время, какъ научныя изслѣдованія и древняя философская мысль, работавшія для идеаловъ физическихъ, давали лишь немногихъ единичныхъ дѣятелей, въ это время идеалы мистическіе, какъ болѣе свойственные фетишистскому мышленію древности, охватывали милліоны людей; но въ основѣ и тѣхъ, и другихъ лежало стремленіе къ удовлетворенію той же самой потребности (космическаго самосохраненія и самозащиты). Поэтому, понятно, какъ трудна была борьба идеаловъ физическихъ съ этими послѣдними, какъ она долго не давала отклониться равнодѣйствующей этой борьбы въ сторону реальнаго, физическаго, а не мистическаго удовлетворенія хотя бы и наиболѣе всеобщихъ потребностей.

Но не одни физико-космическіе и мистико-космическіе идеалы представляли значительную всеобщность въ человѣчествѣ. Такъ, напр., *идеалы, которые можно назвать соціальными*, т. е. воплощавшими объединенныя потребности цѣлыхъ обществъ или группъ, а также идеалы лично-соціальные, т. е. воплощавшіе потребности личности въ средѣ обществъ, охватывали сразу (особенно въ началѣ исторіи, когда не произошло раздѣленія въ самихъ обществахъ на классы) огромную массу индивидуумовъ.

Тутъ я долженъ оговориться: въ существѣ своемъ всѣ идеалы вытекаютъ изъ потребностей отдѣльныхъ личностей, даже идеалы физико-космическіе и мистико-космическіе. Но, какъ я уже сказалъ, вслѣдствіе сродства потребностей у болѣе или менѣе крупныхъ массъ, мы можемъ имъ давать имена, соотвѣтствующія этимъ массамъ: такъ, потребности отдѣльныхъ племенъ, націй, создавали свои особые идеалы, помимо всеобщихъ или общечеловѣческихъ, названныхъ мною физико-космическими и мистико-космическими. *Къ этимъ національнымъ или соціальнымъ идеаламъ можно отнести всѣ тѣ идеалы, которые въ первыя времена служили скрѣпою обществъ въ ихъ борьбѣ съ природой или съ другими обществами.* Таковы были *идеалы военной доблести, военнаго могущества, военной славы. Часто они сливались съ мистико-космическими идеалами, приспособляя ихъ къ той же потребности межсоціальной борьбы*, напр., націи производили своихъ героевъ и вождей отъ боговъ, придавали имъ божественную силу, неуязвимость, божественную мудрость и т. п.; это, конечно, увеличивало ихъ *престижъ*. Точно также, цѣлыя учрежденія, объединявшія націю, производились отъ боговъ или имѣли своихъ боговъ, какъ Ѳемида, Меркурій etc.

Они воплощали въ формѣ божественнаго совершенства соціальныя потребности.

Этическія потребности я отношу къ *лично-соціальнымъ*, такъ какъ, кромѣ общесвязующихъ соціальныхъ стремленій, въ нихъ есть стремленіе оградить существованіе личности въ обществѣ себѣ подобныхъ, и, наоборотъ, гарантировать общественный порядокъ отъ покушеній со стороны личности посредствомъ ея собственнаго внутренняго самообузданія. Мистико-космическіе идеалы примѣшивались и къ идеаламъ этого рода, создавая такіе идеалы морали, какъ Будда (одновременно и человѣка, и божества, и проповѣдника морали, и воплотителя ея въ наисовершенномъ видѣ). Я ужъ не говорю о христіанствѣ, которое втеченіе двухъ тысячъ лѣтъ объединяетъ мистико-космическіе идеалы іудеевъ съ моральными идеалами любви, всепрощенія и служенія ближнимъ.

Индивидуальными идеалами я считаю всѣ тѣ, которые ставятъ своей обѣтованной землей высокое развитіе человѣческой личности не ради служенія обществу или виду, роду, а наоборотъ, ради созданія въ личности противовѣса, сопротивленія обезличивающему вліянію общественныхъ цѣлей, общественныхъ формъ и вообще какому бы то ни было коллективному деспотизму, гнету и порабощенію человѣческаго индивидуума въ физическомъ или духовномъ отношеніи. Таково большинство метафизическихъ идеаловъ о свободѣ воли, о воплощеніи въ человѣкѣ высочайшаго міроваго начала, о естественныхъ правахъ человѣка и пр. и пр.

Въ корнѣ тутъ лежали потребности нашего „я“. Замѣтимъ, то, что въ одну эпоху было насущной потребностью, напр., война или земледѣліе (хотя бы въ Англіи),—то въ другую эпоху перестаетъ быть таковой; или, напр., потребность политической свободы, бывшая насущной потребностью Западной Европы въ XVII в., перестала быть такой, потому что удовлетворена, и на ея мѣсто возникли другія потребности соціальнаго типа и т. д.

Эту смѣну потребностей, а съ ними и идеаловъ, *по степени ихъ насущности*, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду, разсуждая объ успѣшности или неуспѣшности борьбы за идеалы въ разныя эпохи исторіи. Моя теорія даетъ при этомъ очень важный, по моему мнѣнію, ключъ къ разгадкѣ нѣкоторыхъ явленій, непонятныхъ на первый взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему, напр., потребность въ

личной свободѣ, являющаяся, очевидно, всеобщей потребностью, проявлялесь въ исторіи столь слабо и притомъ въ рѣдкіе періоды. Какимъ образомъ эта, повидимому, существеннѣйшая потребность человѣка могла замолкать и смѣняться обратнымъ стремленіемъ—къ рабству, подчиненію, самоуничиженію личности втеченіе вѣковъ и тысячелѣтій. Почему, наоборотъ, бывали эпохи, когда эта потребность вспыхивала съ необычайной силой, доходя даже до такихъ абсурдовъ, какіе мы видимъ въ наше время въ ученіи Ницше и проповѣдяхъ анархизма?

Подробное изложеніе этого явленія я далъ въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Мысль": „Борьба между личностью и общественностью" (1899 г. № IV) и „Классовая борьба и моральные идеалы" (1900 г. №№ VIII и IX). Здѣсь скажу лишь вкратцѣ, что въ изолированномъ положеніи человѣкъ совершенно безсиленъ: его орудіе — мозгъ пріобрѣтаетъ могучую силу только при коллективной работѣ и требуетъ коллективнаго осуществленія изобрѣтаемыхъ имъ орудій защиты для борьбы съ природой, хищными животными и врагами—людьми. Бывали эпохи, когда коллективная защита была такъ необходима (въ борьбѣ съ природой или съ другими племенами, или съ враждебными общественными группами и классами), что личность панически бросалась подъ защиту коллективности... чего бы это ей ни стоило. И, наоборотъ, едва проходила такая необходимость, она начинала борьбу съ коллективностью (см. *Prince*. „Organisation de la liberté". Paris. 1897 г.).

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на форму, въ какой являются идеалы.

Мы видимъ, что *формы идеаловъ могутъ быть взяты изъ реальной дѣйствительности уже осуществившихся идеаловъ* (дикарь и деревня, деревня и городъ); *могутъ онѣ быть созданы и фантазіей*.

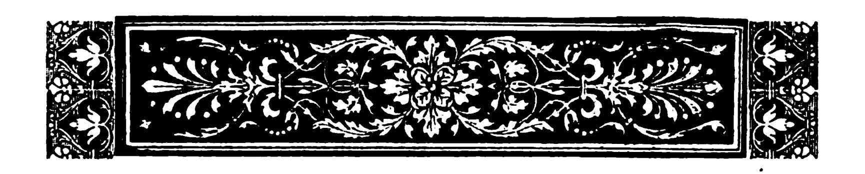
Въ этомъ случаѣ, фантазія облекала ихъ въ слѣдующія *типичныя формы*: 1) *сказокъ, легендъ, былинъ* или 2) въ форму *мистико-религіозныхъ образовъ*, или 3) *въ философскую форму понятій о безусловно свободномъ „я"*, *о свободной волѣ, о разумно-нравственной міровой сущности* или, наконецъ, 4) *въ научную форму идеаловъ, предусматривавшихъ теоретически результаты прогресса, въ области изобрѣтеній техники или общественнаго строя* (Жюль Вернъ, Платонъ (Республика), Томасъ Муръ, Фурье, Белами и т. п.), или 5) *идеаловъ моральныхъ* (куда можно отнести „аристократизмъ духа", абсолютный альтруизмъ Спенсера и т. п.).

Часто идеалы грядущаго переносились въ невѣдомое прошлое, какъ сказанія о потерянномъ раѣ, о золотомъ вѣкѣ или какъ идеалъ Руссо о природномъ человѣкѣ.

Въ заключеніе, необходимо обратить вниманіе еще на одно свойство идеаловъ: въ виду того, что они иногда черезчуръ превышаютъ дѣйствительность, какъ созданія свободной фантазіи, сама жизнь раздробляетъ ихъ на различныя ступени-цѣли, которыя въ свою очередь являются идеалами и даже могутъ вести борьбу другъ съ другомъ; это происходитъ отъ того, что люди, отдаваясь такой дробной части идеала, забываютъ ея связь съ цѣлымъ или даже не усматриваютъ этой конечной цѣли, почему и кажется, что идеалъ есть только явленіе post factum. Но это—ошибка: въ этомъ дробленіи идеала сказывается только законъ раздѣленія труда борьбы за идеалы, законъ, дѣйствующій въ исторіи очень часто въ формѣ безсознательной (напр., въ раздѣленіи и борьбѣ идей философскихъ).

Резюмируемъ же кратко то, къ чему мы пришли здѣсь: 1) *Представленія совершеннаго или идеалы суть воплощеніе въ болѣе или менѣе чувственныя формы различныхъ потребностей, стремленій и желаній человѣка.* 2) *Идеалъ слагался или непосредственно изъ чувствованій недовольства, или изъ созерцанія лучшаго,—являясь масштабомъ критики и образцомъ для подражанія.* 3) *Идеалы строятъ свои формы или посредствомъ фантазіи или изъ готовыхъ формъ, уже воплотившихся идеаловъ, но воплотившихся для однихъ и еще неосуществленныхъ для другихъ.* 4) *Такимъ образомъ, идеалы распространяются или популяризируются то въ формѣ чистыхъ идеаловъ, носимыхъ только въ умахъ, то въ формѣ осуществленныхъ образцовъ.* 5) *Идеалы бывали сознательные и безсознательные или, говоря иначе, вторые, безсознательные идеалы раскрывались лишь мало-по-малу, по мѣрѣ подъема человѣка по ступенямъ сознательныхъ цѣлей и мелкихъ попутныхъ идеаловъ, такъ что познаніе истиннаго идеала улавливалось лишь впослѣдствіи изъ того пути, которымъ блуждало человѣчество, руководимое высшимъ безсознательнымъ идеаломъ.* 6) *Идеалы рѣдко бывали въ исторіи непосредственными цѣлями; они создавали рядъ цѣлей,* какъ переходныхъ ступеней къ достиженію идеала.

Л. Е. Оболенскій.



ВЕНЕЦЕЙСКАЯ ЛАГУНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Продолженіе).

XIV.

Труденъ и опасенъ былъ путь Шорина во Флоренцію. Онъ ѣхалъ туда чрезвычайно долго и приходилось ему сталкиваться съ бандитами и брави, отплачиваться деньгами и вещами. Останавливался онъ для отдыха въ разныхъ городкахъ и городищахъ и въ одномъ изъ нихъ, бродя однажды по улицамъ, встрѣтилъ одного сородича.

Онъ узналъ Шорина, но Шоринъ рѣшительно не могъ припомнить гдѣ онъ его видѣлъ.

— А видѣлъ ты меня въ греческомъ монастырѣ, въ Венеціи.

— Ты одинъ изъ плѣнныхъ, которые нашли пріютъ у грековъ?

— Такъ, государь мой.

— Что-же ты дѣлаешь въ сихъ мѣстахъ?

— Посланники ваши, отвѣтилъ тотъ,—обѣщали грекамъ уплатить расходы, учиненные ими на наше прокормленіе и содержаніе. А за мѣсто того, посланство покинуло градъ Венецію, ничего не приславъ грекамъ, а лишь приславъ малую лепту для насъ.

— Я же и посылалъ оную.

— Такъ, государь мой. Однако, греки, озлобившись, что ничего имъ прислано не было, отобрали отъ насъ деньги въ свое иждивеніе, а насъ выгнали.

— Какъ такъ?

— Такъ. „Монастырь нашъ бѣденъ“, сказали они,— „и содержать васъ мы болѣе не станемъ. Самимъ только что только хватаетъ. И хотя вы единовѣрцы наши, а только не родичи. Коли ежели ваши единовѣрцы вамъ въ помощи отказываютъ, то что же мы-то? Ступайте изъ нашего монастыря въ вашу страну на ногахъ, а мы вамъ

больше не кормильцы и не поильцы. И такъ потратились, не вмоготу намъ стало".—Мы и пошли, кто куда, Кто хотѣлъ, остался въ Венеціи на работахъ,—кто побрелъ во Флоренскъ, такожде и я. А только изъ Венеціи всѣхъ ихъ выгнали: тамъ очень строго стало. Такіе хитрые эти греки! Вотъ я и пробираюсь разными государствами, какъ Богъ приведетъ, на Москву. Дорогу я плохо знаю и окромѣ родного нарѣчія—никакого. Трудно мнѣ и жутко, государь мой.

Шоринъ взялъ изгнанника съ собою, чтобы довести его до Флоренціи, а тамъ, наградивъ малою толикою денегъ, отправить въ Ливорно, гдѣ онъ встрѣтитъ какойлибо корабль съ русскими торговыми людьми.

Ѣхать съ этимъ сородичемъ ему было пріятнѣе, да и путь былъ не столь опасенъ вдвоемъ.

По пріѣздѣ во Флоренцію, Шоринъ узналъ, что въ городѣ имѣетъ пребываніе другое посольство изъ Москвы, которое послано государемъ съ грамотами къ флоренскому герцогу и римскому папѣ.

Шоринъ и смутился, и обрадовался этому. Ему все еще не хотѣлось разстаться съ этой благословенной страной, въ которой онъ испыталъ страсть и разочарованіе, радости и горе. Оставаться одному въ этой странѣ ему было неохотно и тяжко, а при одной мысли покинуть Италію сердце его больно сжималось и ему казалось, что онъ никогда уже больше не свидится съ Лючіеттой.

Поэтому, онъ рѣшилъ отправиться немедленно къ русскимъ людямъ, заявить себя отставшимъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, отъ венеціанскаго посольства и совершить съ новыми товарищами путь въ Римъ.

Предлогомъ онъ выставилъ заботу о своемъ спутникѣ.

Онъ взялъ его съ собою и рано утромъ пришелъ въ домъ, указанный ему, какъ мѣстопребываніе русскихъ гостей.

Посольство это было не столь пышное, какъ то, съ которымъ онъ когда-то прибылъ въ Венецію: въ немъ не было ни дьяка, ни стольника, ни служивыхъ людей посольскаго приказа. А составляли его торговые люди, пріѣхавшіе по своимъ дѣламъ, да одинъ дворянинъ, привезшій царскую грамоту.

Несмотря на это, русскіе были приняты очень пышно и ласково льстивымъ и хитрымъ флорентійскимъ княземъ.

Великій герцогъ Фердинандъ Медичи принялъ изъ рукъ дворянина грамоту стоя, поцѣловалъ ее и сказалъ со слезами въ голосѣ:

— Въ короткое время вторыхъ посланныхъ доводитъ счастье мнѣ принимать въ своемъ стольномъ градѣ. За что меня холопа своего вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Онъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли,—преславенъ онъ отъ конецъ до конецъ вселенныя; имя его страшно во всѣхъ государствахъ; и что мнѣ бѣдному воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ—великаго государя рабы. Зачѣмъ остановились вы въ маломъ и званія вашего недостойномъ домѣ? Я поставлю васъ въ великогерцогскомъ дворцѣ.

Шоринъ видѣлъ посланныхъ какъ разъ въ то время, когда они вернулись съ этого пріема. Его приняли дружески, ласково, разспрашивали съ любопытствомъ о Венеціи, „семъ преславнымъ градѣ всякихъ чудесъ", о результатахъ ихъ переговоровъ, сожалѣли, что ихъ путь лежитъ не на „сей мокрый градъ", сожалѣли и о его неудачномъ въ немъ пребываніи, спрашивали, правда-ли, что въ Венеціи замѣсто улицъ—вода, замѣсто домовъ—мраморные дворцы и что тамъ болѣе сотни горбатыхъ мостовъ.

Шоринъ удовлетворилъ любопытство русскихъ людей, разсказалъ о русскомъ плѣнникѣ, котораго привезъ съ собою и просилъ для него помощи. Торговые люди какъ разъ отправляли караванъ съ флоренскими товарами на корабли въ Ливорно и согласились вмѣстѣ съ караваномъ отправить освобожденнаго изъ турскаго плѣна родича, снабдивъ его малой толикой денегъ, яко-бы за сопровожденіе товаровъ, и всевозможными порученіями въ Москву.

Шоринъ-же остался при нихъ.

Его знаніе языка, обычаевъ и народа могло оказать имъ пользу, и они охотно приняли его услуги. Тому же плѣнному поручено, ежели бы онъ встрѣтилъ Посниковскій поѣздъ, сообщить ему о злоключеніяхъ Шорина и о томъ, что онъ присоединился къ русскимъ людямъ во Флоренскѣ, откуда отправится въ Римъ къ папѣ, а уже оттуда вернется на родину. Не догналъ-де онъ Посникова и Чемоданова потому, что не зналъ, по какому пути они отправились, моремъ ли изъ Венеціи, кружнымъ путемъ, сухимъ ли путемъ на Генуя, или еще какъ либо иначе.

Плѣнникъ благодарилъ Шорина за его попеченіе и любовь, называлъ его своимъ истиннымъ благодѣтелемъ,

настоящимъ московскимъ человѣкомъ и прочими ласковыми словами. Благодарилъ онъ также и торговыхъ людей, согласившихся помочь ему въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ на чужбинѣ.

По его уходѣ, посольскій дворянинъ разспрашивалъ Шорина вновь, чего достигъ Посниковъ у венецейскаго дуки и удачно ли выполнено порученіе? Ему хотѣлось узнать, кому изъ нихъ повезло больше въ Италіи.

Шоринъ разсказывалъ о томъ, какъ они долго жили въ Венеціи, какъ дожъ все время болѣлъ ногами и не хотѣлъ принимать ихъ, какъ происходили переговоры между посланниками и приставами, какъ никто не понялъ требованій, предъявленныхъ съ обѣихъ сторонъ, какъ дожъ требовалъ войскъ, которыхъ великій государь ему не далъ, и какъ великій государь, не давъ войскъ, требовалъ денегъ, которыхъ, въ свой чередъ, дожъ ему не далъ и даже былъ озадаченъ такимъ притязаніемъ.

Посольскій дворянинъ смѣялся этому разсказу и говорилъ Шорину:

— Вотъ ты вѣдаешь здѣшнихъ людей: хитры и льстивы они и на пышныя слова зѣло не скупы. А только, видно, всѣ они таковы; говорить наговорятъ, обѣщать наобѣщаютъ, лаской утѣшатъ, а потомъ, окромѣ этого, ничего прочаго не сдѣлаютъ. И уходи отъ нихъ, стало быть, ни съ чѣмъ. Хитрый народъ и ухо съ ними надлежитъ держать востро, а самому быть на сторожѣ. Такъ ли я говорю?

И самъ-же, не дожидаясь отвѣта, тотчасъ же прибавилъ:

— Конечно такъ.

И Шоринъ, не отвѣтивъ ему, въ душѣ согласился съ нимъ. Слова дворянина относились къ государственнымъ людямъ и правителямъ, но Шорину представлялась Лючіетта, которая поступила съ нимъ точно также. Рана на плечѣ зажила у него и только еще рубецъ иногда нылъ и стоналъ, особливо въ дурную погоду, во время дождей; но рана сердца его все еще была раскрыта, и, казалось, чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ она ныла больнѣе.

Дворянинъ, не получивъ отвѣта и принявъ молчаніе Шорина за согласіе, продолжалъ свои жалобы и загадки.

— Також де вотъ и сей Флоренскій великій князь. Для чего плакалъ онъ надъ царскою грамотою? Для чего столь льстивыя словеса говорилъ? И какой же онъ съ братомъ и сыномъ государевы холопы? Такъ это, одна хитрость...

Однако, герцогъ продолжалъ оказывать русскимъ вни-

маніе и почетъ. Угощалъ ихъ зрѣлищами и обѣдами, а черезъ нѣсколько дней отпустилъ, не исполнивъ ровно ничего, чего отъ него просили грамотой. Сказалъ, что самъ бѣденъ и разоренъ и денегъ дать не можетъ и даже удивляется тому, что владѣтель столь обширныхъ земель и ордъ посылаетъ то къ нему, то къ дожу за ефимками и дукатами, когда въ его царствѣ столько плода соболинаго и иныхъ всякихъ невиданныхъ звѣрей. О шубкахъ же подъ камкою и подъ тафтою не упомянулъ вовсе, какъ будто ихъ и не было.

Ничего не оставалось больше дѣлать, какъ ѣхать дальше, въ Римъ къ папѣ.

Великій герцогъ проводилъ русскихъ далеко за городъ съ пышной свитой и наконецъ простился съ ними. Одинъ изъ его посланныхъ провожалъ поѣздъ до границъ Тосканскаго герцогства и владѣній папы.

Шоринъ молча, одиноко переживалъ свое сердечное горе, во все время пути никому не сказавъ о немъ ни слова. Но онъ ложился съ тяжелою мыслью объ утратѣ Лючіетты и вставалъ съ тою же мыслью. Днемъ ему еще было сносно, потому что они ѣхали по новымъ, невиданнымъ имъ еще землямъ, занимались разговорами и хлопотами путешествія. Но по ночамъ, во время остановокъ, въ жаркія душныя лѣтнія ночи, ему становилось не по себѣ и онъ тяжко вздыхалъ и ворочался отъ безсонницы на своемъ ложѣ.

— Лючіетта, Лючіетта! стономъ вырывалось у него.— Гдѣ ты, моя горлица? Зачѣмъ, зачѣмъ ты покинула меня, бѣднаго, одинокаго?..

Но небо и звѣзды безмолвно глядѣли на него въ открытое окно и безучастно внимали его тяжкимъ стонамъ. Торжественно свѣтили съ неба звѣзды и какъ будто вдругъ смѣняли свою торжественность на любопытство, заглядывая въ его окна, а черезъ нихъ въ его печальную, убитую душу.

Пробовалъ онъ себя прибрать къ рукамъ и не давать воли своей грусти. Но это не удавалось ему. И каждая новая ночь приносила ему новыя страданія, и каждый новый день не приносилъ ему никакого облегченія.

— Она уѣхала съ Николо! говорилъ онъ себѣ,—съ этимъ разбойникомъ и воромъ Николо. Да развѣ я меньше его хотѣлъ сдѣлать для нея? Да развѣ я меньше любилъ ее? Но вотъ она отвергла мою любовь...

Наконецъ, пройдя черезъ безплодную и уже выжженную солнцемъ Кампанью, путники прибыли въ Римъ.

Римъ поразилъ Шорина своимъ величіемъ; это уже не была тихая, спокойная Венеція, съ ея отсутствіемъ улицъ, шумная только во время карнавала или ночной стычки въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Римъ былъ большой городъ, такой большой, какого еще и не приходилось видѣть Шорину.

На его улицахъ и площадяхъ воздвигалось множество великолѣпныхъ дворцовъ; старинные храмы передѣлывались и перестраивались: къ нимъ добавлялись новыя пристройки, придѣлы и фасады; къ древнему остову прилаживалась новая крыша, новая колокольня, старинныя стѣны заново облицовывались.

По улицамъ, ночью, ходить было небезопасно, пожалуй, еще небезопаснѣе, чѣмъ по улицамъ Венеціи. Бродило много бандитовъ, приходившихъ сюда для разживы съ Абруццскихъ горъ и нападавшихъ на запоздалаго одинокаго и безоружнаго путника; было много каменотесовъ изъ этрусскихъ каменоломенъ, которые, оставшись почему-либо безъ работы, тоже являлись въ Римъ добывать себѣ средства къ жизни наиболѣе легкимъ путемъ; было много и всякаго другого темнаго и безпутнаго люда.

И вообще, весь этотъ народъ, высыпавшій на улицу послѣ дневного жара, не нравился Шорину. Онъ выучился наблюдать людей. И во многихъ изъ тѣхъ, которыхъ ему пришлось встрѣтить въ Римѣ, онъ видѣлъ ловкую пронырливость, угодливость, хитрость, замаскированную напускнымъ добродушіемъ и откровенною простоватостью.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ Римъ опустѣлъ и пріобрѣлъ унылый видъ. На улицахъ, въ особенности днемъ, было безлюдно. Не было слышно ни оживленнаго говора, ни криковъ, ни веселыхъ пѣсенъ, ни всей суеты большого города.

Только по вечерамъ выходили люди изъ своихъ домовъ, спѣша на церковную службу въ храмы. Съ заходомъ солнца раздавались иногда, наканунѣ праздниковъ, мѣрные и глухіе удары вечерняго благовѣста, призывавшаго народъ къ молитвѣ, и звуки этого призыва разносились далеко по пустыннымъ улицамъ.

И подъ вліяніемъ ихъ пробуждалась у Шорина совѣсть. Онъ сталъ тосковать по храмѣ Божіемъ, о которомъ такъ давно забылъ. Его потянуло въ церковь.

Немного смущало его то, что негдѣ было ему молиться по своему, исконному православному обряду, между тѣмъ какъ молитва просилась въ его душу, все еще жестоко болѣвшую. Но такъ какъ другого исхода не

было, то онъ рѣшилъ отправиться въ католическую церковь.

— Господь одинъ, сказалъ онъ себѣ въ утѣшеніе,— и люди передъ Нимъ равны. Я буду молиться по-своему, и Онъ услышитъ молитву мою.

Онъ вошелъ подъ высокіе своды Латеранскаго собора.

Тускло горѣли въ обширномъ храмѣ лампады, озаряя своимъ таинственнымъ блескомъ темные лики святыхъ. Кое-гдѣ точка свѣта падала на золотой вѣнчикъ образа и горѣла на немъ красной, точно кровавой, искрой.

Вечерня только что начиналась. Народу въ церкви было еще очень мало. Силуэты молящихся тонули подъ густымъ мракомъ сводовъ. Двери храма изрѣдка хлопали, пропуская молившихся.

И тѣни, бродившія въ храмѣ, вызывали въ воображеніи Шорина далекіе образы, еще не забытые, еще трепещущіе и живые, еще грѣховные, и будили въ немъ такія же грѣховныя мысли.

У одной изъ многочисленныхъ мраморныхъ колоннъ стояла женщина, стройная и тонкая, видъ которой странно поразилъ Шорина.

За темнотою, царившей въ храмѣ, онъ не могъ разсмотрѣть ея лица, но сердце его вдругъ сильно забилось, такъ сильно, что онъ схватилъ себя за грудь и въ глазахъ у него помутилось.

— Это она! Это Лючіетта! точно чей-то голосъ шепталъ ему, и онъ кинулся было къ ней, чтобы убѣдиться, что онъ не бредитъ.

— Это она, это она, выколачивало его сердце и уста шептали ея имя:—Лючіетта, Лючіетта!

Но какой-то солдатъ папской стражи, все время тяжко вздыхавшій, вдругъ сдвинулся съ своего мѣста, преградивъ ему путь.

Пока Шоринъ выжидалъ свободнаго прохода, женщина уже вышла изъ храма, и онъ не успѣлънастичь ее. Онъ только увидѣлъ другую темную тѣнь, слѣдовавшую за нею, тѣнь мужчины.

— Это Николо, прошепталъ онъ.

Но мужчина и женщина уже скрылись въ широкихъ сводахъ выходныхъ дверей; темная улица окутала ихъ своимъ мракомъ, и они растаяли въ этомъ мракѣ, слившись вмѣстѣ съ нимъ.

Шоринъ хотѣлъ бѣжать за ними, окликнуть ихъ.

Но необыкновенная слабость овладѣла имъ: ноги его отказывались повиноваться, а голосъ не выходилъ изъ гортани.

Шоринъ ушелъ изъ церкви.

„Неужели Лючіетта въ Римѣ?“ въ сотый, можетъ быть, разъ задавалъ онъ себѣ безцѣльный вопросъ.—„А коли бы и такъ“, пробовалъ онъ себя успокоить,—„чего ради мнѣ знать о семъ?“

Однако, это нисколько не успокаивало его и онъ уныло, низко опустивъ голову, поплелся домой.

Всю почти ночь онъ провелъ безъ сна.

Лучъ луны, показавшійся въ высокомъ окнѣ его покоя, упалъ на полъ и освѣтилъ комнату блѣднымъ пламенемъ. И Шорину вспомнились лунныя ночи Венеціи, въ особенности одна ночь въ домѣ Лючіетты, та ночь, которая погубила его. Страстныя рѣчи, отрывки пѣсни, звуки струннаго инструмента, всплески волны въ каналѣ, и шопотъ надъ ухомъ, и кольцо волосъ, небрежно распустившееся и скользнувшее по его лицу... Ахъ, эта ночь, единственная ночь въ его жизни! Зачѣмъ, зачѣмъ она была, ежели ей уже не суждено было повториться?

Онъ ощущалъ тогда и сладость, и боль, и тоску, и истому, и гордость, и стыдъ. И изо всего этого осталась тоска, одна тоска по милой, и эта тоска больно гложетъ его сердце, грызетъ его, терзаетъ его. И нѣтъ средствъ прогнать эту лиходѣйку, эту лютую скорбь...

Только подъ утро, когда начало разсвѣтать, Шорину удалось уснуть тревожнымъ, безпокойнымъ сномъ, но и тотъ продолжался недолго.

Шоринъ быстро всталъ и, одѣвшись, пошелъ къ своимъ.

Русскіе люди были въ хлопотахъ.

Наканунѣ приходилъ папскій церемоніймейстеръ, чтобы условиться о пріемѣ посланныхъ. Но ни до чего договориться не могли, и они ожидали теперь Шорина, чтобы онъ помогъ имъ. Посылали за нимъ ввечеру, но его не нашли дома.

— Добро, когда явится папскій посланный, тогда и условимся обо всемъ, какъ надлежитъ, сказалъ Шоринъ и вскорѣ вышелъ отъ нихъ на улицу.

Ему хотѣлось двигаться, чтобы заглушить ту душевную бурю, которая поднялась въ немъ со вчерашняго дня. Ему хотѣлось воздуха, который освѣжилъбы его пылающую голову, переполненную тяжкими мыслями.

Но воздухъ былъ горячъ, несмотря на раннее утро, и день обѣщалъ быть жаркимъ.

Шоринъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя.

На одной площади онъ остановился, чтобы передохнуть.

Глаза его разсѣянно блуждали по сосѣднимъ домамъ и памятникамъ, и вдругъ взоръ его точно приковался къ огромному бѣлому пятну на одной изъ домовыхъ стѣнъ.

И, какъ въ Латеранскомъ соборѣ, сердце его мучительно забилось.

Онъ въ нѣсколько прыжковъ очутился у стѣны и прочиталъ приклеенное къ ней объявленіе:

„La comedia dell'arte. Sig. Vulcani — Prim'Amoroso. Sig. Piva—Pantaleone. Sig. Hermano—Dottore. Signora Carlone—Serva".

И въ красную строку было выведено большими буквами:

„*Signora Lucietta—Prim' Amorosa*".

Лючіетта въ Римѣ! Лючіетта на сценѣ театра! Такъ значитъ, онъ не ошибся! Это была она, она, подъ сводами Латеранскаго собора!

Онъ не могъ разобрать отъ волненія названія театра и пьесы и число, на которое назначено было представленіе.

И онъ не зналъ, какое чувство владѣетъ имъ: гнѣвъ, радость, счастье или дикое озлобленіе. Онъ зналъ одно, что она здѣсь, въ этомъ городѣ, вмѣстѣ съ нимъ, подъ однимъ небомъ, дышитъ съ нимъ однимъ воздухомъ.

Страсть съ прежней силой разгоралась въ немъ, съ большей силой, чѣмъ прежде. Онъ долженъ видѣть ее, онъ долженъ потребовать объясненія ея поступка, наконецъ, онъ долженъ объяснить ей, какъ онъ горячо и беззавѣтно ее любитъ, что̀ онъ вынесъ изъ-за этой любви...

И какая-то посторонняя, странная мысль прокрадывалась въ его мозгъ и странное ощущеніе овладѣвало его сердцемъ: это была жажда мести, если бы она отвергла его любовь.

Ему опять пришло въ голову, что онъ не можетъ всего этого высказать ей съ достаточной ясностью на ея родномъ языкѣ, и, стоя передъ этой стѣной, онъ складывалъ русскими словами тѣ рѣчи, которыя скажетъ ей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ читалъ объявленіе.

Труппа актеровъ даетъ комедію „Чародѣйства Петра Дабана и Смералдины, царицы духовъ". Было объяснено и содержаніе комедіи, но Шоринъ совершенно не интересовался имъ.

Какъ будто отуманенный винными парами, онъ пошелъ прямо передъ собою, куда глаза глядятъ, не думая ни о чемъ. Въ головѣ было пусто и сердце попрежнему усиленно мучительно билось.

Только къ вечеру пришелъ онъ домой.

Тихая, лѣтняя ночь спускалась на вѣчный городъ, съ ея безчисленными звѣздами, съ ея ароматами цвѣтовъ, съ ея волнующимъ душнымъ воздухомъ.

Шоринъ сидѣлъ у окна и мечталъ, какъ это онъ привыкъ уже дѣлать въ Венеціи.

Звѣзды ярко блистали на небѣ, и онъ слѣдилъ за ихъ перемѣнчивымъ блескомъ, мучительно и страстно думая о Лючіеттѣ. Онъ вспоминалъ свое прошлое, всю свою краткую какъ ночь и блестящую какъ эти звѣзды любовь.

Какъ хорошо, какъ нѣжно звучали тогда ея рѣчи! Какимъ огнемъ горѣли ея прекрасные глаза! Какъ билось ея сердце, вздымая неприкрытую грудь, точно изваянную изъ мрамора, какъ у тѣхъ истукановъ, которыми украшенъ былъ ея садъ, и которые казались ему сначала, въ его московской неиспорченности и цѣломудріи, зазорными и грѣховными!

А теперь? Теперь тоска, которая раздираетъ его бѣдное сердце. То же небо надъ нимъ и тѣ же звѣзды на небѣ и та же луна—но въ душѣ его нѣтъ уже прежняго праздника, нѣтъ того, что такъ радовало, такъ тѣшило его.

Ничего нѣтъ!

— Лючіетта! Вернись ко мнѣ, моя радость! чуть не вскрикнулъ онъ, сжимая до боли свои руки.

XV.

Папскій дворецъ давно уже пробудился отъ сна. Мертвая тишина, въ которую онъ былъ погруженъ ночью, смѣнилась дневной суетой; около длинной и высокой ограды папскаго сада слышно было бряцаніе оружія нѣсколькихъ часовыхъ стражи святого отца.

Длинная амфилада комнатъ, увѣшанныхъ по стѣнамъ портретами именитыхъ римскихъ кардиналовъ и папъ, вела въ небольшое помѣщеніе, занимаемое дежурнымъ прелатомъ.

Дежурный прелатъ, толстый мужчина лѣтъ около пятидесяти, все еще не могъ побороть своего сна, сладко позѣвывая и потягиваясь въ длинномъ удобномъ креслѣ. Далѣе, за этой комнатой, находилась передняя, передъ опочивальней папы, у дверей которой стоялъ на часахъ стражъ папскаго войска.

Папа давно уже всталъ и, принявъ, послѣ обычнаго

легкаго завтрака, нѣсколькихъ кардиналовъ съ докладами, освѣдомился, на сегодняшній ли день назначенъ пріемъ посланныхъ къ нему отъ русскаго царя? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сдѣлалъ необходимыя къ пріему распоряженія и опредѣлилъ пріемный часъ.

Между тѣмъ, въ помѣщеніи посольства происходили переговоры объ окончательномъ установленіи церемоніала.

Церемоніймейстеръ папы договаривался съ посольскимъ дворяниномъ о пріемной и отпускной церемоніи.

— Условія наши таковы, говорилъ дворянинъ посланному отъ папы,—святой отецъ вашъ будетъ слушать именованіе и титулъ великаго государя стоя, а грамоту долженъ принять и свою отдать такожде стоя. Допрежъ того, какъ грамота будетъ печатно пропечатана, надлежитъ ее показать посланному, дабы сей могъ удостовѣриться, что титулъ царскій написанъ сполна.

Папскій церемоніймейстеръ выслушалъ эти требованія молча, но ироническая улыбка не сходила съ его устъ.

Когда посольскій дворянинъ окончилъ излагать свои требованія, церемоніймейстеръ отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Я уже говорилъ вамъ, что того невозможно. Условія мои таковы: святой отецъ во все время пріема вашего и отпуска будетъ сидѣть; вамъ надлежитъ цѣловать ногу у его святѣйшества. Указать папѣ, чтобы онъ поступилъ какъ ни на есть иначе, ни я, ни кто другой не можетъ.

— Ногу папежскую, въ негодованіи отвѣтилъ ему посольскій дворянинъ,—цѣловать отнюдь намъ не велѣно...

— Почему же? спросилъ церемоніймейстеръ, — всѣ такъ поступаютъ.

— Можетъ быть и всѣ, а намъ не велѣно. А почему? Потому что великій государь нашъ католицкому римскому закону не повинуется; а еще скажу: и въ прошлыхъ годахъ, когда греки съ латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда греки папу въ ногу не цѣловали. И еще скажу: извѣстно, когда въ 1438 году пріѣзжалъ въ Феррару, къ папѣ Евгенію IV, Цареградскій патріархъ Іосифъ съ митрополитами и епископами, то папа сей цѣловался съ ними по монашески, а потомъ митрополиты и епископы и иные чины цѣловали его въ руки.

Церемоніймейстеръ, выслушавъ это, возразилъ:

— Ежели къ папѣ пріѣдетъ цесарь или другой какой христіанскій потентатъ, и ногу папежскую цѣловать не станетъ, то папу видѣть ему невозможно.

— Когда такъ, то пусть папа велитъ меня отпустить.

Папскій посланный на это сказалъ:

— Святой отецъ отпустить не согласенъ. А ежели вы не согласны цѣловать его ноги, то приказано сдѣлать такъ: наклонить васъ по римскому обычаю...

— До колѣннаго-ли преклоненія?

— До колѣннаго. И вскорѣ можете подняться.

— А голову наклонять?

— Голову хотя и не наклоняйте.

— Такъ.

Посольскій дворянинъ сильно задумался надъ этимъ важнымъ вопросомъ и пребывалъ нѣкоторое время въ безмолвіи

— Что-же? спросилъ церемоніймейстеръ. — Согласны-ли?

— На условія сіи согласны. А кто насъ понизитъ передъ папою?

— Я понижу.

Потолковали и еще о разныхъ мелочахъ, назначили точный часъ, и церемоніймейстеръ уѣхалъ.

Часа черезъ два были присланы за русскими кареты, и они отправились во дворецъ.

Шорину было не до этихъ подробностей пріема, котораго онъ ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, чтобы быть потомъ свободнымъ. И онъ слушалъ переговоры разсѣянно и ѣхалъ во дворецъ, полный мечтами о новомъ свиданіи съ Лючіеттой.

Чувства, волновавшія его, были сложны: ему хотѣлось любить Лючіетту, такъ любить, чтобы забыть себя, забыть все окружающее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свирѣпая жажда мести за все, что она причинила ему злого, спорила съ нѣжнымъ чувствомъ его къ ней и требовала выхода.

И онъ самъ не зналъ, что преобладало въ немъ: любовь или жажда мести.

Они подъѣзжали къ оградѣ папскаго сада.

Взоръ Шорина упалъ на часовыхъ въ живописныхъ костюмахъ съ алебардами.

Сердце Шорина дрогнуло.

Впереди стоялъ офицеръ въ красивой и богатой формѣ, который принялъ пословъ у воротъ сада. Шоринъ тотчасъ узналъ его: это былъ Николо.

Его нельзя было узнать, до того онъ измѣнился; лицо его стало свѣжимъ, румянымъ и веселымъ и вся его стройная фигура очень выигрывала въ этой красивой формѣ папскаго офицера. Злое, ревнивое чувство помогло Шорину узнать его.

И Николо узналъ своего бывшаго соперника.

Шоринъ нѣсколько отсталъ отъ своихъ и, проходя мимо Николо, сказалъ ему:

— Я узналъ тебя, Николо.

— Шш!.. Я уже не Николо. Николо остался въ Венеціи. Меня зовутъ Карлуччіо Арриджи. Я тоже узналъ тебя. Ты очень перемѣнился: сталъ худъ и теменъ какъ это засохшее дерево въ папскомъ саду. Не вздумай опять любить Лючіетту. Она здѣсь, въ Римѣ.

— Я это знаю.

— Для того и пріѣхалъ?..

— Для того.

— Я убью тебя; на этотъ разъ, не безпокойся, промаха не дамъ. Я выучился владѣть оружіемъ.

— Прежде чѣмъ ты убьешь меня, я открою кто ты, а тебя выдадутъ Венеціи.

Лицо Николо искривилось бѣшеной злобой.

— Смотри, не дѣлай этого, прошипѣлъ онъ, — тебѣ не прожить послѣ того и часа.

Шоринъ усмѣхнулся. Ему теперь было рѣшительно все равно жить или умереть!

— Я не боюсь твоихъ угрозъ. Лючіетта насмѣялась надо мною и промѣняла меня на тебя, котораго она ненавидѣла и презирала. Или она или ты заплатите мнѣ за это...

— Берегись, какъ бы ты не заплатилъ намъ обоимъ.

Остальные ждали Шорина, чтобы вмѣстѣ войти во дворецъ, и Николо, съ низкимъ поклономъ и пріятной улыбкой на лицѣ, пропустилъ мимо себя своего соперника.

Папа принялъ посольство въ круглой залѣ съ многочисленными колоннами.

Онъ принялъ его сидя и когда, по знаку церемоніймейстера, посольскій дворянинъ сталъ подавать папѣ царскую грамоту, то его „понизили“.

Папа принялъ грамоту и отдалъ ее церемоніймейстеру.

Въ грамотѣ было изображено:

„Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать: по должности христіанской, на общаго непріятеля брату нашему, его королевскому величеству войсками своими помогать станете-ли? И если помочь захотите, то вамъ бы къ намъ обослаться грамотою вскорѣ; какими мѣрами, въ которое время и въ какихъ мѣстахъ быть этой помощи, чтобы заключить черезъ общихъ посланниковъ договоръ“.

Ознакомившись съ содержаніемъ грамоты, папа сказалъ:

— Радуюсь, видя посланнаго отъ вашего государя; а что вашъ государь въ своей грамотѣ у насъ спрашиваетъ, то мы съ радостію будемъ исполнять въ мѣрѣ возможности и вскорѣ отвѣтъ свой учинимъ.

Когда папа кончилъ свою отпускную рѣчь, церемоніймейстеры снова наклонили пословъ до папиныхъ колѣнъ, а когда папа, вставъ, далъ всѣмъ благословеніе, то ихъ понизили на колѣни.

Пріемъ кончился и посольскій дворянинъ, тутъ-же, по удаленіи папы во внутренніе покои, весь красный отъ гнѣва, сталъ выговаривать ближнему папскому кардиналу.

— Для чего наклоняли меня силою, когда сего въ уговорѣ не было?

— Таковъ обычай, любезно улыбаясь, отвѣтилъ кардиналъ,—всѣхъ посланниковъ наклоняютъ и всѣ исполняютъ заведенный при нашемъ дворѣ обычай, а также слушаются церемоніймейстеровъ, которые освѣдомлены въ какое время сіе учинять надлежитъ. Вамъ же сдѣлали снисхожденіе и позволили не цѣловать папской ноги.

Вечеромъ къ посольскому дворянину опять пріѣхалъ церемоніймейстеръ съ важнымъ дѣломъ: какъ писать папѣ отвѣтную грамоту. Въ семъ вопросѣ встрѣчались прямо несокрушимыя препятствія.

— Пусть такъ напишетъ, каковъ есть полный титулъ нашего царя, отвѣтилъ дворянинъ, сердце котораго еще не прошло послѣ пріема и „пониженіе" котораго передъ папою, выполненное насильственно придворными папежскими слугами, казалось ему оскорбленіемъ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ ни въ чемъ не уступать церемоніймейстеру.

— Такъ писать не можно, отвѣтилъ посланный.

— А почему бы такъ?

— Папа согласенъ писать великаго государя именованіе и титулъ, какъ они написаны въ грамотѣ. И еще согласенъ написать, выше всѣхъ потентатовъ, слово: „вельможнѣйшему". Только невозможно назвать государя вашего царемъ.

— Почему же сіе невозможо, коли онъ есть дѣйствительно царь?

— Потому что царь и цесарь есть одно и тоже слово, и если государя вашего написать царемъ, то цесарь и другіе потентаты станутъ на папу сердиться.

Посолъ окончательно разсердился и приказалъ при-

нести грамоты венеціанскую, саксонскую и другія, гдѣ государь былъ названъ царемъ.

— Вотъ, смотри... сказалъ онъ.—Чѣмъ вашъ папа выше другихъ, что не можетъ писать какъ другіе?

Церемоніймейстеръ глядѣлъ на грамоты и недоумѣвалъ.

Наконецъ, продумавъ нѣкоторое время надъ этимъ труднѣйшимъ вопросомъ, который ему когда-либо приходилось рѣшать, онъ сказалъ:

— Что же такое, по вашему, царь?

Посольскій дворянинъ отвѣтилъ:

— Какъ называется папа цесарь Римскій, султанъ Турскій, шахъ Персидскій, ханъ Крымскій, моголъ Индѣйскій, претіанъ Абиссинскій, зеферъ Арабскій, колманъ Булгарскій, деспотъ Пелопонейскій, калифъ Вавилонскій, дукъ Венецейскій и другіе прочіе, такъ на славянскомъ нарѣчіи называется царь Россійскій.

Церемоніймейстеръ опять задумался.

— Говорите вы будто правду, сказалъ онъ, наконецъ,—но какъ перевести царя на латинскую рѣчь?

Теперь посольскій дворянинъ задумался.

— Перевести нельзя, отвѣтилъ онъ. — Но какъ же вы пишете всѣ сказанныя мною и вычисленныя передъ вами названія?

Церемоніймейстеръ уѣхалъ, обѣщавъ привезти на другое утро кардинала, который, быть можетъ, лучше столкуется съ строптивымъ русскимъ человѣкомъ.

И, дѣйствительно, кардиналъ пріѣхалъ съ церемоніймейстеромъ на другое утро и пустился на хитрости.

— Не смущайся, сынъ мой, сказалъ кардиналъ,—ибо если теперь папа не исполнитъ достоинства царскаго величества, то послѣ него, кто будетъ папой изъ насъ, старыхъ кардиналовъ, тогда царское достоинство будетъ исполнено полностью; мы, кардиналы старые, пошлемъ къ великому государю грамоту съ повинною, напишемъ именованіе и титулъ вполнѣ, только бы теперь великій государь на насъ своимъ гнѣвомъ не гнѣвался, потому что папскою властью и словомъ владѣетъ папскій любимецъ, его племянникъ кардиналъ, которому ты выговаривалъ на пріемѣ за пониженіе. И дѣлаетъ онъ все по своему, для своей временной гордости. Что положитъ папѣ на языкъ, то папа и говоритъ.

— До папинаго племянника дѣла мнѣ мало, а то и никакого, отвѣтилъ посольскій дворянинъ, сразу учуявъ хитрость стараго кардинала.—И попы всѣ должны быть

въ подчиненіи у папы вашего, въ родѣ какъ бы наши у митрополита. И отвѣтствуетъ за все митрополитъ.

— Такъ оно и у насъ, но папа подверженъ своему племяннику.

— Про то не знаю и не вѣдаю и вѣдать мнѣ не надлежитъ. Коли не хотите писать, какъ всѣ пишутъ, то грамоты безъ правильнаго титула принять я не властенъ.

— Такъ и не примешь?

— Такъ и не приму.

— Что же сказать святому отцу?

— А говорите, что хотите, что слышали.

— Можетъ обдумаешься?

— Не обдумаюсь.

Церемоніймейстеръ и кардиналъ пошептались, покачали укоризненно головами и кардиналъ обратился опять къ упрямому посланнику:

— Иного пути не видимъ, какъ обратиться тебѣ самому къ папѣ и съ нимъ договориться.

— Хотя бы и съ папой, мнѣ все одно. Только зачѣмъ вы затѣяли таковую волокиту?

— Не мы ее затѣяли, а ты, такъ какъ несогласенъ на наши предложенія.

— Предлоги ваши пустые и нечестные. Всѣ пишутъ, почему вы не можете писать?

— Наши порядки иные, и обычаи двора нашего того не дозволяютъ.

— А наши обычаи не велятъ намъ принимать грамоты съ облыжнымъ титуломъ.

Оба папскихъ посланныхъ опять посовѣщались.

И кардиналъ вновь сказалъ послу:

— Пойдешь ли ты на тайный пріемъ къ папѣ?

— Пойду, ежели въ томъ необходимость. Отчего мнѣ не пойти къ нему? Я его не боюсь.

— И на тайномъ пріемѣ, съ глазу на глазъ, не станешь цѣловать его ноги?

— Папской ноги цѣловать не стану, ни при другихъ, ни съ глазу на глазъ.

— А наклонишься ли по римскому обычаю?

— Наклонюсь, только не до колѣннаго наклоненія.

— Будь почтителенъ и вѣжливъ, уговаривалъ его кардиналъ,—тогда я тебѣ сегодня же къ вечеру исхлопочу тайный пріемъ.

— А хоть и не хлопочи. Я и такъ уѣду.

— Ай, какъ это можно! Всѣ почтительны и вѣжливы съ папой, даже цесари христіанскихъ народовъ.

Посольскій дворянинъ, которому эти переговоры надоѣли, вышелъ, наконецъ, изъ себя.

— И я его ругать не стану, сказалъ онъ гнѣвно, — хотя бы потому, что онъ старъ годами и преклоннѣе меня. Я говорилъ со многими вашими владѣтелями и никто въ обидѣ не былъ. Чего вы боитесь?

— Строптивъ ты и уносчивъ. Съ папой, яко съ христіанскимъ владѣтелемъ, надлежитъ говорить почтенно. А, впрочемъ, сегодня ввечеру онъ тебя приметъ въ своихъ покояхъ. Тогда обо всемъ договоритесь. А мы сдѣлали все, и ты намъ не поддался.

Съ этими словами они ушли.

Вечеромъ, дѣйствительно, посла пришли звать къ папѣ на тайный пріемъ, безъ свидѣтелей.

Папа сидѣлъ въ своей опочивальнѣ, въ высокомъ и глубокомъ креслѣ. Безъ пышныхъ, торжественныхъ одѣяній, онъ казался незначительнымъ, слабымъ и хилымъ старичкомъ. На немъ была „шелковая ряска“, довольно поношенная и кое-гдѣ потертая, какъ напримѣръ на локтяхъ, которыми онъ упирался о ручки кресла.

Въ рукахъ его былъ темный шелковый платокъ, а ноги его въ мягкихъ туфляхъ покоились на бархатной малиновой подушкѣ, обшитой по краямъ золотой тесьмой съ кистями по четыремъ угламъ.

Платкомъ этимъ онъ вытиралъ свои красноватые и слезившіеся глаза.

Посольскій дворянинъ вошелъ, и остановившись у дверей, наклонился довольно низко.

По тонкимъ губамъ папы проскользнула улыбка, которая какъ будто говорила: — „а мнѣ развѣ не все равно, какъ ты наклонишься, варваръ?“

— Радъ тебя видѣть! сказалъ папа. — Подойди поближе и сядь около меня, чтобы я могъ тебя видѣть и слышать. И слухъ и зрѣніе стали мнѣ измѣнять нынче.

Гость исполнилъ желаніе хозяинаи сѣлъ въ довольно почтительной позѣ, на самый краешекъ квадратной бархатной скамьи.

— Никого я не принимаю безъ кардиналовъ, началъ папа, — потому что такого обычая не заведено при моемъ дворѣ. А тѣмъ паче иноземцевъ. Но тебѣ я согласился дать тайный пріемъ.

Въ свою очередь въ глазахъ папскаго гостя мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, который какъ бы выражалъ сокровенную мысль: — „а мнѣ не все равно, какъ ты меня примешь, втайнѣ или въявѣ, католицкій попъ?“

Несмотря на жалобы старика на слухъ и на зрѣніе,

онъ отлично все видѣлъ и слышалъ и только притворялся, какъ рѣшилъ его гость, „изъ хитрости или подлости своей".

Папа ожидалъ на послѣднія слова благодарности, но,ничего не услышавъ, побарабанилъ пальцами по ручкѣ кресла и, наконецъ, спросилъ:

— Для чего ты у меня не хочешь принять грамоту?

— Для того, что вы не согласны писать ее,какъ надлежитъ.

— Я тебѣ и такъ много уступокъ сдѣлалъ, сказалъ папа.

— Великій государь нашъ, заговорилъ гость,—писалъ къ вамъ для имени Божія и должности христіанской о помощи противъ общаго христіанскаго непріятеля. Вы, папа и учитель Римскаго костела, великому государю, любви своей не оказали, не хотѣли назвать его царемъ...

— Не хотѣлъ! Скажи: не могъ.

— Про то не вѣдаю, могли-ли, нѣтъ-ли. А только вѣдаю, что не оказали. А вамъ, папѣ и учителю Римскаго костела, должно по сану вашему чинить соединеніе, а не токмо одно разрушеніе.

Папа замигалъ глазами на это поученіе, котораго никакъ не ожидалъ и не предвидѣлъ.

— Невозможное это дѣло, сказалъ онъ.

— Почему такъ?

— Потому что мои братья, прежніе папы, сего не учиняли.

— А что мнѣ до вашихъ братьевъ, прежнихъ папъ? Вы, нынѣшній папа и учитель Римскаго костела, и должны вы по собственному разуму творить и поступать, а не по разуму тѣхъ, которые сидѣли до васъ.

Папа съ любопытствомъ взглянулъ на гостя: что это, молъ, за странный человѣкъ, который, повидимому ничего въ его дѣлѣ не смыслитъ, а все наровитъ научить его.

Но онъ только сказалъ:

— Нынѣ было у меня сидѣніе съ кардиналами и о семъ предметѣ совѣщаніе. Они мнѣ не позволяютъ.

Гость всталъ. Прежній приливъ злобы овладѣлъ имъ.

— Про то вамъ знать. А только у насъ не митрополитъ находится въ подчиненіи поповъ, а попы у него. И вотъ еще что скажу,—все повышая голосъ, продолжалъ онъ,—ежели вы сдѣлаете какую-либо грубость

царскому величеству, то государь будетъ писать объ этомъ къ другимъ христіанскимъ государствамъ и владычествамъ.

И небрежно поклонившись папѣ, онъ хотѣлъ выйти изъ покоя.

— Постой, постой! остановилъ его старикъ.—Что ты какой, право, скорый!

Папа дрожащей рукой позвонилъ въ серебряный колокольчикъ и сказалъ вошедшему maestro di camera.

— Принеси приготовленныя золотую цѣпь съ гербомъ моимъ и четки изъ лазореваго камня.

Маэстро ушелъ и вернулся съ вещами.

— Подай ихъ гостю моему, сказалъ папа и, обратившись къ послу, прибавилъ:—дарю сіе тебѣ на память.

Посольскій дворянинъ принялъ дары и поклонился.

— Благодарствую на добромъ словѣ и дарѣ. И о вашемъ добромъ расположеніи доведу до нашего великаго государя. А грамоты, какъ вы говорите, принять отъ васъ въ безчестномъ видѣ все-таки не могу.

— Вотъ что я надумалъ, отвѣтилъ папа,—я отправлю къ вамъ вскорости на Москву посланника, для договора о титулѣ вашего государя. Титулъ сей по мнѣ несвойственъ и писать оный не могу. Мой посолъ договорится съ вашими. А теперь ступай, мои кости старыя просятъ отдыха.

— Могу ли я уѣхать изъ Рима?

— Можешь. Прощай, добрый путь.

— Благодарствую.

На этомъ и кончилось тайное свиданіе, ни къ какому соглашенію не приведшее.

В. Свѣтловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отлученіе въ исторіи церкви.

Христіанская церковь, въ качествѣ видимаго людского союза, для достиженія своихъ религіозныхъ цѣлей, составляющихъ ея задачу, руководится особыми юридическими нормами и особой внѣшней дисциплиной. Основанная съ одной стороны на указаніяхъ божественнаго откровенія, съ другой—на обычныхъ, естественныхъ условіяхъ всякаго организованнаго человѣческаго общества,—дисциплина церковная къ нравственному закону, къ области вѣры имѣетъ отношеніе чисто служебное. Содержаніе дисциплины, по опредѣленію митрополита Макарія, исчерпывается богослуженіемъ и управленіемъ, т. е. извѣстными внѣшними дѣйствіями, въ противоположность сокровенному характеру вѣры. Насколько послѣдняя представляетъ начало исключительно божественное и, по выраженію Тертулліана, есть immobilis et irreformabilis, настолько первая, вызванная потребностями церковнаго благоустройства, практическими соображеніями полезности, есть результатъ человѣческихъ усилій и вслѣдствіе неизбѣжныхъ требованій историческаго развитія терпитъ послѣдовательно соотвѣтствующія измѣненія.

Церковныя отношенія и порядки (дисциплину) богословіе дѣлитъ на 2 группы: одни изъ нихъ покоятся на догматическомъ ученіи и потому существенны и неизмѣнны (сюда относится церковная іерархія), другіе же, какъ установленія практической церковной жизни (напр., внѣшняя форма устройства церковнаго управленія и суда), непостоянны и измѣняемы. Богословской наукѣ приходилось не мало бороться въ защиту этого двойственнаго характера церковной дисциплины. Во времена Оригена „были люди, думавшіе, что никакое устройство церковно-общественной жизни, какъ и никакой строй жизни частной, не имѣетъ отношенія къ спасенію, и что слѣдовательно всякое устройство общецерковной жизни есть дѣло безразличное,—откуда въ свою очередь слѣдовало, что потребность въ какой-либо дисциплинѣ церковной должна быть отвергнута“ [1]. Впослѣдствіи устано-

[1] В. Кипарисовъ—„О церковной дисциплинѣ“, стр. 32.

вилось дѣленіе дисциплины на постоянную, условную, снисходительную и пр.

Критеріемъ опредѣленія важности или маловажности каждаго церковнаго установленія служатъ слѣдующіе признаки: 1) имѣетъ ли данное установленіе твердое для себя основаніе въ св. писаніи; 2) сохранилось ли тоже установленіе неизмѣннымъ въ церковной практикѣ и 3) измѣненія не коснутся ли существа церкви и ея назначенія.

Строго-консервативная, наиболѣе устойчивая, сравнительно съ государственнымъ строемъ, церковно-общественная жизнь неохотно дѣлаетъ уступки и упорно борется съ каждымъ новшествомъ, домогающимся ея признанія. Но тѣмъ не менѣе историческій ходъ явленій требуетъ отъ нея приспособленія къ современнымъ условіямъ и, отбрасывая устарѣлыя, окаменѣлыя формы, такъ или иначе добивается ея развитія,—и то, что сегодня кажется неизмѣннымъ, завтра можетъ въ силу исторической необходимости уступить мѣсто иной назрѣвшей потребности. Въ эпоху вселенскихъ соборовъ постановленія ихъ, относящіяся къ области дисциплины, казались непререкаемыми и вѣчными. Но время наложило и на нихъ свое veto. VII вселенскій соборъ подъ угрозой анаѳемы запретилъ свѣтской власти участвовать въ назначеніи епископовъ на тѣ или другія каѳедры. „Ужели и это опредѣленіе имѣетъ обязательную силу для всѣхъ временъ и мѣстъ и всѣ нарушители его подлежатъ анаѳемѣ? (Вл. Соловьевъ „Исторія и будущность теократіи“ I, 18). „Дать на это отвѣтъ утвердительный значило бы признать незаконной іерархію всѣхъ почти православныхъ церквей и потому признать ихъ лишенными благодати священства“ [1]). VI вселенскій соборъ запретилъ крещеніе внѣ храма. На основаніи этого правила пришлось бы признать множество случаевъ крещенія недѣйствительными. Кореннымъ измѣненіямъ подвергались опредѣленія объ обязательности брака или безбрачія для священниковъ, какъ не имѣющія ничего общаго съ дисциплиною догматическою. Римско-католическіе богословы не считаютъ абсолютно неизмѣннымъ опредѣленіе вселенскихъ соборовъ объ иконопочитаніи. Перроне относитъ иконопочитаніе къ преданіямъ дисциплинарнымъ, всецѣло зависящимъ отъ данной церковной власти. „Иконы, по его мнѣнію, къ сущности религіи не относятся, а относятся къ тому роду предметовъ, которые для спасенія абсолютно не необходимы“. Доказываетъ онъ это положеніе, между прочимъ, тѣмъ, что „въ исторіи иконы то были принимаемы, то оставляемы, смотря по состоянію времени, лицъ и мѣстъ“ [2]). Различіе между вѣрою, какъ неизмѣняемымъ началомъ, и дисциплиною, какъ началомъ, для спасенія безразличнымъ, встрѣчается въ Скрижали патріарха Никона и въ Увѣщательныхъ пунктахъ св. си-

[1]) Ib., стр. 199.
[2]) Ib., стр. 184.

нода (1801 г.). Чинъ, дисциплина относится Скрижалью къ „вещамъ нѣкіимъ среднимъ". Увѣщательные пункты признаютъ условность существованія „нѣкіихъ среднихъ вещей", которыя „не самыя собою сильныя суть, но отъ воли властей законныхъ имѣютъ силу". Проф. Чельцовъ, придерживаясь терминологіи Скрижалей, говоритъ, что „только догматы имѣютъ обязательную силу для всѣхъ мѣстъ и временъ, распоряженія же церковныхъ властей касательно *вещей среднихъ* имѣютъ только условную силу въ извѣстныхъ предѣлахъ времени и мѣста; не старымъ хартіямъ и номоканонамъ заповѣдалъ намъ апостолъ повиноваться, но дѣйствительнымъ наставникамъ нашимъ, которые заботятся о нашемъ спасеніи".

Къ этимъ „среднимъ" вещамъ можетъ быть отнесенъ и церковно-судебный строй, такъ какъ его нельзя признать ни божественнымъ, ни неизмѣннымъ установленіемъ. Въ организаціи его въ разное время принимали участіе различные факторы, какъ церковнаго, такъ, и главнымъ образомъ, гражданскаго свойства. Но если это ясно и очевидно по отношенію къ внѣшнему духовному суду, то того же нельзя сказать съ такою опредѣленностью о внутреннемъ духовномъ судѣ. Въ чистомъ евангельскомъ видѣ нравственный судъ (таинственный судъ церкви, таинство исповѣди) всецѣло относится къ области морали и вѣдается исключительно съ грѣхомъ, нарушеніемъ божественныхъ велѣній. Нарушеніе же дисциплины, установленныхъ требованій церковно-общественной жизни — есть церковное преступленіе и подсудно внѣшнему, открытому суду. Первый судъ имѣетъ дѣло исключительно съ совѣстью человѣка и никакихъ принужденій и наказаній не терпитъ. Въ такомъ чистомъ видѣ раздѣльность эта между областью нравственности и дисциплиною не удержалась въ церковной практикѣ, хотя теоретически разъяснена богословской наукой.

Церковное наказаніе, какъ воздѣйствіе противъ церковнаго преступленія, подлежитъ исторической эволюціи и въ принципѣ и на практикѣ, въ качествѣ института не исключительно божественнаго, но въ большей своей части дисциплинарнаго, а потому и измѣняемаго согласно условіямъ времени и мѣста. И дѣйствительно, церковныя наказанія на протяженіи всей исторіи христіанской церкви раздѣляютъ всецѣло судьбу послѣдней: усиленіе и ослабленіе духовной власти въ государствѣ, зависимость отъ господства тѣхъ или иныхъ умственныхъ теченій и направленій въ данную эпоху--ничто не проходило безслѣдно для института церковныхъ наказаній, то выдвигая ихъ впередъ, то изгоняя ихъ изъ жизни. Въ ряду чисто церковныхъ наказаній отлученіе отъ церковнаго общенія занимаетъ самое видное мѣсто, почти всегда имѣя значеніе самостоятельнаго наказанія, тогда какъ другія (денежныя взысканія, тѣлесныя наказанія, церковное покаяніе, монастырское подначальство) играли преимущественно роль вспомогательныхъ, сопутствующихъ наказаній.

Право церкви извергать изъ своей среды вреднаго по ея взгляду члена, вносящаго разложеніе въ ея устройство, основывается на извѣстномъ евангельскомъ текстѣ: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще тебе послушаетъ—пріобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два: да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь“ [1]). Помимо этой ссылки на св. писаніе, изъ самой природы церкви, какъ организованнаго самостоятельнаго религіознаго союза вѣрующихъ, вытекаетъ несомнѣнная принадлежность церкви этого орудія самосохраненія, защиты своего существованія.

У первыхъ христіанъ подъ руками былъ уже готовый, сложившійся примѣръ Ветхаго Завѣта. У евреевъ практиковалось отлученіе за „нечистоту законную“ (по закону Моисея—тѣлесное оскверненіе, прикосновеніе къ прокаженному, къ трупу животнаго и пр.) и за преступленія; опредѣлялось оно жрецами, но со времени Маккавеевъ право налагать отлученіе перешло къ синедріону. Передъ Рождествомъ Христовымъ отлученіе у іудеевъ—окончательно выработанное установленіе, имѣвшее три степени: нидуи (малое), херемъ (великое) и шаммата (высшее). Малое отлученіе заключалось въ томъ, что осужденный удалялся отъ почетныхъ членовъ синагоги на 30 дней, не могъ ни съ кѣмъ сидѣть рядомъ ближе, чѣмъ на 4 локтя, не могъ носить сандалій, стричь волосъ и пр. Существовало 24 причины для нидуи. Если на осужденнаго не дѣйствовало увѣщаніе учителей, то собраніе судей объявляло отлученіе его торжественно съ угрозами; далѣе, въ случаѣ упорства, слѣдовало публичное осужденіе въ продолженіе 4 субботъ и, наконецъ, преданіе анаѳемѣ [2]), заканчивавшееся словами: „да будетъ отлученъ“. Если втеченіе 2 мѣсяцевъ послѣ наложенія малаго отлученія преступникъ не могъ добиться разрѣшенія, то онъ подвергался херему; онъ изгонялся изъ синагоги и имущество его конфисковалось; онъ не могъ ни пить, ни ѣсть съ другими, ни учить, ни учиться у другихъ, ни брать, ни давать взаймы, онъ не могъ мыться и одѣвать праздничную одежду и пр., словомъ, положеніе его мало рознилось отъ безправнаго положенія римскаго гражданина, приговореннаго къ лишенію воды и огня. Кто вопреки запрещенію имѣлъ съ нимъ общеніе, тотъ самъ подвергался отлученію. Если онъ умиралъ отлученнымъ, ему не дѣлали траура и могила его заваливалась камнями въ знакъ того, что онъ при жизни заслужилъ побіеніе камнями. Высшее отлученіе

---

[1]) Мѳ. XVIII, 15—18.

[2]) Анаѳема—у грековъ обѣтныя приношенія богамъ; они ставились обыкновенно въ особыхъ мѣстахъ внѣ храма, у входа, и считались изъятыми изъ гражданскаго оборота, отсюда, по аналогіи,—удаленіе изъ общества, впослѣдствіи—отлученіе, проклятіе.

(шаммата) объявлялось торжественно при звукахъ 400 трубъ и соединялось со смертной казнью.

Христіанство значительно смягчило наказаніе отлученіемъ, сообразно своимъ гуманнымъ принципамъ, почему самая кара получила совершенно иной, нежели у евреевъ, характеръ [1]). Апостолы принимали въ церковь и удаляли изъ нея на основаніи словъ І. Христа: „елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ" [2]). Точно слѣдуя словамъ Спасителя, апостолы внушали примѣнять къ согрѣшившимъ троекратное увѣщаніе и къ самому отлученію, какъ мѣрѣ крайней, прибѣгать лишь въ случаѣ дознанной нераскаянности обличаемаго, предавая его церковному суду. Отлученный лишался братскаго общенія съ членами церкви, не допускался къ общественнымъ молитвамъ и къ евхаристіи. Такое его состояніе продолжалось до момента его полнаго раскаянія. Ограниченій въ сферѣ гражданскихъ отношеній отлученіе не касалось, хотя впослѣдствіи членамъ церковной общины запрещалось подъ страхомъ отлученія имѣть сношенія съ изверженнымъ.

Въ первые вѣка христіанства анаѳема совпадала съ отлученіемъ. Когда христіанская церковь была признана господствующею въ римской имперіи, въ отлученіи произошли значительныя измѣненія.

Императоръ становится защитникомъ церкви и въ качествѣ таковаго руководитъ соборами и утверждаетъ ихъ постановленія. Многія прежде церковныя преступленія (ереси, расколы) перечислены были въ разрядъ государственныхъ и карались гражданскою властью. Если преступное дѣйствіе, подлежавшее юрисдикціи церкви, было преступленіемъ и по законамъ государственнымъ, то оно становилось подсуднымъ гражданской власти. Всѣ преступленія противъ вѣры и нравственности были признаны въ то же время нарушеніями государственныхъ законовъ и запрещены подъ угрозой уголовныхъ наказаній. По этимъ причинамъ примѣненіе отлученія значительно сузилось. Господствующее положеніе въ ряду церковныхъ наказаній перешло къ всенародному церковному покаянію. Послѣднее наказаніе по самому характеру своему болѣе соотвѣтствуетъ назначенію церковнаго суда — исправлять и вразумлять грѣшника.

Въ восточной церкви временъ христіанскихъ императоровъ замѣчается уже разграниченіе между отлученіемъ, какъ средствомъ врачевательнымъ, временнымъ, и отлученіемъ рѣшительнымъ, преданіемъ сатанѣ, анаѳемѣ. Апостолъ Па-

---

[1]) Христіанская церковь однако не всегда была проникнута духомъ всепрощающей любви и христіанское отлученіе нерѣдко приближалось къ грозному обрядовому и устрашающему типу еврейскаго херема, этого порожденія мести и фанатизма.

[2]) Мѳ. XVIII, 15—18.

велъ повелѣлъ предавать анаѳемѣ всякаго, кто не любитъ Господа Іисуса Христа (1 Кор. 16, 22) и кто будетъ проповѣдывать не то, чему учитъ онъ или другіе апостолы (Гал. 8—9). Впослѣдствіи восточная церковь прибѣгала къ анаѳемѣ, какъ къ самому рѣшительному средству обузданія даже лицъ особеннаго государственнаго положенія—императоровъ, папъ и патріарховъ. Синезій, епископъ итолемандскій, отлучилъ Андронина, правителя египетскаго Пентаполя; папа Гонорій былъ преданъ анаѳемѣ за монофелитскія убѣжденія на 6-мъ вселенскомъ соборѣ. 1-й вселенскій соборъ предалъ анаѳемѣ Арія и его послѣдователей, 2-й—Македонія. 4-й—„всякаго, кто однажды будучи включенъ въ клиръ или, принявъ монашество, снова вступитъ въ какое-либо мірское званіе и не возвратится съ раскаяніемъ къ тому, что прежде избралъ ради Бога".

Каноническія правила установили опредѣленныя условія для отлученія. Поводомъ могъ служить только тяжкій, явный, доказанный грѣхъ [1]); троекратное увѣщаніе должно предшествовать наложенію наказанія; продолжается отлученіе до тѣхъ поръ, пока отлученный не придетъ въ себя и не принесетъ покаянія; отлученіе должно простираться только на лицо виновное, не задѣвая соприкосновенныхъ, близкихъ ему, но невинныхъ лицъ, по апостольскому правилу, что „каждый самъ отдастъ отчетъ за свое дѣло. ...Богъ не погубитъ праведнаго вмѣстѣ съ неправедными, потому что несогрѣшившихъ Онъ не наказываетъ". Въ практикѣ первенствующей церкви, однако, нерѣдко встрѣчаются случаи такъ называемаго вседомовнаго отлученія, отлученія цѣлыхъ областей и церквей за вину одного лица. Подобное противорѣчіе практики съ догматическими положеніями вселенскихъ соборовъ лишній разъ доказываетъ, что дисциплинарная власть церкви не имѣетъ въ себѣ ничего постояннаго, неизмѣннаго, какъ въ прошломъ, такъ, надо надѣяться, и въ будущемъ. Въ особенности ярко это непостоянство проявилось въ вопросѣ объ отлученіи умершихъ. Факты отлученія отъ церкви (анаѳематствованіе) умершихъ несомнѣнно были. Оригенъ былъ отлученъ Ѳеофиломъ александрійскимъ черезъ 200 лѣтъ послѣ смерти; Ѳеодоръ мопсюетскій отлученъ также послѣ смерти; 92-е правило кароагенскаго собора опредѣляетъ, что, если епископъ завѣщаетъ свое имущество еретикамъ или язычникамъ, а не церкви, то ему „и по смерти да будетъ изречена анаѳема и имя его никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится". Примирить указанныя противорѣчія нельзя, если не допустить, что съ нѣкоторыхъ поръ, а именно послѣ 5-го вселенскаго собора, „осужденіе безъ предварительной процедуры увѣщанія и выслушиванія оправданія обвиняемаго (чего, конечно, не могло быть, когда обвиняемый умеръ) стало дѣломъ

[1]) 7-й вселенскій соборъ запрещаетъ употреблять отлученіе „по собственной страсти или требуя чего-либо". Преступившему это запрещеніе самому грозитъ отлученіе.

обычнымъ, хотя и новымъ по сравненію съ практикою древнѣйшихъ временъ" [1]).

Западная церковь въ вопросѣ объ отлученіи широко, необузданно воспользовалась правомъ „вязать и рѣшать". Внѣшній церковный судъ занялъ первенствующее мѣсто въ ряду государственныхъ учрежденій, присвоилъ себѣ характеръ грознаго судилища съ обширной, почти безграничной компетенціей и создалъ особую торжественную процедуру, имѣвшую цѣлью устрашающе вліять на воображеніе. Право отлученія предоставлено было епископу, а отъ него, по порученію, этимъ правомъ пользовались низшія церковныя власти. Отлученіе различалось великое и малое. Послѣднее влекло за собою только лишеніе участія во всѣхъ церковныхъ таинствахъ. Великое отлученіе было двухъ видовъ: простое—excommunicatio maior simplex и торжественное—excommunicatio maior solemnis—или анаѳема (по выраженію канонистовъ—mortalis, смертоносное). Анаѳема, какъ особый видъ отлученія, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе въ западной церкви, провозглашается при точномъ соблюденіи спеціальнаго обряда и соединяется съ суровыми и часто гибельными послѣдствіями для отлучаемаго. Во время провозглашенія анаѳемы съ алтарей, подъ звонъ колоколовъ, срывались покровы и украшенія, распятія повергались на землю, присутствующіе бросали подъ ноги зажженныя свѣчи и топтали ихъ и т. д. Нерѣдко дѣло кончалось тѣмъ, что наэлектризованная толпа богомольцевъ бросалась къ жилищу отлученнаго и увѣчила его, если не убивала. Отлученный становился въ положеніе врага церкви и государства. Средневѣковые глоссаторы выразили запрещенія, налагаемыя на отлученнаго, въ versus memorialis:

Si pro delictis anathema quis efficiatur,
Os, orare, vale, communio, mensa negatur.

Подъ словомъ os разумѣлись привѣтствія, разговоры, сообщенія свѣдѣній устно и письменно, лично или черезъ повѣреннаго; orare—общеніе въ молитвѣ; vale—всѣ дѣйствія, которыми выражаются благожеланіе, дружеское расположеніе, уваженіе; communio—всѣ гражданскія сдѣлки; mensa—указывало на запрещеніе ѣсть, пить, спать и жить вмѣстѣ съ отлученнымъ. Въ дальнѣйшемъ, нераскаяннаго врага церкви постигали праволишенія гражданскаго характера. Государство объявляло его внѣ покровительства законовъ: убить его и завладѣть его имуществомъ могъ всякій безнаказанно. Средневѣковые церковные писатели называютъ отлученнаго „дикой птицей" (Vogelfrei). Но сравненіе это не совсѣмъ выдержано. Дичь въ эпоху феодализма все-таки была до извѣстной степени ограждена отъ выстрѣла любого охотника строгими пре-

---

[1]) В. Кипарисовъ—„О церковной дисциплинѣ", стр. 274.

слѣдованіями браконьерства, тогда какъ положеніе отверженнаго въ полномъ смыслѣ было безнадежно.

Злоупотребленія духовныхъ властей достигали крайнихъ предѣловъ, Отлучались приходы, города, области по самымъ ничтожнымъ поводамъ, часто не имѣвшимъ ничего общаго съ задачами христіанской церкви. Интердиктъ—запрещеніе общественнаго богослуженія — въ рукахъ папъ превратился въ орудіе мести.

Новые вѣка внесли гуманную реформу и въ церковныя наказанія. Попутно съ размежеваніемъ компетенціи церковной отъ государственной постепенно стиралась и уничтожалась связь между церковною эксоммуникаціею и гражданскимъ безправіемъ. Католическія духовныя власти продолжаютъ пользоваться еще карательной мѣрой—отлученіемъ, грознымъ для вѣрующаго сына церкви, но безразличнымъ для гражданина. Отлученіе въ двухъ видахъ—великое (анаѳема) и малое примѣняется римской куріей нерѣдко и теперь, но папскія энцивлики безсильны переступить границы церковной сферы [1]). Всѣ попытки противоположнаго характера встрѣчаются государственною властью неодобрительно. Прусскіе церковные законы 13 мая 1873 г. запрещаютъ въ предѣлахъ королевства великое отлученіе въ смыслѣ публичнаго и торжественнаго провозглашенія анаѳемы, такъ какъ эта мѣра задѣваетъ гражданскую честь отлучаемаго и такимъ образомъ выходитъ за предѣлы компетенціи церковной власти.

Въ одной только римско-католической церкви сохранилось до нашихъ дней анаѳематствованіе въ формѣ средневѣковаго призыванія проклятія на голову отлученнаго. Для примѣра приведемъ буллу папы Льва XIII объ отлученіи Леона Таксиля въ февралѣ 1900 г.

„Во имя всемогущаго Бога Отца, Сына и Святого Духа, священнаго писанія, святой и безпорочной Дѣвы Маріи, Матери Бога, во имя всѣхъ славныхъ добродѣтелью ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, могуществъ, херувимовъ, серафимовъ, во имя патріарховъ, пророковъ, евангелистовъ, святыхъ преподобныхъ, мучениковъ и исповѣдниковъ и всѣхъ прочихъ спасенныхъ Господомъ, мы провозглашаемъ, что отлучаемъ отъ церкви и анаѳематствуемъ того злодѣя, который именуется Леономъ Таксиль, и изгоняемъ его отъ дверей Святой Божіей церкви. И Богъ Отецъ, который сотворилъ міръ, его проклинаетъ, и Богъ Сынъ, который пострадалъ за людей, его проклинаетъ, и Святой Духъ, который возродилъ людей крещеніемъ, его проклинаетъ, и святая вѣра, которою искупилъ насъ Христосъ, его проклинаетъ, и Святая Дѣва, Матерь Божія, его проклинаетъ, и святой Михаилъ, ходатай душъ — его проклинаетъ. И небо, и земля, и все, что на нихъ заключается святого, его проклинаютъ. Да будетъ онъ проклятъ всюду, гдѣ бы онъ не находился: въ домѣ, въ полѣ, на большой дорогѣ, на лѣстницѣ, въ пустынѣ и даже на порогѣ церкви. Да будетъ проклятъ онъ въ жизни и въ часъ смерти. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ дѣлахъ его, когда онъ пьетъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ алкаетъ и жаждетъ, когда онъ постится, когда онъ спитъ, или когда бодрствуетъ, когда гуляетъ, или

[1]) И даже болѣе. Покойный итальянскій король Гумбертъ, какъ извѣстно, умеръ отлученнымъ отъ церкви, и тѣмъ не менѣе погребеніе его сопровождалось всѣми положенными въ римско-католической церкви обрядами.

когда отдыхаетъ, когда онъ сидитъ, или лежитъ, когда раненый онъ истекаетъ кровью. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ частяхъ своего тѣла—внутреннихъ и внѣшнихъ. Да будетъ проклятъ волосъ его и мозгъ его, мозжечокъ его, виски его, лобъ его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, носъ его, кисти рукъ и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудокъ его, внутренность его, поясница его, пахъ его съ прилегающими частями бедра его, колѣни его, ноги его, ногти его. Да будетъ онъ проклятъ во всѣхъ суставахъ членовъ его. Чтобы болѣзни грызли его отъ макушки головы до подошвы ногъ. Чтобы Христосъ, Сынъ Бога живаго, проклялъ его всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ. И чтобы небо и всѣ живыя силы обратились на него, чтобы проклинать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ намъ открытаго покаянія. Аминь. Да будетъ такъ, да будетъ такъ. Аминь".

Реформація, возставшая противъ злоупотребленій римско-католической церкви, естественно должна была коснуться и церковной анаѳемы того времени. Великое отлученіе реформаторами было вовсе отвергнуто, какъ не соотвѣтствующее истинному духу христіанства. У лютеранскихъ епископовъ право отлученія отнято и передано приходскимъ священникамъ, а съ учрежденіемъ консисторій—этимъ самымъ консисторіямъ. У реформатовъ же карательная власть была предоставлена пресвитерамъ и синоду, какъ представителямъ общины.

Евангелическо-лютеранская церковь признаетъ и примѣняетъ на практикѣ двѣ степени отлученія: послѣ двукратнаго увѣщанія въ присутствіи членовъ общины пасторъ отлучаетъ негласно отъ причащенія, воспріемничества и вѣнчанія,—это малое отлученіе. При безуспѣшности малаго отлученія упорствующій отлучается отъ всякаго церковнаго общенія, за исключеніемъ слушанія проповѣди. Это послѣднее, великое отлученіе сопровождалось праволишеніями и въ области гражданскаго общенія и самая церемонія его носила позорящій характеръ. Въ наше время въ протестантскихъ церковныхъ общинахъ отлученіе не практикуется вовсе. Изъ церковныхъ наказаній остались, въ видѣ блѣдныхъ слѣдовъ прошлаго, мѣры исправленія исключительно церковнаго характера, какъ напр., лишеніе таинства, погребенія, брачнаго вѣнца, права воспріемничества и т. п., словомъ то, что прежде носило названіе малаго отлученія.

Принявъ православіе отъ греческой церкви, Русь естественно заимствовала отъ нея и церковно-судебныя установленія. Переработанныя, однако, въ бытовой обстановкѣ русской жизни, они значительно отдалились отъ своего прототипа и до извѣстной степени подверглись своеобразной славянской окраскѣ. Что касается собственно отлученія, то оно пережило у насъ различныя стадіи развитія вплоть до полнаго паденія въ прошломъ вѣкѣ. Въ памятникахъ старины оно носитъ названія—запрещенія, неблагословенія, клятвы, проклятія, изверженія, часто называется анаѳемой, причемъ по существу послѣднее дѣйствительно не разнится отъ отлученія, въ этомъ смыслѣ сближаясь съ византійскимъ значеніемъ этого понятія, хотя и имѣетъ опредѣленный кругъ приложенія. Примѣнялось оно преимущественно къ еретикамъ и раскольникамъ и впослѣд-

ствіи къ нѣкоторымъ государственнымъ преступникамъ (самозванцамъ, измѣнникамъ. бунтовщикамъ), и исходило отъ спеціальной главенствующей церковной власти, тогда какъ отлученію могъ подвергать и низшій священникъ, не допуская преступное лицо въ церковь, не имѣя съ нимъ никакого общенія и не совершая требъ у него на дому.

Ереси были включены въ число государственныхъ преступленій и потому церковь, установивъ наличность лжеученія и виновность лица, передавала его для расправы гражданской власти. Въ періодъ до Петра встрѣчается часто вседомовное отлученіе. Временному удаленію отъ церковнаго общенія подвергались иногда цѣлыя области, что сближало этотъ типъ отлученія съ средневѣковымъ интердиктомъ римско-католической церкви. Новгородцы въ 1385 г. отказались дать московскому митрополиту Пимену „мѣсячный“ судъ и, собравшись на вѣче, „цѣловали крестъ и подписали клятвенное обѣщаніе, чтобы не зваться имъ никогда въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своего архіепископа по номоканону“. Константинопольскій патріархъ Антоній совмѣстно съ соборомъ, по просьбѣ Кипріана, назначеннаго уже на русскую митрополію (1389 г.), написалъ грамоту. въ которой увѣщевалъ новгородцевъ принять судъ митрополита. Грамота эта пришла въ Новгородъ почти одновременно съ пріѣздомъ Кипріана въ Москву, но предполагаемаго эффекта на новгородцевъ не произвела. Въ 1391 г. Кипріанъ лично прибылъ въ Новгородъ, но убѣдить новгородцевъ ему не удалось, тѣмъ болѣе, что самъ новгородскій владыка былъ на сторонѣ протестующихъ. Тогда Кипріанъ наложилъ на весь Новгородъ отлученіе, запретилъ всякія церковныя службы и лишилъ новгородцевъ своего благословенія. Упорствующихъ однако не смутилъ этотъ интердиктъ. Кипріану ничего не оставалось болѣе, какъ донести обо всемъ въ Царьградъ. Патріархъ съ соборомъ, выслушавъ донесеніе, отправилъ новгородцамъ грамоту, въ которой разъяснялъ имъ всю тяжкую вину ихъ передъ нимъ и Кипріаномъ. Отвѣтомъ на это посланіе были слова спеціально отправленнаго въ Царьградъ уполномоченнаго: „не хотимъ судиться у митрополита... Просимъ благословенія вашего; и если вы насъ не благословите, то желаемъ сдѣлаться латинами“. Снова написалъ патріархъ въ Новгородъ грамоту. На этотъ разъ онъ утвердилъ наложенное Кипріаномъ запрещеніе, признавая его вполнѣ законнымъ и справедливымъ... „Митрополитъ, слѣдуя божественнымъ, священнымъ канонамъ, вынужденъ былъ отлучить васъ... Изъ грамотъ вашихъ и отъ людей вашихъ мы узнали. что митрополитъ законно и канонически отлучилъ васъ, по требованію божественныхъ и священныхъ каноновъ. А посему знайте, что вы отлучены и не благословлены законно и по справедливости до тѣхъ поръ, пока не раскаетесь и не принесете покаянія передъ нимъ... Ничего огорчительнаго вы не должны видѣть въ томъ, что мы нынѣ не приняли васъ и не исполнили вашихъ просьбъ,—мы пишемъ, имѣя въ виду важность отлу-

ченія митрополита"... [1]). Въ приведенномъ случаѣ, несомнѣнно, первенствующее значеніе имѣли зарождавшіеся политическіе интересы московскаго государства, чѣмъ объясняется вмѣшательство въ дѣло московскаго великаго князя Василія Димитріевича, который силою вынудилъ новгородцевъ согласиться на требованія митрополита.

Понятно, что дорожившіе своей свободой Новгородъ и Псковъ чаще другихъ подпадали церковному запрещенію.

Соперничество между іерархами выражается въ томъ, что одинъ грозитъ неблагословеніемъ и проклятіемъ, а другой заранѣе снимаетъ это запрещеніе. Суздальскій владыка Діонисій добавилъ къ грамотѣ великаго князя Александра „по чему ходити, какъ ли судити или кого какъ казнити, да вписалъ и проклятіе, кто иметь не по оному ходити..." Митрополитъ Кипріанъ въ 1395 г. пишетъ псковичамъ, что не его, Діонисія, это дѣло. „А что Денисій владыка вплелся не въ свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю", и обѣщаетъ собственноручно ее разорвать. „А что вписалъ проклятіе и неблагословеніе патріаршее, и то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ" [4]). Отлученіе служитъ угрозою для обузданія духовенства. Митрополитъ Геронтій укоряетъ вятское духовенство въ неповиновеніи властямъ и послабленіи мірянамъ. Въ случаѣ упорства и нераскаянія онъ грозитъ:—„и наше смѣреніе по Божію повелѣнію и по божественныхъ священныхъ правилъ запрещенію, не имѣть васъ священники, но и тягость духовную церковную на васъ и неблагословеніе свое накладаемъ, доколѣ придете въ чювство и во истинное къ Богу покаяніе"; мірянъ обѣщаетъ:—„имѣть ихъ неблагословенныхъ и отъ Божіи церкви и отъ православнаго христіанства отлученныхъ, временно и будуще..." [2]), пока не раскаятся и не исправятся во всемъ безъ лукавства. Церковь зачастую приходила на помощь свѣтской власти, и гдѣ была безсильна послѣдняя вслѣдствіе несовершенства гражданскихъ узаконеній, тамъ съ значительнымъ успѣхомъ дѣйствовала церковная власть, пуская въ ходъ имѣющееся въ ея распоряженіи оружіе—отлученіе. По „Правилу" митрополита Іоанна отлученію подвергаются, между прочимъ, виновные въ многоженствѣ, вступившіе въ кровосмѣсительные браки, продающіе собственныхъ слугъ-христіанъ погавымъ. Митрополитъ Фотій увѣщаетъ какого-то неизвѣстнаго похитителя церковнаго сокровища возвратить похищенное; если же не возвратитъ—„азъ смиренный тако имѣя власть отъ Духа Святаго, еже вязати и рѣшати, имѣю того подъ запрещеніемъ и тягостью церковною и отлученіемъ, подъ своимъ неблагословеніемъ", пока раскаявшись не возвратитъ похищеннаго [3]). Митрополитъ Іона жалуется верейскому князю Михаилу Андреевичу на вышегородскихъ соборныхъ поповъ и горожанъ.

[1]) См. Макарій—Исторія церкви, V, стр. 86 и слѣд.
[2]) Акты историч. I, № 11.
[3]) Ib. I, № 97.
[4]) Ib. I, № 256.

которые обидѣли митрополичьяго десятника, убили боярина конюшаго Юрія, а дворянъ перебили, наругались и обезчестили; „а не оборонишь мене ты, мой сынъ", добавляетъ онъ,— „и ты поберезися воздаянія отъ Бога, а язъ буду ся отъ нихъ боронить закономъ Божіимъ [1]).

Раскиданныя въ многочисленныхъ уставахъ, грамотахъ, правилахъ и посланіяхъ до-патріаршаго періода отдѣльныя черточки и указанія на характеръ и существо отлученія съ достаточною полнотою выступаютъ въ позднѣйшихъ актахъ этой эпохи, и въ общемъ рисуютъ такую картину состоянія изверженнаго изъ церкви: отлученный не допускался въ храмъ, лишался церковнаго погребенія, дары и приношенія отъ него въ церковь не принимались, требы на дому у него не совершались и всѣмъ христіанамъ запрещалось имѣть съ нимъ близкое общеніе.

Полное раскаяніе и исправленіе давали всегда отлученному возможность вернуться въ лоно церкви.

Отлученіе въ патріаршій періодъ получаетъ нѣсколько своеобразный характеръ: оно выражается главнымъ образомъ въ формѣ вседомовнаго отлученія, соединеннаго съ запечатаніемъ церквей по винѣ ли прихожанъ или священника—безразлично. Наказаніе несли всѣ—и правые и виноватые. Караются преимущественно проступки и преступленія, направленныя противъ церкви и церковной власти. Въ 1668 г. новгородскій митрополитъ Питиримъ отлучилъ по жалобѣ архимандрита Тихвинскаго монастыря Іоны—вдову Евдокію Кобылину и дѣтей ея. „Гаврила и Тимофей Ивановы дѣти Кобылины съ людьми своими драли попа Ульяна за бороду, хотѣли убить чеканомъ до смерти и грозили на домы ихъ всякимъ дурномъ". Ульянъ—ихъ отецъ духовный, хотя на исповѣди они не бываютъ. Питиримъ приказалъ учинить попамъ „заказъ крѣпкій, чтобы они ко вдовѣ Овдотьѣ и къ дѣтямъ и къ людямъ ея и ко крестьянамъ со всякими церковными потребы въ домы ихъ не приходили, и въ церковь ихъ и ихъ женъ и дѣтей не пущали, и приношенія отъ нихъ въ церкви не принимали" [2]); нарушителямъ этого заказа грозитъ жестокое наказаніе и духовное запрещеніе.

Въ 1689 г. новгородскій гость Семенъ Гавриловъ съ сыномъ Иваномъ и съ новгородскими посадскими людьми подалъ челобитную о подчиненіи духовенства мірскому суду. Московскій патріархъ Іоакимъ подтвердилъ новгородскому митрополиту Корнилію вѣдать непосредственно духовныя дѣла, Гаврилову же и другимъ челобитчикамъ повиноваться митрополиту подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви [3]).

Анаѳема, какъ выше замѣчено, по существу не отличалась отъ отлученія, хотя примѣнялась къ опредѣленной категоріи

---

[1]) Ib. I, № 50.
[2]) Ib. IV, № 205.
[3]) Ib. V, № 186.

лицъ (еретики, раскольники, политическіе преступники) и соединялась съ нѣкоторой торжественной обрядностью и занесеніемъ именъ анаѳематствуемыхъ въ синодикъ для провозглашенія надъ отлученными проклятія въ такъ называемую недѣлю православія (1-е воскресеніе великаго поста). Перенесенное изъ Греціи (неизвѣстно когда) чиноположеніе въ память торжества православія имѣло на Руси свою судьбу. Въ такъ называемой Троичной книгѣ (XIV и XVII вв.) содержится, между прочимъ, чиноположеніе недѣли православія, относящееся къ XIV или къ началу XV в. Здѣсь, послѣ еретиковъ восточной церкви поименованы — „новіи еретицы"... архимандритъ Кассіанъ [1]), Ивашко Максимовъ и др. Чинъ православія совершался въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи митрополитовъ, царя, передъ литургіей на площади, впослѣдствіи въ соборѣ. Присутствовавшіе іерархи и власти стояли съ зажженными свѣчами, которыя при возгласѣ „анаѳема" опускались внизъ и гасились. Патріаршій „чиновникъ" 1668 г. съ большой подробностью передаетъ весь обрядъ анаѳематствованія. „Чиновникъ" патріарха Іоакима 1675 г. почти не представляетъ разницы съ предыдущимъ. „На вѣчное поминовеніе святыхъ и на проклятіе еретиковъ святѣйшій патріархъ пріиде въ церковь по чину... По началѣ канорхистъ сказываетъ канонъ... По тропарѣ возглашаетъ протодіаконъ стихъ: „Кто Богъ велій яко Богъ нашъ" трижды и челъ по порядку въ тріоди. И егда прочтетъ стихъ: „аще кто не поклоняется", тогда патріархъ (а съ 1668 г. государь) сходитъ со своего мѣста и цѣлуетъ св. иконы по чину, также архіереи и бояре по чину; „вѣчную память поютъ распѣвомъ архіереи и черныя власти, протопопъ и священницы" благочестивымъ царамъ и царицамъ, святѣйшимъ патріархамъ московскимъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ „преставльшимся". Послѣ многолѣтія „кличетъ протодіаконъ погласицею (речитативомъ) конецъ соборнаго дѣянія, еже въ тріоди". Затѣмъ начинаются часы и литургія. Такъ происходило церковное „дѣйство". Въ Тріодіонѣ Кіево-Печерской лавры 1627 г. въ отдѣлѣ „послѣдованіе въ недѣлю православія на проклятіе еретиковъ, твореніе св. отца Ѳеодора Студіта",—между прочимъ положена анаѳема „платоническіе образы существъ яко истинныя пріемлющимъ [2]) и яко пакисущее вещество отъ образовъ существъ изображается". Въ патріаршихъ выходахъ провозглашается анаѳема „предпочитающимъ буюю внѣшнихъ философовъ глаголемую премудрость, и наставникомъ ихъ послѣдующимъ, или преодушевленіе человѣческихъ душъ, или подобно безсловеснымъ животнымъ, сіи погибаютъ и ни во что же вмѣщаются, пріемлющимъ, и сего ради воскресеніе и судъ и конечное воздаяніе извѣщающихъ отметающимъ". Какъ видно, церковь пытается возможно шире захватить общими опре-

[1]) Кассіанъ новгородскимъ соборомъ въ 1505 г. осужденъ за ересь жидовствующихъ.

[2]) Послѣдователи философіи Платона.

дѣленіями явныхъ противниковъ своихъ и предостеречь готовыхъ впасть въ заблужденіе. Призываніе проклятія на философовъ-платониковъ и матеріалистовъ чрезвычайно любопытное явленіе XVII в.

Около 1684 г. составленъ въ Москвѣ „Синодикъ или заповѣдь святаго и великаго Никейскаго собора“ [1]). Здѣсь подробно перечислены ереси, подлежащія проклятію, и поименно еретики, крестопреступники, измѣнники и пр., какъ отдаленныхъ вѣковъ, такъ и ближайшаго составителямъ времени. Здѣсь и „пребывающіе въ иконоборской ереси. паче же во христоборномъ отступленіи“, и „Геронтій, иже отъ Лампи убо сущій, въ Критѣ же ядь ненавистныя ереси изблевавшій“, и „Арій—первый богоборецъ и начальникъ ересей“, и „Несторій богоотметный“. Пространно перечисляются вины такихъ лицъ, какъ Отрепьевъ и Стенька Разинъ.

Новый еретикъ, Гришка Отрепьевъ разстрига, бывый въ нашей русстѣй земли чернецъ и діаконъ. и обругавъ иноческій образъ пособіемъ сатанінымъ лжельстивно назвался сыномъ великаго государя царя и в. кн. Ивана Васильевича и безстудно, яко песъ, на царскій престолъ великія Россіи вскочи и всѣмъ московскимъ государствомъ возмути, и многія бѣды и мятежи на христіанъ воздвиже и христіанскія многія крови пролія, и знающихъ его по дальнымъ градомъ разосла, и въ темницахъ заточи, и потомъ женися, и изчезе вскорѣ. анаѳема.

Страхъ Господа Бога Вседержителя презрѣвшій и часъ смертный и день забывшій и воздаяніе будущее злотворцемъ въ ничто же вмѣнившій, церковь святую возмутившій и обругавшій и къ великому государю ц. и в. к. Алексѣю Михаиловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, крестное цѣлованіе и клятву преступившій, иго работы отвергшій и злокозненнымъ своимъ коварствомъ обругаючи имя блаженныя памяти благовѣрнаго царевича и в. к. Алексія Алексѣевича народъ христіанороссійскій возмутившій и многія невѣжи обольстившій и лестно рать воздвигшій, отцы на сыны, и сыны на отцы, браты на браты возмутившій, души купно съ тѣлесы безчисленнаго множества христіанскаго народа погубившій, и премногому невинному кровопролитію винѣ бывшій и на все государство московское зломысленникъ, врагъ и крестопреступникъ, разбойникъ, душегубецъ, человѣкоубіецъ, кровопіецъ, новый воръ и измѣнникъ Донской казакъ Стенька Разинъ съ наставники и зломышленники таковаго зла, съ перво своими совѣтники, его волею и злодѣйству его приставники, лукавое начинанье его вѣдущими пособники съ Сенькою Паньшинскимъ, съ Гришкою Терновскимъ, съ Лазарькомъ Тимофѣевымъ и съ Ивашкою Токачемъ, съ Пронькою Шумливымъ, съ Сенькою Щелновскимъ. съ Янькою Гавриловымъ, съ Ваською Усомъ, съ Олешкою Полякомъ, съ Илишкою Ивановымъ. съ товарищи, яко Дафанъ и Авиронъ, да будутъ прокляти.

Бывый протопопъ Аввакумъ и попъ Лазарь, Ѳеодоръ роздіаконъ и соловецкаго монастыря бывый чернецъ Епифанецъ и сообщницы ихъ развратницы правому ученью, не покоряющіеся святому собору и охуждающія святыя тайны и безумьемъ своимъ въ познаніе и покаянье и во общенье къ святѣй церкви не приходятъ, да будутъ прокляти.

Новіи еретицы, не вѣрующіе въ Господа нашего Іисуса Христа сына Божія и въ пречистую Богородицу, и похулившіи вся седмь вселенскихъ соборовъ св. отецъ, архимандритъ Касьянъ, Ивашко Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ, Волкъ Курицынъ, Митя Коноглевъ, и вси ихъ поборницы и единомысленницы и православнѣй христіанстѣй вѣрѣ развратницы, анаѳема.

Измѣнникъ и воръ новыя четверти подьячей Тимошка Акиндиновъ

[1]) Древняя Россійская Вивліоѳика. Продолженіе, т. VI.

во 152 г. измѣнилъ благочестивому государю, ц. и в. кн. Михаилу Ѳеодоровичу, бѣжалъ въ Литву, а изъ Литвы былъ у турскаго салтана и въ нѣмецкихъ, по многихъ рѣчахъ и умыслахъ воровски называлcя ложно царя Василья Ивановича сыномъ Іоанномъ Шуйскимъ и многіе воровскіе замыслы чинилъ и надъ московскимъ государствомъ умышлялъ, анаѳема.

Прешедшаго 7190 лѣта, Іулія мѣсяца въ 5 день, пришедшій святыя церкве раскольники, древній возмутитель, иже за церковный расколъ священства изверженный и проклятый Никита Суздалецъ, да черницы, Сергій Нижегородецъ, холопъ боярскій Савватій Костромитинъ, Дороѳей и Гавріилъ, во градъ Кремль и въ царскія палаты со возмущеннымъ отъ нихъ народомъ многимъ, со всякою буестію и невѣжествомъ, учаше богомерзкимъ своимъ прелестямъ, отторгающееся святыя Восточныя церкве и глаголивые на вся божественныя тайны церковныя хулы, хотѣвшіе во оное время благочинство святыя церкве пагубнымъ ихъ своимъ бѣсованіемъ и кровопролитіемъ разорити, святѣйшаго же патріарха и митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и іереевъ и чинъ монашескій ругательной предати смерти и т. д.—вси за такое богопротивное дѣло да будутъ прокляти.

Прошлаго 191 года, во днехъ мѣсяца Януарія, изданы печатнымъ тисненіемъ на листахъ заповѣди Божія и церковныя, и иныя таинства въ присное поученіе и вѣденіе всѣмъ православнымъ христіаномъ, и Февраля мѣсяца съ 1-го числа въ Чудовѣ монастырѣ въ притворѣ церковнѣмъ на стѣнѣ оныя словеса Божія на тѣхъ листахъ, такожде и иныя листы, церковныя ученія являющіи, тамо нѣкто богопротивный человѣкъ и церковный отступникъ ругательно, яко врагъ Божій, дерзнулъ все замазати; у иныхъ же приходскихъ церквей оныя заповѣди Божія на тѣхъ листахъ изодраны обрѣтошася и на землю, яко злое что повержены; и знатно сіе, яко злія врази креста Христова сотвориша, и которыи люди отъ злосердца своего содѣлаша и не каются, да будутъ прокляти.

Въ Чудовѣ же монастырѣ прошлаго 192 лѣта, Февраля мѣсяца въ 5 день изображенную руку правую на дскѣ сложеніе имущу перстовъ по преданію св. апостолъ и св. отецъ, како сложа персты исповѣдающе въ сложеніи св. Троицу, всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ крестъ на себѣ изображати, яко и св. апостола Андрея Первозваннаго руки сложеніе перстовъ имущи сицево: въ семъ истинствуетъ нѣкто врагъ человѣкъ и раскольникъ, деготь со смолою смѣшавъ, дерзнулъ заливати, ненавидя въ сложеніи томъ исповѣданія св. Троицы, той да будетъ проклятъ.

Петровскій режимъ рѣзко измѣнилъ отношеніе церкви къ государству. Паденіе патріаршества, изданіе Духовнаго Регламента, учрежденіе синода—всѣ эти реформы, крутыя и смѣлыя, глубоко потрясли церковь и придали ей совершенно новый обликъ. „Церковь представлялась Петру не обществомъ людей съ особымъ свойственнымъ ей строемъ, особыми цѣлями и средствами, а вѣдомствомъ въ ряду другихъ вѣдомствъ; св. синодъ, явившійся на смѣну патріархата, получаетъ характеръ государственнаго учрежденія, въ которомъ всѣ дѣла ведутся отъ императорскаго величества на основаніи Духовнаго Регламента“ [1]). Духовный Регламентъ былъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ, подробно и обстоятельно трактующимъ объ отлученіи, и потому онъ представляетъ крупный, не одинъ историческій, интересъ и для нашего времени. Петровская регламентація дисциплинарной власти церкви привела къ по-

[1]) Н. Суворовъ—„Свѣтское законодательство и церковная дисциплина въ Россіи“. Странникъ 1876 г. № 6.

степенному исчезновенію изъ практики осужденія противниковъ церкви въ формѣ отлученія и анаѳемы. Еще до изданія Регламента Петръ запретилъ вседомовное отлученіе, изъ желанія прекратить широко развившіяся злоупотребленія со стороны архіереевъ. Имъ снято въ нѣсколькихъ случаяхъ вседомовное отлученіе [1]), наложенное до него. По Духовному Регламенту епископъ не долженъ быть „дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ, во употребленіе власти своей связательной, т. е. во отлученіи и анаѳемѣ: даде бо Господь власть сію въ созиданіе, а не въ разореніе“. Наказанію этому повиненъ тотъ, „кто явственно хулитъ имя Божіе, или священное писаніе, или церковь, или явногрѣшникъ есть, не стыдяся дѣла своего, наипаче тѣмъ чваняся, или безъ правильной вины, покаянія и святыя евхаристіи больше году не пріемлетъ или что-либо иное творитъ съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ; таковой по повторенномъ наказаніи упрямъ и гордъ пребывъ достоинъ судитися толикой казни. Ибо не просто за грѣхъ подлежитъ анаѳемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти церковныя, съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и что тако воню безбожія издаетъ отъ себе“. Прежде всего епископъ посылаетъ къ виновному духовника его выговорить ему вину, наединѣ съ кротостью и увѣщаніемъ. Если же онъ „явнымъ грѣхомъ и гордымъ соблазнилъ церковь, то умолять его станетъ духовный“, чтобы въ ближайшій праздничный день „принесъ отцу духовному покаяніе и принялъ бы епитимію и причастился бы при народѣ, чтобы его измѣненіе явно стало и соблазнъ бы раззорился и на блевотины своя не возвращался бы“. Если посольство это не приведетъ къ желаемому результату, то епископъ „спустивъ нѣкое время, призоветъ грѣшника къ себѣ честно съ прошеньемъ и тоежде повторитъ ему наставленіе втайнѣ“, въ присутствіи только духовника, который къ нему ходилъ. Если же „не пойдетъ къ епископу званный, то епископъ тогожъ духовнаго съ другими нѣкіими честными особами духовными и мірскими наипаче съ пріятельми онаго пошлетъ къ нему“. Посольство можно повторять нѣсколько разъ. Въ случаѣ же безуспѣшности этихъ средствъ епископъ „повелитъ протодіакону въ праздничный день въ церкви извѣстить народу“ такими словами: „человѣкъ вѣдомый вамъ (имя рекъ) таковымъ то явногрѣшіемъ именно соблазняетъ церковь и презорникъ гнѣва Божія является, и наставленіе пастырское не единожды ему повторенное съ ругательствомъ отметнулъ. Того ради пастырь вашъ (и. р.) молитъ вашу любовь отческо, да вси помолитеся о немъ благоутробному Богу, да умягчитъ его жестокосердіе, и да сердце чисто сотворитъ въ немъ, и преклонитъ его къ покаянію. А которые ближайшее съ нимъ имѣете сообщеніе, увѣщевайте его и умоляйте и

[1]) Собр. постановл. и распоряж. вѣдомства правосл. исповѣд. №№ 440—480.

единолично всякъ и съ прочими совокупно, со всякимъ усердіемъ, да принесетъ покаяніе. И доложите ему, что аще неисправленъ и презорливъ пребудетъ до такого времени (время уречено будетъ по разсужденію) то подпадетъ изверженію отъ церкви". Если же все-таки „непреклоненъ и упрямъ пребудетъ преступникъ", то и тогда еще епископъ не предаетъ его анаѳемѣ, а обо всемъ доложитъ „духовному коллегіумъ", и только съ разрѣшенія послѣдняго предаетъ грѣшника анаѳемѣ, составивъ предварительно формулу отлученія, которую діаконъ прочитаетъ въ церкви при народѣ. Въ формулѣ этой народъ извѣщается, что такой-то явногрѣшникъ отъ тѣла Христова отсѣченъ, непричастенъ даровъ Божіихъ, запрещенъ и неблагословенъ ему входъ церковный, онъ не можетъ быть участникомъ евхаристіи и церковныхъ требъ какъ въ храмѣ, такъ и дома или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если же онъ силою войдетъ въ церковь, причтъ долженъ принять всѣ мѣры къ удаленію его; если же это не удастся, то прекращать всякую (кромѣ литургій) службу пока, онъ не удалится. Священникамъ запрещается ходить къ нему съ молитвою, благословеніемъ и святыми дарами подъ страхомъ лишиться сана. Большое значеніе имѣетъ добавленіе: „онъ (и. р.) самъ точію единоличнѣ анаѳемѣ сей подлежитъ, но ни жена, ни дѣти, ни прочіи домашніи (развѣ бы оные поревновать похотѣли его неистовству и за сію наложенную на него клятву дерзнули бы гордо и явственно укорять церковь Божію)". Образецъ анаѳемы вывѣшивается на церковныхъ дверяхъ. Если отлученный захочетъ покаяться, то долженъ смиренно публично принести свое покаяніе епископу. Если же не раскаявшись онъ начнетъ „еще пакостить епископу или иному причту", то коллегіумъ, получивъ объ этомъ донесеніе и разслѣдовавъ дѣло, будетъ просить суда свѣтскаго или у самого царскаго величества. Въ резолюціяхъ на докладные пункты синода 1722 г. сдѣлано добавленіе: тѣ, „которые будутъ подлежать проклятію и оное уже отъ синода учинится", приравниваются къ шельмованнымъ. Послѣднихъ по уставу воинскихъ артикуловъ не велѣно „ни въ какое дѣло ниже свидѣтельство не принимать",—ихъ можно безнаказанно грабить, бить и даже ранить...

Петръ провелъ рѣзкую грань между анаѳемою, „еже есть проклятіе, казнь, смерти подобная", и отлученіемъ или запрещеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ церковь не изгоняетъ явногрѣшника „отъ стада Христова, но только смиряетъ его отлученіемъ отъ сообщенія съ правовѣрными въ общихъ молитвахъ, не велитъ входити въ храмы Божіи, и на нѣкое время запрещаетъ ему причастіе св. таинъ". Короче—„чрезъ анаѳему человѣкъ подобенъ есть убіенному, отлученіемъ или запрещеніемъ подобенъ есть за арестъ взятому". Отлученію подлежать тѣ, кто „явно безчинствуетъ, надолзѣ отъ церковнаго пѣнія удаляется, явно изобидѣвъ и обезчестивъ лицо честное, прощенія не проситъ". Право отлученія предоставлено было епископу единолично.

Вся предварительная процедура анаѳематствованія была продѣлана надъ кн. Долгорукимъ, хотя до провозглашенія анаѳемы не дошло. Кн. Долгорукій приневоливалъ жену свою къ постриженію. Отецъ ея, гр. Шереметевъ, просилъ синодъ послать всюду указы, чтобы ее нигдѣ не постригали, а ей позволить жить съ родителями. Долгорукій посадилъ жену подъ караулъ, и не освобождалъ ее, несмотря на неоднократныя увѣщанія синода. Св. синодъ 13 марта 1722 г. въ Успенскомъ соборѣ черезъ протодіакона обратился съ воззваніемъ къ православнымъ христіанамъ, молилъ ихъ „любовь" помолиться, „да умягчитъ его жестокосердіе и преклонитъ къ покаянію", а окружающихъ князя просилъ довести до его свѣдѣнія, что если онъ окажется неисправимымъ и презорливымъ, то подпадетъ формальному отлученію отъ церкви. Но 17 марта князь явился и объявилъ, что онъ св. синоду не противенъ [1]).

Раскаяніе и покаяніе въ любой моментъ прерываютъ процессъ.

Постановленія Духовнаго Регламента, однако, остались мертвой буквой. Въ ходу были два отлученія: прежнее вседомовное за обиды церкви (довольно рѣдко примѣнялось) и анаѳема надъ политическими преступниками,—не каноническаго характера и въ качествѣ второстепеннаго наказанія послѣ гражданскаго, какъ возмездіе за совершенный фактъ, а не какъ воспитательно-исправительная мѣра. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ не могло быть и рѣчи объ увѣщаніяхъ отлучаемаго и о снятіи съ него духовнаго наказанія въ виду его раскаянія. Обыкновенно послѣ казни имя государственнаго преступника вносилось въ синодикъ для вѣчнаго проклятія. Достойно вниманія то обстоятельство, что свѣтская власть, государь, очень часто пытается объяснить преданіе анаѳемѣ политическихъ преступниковъ мотивами религіозными. По поводу проклятія Мазепы Петръ пишетъ Стефану Яворскому: „Мазепа вторый Іюда нравомъ и образомъ, паче же дѣйствомъ явился и, оставя православіе, къ еретикамъ - шведамъ ушелъ... нынѣ проклятый гонитель св. церквамъ учинился... того ради изволите онаго за такое его дѣло публично въ соборной церкви проклятію предать [2])"...

Другой примѣръ. Государь 15 авг. 1721 г. указалъ: „Стефана Глѣбова въ безприкладномъ преступленіи и безстрашіи и въ письменномъ противъ его царскаго величества народномъ возмущеніи, какъ въ печатномъ марта 5-го числа 1718 г. манифестѣ показано, явившагося, которой по жестокости и непокаянному сердцу, когда по его царскаго величества правамъ достойная ему Глѣбову казнь чинена, *свойственно по христіанской должности покаянія не принесъ и причастія св. таинъ не точію пожелалъ, но и отверіся, и клятвы церковной, яко злолютый преступникъ и таковыя святѣйшія тайны презиратель и*

---

[1]) Опис. дѣлъ и док. синод. архива, № 514.

[2]) Ib., прил. I, письмо 13.

отметникъ, *самъ себя отверъ*, имѣть отъ св. правит. синода въ анаѳемѣ вѣчно и съ прочими, проклятію и анаѳемѣ подпавшими во всѣхъ россійскихъ церквахъ, гдѣ въ недѣлю православія воспомнnаніе таковымъ бываетъ, повсегодно, съ Глѣбовымъ анаѳематствовать [1])".

„Вѣдомственный" характеръ церкви при Петрѣ въ принципѣ противорѣчитъ теоретическимъ положеніямъ Духовнаго Регламента. Церковная власть для своихъ цѣлей начинаетъ пользоваться гражданскими наказаніями, становясь такимъ образомъ вполнѣ на высоту государственнаго учрежденія.

Въ концѣ XVIII в. исчезаетъ навсегда и политическая анаѳема, какъ мѣра, не соотвѣтствующая духу времени. Въ преобразованіяхъ Петра Великаго кроются причины, приведшія церковь къ полному удаленію изъ ея обихода отлученія и анаѳемы, хотя оффиціально эти наказанія не отмѣнены, слѣдовательно, въ принципѣ сохранены. Чисто церковнымъ наказаніемъ осталось покаяніе или епитемія. Что же касается до обряда чинопослѣдованія въ недѣлю православія, удержавшагося и до нашихъ дней, то онъ не имѣетъ уже значенія церковно-судебнаго акта, направленнаго противъ опредѣленнаго лица и противъ опредѣленнаго дѣянія, — анаѳематствованіе это скорѣе является общимъ предостереженіемъ, указаніемъ на тѣ ученія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ догматами церкви, съ ея исповѣданіемъ вѣры. Въ 1767 г. издано для употребленія въ православной церкви послѣдованіе въ недѣлю православія. Въ 1808 г.—оно значительно сокращено. Въ немъ перечисляются самыя ереси, подлежащія соборному осужденію, но имена еретиковъ выпущены, кромѣ Отрепьева и Мазепы [2]). Въ 1868 г. изъ синодика исключены и эти послѣднія имена.

Теперь анаѳема провозглашается:

Отрицающимъ бытіе Божіе и утверждающимъ яко міръ сей есть самобытенъ и вся въ немъ безъ промысла Божія и по случаю бываютъ.

Глаголющимъ Бога не быти духъ, но плоть.

Невѣрующимъ яко Духъ Святый умудри пророковъ и апостоловъ и чрезъ нихъ возвѣсти намъ истинный путь къ вѣчному спасенію и утверди сіе чудесами и нынѣ въ сердцахъ вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ обязываетъ и наставляетъ ихъ на всякую истину.

Отмещущимъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ будущій и воздаяніе вѣчное за добродѣтели на небесахъ, а за грѣхи осужденіе.

Отмещущимъ вся таинства святыя церковью Христовой содержимая.

Отвергающимъ соборы святыхъ отецъ и ихъ преданія, божественному откровенію согласная и православно-каѳолическою церковію благочестно хранимая.

Помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особенному о нихъ Божію благословенію и при помазаніи дарованія Св. Духа къ прохожденію великаго своего званія въ нихъ не изливаются, и тако дерзающимъ противъ нихъ на бунтъ и измѣну.

Формула анаѳематствованія стала безличной, общей, и въ

---

[1]) Ib.—157.

[2]) Пугачевъ, какъ извѣстно, преданный отлученію, не былъ, однако, внесенъ въ синодикъ, потому, какъ думаетъ И. Снегиревъ, что Екатерина II повелѣла имени его не упоминать въ актахъ.

такомъ видѣ сохранила лишь значеніе обряда, дошедшаго до насъ путемъ историческимъ.

Въ нашемъ свѣтскомъ законодательствѣ сохранились омертвѣлые слѣды прошлаго. Отлученныхъ по приговору духовнаго *суда* (таковыхъ вовсе не было послѣ Пугачева) Уставъ Гражд. Судопр. (ст. 84 и 371) не допускаетъ къ свидѣтельству, Уставъ Угол. Судопр. (ст. 95 и 706)—къ свидѣтельству подъ присягою. Если не считать эти статьи вовсе безжизненными, то приходится думать, что онѣ могутъ еще получить примѣненіе въ жизни развѣ только единственно въ угоду формѣ, буквѣ.

Въ заключеніе приведемъ интересное мнѣніе В. Кипарисова, проф. московской духовной академіи, о возможномъ составѣ будущаго церковнаго общества [1]). Когда-нибудь, говоритъ онъ, потребуетъ категорическаго отвѣта неотступный вопросъ: должны ли „церковныя общества считать *у себя* всѣхъ, кто по рожденію или въ силу общественнаго строя *числится* христіаниномъ того или другого исповѣданія или по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто самъ явно не желаетъ этого: ибо древняя церковь, правила и установленія которой во многихъ случаяхъ строго блюдутся, какъ разъ именно и не допускала такого явленія, т. е. чтобы люди, числившіеся въ церкви, не оправдывали или прямо отрицали (дѣломъ или словомъ) справедливость такого зачисленія". Мы склонны думать, что къ правильному рѣшенію поставленнаго проф. Кипарисовымъ вопроса можно будетъ подойти лишь тогда, когда въ общественномъ сознаніи рельефно выступятъ очертанія принципа широкой вѣротерпимости и свободы совѣсти. Не полузабытымъ и исчезающимъ изъ практики отлученіемъ воспользуется жизнь для освобожденія личности отъ церковнаго закрѣпощенія, но неизбѣжно рано или поздно придетъ къ рѣшенію этой проблемы, путемъ отмѣны государственною властью мѣръ прямого или косвеннаго принужденія, сводящаго область свободнаго духа на степень ограниченной сферы подчиненности и рабоЛѣпія.

[1]) „О церковной дисциплинѣ", стр. 230.

Мих. В—е.

Характеристика русскаго просвѣщенія со времени учрежденія министерства.

(Историческій очеркъ).

Возникшее предположеніе о производствѣ учебной реформы породило весьма оживленные толки и догадки о томъ, чего слѣдуетъ или можно ожидать. Уроки исторіи по всякому предмету, какъ извѣстно, очень поучительны, почему въ сужденіяхъ о желательности измѣненій учебно-воспитательной системы надо неизбѣжно считаться съ тѣмъ, что прежде дѣлалось по этой части. Исходя изъ этого взгляда, полагаемъ своевременнымъ предложить вниманію читателей краткій, въ хронологическомъ порядкѣ, историческій очеркъ наиболѣе существенныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи въ Россіи учебно-воспитательнаго дѣла, со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. втеченіе минувшаго столѣтія.

I.

Съ 1782 г. существовала комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, впослѣдствіи преобразованная въ самостоятельное главное правленіе училищъ. Затѣмъ, по манифесту объ учрежденіи министерствъ, 8 сентября 1802 года. министерство народнаго просвѣщенія создано было ,,для воспитанія юношества и распространенія наукъ", а потому ему подчинялись главное училищное управленіе со всѣми принадлежавшими ему частями, академія наукъ, университеты и всѣ другія училища, кромѣ женскихъ вѣдомства учрежденій

императрицы Маріи, типографіи, цензура, изданія всякихъ періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, собраніе древностей, натуральные кабинеты, музеи и проч. На учрежденную тогда же комиссію училищъ [1]) возлагалась разработка плана развитія заведеній для образованія „повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и общественныхъ должностей", причемъ въ вѣдѣніе каждаго изъ членовъ комиссіи поступали нѣсколько губерній, придуманныя ими мѣры обсуждались и разрѣшались въ ихъ общемъ собраніи, а утверждались министромъ или властію императора (8 сентября 1802 г.). По составленнымъ комиссіею и утвержденнымъ предварительнымъ правиламъ объ устройствѣ училищъ, они дѣлились на: 1) приходскія, 2) уѣздныя, 3) гимназіи и 4) университеты, причемъ полагались: въ церковныхъ приходахъ—приходскія училища, въ городахъ уѣздныхъ—уѣздныя училища, въ губернскихъ—прогимназіи, а университеты, существовавшіе въ Москвѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, Харьковѣ, Казани и предполагавшійся въ Петербургѣ. Ректоры университетовъ избирались общимъ ихъ собраніемъ и правленіемъ училищъ, представлялись чрезъ министра на утвержденіе верховной власти. Университеты сравнивались съ коллегіями и имъ предоставлялось: избирать «ученое сословіе» профессоровъ, давать ученыя степени по строгомъ испытаніи кандидатовъ въ ихъ знаніяхъ и внутренняя расправа надъ подчиненными имъ лицами и мѣстами. Обучать установлялось въ училищахъ *приходскихъ* отъ окончанія до начала полевыхъ работъ: чтенію, письму, первымъ правиламъ ариѳметики и закону Божію; въ *уѣздныхъ* училищахъ долженствовавшимъ поступать изъ приходскихъ: грамматику, сокращенныя географію и исторію, первоначальныя основанія геометріи и естественныхъ наукъ, практическія познанія, полезныя для промышленности и потребностей края; въ *гимназіяхъ*: изящныя науки, языки латинскій, французскій и нѣмецкій, логику, основанія чистой математики, механики, гидравлики и другихъ частей физики, въ общежитіи нужныя, сокращенную естественную исторію, всеобщую географію, исторію, основанія политической экономіи и коммерціи, переводныя сочиненія и гимнастику, а въ университетахъ—науки

[1]) Въ ея составъ входили: тайн. совѣтники:—князь Адамъ Чарторыжскій и графъ Северинъ Потоцкій, генералъ-маіоры—Клингеръ и Хитрово, академики ст. совѣтники—Озерецковскій и Фуксъ.

«во всемъ пространствѣ,нужныя для всѣхъ званій и разныхъ родовъ государственной службы»(24 января 1803 г.). Такъ какъ министерство нуждалось въ учителяхъ, то св. синоду было предложено отпустить ему такое число семинаристовъ, какое оно спроситъ для заполненія учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ (24 января 1803 г.).

Перечисленныя заведенія раздѣлены были на учебные округа, съ ихъ попечителями (взамѣнъ членовъ комиссій) московскій, виленскій, дерптскій, харьковскій, казанскій и петербургскій. Исчислялось на ежегодное содержаніе университетовъ—520.000 р.,42 гимназій—236.000 р.,405 уѣздныхъ училищъ—563.450р.,а на всѣ заведенія въ сложности 1.319.450р., кромѣ Виленскаго и Дерптскаго университетовъ, а также гимназій и уѣздныхъ училищъ Финляндіи и губерній прибалтійскихъ, западныхъ и юго-западныхъ, которыя полагалось содержать на особые источники (17 марта 1803 г.).

Ярославская гимназія тогда же была возвышена на степень университета на средства, пожертвованныя Демидовымъ, а при Виленскомъ университетѣ учреждена главная семинарія для духовенства римско-католическаго исповѣданія.

По уставу Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ (5 ноября 1804 года) они названы „высшимъ ученымъ сословіемъ“, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія и въ особомъ вѣдѣніи одного изъ членовъ главнаго правленія училищъ или попечителей округовъ. а въ нихъ полагались, по различію факультетовъ, ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты, магистры, студенты, пользовавшіеся университетскими наставленіями, и учители языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій. Профессора всѣхъ отдѣленій и адъюнкты, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляли общее собраніе или совѣтъ, завѣдывавшій учебною частью университета и его округа. Университетъ имѣлъ правленіе изъ ректора и декановъ факультетовъ, для веденія хозяйственной части, и ординарнаго профессора, въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя, по назначенію попечителя округа. Правленію поручались „судъ и расправа“ надъ чинами, къ университету принадлежавшими, а при рѣшеніи тяжбъ еще избирался университетскимъ „сословіемъ“ чиновникъ, съ званіемъ синдика. Университетамъ предоставлялось имѣть свои типографіи и цензуру для издаваемыхъ его членами сочиненій. Ректоръ избирался ежегодно общимъ собраніемъ профессоровъ и утверждался, по пред-

ставленіямъ министра, высочайшею властью, являлся начальникомъ гимназій и училищъ округа. Факультетовъ по наукамъ полагалось четыре: нравственныхъ и политическихъ, физическихъ и математическихъ, врачебныхъ и наконецъ словесныхъ, совключеніемъ новыхъ языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій. Университетскихъ профессоровъ, адъюнктовъ, почетныхъ членовъ и способныхъ преподавать въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ предоставлялось избирать общимъ собраніямъ университетовъ. Обязанность профессоровъ заключалась въ преподаваніи „лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ“, соединяя теорію съ практикою во всѣхъ наукахъ, въ пополненіи курса новыми открытіями, въ присутствованіи въ засѣданіяхъ и на испытаніяхъ, въ руководительствѣ адъюнктами, въ подаваніи имъ способа достигать „высшей степени совершенства“. Совѣтъ университета обязывался удалять всѣхъ, отъ выбора его зависѣвшихъ, за нерадѣніе, неповиновеніе и проступки, по предварительномъ изслѣдованіи ихъ правленіемъ, двумя третями голосовъ. Въ студенты подлежали пріему только пріобрѣвшіе познанія, нужныя для слушанія курсовъ, въ университетахъ преподаваемыхъ, т. е. кончившіе гимназіи или выдержавшіе испытаніе въ особомъ комитетѣ, а прослушавшіе курсы, «для всѣхъ наукъ нужные“, получали аттестаты также по испытаніи Жалобы и слѣдственныя дѣла, относившіяся до студентовъ, ректоръ обязывался производить словесно; по проступкамъ и оскорбленіямъ ректоръ уполномочивался подвергать виновныхъ выговору или аресту до 3-хъ дней, а правленіе могло сажать подъ арестъ до 14 дней; наконецъ, „дерзость студентовъ, причинявшая явный соблазнъ“, подлежала изслѣдованію правленія.

Университеты имѣли „надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ въ губерніяхъ, къ нимъ приписанныхъ“, т. е. округахъ, обязывались „прилагать особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища были вездѣ снабжены знающими и благонравными учителями и учебными пособіями“, избирали губернскихъ директоровъ училищъ, смотрителей уѣздныхъ училищъ, гимназическихъ учителей, а избранные утверждались: директоры—министромъ, а прочіе—самими университетами. Надъ заведеніями полагались училищные комитеты, подъ предсѣдательствомъ ректоровъ изъ 6 ординарныхъ профессоровъ, изъ которыхъ одинъ посылался по губерніямъ для осмотра заведеній, визитаторовъ, а они

представляли отчеты. Комитеты должны были слѣдить за способностями, прилежаніемъ и благонравіемъ учителей, изъ которыхъ „безнадежныхъ“ представляли къ отрѣшенію отъ должностей, а хорошихъ удостаивали поощреній.

По уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомственными университетамъ (5 ноября 1804 года) считались гимназіи, уѣздныя, приходскія и другія училища и пансіоны. Предметы преподаванія въ гимназіяхъ были: русскій, латинскій, нѣмецкій и французскій языки, географія, исторія, курсъ статистики общей и Россіи, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, начальныя основанія политической экономіи, курсъ математики чистой и прикладной, опытной физики и естественной исторіи, а также начальныя основанія наукъ, относившихся до торговли, технологіи и рисованіе. На каждую гимназію полагались: директоръ и 8 учителей, а изъ нихъ же педагогическіе совѣты, производившіе дѣла и испытанія учениковъ. Гимназіямъ рекомендовалось готовить учителей для уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищъ. Учениковъ дозволялось принимать въ гимназіи безплатно, „изъ *всякаго* званія“, ученіе продолжалось 4 года; въ каждомъ классѣ преподавалось 30 часовъ въ недѣлю, а преподавать слѣдовало по начальнымъ книгамъ.

Учителямъ математики, естественной исторіи и технологіи во время вакацій поручалось водить учениковъ за городъ, гдѣ показывать имъ мельницы, фабрики и заводы, разсказывать о родахъ земель, камней, травъ, посѣщать мастерскія художниковъ и т. п.; а всѣмъ учителямъ приписывалось „стараться всѣми силами преподавать ясно, правильно, быть терпѣливыми, исправными, полагаться больше на свою прилежность и порядочность правилъ, нежели на чрезмѣрный трудъ своихъ учениковъ; малолѣтнимъ дѣлать ученье легкимъ, пріятнымъ и болѣе забавнымъ, нежели тягостнымъ, а возрастнымъ внушать объ образованіи разсудка, пріучать ихъ къ трудолюбію, возбуждать въ нихъ охоту къ наукамъ, показывать путь къ нимъ, давать почувствовать ихъ цѣну и употребленіе, сдѣлать ихъ способными ко всякому званію, положить въ нихъ твердыя основанія честности и благонравія“.

Объ уѣздныхъ, приходскихъ и прочихъ училищахъ созданы были такого же рода правила, устанавливавшія, что „цѣль уѣздныхъ училищъ: 1) пріуготовить юношество для гимназій, если родители пожелаютъ дать своимъ дѣтямъ луч-

шее воспитаніе, и 2) открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности". Преподавать въ нихъ надлежало: законъ Божій и священную исторію; должности человѣка и гражданина; грамматику русскую, а въ губерніяхъ, гдѣ въ употребленіи иной языкъ, сверхъ того грамматику мѣстнаго языка; чистописаніе, правописаніе, правила слога; всеобщую географію и начальныя правила математической географіи; географію Россіи; всеобщую и русскую исторію; ариѳметику, начальныя правила геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, имѣющей отношеніе къ мѣстной промышленности, и рисованіе, а для учениковъ, приготовлявшихся въ гимназіи—еще латинское и нѣмецкое чтеніе. Принимать учениковъ предписывалось *всякаго* званія изъ кончившихъ курсъ въ приходскихъ училищахъ или обладавшихъ познаніями курса этихъ училищъ.

Приходскія училища предназначались для „приготовленія въ уѣздныя училища и для доставленія дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ низшихъ состояній приличныхъ имъ свѣдѣній, точныхъ понятій о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣріе и предразсудки". Обучать ихъ слѣдовало чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ закона Божія и нравоученія, объясненію о сельскомъ домоводствѣ, произведеніи природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и о средствахъ къ предохраненію здоровья. Въ эти училища предписывалось принимать дѣтей всякаго же званія безъ разбора пола и лѣтъ.

Стремленіе къ образованію вызвало пожертвованія: дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи на Харьковскій университетъ 400.000 р. (25 мая 1803 г.); Пинскимъ римско-унитскимъ епископомъ Горбацкимъ 22.000 р., племянникомъ его Костровицкимъ 10.000 р. (16 апрѣля 1804 г.); дворянствомъ Кіевской губерніи на гимназію 500.000 р., а магистратомъ города 10.000 р. (21 декабря 1806 г.).

Существовавшая до учрежденія министерства комиссія о народныхъ училищахъ тогдашнихъ воспитанниковъ семинарій изъ духовныхъ училищъ „за развратное поведеніе и важныя преступленія" отсылала въ солдаты. Точно также стало поступать, по бывшимъ примѣрамъ, и министерство съ воспитанниками педагогическаго института, потому что, во 1-хъ, духовное начальство обратно не принимало ихъ, какъ не годныхъ въ служители церкви; во 2-хъ, они стоили казнѣ „значущихъ издержекъ", а вознаградить за оныя службою сдѣла-

лись неспособными и могли заплатить, по крайней мѣрѣ, „военною службою“ и, въ 3-хъ, исключить ихъ и предоставить на произволъ судьбы являлось соблазномъ, а подъ строгою военною дисциплиною они могли быть полезны и исправлены. Равномѣрно воспитанниковъ медико-хирургической академіи „испорченной нравственности“ предписывалось исключать изъ академіи и сдавать въ аптекарскіе или садовые ученики, а выше мѣры развратныхъ—въ солдаты (26 января 1810 г.). На основаніи указанныхъ примѣровъ казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ педагогическаго института, университетовъ и другихъ высшихъ училищъ „за развратное же поведеніе и важныя преступленія“ повелѣвалось: происходившихъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ—отсылать въ солдаты, а о дворянахъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе (21 апрѣля и 24 мая 1811 г.).

Со цѣлью ослабить „простершее въ Россіи корни воспитаніе, иноземцами сообщаемое въ частныхъ пансіонахъ“, предписывалось: 1) училищному начальству дозволять иноземцамъ открывать пансіоны не только по степени ихъ учености, но и по удостовѣреніи въ ихъ доброй нравственности; 2) въ числѣ познаній не упускать знанія ими русскаго языка; 3) науки преподавать въ пансіонахъ всѣ на русскомъ языкѣ; 4) учителей допускать въ пансіоны съ условіемъ преподавать все по-русски; 5) взимать съ содержателей пансіоновъ по 5% съ платы, получаемой ими за содержаніе пансіонеровъ, а деньги употреблять на учрежденіе особыхъ училищъ, для воспитанія дѣтей, родители коихъ оказали отечеству важныя услуги, но лишены средствъ, равно и дѣтей неимущихъ дворянъ (25 мая 1811 г.).

Ректоры университетовъ втеченіе года не успѣвали, разумѣется, тщательно освоиться со своими правами, обязанностями, отвѣтственностями и внушить къ себѣ во всѣхъ должное уваженіе и повиновеніе, поэтому разрѣшено было избирать ихъ на три года (26 мая 1811 г.). Въ военныхъ и гражданскихъ училищахъ, кромѣ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи (женскихъ), не было обычая экзаменовать въ законѣ Божіемъ; оттого было установлено во всѣхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ состоявшихъ въ вѣдѣніи иностраннаго духовенства, обучать юношество закону Божію и при ежегодныхъ испытаніяхъ начинать ихъ съ этого именно предмета и приглашать присутствовать почетное духовенство (16 ноября 1811 г.). По малому жалованью, опредѣленному учителямъ

уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, ощущался недостатокъ въ учителяхъ, а потому послѣдовало приказаніе содержать при гимназіяхъ по нѣсколько воспитанниковъ въ высшихъ классахъ, изъ *свободныхъ* состояній, для заступленія въ нихъ учительскихъ мѣстъ, съ назначеніемъ имъ отъ 75 до 100 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они замѣняли при повтореніи уроковъ учителей, а изъ нихъ наиболѣе способныхъ—переводить въ университетъ, для усовершенствованія въ наукахъ на счетъ гимназій, потомъ обязать прослужить за воспитаніе 6 лѣтъ учителемъ (13 февраля 1815 г.).

„Число людей, которые могли съ честью и пользою заниматься преподаваніемъ", было весьма ограничено, а между тѣмъ они считались въ числѣ чиновниковъ, лишенныхъ права занимать болѣе одной должности (21 декабря 1815 г.). Недостатокъ преподавателей подтверждался тѣмъ, что даже въ Петербургѣ было лишь по одному профессору греческой словесности, политической экономіи, статистики, химіи и даже математики, а названные предметы входили въ программу разныхъ заведеній, при маломъ же жалованьи въ отдѣльныхъ заведеніяхъ,—они поневолѣ занимались въ нѣсколькихъ для увеличенія средствъ. То же самое происходило въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ, гдѣ учителя при жалованьѣ отъ 150 до 750 р. въ годъ, совмѣщали должности учителей съ письмоводительскими и смотрительскими. Въ виду указанныхъ причинъ разрѣшено было опредѣлять, для преподаванія предметовъ, въ разныхъ классахъ и мѣстахъ съ окладами. по нимъ положенными, смотря по способностямъ опредѣляемыхъ и количеству жалованья (3 января 1817 г.). Обучались въ заведеніяхъ, какъ выше отмѣчено, *даромъ*, и учителя находились въ нуждѣ. И вотъ, для взаимныхъ выгодъ учащихъ и учащихся разрѣшено было взимать, въ видѣ опыта, на первое время лишь въ Петербургѣ, съ учениковъ училищъ: приходскихъ—по 5 р., уѣздныхъ—по 10 р. и гимназій—по 15 р. ассигнаціями въ годъ, а какъ учениковъ было въ 1816 г. въ первыхъ—1145, во вторыхъ—878, а въ третьей—177, то образовалось 17.160 р. да % съ пожертвованныхъ г. Кузовниковымъ на училища 78.702 р.—до 3.900 р. представляли въ сложности доходъ въ 20—22.000 р. въ годъ. На этотъ капиталъ полагалось образовать „кассу народныхъ учителей въ столицѣ", а изъ нея добавлять вознагражденіе педагогамъ и оказывать вспомоществованія имъ и бѣднымъ ученикамъ (14 іюня 1817 г.).

Заботясь объ улучшеніи положенія учебнаго персонала, правительство въ то же время не щадило нарушавшихъ долгъ службы. Такъ, по сообщенію о незаконномъ производствѣ юридическимъ факультетомъ Дерптскаго университета въ доктора правовѣдѣнія Вальтера, Вебера и другихъ, приказано было университетскому совѣту произвести судъ, которымъ выяснилось, что факультетъ: 1) не учинивъ названнымъ лицамъ экзамена на магистерскую степень, проэкзаменовалъ ихъ прямо на докторское достоинство; 2) не задавалъ имъ столько вопросовъ на словесные и письменные отвѣты, сколько предписано уставомъ; 3) вмѣсто положенныхъ трехъ пробныхъ лекцій — удовольствовался одною и 4) не требовалъ представленія диссертацій для защищенія ихъ до производства. Дѣло это вносилось въ комитетъ министровъ и въ заключеніе профессора—ректоръ университета Штельцеръ и деканъ факультета Кехи удалены изъ университета, съ воспрещеніемъ впредь опредѣлять ихъ къ должностямъ, а прочимъ членамъ юридическаго факультета сдѣланъ въ совѣтѣ строгій выговоръ, левоспрещено выбирать ихъ въ ректоры и деканы до возстановнія къ нимъ 'довѣрія и до замѣны увольняемыхъ двухъ профессоровъ производить испытанія и давать ученыя достоинства (25 іюня 1817 г.). Студенты того же университета исключались изъ него за дурное поведеніе, буйство и другіе проступки, но оставались жить въ Дерптѣ и дурно вліяли на бывшихъ товарищей. Обстоятельство это вызвало распоряженіе, чтобы изъ исключенныхъ—проживавшихъ въ Дерптѣ при родителяхъ—отдавать имъ на поруки, а иногороднихъ высылать изъ города и округа (17 іюля 1817 г.).

Соединены были дѣла просвѣщенія и всѣхъ вѣроисповѣданій въ одно министерство съ тою цѣлію, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія". Послѣ этой реформы учебныя заведенія раздѣлены были на 6 округовъ: С.-Петербургскій, Московскій, Дерптскій, Казанскій, Харьковскій и Виленскій, а округа ввѣрялись управленію попечитеей, на основаніи дѣйствовавшихъ уставовъ и особыхъ постановленій. Каждый округъ заключалъ въ себѣ гимназіи уѣздныя и приходскія училища, пансіоны и другія учебныя заведенія, а университеты призывались къ участію въ управленіи училищами; управленія же самихъ университетовъ составляли, напр., Московскаго—совѣтъ, правленіе, комитеты училищный и цензурный; Дерптскаго-совѣтъ, правленіе, аппелляціонный судъ, училищная комиссія и цензурный комитетъ.

Главное училищное правленіе образовывало по части училищныхъ заведеній въ округахъ совѣтъ министра подъ его предсѣдательствомъ изъ всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ попечителей и постороннихъ членовъ, назначавшихся по высочайшимъ повелѣніямъ. Въ главное училищное правленіе поступали бумаги изъ учебныхъ округовъ и отъ университетовъ.

Въ министерствѣ создавался, какъ отдѣльная часть главнаго училищнаго правленія, ученый комитетъ, въ особенности для занятій ученою частью, т. е. ему поручались: разсмотрѣніе книгъ, для заведеній заготовляемыхъ; сужденія о достоинствахъ представлявшихся на одобреніе книгъ разными издателями, объ учебныхъ пособіяхъ для училищъ, проектовъ и предположеній по ученой части и т. п. Отдѣльною частью того же правленія являлся и хозяйственный комитетъ, для занятія экономическими и казначейскими дѣлами министерства. Попечители и члены правленія назначались и увольнялись высочайшею властію, а всѣ прочіе чины по уставамъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ они числились (24 октября 1817 г.).

Въ видахъ привлеченія къ образованію и той пользы, которую приносили благородные пансіоны при Московскомъ университетѣ и главномъ педагогическомъ институтѣ, окончившимъ въ нихъ курсъ дарованы были, по поступленіи ихъ въ службу гражданскую—права по чинопроизводству отъ 14 до 10 класса, а военную—наравнѣ съ университетскими студентами на производство въ офицеры, по прослуженіи въ нижнемъ званіи полгода (14 февраля 1818 г.). Приэтомъ министру предоставлялось составить подробнѣйшія правила испытанія въ общихъ заведеніяхъ, изъ которыхъ выпускные воспитанники также пріобрѣтали право на полученіе классного чина; затѣмъ по этимъ правиламъ большинство балловъ высшихъ и низшихъ степеней опредѣляло соотвѣтствующій чинъ между 14 и 9 классами, т. е. получившіе по всѣмъ предметамъ и поведенію 12 балловъ—9 классъ, 11 балловъ—10 классъ, 10 балловъ—12 классъ, а 8 и 9 балловъ—14 классъ; это не касалось впрочемъ, тѣхъ заведеній, которымъ присвоены эти права по происхожденію воспитанниковъ. Главная отвѣтственность за правильность испытанія возлагалась на директоровъ заведеній. Положеніемъ о производствѣ въ ученыя степени всѣ роды наукъ и познаній раздѣлены на 4 факультета: богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; ученыхъ степеней опредѣлено также 4: студента, кандидата, магистра и доктора, а для удостоенія каждою изъ этихъ степеней изданы были

особыя правила (20 января 1819 г.); кромѣ того, присвоены степенямъ: студента—14, кандидата—12, магистра—9, а доктора—8 классъ въ порядкѣ государственной службы (14 февраля 1818 г.).

С.-Петербургскій университетъ образованъ изъ главнаго педагогическаго института на началахъ, нѣсколько отличавшихся отъ другихъ университетовъ. Такъ, въ немъ было только 3 факультета, и въ него допускались вольноучащіеся, съ платою вознагражденія преподавателямъ. Директору бывшаго института было присвоено званіе директора университета; какъ онъ, такъ помощникъ попечителя и старшій членъ правленія назначались на эти должности правительствомъ и имѣли ближайшій надзоръ за всею внутреннею дѣятельностію университета, кромѣ дѣлъ конференціи, которая образовывалась изъ ежегодно избиравшихся ею ординарныхъ профессоровъ и ректора, предсѣдательствовавшаго въ конференціи и правленіи университета, а факультеты изъ среды профессоровъ избирали декановъ тоже на годъ. Правленію ввѣрялись всѣ дѣла по хозяйственной и правительственной частямъ университета и его округа. Ученые и учебные предметы были въ вѣдѣніи конференціи, а по другимъ областямъ попечителю округа предоставлялось вносить вопросы въ конференцію и самому въ ней предсѣдательствовать, или приглашать нѣкоторыхъ членовъ конференціи въ правленіе, въ которомъ онъ также предсѣдательствовалъ, а членами были: директоръ, совѣтникъ, въ должности синдика, директоръ училищъ петербургской губерніи и всѣ, кого попечитель приглашалъ, для пользы дѣла. Правленію вмѣнялось слѣдить, чтобы визитаторы осматривали заведенія губерніи по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, а частные пансіоны поручались директорамъ гимназій и училищъ, но попечитель могъ назначать инспектировать столичные пансіоны членовъ правленія или конференціи по своему усмотрѣнію; благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ и учительскій институтъ остались тоже въ вѣдѣніи университета (2 февраля 1819 г.).

Училища сначала содержались на казенный счетъ, потомъ, въ видѣ опыта, въ петербургскихъ введена была плата съ состоятельныхъ учениковъ, а затѣмъ, по примѣру петербургскихъ, велѣно было взимать ее повсемѣстно, гдѣ окажется нужнымъ, въ размѣрѣ по усмотрѣнію министерства, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ (1 февраля 1819 г.).

По ревизіи Казанскаго университета попечителемъ Магниц-

кимъ (одинъ изъ аракчеевскихъ клевретовъ) обнаружено, что, „по укоренившимся въ университетѣ упущеніямъ, онъ не только не приносилъ никакой пользы, но представлялъ великія затрудненія къ приведенію его въ состояніе, соотвѣтственно видамъ правительства". Поэтому рѣшено было: 1) ввести въ немъ преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія, а для этого опредѣлить духовнаго наставника; 2) изъ профессоровъ: однихъ—уволить, другихъ—перевести на соотвѣтствовавшія ихъ познаніямъ каѳедры; 3) для экономической, полицейской и нравственной частей назначить особаго чиновника, подъ названіемъ директора, по примѣру Петербургскаго университета; 4) ученую и учебную части поручить ректору и 5) предоставить попечителю составить проектъ лучшаго образованія гимназіи, которая замѣнила бы существовавшую и главное народное училище (14 іюня 1819 г.).

Сообразно приведенному рѣшенію преподана была директору Казанскаго университета инструкція, которою онъ, а въ значительной степени и ректоръ, дѣлались полными единоличными властелинами университета, а профессора и студенты утрачивали всякую самостоятельность. Такъ, всѣ чиновники правленія подчинялись директору и ихъ опредѣленіе и увольненіе зависѣло отъ него; онъ же завѣдывалъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, хозяйствомъ, становился непосредственнымъ начальникомъ университетской полиціи, нравственнаго образованія студентовъ, подъ которое подводился весь, подробно регламентированный образъ жизни и поведеніе ихъ въ духѣ суровыхъ аракчеевскихъ поселеній (17 января 1820 г.).

Попечитель Московскаго округа князь Оболенскій заявилъ, что во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма невелико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ вовсе пустовали, ибо въ гимназіяхъ учились сыновья бѣдныхъ чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, но ни тѣ, ни другіе всего курса не оканчивали: первые—принуждены были скорѣе опредѣлиться въ службу для помощи семействамъ, а послѣдніе,—научившись читать и писать настолько, чтобы умѣть вести торговые счеты, добровольно покидали гимназію. Вслѣдствіе этого заявленія послѣдовало распоряженіе содержать при гимназіяхъ по нѣсколько казенныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ и *благородныхъ* родителей, отпуская на каждаго отъ 100 до 200 р. въ годъ на счетъ гимназій, а за это содержаніе кончившихъ въ нихъ весь курсъ—обязать прослужить учебному вѣдомству не менѣе 6 лѣтъ (22 октября 1819 г.). Затѣмъ университетамъ

5*

дозволено принимать въ число медицинскихъ воспитанниковъ молодыхъ людей изъ званій, податьми обязанныхъ и уволенныхъ обществами для избранія рода жизни, съ тѣмъ, чтобы удостоенныхъ впослѣдствіи врачебнаго званія сенатъ увольнялъ изъ подушнаго оклада, а неудостоенныхъ оставлять въ прежнихъ званіяхъ (29 ноября 1819 г.).

При учрежденіи Петербургскаго университета ему преподаны были до составленія устава краткія правила, но попечитель Руничъ нашелъ ихъ недостаточными, а внутренній порядокъ разстроеннымъ, почему, по его ходатайству, къ Петербургскому университету примѣнена была инструкція директору и ректору Казанскаго университета (21 октября 1821 г.). По представленію того же Рунича о необходимости дать соотвѣтствующее устройство Петербургскимъ: университету, гимназіи и учительскому институту разрѣшено было: 1) пріостановить на нѣкоторое время пріемъ воспитанниковъ въ университетъ на казенное содержаніе; 2) разобрать студентовъ по ихъ способностямъ и нравственности, а безнадежныхъ уволить; 3) институтъ упразднить, а воспитанниковъ обратить въ ученики гимназіи, для поступленія по окончаніи въ ней курса въ университетъ; 4) пріемъ въ университетъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій—отмѣнить, а взамѣнъ ихъ брать воспитанниковъ изъ гимназіи и дома бѣдныхъ дѣтей человѣколюбиваго общества; 5) число казенныхъ студентовъ и гимназистовъ ограничить 60 въ каждомъ заведеніи; 6) гимназію образовать для приготовленія студентовъ и наставниковъ для низшихъ училищъ изъ 60 казенныхъ и 40 своекоштныхъ воспитанниковъ; 7) подчинить гимназію правленію университета, а ея внутреннее управленіе—особому инспектору, его помощнику и надзирателямъ; 8) при гимназіи оставить пансіонъ (25 іюня 1822 г.).

Петербургскому университету, взамѣнъ изданныхъ для него временныхъ правилъ, преподанъ къ руководству уставъ Московскаго университета съ оставленіемъ въ дѣйствіи и распространенной на него инструкціи директору и ректору Казанскаго университета, которымъ были ввѣрены ученая, нравственная и полицейская части (4 января 1824 г.). Вслѣдствіе происшедшихъ въ Виленскомъ университетѣ безпорядковъ, предписаны „весьма полезныя мѣры по всѣмъ учебнымъ округамъ, впредь до изданія особеннаго положенія". Именно по учебной части: а) право естественное и науки политическія исключить изъ числа гимназическихъ предметовъ, а взамѣнъ

умножить число уроковъ латинскаго, греческаго и русскаго языковъ; б) число уроковъ риторики и поэзіи уменьшить; в) задаваніе ученикамъ предметовъ или темъ для сочиненій предоставить учителямъ, но университетское правленіе должно было составить особое объ этомъ собраніе, изъ коего учителя заимствовали бы темы. Для надзора за учениками въ классахъ, церкви, по квартирамъ и въ городѣ имѣть педелей и смотрителей изъ представившихъ хорошіе о себѣ аттестаты; списокъ всѣмъ учащимся въ университетѣ и гимназіи съ означеніемъ ихъ жительства отсылать въ городскую полицію, а въ молодыхъ людяхъ „утверждать страхъ Божій и смотрѣть, чтобы: а) юношество почитало начальство и все государственное съ должнымъ повиновеніемъ; б) вели жизнь богобоязненно по правиламъ исповѣданій, не причиняли никому обиды и за причиняемыя имъ обиды самовольно удовлетворенія не искали, а домогались узаконеннымъ порядкомъ; в) студенты посѣщали бы и рачительно слушали лекціи г) ни въ какія тайныя общества и связи не входили; д) иной одежды, кромѣ мундира, не употребляли и безъ онаго никуда не выходили; е) въ театрѣ, на раутахъ и увеселеніяхъ безъ письменнаго дозволенія ректора не бывали бы; ж) за городъ, на прогулки безъ таковаго же дозволенія не бывали; з) трактировъ, билліардныхъ и т. п. мѣстъ не посѣщали; и) книгъ противъ христіанской вѣры и системъ правительства, въ особенности россійскаго государства, соблазнительныхъ и къ лекціямъ не принадлежащихъ, не читали бы и не имѣли; і) безъ полученія изъ университета по окончаніи курса свидѣтельства или патента не отлучались“. Въ заключеніе предписывалось создать форму ежедневныхъ рапортовъ, изъ которыхъ учебное начальство знало бы о поведеніи учениковъ и происшествіяхъ (14 августа 1824 г.).

Въ харьковскомъ театрѣ произошли въ 1823 г. безпорядки, въ которыхъ участвовали, въ числѣ другихъ лицъ, студенты университета; изъ нихъ Стефановскаго, по требованію полицеймейстера, университетскій экзекуторъ не вывелъ, почему его взяли въ полицію, но товарищи заступились за него, вступили въ пререканія съ полиціею, но она все-таки забрала и продержала сутки подъ арестомъ 6 студентовъ, которыхъ университетское начальство выдержало потомъ въ карцерѣ 7 дней на хлѣбѣ и водѣ, а 4 изъ нихъ записало еще въ „черную книгу“. Дѣло это сочтено было столь важнымъ, что произведенное разслѣдованіе дошло до комитета мини-

babstrовъ, и онъ призналъ студентовъ достаточно наказанными; а виновными: полицеймейстера въ томъ, что отправилъ Стефановскаго въ полицію, а не въ университетъ, какъ слѣдовало, экзекутора же въ томъ, что не вывелъ Стефановскаго изъ театра и тѣмъ самымъ допустилъ весь случившійся безпорядокъ, за что онъ былъ отрѣшенъ отъ должности; наконецъ, всѣмъ студентамъ запрещено было ходить въ театръ, впредь до особыхъ повелѣній (4 ноября 1824 г.). Близъ Харькова былъ убитъ студентъ Бройкевичъ, возвращавшійся изъ шинка, гдѣ съ уѣхавшими въ отпускъ пилъ водку и пуншъ. За это происшествіе начальству вмѣнено имѣть неослабное смотрѣніе, чтобы студенты „не ходили въ непристойныя мѣста, каковы шинки, и горькихъ напитковъ не употребляли“ (21 августа 1825 г.).

II.

По увольненіи Магницкаго отъ попечительства надъ Казанскимъ округомъ должность директора университета, признанная безполезною, упразднена, а университетъ поступилъ въ управленіе ректора по уставу и инструкціи директора (6 мая 1826 г.). Для однообразнаго преподаванія закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ предписано было составить приличную учебную книгу (10 августа 1826 г.), а при гимназіяхъ предписано учредить пансіоны для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, съ платою за ученика не болѣе 800 р. ассигнаціями въ годъ (19 декабря 1826 г.). Въ рескриптѣ отъ 19 августа 1827 г. изложено, что „часто крѣпостные, дворовые и поселяне учатся въ гимназіяхъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“, а эти молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе „у нерадивыхъ помѣщиковъ и родителей, входятъ въ училища съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей или препятствуютъ попечительнымъ родителямъ отдавать своихъ дѣтей въ заведенія. Затѣмъ отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и наукамъ пріучаются къ роду жизни, образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Эти неизбѣжныя тягости становятся имъ несносными и они предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ“. Въ силу приведенныхъ соображеній установлено: 1) въ высшія казенныя и частныя заведенія и гимназіи допускать только людей *свободныхъ* состояній; 2) крѣпостныхъ, поселянъ и дворовыхъ обучать въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и заведеніяхъ сельскаго хозяйства, садоводства,

ремесламъ и промышленности (19 августа 1826 г.). Точно также воспрещено принимать въ гимназіи кантонистовъ (24 января 1828 г.)

Для образованія *русскихъ* профессоровъ послѣдовало рѣшеніе послать 20 лучшихъ студентовъ русскихъ университетовъ на два года въ Дерптъ, а потомъ на 2 года въ Берлинъ или Парижъ съ надежнымъ начальникомъ; съ этою цѣлью приказывалось: 1) четыремъ русскимъ университетамъ избрать отличнѣйшихъ студентовъ, даже кандидатовъ и магистровъ, которые пожелаютъ посвятить себя служенію по учебной части; 2) отъ избранныхъ взять письменное обѣщаніе прослужить 12 лѣтъ по учебной части, со времени занятія ими профессорской каѳедры; 3) по полученіи изъ всѣхъ университетовъ списковъ, избрать достойнѣйшихъ 20 человѣкъ и, вытребовавъ ихъ въ Петербургъ, подвергнуть строгому испытанію; 4) отъ ректора и совѣта Дерптскаго университета истребовать мнѣніе относительно составленія подробнаго плана дополнительнаго, для этихъ студентовъ, курса ученія въ Дерптѣ и нужныхъ на то расходовъ, и 5) согласно мнѣнію главнаго правленія училищъ предположенный въ Дерптѣ дополнительный курсъ продолжить до трехъ лѣтъ, для лучшаго усовершенствованія студентовъ какъ въ наукахъ вообще, такъ и въ знаніи нѣмецкаго языка. На докладѣ объ этомъ Николай I положилъ резолюцію: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно были всѣ русскіе". Особенный надзоръ за студентами во время пребыванія ихъ въ Дерптскомъ университетѣ порученъ тамошнему профессору Перевощикову, весьма одобренному попечителемъ, съ званіемъ директора, и за особенные его труды ему назначено по 3.000 рублей въ годъ, сверхъ жалованья по званію профессора (17 ноября 1827 г. и 20 февраля 1828 г.).

Ради умноженія числа достойныхъ наставниковъ для юношества учреждено въ Петербургѣ на 100 человѣкъ, предпочтительно изъ семинаристовъ, закрытое заведеніе—главный педагогическій институтъ, подъ ближайшимъ начальствомъ директора, избираемаго изъ извѣстныхъ хорошими правилами, основательными свѣдѣніями въ наукахъ и опытностію въ воспитаніи. Учебная и хозяйственная части института ввѣрялись конференціи и правленію. Въ курсъ института входили: законъ Божій, логика, метафизика, чистая и высшая математика, математическая и всеобщая географія, физика, обозрѣніе всеобщей исторіи, древняя географія, миѳологія, рито-

рика, грамматика и словесность россійскаго, латинскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, гражданская архитектура, черченіе и рисованіе. Курсъ раздѣленъ на три отдѣленія. Наказанія за провинности воспитанниковъ составляли замѣчанія, выговоры, заключеніе на хлѣбъ и воду до 3 дней, исключеніе изъ института съ прописаніемъ въ паспортѣ причины и запрещеніе вступать въ службу (30 сентября 1828 г.).

Въ обнародованномъ новомъ общемъ уставѣ о среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ они дѣлились на приходскія и уѣздныя училища и гимназіи, подъ вѣдомствомъ университетовъ, причемъ въ *приходскія училища* допускались дѣти всѣхъ состояній обоего пола съ 8 до 11-лѣтняго возраста безплатно, а учить ихъ предписывалось закону Божію по краткому катехизису и священной исторіи, чтенію по книгамъ церковной и гражданской печати и рукописей, чистописанію и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, причемъ способъ обученія могъ быть обыкновенный и по методѣ Ланкастера. *Уѣздныя училища* создавались для сыновей купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, т. е. городскихъ обывателей; курсъ ихъ былъ трехлѣтній: законъ Божій, священная и церковная исторія, россійскій языкъ съ высшею частію грамматики; геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ; географія; сокращенная россійская и всеобщая исторія; чистописаніе, черченіе и рисованіе; дозволялись и дополнительные курсы изъ общихъ понятій: объ отечественныхъ законахъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ торговли, основанія коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи; основанія механики, технологіи, архитектуры и сельскаго хозяйства и домоводства. Содержались училища на счетъ казны, городовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. *Гимназіи* имѣли главнѣйшею цѣлію—приличное воспитаніе сыновей дворянъ и чиновниковъ. Директора гимназій избирались университетами, предпочтительно изъ обладавшихъ ученою степенью и исправлявшихъ должности инспекторовъ гимназій; учителя опредѣлялись также университетами. Гимназическій курсъ состоялъ изъ 7 классовъ, изъ закона Божьяго, священной и церковной исторіи, россійской грамматики, словесности и логики; латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ; математики до коническихъ сѣченій включительно; географіи и статистики; исторіи, физики, чистописанія, черченія и рисованія, а въ гимназіяхъ при университетахъ и греческаго

языка. При гимназіяхъ полагались пансіоны (8 декабря 1828 г.).

Въ польскомъ мятежѣ приняли участіе и нѣкоторые студенты Виленскаго университета, почему въ немъ сперва былъ усиленъ надзоръ (31-го января 1831 года), а потомъ онъ былъ закрытъ и изъ медицинскаго факультета образована Виленская медико-хирургическая академія (1 мая 1832 г.); значительное большинство мѣстныхъ училищъ содержалось раньше католическимъ духовенствомъ, почему за упраздненіемъ многихъ католическихъ монастырей содержаніе этихъ училищъ отнесено было на счетъ доходовъ съ имѣній тѣхъ монастырей (20 декабря 1832 г.). Опредѣленные учителями въ Бѣлорусскій край не совсѣмъ соотвѣтствовали своему назначенію, по незнанію польскаго языка. Оттого рѣшено ввести въ главный педагогическій институтъ изученіе польскаго языка (9 мая 1833 г.). Профессора, учителя и студенты поляки, переходившіе во внутреннія губерніи въ университеты и другія учебныя заведенія, обязывались представлять удостовѣренія о неприкосновенности ихъ къ бывшимъ въ Польшѣ безпорядкамъ (26 октября 1833 г.).

Утвержденнымъ уставомъ Кіевскаго университета (Св. Владиміра) онъ ввѣрялся ближайшему начальству попечителя округа, совѣту изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора; ему и правленію, подъ его же предсѣдательствомъ. Ректора, декановъ, профессоровъ, адъюнктовъ, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ избиралъ совѣтъ. Ректоръ становился непосредственнымъ начальникомъ университета изъ 2-хъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Казеннокоштныхъ студентовъ полагалось 50. Для управленія училищами округа полагался училищный комитетъ изъ ректора, 3-хъ профессоровъ и синдика (25 декабря 1833 г.). Какъ въ Кіевскомъ, такъ и въ другихъ университетахъ разрѣшено слушать лекціи чиновникамъ, съ дозволенія ихъ начальства и попечителя, если предварительно выдержатъ экзаменъ и получатъ званіе студента, а потомъ они могли удостоиваться и ученыхъ степеней (23 января 1834 г.); иностранцевъ же, не получившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ, воспрещено принимать на должности по домашнему воспитанію (25 марта 1834 г.).

Въ интересахъ лучшаго преуспѣянія домашняго воспитанія утверждено положеніе о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ. Они должны были быть *свободнаго* состоянія,

христіанскаго исповѣданія, окончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, или выдержать испытаніе и получить аттестатъ; если же докажутъ свои знанія опытомъ, имъ предоставлялись служебныя права и въ старости пенсія. Домашнія учительницы пріобрѣтали это званіе тоже по испытанію, или по диплому заведеній, въ которыхъ кончили курсъ (1 іюля 1834 г.).

Александровскому университету (въ Гельсингфорсѣ) предоставлены права прочихъ университетовъ по опредѣленію въ службу и производству въ чины кончавшихъ въ немъ курсъ студентовъ (1 августа 1834 г.). Съ получавшихъ аттестаты объ окончаніи курса въ университетахъ установлена плата по 15 р. (9 апрѣля 1835 г.).

Въ виду оказавшейся необходимости освободить университеты отъ управленія гимназіями и училищами округовъ— издано положеніе объ этихъ учебныхъ округахъ, по которому всѣ заведенія поступали въ вѣдѣніе попечителей, а при немъ учреждался совѣтъ изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и директоровъ гимназій, но если половина членовъ совѣта въ чемъ-либо не согласны съ попечителемъ, то дѣло представлялось на разрѣшеніе министра (25 іюня 1835 г.).

Общимъ уставомъ университетовъ (1835 г.) устанавливалось въ краткихъ чертахъ слѣдующее ихъ положеніе: каждый университетъ составлялся изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, совѣта и правленія. Въ полномъ составѣ университета полагались три факультета: философскій, юридическій и медицинскій; каждый факультетъ состоялъ изъ учащихъ и учащихся; число первыхъ опредѣлялось штатомъ, но могло быть увеличено по мѣрѣ надобности и раздѣлялось на профессоровъ, адъюнктовъ и лекторовъ; каждый факультетъ имѣлъ своего декана, а философскій—двухъ по числу его отдѣленій; всѣ факультеты въ совокупности подчинялись ректору; въ совѣтѣ, подъ его предсѣдательствомъ, присутствовали ординарные и экстраординарные профессоры; правленіе университета составляли, подъ предсѣдательствомъ ректора, деканы и синдикъ.

Въ составъ философскаго факультета, состоявшаго изъ двухъ отдѣленій, входили слѣдующія науки: въ 1 отдѣленіи: философія, греческая словесность и древности, римская словесность и древности; россійская словесность и исторія россійской литературы; исторія и литература славянскихъ нарѣчій; всеобщая исторія; россійская исторія; политическая эко-

номія и статистика; восточная словесность; языки: арабскій, турецкій, персидскій, монгольскій и татарскій; во 2 отдѣленіи: чистая и прикладная математика, астрономія, физика и физическая географія, химія, минералогія и геогнозія, ботаника, зоологія, технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура. На юридическомъ факультетѣ преподавались: энциклопедія или общее обозрѣніе системы законовѣдѣнія, россійскіе государственные законы; римское законодательство и его исторія; законы: гражданскіе, общіе, особенные и мѣстные, благоустройства и благочинія, о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, полицейскіе и уголовные и начала общенароднаго правовѣдѣнія. Въ медицинскіе факультеты при университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, входили предметы: анатомія, физіологія общая и общая патологія; врачебное веществословіе, клиника, семіотика; хирургія умозрительная; хирургія операціонная глазныхъ болѣзней и хирургическая клиника, повивальное искусство, судебная медицина, скотолеченіе. Для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія опредѣлялась особая, непринадлежавшая ни къ какому факультету каѳедра для всѣхъ вообще студентовъ грекороссійскаго исповѣданія. Въ университетѣ полагались лекторы языковъ: нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго. Сверхъ учителя рисованія, могли быть и учители фехтованія, музыки и танцевъ, а въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ еще верховой ѣзды. Ординарные и экстраординарные профессоры факультета, подъ предсѣдательствомъ декана, составляли факультетское собраніе. Одинъ изъ адъюнктовъ исправлялъ въ немъ должность секретаря. Каждому члену факультета предоставлялось право дѣлать въ собраніяхъ предложенія касательно ученыхъ и учебныхъ предметовъ, но не иначе, какъ письменно. Предметы занятій въ факультетскихъ собраніяхъ были: полугодичное распредѣленіе курсовъ и времени преподаванія наукъ; разсмотрѣніе методовъ преподаванія и руководствъ, избираемыхъ профессорами; испытаніе студентовъ и всѣхъ, желавшихъ получить ученыя степени или право на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ по гражданской службѣ; испытаніе кандидатовъ на учительскія мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа, если они не имѣли ученыхъ аттестатовъ; разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ; цензура сочиненій и переводовъ ученаго содержанія,

издаваемыхъ профессорами и адъюнктами; избираніе ежегодныхъ задачъ и разборъ ихъ рѣшеній; распоряженія по предписаніямъ совѣта и разсмотрѣніе предложеній декановъ или членовъ факультетовъ. Засѣданія совѣта, назначаемыя въ опредѣленные дни, происходили въ свободные часы отъ преподаванія. Всѣ члены совѣта обязывались присутствовать въ собраніяхъ, а при невозможности извѣщали ректора о причинахъ своего отсутствія, которыя вносились въ журналъ засѣданія. Совѣтъ не приступалъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не было по крайней мѣрѣ двухъ третей наличныхъ членовъ. Во время вакацій совѣтъ могъ имѣть лишь чрезвычайныя собранія и только по дѣламъ, не терпѣвшимъ отсрочки. Въ собраніяхъ совѣта первыя мѣста послѣ ректора занимали деканы, а прочіе засѣдали по факультетамъ, наблюдая старшинство въ профессорскомъ званіи. Дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ, а при равенствѣ ихъ перевѣсъ имѣлъ голосъ ректора. Баллотированіе употреблялось при избраніи профессоровъ и преподавателей университета, при назначеніи профессоровъ къ разнымъ университетскимъ должностямъ и при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ печатанію съ одобренія и иждивеніемъ университета. Синдикъ имѣлъ надзоръ за канцеляріею совѣта, присутствовалъ въ его засѣданіяхъ и наблюдалъ, чтобы производство и рѣшеніе дѣлъ было согласно съ законами. Въ случаѣ же замѣченной имъ неправильности или отступленія отъ порядка, подавалъ письменное мнѣніе, но если совѣтъ оставался при прежнемъ своемъ заключеніи, то къ его исполненію могъ приступить не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя, который въ то же время объ обстоятельствахъ дѣла и данномъ имъ предписаніи доводилъ до свѣдѣнія министра. Предметы занятій совѣта были: избраніе ректора, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, избраніе профессоровъ и адъюнктовъ, назначеніе ихъ къ разнымъ по университету должностямъ, опредѣленіе и увольненіе лекторовъ и учителей университета, сужденіе, по представленіямъ факультетовъ, о мѣрахъ для усовершенствованія преподаванія наукъ; общее соображеніе о распредѣленіи курсовъ и времени преподаванія въ университетѣ; разсмотрѣніе представленій факультетовъ, и въ особенности протоколовъ испытаній на полученіе ученыхъ степеней; изслѣдованіе упущеній профессоровъ; главное распоряженіе учебными и вспомогательными пособіями и заведеніями; окон-

чательное сужденіе о сочиненіяхъ и переводахъ, предполагаемыхъ къ чтенію въ торжественныхъ собраніяхъ или къ печатанію иждивеніемъ университета; разсужденіе по предложеніямъ попечителя о дѣлахъ училищныхъ, требовавшихъ ученыхъ соображеній, какъ-то: объ усовершенствованіи преподаванія, объ учрежденіи дополнительныхъ курсовъ, о принятіи въ руководство книгъ и учебныхъ пособій. По прошествіи каждаго мѣсяца совѣтъ представлялъ попечителю выписку изъ протоколовъ засѣданій, а по истеченіи года—полный отчетъ о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ, который представлялся министру. Совѣтъ, съ утвержденія попечителя, назначалъ ежегодно день для торжественнаго собранія, въ которомъ произносились профессорами рѣчи, читались отчеты, провозглашались имена выпускаемыхъ съ аттестатами студентовъ, раздавались имъ шпаги и дипломы на ученыя степени. Наконецъ, засѣданія правленія назначались по мѣрѣ надобности съ наблюденіемъ, чтобы они происходили въ свободные часы отъ преподаванія. Синдикъ, завѣдывая канцеляріею правленія, присутствовалъ съ прочими членами. Правленіе представляло ежемѣсячно попечителю выписку изъ протоколовъ своихъ засѣданій, а въ своемъ вѣдѣніи имѣло хозяйственную и полицейскую части. Университетская полиція имѣла цѣлью соблюденіе благочинія и порядка между принадлежавшими къ нему лицами, содержаніе зданій и предохраненіе ихъ отъ огня. Ректоръ, какъ предсѣдатель правленія, обязывался всѣ неудовольствія и ссоры между лицами университетскаго вѣдомства прекращать миролюбиво, или употреблять предоставленныя ему мѣры строгости, а въ случаяхъ, превышавшихъ его власть, представлялъ, со своимъ заключеніемъ, попечителю, уголовныя же преступленія по изслѣдованіи ихъ правленіемъ подлежали вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ.

Попечитель опредѣлялся именнымъ высочайшимъ указомъ; онъ употреблялъ всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе университета, обращалъ особенное вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ, исправлялъ нерадивыхъ и принималъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ, утверждалъ контракты на сумму до 10.000 р. Ректоръ избирался на 4 года совѣтомъ, утверждался высочайшею властью, наблюдалъ, чтобы всѣ мѣста и лица въ точности исполняли свои обязанности и преподаваніе шло съ успѣхомъ, вправѣ былъ дѣлать выговоры

и замѣчанія профессорамъ и чиновникамъ; въ случаѣ его отлучки его замѣщалъ проректоръ, избираемый также на четыре года изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждаемый министромъ. Деканы избирались факультетами тоже на 4 г., изъ тѣхъ же профессоровъ, и утверждались министромъ. Профессора и адъюнкты, избранные университетомъ, утверждались министромъ, которому, по его усмотрѣнію, „предоставлялось *назначать* въ профессора и адъюнкты на вакантныя каѳедры людей, отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія съ требуемыми для сихъ званій учеными степенями". Должность профессора заключалась въ „правильномъ и благонамѣренномъ преподаваніи своего предмета, въ достовѣрномъ знаніи объ успѣхахъ наукъ, имъ преподаваемыхъ, въ ученомъ мірѣ, въ участіи взасѣданіяхъ совѣта, факультетахъ и правленіяхъ, смотря по назначенію каждаго, въ обязанности преподавать предметъ не менѣе восьми часовъ въ недѣлю, въ приложеніи старанія къ обученію каждаго изъ студентовъ, посѣщавшихъ ихъ лекціи, и въ удостовѣреніи въ успѣхѣ слушавшихъ преподаваніе". За неявку на лекціи безъ причинъ съ профессора удерживалась часть жалованья по разсчету; одинъ профессоръ не могъ имѣть двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, и вознагражденіе за вторую каѳедру не могло превосходить полугодового оклада, который выдавался не иначе, какъ по опредѣленію совѣта. Адъюнкты считались помощниками профессоровъ, раздѣлявшихъ съ ними, по назначенію совѣта, преподаваніе и замѣнявшихъ отсутствовавшихъ.

Желавшіе вступить въ число студентовъ должны были *выдержать* предварительное *испытаніе* по программѣ, изданной министерствомъ, причемъ принималось въ уваженіе одобрительное свидѣтельство объ окончаніи гимназическаго курса, которое давало право подвергаться испытанію прежде другихъ или быть вовсе освобожденымъ отъ него. Студенты могли переходить изъ одного университета въ другой, если представляли одобрительное свидѣтельство отъ предшествовавшаго университета. Синдикъ избирался попечителемъ изъ имѣвшихъ ученую степень профессоровъ юридическаго факультета и утверждался министромъ. Совѣтамъ университетовъ предоставлялось возводить въ ученыя степени кандидата, магистра и доктора по особымъ испытаніямъ на каждую степень. Опредѣлявшіеся въ военную службу кандидаты, пробывъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи три мѣсяца, а студенты—шесть мѣсяцевъ, производились въ офицеры, безъ вакансій. При университетахъ состояли

институты: педагогическій, медицинскій и ученыя общества. Педагогическіе институты полагались для образованія учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ; изъ студентовъ не менѣе 20 человѣкъ состояли на казенномъ содержаніи изъ гимназическихъ воспитанниковъ; допускались и своекоштные воспитанники; точно также въ медицинскихъ институтахъ или факультетахъ полагались такіе же воспитанники на одинаковыхъ съ педагогическими правилахъ (26 іюля 1835 г.).

Успѣшное окончаніе курса на званіе дѣйствительнаго студента или ученую степень обязательно должно было быть засвидѣтельствовано испытаніемъ, безъ чего никому не дозволялось считаться окончившимъ университетскій курсъ наукъ (27 марта 1836 г.). На Бѣлорусскій и Дерптскій учебные округа распространено было общее положеніе объ учебныхъ округахъ, а къ Дерптскому университету примѣнена была 80 ст. общаго устава университетовъ о порядкѣ утвержденія профессоровъ и адъюнктовъ (16 декабря 1836 г.), тому же университету строго подтверждено было никого не удостоивать званіями дѣйствительнаго студента, кандидата и лекаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка, а чрезъ пять лѣтъ никого не принимать въ студенты безъ предварительнаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка (12 декабря 1836 г.).

Положеніемъ объ испытаніи на ученыя степени предписывалось не нарушать того порядка, въ какомъ слѣдовали одна степень за другою, а студенты, окончившіе съ отличнымъ успѣхомъ курсъ въ университетахъ, могли, при самомъ выпускѣ, быть удостоиваемы степени кандидатовъ. Служащіе, отставные чиновники и вообще лица *свободнаго* состоянія, посѣщавшіе лекціи высшихъ учебныхъ заведеній, или получившіе другимъ путемъ надлежащія свѣдѣнія, также могли пріобрѣтать ученыя степени не иначе, какъ по выдержаніи испытанія на званіе дѣйствительнаго студента вмѣстѣ со студентами, а лица, не слушавшія лекцій, могли быть удостоиваемы прямо степени кандидата, если оказали отличныя свѣдѣнія на студенческихъ испытаніяхъ. Испытанія на степени магистра и доктора производились въ факультетѣ, а неудовлетворившій испытанію могъ явиться вторично, не ранѣе, какъ черезъ годъ; неудовлетворившіе же и во второй разъ—больше къ испытанію не допускались. Домогавшійся степени магистра или доктора обязанъ былъ написать и публично защитить диссертацію, а утверждался въ этихъ степеняхъ министромъ (27 апрѣля 1837 г.).

Для прегражденія „вредныхъ послѣдствій отъ смѣшенія въ заведеніяхъ лицъ разныхъ состояній“ предписывалось: при переходѣ изъ низшихъ въ среднія, а изъ нихъ въ высшія заведенія вездѣ и для всѣхъ состояній соблюдать въ точности, чтобы лица крѣпостного состоянія допускались въ среднія и высшія заведенія только по волѣ помѣщиковъ и по полученіи увольненія изъ ихъ состоянія; въ противномъ случаѣ ихъ обученіе ограничивалось приходскими и уѣздными училищами. Частные пансіоны раздѣлены были на степени, сообразно общему устройству училищъ, и тѣ изъ нихъ, которые соотвѣтствовали гимназіямъ, ни подъ какимъ видомъ не могли принимать крѣпостныхъ; точно также и въ помѣщичьихъ училищахъ сохранялись предѣлы преподаванія, установленные для низшихъ училищъ (2 мая 1837 г.).

Указомъ сената отъ 29 мая 1837 г., объявленъ былъ уставъ Ришельевскаго лицея и при немъ гимназіи „въ память учиненнаго дюкомъ де-Ришелье приношенія“. Въ лицеѣ сверхъ общихъ предметовъ учреждались отдѣленія физико-математическое и юридическое. Гимназія приготовляла воспитанниковъ для лицея, а ему присваивались права университетовъ (29 мая 1837 г.).

Для прекращенія дуэлей между студентами Дерптскаго университета повелѣвалось по предварительному изслѣдованію дѣлъ университетскимъ судомъ, — виновныхъ судить военнымъ судомъ при Рижскомъ ордонансгаузѣ (28 іюня 1837 г.). Начальствамъ учебныхъ округовъ предписано во всѣхъ случаяхъ, когда подвѣдомственныя имъ лица „будутъ прикосновенны къ дѣламъ круга власти мѣстныхъ начальствъ, оказывать имъ всякое содѣйствіе и не останавливать исполненіе мѣръ полицейскихъ“ (10 мая 1838 г.).

Вслѣдствіе происходившихъ въ западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, студентамъ, находившимся въ Кіевскомъ университетѣ и не подлежавшимъ слѣдствію по поводу этихъ безпорядковъ, разрѣшалось поступить въ другіе университеты безъ испытанія, съ зачетомъ времени, безпорочно проведеннаго ими въ Кіевскомъ университетѣ; студентамъ, не пожелавшимъ перейти въ другіе университеты, дозволено было поступить въ гражданскую службу съ тѣмъ преимуществомъ, что при хорошихъ служебныхъ успѣхахъ и нравственности удостаивать ихъ чина 12 класса, если были на четвертомъ курсѣ, и чина 14 класса, если выбыли со второго курса. Пріемъ студентовъ и чтеніе лекцій

въ университетѣ пріостановлены на годъ, а затѣмъ разрѣшалось возобновить пріемъ студентовъ и университетскіе курсы, если къ тому сроку окажется достаточное число воспитанниковъ гимназій, располагавшихъ правомъ поступленія въ университетъ; бывшихъ студентовъ университета вторично въ него не принимать, а исключенія допускать только съ разрѣшенія министра. Профессорамъ, адъюнктамъ и преподавателямъ сохранялись ихъ оклады до открытія университета съ тѣмъ, чтобы они свободное время занимались приготовленіемъ учебныхъ книгъ и руководствъ, а по усмотрѣнію университетскаго начальства читали и лекціи въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ округа. Наконецъ, казенныхъ студентовъ университета предписывалось распредѣлить по другимъ университетамъ (9 января 1839 г.).

Окончившіе университетскій курсъ студенты приглашались вступить въ службу по лѣсной части, съ сохраненіемъ правъ, присвоенныхъ студенческому званію и съ предоставленіемъ имъ поступить на казенный или свой счетъ; по окончаніи ими годового курса и выдержаніи экзамена дозволялось производить ихъ въ прапорщики, послѣ практическихъ занятій по лѣсной части втеченіе года—опредѣлять прямо на службу, или предназначать къ профессорскимъ должностямъ, а еще черезъ годъ—производить въ подпоручики съ обязательствомъ прослужить по лѣсной части: казеннокоштныхъ—10, а своекоштныхъ 6 лѣтъ (11 января 1839 г.). Съ студентовъ Петербургскаго университета, своекоштныхъ и вольнослушателей, кромѣ бѣдныхъ, установлена плата до 100 р. ассигн. въ годъ съ каждаго (21 марта 1839 г.). Пріемъ студентовъ и чтеніе лекцій въ Кіевскомъ университетѣ разрѣшено было возобновить съ сентября 1839 г. (26 апрѣля 1839 г.).

Для доставленія юношеству Царства Польскаго средствъ „къ умственному и нравственному образованію наравнѣ съ юношествомъ прочихъ частей Имперіи и для соглашенія хода приготовительнаго ученія для вступленія въ университеты Россіи“, декретомъ на имя намѣстника Царства Польскаго утверждено положеніе о передачѣ всѣхъ общихъ и частныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, составлявшихъ особое управленіе подъ названіемъ Варшавскаго учебнаго округа, въ вѣдѣніе министерства просвѣщенія, а духовная академія, главная семинарія, епархіальныя семинаріи, духовныя училища, повивальный институтъ, школы фельдшеровъ, ветеринаровъ и институтъ глухонѣмыхъ, оставлялись въ вѣдомствѣ преж-

нихъ ихъ начальствъ. Управленіе округомъ ввѣрялось попечителю, который въ отношеніяхъ къ совѣту управленія и прочимъ вѣдомствамъ Царства по части финансовой, судной и контрольной обязывался дѣйствовать по правиламъ, присвоеннымъ главнымъ дикреторамъ правительственныхъ комиссій, а въ совѣтѣ управленія присутствовать только по дѣламъ, до его части относившимся. Совѣтъ народнаго просвѣщенія оставлялся подъ предсѣдательствомъ попечителя округа, который получалъ отъ намѣстника различныя разрѣшенія и приказанія по учебной части (20 ноября 1839 г.). Для юношества Царства Польскаго при Варшавской гимназіи и въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ устанавливались особые юридическіе курсы, для образованія кандидатовъ въ среднія судебныя должности Царства. Въ классахъ этихъ надлежало преподавать: 1) изложеніе сводовъ законовъ Имперіи на русскомъ языкѣ; 2) краткое обозрѣніе исторіи римскаго права на латинскомъ или русскомъ языкѣ; 3) краткое обозрѣніе польскаго законодательства; 4) гражданское уложеніе Царства, съ уставомъ гражданскаго судопроизводства; 5) уголовное уложеніе Царства съ уставомъ уголовнаго судопроизводства и 6) постановленія о гипотекахъ, нотаріатѣ, уложеніе коммерческое и прочія мѣстныя установленія Царства, а также исторію и статистику Россійскаго государства на русскомъ языкѣ, латинскую словесность съ помощью польскаго языка и русскую словесность на русскомъ языкѣ. Курсъ продолжался два года, подъ надзоромъ инспектора. Ученики этихъ классовъ, во время нахожденія въ нихъ, увольнялись отъ воинской конскрипціи, а окончившіе съ успѣхомъ ученіе—освобождались отъ конскрипціи и во время прохожденія ими пріуготовительной службы. Плата полагалась по 200 злотыхъ въ годъ съ ученика, но попечителю разрѣшалось освобождать отъ платы сыновей недостаточныхъ чиновниковъ и учениковъ, оказавшихъ отличные успѣхи въ гимназіи. Чрезъ три года по открытіи юридическихъ классовъ никто не могъ быть опредѣляемъ къ судебнымъ должностямъ 9 и 8 разрядовъ, равно въ губернскіе и уѣздные регенты, адвокаты или стряпчіе при первой и второй судебныхъ инстанціяхъ, если не окончилъ съ полнымъ успѣхомъ юридическаго курса при гимназіи. Въ русскихъ университетахъ преподаваніе юридическихъ наукъ для польскаго юношества сосредоточивалось преимущественно въ двухъ названныхъ университетахъ, для чего въ каждомъ изъ нихъ должны были быть открыты по двѣ каѳедры законовъ Цар-

ства Польскаго, а именно каѳедры: гражданскихъ законовъ, судопроизводства и постановленій о гипотекахъ, нотаріатѣ, уголовныхъ и административныхъ узаконеній. На содержаніи въ университетахъ на казенный счетъ полагалось 60 учениковъ, которые по окончаніи курса обязывались прослужить въ гражданской службѣ Царства не менѣе 10 лѣтъ. Въ высшихъ судебныхъ должностяхъ Царства, начиная съ должности судьи трибунала первой дистанціи, въ адвокаты или стряпчіе высшей судебной дистанціи могли поступать только окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ университетѣ юридическихъ наукъ (10—22 апрѣля 1840 г.).

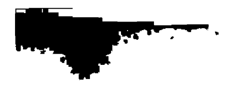
Въ видахъ упорядоченія лицея князя Безбородко и доставленія ему большихъ средствъ, какъ высшему учебному заведенію, утвержденъ новый уставъ лицея, а при немъ въ Нѣжинѣ особая гимназія, какъ приготовительное ко вступленію въ лицей заведеніе. Главная цѣль лицея состояла въ распространеніи основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Директоръ, избиравшійся попечителемъ округа и утверждавшійся министромъ, становился начальникомъ лицея во всѣхъ его частяхъ. Инспекторъ и профессора избирались совѣтомъ и утверждались тоже министромъ, которому предоставлялось, впрочемъ, „назначать въ профессора и по своему усмотрѣнію обладавшихъ ученою степенью“ (24 апрѣля 1840 г.).

Медико - хирургическія академіи оставлены: Московская — самостоятельнымъ учрежденіемъ (22 іюля), а Виленская—въ главномъ завѣдываніи управлявшаго Бѣлорусскимъ учебнымъ округомъ (20 августа 1840 г.), причемъ за выдаваемыя университетами и медико-хирургическими академіями свидѣтельства предписывалось взимать: на званія штабъ-лекаря и старшаго ветеринарнаго лекаря по 4 р. 50 к., а дантиста по 3 р. съ каждаго. Впрочемъ, Виленская академія чрезъ годъ была упразднена (1 августа 1842 г.).

Управленіе Варшавскаго учебнаго округа образовано изъ попечителя, вице-президента совѣта народнаго просвѣщенія, начальника правленія учебнаго округа и совѣта народнаго просвѣщенія. (19 іюня 1840 г.). Этому учебному округу, вслѣдствіе ощутительнаго недостатка въ немъ книгъ, императоръ Николай I пожаловалъ до 13.000 томовъ разнаго рода сочиненій (25 іюля 1840 г.).

По уставу гимназій и училищъ Варшавскаго округа они полагались: 1) первоначальныя, 2) обводовыя и 3) гимназія.

Въ *первоначальныя* допускались дѣти всякаго состоянія и обоего пола отъ 5 лѣтъ, но дѣвицы старше 11 лѣтъ не принимались, а обучались: закону Божію по краткому катехизису соотвѣтственно вѣроисповѣданія и священной исторіи; чтенію печатныхъ книгъ и рукописей на природномъ языкѣ и по возможности на русскомъ; чистописанію, четыремъ правиламъ ариѳметики, съ понятіями о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ имперіи и царствѣ, а въ сельскихъ училищахъ могли преподаваться и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, черченіе простыхъ геометрическихъ фигуръ и машинъ, въ земледѣліи употреблявшихся. Въ городахъ и колоніяхъ, населенныхъ ремесленниками, въ училищахъ могли обучаться и первымъ началамъ геометріи и механики, примѣненныхъ къ ремесламъ, понятія о технологіи, географіи царства и имперіи и техническое черченіе. Способъ обученія могъ быть обыкновенный, или по методѣ Ланкастера. *Обводовыя училища* должны были приготовлять учениковъ въ гимназіи и доставлять свѣдѣнія, соотвѣтственныя состоянію каждаго. Учить въ нихъ предписывалось: законъ Божій, русскій, латинскій, польскій и нѣмецкій языки, ариѳметику, геометрію, географію, исторію, чистописаніе, черченіе и рисованіе. Плата за учениковъ назначалась по 50 злотыхъ въ годъ, за исключеніемъ бѣдныхъ, которые учились даромъ. Въ *гимназіяхъ* полагались: ди ректоръ, инспекторъ, законоучитель и 13 учителей. Курсъ состоялъ изъ 7 классовъ, а преподавать надлежало: законъ Божій, священную и церковную исторію, польскій языкъ и словесность, русскій языкъ и словесность, греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій языки, логику, математику, географію, статистику, исторію, физику, чистописанію, черченію и рисованію, а по возможности и гимнастикѣ. Плата взималась: за первые четыре класса по 50 р., а за высшіе три класса по 200 злотыхъ въ годъ. Учителя обязывались внушать ученикамъ, что „преподаваніе ихъ есть только руководство на пути къ познаніямъ, которыя пріобрѣтаются одними лишь собственными усиліями", въ нижнихъ классахъ „объяснять и повторять вопросы, пріучать дѣтей къ разсужденію и соображенію, а въ высшихъ классахъ умственную дѣятельность учениковъ должно было еще болѣе развивать; простое диктованіе уроковъ безъ объясненій ни въ какомъ случаѣ не допускалось"; кромѣ того, учителя должны были „дѣйствовать на юныя сердца примѣромъ благонравія, трудолюбія, точнаго ревностнаго исполненія обязанностей и строгаго соблюденія не только правилъ



чести, но и необходимыхъ условій общежитія" (31 августа 1840 г.).

Положеніемъ объ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маремонтѣ, онъ дѣлился на земледѣльческое и лѣсное отдѣленія, причемъ слѣдовало образовывать: въ первомъ—способныхъ и практическихъ хозяевъ, которые въ состояніи были бы управлять значительными имѣніями, а во второмъ—опытныхъ лѣсоводовъ, для завѣдыванія казенными и частными лѣсами. Всѣ дѣла по институту разсматривались въ совѣтѣ народнаго просвѣщенія, а въ самомъ институтѣ хотя также полагался совѣтъ, но ему ввѣрялся лишь надзоръ за завѣдываніемъ заведеніемъ, его капиталами и хозяйствомъ. Начальство надъ институтомъ составлялось изъ директора. инспектора и профессоровъ. Воспитанники принимались казеннокоштными и своекоштными не менѣе 16 лѣтъ, по испытаніямъ о знаніяхъ, находившихся „въ ближайшемъ отношеніи къ сельскому хозяйству и лѣсоводству, и по свидѣтельству о нравственномъ и спокойномъ поведеніи отцовъ или опекуновъ и скрѣпленное комиссаромъ обвода, а равно по собственноручнымъ жизнеописаніямъ до поступленія въ институтъ" (31 августа 1840 года).

Для содѣйствія видамъ правительства къ распространенію просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, дозволено открывать частныя учебныя заведенія на установленныхъ правилахъ, но они, равно какъ и домашніе наставники поручались завѣдыванію попечителя округа и совѣта народнаго просвѣщенія. Заведенія эти дѣлились на три категоріи для обученія: приходящихъ, съ содержаніемъ и воспитаніемъ, посѣщавшихъ казенныя училища и для повторенія съ ними уроковъ. Домашніе учителя и наставники должны были исповѣдывать христіанскую вѣру, быть подданными имперіи или царства, удовлетворительно знать избранныя ими науки и быть доброй нравственности (18 января 1841 г.).

Учрежденные Варшавскіе педагогическіе курсы „имѣли цѣлію приготовленія учителей для обводовыхъ училищъ округа и доставленія лицамъ, посвящавшимъ себя частному преподаванію пріобрѣсть потребныя для того свѣдѣнія". Курсы эти поручались вѣдѣнію попечителя округа, а на нихъ преподавались: законъ Божій, педагогика, русскій и славянскій языки, польскій, нѣмецкій и латинскій языки, всеобщая исторія и географія, русская исторія и географія, ариѳметика и геометрія. Для усвоенія учениками метода пре-

подаванія предписывалось посылать ихъ въ обводовыя училища давать пробные уроки подъ наблюденіемъ директора курсовъ и Варшавской гимназіи. Отъ взноса платы они освобождались, а способнѣйшимъ изъ нихъ назначались стипендіи (по 75 руб. въ годъ), за которыя они обязывались прослужить пять лѣтъ, а за предосудительные проступки подвергались выговору, аресту и исключенію изъ курсовъ, по окончаніи которыхъ подвергались экзамену и получали аттестаты на званіе учителей обводовыхъ училищъ (2 апрѣля 1842 г.).

По уставу Кіевскаго университета онъ организовывался изъ трехъ факультетовъ, совѣта и правленія, а уставъ, въ общихъ чертахъ, сходствовалъ съ уставомъ другихъ университетовъ (9 іюня 1842 г.). Приходскія училища въ селеніяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ учреждались на основаніи общаго устава 1828 г., подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстныхъ палатъ и при вліяніи училищнаго начальства, а ученіе въ нихъ возлагалось на мѣстныхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, если они признавались на это способными, а также на учениковъ, уволенныхъ изъ семинарій, но еще не получившихъ мѣстъ при церквахъ. Объ открытіи каждаго такого училища палата государственныхъ имуществъ обязывалась увѣдомлять директоровъ училищъ, съ показаніемъ числа учителей и учащихся, а содержаніе училищъ относилось на счетъ общественнаго сбора (13 іюля 1842 г.).

Для приготовленія преподавателей первоначальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ Царства Польскаго утверждено было положеніе объ институтѣ первоначальныхъ учителей Варшавскаго учебнаго округа, въ м. Радзимики близъ Варшавы, въ вѣдѣніи попечителя округа. Курсъ продолжался годъ и имѣлъ цѣлью исключительно педагогическо-практическое направленіе; на курсахъ этихъ преподавались: первыя начала геометріи и механики, примѣненныя къ ремесламъ и художествамъ, свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, черченіе геометрическихъ фигуръ и машинъ, употреблявшихся въ земледѣліи, и понятіе о технологіи. Воспитанники дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ; первыхъ полагалось 36, а послѣднихъ столько, сколько могло помѣститься въ зданіяхъ института; желавшіе поступить въ институтъ должны были представить свидѣтельства объ окончаніи 4-го класса уѣзднаго училища и о поведеніи, а казеннокоштные обязывались прослужить опредѣленное число лѣтъ; содержались они на

всемъ готовомъ, на каждаго отпускалось 60 руб. серебромъ въ годъ. Окончившіе курсъ подвергались строгому словесному и письменному экзамену на польскомъ и русскомъ языкахъ (10 марта 1842 г.).

Образованная въ 1842 году комиссія разработала, а правительство утвердило положеніе о казенныхъ еврейскихъ училищахъ двухъ разрядовъ, причемъ предписывалось учить въ училищахъ: *перваго разряда* — законъ еврейскій, чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, съ началами грамматики, чтеніе и письмо на древнемъ еврейскомъ языкѣ, съ началами грамматики, четыре правила ариѳметики, понятіямъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ Россіи, нѣмецкій языкъ и начала россійской исторіи и географіи, а *втораго разряда*, соотвѣтствовавшихъ уѣзднымъ училищамъ, преподавались, кромѣ еврейскаго закона, русскій языкъ, со включеніемъ высшей части грамматики, ариѳметика всеобщая и въ особенности русская географія, всеобщая и въ особенности русская исторія, черченіе и чистописаніе, бухгалтерія, геометрія и механика, примѣненная къ промышленности; свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, химіи, въ соединеніи съ технологіею, рисованіе и общее понятіе объ отечественныхъ законахъ, порядки и формы судопроизводства, особенно по торговлѣ (13 ноября 1844 г.).

Императоръ Николай I, усмотрѣвъ, что нѣкоторыя изъ придворнослужительскихъ дѣтей, получивъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ министерства просвѣщенія, вступали потомъ въ учебную службу, повелѣлъ впредь не принимать въ учебныя заведенія сыновей придворныхъ служителей, не достигшихъ классныхъ чиновъ (13 января 1845 г.).

По поводу предположенія о возвышеніи платы за ученіе въ гимназіяхъ возникъ вопросъ, какъ затруднить доступъ въ нихъ для *разночинцевъ*. Министерство по этому случаю, приняло мѣры къ устраненію изъ гимназій дѣтей купцовъ, мѣщанъ и другихъ податнаго состоянія, а отсюда родилась надежда, что съ запрещеніемъ принимать безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ купцовъ и мѣщанъ заведенія сдѣлаются преимущественно мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, среднее же сословіе обратится въ уѣздныя училища. Тогда возникло опасеніе, какъ бы значительное увеличеніе платы за ученіе не повело къ тому, что публичное воспитаніе утратитъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ, тѣмъ болѣе, что „всѣ привыкли къ мысли, что

образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства". Это опасеніе побудило отсрочить увеличеніе платы на пять лѣтъ, а мѣры къ устраненію разночинцевъ изъ гимназіи одобрены (14 іюня 1845 г.).

Согласно ходатайству генералъ-губернатора западной Сибири объ опредѣленіи на службу молодыхъ людей, воспитывавшихся сперва—въ сибирской гимназіи, а потомъ—въ университетахъ, но изъ нихъ исключенныхъ за неодобрительное поведеніе, предоставлено, съ разрѣшенія мѣстнаго главнаго начальства, вступать этимъ молодымъ людямъ въ службу съ сохраненіемъ права на чинъ 14 класса, но съ утвержденіемъ въ немъ чрезъ годъ со старшинствомъ со времени опредѣленія и со включеніемъ въ ихъ послужныхъ спискахъ отмѣтокъ объ исключеніи ихъ изъ университетовъ (28 января 1847 г.).

Вслѣдствіе представленія министра юстиціи объ устройствѣ состава докладывающихъ на консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, разрѣшено назначать 4 окончившихъ въ университетѣ курсъ юридическихъ наукъ, кандидатовъ для приготовленія къ званію докладчиковъ, съ правами государственной службы и съ жалованьемъ адъюнктовъ университетовъ (по 714 руб. 80 коп. въ годъ), съ тѣмъ, чтобы четыре кандидата эти кромѣ занятія по консультаціи были командируемы въ сенатъ, для знакомства съ практическимъ дѣлопроизводствомъ, и чтобы черезъ два года они были замѣщаемы другими кандидатами, а сами получали мѣста по судебной части или преподавателей (9 мая 1847 г.). Университетскихъ приватныхъ слушателей рѣшено упразднить, а начавшимъ дозволено докончить начатый курсъ на прежнемъ основаніи, служащимъ и отставнымъ чиновникамъ, состоявшимъ въ числѣ этихъ слушателей, дозволено посѣщать лекціи съ разрѣшенія ректора и ихъ начальства, а затѣмъ подвергаться испытанію на ученую степень по первому разряду гражданскихъ чиновниковъ (16 іюня 1847 г.). При нѣкоторыхъ гимназіяхъ западныхъ и великороссійскихъ губерній учреждены классы россійскаго законовѣдѣнія (2 сентября 1847 г.). Для побужденія молодыхъ людей, имѣвшихъ по учебнымъ аттестатамъ право на классные чины начать службу въ губернскихъ мѣстахъ, обучавшихся въ университетахъ и получившихъ степень дѣйствительнаго студента—дозволено опредѣлять въ гражданскія и уголовныя палаты на вакансіи столоначальниковъ, съ выдачею до открытія вакансій до трех-

сотъ рублей каждому въ годъ, изъ экономической суммы сенатской типографіи (19 сентября 1847 г.).

Податныя сословія подвергались за преступленія и проступки тѣлесному наказанію, но къ лицамъ, изъятымъ отъ этихъ наказаній за полученное образованіе, были причислены и воспитанники, окончившіе курсъ: 1) въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя, хотя и не принадлежали къ числу среднихъ, но по преподаваемымъ въ нихъ предметамъ стояли выше уѣздныхъ училищъ; 3) не окончившіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курса, но оставившіе заведенія не по дурному поведенію или предосудительнымъ причинамъ, а съ одобреніемъ начальства въ нравственномъ отношеніи; 4) лица, получившія аттестаты на причисленіе ихъ къ первому разряду гражданскихъ чиновниковъ, или удостоившіяся званія дѣйствительныхъ студентовъ; 5) лица, получившія по испытанію свидѣтельства на званіе домашняго учителя; 6) лица женскаго пола, окончившія воспитаніе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и тѣ, которыя получили званіе домашнихъ учительницъ (12 января 1848 г.).

Для единообразія, въ общемъ порядкѣ управленія учебною частью въ Имперіи, изъ учебныхъ заведеній закавказскаго края образованъ особый Кавказскій учебный округъ, въ видѣ опыта на 3 года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока было представлено о перемѣнахъ и дополненіяхъ, какія окажутся необходимыми въ утвержденномъ положеніи объ этомъ округѣ, составленномъ изъ попечителя, помощника его, инспектора казенныхъ училищъ и цензурнаго комитета. Начальству этому вмѣнялось обращать „особенное вниманіе на обученіе русскому языку, какъ предмету первой необходимости и безъ котораго изученіе прочихъ предметовъ не можетъ достигнуть истинной цѣли". Въ краѣ вводились: двѣ гимназіи въ Тифлисѣ (одна дворянская, другая коммерческая), по одной въ Кутаисѣ, Ставрополѣ и Екатеринодарѣ; изъ гимназій въ Тифлисскую дворянскую допускались только дѣти князей, дворянъ, бековъ, меликовъ, агаларовъ, старшинъ горскихъ и кочевыхъ народовъ, чиновниковъ, священниковъ и діаконовъ православнаго и армянскаго исповѣданія, а въ прочія дѣти всѣхъ лицъ свободнаго состоянія, кромѣ крестьянъ: казенныхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ. Управленіе каждою гимназіею ввѣрялось непосредственно инспектору, подъ наблюденіемъ директора училищъ; каждая гимназія состояла изъ восьми

классовъ: приготовительнаго, или приходскаго, двухъ уѣздныхъ и пяти гимназическихъ; при Тифлисской же и Ставропольской гимназіяхъ учреждались еще по два спеціальныхъ класса для приготовленія учениковъ въ университеты и для образованія учителей въ уѣздныя училища, низшіе классы гимназій и домашнихъ учителей. Съ каждаго вольноприходящаго ученика взималось въ доходъ гимназіи по три рубля въ годъ; въ гимназіяхъ преподавались исторія кавказскаго и закавказскаго края и мѣстные языки. Отличнѣйшіе изъ окончившихъ гимназическій курсъ дворяне, беки и пр. удостаивались права на чинъ при вступленіи въ службу, а выпущенные съ одобрительными аттестатами утверждались въ чинѣ по прослуженіи года, если оказывались усердными и похвальнаго поведенія; отличнѣйшіе же изъ торговаго сословія при выпускѣ изъ гимназіи получали званіе личныхъ почетныхъ гражданъ, а прочіе—аттестаты, которые, однако, не давали имъ права поступленія въ службу. При гимназіяхъ полагались и пансіоны. Въ *уѣздныхъ училищахъ* полагалось образовывать дѣтей недостаточныхъ дворянъ и чиновниковъ, для службы въ низшихъ управленіяхъ, и дѣтей городского сословія для пріобрѣтенія познаній къ поступленію въ гимназію. Предметами этихъ училищъ считались: законъ Божій, русскіе языкъ и грамматика, мѣстный языкъ, ариѳметика, начальное основаніе географіи, преимущественно кавказскихъ мѣстъ, краткія понятія о канцелярскомъ обрядѣ и чистописаніе. Въ *приходскихъ училищахъ* обучали: закону Божію того исповѣданія, къ которому принадлежали мѣстные жители, русское чтеніе и письмо, чтеніе и письмо мѣстнаго языка и первыя четыре правила ариѳметики. (18 декабря 1848 г.).

Производившіеся казною на образованіе значительные расходы привели къ взиманію платы за слушаніе лекцій въ университетахъ: Петербургскомъ и Московскомъ — по 50 руб., Харьковскомъ, Казанскомъ и Кіевскомъ—по 40 руб., въ лицеяхъ: Ришельевскомъ и Безбородко и въ столичныхъ гимназіяхъ—по 30 руб., въ гимназіяхъ: Кіевской, Одесской и Таганрогской—по 20 руб., а въ прочихъ и уѣздныхъ училищахъ—по 5 руб. въ годъ (31 декабря 1848 г.). Затѣмъ штатъ казенныхъ студентовъ въ университетахъ ограниченъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема новыхъ, пока наличное число не достигнетъ этой нормы, тогда какъ штатныхъ студентовъ полагалось раньше въ университетахъ: Петербургскомъ—48, Московскомъ—156, Казанскомъ—171, Харьковскомъ —76,

Кіевскомъ—130, Дерптскомъ—71, а вмѣстѣ съ 29 стипендіатами Царства Польскаго—считалось 672 чел. Всѣ эти студенты обязывались прослужить опрѣдѣленное число лѣтъ, поэтому выведено было заключеніе, что ограниченіе числа касалось только своекоштныхъ студентовъ, что̀ и было признано правильнымъ (11 мая 1849 г.). Изъ студентовъ, исключавшихся изъ университетовъ, воспрещалось оставлять на жительствѣ въ томъ городѣ, гдѣ они были въ университетѣ, кромѣ только тѣхъ, которые жили въ городѣ при родителяхъ, но они обязывались имѣть за сыновьями строгое наблюденіе (10 декабря 1849 г.).

Съ постепеннымъ размноженіемъ учебныхъ заведеній увеличивалось и число поступавшихъ въ университеты изъ низшихъ сословій, и они, по окончаніи курса въ университетахъ, пріобрѣтали средство вступать въ военную и гражданскую службу, наравнѣ съ дворянами. Между тѣмъ „признано полезнымъ отдалить слишкомъ легкую возможность пріобрѣтенія дворянства службою". Хотя въ 1849 году и ограничено было число своекоштныхъ студентовъ, кромѣ медицинскаго факультета, — 300 челов. въ каждомъ университетѣ, почему при пріемахъ выбирали лишь самыхъ отличныхъ по нравственному образованію и число ихъ вошло уже въ норму вездѣ, кромѣ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, гдѣ ихъ считалось: въ первомъ—до 420, а въ послѣднемъ—до 450. Отсюда возникли вопросы: не слѣдовало ли предоставлять вакансіи преимущественно тѣмъ, которымъ по *происхожденію* и кореннымъ государственнымъ законамъ даровано право поступленія на гражданскую службу, или по прежнему допускать безъ различія всѣ свободныя и даже податныя состоянія, хотя въ томъ не представлялось надобности. Министръ полагалъ, что первый вопросъ слѣдовало разрѣшить утвердительно, тѣмъ болѣе, что лица „низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлались людями безпокойными и недовольными существующимъ порядкомъ вещей, особливо если не находятъ пищу своему чрезмѣрно возбужденному честолюбію, или на пути къ возвышенію встрѣчаютъ неожиданныя преграды". Поэтому онъ испрашивалъ и получилъ разрѣшеніе при пріемѣ въ Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій университеты своекоштныхъ сту-

дентовъ въ число 300,—отдавать преимущество тѣмъ, которые по происхожденію вправѣ вступать въ гражданскую службу, а прочихъ опредѣлять въ медицинскій факультетъ, если нормальное число 300 не пополнится кандидатами изъ привилегированныхъ сословій (26 января 1850 г.). Въ Петербургскомъ университетѣ разрѣшено образовать переводчиковъ молдавскаго языка, для бессарабскихъ присутственныхъ мѣстъ (16 января 1850 г.).

По уставу университетовъ 1835 г. при нихъ состояли педагогическіе институты, а въ каждомъ изъ нихъ полагалось на казенномъ содержаніи не менѣе 40 студентовъ, которые, сверхъ слушанія университетскихъ лекцій, должны были „получать руководства въ практическихъ упражненіяхъ по избранной ими отрасли наукъ, сочинять разсужденія, произносить пробныя лекціи и давать уроки. Наблюденіе за ихъ занятіями возлагалось на четырехъ профессоровъ главнѣйшихъ предметовъ, къ преподаванію которыхъ студенты институтовъ приготовлялись, съ прибавочнымъ профессорамъ жалованьемъ за это: въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ по 114 р. 39 к., а въ Кіевскомъ по 120 р. въ годъ.

Столь исключительное практическое приготовленіе учителей, какъ министръ лично удостовѣрился, не достигало своей цѣли, ибо оно „не придавало будущимъ учителямъ познаній полной системы воспитанія и образованія юношества“, отчего они „весьма только несовершенно могли приноровлять методы ученія къ возрасту, понятіямъ и способности учащихся“, а профессоры, „не ознакомленные подробно съ правилами педагогіи, какъ науки, которой они сами не слушали въ университетѣ“, не въ состояніи были быть надежными руководителями студентовъ, въ примѣненіи этихъ правилъ къ практическому употребленію. Это убѣжденіе, повѣренное министромъ опытомъ при обозрѣніи преподаванія въ значительномъ числѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ, привело его къ заключенію въ необходимости учредить въ университетахъ особую каѳедру педагогіи, какъ это уже болѣе 10 лѣтъ существовало съ очевидною пользою въ главномъ педагогическомъ институтѣ, и на профессора этой каѳедры возложить какъ теоретическое, такъ и практическое приготовленіе студентовъ къ учительскому званію, съ упраздненіемъ практиковавшагося способа, какъ оказавшагося неудовлетворительнымъ. Мѣра эта была утверждена (5/17 ноября 1850 г.).

Ректорамъ всѣхъ университетовъ и деканамъ факультетовъ преподаны инструкціи, по которымъ предписывалось усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ, причемъ профессора обязывались „предъ началомъ лекцій представлять декану подробную программу своего предмета, съ объясненіемъ объема и способа преподаванія“. Программы эти разсматривались и утверждались въ собраніяхъ факультетовъ, но ректоръ, усмотрѣвъ въ программахъ неудовлетворительность руководствъ или недостатокъ опредѣленности,—вносилъ программу со своимъ мнѣніемъ въ совѣтъ университета, а если совѣтъ большинствомъ голосовъ отвергалъ опасенія ректора, то онъ представлялъ ее вмѣстѣ съ совѣтскимъ опредѣленіемъ на разрѣшеніе министра, чрезъ попечителя. Равнымъ образомъ, деканъ, замѣтивъ, что профессоръ дозволялъ себѣ отступленія отъ программы, или вносилъ въ лекціи разсужденія, не имѣвшія непосредственнаго отношенія къ предмету ея,—доводилъ о томъ немедленно до свѣдѣнія ректора; деканъ же имѣлъ право требовать отъ профессора рукописныя его лекціи, для ближайшей провѣрки съ программою. По окончаніи учебнаго года или полугодія деканъ требовалъ отъ профессоровъ отчеты о пройденныхъ каждымъ изъ нихъ частяхъ науки, предлагалъ ихъ на обсужденіе факультета и его заключенія передавалъ ректору, который хранилъ ихъ для свѣдѣнія, или предлагалъ на разсмотрѣніе университетскаго совѣта. По окончаніи испытаній во всѣхъ факультетахъ, ректоръ повѣрялъ донесенія декановъ со своими замѣчаніями и представлялъ попечителю, а послѣдній министру. Въ часы, когда лекціи декана совпадали съ лекціями профессора, за чтеніемъ послѣдняго наблюдалъ ректоръ. Всѣ перечисленныя „мѣры надзора за духомъ и направленіемъ преподаванія считались достаточными къ предупрежденію зла, а гдѣ оно возникало, къ прекращенію его въ самомъ началѣ“, поэтому „за всякое неблаговременное открытіе предосудительнаго чтенія лекцій отвѣтствовали ректоръ и деканъ факультета“ (23 января 1851 г.).

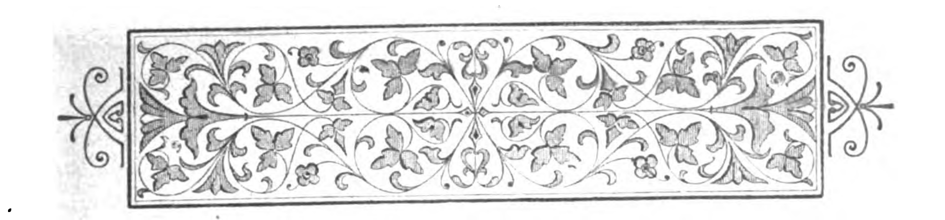
По возникшему вопросу, представлялось ли преподаваніе въ гимназіяхъ греческаго языка лишнимъ, получился отрицательный отвѣтъ, ибо изъ 74 гимназій греческій языкъ преподавался только въ 45 и то плохо. Оттого и было сохранено преподаваніе этого языка лишь въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ, съ назначеніемъ по одной въ каждомъ, для приготовленія молодыхъ людей въ историко-филологическіе

факультеты университетовъ, въ одной изъ Одесскихъ, Таганрогской, Нѣжинской и Кишиневской гимназіяхъ, — по значительности тамъ греческаго населенія, въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ, — въ виду особеннаго устройства Дерптскаго округа, какъ имѣвшему преимущественно филологическое приготовленіе молодыхъ людей къ высшему образованію; съ упраздненіемъ же въ 31 гимназіяхъ обученія греческому языку признано необходимымъ ввести въ нихъ курсъ естественныхъ наукъ, преподававшихся не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но и дѣвицамъ институтовъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Со введеніемъ этой мѣры не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревавшихся, по окончаніи курса, поступить на службу, но и облегчилось бы изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ (12 октября 1851 г.). Наконецъ, при преподаваніи греческаго языка предписывалось употреблять произношеніе природныхъ грековъ, принятое въ православныхъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ (14 марта 1852 г.).

Казеннокоштныхъ медицинскихъ студентовъ, воспитанниковъ и стипендіатовъ, увольнявшихся изъ университетовъ за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе, предписывалось опредѣлять на низшія медицинскія должности, для выслуги по разсчету положеннаго числа лѣтъ, за казенное содержаніе (29 апрѣля 1852 г.).

При уѣздныхъ училищахъ учреждены дополнительные курсы для преподаванія формъ дѣлопроизводства судебнаго порядка и бухгалтеріи (13 апрѣля 1854 г.).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

XII. Итальянскій походъ 1796—1797.

„Перлъ военнаго искусства.“—Лоди. Покореніе сѣверной и средней Италіи.—Арколэ и Риволи.—Новая Троя.—Юные противники.—„Философическое“ письмо и Венеція.—Леобенскіе „прелиминаріи“.—Гибель соперника.—Замиреніе и возвращеніе побѣдителя.

ПЛАНЪ итальянскаго похода, этотъ „перлъ военнаго искусства“, былъ сообщенъ, въ общихъ чертахъ, Робеспьеру уже въ 1794 г., когда Бонапартъ подспудно уже руководилъ итальяскою арміей. Но эта армія была тѣмъ слаба, что тотчасъ нельзя было и думать о наступленіи въ разрѣзъ между австрійцами и сардинцами. Оно начало подготовляться Бонапартомъ же изъ Парижа лишь съ осени 1795 года. Тогда, бладаря замиренію съ Испаніей, оказалось возможнымъ присоединить „пиренейскую“ армію къ итальянской. И французы, послѣ удачной битвы, снова овладѣли приморскими Альпами и утвердились въ отлично выбранныхъ позиціяхъ.

Отсюда-то 12-го апрѣля 1796 года „босоножки“, одушевляемые уже самимъ Наполеономъ, бросились тиграми на разбросанныя позиціи сразу озадаченнаго непріятеля. Они переваливали черезъ горы, переправлялись въ бродъ черезъ рѣки, обходили крѣпости. Они наносили неожиданные удары направо—налѣво, катясь лавой впередъ:

назади и съ боковъ кишѣли враги въ превосходныхъ силахъ. Но въ бою французовъ всегда было больше, иногда въ пять разъ, благодаря дивнымъ маневрамъ Бонапарта. Австрійцевъ не столько били, сколько забирали въ плѣнъ, какъ стадо барановъ: они уже пали духомъ передъ „роковымъ человѣкомъ". Ихъ ветераны говорили: „Бонапартъ совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе стратегіи и тактики. Онъ оказывается у насъ то передъ фронтомъ, то во флангѣ, не то и въ тылу. Такое грубое нарушеніе всякихъ правилъ положительно сбиваетъ съ толку. Мы не можемъ выносить этого". Въ двѣ апрѣльскія недѣли оборонительная линія союзниковъ была прорвана и весь Пьемонтъ очутился въ рукахъ французовъ. Сардинцы замирились, уступивъ побѣдителю живописный стратегическій ключъ, Ниццу, и Савойю, давшую имя пьемонтскому царствующему дому. Французы спустились въ благословенную равнину Ломбардіи и тотчасъ ошеломили міръ дивною атакой моста у *Лоди*, бѣглымъ маршемъ, подъ градомъ картечи и гранатъ, осыпавшихъ самого главнокомандующаго, который лично наводилъ пушки.

Такъ Бонапартъ „взялъ быка за рога", по его собственнымъ словамъ. И загремѣла его слава, уже не только какъ кабинетнаго стратега, но и какъ блестящаго тактика и храбреца, окруженнаго поэзіей кровавой драмы. А солдаты окрестили его тогда ласковымъ именемъ „капральчика". И развернулась истинная шехерезада. Зашевелились угнетенные народы Италіи. Миланъ встрѣтилъ побѣдителя какъ героя,—освободителя, озареннаго чудеснымъ сіяніемъ: Бонапартъ тотчасъ наградилъ его республиканскимъ правленіемъ. Парма, Пьяченца, Модена, папскія легаціи стали вассалами Франціи. Тоскана приняла ея гарнизоны. Неаполь отказался отъ союза съ Австріей и Англіей. Нельсонъ покинулъ Корсику, чтобы прикрыть Ирландію отъ французской высадки.

Все это была лишь присказка. Настоящей сказкой оказалась *Мантуя*. Эта неприступная крѣпость, на озерѣ. охранялась гарнизономъ, который почти равнялся всей боевой арміи Бонапарта. Австрійцы поразили міръ небывалой энергіей. Они затопили окрестныя низменности. У нихъ появились лучшіе вожди. Они высылали на выручку крѣпости свѣжія, хорошо снабженныя войска изъ стойкихъ славянъ, отважныхъ мадьяръ, отличныхъ стрѣлковъ и охотниковъ-тирольцевъ. Пришла даже часть отборной арміи эрцгерцога Карла, успѣвшаго прогнать

Журдана и Моро обратно за Рейнъ. Французы же оставались почти безъ подкрѣпленій; они истомлялись въ борьбѣ съ вдвое болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Армійка Бонапарта поворачивалась во всѣ стороны, переходя иногда, какъ маятникъ, одну и ту же рѣку взадъ и впередъ и не разъ сражаясь на одномъ и томъ же полѣ. Генералы почти всѣ были переранены. Въ самую рѣшительную минуту, казалось, смутился самъ герой: по крайней мѣрѣ, онъ предлагалъ товарищамъ отступить и возложить отвѣтственность за атаку на отчаяннаго Ожеро.

Конечно, осаждающая армійка, сама очутившаяся въ западнѣ, была бы вся взята въ плѣнъ массами австрійцевъ, какъ всѣ и ожидали, если бы Бонапартъ не развернулъ тогда всего своего генія. Онъ подъ ядрами крѣпости создавалъ осадный паркъ, самъ истреблялъ его, спѣша навстрѣчу новому врагу, потомъ опять налаживалъ его. Онъ одерживалъ побѣды даже дерзкими хитростями. Однажды онъ, съ тысячью человѣкъ, наткнулся на 4 000 австрійцевъ, которые потребовали сдачи; онъ завязалъ глаза ихъ вѣстнику, поставилъ его въ свое карре и такъ запугалъ, что самъ непріятель сложилъ оружіе. Въ другой разъ, попавши въ засаду, онъ прогналъ цѣлую армію врага, заславъ въ бокъ ей 25 трубачей, заигравшихъ атаку. Еще разъ онъ добылъ депешу Франца II въ австрійскую армію изъ желудка гонца, давъ ему рвотнаго. А главное, Бонапартъ день и ночь составлялъ все новые планы, одинъ геніальнѣе другого, отлично предвидя движенія понятаго врага. И они исполнялись съ молніеносной быстротой, которая всегда окружала непріятеля неожиданностями: солдаты говорили, что они выигрывали битвы „своими ногами". Наполеонъ имѣлъ право сказать: „Ганнибалъ взялъ Альпы штурмомъ, мы обошли ихъ во флангъ".

Оттого-то дѣло, напоминавшее героизмомъ осаду Трои, длилось всего 8 мѣсяцевъ. И вѣетъ эпосомъ отъ пресловутаго 3-дневнаго боя изъ-за моста у *Арколэ,* гдѣ вдвое болѣе слабые, чѣмъ врагъ, французы чуть не погибли всѣ, застрявъ въ болотѣ: самъ Бонапартъ едва спасся, попавши въ воду, когда онъ кинулся, какъ геній огня, на узенькій мостъ, впереди всѣхъ, со знаменемъ въ рукѣ, подъ градомъ пуль и картечи. Передъ нимъ палъ его адъютантъ; почти всѣ генералы были переранены. Эта дивная битва имѣетъ міровое значеніе: это—эпоха въ развитіи личности Бонапарта. Но самъ онъ говорилъ: „Моя жизнь началась въ *Риволи*", припоминая отчаянный бой изъ-за славнаго съ древности стратеги-

ческаго плоскогорья, гдѣ и искусный генералъ былъ бы пораженъ на-голову, а онъ уничтожилъ врага. Тутъ австрійцы впервые обнаружили смѣтливость. Они шли навѣрняка плѣнить Наполеона. Но герой вдохновеніемъ разгадалъ ихъ уловку и устроилъ западню имъ самимъ. Тутъ все зависѣло отъ пяти минутъ: и Массена прославился тѣмъ, что помогъ уловить ихъ и опередить австрійцевъ. Всѣ распоряженія Бонапарта подъ Риволи были такъ искусны, что во всѣхъ военныхъ школахъ они составляютъ обязательную страницу въ числѣ классическихъ образцовъ. Австрійцы въ четыре дня проиграли два генеральныхъ сраженія и шесть мелкихъ битвъ. Они обезсилѣли, пали духомъ. Вскорѣ, въ началѣ 1797 года, Мантуя сдалась. Бонапартъ великодушно согласился на почетныя для дряхлаго коменданта условія и уѣхалъ изъ лагеря въ день сдачи, чтобы не срамить сѣдинъ старика.

Тогда же пришло подкрѣпленіе: французовъ было уже 80.000. Бонапартъ не думалъ отдыхать. Онъ опасался соперниковъ: трусливая директорія съ трудомъ сдерживала Гоша и Моро, рвавшихся за Рейнъ, чтобы устремиться къ Вѣнѣ. Сами австрійцы вызывали на дальнѣйшій бой. Пользуясь бездѣйствіемъ французовъ у Рейна, Францъ II вызвалъ свою лучшую армію, подъ начальствомъ доблестнаго 25-лѣтняго эрцгерцога Карла; и она уже заняла Карпатійскія Альпы, собираясь обрушиться оттуда на французовъ. Бонапарту оставалось или отступать, губя всю свою свѣжую славу, или доканать врага, достать надменнаго Габсбурга въ его собственномъ гнѣздѣ. Это была слишкомъ большая дерзость; но счастливцу опять помогъ самъ врагъ. Вѣнскіе стратеги и царедворцы мѣшали Карлу, все затягивали и путали. Они не давали ему собрать всѣ свои силы для одного удара. А французы совершали такія же чудеса, какъ въ Италіи. Они искусно находили бродъ или перебѣгали черезъ узкіе потоки по ледянымъ мостамъ. Они шли въ снѣгу глубиной въ полсажени и сметали врага иногда однимъ своимъ видомъ, или давали ему молодецкія битвы даже „подъ облаками". Бонапартъ и Массена превосходили себя—одинъ въ военныхъ хитростяхъ, другой въ стремительныхъ атакахъ. При первой встрѣчѣ молодыхъ противниковъ, казалось, Карлъ одержитъ верхъ. Искусными маневрами онъ предупредилъ Наполеона при переправѣ черезъ р. Тальяменто. Усталые, шедшіе всю ночь французы ошалѣли, завидѣвъ его на другомъ берегу, готовымъ къ бою, въ грозной по-

зиціи. Бонапартъ будто испугался и расположился биваками. Австрійцы послѣдовали его примѣру и расположились на ночлегъ. Тогда французы вдругъ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и бѣгомъ бросились къ переправѣ. Австрійцы едва успѣли построиться и поспѣшно отступили. Карлъ смутился передъ счастливымъ соперникомъ: онъ сталъ дѣлать ошибки и легко былъ сбитъ съ дороги.

Быстро и торжественно подвигался Бонапартъ къ столицѣ Австріи: 7 апрѣля онъ былъ уже въ Леобенѣ, въ 150 в. отъ нея. А въ Вѣнѣ укладывали архивы и коронныя драгоцѣнности. Вдругъ побѣдитель остановился. Онъ зашелъ, съ истомленной арміей, вглубь непріятельской страны. Австрійцы, въ особенности же первобытные горцы Тироля, не понимавшіе никакихъ идей, поднимались массами за своего Габсбурга. Позади показались „пуделя", какъ называли отряды партизановъ изъ итальянцевъ, ожесточенныхъ грабежами „освободителей". А директорія словно забыла своего непокорнаго генерала, который становился слишкомъ опасенъ для нея.

„Въ Леобенѣ я объявилъ большой шлемъ, имѣя на рукахъ лишь 12 взятокъ", говорилъ Бонапартъ впослѣдствіи. Оставалось пустить въ ходъ макіавелизмъ дипломата. Наполеонъ написалъ письмо, которое онъ называлъ „философическимъ", а другіе могли бы назвать воззваніемъ къ мятежу противъ императора. Оно начиналось корсиканскою стрѣлой противъ Англіи, а кончалось такъ: „Неужели же нѣтъ никакой надежды придти намъ къ соглашенію? Неужели мы, въ самомъ дѣлѣ, все еще будемъ душить другъ друга, ради выгоды и страстей націи, удаленной отъ бѣдствій войны? Вы, г. главнокомандующій, въ силу своего развитія, стоите такъ близко къ престолу и такъ высоко надъ страстишками министровъ и правительствъ. Неужели вы не рѣшитесь заслужить званіе благодѣтеля человѣчества, истиннаго спасителя Германіи? Что касается меня, то знайте: если бы предложеніе, которое имѣю честь здѣсь сдѣлать вамъ, спасло жизнь хоть одного человѣка, я болѣе гордился бы заслуженнымъ за это гражданскимъ вѣнкомъ, чѣмъ той печальной славой, которая добывается военными успѣхами".

Въ Вѣнѣ господствовала оторопь. Она была безпомощна: Россія и даже Англія покинули Габсбурга на произволъ судьбы; Пруссія рвалась воспользоваться въ „отечествѣ" его бѣдствіями. А Бонапартъ, объявивъ

большой шлемъ, добылъ козырнаго туза: онъ предложилъ Францу II лакомый кусокъ—Венецію, въ обмѣнъ за Миланъ и Бельгію. Въ Вѣнѣ обрадовались: придворная партія мира возобладала. Бонапартъ сумѣлъ поддержать это настроеніе, внушая страхъ и смущая маститыхъ дипломатовъ Габсбурга нарушеніемъ всякихъ международныхъ приличій, какъ истинное „исчадіе революціи". Онъ не предъявилъ даже никакихъ „кредитивовъ": у него и не было такихъ полномочій отъ правительства. Въ самомъ началѣ переговоровъ, австрійцы предложили, какъ I статью договора, признаніе Австріей французской республики, чего давно домогалась директорія. „Потрудитесь вычеркнуть эту статью, воскликнулъ побѣдитель:—наша республика—то же солнце, взошедшее на горизонтъ. Если кто не видитъ ея, тѣмъ хуже для него самого!" Запуганные дипломаты Франца II сдались. 18-го апрѣля 1797 года были подписаны убійственныя для Габсбурга „прелиминаріи" или предварительныя условія.

Въ тотъ самый день Гошъ нанесъ австрійцамъ жестокое пораженіе на Рейнѣ, воспользовавшись отсылкой ихъ лучшихъ полковъ къ эрцгерцогу Карлу; Моро гналъ передъ собой ихъ остальныя войска въ Шварцвальдъ. Гошъ, подобно Бонапарту, двинулся на свой страхъ, истомленный трусостью и коварствомъ директоріи. Но было поздно: уже взошла звѣзда болѣе счастливаго соперника. Гошъ собирался взять въ плѣнъ окруженныхъ австрійцевъ, когда курьеръ изъ Леобена привезъ извѣстіе о заключеніи прелиминаріевъ. Вскорѣ сама директорія, испугавшись сказочныхъ успѣховъ Бонапарта, предложила Гошу роль своего „спасителя" отъ сильныхъ партій. Но герою-республиканцу суждено было опоздать и тутъ. 18-го фрюктидора (4 сентября) посланный Бонапартомъ Ожеро занялъ Тюльери и улицы Парижа. Двѣ недѣли спустя, внезапная смерть Гоша избавила Бонапарта отъ самаго опаснаго соперника. Въ то же время въ руки счастливца попали бумаги, уличавшія Барраса во взяткѣ въ 600.000 фр., которую дала ему Венеція для усмиренія побѣдителя: директорія окончательно попала въ его руки.

„Роковому человѣку" открывался свободный и славный путь къ Парижу; а тамъ его ждала готовая власть. Но онъ не спѣшилъ. Ему нужно было закрѣпить свое обаяніе чудесами дипломатіи, какъ лучшими плодами дивной итальянской кампаніи. Онъ заставилъ австрійцевъ вести переговоры объ окончательномъ мирѣ въ

Венеціанской области, въ своей главной квартирѣ, и сильно возвышалъ требованія, принятыя въ леобенскихъ прелиминаріяхъ. Напрасно Францъ II прибѣгалъ ко всякимъ уловкамъ, даже предлагалъ побѣдителю одно имперское княжество съ 250.000 подданныхъ и съ хорошими доходами. Напрасно онъ выслалъ Нестора европейской дипломатіи, хитраго Кобенцля. Бонапартъ посрамилъ сѣдины ископаемыхъ старомоднаго макіавелизма. Онъ морочилъ имъ головы то дорогими приманками, лестью и припадками довѣрчивости, то шельмованьемъ ихъ, угрозами, взрывами притворнаго гнѣва. Однажды онъ крикнулъ Кобенцлю: „Если Австрія желаетъ войны, то въ три мѣсяца она превратится въ груду осколковъ!“ И хлопнулъ о земь дорогую фарфоровую вазу, а самъ выбѣжалъ вонъ, чтобы не разразиться хохотомъ. Цѣлый мѣсяцъ длились дипломатическія схватки. Наконецъ, австрійцы должны были принять волю побѣдителя. Она запечатлѣлась въ томъ міровомъ событіи, которое носитъ названіе мира въ Кампо-Форміо (17 октября 1797).

Такъ какъ этотъ миръ разрушалъ нѣмецкую имперію, то для окончательнаго устройства Германіи положили собраться на конгрессѣ въ Раштаттѣ. Бонапартъ выѣхалъ туда, двѣ недѣли спустя, устроивъ свое завоеваніе въ Италіи. Онъ путешествовалъ не спѣша, черезъ Швейцарію. Въ Раштаттѣ онъ оставилъ своихъ уполномоченныхъ во главѣ дѣла. Затѣмъ онъ проѣхался по сѣверной Франціи, которой не зналъ раньше, и 5-го декабря вступилъ въ затаившій дыханіе Парижъ. Объ Рождествѣ пріѣхала къ нему жадно жданная Жозефина: въ послѣднее время она гостила въ Римѣ у Жозефа.

XII. Второй Цезарь.

Міровое значеніе итальянской кампаніи.—Переломъ въ героѣ.—„Резиденція“ въ Момбелло.—Кланъ и Жозефина.—Новый макіавелизмъ. — Война-пріобрѣтательница.—Судьба Венеціи.—Сюрпризъ съ папой.—„Республики сестры“.—Миръ въ Кампо-Форміо

Итальянскій походъ кончился. „Солдаты! Вы выиграли 14 генеральныхъ сраженій и 70 битвъ, взяли болѣе 100.000 плѣнныхъ и 2.500 орудій. Вы обогатили музеи Парижа болѣе чѣмъ 300-ми перловъ стараго и новаго искусства. Въ теченіе всей кампаніи вы кормились и оплачивались контрибуціями съ покоренныхъ странъ, да еще послали 30 милліоновъ въ казну“. Бонапартъ былъ

въ правѣ говорить такъ гордѣливо передъ лицомъ всего свѣта. Итальянскій походъ имѣетъ *міровое* значеніе.

Тогда родилась для всеобщаго сознанія личность Наполеона, какъ представителя начала вѣка, съ яркими чертами переходной эпохи, То была лучшая пора его жизни. Въ немъ проявилась какъ бы стихійная сила чудовищнаго переворота 1789 года: это „исчадіе революціи" совмѣшало въ себѣ ея геніальность и юношескую стремительную наивность, а также ея беззавѣтное насиліе въ борьбѣ съ окоченѣвшей стариной. Сверхъ того, то была личность, которая обаятельно освѣщалась догоравшими лучами молодости и лучшихъ завѣтовъ конца XVIII вѣка: мы видѣли, что Бонапартъ еще напоминалъ мимолетную лучшую пору македонскаго героя. И если вскорѣ въ немъ стали обнаруживаться замашки цезаризма и макіавелизма, то передовая интеллигенція готова была простить ихъ ему за проблески лучшаго будущаго въ духѣ просвѣщенія.

А эти замашки, эти безобразныя черты старины проявлялись явственно, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ обстоятельствъ. Вѣдь, уже съ самаго начала совершались опасныя таинства судьбы: непостижимымъ образомъ спасся командиръ отъ смерти у Лоди; два раза онъ избавился отъ неминуемаго плѣна, благодаря почти нечеловѣческой храбрости Ожеро и Массены. Кто устоялъ бы противъ такихъ перстовъ Провидѣнія! Но самое роковое вліяніе на душу Бонапарта имѣлъ бой подъ Арколэ. Тутъ отчаянный герой поставилъ все на карту— и словно чудомъ спасся изъ объятій смерти, почти засосанный болотомъ. Онъ почуялъ въ себѣ „рокового человѣка", выигравшаго тяжелую жизненную тяжбу. А тутъ самъ собой, безъ оффиціальныхъ распоряженій, образовался вокругъ него отборный отрядъ тѣлохранителей, съ собачьей преданностью,—ячейка знаменитой наполеоновской гвардіи. Онъ создалъ для него особую, горнюю атмосферу: главнокомандующій отдѣлился отъ товарищей; само собой исчезло лагерное панибратство и слагался церемонный этикетъ. Внѣшній блескъ долженъ былъ немедленно показать, что выросъ изъ обычныхъ рамокъ величія человѣкъ, который въ два года расширилъ границы Франціи до неимовѣрныхъ размѣровъ, измѣнилъ видъ Италіи, расправился съ папой, какъ съ провинившимся школьникомъ, разрушилъ Нѣмецкую имперію и заставилъ задуматься Англію.

Лѣтомъ 1797 года уже возникла „резиденція" новаго повелителя, въ лучшемъ уголкѣ материка, среди вол-

шебной панорамы ломбардскихъ озеръ, окруженныхъ вѣчными льдами Альпъ и веселы коврами благодатной равнины Ломбардіи. Пышный дворецъ *Момбелло* (сокращенное Монтебелло), подъ Миланомъ, утопающій въ зелени роскошнаго парка, сталъ убѣжищемъ восходящаго свѣтила, которому могли позавидовать и надменный Габсбургъ, и великолѣпная сѣверная Семирамида. Здѣсь, вокругъ скромнаго „капральчика“ - Діогена, кишѣли лакеи, повара и конюхи, адъютанты и ординарцы, изящные просители и лохмотники. Въ пышныхъ аудіенцъ-залахъ пестрѣли расшитые мундиры гордаго молодого штаба, подобострастныхъ посланниковъ и всякихъ депутатовъ. Отсюда ежеминутно скакали курьеры въ Парижъ, Вѣну, Берлинъ, Римъ, Неаполь и Бернъ. Ученые, писатели, художники воздавали лестью своихъ твореній за королевскій пріемъ. Изъ Милана наѣзжали чистокровныя аристократки, чтобы поднести букеты дамамъ Бонапарта.

При торжествахъ Наполеонъ выѣзжалъ восьмерней. Самъ онъ сталъ молчаливъ: его слова напоминали изреченія оракула.

Бонапартъ выписалъ въ Момбелло весь свой кланъ. Наконецъ-то его чадолюбивое сердце могло успокоиться! Кто бы не позавидовалъ тому положенію, на которое уже теперь вознесъ своихъ баловень счастья? Поживши всего двѣ недѣли подлѣ своего благодѣтеля, птенцы корсиканскаго гнѣзда разлетѣлись блаженными. Летиція возвратилиcь въ Аяччьо гордой монархиней. Жозефъ удалился въ Римъ на очень высокій постъ посланника, захвативъ съ собой Каролину. Люсьенъ, успѣвшій опять начудить такъ, что ему угрожала новая тюрьма, сталъ начальникомъ войскъ на Корсикѣ, а Люи—капитаномъ артиллеріи. Жеромъ былъ помѣщенъ въ парижскій коллежъ. Полина и Элиза были выданы замужъ и нашли въ своихъ свадебныхъ корзинкахъ по 40.000 фр. чистоганомъ и купчія на земли. Полина осталась въ Италіи, гдѣ ея мужъ, 24-лѣтній генералъ Леклеркъ, былъ назначенъ начальникомъ штаба.

За исключеніемъ Элизы, сестры были красавицы наподборъ, придававшія очарованіе новому двору. Особенно сводила всѣхъ съ ума граціозная „Полеттъ“ (уменьшительное отъ Полина), въ бюстъ которой влюблялись сто лѣтъ спустя. Недалекая, еле-грамотная кокетка, она сама увлекалась своими прелестями и находила, что науки и занятія только изуродовали бы ее. Она жила только поклонниками, считая, что все дозволено женщинѣ, ко-

торая можетъ имѣть у своихъ ногъ какого-угодно мужчину.

Но даже Полеттъ не могла сравняться въ очаровательности съ болѣе опытной хозяйкой Момбелла. Жозефина была истинною Цирцеей двора, изящно принимая дань поклоненія, съ привычнымъ достоинствомъ аристократки, и разсыпая кругомъ милости. Она прельстила всѣхъ тѣмъ изящнымъ тактомъ „свѣта", которому такъ поклонялся и завидовалъ капральчикъ. Креолка занималась всѣми, но такъ, что всякому казалось, будто она безпокоится только о мужѣ.

Но ее возненавидѣлъ кланъ, принесшій съ собой дрязги и козни, чтобы довершить сходство Момбелла съ старымъ дворомъ. Онъ весь сталъ теперь гордъ и честолюбивъ: каждый смотрѣлъ геніемъ и завоевателемъ. Во главѣ домашняго заговора стояли enfants terribles клана, Люсьенъ и особенно Элиза. Высокая, тощая, черномазая, большегубая, смахивавшая на мужчину, Элиза кипятилась тѣмъ больше, что она обладала дьявольскимъ честолюбіемъ, а вышла замужъ за своего дальняго родственника, бѣднаго капитана, итальянца Баччьоки (Bacchiochi). На сторону заговорщиковъ склонялась сама матрона клана. Ее затмевала легкомысленная женщина, вторгнувшаяся въ семью безъ ея разрѣшенія. Ей приходилось подавлять краску оскорбленнаго достоинства, легко проступавшую на ея прозрачной кожѣ, и вынужденно молчать, сознавая свое провинціальное корсиканское невѣжество. Летиція не переносила всей Жозефины—ея свѣтской развязности, ея шикарнаго туалета, даже ея назойливыхъ собаченокъ. Даже спокойный Жозефъ не дремалъ: онъ всячески льстилъ золовкѣ, а самъ собиралъ доказательства истинныхъ причинъ, задерживавшихъ ее въ Парижѣ.

Таковъ былъ „момбельскій дворъ". Все было пропитано въ немъ воздухомъ стараго порядка. А когда онъ поднимался на прогулку въ горы или по озерамъ, города и села наперерывъ выказывали благоговѣніе къ „освободителю". Когда же Бонапартъ выѣхалъ изъ Италіи, его поѣздка оказалась тріумфомъ повелителя Европы.

Въ Швейцаріи онъ подготовилъ демократическій переворотъ. Въ Раштадтѣ онъ дерзко подшучивалъ надъ князьями и владыками и публично прогналъ, какъ лакея, уполномоченнаго шведскаго короля, графа Ферзена, за то, что онъ былъ другомъ Маріи-Антуанеты. И всюду Бонапартъ могъ видѣть сотни своихъ портретовъ, ме-

далей и гравюръ, изображавшихъ его подвиги въ поэтическомъ преувеличенiи. А въ Парижѣ, на Трiумфальной Аркѣ, красовались имена его дивныхъ побѣдъ, И муниципалитетъ переименовалъ улицу его квартиры въ улицу Побѣдъ. Тогда же прозорливый Карно провидѣлъ въ Бонапартѣ „второго Цезаря, который не преминетъ перейти Рубиконъ при случаѣ".

Такого положенiя не создать сразу всѣмъ „великимъ людямъ", взятымъ вмѣстѣ: оно дается исторiей. То былъ плодъ всего, что создало „великую революцiю", которая стала узломъ судебъ всего мiра. Всѣ нити этого узла соединились въ рукахъ единственнаго исполнителя требованiй минуты, который умѣлъ гдѣ разсѣкать ихъ, гдѣ искусно распутывать. Момбелло уяснило самому Бонапарту его туманныя грезы. На этой опьяняющей почвѣ успѣховъ, гдѣ орудовали герои и поэты древняго Рима, генералъ революцiи созналъ себя, какъ властителя мiра: вѣдь, онъ умиротворялъ Европу, подводилъ основы подъ расшатанную Италiю и даже Францiю.

Врожденная повелительность сверкнула во всемъ—и въ его порывистыхъ, нервныхъ движенiяхъ, и въ безстрастныхъ чертахъ съ острымъ, какъ ножъ, взглядомъ, и въ лагерномъ лаконизмѣ непереводимаго слога, и въ неразборчивости почерка. Молчаливымъ Олимпiйцемъ, съ печатью великихъ тайнъ на челѣ, замыкался Бонапартъ въ уединенныхъ уголкахъ дворца или парка. Внезапный голосъ громовержца потрясалъ сердца изъ края въ край материка. „Я не потерплю инквизицiи и не позволю вашему сенату своевольничать! закричалъ онъ на пословъ Венецiи. Я буду для Венецiи хуже Аттилы! Не нуждаюсь ни въ вашемъ союзѣ, ни въ вашихъ интригахъ, а заставлю васъ повиноваться моимъ приказанiямъ".

Его взоры уже обращались къ Востоку. Изъ Анконы онъ писалъ въ Парижъ: „Отсюда можно въ 24 ч. добраться до Македонiи. Это мѣсто безцѣнно для нашего влiянiя на османское царство".

Такъ заговорилъ „роковой человѣкъ", послѣ всего, сдѣланнаго имъ въ 28-лѣтнемъ возрастѣ. Ему простительно было думать, что онъ одинъ совершилъ всѣ эти чудеса: вѣдь, и историки описываютъ итальянскiй походъ такъ, какъ будто не существовало ни Францiи, ни директорiи! Бонапартъ обогатилъ парижскую казну и все свое офицерство, выплатилъ жалованье солдатамъ съ лихвой, обмундировалъ ихъ заново и откормилъ. Онъ ошеломилъ мiръ, показавъ невиданную волю, въ соединенiи съ страшными инстинктами могучаго дикаря.

Всѣ, даже далеко за предѣлами Европы, только и занимались, что итальянскою кампаніей: и въ самыхъ серьезныхъ головахъ зарождалось подозрѣніе, что здѣсь орудуетъ какая-то непреодолимая таинственная сила, тѣмъ болѣе, что въ бюллетеняхъ о побѣдахъ не упоминалось имени виновника ихъ. Какъ *полководецъ*, Бонапартъ сразу поднялся далеко выше всѣхъ военныхъ свѣтилъ новой исторіи; спеціалисты признали его стратегію 1796 года „классическою"; она послужила генералу Жомини основой теоріи всего военнаго искусства. И два поколѣнія спустя, одинъ изъ главныхъ „хулителей" Наполеона, Ланфрэ, назвалъ итальянскую кампанію „лучшимъ созданіемъ его генія и перломъ военнаго искусства".

Но тогда же познали, что Бонапартъ—и первоклассный *дипломатъ*, которому суждено перевернуть политическій строй міра. Онъ и здѣсь пускалъ въ ходъ свою стратегію,—натискъ, запугиваніе, ловкіе обходы и раздѣленіе враговъ. Онъ и здѣсь разбивалъ формы пресловутой „традиціи", посрамляя сѣдины рутинеровъ. Но, по существу, у Бонапарта-дипломата отсутствовало творчество, которымъ онъ блисталъ на полѣ брани. Онъ руководился стародавнимъ *макіавелизмомъ*, слѣдуя собственному интересу, пренебрегая выгодами народовъ, внося всюду самую коварную интригу. Это объясняется не однимъ свойствомъ сферы, гдѣ лишь въ наши дни робко начинаютъ браться за другіе пріемы. Бонапарта окружала тлетворная среда. „Въ виду превратности здѣшнихъ судебъ—писалъ онъ родственнику одного убитаго офицера—кто не пожелалъ бы покинуть міръ, зачастую достойный одного только презрѣнія! Кто изъ насъ не жалѣлъ сто разъ о томъ, что ему не удалось исчезнуть изъ области клеветы, зависти и всѣхъ ненавистныхъ страстей, почти всецѣло управляющихъ здѣсь поступками человѣка?"

Вотъ гдѣ созрѣвалъ корсиканецъ, прирожденное лукавство котораго уже изощрялось горькою нуждой, неудачами юности и революціонною анархіей! И окружающія обстоятельства взывали къ самой холодной, безпощадной расчетливости: неизбѣжно приходилось быть или молотомъ, или наковальней. Чтобы удержаться на своей опасной высотѣ, Бонапартъ долженъ былъ всякими изворотами бороться не только съ прямыми врагами, но и съ итальянцами, которыхъ поджигали друзья старины, и даже съ самою директоріей.

Зато юный ученикъ престарѣлыхъ Макіавелей далеко

превзошелъ своихъ наставниковъ: рядъ его дипломатическихъ побѣдъ—своего рода итальянскій походъ. Бонапартъ умѣлъ не только опутывать противника самыми тонкими, невидимыми паутинами, но и заметать слѣды своихъ некрасивыхъ работъ. Такъ, хвастаясь передъ солдатами „300-ми перлами искусства", онъ увѣрилъ міръ, что это „грабятъ" комиссары директоріи, которые стащили даже чудотворную икону Лоретской Божіей Матери. Онъ былъ правъ въ одномъ: и здѣсь это былъ лишь исполнитель чужой системы, которую ввелъ впервые конвентъ въ Бельгіи и Голландіи. Сама директорія приказывала ему въ началѣ итальянской кампаніи: „Увозите изъ Италіи все, что можно и что сколько-нибудь полезно". Но оставался на лицо разбойничій фактъ, столь же величественный, какъ груды труповъ на поляхъ Италіи. Въ то время, какъ Гошъ разстрѣливалъ своихъ солдатъ за грабежъ, Бонапартъ собралъ одними франками (не говоря про „реквизиціи" всякихъ благъ, не исключая рѣдкихъ рукописей, картинъ и статуй) до 115 милліоновъ; а Венеція поплатилась еще пятью кораблями. „Ученый комитетъ сдѣлалъ хорошую жатву", писалъ побѣдитель директорамъ: болѣе 300 перловъ искусства для словолюбивыхъ парижанъ, а для женщинъ и „свѣта"—драгоцѣнности и много „всего любопытнаго". И умершій въ 1803 г. Альфьери завѣщалъ итальянцамъ ненависть къ французамъ.

Въ то же время Наполеонъ уже чернилъ своего покровителя, Карно, преслѣдовалъ Массену и Ожеро, подкапывался подъ Гоша, который писалъ ему: „О, мужественный юноша! Кто изъ воиновъ республики не горитъ желаніемъ подражать тебѣ? Веди наши побѣдоносныя войска дальше и предоставь намъ заботу о твоей славѣ!" Подлѣ Бонапарта уже видимъ жадныхъ банкировъ и воровскихъ интендантовъ. Онъ льститъ знати, клиру, богачамъ, а интеллигенція, патріоты и студенты у него уже—„якобинцы" и „идеологи".

То же самое должно сказать о міровыхъ послѣдствіяхъ дипломатіи Наполеона уже въ то время. Всѣ они были подготовлены исторіей: онъ лишь продолжалъ путь, начатый революціей. Какъ мы видѣли (гл. VIII), путь этотъ также былъ неизбѣженъ: онъ не былъ измышленъ жирондистами, какъ прежде усиливались доказать историки, съ нѣмцемъ Зибелемъ во главѣ *).

---

*) *Sybel*: Geschichte der Revolutions—Zeit. 1853—1860. Новое изданіе 1882 г.

Неопредолимая сила обстоятельствъ, выдвигаемыхъ старымъ порядкомъ, толкнула революцію на путь войны-пропаганды (гл. VII), которая была также отголоскомъ настроенія эпохи, требованіемъ „братства", космополитизма.

Эти истины были мѣтко высказаны въ самомъ началѣ конвента въ словахъ аббата Грегуара: „Всѣ правительства—наши враги, всѣ народы—наши друзья: *или мы погибнемъ, или они будутъ свободны*!" Даже измѣнившій потомъ Франціи Дюмурье мечталъ тогда видѣть ее окруженною „поясомъ республикъ-сестеръ". И народы откликнулись на призывъ идеалистовъ Просвѣщенія. Въ Парижъ стекались депутаціи разныхъ народовъ, не исключая англичанъ, просившихъ помочь имъ завести собственные „національные конвенты". Пьемонтцы, прирейнскіе нѣмцы и бельгійцы сами просили присоединить ихъ къ великодушной республикѣ.

Съ началомъ 1793 г. картина измѣнилась. Въ конвентѣ новая политика „чувства" уступила мѣсто старой политикѣ „реальныхъ интересовъ": теорія войны-пропаганды смѣнилась теоріей *войны-пріобрѣтательницы*. Уже жирондисты выставили мысль объ „естественныхъ границахъ", вытекавшую, въ свою очередь, изъ ученія Руссо. Якобинцы упорно заговорили о Рейнѣ, Альпахъ и Пиренеяхъ и указывали на примѣръ римлянъ, которые дѣлали „реквизиціи" — поборы людьми и добромъ въ покоренныхъ странахъ. И первая коалиція была разгромлена. Въ три года дивной войны республика даровала Франціи естественныя границы (гл. VIII).

Такіе военные успѣхи, завершенные блестящимъ базельскимъ миромъ, умиротворили Францію и внутри: какъ мы видѣли (гл. VIII), они помогли паденію террора. Среди термидорцевъ выступала даже партія мира во что бы то ни стало, — хотя бы и съ прежними границами. Но она поддерживалась главнымъ образомъ роялистами. Оттого, послѣ побѣды надъ ними 13-го вандемьера, конвентъ закончился указомъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи.

Одинъ изъ директоровъ, Ревбель, заправлявшій иностранною политикой, тотчасъ же справедливо заявилъ одному дипломату: „Возвращеніе къ старымъ границамъ не только покрыло бы Францію позоромъ, но и привело бы къ разрушенію республики. Арміи, возвратившись домой, гдѣ ихъ нельзя содержать, живо пожрали бы остатокъ національныхъ имуществъ; и вспыхнуло бы междоусобіе, которое послужило бы другимъ государствамъ знакомъ уготовать Франціи судьбу Польши. Между тѣмъ,

въ одной Бельгіи есть на 3 милліона національныхъ имуществъ, а въ остальныхъ занятыхъ странахъ—еще больше: вотъ единственное средство погасить ассигнаты!" Другіе члены директоріи все говорили о поясѣ республикъ-сестеръ, зависимыхъ отъ Франціи. Изъ Голландіи была создана Батавская республика. Сіейсъ даже выработалъ планъ „секуляризаціи" или обмірщенія духовныхъ фюрстовъ Германіи, т. е. лишенія ихъ владѣній.

Такъ до Бонапарта Франція рѣшительно стала на путь присоединеній, съ помощью революціонной пропаганды повсюду, въ особенности же по сосѣдству—въ Германіи, Швейцаріи и Италіи. Онъ только блистательно разрѣшилъ данную ему задачу. Италія послужила ему поприщемъ первыхъ и самыхъ знаменитыхъ побѣдъ не только на полѣ брани, но и за зеленымъ столомъ дипломатіи.

Эта страна, съ ея политической путаницей, была какъ бы создана для того, чтобы капральчикъ явилъ міру перлы своего дипломатическаго искусства,—этой смѣси наглаго обмана съ насиліемъ, самой скаредной разсчетливости съ юношеской идеализаціей. Бонапартъ, который объяснялся однимъ манеромъ съ директоріей, другимъ,— съ своими близкими, говорилъ однимъ языкомъ съ „народами" Италіи, другимъ—съ ихъ „тиранами", которыхъ пугалъ революціей, но пока оставлялъ на престолахъ, впрочемъ, съ правомъ „вмѣшательства" въ ихъ дѣла. „Идите къ намъ съ довѣріемъ! Наша армія—ваша освободительница, вашъ братъ и другъ!" взывалъ онъ къ итальянцамъ. „Эти прокламаціи и рѣчи—не болѣе, какъ романъ; пора бросить эти средства!" шепталъ онъ своимъ наперсникамъ.

И вотъ, революціонная армія перерождается. Заброшенная правительствомъ, впервые узнавшая слово „богатство" изъ устъ своего идола, она превращалась въ мародеровъ и гладіаторовъ. „Стыдно было за человѣка!" признавался самъ вождь. Но онъ не принималъ мѣръ противъ поставщиковъ и офицеровъ, обратившихъ военное дѣло въ „ярмарку, гдѣ все было продажно". Разъ только упрекнулъ онъ слишкомъ загребистаго Массену; но замолчалъ, когда тотъ проспрягалъ ему, въ отвѣтъ, глаголъ „воровать". Дошло до того, что итальянцы, съ такимъ восторгомъ встрѣтившіе „братьевъ освободителей", стали вырѣзывать ихъ гарнизоны, когда они ушли въ Тироль, съ криками: „Вонъ варваровъ!"

Верхомъ совершенства были интриги съ *Венеціей* и

папой. Бонапартъ восхитительно льстилъ олигархамъ лагунъ въ то самое время, когда подписывалъ въ Леобенѣ „новый раздѣлъ Польши“, какъ называли ихъ погибель: это коварство поразило даже самыхъ опытныхъ дипломатовъ, заматерѣлыхъ въ лицемѣріи и своекорыстіи. Венеція была чрезвычайно важна, по своей близости къ Австріи и Востоку; она владѣла большею частью Ломбардіи, Истріей, Далмаціей и Іоническими островами. Наполеонъ отлично зналъ слабую струну олигархіи, которая управляла республикой, какъ своей вотчиной. Всѣмъ опротивѣлъ ея таинственный деспотизмъ средневѣковья: вездѣ уже распространился демократизмъ, подъ вліяніемъ французовъ; „патріоты“ устраивали революціонные клубы.

Олигархія выставила противъ нихъ крестьянина — грубаго, безграмотнаго славянина, котораго подстрекали монахи. Онъ устроилъ, на Святой, цѣлую „Веронскую Вечерню“, избивая прогрессистовъ и особенно французовъ, даже ихъ дѣтей и больныхъ. Бонапартъ, считавшій Венецію „самымъ достойнымъ свободы городомъ Италіи“, подавилъ эту противореволюцію. Олигархія вооружилась; а онъ, съ притворной наивностью, предложилъ ей союзъ, съ условіемъ щадить „патріотовъ“, какъ называли себя демократы. Онъ былъ увѣренъ въ отказѣ, который далъ бы ему поводъ расправиться съ дожемъ, какъ мстителю за нанесенное Франціи оскорбленіе и за угнетенную свободу. Такъ и случилось. Тогда французы заняли венеціанскія земли и помогли „патріотамъ“ устроить временное правительство.

Бонапартъ заключилъ дружественный договоръ съ патріотами, обезпечивая имъ свое покровительство—не дешево: онъ взялъ съ нихъ 6 милл. франковъ, 5 кораблей, 20 картинъ и 500 рѣдкихъ рукописей; да еще отправлена была французская экспедиція занять острова республики на Средиземномъ морѣ. Договоръ былъ заключенъ 16 мая 1797 г. 24-го Бонапартъ предложилъ, въ Леобенѣ, Венецію Францу II. 26-го онъ возвѣстилъ ея временному правительству: „Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все, что могу, чтобы доказать вамъ, какъ горячо желаю упроченія вашей свободы. Вы увидите, какъ мнѣ хочется, чтобы бѣдная Италія, теперь покрытая славой и избавленная отъ иноземщины, снова заняла на міровой аренѣ, среди великихъ націй, мѣсто подобающее ей по ея природѣ, положенію и предназначенію. 27-го мая Бонапартъ писалъ директоріи: „Венеція падала съ открытія Мыса Доброй Надежды и возвыше-

нія Тріеста съ Анконой: врядъ ли переживетъ она удары, нанесенные ей нами. Это—жалкое, трусливое, вовсе не созданнное для свободы населеніе, безъ земли и воды: было бы естественно, если бы мы предоставили его тѣмъ, которымъ передали его материковыя владѣнія. Мы возьмемъ всѣ корабли, очистимъ арсеналъ, увеземъ пушки, разрушимъ ихъ банкъ. Оставимъ также за собой Корфу и Анкону". И Венеція была отдана Габсбургу, причемъ ея западная часть была присоединена къ Цисальпинѣ, а Іоническіе острова—къ Франціи.

Еще восхитительнѣе и важнѣе для будущаго была политика Бонапарта съ *папой*. Она такъ тонка и дальновидна, что тогда никто не понималъ ея, приписывая ее капризу момбельскаго божка. Тучный 80 лѣтній добрякъ, Пій VI, тоже былъ въ Аркадіи: въ эпоху Просвѣщенія, онъ предавался модѣ реформъ, осушалъ Понтинскія болота и улучшалъ пути сообщенія. Но послѣ 1789 г. онъ ударился въ реакцію, подъ вліяніемъ надменныхъ кардиналовъ, которые кричали, что „сдѣлаютъ Вандею изъ Легатствъ" (сѣверная часть Церковной Области). Ватиканъ сталъ гнѣздомъ французскихъ эмигрантовъ и священниковъ, не присягавшихъ республикѣ. Даже былъ убитъ французскій посланникъ; и папа собиралъ армію, чтобы ударить, вмѣстѣ съ неаполитанцами, въ тылъ Бонапарту. Наполеонъ вскипѣлъ, соглашаясь на этотъ разъ съ директоріей, которая требовала уничтожить свѣтскую власть папы, ибо „католицизмъ—непримиримый врагъ республики". Онъ отхватилъ у св. отца Легатства и Авиньонъ.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ началъ выказывать папѣ сыновнее почтеніе и называть себя „защитникомъ религіи". Его покровительствомъ стали пользоваться даже бѣжавшіе въ Римъ „неприсяжные" священники. Наполеонъ оправдывался передъ директоріей требованіями „гуманности", а наперсникамъ говорилъ, что нужно щадить „старую лигу". Бывшій якобинецъ понялъ обаяніе качества надъ массами: онъ уже задумывался надъ своимъ великимъ будущимъ. И не ошибся. Пій VI благодарилъ „милаго сына" за сохраненіе остатковъ своей власти. Одинъ кардиналъ подарилъ „милостивѣйшему покровителю и защитнику католицизма" бюстъ Александра Македонскаго. Католическія массы не только во Франціи, но и во всей Европѣ, стали сочувствовать побѣдителю, дѣлая невыгодныя для директоріи сравненія между его поступками и ея церковной политикой.

Вообще же въ Италіи была введена система *респуб-*

ликъ-сестеръ. Исполняя завѣтъ революціи, Бонапартъ сразу рѣшилъ превратить Ломбардію въ могучее демократическое государство. Спустившись съ Альпъ, онъ тотчасъ возвѣстилъ объ избавленіи итальянцевъ отъ „тирановъ". И, среди ликованій интеллигенціи и буржуазіи, тамъ рухнулъ феодализмъ, съ средневѣковымъ духомъ зависти между городами и провинціями. Затѣмъ были уничтожены троны такихъ мелкихъ сосѣднихъ монарховъ, какъ владѣльцы Пармы и Модены. А по миру въ Кампо-Форміо, Габсбургъ призналъ эту *Цизальпійскую* республику, въ составъ которой вошли, кромѣ Австрійской Ломбардіи (герцогство Миланъ), западныя области Венеціи (Верона и проч.), герцогства Модена и Мантуа, да три папскія Легатства. Она была устроена по парижскому образцу; и Бонапартъ самъ назначилъ ей пять директоровъ; много французовъ заняли въ ней должности, и ихъ войска остались для ея охраны.

Единство Цизальпины подрывали двѣ сосѣдки—Венеція и Генуя, гдѣ господствовали такіе же пережитки средневѣковья, какъ у мелкихъ монарховъ. Мы видѣли судьбу первой изъ нихъ въ желѣзныхъ рукахъ Бонапарта. Вторая живо была превращена имъ въ демократическую *Лигурійскую* республику, хотя ее охранялъ англійскій флотъ.

Годъ спустя, директорія довершила дѣло Бонапарта. Тогда въ Римѣ тоже повѣяло новымъ духомъ; подъ вліяніемъ французскихъ якобинцевъ, интеллигенція и буржуазія возстали противъ ретроградства папы; а подстрекаемая монахами толпа стала бить и грабить ихъ; былъ даже застрѣленъ одинъ французскій генералъ. Тотчасъ явилась армія Массены—и возникла *Римская республика* (1798), съ консулами и трибунами. У Пія VI отняли все—до перстней съ пальцевъ. Его таскали изъ города въ городъ, пока не водворили во Франціи, гдѣ онъ умеръ нѣсколько недѣль спустя. Тогда же директорія довершила систему республикъ-сестеръ и за предѣлами Италіи. „Ее прельщали бернскія сокровища", говорилъ Бонапартъ, который подавалъ ей примѣръ и самъ совѣтовалъ лишить Швейцарію независимости, чего не допускалъ благородный республиканецъ Карно: завоеватель понималъ стратегическое значеніе этого ключа къ Италіи и Южной Германіи.

Въ этомъ свободномъ Союзѣ также свирѣпствовало средневѣковье. Шла ожесточенная борьба между различными національностями и религіями, между „привилегированными" и „канальей", между старыми канто-

нами и ихъ „подданными“ землями, наконецъ, между однимъ и другимъ кантономъ. Въ каждомъ кантонѣ власть принадлежала старомодной олигархіи „патриціевъ“; вездѣ процвѣтали такіе же цехи, барщины и застѣнки, какъ въ любой старой монархіи. Ихъ главныя гнѣзда, Бернъ и Женева, стали убѣжищами французскихъ эмигрантовъ и англійскихъ агентовъ. Въ 1798 г., подъ вліяніемъ Парижа, возстали массы, угнетенныя олигархами. Ими руководили базельскій цеховой Оксъ да бернскій адвокатъ Лагарпъ—благородный, просвѣщенный космополитъ, который возвратился тогда изъ Петербурга, гдѣ онъ 13 лѣтъ воспитывалъ дѣтей Павла I.

Возставшіе обратились за помощью къ директоріи. Та послала къ олигархамъ парламентера, но онъ былъ убитъ. Тогда явились французскія войска—и „бернскіе господа“ лишились своихъ 43 милліоновъ, а древній Союзъ 13-ти кантоновъ превратился въ *Гельветскую* республику—единую, демократическую, съ свободой совѣсти и слова, съ уничтоженіемъ „подданныхъ земель“. Во главѣ „директоріи“ стали Лагарпъ и Оксъ. Новыя начала оказались такъ благодѣтельны, что они уцѣлѣли до нашихъ дней, несмотря на многія попытки ретроградовъ воскресить удушливый феодализмъ.

Оставалось порѣшить съ третьей сосѣдкой Франціи,—съ Германіей. Мы уже видѣли (гл. VIII), какимъ ловкимъ Макіавелемъ оказался Бонапартъ въ Леобенѣ. Онъ отлично понялъ, что Россія и Пруссія рады были дѣлить Польшу съ Габсбургомъ, но вовсе не желали проливать свою кровь изъ-за него. Отсюда та геніальная смѣлость выскочки, которая привела къ дипломатическому чуду—къ миру въ *Кампо-Форміо*. То было невиданное посрамленіе маститаго Габсбурга; то была гибель всей старой Германіи и основа міродержавія Наполеона.

Франція пріобрѣтала Бельгію, рейнскую границу и Іоническіе острова; а Австрія теряла, кромѣ Бельгіи, Ломбардію, получая взамѣнъ коварный даръ—Венецію съ Истріей и Далмаціей. Германія лишилась лѣваго берега Рейна; а владѣвшіе имъ князья получали вознагражденіе на правомъ берегу, посредствомъ „секуляризаціи“ тамошнихъ духовныхъ князей. За всё это часть Баваріи отходила къ Австріи; и Габсбургу давалось обезпеченіе въ томъ, что прусскій Гогенцоллернъ не будетъ расширять своихъ владѣній: такъ Бонапартъ втягивалъ императора въ заговоръ революціи противъ его собственнаго нѣмецкаго „отечества“. Францъ II тотчасъ же передалъ

французамъ важную имперскую крѣпость Майнцъ, въ обезпеченіе условій мира. По его приказу, имперскіе чины собрались на конгрессъ въ Раштатѣ, чтобы утвердить погибель старой Германіи. Наконецъ, Габсбургъ призналъ всѣ перемѣны въ Италіи, т. е. отрекался отъ возврата къ своему прежнему величію.

Наполеонъ имѣлъ право сказать про миръ въ Кампо-Форміо: „Старая машина развалилась сама собой!“ Ея неудачливые механики полетѣли съ своихъ црестоловъ: пьемонтскій скрылся на о. Сардинію, неаполитанскій—на о. Сицилію, тосканскій очутился досужимъ человѣкомъ въ Вѣнѣ, голландскій—въ Берлинѣ. Ихъ замѣнили „сестры“, вѣрнѣе—дочери Франціи, новорожденныя республики. Сгинули гвозди средневѣковья: папа сидѣлъ подъ арестомъ во Франціи; древняя Германія расползалась; ея императоръ сохранялъ лишь пустой титулъ, который также вскорѣ исчезъ. Всюду на развалинахъ затхлаго феодализма распоряжались юркіе французскіе республиканцы. Они уже продвигались на Востокъ: въ ихъ рукахъ очутились Іоническіе о-ва, Албанія и Мальта. Европа и вправду перемѣняла свое лицо.

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Беатриче Ченчи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Переводъ съ итальянскаго Г. Львовича и Э. Русаковой*).

(Продолженіе).

XI.

Оселъ.

ВЕРДІАНА съ нетерпѣніемъ ожидала священника.

— Боже мой, бормотала она,—какъ долго онъ не возвращается... Можетъ быть, его задержали дѣла... А можетъ быть, случилось что-нибудь съ Марко — (Марко назывался оселъ, на которомъ священникъ уѣхалъ) или, можетъ быть, самого священника постигло какое-нибудь несчастье... О, пресвятая Дѣва!—въ несчастіяхъ нѣтъ никакой разницы между Марко и священникомъ: и людей, и животныхъ всегда могутъ постигнуть несчастья...

Вдругъ, послышался громкій ревъ Марко. Вердіана подбѣжала къ окну. Марко выпилъ луну?.. Такъ, по крайней мѣрѣ, одно время думали въ домѣ священника... Вердіана, благодаря увѣщаніямъ священника, впослѣдствіи нѣсколько усомнилась въ этомъ, что же касается Джанникіо, то разубѣдить его было невозможно. Джанникіо былъ беднѣе Лазаря; платье его состояло изъ лохмотьевъ и заплатъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бѣдняковъ, которымъ мать-природа, вмѣсто благословеній, даетъ лишь оплеухи. Все, что онъ дѣлалъ, выходило навыворотъ: бралъ онъ посуду,—она распадалась въ его рукахъ, спѣшилъ онъ куда нибудь—натыкался на стѣну и расшибалъ носъ тому, кому хотѣлъ помочь. Священникъ иногда говорилъ, что онъ навѣрное работалъ при постройкѣ башни вави-

лонской. Тѣмъ не менѣе этотъ Джаннікіо—malanno, этотъ Ивенушка-дурачекъ, какъ его называли, былъ такъ добродушенъ, услужливъ и привязчивъ, что изо дня въ день являлся къ священнику и здѣсь проводилъ свою жизнь.

Близъ священническаго дома былъ колодецъ и возлѣ него каменный желобъ, гдѣ поили скотъ. Въ одинъ вечеръ Марко поздно вернулся домой,—священникъ давалъ его доктору, лошадь котораго захромала. Полная луна отражалась въ небольшомъ количествѣ воды, бывшей въ желобѣ. Джаннікіо привелъ Марко на водопой и заглянувъ въ желобъ, увидѣлъ луну. Оселъ жадно припалъ къ водѣ, выпилъ ее до послѣдней капли и—луна исчезла. Джаннікіо, охваченный страхомъ и изумленіемъ, сталъ кричать:

— Марко выпилъ луну!

Таковъ былъ этотъ Джаннікіо.

— Ахъ милые, желанные мои! воскликнула Вердіана и поспѣшила на встрѣчу ослу и священнику.

Марко она обняла за шею съ такой же нѣжностью, какъ Санхо-Панса обнималъ своего осла, у священника же поцѣловала руку и помогла ему сойти съ сѣдла.

— Вѣроятно и теперь, начала она,—изреченіе: «просите и дастся вамъ» не оправдалось!—И, стряхивая пыль съ платья священника, она прибавила:—Впрочемъ, слова эти относятся къ милости Божьей на небѣ, а не къ дукатамъ на землѣ.

— Тише Вердіана, не ропщите на Провидѣніе: грѣшно! Я стучалъ и мнѣ отворили, просилъ и мнѣ дали сто скуди.

— Сто скуди! О, въ такомъ случаѣ, мы разведемъ огонь...

Священникъ вздохнулъ; онъ сѣлъ за ужинъ, но ѣлъ и пилъ мало и на безчисленные вопросы Вердіаны давалъ лишь короткіе, отрывистые отвѣты. Послѣ долгихъ распросовъ о томъ, здоровъ ли священникъ, не случилось ли съ нимъ чего, зашла рѣчь о деньгахъ.

— Слушайте, Вердіана, сказалъ священникъ,—хотя у насъ и есть сто дукатовъ, но если ремонтировать домъ, купить необходимыя принадлежности для дома и для церкви, то ихъ не хватитъ...

— Имѣйте терпѣніе! Сперва ремонтируемъ церковь, а въ остальномъ намъ уже Христосъ поможетъ.

— Конечно, поможетъ; но подумайте, Вердіана: если мы не позаботимся о нашемъ жилищѣ, то рано или поздно намъ придется плавать въ водѣ.

— Лучше мы будемъ плавать въ домѣ, чѣмъ допустимъ, чтобы Христосъ плавалъ въ церкви.

— Да,—но если священникъ утонетъ, то и богослуженіе прекратится...

— О нѣтъ, не прекратится; не даромъ говорятъ: если папа умретъ, то изберутъ другого. Что крыша въ нашемъ домѣ протекаетъ, это правда, но чтобы у насъ можно было плавать и даже утонуть...

— Пусть такъ, но мудрый Гиппократъ сказалъ: principiis obsta, sero medicina paratur,—знаете, Вердіана, что это значитъ? Это значитъ: зашей прорѣху во время, не то будетъ большая дыра.

Сверхъ того, кто носитъ негодное платье, тотъ самъ легко можетъ стать ни на что негоднымъ. Если слуга плохо одѣтъ, то уменьшается уваженіе и къ господину.

— Но еще хуже, если возненавидятъ слугу за его неблагодарность къ господину...

Вердіана еще долго говорила и настаивала на своемъ, но безуспѣшно. Наконецъ, священникъ сказалъ:

— Слушайте, Вердіана,—мы съ Джаннúкіо возьмемъ черепицу, какая еще окажется новой на крышѣ дома и покроемъ ею церковь, для дома же купимъ новую черепицу. Что касается лампадъ, облаченій, то многое можно будетъ починить. Я думаю также отполировать крестъ, что стоитъ у моей постели, а въ праздники брать его въ церковь.

Священникъ утѣшалъ себя мыслью, что такимъ образомъ онъ ремонтируетъ домъ и церковь, и не нарушитъ обѣщанія, даннаго имъ графу. Но всѣ его ухищренія разбились о здравый смыслъ Вердіаны, которая сказала:

— Зачѣмъ, воскликнула она,—перетаскивать черепицу съ одного мѣста на другое? Зачѣмъ полировать нашъ крестъ, когда церковный изломанъ? Развѣ всѣ эти мысли не отъ діавола? Нѣтъ, синьоръ: сперва надо сдѣлать главное, т. е. ремонтировать церковь, если хватитъ денегъ. Тотъ вóронъ, что носилъ каждое утро хлѣбъ св. Іерониму, явится также и къ вамъ.

— Ахъ, Вердіана, вóроны, кажется, съ тѣхъ поръ забыли искусство приготовленія хлѣба...

— А что касается платья, то развѣ вы не читали въ евангеліи: не заботьтесь, во что вамъ одѣться; посмотрите на лиліи полевыя,— самъ Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ онѣ.

— Да, Вердіана, это говорится въ евангеліи, но метафоръ не слѣдуетъ понимать буквально.

— О, Боже мой! Вы ли это говорите? Вы, кажется, стали лютераниномъ.

— Вердіана, это я говорю! воскликнулъ священникъ, выходя изъ себя.

— Да, злой духъ все еще уловляетъ благочестивыхъ...

— Вердіана, что вы дѣлаете! крикнулъ священникъ, увидѣвъ, что она взяла кропило и погрузила его въ святую году.

— Ваши рѣчи отдаютъ ересью; это мука не изъ вашего мѣшка. Дайте, я васъ... Если я ошибаюсь, то святая вода не повредитъ, если же я права, то... понимаете?.. дьяволъ оставитъ васъ.

Священникъ громко закричалъ:

— Вердіана, остановитесь! Вердіана, говорю вамъ,—не раздражайте меня!

Однако безжалостная служанка окропила его святой водой съ ногъ до головы. Священникъ въ сущности и самъ ничего не имѣлъ противъ поступка Вердіаны, такъ какъ не зналъ, чѣмъ ему опровергнуть ея доводы, если она станетъ говорить еще дальше. Поэтому онъ недовольнымъ тономъ сказалъ:

— Дайте мнѣ скорѣе свѣчу, я пойду спать.

Затѣмъ, онъ взялъ дукаты и съ мрачнымъ лицомъ направился

въ свою комнату. Вердіана пошла за нимъ, — молчаливая, но непримиренная. Священникъ спряталъ деньги въ налой и сказалъ тономъ проклятія:

— Спокойной ночи!

Вердіана прекрасно понимала, что эти слова должны были собственно означать: убирайся, вонъ. Она ушла, но не могла удержаться, чтобы на прощаньи не сказать священнику:

— Спокойной ночи, достопочтенный отецъ, спокойной ночи! Только помните, что мука діавола превращается въ отруби, и смотрите, какъ бы деньги діавола не испортили денегъ Божьихъ... Потому что отъ привезенныхъ вами дукатовъ несетъ сѣрой на цѣлую милю.

Священникъ захлопнулъ дверь передъ ея носомъ, раздѣлся и легъ въ постель. Въ постели онъ долго размышлялъ о привезенныхъ имъ деньгахъ и объ обѣщаніи, данномъ имъ графу. Онъ то оправдывалъ себя, то чувствовалъ угрызенія совѣсти. Наконецъ, онъ уснулъ. Вдругъ раздался какой то странный шумъ. Священникъ проснулся и сѣлъ въ постели; ему показалось, что кто то тихонько ходитъ въ комнатѣ; не кошка ли прокралась сюда? Онъ взялъ свой тяжелый сапогъ и съ силою бросилъ его въ ту сторону, откуда доносился шумъ: сапогъ попалъ въ шкапъ и раздался громкій звукъ, какъ бой барабана. Вердіана проснулась и кричала въ сосѣдней комнатѣ:

— Отецъ, отецъ! Это нечестивыя деньги не даютъ спать. Въ дурной часъ послалъ намъ ихъ Богъ: когда вы были бѣдны, вы спали спокойно до бѣлаго дня, а теперь вы и сами не спите и другимъ не даете спать!

Священникъ спряталъ голову подъ одѣяло и закрылъ уши, чтобы ничего не слыхать.

Проснувшись утромъ, онъ взглянулъ на небо и посмотрѣлъ въ лицо Вердіаны: небо обѣщало хорошій день, лицо же Вердіаны— мрачный.

Священникъ тихо прочелъ утреннія молитвы и употреблялъ всѣ усилія, чтобы умилостивить Вердіану, но безуспѣшно. За завтракомъ онъ сталъ осторожно разспрашивать о цѣнахъ разныхъ предметовъ: эта дипломатическая хитрость удалась. Когда зашла рѣчь о бѣльѣ, Вердіана, какъ хорошая хозяйка, забыла откуда взялись эти скуди, и стала высказывать свои соображенія. Священникъ, хотя и былъ человѣкъ образованный, мало смыслилъ въ денежныхъ счетахъ; поэтому вычисленія ему никакъ не удавались. Вердіана стала провѣрять, пересчитывать, но и она не могла управиться со сложеніемъ. Тутъ священнику пришла мысль достать деньги и разложить ихъ на столько кучекъ, сколько предметовъ нужно купить. Онъ, обрадованный тѣмъ, что ему удалось смягчить Вердіану, подошелъ къ налою и открывалъ его.

— Вы увидите, Вердіана, что я правъ... Я говорю, что хватитъ...—Священникъ наклонился, но сейчасъ-же отвернулся и спросилъ:—Вердіана, что это вы говорили мнѣ вчера, будто мука діавола превращается въ отруби?

— Это я слыхала въ молодости отъ одного проповѣдника; онъ

разсказывалъ, какъ одинъ человѣкъ продалъ діаволу свою душу за 1000 скуди, взялъ деньги и подписалъ контрактъ; на слѣдующій день его нашли мертвымъ, а кошелекъ былъ полонъ угольевъ. Такъ погубилъ этотъ человѣкъ свою душу и потерялъ деньги.

— Ну, будьте увѣрены, что эти деньги далъ мнѣ не діаволъ, а цвѣтокъ римской знати. Но я знаю другой случай, гдѣ деньги были украдены безъ всякой помощи діавола. Слушайте.

— Да! какъ разъ время для разсказовъ! Уже скоро полдень, а я еще и горшка въ печь не поставила.

— Еще цѣлый часъ до полудня, Вердіана, — мой разсказъ не длиненъ: понимаете, это дѣйствительно быль, а не сказка.

— Ну говорите, только поскорѣе.

— Былъ богатый ростовщикъ, ссужавшій деньги по пятидесяти процентовъ и еще считавшій это благодѣяніемъ. Жалѣя денегъ на пріобрѣтеніе желѣзнаго сундука, онъ купилъ простой гробъ, обилъ его кое-какъ желѣзомъ, прикрѣпилъ старый замокъ и сложилъ въ этотъ гробъ свои деньги. Чтобы обезопасить деньги отъ воровъ, онъ написалъ на гробѣ: «здѣсь лежитъ Господь мой, Христосъ», надѣясь, что воры подумаютъ, будто въ гробѣ лежатъ реликвіи, и не тронутъ ихъ. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ уваженіемъ къ религіи укрѣпить слабость своихъ запоровъ. Провидѣніе дало этому богачу сына, который кутилъ, пьянствовалъ и вообще былъ такъ же расточителенъ, какъ отецъ скупъ. Понятно, что богачъ держалъ сына въ черномъ тѣлѣ и что сынъ ненавидѣлъ отца. Выслѣдивъ, куда отецъ прячетъ деньги, сынъ прокрался, открылъ гробъ, забралъ деньги и уходя написалъ на гробѣ: «Его здѣсь нѣтъ, — Онъ воскресъ». Такъ негодный старикъ на свой же счетъ узналъ, что значитъ профанировать слова евангелія.

— Если бы еще этимъ дѣло кончилось! воскликнула благочестивая Вердіана. — Но самое худшее будетъ на томъ свѣтѣ, однако мало кто думаетъ объ этомъ.

— Конечно, конечно... отвѣтилъ священникъ и поднялъ крышку налоя.

Деньги исчезли. Пораженный священникъ стоялъ нагнувшись и держа крышку налоя въ рукахъ; подошла Вердіана, и они оба вскрикнули, какъ пораженные ударомъ. Тяжелыя мысли пронеслись въ головѣ священника: тяжела была утрата, но еще тяжелѣе мученія совѣсти. Онъ медленно выпрямился, — казалось, будто онъ лѣтъ десять прожилъ втеченіе этой минуты. Наконецъ, онъ сказалъ служанкѣ безъ всякаго упрека:

— Вердіана, вы говорили какъ пророчица.

— Ахъ, я несчастная! Если бы я только ничего не говорила...

— Что же теперь дѣлать? спросилъ священникъ, ударивъ себя рукою по лбу.

— Нужно смириться передъ волей Божьею...

— Умное слово сказали вы... Однако убѣдитесь, что здѣсь обошлось безъ нечистой силы. Эти слѣды на запыленномъ полу, открытое окно, шумъ, который я слышалъ ночью... Все это показываетъ, что тутъ былъ какой то знакомый съ домомъ воръ. Да проститъ ему Богъ, — пусть принесутъ ему эти деньги больше пользы, чѣмъ принесли бы мнѣ.

До какой же степени дошло горе этихъ людей, когда они узнали, что и Марко исчезъ! Какими криками отчаянія огласился священническій дворъ! Марко! кричали они нѣжно, любовно,—Марко! и эхо отвѣчало имъ изъ окрестностей: Марко! Марко! Къ этимъ жалобнымъ крикамъ присоединилъ свой голосъ и Джанникіо; чтобы доставить хоть какое-нибудь утѣшеніе въ этомъ глубокомъ горѣ, онъ, войдя въ стойло, гдѣ нѣкогда стоялъ и наслаждался жизнью Марко, сказалъ:

— Не плачьте, отецъ! Утрите свои слезы, милая Вердіана! Теперь я займу мѣсто Марко, я буду служить вамъ, какъ Марко. Ваше преподобіе, если вамъ понадобится съѣздить въ Римъ, я свезу васъ, какъ конь,—садитесь прямо мнѣ на спину!

Громкіе вопли по обыкновенію смѣнились тихой скорбью. О ѣдѣ уже нечего было и думать. Ахъ, горекъ хлѣбъ, если его приходится ѣсть со слезами! Священникъ садился, вставалъ и ходилъ, но видно было по немъ, что онъ дѣлаетъ это совершенно механически. Онъ сравнивалъ себя съ Іовомъ и лишь благодарилъ Бога, что у него нѣтъ жены и друзей, которые стали бы утѣшать и упрекать его. Онъ со смиреніемъ каялся въ томъ, что взялъ деньги у графа и что такъ дурно обошелся съ Вердіаной, и скорбѣлъ объ утратѣ Марко.

— Богъ далъ мнѣ его, вздыхалъ священникъ,—Богъ и взялъ: да будетъ благословенно имя Господне! Мало наказалъ Ты меня, Господи, за грѣхи мои!

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ послышался громкій ревъ осла, доносившійся, точно побѣдное пѣніе, точно крикъ радости. Кажется, это... да, навѣрное, это голосъ Марко! И когда священникъ и Вердіана говорили это, Марко, поднявъ, по обыкновенію, голову выше забора, бѣжалъ прямо на нихъ. Объятія, смѣхъ и слезы, безсвязныя слова радости!.. Даже самъ Марко, казалось, былъ глубоко тронутъ: онъ заревѣлъ такъ громко, что заглушилъ всѣ остальные звуки. Священникъ снялъ съ него сѣдло и сумки. Джаннико первымъ бросился цѣловать его, сталъ мыть его и чистить, Вердіана принесла соломы и травы и, взглянувъ на огородъ, увидѣла большой кочень капусты; она колебалась, оставить ли эту капусту на супъ священнику, или отдать Марко, но, наконецъ, любовь къ Марко побѣдила. Это было возвращеніе заблудшаго сына, и она «заколола упитаннаго тельца». Ослу въ этотъ день былъ большой праздникъ. Онъ игралъ такую же роль, какъ нѣкогда папа Бонифацій VIII, когда ему, въ день его коронаціи, служили два короля въ королевскихъ облаченіяхъ и съ коронами на головахъ. Правда, священникъ не одѣлъ теперь своего облаченія, но зато ослу, кромѣ священника и Вердіаны, служилъ еще Джаннико. Уходя изъ стойла, священникъ взялъ сѣдло и сумки и лишь теперь замѣтилъ, что онѣ слишкомъ тяжелы. Онъ запустилъ руку—о, Боже, не сонъ ли это? Ему показалось, будто въ сумкахъ золото. Быстро высыпалъ онъ содержимое сумокъ на землю... Скуди! Дукаты!.. Священникъ и Вердіана легли на землю, сгребли деньги и стали считать ихъ. Оказалось около 450 дукатовъ.

— Теперь у насъ на все хватитъ, сказалъ священникъ.

— Дѣйствительно ли эти деньги наши? замѣтила Вердіана, поднявъ палецъ вверхъ, — не послалъ ли намъ ихъ Богъ, чтобы подвергнуть насъ вторичному испытанію?

— Вердіана, сперва и я такъ думалъ, отвѣтилъ священникъ, — но теперь я увѣренъ, что это деньги какого-нибудь негодяя, бандита, которыхъ такъ много въ окрестностяхъ Рима. Отдавать деньги такому человѣку было бы грѣшно, а у кого онъ отнялъ ихъ, мы не знаемъ. Сдѣлаемъ такъ: употребимъ 150 дукатовъ на себя, а остальное на церковь и бѣдныхъ.

Тутъ начались длинныя обсужденія, что купить и что сдѣлать на эти деньги. Священникъ вспомнилъ между прочимъ объ одной бѣдной прачкѣ, у которой палъ оселъ, что поставило ее въ затруднительное положеніе. Онъ пошелъ къ ней, далъ ей двадцать дукатовъ на покупку осла и взялъ у нея собаку и ея сыновей для охраны священническаго дома на слѣдующую ночь. Эта послѣдняя мѣра оказалась далеко не лишней, потому что собака всю ночь не переставала тревожно лаять и выть.

XII.

Предательство.

Глубокая ночь. Франческо сидитъ и внимательно читаетъ книгу Аристотеля о природѣ животныхъ, отмѣчая свои мысли на поляхъ книги. Пробило два часа; графъ погрузился въ размышленія. Вдругъ послышался стукъ въ потайную дверь. Графъ, думая, что, можетъ быть, это Марціо хочетъ сообщить о какомъ-нибудь неожиданномъ происшествіи, всталъ и отперъ дверь. Вошелъ Олимпіо, едва переводя духъ и все осматриваясь, точно боясь преслѣдованія; голова его была повязана окровавленнымъ платкомъ. Войдя въ комнату, онъ бросился въ кресло и сталъ вытирать кровь съ лица. Графъ, такъ хорошо владѣвшій собою, при видѣ Олимпіо не могъ скрыть своего изумленія.

— Какой чортъ принесъ тебя въ этомъ видѣ и еще въ такой поздній часъ? Ты раненъ? Что за несчастье случилось съ тобою?

— Предательство, графъ Франческо, мы преданы! Но клянусь, что я не умру, раньше чѣмъ не убью Іуды-предателя, хотя бы это былъ отецъ родной!

— Мы, говоришь, преданы? Возможно ли это? Однако, ты весь въ крови!

— Не безпокойтесь, это лишь пустой выстрѣлъ изъ пистолета...

— Такъ усядься поудобнѣе и разскажи, въ чемъ дѣло.

— Въ эту ночь, началъ Олимпіо, — нужно было устроить дѣло герцога д'Альтесипсъ; меня удерживало предчувствіе какого-то несчастья... но если бы не этотъ проклятый оселъ, то мы бы еще увидѣли, не сумѣлъ ли бы я выйти побѣдителемъ... Оселъ сталъ между мною и раемъ...

— Олимпіо, у тебя голова не въ порядкѣ, — ты бредишь?

— Нѣтъ, донъ Франческо, я не брежу. Дѣло у столяра я вы-

полнилъ аккуратно, но тутъ оказалась еще прибавка, которой не дѣлали ни вы, ни я: самъ чортъ вмѣшался въ дѣло и сжегъ бѣднаго столяра.

— Да,—разумѣется, тотъ чортъ, который заперъ снаружи дверь на задвижку и прибилъ ее гвоздемъ.

— Это я сдѣлалъ. Но, какъ честный бандитъ—клянусь, что этимъ я только хотѣлъ предупредить, какъ бы онъ сейчасъ же не выбѣжалъ на улицу и не разбудилъ сосѣдей, которые помогли бы ему потушить пожаръ въ самомъ началѣ... Мнѣ и въ голову не могло придти, что хозяинъ окончательно растеряется и станетъ бѣгать по всему дому вмѣсто того, чтобы выпрыгнуть въ окно. Словомъ, я не ожидалъ, что изъ всего этого выйдетъ такое несчастье... Донъ Франческо, слыхали ли вы, сколько великодушія проявила на пожарѣ ваша невѣстка, донна Луиза? Какая разница между нею и нами! Вотъ истинно-латинская кровь!

— Да, я слыхалъ и объ этомъ. Дѣйствительно, благородная женщина... Я сказалъ: благородная?.. Да, всякому существу свойственна своя доблесть: если бы я не былъ Франческо Ченчи, то хотѣлъ бы быть Луизой Ченчи. Въ моемъ роду женщины всегда выше мужчинъ... Если бы сыновья мои были такими, какъ Олимпія, Беатриче или какъ Луиза—и если бы этотъ жалкій вѣкъ представлялъ возможность пріобрѣсть славное имя какимъ-нибудь возвышеннымъ стремленіемъ... кто знаетъ?.. тогда, можетъ быть, и я пошелъ бы иной дорогой... Но теперь... нечего и думать объ этомъ...

— У меня сердце надрывалось, грусть овладѣла мною,—я плакалъ, какъ ребенокъ. Въ первый разъ вспомнилъ я о матери, какъ она прятала меня подъ юбкой и получала удары, которые отецъ предназначалъ мнѣ... Я хотѣлъ измѣнить свою жизнь: я сдѣлалъ столько зла, что захотѣлъ сдѣлать, хоть что нибудь хорошее. Я думалъ взять у священника тѣ 150 скуди и заказать столько же заупокойныхъ мессъ по душѣ столяра и другихъ, убитыхъ мною. И о бѣдной вдовѣ хотѣлъ я позаботиться. Взять эти деньги не представлялось мнѣ грѣхомъ: вы же сами сказали, что дали ихъ священнику, лишь бы отвязаться отъ него... Я одѣлся нищимъ, тщательно осмотрѣлъ мѣстность, а ночью прокрался въ домъ и взялъ деньги. На обратномъ пути я спрятался въ шкафъ. священникъ, вѣроятно, принялъ меня за кошку и бросилъ сапогомъ съ такой силой, что онъ ударился о шкафъ и загремѣлъ, какъ бомба; однако, поймать меня не удалось. Я замѣтилъ, что у почтеннаго священника есть еще оселъ, и рѣшилъ взять его, чтобъ скорѣе уйти. Отвязываю осла, сѣдлаю его,— онъ спокойно идетъ за мною, но когда онъ замѣтилъ, что я хочу сѣсть на него, то сталъ лягать меня всѣми четырьмя ногами. А, ты хочешь драться!—сказалъ я и отодралъ его изо всѣхъ силъ. Наконецъ, оселъ опустилъ уши и сдался на капитуляцію. Я сѣлъ на него и мы тронулись въ путь, какъ добрые друзья, — точно между нами ничего не было. Утромъ я замѣтилъ, что на сѣдлѣ висятъ сумки; деньги я тащилъ на спинѣ и они совсѣмъ отдавили мнѣ плечи; тутъ я сложилъ свои деньги и полтораста скуди свя-

щенника въ эти сумки. Когда совсѣмъ разсвѣло, я направился въ лѣсъ, разсчитывая къ вечеру вернуться въ Римъ. Я положился на осла... Какъ же! полагайся на осла!.. Я предоставилъ ему идти, куда угодно, и пастись на пути. Наконецъ, подъѣхали мы къ глубокому ручью, оселъ идетъ въ воду все дальше и дальше, я поджимаю ноги, чтобы не замочить ихъ; вдругъ, точно земля обрушилась подъ нами; оселъ исчезъ, а я стою по поясъ въ водѣ. Неожиданность, холодъ и вода подѣйствовали на меня такъ, что я растерялся. А проклятый оселъ, лишь только освободился отъ меня, помчался во всю прыть, какъ олень. Ахъ, ты негодный оселъ!.. Ахъ, ты скотина!.. Я погнался за нимъ, но не могъ уже догнать его; онъ бѣжалъ, точно самъ дьяволъ овладѣлъ имъ. На слѣдующую ночь я снова отправился къ священнику, полагая, что оселъ вернулся въ свое стойло, и надѣясь снова пробраться въ домъ, оказалось, однако, что домъ священника уже охраняется собакой и крестьянами... Что дѣлать?.. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣсть, я еще свое потерялъ и у меня не осталось ни гроша. Относительно дѣла герцога у меня еще не было никакого плана.

Графъ пристально смотрѣлъ на Олимпіо, думая, не шутитъ ли онъ. Но въ глазахъ бандита выражалось столько горя, что нельзя было не повѣрить ему. Олимпіо продолжалъ:

— Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ пойти къ графу и условиться съ нимъ. Я разузналъ все, что нужно было, и мы съ четырьмя помощниками отправились въ путь; герцогъ съ экипажемъ ожидалъ на дорогѣ. Я подкупилъ привратника, пробрался съ моими товарищами во дворъ, гдѣ они спрятались за колоннами. Дѣвушка вышла, мы ея моментально окутали и усадили въ экипажъ. Лошади тронулись, но мы ѣхали медленно, чтобы не вызвать никакого подозрѣнія. Когда мы подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ условлено было высадиться, ворота оказались запертыми. Всѣ растерялись, одинъ я не оробѣлъ, гоню кучера впередъ,—вдругъ, толпа сбировъ со всѣхъ сторонъ набрасывается на насъ! Мы обнажили шпаги, но сбиры не дожидались, пока мы приготовимся, и выпалили въ насъ изъ ружей. Кто палъ, кто уцѣлѣлъ,— я не могъ уже думать объ этомъ, быстро перелѣзъ черезъ стѣну и пустился бѣжать. Два сбира погнались за мною; наконецъ, я подумалъ, что они уже слишкомъ долго безъ всякой надобности провожаютъ меня, обернулся и съ ближайшимъ изъ нихъ простился выстрѣломъ изъ пистолета въ грудь. Второй сбиръ, сообразивъ, что я собираюсь и съ нимъ проститься такимъ же образомъ, предупредилъ меня, выстрѣлилъ и ранилъ меня въ лѣвое ухо. Однако, я все еще бѣжалъ и не скоро остановился; осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что, къ счастью, я недалеко отъ вашего жилища. Возвращаться назадъ было бы преступленіемъ, тѣмъ болѣе, что съ той стороны доносился отдаленный шумъ, точно гналась толпа народа. Я рѣшился продолжать путь, указанный мнѣ судьбой, перелѣзъ черезъ ограду сюда и пробрался къ вамъ той тропинкой, которой велъ меня Марціо... Теперь донъ-Франческо, спрячьте меня до слѣдующей ночи, а тамъ я съ Божьей помощью вернусь къ себѣ, въ лѣсъ.

Графъ выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ и спросилъ:

— Увѣренъ ли ты, что никто не видѣлъ, какъ ты прошелъ сюда?

— Никто. Но, конечно, теперь, пока волненіе еще не улеглось, нужна большая осторожность: я и безъ того здѣсь въ Римѣ дышу воздухомъ висѣлицы, который захватываетъ у меня дыханіе...

— Такъ я могу быть увѣреннымъ, что никто не узналъ тебя?

— Никто,—навѣрное никто. Развѣ вы не видите, что я переодѣлся знатнымъ синьоромъ?

Дѣйствительно, Олимпіо былъ переодѣтъ.

— Успокойся. Если дѣло обстоитъ такъ, какъ ты говоришь, то здѣсь, въ домѣ опасность уже не велика. Однако, все же нужна осторожность, слуги мои не должны тебя видѣть: я не довѣряю имъ.

— Какъ? Не довѣряете даже Марціо?

— Я послалъ его съ порученіями въ городъ. Ты долженъ спрятаться на нѣкоторое время въ подземныхъ помѣщеніяхъ моего палаццо.

— Какъ, подъ землею?

— Да, подъ землею... Пойдемъ; ты будешь въ пріятномъ обществѣ, среди бочекъ вина; тамъ можешь ты пить сколько угодно, только, когда напьешься, не забудь закрывать бочки.

— Если нѣтъ ничего лучшаго, я готовъ переселиться туда,— ради общества.

Графъ по извилистымъ проходамъ провелъ Олимпіо въ подземныя помѣщенія палаццо.

— Дѣйствительно, здѣсь самъ чортъ не нашелъ бы меня! воскликнулъ бандитъ.

— Будь покоенъ, никто тебя не найдетъ. Нагнись, осторожнѣй—не ушибись!.. Сюда... въ эту сторону... войди.

— Сюда? сказалъ Олимпіо и остановился, почувствовавъ, что съ той стороны его обдаетъ сырымъ, холоднымъ воздухомъ.

Донъ Франческо засмѣялся и замѣтилъ:

— Посмотримъ, не трусъ ли ты!

— Я? Нѣтъ, я не струсилъ; я только думаю: легко войти туда, да когда-то я выйду?

— Завтра ночью.

— А если вы забудете придти за мною?

— Какую же пользу могла бы принесть мнѣ твоя смерть? Гдѣ я нашелъ бы второго Олимпіо, который такъ служилъ бы мнѣ?

— А все же, если бы вы не пришли?..

— Тебѣ стоитъ только закричать: подвалы недалеко отъ улицы,—тебя услышатъ.

— Хорошая была бы мѣна: изъ подваловъ Ченчи переселиться въ Савелльскую тюрьму?

— Подумай, что въ такомъ случаѣ и мнѣ пришлось бы отправиться въ замокъ за то, что я даю пріютъ такому молодцу, какъ ты.

— Это правда, но все же про случай оставьте дверь открытой.

Онъ вошелъ; дверь повернулась на крючкахъ и захлопнулась на замокъ.

— Донъ Франческо! Отчего это дверь заперлась?

— Я по неосторожности толкнулъ ее.

— Принесите мнѣ освѣщеніе, откройте дверь!

— Я поищу ключей. Освѣщеніе? Ты не будешь имѣть недостатка въ немъ, если только вѣрно изреченіе: „свѣтъ вѣчный возсіяетъ имъ!“

Послѣднія слова Ченчи пропѣлъ на мотивъ requiem и ушелъ.

— Это могло бы показаться невозможнымъ! проговорилъ онъ, вернувшись въ свою комнату.—И эти люди считаютъ себя умными и хитрыми!.. Жди же теперь меня, Олимпіо, — да, тебѣ придется подождать...

Изъ помощниковъ Олимпіо трое были убиты на мѣстѣ, а четвертый умеръ отъ ранъ, когда его хотѣли перенести въ больницу. Самъ герцогъ былъ раненъ пулею въ руку и задержанъ. На допросѣ онъ подробно разсказалъ о своемъ предпріятіи, но скрылъ все, что относилось къ графу Ченчи. Папа затруднялся рѣшить, приговорить ли его къ смерти или къ работамъ на галерахъ, но наконецъ, благодаря заступничеству вліятельныхъ друзей герцога, сослалъ его въ Авиньонъ.

XIII.

Монсиньоръ Гвидо Гверра.

Позднею ночью Беатриче, блѣдная, одѣтая въ бѣлое платье, идетъ на свиданіе... Но какъ же могла проникнуть любовь въ душу этой угнетенной дѣвушки? На высокомъ гранитномъ утесѣ, куда никогда не ступала нога человѣческая, гдѣ развѣ лишь утки-нырки садились, чтобы дать отдыхъ уставшимъ крыльямъ, — на этомъ утесѣ я видѣлъ расцвѣтшій кустъ фіалки. Кто занесъ туда горсть земли, на которомъ могъ расти этотъ нѣжный цвѣтокъ? Провидѣніе; ни одной пустыни не оставляетъ оно безъ источниковъ, ни одной вершины безъ цвѣтовъ,—не оставляетъ и несчастья безъ утѣшенія.

Избранникъ сердца Беатриче былъ достоенъ ея. Монсиньоръ Гвидо Гверра происходилъ изъ очень знатнаго рода. Это былъ рослый, красивый, представительный молодой человѣкъ съ голубыми глазами и русыми волосами. Монсиньоръ Гвидо Гверра хотя и носилъ одежду прелата, но не былъ связанъ какими-либо обѣтами или рукоположеніемъ и поэтому могъ, когда угодно, снять сутану и жениться. Онъ обладалъ большимъ состояніемъ, былъ очень талантливъ и образованъ. Синьора Лукреція знала объ этой связи и поощряла ее какъ потому, что горячо любила Беатриче, такъ и потому, что желала избавить ее отъ преслѣдованій отца. Когда донъ Франческо долженъ былъ по своимъ дѣламъ уѣзжать изъ города, Гвидо сообщали объ этомъ и онъ спѣшилъ въ палаццо Ченчи. Онъ уже далъ обѣщаніе жениться на Беатриче, но такъ какъ ему было извѣстно, что папа неохотно разстанется съ нимъ, то онъ ждалъ болѣе благопріятнаго времени. Но донъ Франческо узналъ обо всемъ этомъ черезъ своихъ шпіоновъ или, можетъ быть, лишь догадался о намѣреніяхъ монсиньора; какъ бы то ни было, онъ запретилъ ему посѣщать свой домъ и велѣлъ оставить всякіе виды на Беатриче.

Однажды вечеромъ монсиньоръ Гверра ходилъ переодѣтый подъ окнами палаццо Ченчи, посматривая на окно комнаты Беатриче. Вдругъ, какой-то человѣкъ подбѣжалъ къ нему и вручилъ ему письмо. Въ этомъ письмѣ Беатриче просила его явиться ночью въ садъ и подождать ее въ лавровой рощѣ. Монсиньоръ Гверра вернулся домой. взялъ мечъ, веревочную лѣстницу и въ назначенное время направился къ саду. Здѣсь онъ осторожно прикрѣпилъ лѣстницу, перелѣзъ черезъ стѣну и сталъ ожидать въ условленномъ мѣстѣ. Вскорѣ явилась Беатриче, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ листъ лавра отъ дуновенія вѣтра. Она послѣ первыхъ же привѣтственныхъ словъ обняла Гвидо и, какъ безумная, заговорила:

— Гвидо... милый... спаси меня! Уведи меня отсюда... сейчасъ же, не теряя ни минуты. Здѣсь даже воздухъ отравленъ... Уйдемъ, Гвидо... уйдемъ!...

— Беатриче!...

— Не говори ни слова... Уйдемъ, пока не поздно! Если я не могу быть твоей невѣстой... уведи меня въ какой-нибудь монастырь... Умоляю тебя, уведи меня изъ этого проклятаго дома...

— Милая, чѣмъ ты такъ взволнована? Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ.

— Избавь меня отъ отчаянія, отъ смерти... отъ вѣчнаго осужденія!... Какъ мнѣ объяснить тебѣ это?... Подумай, что бываютъ преступленія, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ... отъ которыхъ и сатана содрогнулся бы... Представь себѣ... что они совершаются въ Римѣ... здѣсь... въ палаццо Ченчи.

— Ты пугаешь меня... Но разсказывай, говори...

— Какъ мнѣ разсказать?... Если бы я разсказала все... я умерла бы отъ стыда. Достаточно сказать, что я... скорѣе готова быть самой послѣдней служанкой, чѣмъ оставаться хоть на одну минуту въ этомъ домѣ, пораженномъ гнѣвомъ Божьимъ... Тутъ происходятъ такіе ужасы, что о нихъ нельзя... невозможно говорить.

— Но куда же увести тебя теперь, безъ всякихъ приготовленій?... Подожди хоть до завтра...

— До завтра?... О, жестокій!... Можетъ быть, и теперь уже поздно... Нѣтъ, я не оставлю тебя... Ступай, ступай, — я пойду за тобою.

— Хорошо,—пусть будетъ по-твоему. Пойдемъ.

— Какъ, даже не простившись съ хозяиномъ? О, это не особенно вѣжливо! раздался чей-то насмѣшливый голосъ и въ эту минуту топоръ, съ силой брошенный изъ кустовъ, полетѣлъ въ Гвидо; къ счастью, онъ посторонился, и топоръ глубоко врѣзался въ стволъ лавра, подъ которымъ стояли молодые люди.

Взволнованный Гвидо ощупью искалъ руку Беатриче; въ эту минуту кто-то толкнулъ его на нѣсколько шаговъ впередъ и тихо прошепталъ:—Уходите скорѣе или вы погибли! Я провожу и спасу васъ... Затѣмъ, тотъ же человѣкъ громко закричалъ:—Теперь ты не уйдешь!... вотъ тебѣ второй разъ!... По всему саду разносились неистовые крики и ругательства. Графъ Ченчи все кричалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Убейте его, убейте его, какъ собаку!...

Гвидо бѣжалъ впередъ, подавленный этимъ страшнымъ происшествіемъ; затѣмъ, имъ овладѣло чувство стыда, что онъ оставилъ Беатриче одну въ рукахъ ея свирѣпаго отца; онъ остановился и взялся за мечъ, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ обнажить его, прежній незнакомецъ снова былъ возлѣ него и прошепталъ:

— Что же вы медлите! Ради Бога, отчего вы не уходите?

— А Беатриче?...

— И о ней тоже позаботятся. Уходите скорѣе,—всякое промедленіе погубитъ васъ.

Незнакомецъ оттолкнулъ Гвидо къ лѣстницѣ, придержалъ ее, такъ что молодой человѣкъ легко могъ перелѣзть черезъ стѣну. Въ эту минуту подбѣжалъ разъяренный донъ Франческо.

— Гдѣ убитый? Факелы сюда! Я хочу взглянуть на него, хочу вырвать сердце изъ его груди и бросить ему въ лицо... гдѣ убитый?

— Онъ убѣжалъ, отвѣтилъ Марціо печальнымъ голосомъ.

— Какъ! убѣжалъ? Неправда!... Онъ долженъ быть здѣсь... Я растерзаю его... Убѣжалъ! Собаки вы, предатели... вы дали ему уйти! Кому же довѣрять послѣ этого? Правая рука предаетъ лѣвую... И ты, Марціо... Я уже давненько подозрѣваю тебя... Смотри... мои подозрѣнія дѣйствуютъ какъ остріе меча.

Едва графъ проговорилъ эти слова, какъ спохватился, что сказалъ ихъ неосмотрительно; онъ замолчалъ и, желая исправить ошибку, прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Марціо, ты съ нѣкотораго времени служишь мнѣ не такъ усердно, какъ прежде. Я не удерживаю тебя; хотя безъ тебя я буду, какъ безъ правой руки, но все же лучше мнѣ разстаться съ тобою, чѣмъ имѣть въ тебѣ слугу невнимательнаго и ненадежнаго.

Сказанное слово, какъ камень, брошенный вдаль, никогда уже не вернется. А слово графа упало въ сердце Марціо, какъ камень, брошенный въ воду: едва всколыхнувшаяся поверхность воды скоро снова выравнялась, и Марціо печально отвѣтилъ:

— Скажите лучше, эччеленца, что я надоѣлъ вамъ. Такова уже участь слугъ. Еще не придуманы чернила, которыми бы долгая и вѣрная служба вписывалась въ сердце господъ. Лишь только счастье измѣнитъ тебѣ, сейчасъ же является неблагодарность и изглаживаетъ всѣ твои заслуги... Я завтра же сниму вашу ливрею.

— Марціо... что такое слова, сказанныя въ гнѣвѣ? Это буря, которая скоро проходитъ. Я все еще считаю тебя самымъ преданнымъ изъ моихъ слугъ и сейчасъ же докажу тебѣ это.

Графъ въ сопровожденіи слугъ съ факелами принялся искать Беатриче. скоро она была найдена. Графъ, лишь только увидѣлъ ее, съ яростью набросился на нее крича:

— Ахъ, ты невинная, цѣломудренная!... Безстыдница, ты принимаешь любовниковъ... ищешь ихъ, хотя они не хотятъ тебя!... Скажи немедленно, кто это держалъ тебя въ позорныхъ объятіяхъ?

Беатриче молча смотрѣла на него; это молчаніе еще больше раздражило его и онъ продолжалъ:

— Отвѣчай, или я разорву тебя на куски!

Беатриче все молчала. Графъ съ яростью схватилъ ее за волосы, бранилъ и билъ ее, такъ что лицо и грудь ея покрылись

ранами. Онъ бросилъ ее на землю, таскалъ ее за косы и, наконецъ, обратившись къ слугамъ, сказалъ:

— Уйдите всѣ! Лишь ты, Марціо, останься. Слушай. Я хотѣлъ поручить тебѣ эту... Но она еще обворожитъ тебя,—лучше я самъ буду смотрѣть за нею. Ступай въ мой кабинетъ,—въ столѣ, въ первомъ ящикѣ ты найдешь связку ключей: принеси ихъ. Скорѣе!

Марціо ушелъ и скоро вернулся съ ключами, сталъ между графомъ и Беатриче и принялся грубо толкать дѣвушку по направленію къ подземнымъ помѣщеніямъ дворца, куда отецъ велѣлъ увести ее. Они прошли уже половину пути въ этомъ направленіи, какъ вдругъ послышались глухіе жалобные стоны. Марціо зналъ, что подземелья палаццо Ченчи скрываютъ не мало позорныхъ дѣлъ, онъ повернулся въ ту сторону, откуда доносились стоны. Въ эту минуту подбѣжалъ графъ и, злобно взглянувъ на Марціо, спросилъ:

— Ты слыхалъ стоны?

— Да, слыхалъ. Можетъ быть, это вѣтеръ такъ шумѣлъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Это дѣйствительно стоны. Мой дѣдъ захватилъ одного своего врага и уморилъ его въ подземельяхъ голодной смертью. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ здѣсь являются привидѣнія, и я вѣрю этому...

— О, Господи! Я бы ни за что по своей волѣ не пошелъ въ эти подземелья...

— Я бы и не посовѣтовалъ тебѣ этого. Отопри теперь ту дверь... третью справа... такъ!

Марціо отперъ указанную дверь, и графъ съ силою толкнулъ туда Беатриче. Она упала на камень; это паденіе причинило ей новыя раны, и она лишилась чувствъ.

XIV.

Убійство дѣвушки изъ Виттаны.

Когда Беатриче пришла въ себя, ей послышался голосъ, постепенно приближавшійся къ ней:

— Синьора Беатриче... не волнуйтесь... не падайте духомъ... Это я—Марціо.

— Марціо? Слуга графа, желавшій размозжить ему голову серебрянымъ сосудомъ въ день пира?...

— Ахъ, синьора, Господь покараетъ меня за то, что я не убилъ его тогда. Старый негодяй... графъ Ченчи... теперь спитъ... Хотите, чтобы онъ уже никогда не просыпался?... Онъ родилъ васъ лишь для мученій... Онъ готовитъ вамъ смерть... Хотите?... Онъ умретъ еще въ эту ночь... черезъ пять минутъ... Жизнь его—на остріѣ моего меча.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Беатриче.—Марціо... не дѣлайте этого, ради Бога... Я возненавижу васъ... я донесу на васъ. Пусть графъ живетъ... можетъ быть, онъ когда-нибудь покается.

— Онъ покается! Видали ли вы, чтобъ когда-нибудь каялись волки? Имѣйте въ виду, что если онъ останется въ живыхъ,—вы умрете.

— Такъ что же? Я только этого и хочу... Для меня было бы счастьемъ умереть... Марціо... умоляю васъ... дайте мнѣ яду, чтобы я могла скорѣе умереть...

— О, нѣтъ. несчастная дѣвушка... вы должны жить. Не падайте духомъ; я скоро вернусь къ вамъ. Теперь я долженъ пойти къ вашему отцу... Если бы онъ проснулся и засталъ насъ вмѣстѣ, мы погибли бы.

Марціо со слезами на глазахъ оставилъ Беатриче и направился къ выходу. На пути онъ вспомнилъ о жалобныхъ стонахъ, которые онъ слышалъ въ прошлую ночь. Онъ сталъ прислушиваться, но все было тихо. Увидѣвъ передъ собою дверь, онъ тихо постучалъ въ нее, и изъ-за двери снова послышались прежніе стоны.

— Кто ты? спросилъ Марціо.

— Эччеленца, развѣ вы не знаете, кто я? отвѣтилъ голосъ изъ-за двери.—Отворите дверь, эччеленца, я умираю отъ голода...

— Отвѣчай скорѣе, кто ты,—или я уйду.

— Я Олимпіо; графъ Ченчи заперъ меня здѣсь, онъ обѣщалъ вернуться, но до сихъ поръ я не видѣлъ его... Ахъ, если ты христіанинъ, дай мнѣ воды, хлѣба... свѣчу... сжалься надо мною!

— Ужасно! Морить христіанина голодной смертью и еще безъ святого причастія! Олимпіо, сію минуту я ничего не могу сдѣлать для тебя; подожди немного, я скоро вернусь. Теперь у меня и ключей нѣтъ.

— Кто вы?

— Я Марціо.

— А, такъ ты пришелъ издѣваться надо мною, посмотрѣть, какъ я буду умирать!

— О, такъ предательски я еще не поступалъ ни съ кѣмъ! Будь покоенъ... Прощай.

— Да, когда-то мы не выдавали другъ друга. Я буду ждать, Марціо, но если ты хочешь застать меня въ живыхъ, то возвращайся скорѣе: я умираю отъ голода, холода и жажды.

Вслѣдствіе волненій послѣдней ночи нога графа Ченчи такъ разболѣлась, что онъ едва могъ повернуться въ постели. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но сонъ его былъ неспокоенъ. Проснувшись, онъ хотѣлъ подняться, но вслѣдствіе боли не могъ сдѣлать этого. Онъ заскрежеталъ зубами отъ ярости и проговорилъ среди проклятій: и надо еще довѣриться этому негодяю! Затѣмъ онъ позвалъ Марціо, который сейчасъ же явился.

— Марціо, сказалъ графъ,—видишь, какъ я тебѣ довѣряю. Возьми ключи отъ подземелья Беатриче и отнеси ей хлѣба и воды.

— Больше ничего?

— Ничего, Марціо... Возьми съ собою также какую-нибудь священную реликвію, чтобы отогнать привидѣнія, если они покажутся тамъ. Можетъ быть, ты услышишь голоса: не обращай на нихъ вниманія,—это навожденіе діавола. Особенно же держись подальше отъ помѣщеній съ лѣвой стороны... врагъ моего дѣда умеръ тамъ голодной смертью.

— Эччеленца, не лучше ли намъ пойти вмѣстѣ?

— Чортъ возьми! Развѣ ты не видишь, что я и пошевельнуться не могу!

— Если дочь ваша ранена, не доставить ли ей лѣкарствъ?

— Нѣтъ. Развѣ ты думаешь, что она ранена?

— Это очень возможно и ея красота можетъ пострадать отъ этого.

— О, я отнюдь не хочу, чтобы она утратила красоту, — особенно теперь. Тамъ, въ шкафу, ты найдешь мазь и запечатанную землю [1]): возьми съ собою про случай.

Когда графъ снова уснулъ, Марціо завладѣлъ ключами и отъ остальныхъ помѣщеній и вернулся въ подземелье.

— Синьора Беатриче, сказалъ онъ съ горечью, войдя къ ней,— вотъ дары, присланные вамъ отцомъ.—Съ этими словами онъ поднялъ свѣчу вверхъ и взглянулъ на залитое кровью лицо дѣвушки; онъ едва удержался, чтобы не вскрикнуть отъ ужаса и гнѣва.— Позвольте мнѣ умыть васъ... Вамъ не больно? спрашивалъ онъ, промывая ея раны и посыпая ихъ запечатанной землею.—О, Боже, какъ ты терпишь такія злодѣянія!

Окончивъ перевязку ранъ, Марціо снова сказалъ:

— Вотъ дары, присланные вамъ отцомъ. Вопреки его запрещенію, я принесъ еще и другую пищу, хотя въ этомъ мало утѣшенія: такая жизнь хуже смертной казни. Особенно тяжело мнѣ, что скоро я уже не въ состояніи буду помочь вамъ: я сегодня же оставлю вашъ домъ...

Беатриче опустила голову и печально сказала:

— Гвидо умеръ, а ты хочешь оставить меня...

— Кто вамъ сказалъ, что монсиньоръ Гвидо умеръ?

— Неужели онъ еще могъ остаться въ живыхъ?

— Онъ живъ, здоровъ и находится въ безопасности.

Беатриче припала къ груди Марціо и, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказала:

— Гвидо живъ, а ты оставляешь меня?

— Но вѣдь вы сами оставляете себя... Слушайте, я вамъ разскажу кое-что, что я бы отцу родному не разсказалъ, если бы онъ воскресъ изъ мертвыхъ... Я поступилъ въ домъ графа Ченчи съ единственной цѣлью убить его. Ежедневныя злодѣянія этого негоднаго человѣка еще болѣе укрѣпляли во мнѣ это намѣреніе. Я вижу, что убить его было бы не только мщеніемъ, но даже заслугой передъ Богомъ и людьми. Но это причинило бы вамъ новыя страданія, поэтому я не убью его на вашихъ глазахъ: большей уступки я не могу сдѣлать... Не тратьте напрасно словъ: вы не отклоните меня отъ моего намѣренія. Онъ убивалъ людей мечомъ и долженъ погибнуть отъ меча,—это слова Спасителя. .

— Но какъ же могъ графъ такъ тяжело оскорбить васъ? Вѣдь онъ, кажется, совершенно не зналъ васъ, пока вы не поступили къ нему на службу.

— Меня-то онъ не зналъ, но я зналъ его. Если бы онъ только оскорбилъ меня, я простилъ бы ему оскорбленіе: я хоть и большой грѣшникъ, но все же христіанинъ. Однако, онъ разбилъ всю мою

---

[1]) Земля съ острова Лемноса, которой съ древнихъ временъ приписывались цѣлебныя свойства: она продавалась въ запечатанныхъ пакетахъ и была извѣстна подъ именемъ „запечатанной земли“.

жизнь, убилъ душу во мнѣ... Слушайте, какъ хорошо зналъ я графа Ченчи... Перечислять его злодѣянія не стоитъ труда... Но, чтобы вы впослѣдствіи не стали проклинать его убійцу, я открою вамъ свою тайну... Родился я въ Тальякоццо; отецъ мой умеръ, когда я былъ еще ребенкомъ, и оставилъ мнѣ значительное состояніе; мать моя была болѣзненна и мало могла заботиться обо мнѣ. Я подросъ, попалъ въ дурное общество, сталъ кутить, играть и вскорѣ надѣлалъ много долговъ. Когда средства мои истощились, друзья оставили меня, а вмѣсто нихъ явились крадиторы: они отняли у меня все, что еще осталось отъ моего состоянія, и прогнали меня изъ дома моего отца... Я вынужденъ былъ среди бѣлаго дня отнести мать мою въ больницу; уличные мальчишки бѣжали за мною, издѣвались и бросали въ меня камнями... Не успѣлъ я еще дойти до больницы, какъ судебные служителя окружили меня, заставили меня положить мать среди улицы на землю, самого же меня увели въ тюрьму: кредиторы не удовольствовались остатками моего состоянія, а хотѣли еще высосать изъ меня кровь...

Марціо остановился, вытеръ потъ съ лица и продолжалъ:

— Изъ тюрьмы я бѣжалъ, ушелъ въ лѣса и сталъ бандитомъ. Я отомстилъ всѣмъ своимъ врагамъ, но одного еще недостаетъ въ моемъ счетѣ, — вашего отца... Я примкнулъ къ бандѣ Марко Шарры. Чего только не дѣлалъ я во время своей бандитской жизни! Пусть самъ Богъ забудетъ объ этомъ!... Тоска овладѣла мною... Въ это время я полюбилъ одну прекрасную дѣвушку, и она полюбила меня. Мы встрѣчались подъ дубомъ св. Дѣвы въ Рокка-Орсини, гдѣ бандиты обыкновенно молились передъ изображеніемъ Богоматери, укрѣпленнымъ на стволѣ дуба... Тамъ встрѣчались мы... Она называлась Аннета Рипаррела; это была дочь пастуха изъ Виттаны... Я не стану описывать вамъ, какъ хороша была она!... Я рѣшилъ оставить жизнь бандита, жениться и жить честнымъ трудомъ. Но этого нельзя было сдѣлать сразу, иначе я возбудилъ бы подозрѣніе противъ себя и меня бы убили. Нужно было ждать подходящаго случая и оставаться до поры до времени въ бандѣ. Между тѣмъ шпіоны донесли Марко, что отправлены большія военныя силы съ цѣлью окружить и схватить насъ. Предводитель банды, Марко, обладалъ большимъ военнымъ талантомъ. Онъ принялъ свои мѣры, а меня отправилъ въ Абруцци для наблюденія за мѣропріятіями неаполитанскаго двора. Онъ далъ мнѣ самыя подробныя инструкціи и талантамъ этого человѣка мы обязаны были полной побѣдой; изъ отряда, посланнаго противъ насъ, не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, некому было даже сообщить правительству о пораженіи. Послѣ десятидневнаго отсутствія я вернулся. Можете себѣ представить волненіе, съ которымъ я подходилъ къ дубу св. Дѣвы... Подъ дубомъ я увидѣлъ Аннету, но она была убита... Она была вся истерзана, на лицѣ ея виднѣлись слѣды человѣческихъ ступней: очевидно, что ее топтали ногами... грудь ея была пронзена кинжаломъ съ такой силой, что онъ вошелъ еще на четыре пальца въ землю... Я похоронилъ ее, — о, какъ она была хороша даже въ гробу!... Успокоившись нѣсколько, я сталъ разспрашивать и узналъ, что при-

былъ графъ Франческо Ченчи и поселился въ своемъ палаццо, въ Рокка-Петрелла; слѣды его постоянно были отмѣчены кровью. Какое-то чутье подсказало мнѣ: это убійца! Вскорѣ одинъ мальчикъ-пастухъ разсказалъ мнѣ, что Аннета всякій вечеръ приходила къ дубу св. Дѣвы и молилась тамъ передъ изображеніемъ Богоматери; однажды мальчикъ видѣлъ, что какой-то человѣкъ, одѣтый какъ знатный синьоръ, проѣзжалъ мимо дуба и, увидѣвъ дѣвушку, остановился, заговорилъ съ ней, но она ушла. Въ слѣдующій вечеръ мальчикъ видѣлъ, какъ два человѣка схватили дѣвушку и, закрывъ ей ротъ, насильно утащили куда то. Мальчикъ раньше молчалъ изъ страха, а теперь, понадѣявшись на хорошее вознагражденіе, разсказалъ все и описалъ мнѣ платье и наружность обоихъ бандитовъ. Я сталъ тщательно наблюдать за палаццо въ Рокка-Петрелла: ночью я, какъ волкъ, бродилъ подъ его стѣнами, а днемъ сидѣлъ въ кустахъ. Однажды открылись ворота и изъ нихъ вышелъ человѣкъ, въ которомъ я сразу узналъ одного изъ бандитовъ, описанныхъ мнѣ мальчикомъ. Я бросился на него, повалилъ его на землю; бандитъ не успѣлъ опомниться... Я обѣщалъ пощадить ему жизнь, если онъ разскажетъ мнѣ, какъ онъ убилъ дѣвушку. Бандитъ изъ одного лишь страха разсказалъ мнѣ все. Графъ Ченчи увидѣлъ дѣвушку, и она очень понравилась ему; онъ велѣлъ двумъ слугамъ притащить ее въ замокъ, надѣясь, что тамъ она отдастся ему. Замѣтивъ, что словами онъ ничего не достигнетъ, онъ прибѣгъ къ насилію, однако дѣвушка оказалась сильнѣе старика и повалила его на землю. Но раньше, чѣмъ она могла подумать о своемъ спасеніи, графъ нанесъ ей нѣсколько ударовъ кинжаломъ, отъ которыхъ она упала замертво. Графъ сталъ топтать лицо ея ногами и велѣлъ слугамъ оттащить трупъ къ дубу св. Дѣвы. Онъ самъ шелъ за слугами съ фонаремъ и, когда они положили трупъ на землю, онъ вынулъ большой охотничій ножъ и вонзилъ его въ трупъ съ такой силой, что остріе вошло глубоко въ землю. Когда я услыхалъ все это, ярость овладѣла мною. Я съ помощью моихъ товарищей вторгся въ Рокка-Петрелла, ограбилъ и поджегъ палаццо, но графъ спасся бѣгствомъ. Мое чувство мести требовало смерти графа: я остригъ волосы, сбрилъ бороду, переодѣлся и отправился въ Римъ. Когда я придумывалъ, какимъ бы образомъ мнѣ поступить въ вашъ домъ, сама судьба помогла мнѣ. Идя однажды по Испанской площади, я услыхалъ крики и увидѣлъ бѣгущихъ испуганныхъ людей. Оказалось, что лошади понесли чей-то экипажъ, кучеръ упалъ и расшибся. Лошади неслись какъ бѣшенныя. Люди со страхомъ разбѣгались или безучастно смотрѣли на это зрѣлище. Тогда я бросился къ лошадямъ, схватилъ уздечку: лошади протащили меня нѣкоторое разстояніе по землѣ, но наконецъ мнѣ удалось остановить ихъ. Изъ экипажа спокойно смотрѣлъ на меня пожилой господинъ, похвалилъ мое мужество и велѣлъ мнѣ въ тотъ же день явиться въ палаццо графа Ченчи. Такъ привела меня судьба въ вашъ домъ. Когда я пришелъ, графъ хорошо принялъ меня, подробно разспросилъ о моемъ положеніи и предложилъ мнѣ поступить къ нему на службу. Этого я только и хотѣлъ. Я мечталъ избить всѣхъ его дѣтей, чтобы онъ пережилъ ихъ, чтобы сама жизнь была для него

мученіемъ, а смерть желаннымъ избавленіемъ. Постепенно я пріобрѣлъ полное довѣріе графа, но тутъ я увидѣлъ, что исполненіе моего плана доставило бы ему только удовольствіе. Его ненависть къ своимъ дѣтямъ парализовала мою ненависть, да и если бы я дѣйствительно перенесъ мою злобу съ отца на дѣтей, то я не могъ бы больше мучить ихъ, чѣмъ онъ самъ мучилъ. Вскорѣ злоба моя смѣнилась сочувствіемъ къ дѣтямъ... въ особенности же къ вамъ, синьора Беатриче... Я знаю, что вы любите монсиньора Гвидо, уважаю его и не разъ уже тайно помогалъ вамъ. Какъ часто старый негодяй могъ застигнуть васъ вмѣстѣ, если бы я не мѣшалъ ему! Послѣдній разъ я, правда, не могъ заранѣе предупредить монсиньора Гвидо, но я принудилъ его бѣжать и этимъ спасъ ему жизнь, иначе онъ не помогъ бы вамъ и лишь погубилъ бы себя... Я пришелъ въ этотъ домъ, чтобы выполнить мое намѣреніе и теперь ради этого ухожу отсюда. Вы не хотите, чтобы я избавилъ васъ отъ этого чудовища, но отказаться ради васъ отъ мести я тоже не могу. Къ тому же я боюсь, что если здѣсь, въ домѣ совершится убійство, то подозрѣніе падетъ на васъ. Мое пребываніе здѣсь было бы гибельно для васъ, а помочь вамъ я теперь не могу, поэтому я ухожу...

— Ахъ, не убивайте графа! воскликнула Беатриче,—онъ уже старъ, скоро онъ предстанетъ на судъ Божій!

— Оставить ему жизнь? Развѣ это возможно! воскликнулъ Марціо и ударилъ себя рукою въ лобъ, точно вспомнивъ о чемъ-то.—Развѣ вы не знаете, что самъ онъ жить не можетъ безъ убійствъ? Вотъ и теперь—если бы я еще дольше пробылъ здѣсь, одинъ несчастный умеръ бы съ голоду.

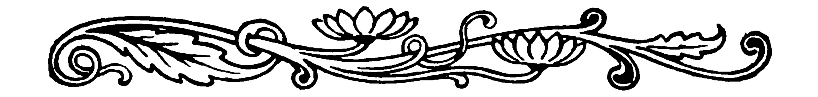
— Какъ, съ голоду?

— Да, какой стыдъ! Но съ вами можно и о раѣ забыть... Бѣдный Олимпіо!..

Марціо взялъ фонарь, связку ключей, корзину, которую онъ поставилъ было на землю, и поспѣшно направился въ другую сторону подземелья. Беатриче, хотя ей очень трудно было ходить, пошла за нимъ, чтобы узнать тайну, на которую намекнулъ Марціо.

(*До слѣд. №*).

Ф. Гверацци.



Изъ воспоминаній смолянки.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА VIII.

Роковое самоубійство. — Наши дѣтскія впечатлѣнія по этому поводу. — Дѣтская страсть ко всему таинственному. — Фантастическія легенды. — Заложенная въ стѣнѣ монахиня.—Стучащій гномъ.—Старое зданіе монастыря.— Квартира бывшей фаворитки Е. И. Нелидовой.—Ея сестра Н. И. Нелидова.— Новыя инспектриссы.

Передаваемый ниже случай былъ первой серьезной житейской драмой, разыгравшейся на моихъ дѣтскихъ глазахъ.

Случилось это передъ переходомъ нашимъ въ средній, или голубой классъ, инспектрисой котораго была въ то время нѣкто г-жа Б..., личность очень мрачная, непривѣтливая и не пользовавшаяся положительно ничьими симпатіями въ Смольномъ. Г-жа Б... была матерью трехъ молодыхъ генераловъ, и блестящей карьерѣ сыновей она, какъ говорили тогда, обязана была тѣмъ, что ее терпѣли въ институтѣ.

Каждая изъ инспектрисъ пользовалась даровыми услугами двухъ казенныхъ горничныхъ. Кромѣ того, каждая изъ нихъ держала еще личную свою, „вольную“ прислугу, всегда враждовавшую съ прислугой казенной. Б... была нѣмка по происхожденію, почему и личная ея горничная, нанятая ею среди столичныхъ нѣмокъ или чухонокъ, пользовалась у нея особеннымъ фаворомъ и положительно угнетала казенную горничную Сашу, молоденькую и живую блондинку, которой, при всей ея жизнерадостности, приходилось нерѣдко горько плакать отъ угнетеній злой нѣмки.

Вскорѣ горничная замѣтила, что хорошенькая Саша сдѣлалась предметомъ особаго вниманія молодого унтеръ-офицера Андрея, одного изъ служителей института. Завидно-ли стало старой, некрасивой нѣмкѣ молодое счастье хорошенькой Саши, досадно-ли ей было, что честный и любящій Андрей началъ разговоръ о бракѣ, но нѣмка поклялась погубить несчастную Сашу, и это ей скоро удалось при посредствѣ ея госпожи.

Въ одинъ прекрасный день изъ письменнаго стола въ спальнѣ старой инспектрисы пропало десять рублей, сумма, конечно, маловажная сравнительно съ тѣмъ, что получала г-жа Б..., но значительная при ея скупости и неумолимой черствости ея характера.

Начались розыски, и негодная рыжая нѣмка (любимица старухи была совершенно рыжая) естественнымъ образомъ направила всѣ подозрѣнія барыни на ни въ чемъ неповинную Сашу. Ее призвали, начали укорять, угрожать ей.... Все было напрасно. Молодая дѣвушка не сознавалась, такъ какъ собственно говоря, ей и сознаваться было не въ чемъ. Денегъ она не только не брала, но и не видала, такъ какъ въ спальню г-жи Б... одна почти никогда не входила. Право это было почти исключительно предоставлено рыжей нѣмкѣ. Тогда бѣдной, ни въ чемъ неповинной Сашѣ стали угрожать наказаніемъ, которое въ ту минуту равнялось для нея почти смертной казни.

Надобно сказать, что незадолго до того поступившая инспектрисой пепиньерокъ Слонецкая, о которой мнѣ приходилось уже упоминать выше, — всецѣло овладѣла умомъ и всей особой нашей слабохарактерной, хотя и очень доброй отъ природы начальницы Леонтьевой, и съ каждымъ днемъ, подъ ея вреднымъ вліяніемъ, въ обыденную жизнь Смольнаго вносились новые порядки, вредно вліявшіе на весь строй института. Однимъ изъ самыхъ грустныхъ нововведеній, придуманныхъ Слонецкой, было строгое преслѣдованіе институтской прислуги, и почти звѣрское наказаніе молодыхъ горничныхъ, не соблюдавшихъ полную чистоту нравовъ,— отрѣзываніемъ у нихъ косы.

Подобное явленіе, царившее въ мрачныхъ углахъ самаго закоренѣлаго крѣпостничества, конечно, менѣе всего должно было бы имѣть мѣсто въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ (такъ именовался въ то время Смольный монастырь), и немного ума и проницательности нужно было имѣть на то, чтобы по достоинству понять и оцѣнить эту мѣру въ стѣнахъ перваго изъ русскихъ институтовъ, — но Леонтьева, ослѣпленная тонкой, властной лестью Слонецкой, подчинялась ей во всемъ и съ этимъ позорнымъ нововведеніемъ примирилась, какъ примирялась со всѣми выдумками Слонецкой, получившей за это новое изобрѣтеніе прозвище „стрижки", оставшееся за нею навсегда. Впослѣдствіи мы, начитавшись историческихъ романовъ Дюма, прозвали Слонецкую „Son Eminence Grise", но вульгарной клички „стрижка" это съ нея не сняло.

Надъ дѣтьми Слонецкая много мудровать боялась. Она хорошо понимала, что за дѣтей вступятся родители, а за беззащитную, безродную прислугу заступиться было некому, и тутъ ея неистощимая фантазія работала на свободѣ.

Добившись того, что безхарактерная Леонтьева согласилась на стрижку косъ прислуги, Слонецкая пошла дальше и настояла на томъ, чтобы такъ или иначе провинившуюся прислугу подвергали тѣлесному наказанію, и притомъ въ присутствіи или даже чуть ли не черезъ посредство мужской прислуги института, гдѣ унтеръ-офицеры считались прямымъ начальствомъ всего штата наличной прислуги, какъ мужской, такъ и женской.

Съ ужасомъ вспоминаю я, что все это совершалось на нашихъ глазахъ, что про все это мы знали, и что Слонецкая, этотъ современный варіантъ на пресловутую „Салтычиху", числилась почти въ рядахъ нашихъ воспитательницъ.

Злая нѣмка, видя, что подозрѣніе, заявленное подъ ея диктовку противъ несчастной Саши, не привело ни къ какому результату, пошла дальше и посовѣтовала своей госпожѣ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и какъ слѣдуетъ припугнуть ни въ чемъ не сознававшуюся молодую дѣвушку. „Припугнуть" на языкѣ этихъ тирановъ значило пригрозить ей тѣлеснымъ наказаніемъ въ присутствіи любимаго ею человѣка.

Несчастная дѣвушка обезумѣла отъ ужаса. Она бросилась на колѣни передъ старой инспектриссой, просила ее, молила... клялась въ своей невинности... обѣщала заслужить, отработать эти несчастные 10 рублей.... Ничто не помогло, и звѣрскій приговоръ былъ произнесенъ.

Произошло все это во время нашей послѣобѣденной рекреаціи, когда дѣти гуляли въ саду, но, къ счастію, не въ англійскомъ, который носилъ у насъ названіе „маленькаго сада" и былъ расположенъ передъ окнами нашихъ классовъ и дортуаровъ, а въ такъ называемомъ „большомъ саду", тѣнистомъ и старомъ, съ большими широкими аллеями, расположенномъ на берегу Невы, подъ окнами стараго зданія бывшаго монастыря, и отдаленнаго отъ нашего институтскаго жилого помѣщенія.

Несчастная Саша, услыхавъ, что послали „за солдатомъ" и, по утонченной жестокости старой инспектрисы, именно за женихомъ напрасно обвиняемой дѣвушки, — прямо дошла до изступленія.... Она въ послѣдній разъ вбѣжала въ комнату старой Б... и, крикнувъ ей громко: „Такъ пейте же мою кровь!.." бѣгомъ бросилась вонъ и подъ гнетомъ безотчетнаго, безумнаго страха побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Квартира Б... помѣщалась въ бель-этажѣ и выходила окнами въ садъ. Въ своемъ безумномъ бѣгѣ вверхъ по лѣстницѣ Саша услыхала за собою погоню и, предполагая, что ее догоняютъ для исполненія надъ нею жестокаго приговора, она ускорила свой бѣгъ и, миновавъ верхній этажъ, въ которомъ помѣщались дѣтскіе дортуары, ринулась выше, по ступенямъ чердака.

Голова у нея закружилась окончательно... Она рванулась впередъ... подбѣжала къ слуховому окну и выскочила на крышу... О вышинѣ зданія Смольнаго монастыря говорить излишне... Кто не знаетъ этой громады?... И можно себѣ представить весь ужасъ несчастной дѣвушки, когда она увидала себя на этой страшной высотѣ, одну, съ раздававшимися за нею шагами неустанной, смѣлой погони... Отчаяніе охватило ее... Мысль о неизбѣжности самоубійства выросла въ ея больномъ мозгу до полнаго убѣжденія въ необходимости страшнаго исхода... Она попробовала подвинуться къ крайнему выступу крыши... попробовала взглянуть внизъ... и въ ужасѣ отскочила....

Умирать не хватало духа... а жить было невозможно...

Несчастная безумно завертѣлась на крышѣ и, не удержавшись

отъ сильнаго головокруженія, со всего размаха упала въ садъ, на каменныя плиты, проложенныя вдоль зданія...

Это произошло въ ту самую минуту, когда догонявшая ее мужская прислуга выбѣжала за нею на крышу... съ цѣлью ли удержать и спасти несчастную, или же поймать ее для исполненія надъ нею жестокаго приговора... Это такъ и осталось невыясненнымъ.

Случайно, или по роковому разсчету доведеннаго до безумія человѣка несчастная упала подъ самыми окнами Б... и совершила свой страшный, предсмертный полетъ мимо нея. Б... въ то время сидѣла передъ окномъ своей гостиной.

Разбилась несчастная Саша страшно, но поднята была съ каменныхъ плитъ еще живая и на простыняхъ отнесена въ больницу.

Умерла она только три или четыре дня спустя, въ полной памяти, успѣвъ исповѣдаться и причаститься и, по слухамъ, отказавшись простить виновницѣ своей погибели...

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, на котораго вся эта исторія произвела, по слухамъ, очень сильное впечатлѣніе, лично навѣстилъ несчастную въ больницѣ и, какъ тогда говорили, долго бесѣдовалъ съ нею.

Какъ уладилась вся эта страшная исторія, я не помню, знаю только, что Б..., нѣкоторое время проболѣвъ, оправилась и еще нѣсколько лѣтъ занимала свой постъ инспектрисы въ Смольномъ монастырѣ.

Несравненно памятнѣе мнѣ тотъ ужасъ, въ который насъ всѣхъ повергло это событіе, и тотъ почти безумный страхъ, который намъ внушали каменныя плиты, хранившія еще слѣды плохо смытой крови, и въ расщелинахъ которыхъ блестѣли на солнцѣ осколки бусъ, очевидно бывшихъ на шеѣ несчастной Саши въ моментъ ея рокового паденія.

Долгое время послѣ этого случая мы боялись проходить вечеромъ по корридору, а въ „маленькій садъ" въ сумерки мы не вышли бы ни за какія блага въ мірѣ.

Вообще, паническій страхъ царилъ между нами въ значительной степени, и въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, какъ и въ стѣнахъ всякаго стариннаго зданія, жили свои легенды, передававшіяся отъ класса къ классу.

Такъ, согласно одной изъ легендъ, въ старомъ зданіи монастыря, нѣкогда обитаемомъ въ дѣйствительности монахинями, была когда-то замурована въ каменную стѣну одна изъ послѣднихъ инокинь, совершившая что то противное монастырскому уставу и строгому иноческому обѣту. Говорили, что монахиня эта порою плачетъ и стонетъ въ своей каменной могилѣ, и что въ темныя ночи по длиннымъ и глухимъ корридорамъ стараго зданія слышенъ бываетъ шумъ ея шаговъ и шуршаніе ея длинной монашеской рясы. Откуда доходили къ намъ эти фантастическія легенды, рѣшить трудно, но знали о нихъ всѣ дѣти и почти всѣ поголовно имъ вѣрили.

Зданіе бывшаго монастыря какъ нельзя болѣе подходило ко всѣмъ этимъ мрачнымъ и фантастическимъ вымысламъ; насъ водили попарно гулять по его длиннымъ, холоднымъ корридорамъ зимою, когда погода была слишкомъ дурна, и видъ этого мертваго,

опустѣвшаго зданія, этихъ длинныхъ корридоровъ, подъ сводами которыхъ такъ гулко раздавались звуки нашихъ шаговъ и нашихъ отрывочныхъ разговоровъ,—наполнялъ наши дѣтскія сердца чувствомъ невыразимаго ужаса...

Въ стѣнахъ новаго зданія, въ которомъ жили мы, тоже существовали свои легенды, но онѣ были какъ-то наивно, безпочвенно фантастичны и въ силу этого даже страха намъ почти не внушали. Все, что мнѣ теперь припоминается отъ этихъ фантастическихъ преданій, ограничивается какимъ-то карликомъ или гномомъ, который якобы время отъ времени стучался въ громадныя двери нашей большой, двусвѣтной, мраморной залы... Никто, конечно, этого гнома никогда не видалъ, самый разсказъ о немъ не имѣлъ подъ собою никакой логической почвы, но воспріимчивые дѣтскіе нервы и съ этимъ вздоромъ считались, и къ запертымъ дверямъ мраморной залы никто изъ насъ вечеромъ подойти не рѣшился бы.

Заговоривъ о старомъ зданіи Смольнаго монастыря, я не могу обойти молчаніемъ расположенную въ немъ квартиру знаменитой Екатерины Ивановны Нелидовой, друга и фаворитки императора Павла I-го, которая удалилась въ это помѣщеніе, когда время ея личнаго фавора прошло. Въ бытность мою въ маленькомъ классѣ, я живо помню сестру Екатерины Ивановны, дряхлую уже въ то время старушку, Наталью Ивановну Нелидову, доживавшую свой вѣкъ въ аппартаментахъ сестры и жившую съ экономіей, о которой только гоголевскій Плюшкинъ можетъ дать точное понятіе. Какъ теперь вижу я передъ собой сгорбленную отъ старости, худенькую фигуру, въ какомъ-то допотопномъ желтомъ салопѣ, неизмѣнномъ и лѣтомъ и зимою, съ высохшими, непріятно заостренными чертами лица, окруженнаго ореоломъ крахмальныхъ оборокъ большого кисейнаго чепца. Наталья Ивановна часто посѣщала мою тетку, хорошо и близко знавшую нѣкогда Екатерину Ивановну и тщательно сохранявшую массу полученныхъ отъ нея писемъ.

Квартира бывшей фаворитки, долго пустовавшая послѣ смерти ея сестры, была впослѣдствіи отведена подъ временный лазаретъ для дѣтей, заболѣвшихъ коклюшемъ, и такъ какъ я была въ числѣ больныхъ, то мнѣ эта въ сущности почти историческая квартира какъ нельзя болѣе памятна. Она состояла всего изъ пяти комнатъ, и, быть можетъ, въ моментъ своего первоначальнаго устройства и была относительно роскошна, но съ теченіемъ времени вся эта роскошь исчезла, и намъ, дѣтямъ, она казалась только оригинальной и почти смѣшной. Гостиная въ этой квартирѣ была расписана амурами на потолкѣ и вычурными ландшафтами въ простѣнкахъ, а угольная, или, какъ она продолжала называться, «боскетная», изображала собою нарисованную на стѣнахъ густую рощу, съ ярко голубымъ потолкомъ, очевидно призваннымъ изображать небо. Кухня и службы помѣщались внизу, и туда вела узкая и довольно крутая мраморная лѣстница. Лѣстница, которая вела въ комнаты изъ широкихъ сѣней, была нѣсколько шире и тоже вся мраморная, такъ же какъ и всѣ подоконники въ самой квартирѣ.

Въ общемъ, повторяю, не только ничего роскошнаго и грандіознаго, но даже ничего указывавшаго на особый, заботливо устроен-

ный комфортъ въ квартирѣ не было, и остается только удивляться тому отсутствію требованій, при наличности котораго для всемогущей временщицы такого деспотически требовательнаго государя какимъ былъ императоръ Павелъ. не могли ничего придумать и устроить лучше этого скромнаго помѣщенія.

Тетка моя, по ея разсказамъ, была очень близка къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой, въ то время когда она жила въ Смольномъ, но, къ сожалѣнію, ея переписка съ нею не сохранилась, и вообще мнѣ совершенно неизвѣстно, какая судьба постигла всю обширную корреспонденцію тетушки, которая поддерживала переписку со многими историческими лицами, съ великимъ князем Михаиломъ Павловичемъ во главѣ.

Великій князь, какъ извѣстно, выше всего цѣнившій въ людяхъ умъ, очень любилъ живой и всегда находчивый разговоръ тетки, которая много видѣла и испытала на своемъ вѣку и умѣла быть обаятельно любезной. Къ сожалѣнію, въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, ввѣреннымъ ея надзору и воспитанію, она проявляла это качество очень рѣдко.

За выходомъ въ отставку вышеупомянутой г-жи Б... инспектрисой назначена была нѣкто г-жа Вельцъ, вдова доктора, только что схоронившая мужа и пріѣхавшая къ намъ на службу съ тремя дѣтьми: двумя маленькими дѣвочками и крошечнымъ мальчикомъ Максомъ, который вѣчно о чемъ-нибудь плакалъ и сокрушался, что насъ всѣхъ ужасно смѣшило. M-me Вельцъ была женщина кроткая, сдержанная и всегда ровная въ обращеніи, представляя яркій контрастъ своей предшественницѣ, рѣзкій тонъ которой былъ невыносимъ даже для маленькихъ дѣвочекъ.

Но, повторяю, съ инспектрисами другихъ классовъ мы ровно ничего общаго не имѣли, и потому какъ о m-me Вельцъ, такъ и о ея предшественницѣ m-me Б... я сужу только по наслышкѣ да по тѣмъ фактамъ, которые, подобно приведенному мною выше эпизоду съ несчастной горничной, сами громко говорятъ за себя.

Была одновременно съ m-me Вельцъ другая, тоже семейная инспектриса. Вѣра Николаевна Скрипицына, меньшая дочь которой Юлія, или, какъ мы ее звали, Юша, воспитывалась въ одномъ классѣ со мною, тогда какъ старшая, Екатерина, была однимъ классомъ старше. В. Н. Скрипицына недолго оставалась у насъ инспектрисой; ей быстро улыбнулась судьба, и послѣ посѣщенія Смольнаго наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ,—впослѣдствіи императоръ Александръ II,—оставшимся очень довольнымъ внѣшнимъ видомъ маленькихъ «кафулекъ», Скрипицына была назначена воспитательницей къ дочери наслѣдника, великой княжнѣ Александрѣ Александровнѣ, которой тогда, если не ошибаюсь, шелъ 6-й или 7-й годъ.

Этотъ очаровательный ребенокъ скончался черезъ годъ или полтора послѣ поступленія Вѣры Николаевны, а съ кончиной великой княжны звѣзда ея воспитательницы вновь закатилась.

ГЛАВА IX.

Частыя посѣщенія маленькой великой княжны. — Столкновеніе ея съ воспитавницей.—Кончина великой княжны.—Переходное состояніе въ институтской жизни.—„Лишнія науки".—Французскій учитель и русскій профессоръ.— Учитель танцевъ Огюстъ.—Преподавательница мадамъ Ришаръ.

У Скрипицыной, кромѣ двухъ дочерей, былъ еще сынъ Коля, сначала гимназистъ, а затѣмъ воспитанникъ юнкерскаго училища, но ему, какъ мальчику, не было разрѣшено пребываніе въ квартирѣ матери и, проводя у нея день и все свободное отъ ученія время, онъ долженъ былъ отправляться ночевать въ квартиру нашего полицеймейстера, барона Гейкинга, бравого отставного военнаго, иначе не появлявшагося передъ нами, какъ въ полной парадной формѣ и съ треугольной шляпой, украшенной густымъ пѣтушинымъ плюмажемъ. Его симпатичную, но все-таки довольно комичную фигуру мнѣ чрезвычайно какъ напоминалъ всегда покойный Киселевскій, когда онъ игралъ Скалозуба.

Съ переселеніемъ Вѣры Николаевны во дворецъ обѣ дочери ея, до того времени только посѣщавшія классы въ качествѣ экстерновъ, но жившія у матери, поступили въ число живущихъ воспитанницъ но по воскресеньямъ, съ разрѣшенія государыни, ѣздили во дворецъ къ матери, гдѣ близко видѣли очаровательную маленькую великую княжну.

Благодаря ея исключительной любви къ Юшѣ, которая была по крайней мѣрѣ на 7 или на 8 лѣтъ старше ея, великая княжна стала очень часто посѣщать Смольный и настояла даже на томъ, чтобы ей сшито было форменное институтское платье. Она была чрезвычайно миловидна какъ ребенокъ, но съ годами миловидность эта врядъ ли бы сохранилась. благодаря тому, что граціозное дѣтское личико малютки очень напоминало портретъ ея прадѣда, императора Павла I-го. Великая княжна была совершенно бѣлокура, и головка ея была всегда тщательно завита въ маленькія букольки, которыя она очень граціозно откидывала назадъ, когда онѣ мѣшали ей играть, а играла она, вся отдаваясь затѣянному развлеченію, и не любила, чтобы ее въ это время прерывали. Она была, если я не ошибаюсь, годомъ или двумя старше покойнаго наслѣдника Николая Александровича, съ которымъ, по разсказамъ ея воспитательницы, а также и Юши Скрипицыной, проводившей въ обществѣ княжны всѣ свои праздничные досуги, очень часто и довольно ожесточенно воевала.

Въ общемъ это былъ обаятельно добрый и веселый ребенокъ, и никто бы не подумалъ, когда она играла и рѣзвилась среди насъ, спускаясь храбро на ножкахъ съ устроенной въ нашей рекреаціонной залѣ паркетной горы, что смерть ея такъ близка.

Во время довольно частыхъ пріѣздовъ своихъ къ намъ великая княжна играла исключительно только съ воспитанницами нашего класса, частью потому, что среди насъ была ея любимица Юша, а частью и потому, что мы тогда только что переходили въ старшій классъ, а съ очень маленькими дѣвочками она играть не любила,

напуганная случаемъ съ 7-лѣтней маленькой дикаркой Махиной, безцеремонно отнесшейся къ княжнѣ при возникшемъ спорѣ изъза куклы. Скорѣе удивленная, нежели оскорбленная такимъ неожиданнымъ нападеніемъ на нее, княжна укоризненно покачала головкой и сказала:

— Ну, какая ты!!.. Ай, ай, ай!!..

Маленькую дикарку, незадолго передъ тѣмъ привезенную съ Кавказа, едва оттащили отъ неугодившей ей великой княжны, но наказана она не была, по настоянію императрицы Александры Ѳеодоровны, такъ и оставившей за бунтовщицей Махиной шутливое названіе „буянъ“.

Мы въ послѣдній разъ видѣли княжну незадолго до ея болѣзни, которая и свела ее въ раннюю могилу. Она пріѣзжала къ намъ, уже слегка кашляя, и показалась намъ блѣднѣе обыкновеннаго, а недѣлю или полторы спустя она уже лежала въ жестокой скарлатинѣ; не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, она вновь слегла, чтобы ужъ больше не вставать.

Государь, обожавшій дочь, былъ, говорятъ, неутѣшенъ и цѣлый день просидѣлъ одинъ, молча, въ своемъ кабинетѣ, ни съ кѣмъ ни слова не сказавъ.

Насъ по выбору возили прощаться съ великой княжной, но я по болѣзни не попала въ число выбранныхъ на этотъ разъ воспитанницъ.

Семейство Скрипицыныхъ было неутѣшно, да оно и понятно: съ кончиной великой княжны оканчивалась открывшаяся передъ ними карьера...

Но я опять забѣжала впередъ и не остановилась на томъ моментѣ нашей институтской жизни, который для всѣхъ насъ имѣлъ серьезное значеніе, а именно на переходѣ изъ старшаго класса въ средній, или „голубой“.

Переходъ этотъ былъ для каждой изъ насъ рѣшающимъ моментомъ нашей ученической жизни. До перехода въ „голубыя“ можно было почти не учиться, въ особенности если дѣвочка была достаточно приготовлена въ научномъ смыслѣ до поступленія своего въ институтъ. Проходились въ маленькомъ, или кофейномъ, классѣ самыя элементарныя вещи, и не знать того, что тамъ задавалось, было почти невозможно; но съ переходомъ въ средній классъ начиналось уже серьезное, отвѣтственное ученіе, и тутъ разъ навсегда выяснялось, кто съ успѣхомъ окончитъ курсъ наукъ, и кто оставитъ гостепріимныя стѣны института, не вынеся съ собой никакихъ познаній, кромѣ умѣнья сдѣлать достаточно низкій и почтительный реверансъ по всѣмъ законамъ этикета. Этому, повторяю еще разъ, учили зорко и внимательно; все остальное отходило на второй планъ.

Были даже науки, самимъ начальствомъ признававшіяся безполезными и преподававшіяся, какъ говорится, „спустя рукава“. Во главѣ такихъ наукъ стояла физика, которая преподавалась только въ старшемъ классѣ и притомъ сначала на французскомъ діалектѣ, такъ какъ читалъ этотъ предметъ природный французъ и даже парижанинъ Помье, быстро уловившій суть нашего до-

вольно эфемернаго воспитанія и сумѣвшій сдѣлать изъ своихъ лекцій нѣчто въ родѣ интереснаго и отчасти таинственнаго спектакля.

То онъ всѣ окна въ физическомъ кабинетѣ завѣшивалъ и показывалъ намъ китайскія тѣни, то посредствомъ камеръ-обскуры знакомилъ насъ съ новымъ въ то время искусствомъ свѣтовой фотографіи, то телеграфы намъ изъ одной комнаты въ другую проводилъ, такъ что даже нашъ сторожъ Никифоръ, на котораго вмѣстѣ съ обязанностью чередовыхъ звонковъ возложена была и обязанность присмотра за физическимъ кабинетомъ, конфиденціально сообщалъ намъ, въ отвѣтъ на наши заботливые разспросы объ урокахъ: „Не извольте безпокоиться, сегодня французъ спрашивать не станетъ!.. Сегодня страшное представленіе готовится!..“.

Но Помье училъ насъ недолго. Болтливый французъ подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ имъ газетъ сболтнулъ что-то недолжное, и ему пришлось не только Петербургъ оставить, но и съ Россіей распрощаться навсегда, и притомъ довольно стремительно.

Мы всѣ отъ души пожалѣли объ его отъѣздѣ, и сожалѣніе это приняло особо сильный и откровенный характеръ, когда намъ пришлось познакомиться съ замѣнившимъ его профессоромъ Лавоніусомъ, сразу почти испугавшимся тѣхъ безсодержательныхъ пустяковъ которыми онъ встрѣтился, подъ громкимъ названіемъ «курса физическихъ наукъ».

Такъ, для знакомства съ силой и происхожденіемъ грома и молніи въ нашемъ физическомъ кабинетѣ имѣлся какой-то злополучный красный домикъ, который моментально разрушался отъ привода ремня электрической машины, чтобы вновь создаться подъ умѣлыми руками нашего вѣчно хмураго Никифора. Имѣлись приспособленныя къ той же многострадальной машинѣ крошечныя качели, на которыхъ, граціозно развалясь и ухватившись руками за веревки, качалась какая-то глупая кукла въ розовомъ платьѣ. Имѣлся стеклянный бассейнъ съ плававшими по немъ уточками и рыбками, которыя шли за магнитомъ, на подобіе грошевыхъ лубочныхъ игрушекъ... Словомъ, имѣлся цѣлый арсеналъ вздора, при осмотрѣ котораго серьезный и глубоко ученый Лавоніусъ почувствовалъ себя какъ бы обиженнымъ и пристыженнымъ...

— Что жъ это... такое?.. безпомощно повторялъ онъ, разводя руками. — Какое же это ученье?.. Какъ же и что преподавать въ этомъ игрушечномъ магазинѣ?.

Но мы всѣ къ «игрушечному магазину» привыкли, нѣкоторыя изъ нашихъ классныхъ дамъ, при насъ еще бывшія пенсіонерками, сами выросли на этихъ «игрушечкахъ», и потому дѣльный протестъ серьезнаго профессора произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе придирчиваго требованія. а самъ Лавоніусъ сразу былъ причисленъ къ «безпокойнымъ людямъ» и «противнымъ».

Тѣмъ не менѣе, разъ поступивъ въ ряды нашихъ преподавателей и заранѣе представленный министру народнаго просвѣщенія, принцу Ольденбургскому и членамъ совѣта, — Лавоніусъ уже не захотѣлъ портить себѣ карьеры и, скрѣпя сердце, остался въ рядахъ нашихъ профессоровъ.

Намъ всѣмъ это оказалось совсѣмъ не по душѣ. Вмѣсто веселой французской болтовни мы услыхали серьезную русскую рѣчь.

пересыпанную «мудреными» словами и выраженіями, намъ дотолѣ невѣдомыми; вмѣсто прежнихъ «страшныхъ представленій» начались серьезныя и правильныя лекціи, а главное уроки пришлось учить и готовить, такъ какъ Лавоніусъ «спрашивалъ» всѣхъ, не соблюдая даже очереди, а по вдохновенію вызывая кого ему вздумается, и словно чутьемъ угадывая, кто именно на этотъ разъ вовсе не приготовилъ урока. Отсюда вѣчная борьба между профессоромъ и ученицами, борьба ожесточенная и полная непримиримой злобы съ нашей стороны и какъ-то особо холодно-презрительная со стороны стараго профессора.

О томъ, что приглашенный къ намъ вновь Лавоніусъ былъ старъ и некрасивъ, я считаю излишнимъ распространяться.

Всѣ наши учителя и профессора были какъ на подборъ стары и некрасивы, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Даже въ преподаватели искусствъ намъ выбирали все стариковъ и уродовъ, и когда за выслугою лѣтъ преподавательницы танцевъ, m-me Кузьминой—бывшей танцовщицы Лустигъ—къ намъ былъ приглашенъ танцовщикъ императорскихъ театровъ, красивый французъ, мосье Огюстъ, то ему отданы были въ вѣдѣніе только два меньшіе класса, а для старшаго класса взята была старая театральная танцовщица Ришаръ, которой въ этомъ дѣлѣ помогала ея дочь, впослѣдствіи очень извѣстная въ балетномъ мірѣ, Зинаида Ришаръ.

Но брать за руки воспитанницъ, поправляя ихъ позы или, нагнувшись, рукою поправлять имъ неправильно поставленныя ноги Огюстъ могъ только въ младшемъ классѣ, относительно же «голубыхъ» во всей силѣ практиковался испанскій законъ: «Ne touchez pas à la reine».

Все это вводилось и исполнялось по личной иниціативѣ нашей директрисы, Леонтьевой, женщины дѣйствительно безупречной до святости и, ежели можно такъ выразиться, «до безобразія»; за исключеніемъ же ея, весталокъ, сколько я могла впослѣдствіи понять, кругомъ насъ было мало, и почти всѣмъ окружавшимъ насъ лицамъ, если бы они захотѣли быть вполнѣ откровенными и безпристрастными, пришлось бы пойти по стопамъ того французскаго проповѣдника, который, произнося горячую рѣчь противъ употребленія табаку, внезапно вынулъ изъ кармана табакерку и, отправивъ въ носъ крупную щепотку табаку, съ улыбкою сказалъ, обращаясь къ слушавшимъ его прихожанамъ: «Mes enfants! Faites comme je dis, et non pas comme je fais!»

Глава X.

Переходъ въ средній классъ.—Смерть воспитанницы.—Крайняя бѣдность казеннаго погребенія.—Кончина взрослой воспитанницы передъ выпускомъ.—Поступленіе маленькой русской иностранки.—Сестры Т—вы. — Княжна Э...—Богачъ Я—въ.—Могущество денегъ.

При переходѣ нашемъ въ средній или «голубой» классъ, умерла одна изъ воспитанницъ, по фамиліи фонъ-Д., и смерть дѣвочки вызвала во всѣхъ тѣмъ большее сожалѣніе, что всѣ, какъ начальство, такъ и дѣти, чувствовали себя виноватыми передъ умершей дѣвочкой.

Дѣло въ томъ, что фонъ-Д., несмотря на очень цвѣтущій видъ, постоянно жаловалась на нездоровье, и такъ какъ по ученью она шла далеко не впереди, то болѣзнь ея въ большинствѣ случаевъ приписывали притворству. Мнѣніе это поддерживали и доктора нашего лазарета, куда дѣвочку, по ея требованію, безпрестанно отправляли для излѣченія, и откуда доктора ее то и дѣло выписывали. Дошло даже до того, что одинъ изъ докторовъ на доскѣ надъ кроватью отправленной въ лазаретъ, жаловавшейся на сильную головную боль фонъ-Д. позволилъ себѣ, вмѣсто обычной надписи, указывавшей на болѣзнь ребенка, написать: «фебрисъ притворисcимусъ».

Каково же было всеобщее удивленіе и недоумѣніе всего лѣчебнаго персонала, когда поступившая вновь въ больницу дѣвочка умерла черезъ нѣсколько дней послѣ своего поступленія. Все начальство заволновалось. Необходимо было донести о смерти воспитанницы государынѣ, а всѣ хорошо знали, какъ это разстроитъ императрицу.

Но этимъ послѣднимъ актомъ, т. е. донесеніемъ о смерти фонъ-Д., окончились всѣ заботы объ ней попечительнаго начальства. Родныхъ у дѣвочки въ Петербургѣ не было никого, хоронить ее приходилось на казенный счетъ, и вотъ тутъ-то ярко выказалось полное отсутствіе человѣчности въ дѣлѣ заботы о дѣтяхъ, ввѣренныхъ попеченію института. О здоровыхъ дѣвочкахъ заботились, больныхъ лѣчили, но, разъ всѣ счеты съ жизнью были покончены, она дѣлалась уже никому не нужна и ни для кого не интересна, и общество, тратившее деньги на ея ученье и образованіе, мелочно торговалось и усчитывало гроши, когда дѣло шло о ея могилѣ. Отпѣвали умершую подругу мы сами, т. е. хоръ пѣвчихъ, составленный изъ воспитанницъ старшаго класса, такъ какъ церковному пѣнію учили только съ переходомъ въ старшій классъ.

Похороны отличались такой бѣдностью, что намъ всѣмъ, присутствовавшимъ при отпѣваніи, жутко и почти совѣстно стало, и если бы мы могли предвидѣть что-либо подобное, то, конечно, лучше бы собрали между собою нужную сумму для приличнаго погребенія подруги. Гробъ былъ простой досчатый, выкрашенный желтою краской, платье на покойницѣ было бѣлое коленкоровое, и вмѣсто покрова лежалъ кусокъ дешевой бѣлой кисеи, еле покрывавшей трупъ. Перевезли тѣло, послѣ отпѣванія, на лодкѣ черезъ Неву, на Охтенское кладбище, въ сопровожденіи больничной сидѣлки и одного изъ прислуживавшихъ солдатъ, и къ нимъ, уже по личному усердію, присоединилась няня, въ дортуарѣ которой была маленькая покойница.

Хотя и дѣтьми мы были въ то время и многаго еще не понимали, но всѣмъ намъ стало до обиды ясно, что какъ на живыхъ людей на насъ въ Смольномъ не смотрѣли, а были мы просто казенными вещами, о сохраненіи которыхъ заботились ровно настолько, насколько забота эта была на виду, и разъ воспитанница не могла уже навлечь собою ни одобренія, ни порицанія за окружающій ее уходъ, объ ней равнодушно забывали.

—

При переходѣ нашемъ въ старшій классъ мнѣ пришлось присутствовать при другомъ погребеніи. Умерла воспитанница старшаго класса за мѣсяцъ до выпуска, но на этотъ разъ покойница была богатая дѣвушка. дочь заслуженнаго и очень состоятельнаго генерала М—цова, и родные ея, пожелавшіе похоронить ее на свой счетъ, не пожалѣли ничего для пышнаго погребенія.

Судьба этой молодой дѣвушки имѣла въ себѣ нѣчто трагическое. Съ дѣтства не пользовавшаяся прочнымъ и надежнымъ здоровьемъ и даже ходившая почти постоянно въ капотѣ вмѣсто платья (что изрѣдка разрѣшалось, по требованію докторовъ, особенно болѣзненнымъ дѣвочкамъ), М—цова тѣмъ не менѣе всѣ девять лѣтъ шла одною изъ первыхъ по ученью и, безпрестанно пролеживая по мѣсяцу и больше въ лазаретѣ, она, при усиленныхъ занятіяхъ, догоняла затѣмъ подругъ своихъ.

Эти усиленныя занятія особенно дали себя чувствовать передъ послѣдними выпускными экзаменами. М—цова знала, что получитъ шифръ, къ этому вели блестящія отмѣтки, получаемыя ею втеченіе всѣхъ 9 учебныхъ лѣтъ, и отъ этой сознательно заслуженной ею награды ничто не заставило бы ее отступить.

Она добилась своего. Всѣ экзамены были блистательно сданы, назначеніе награды шифромъ состоялось, но получить заслуженной награды не пришлось. Надорванныя молодыя силы не выдержали, и несчастная М—цова умерла ровно за мѣсяцъ до выпуска, когда уже ученье было совершенно окончено и оставалось только дождаться публичныхъ и императорскихъ экзаменовъ, которое являлось самымъ веселымъ и интереснымъ моментомъ во всей институтской жизни.

На погребеніе ея, очень пышное и роскошное, явились всѣ профессора въ полномъ составѣ и сами на рукахъ вынесли изъ церкви свою примѣрную ученицу.

Тутъ же въ томъ же самомъ классѣ была другая, родная сестра умершей, но эта, сколько мнѣ помнится, надъ науками не изводилась, силъ своихъ не надрывала и на полученіе шифра никакихъ притязаній не заявляла; зато она цвѣла здоровьемъ и сіяла самой мощной жизнью, въ то время какъ ея несчастная сестра, подъ богатымъ балдахиномъ, вся убранная цвѣтами, направлялась на послѣднее, горькое новоселье.

При переходѣ въ среднiй классъ, какъ я уже сказала, выяснялось относительное положеніе каждой изъ насъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго ученія; не было примѣра, чтобы дѣвочка, съ успѣхомъ дошедшая до «голубого» класса, внезапно переставала учиться или дѣлалась нерадивой къ занятіямъ. Въ дѣтяхъ успѣвало уже вкорениться то чувство долга, которое остается на всю жизнь и благодаря которому мнѣ и теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, не удастся спокойно уснуть, если у меня не написана статья, къ извѣстному сроку обѣщанная мною редакціи.

Это неукоснительное чувство долга способно, по моему крайнему мнѣнію, воспитать и развить въ ребенкѣ только закрытое заведеніе и исключительно только при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ росли мы въ тѣ времена, то есть оставаясь въ стѣнахъ института всѣ 9 лѣтъ безпрерывно.

Когда мы были еще въ маленькомъ классѣ, въ средній классъ поступила княжна Г..., привезенная изъ-за границы и не знавшая ни одного слова по-русски. Поступленіе ея было сопряжено съ какою-то довольно таинственной исторіей, о которой старшіе говорили вполголоса и которая, въ силу этого, насъ сильно интересовала. Сколько мнѣ удалось тогда разслышать и понять, мать княжны перешла въ католическую или лютеранскую вѣру, и дочь, росшая при ней, была взята у нея по домогательству ея мужа, который и пожелалъ, чтобы дѣвочка воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ.

Княжна Г... была уже большая дѣвочка, лѣтъ 14-ти по меньшей мѣрѣ, но въ манерахъ ея было что-то по-дѣтски запуганное или, точнѣе, удивленное. Говорила она преимущественно по-итальянски, а по-французски выговаривала съ замѣтнымъ южнымъ акцентомъ. Училась она видимо кой-чему, но въ смыслѣ общаго образованія такъ отстала, что о танцахъ, напримѣръ, не имѣла ни малѣйшаго понятія, и когда ей стали выправлять ноги, чтобы поставить ихъ на ту или другую позицію, то это довело ее до обморока. Очень добрая и общительная, княжна быстро сошлась и подружилась съ подругами, а старанія ея догнать сверстницъ въ наукахъ дошли до того, что къ переходу въ старшій классъ она уже очень хорошо говорила по-русски, а по окончаніи курса получила шифръ.

Кромѣ того, у княжны Елены оказался очень хорошій голосъ, и на выпускномъ экзаменѣ она пѣла соло, что доставило большое удовольствіе ея отцу, очень заслуженному и увѣшанному орденами генералу.

Представительницъ титулованныхъ и знатныхъ именъ у насъ было очень много, и въ нашъ классъ, когда мы были въ «голубыхъ», привезли двухъ сестеръ Т..., которыя тоже выросли за границей и не понимали ни слова по-русски, и отецъ, которыхъ состоявшій при одномъ изъ нашихъ заграничныхъ посольствъ, впослѣдствіи занималъ очень видное мѣсто при дворѣ.

Обѣ сестры Т.. воспитывались въ одномъ изъ нѣмецкихъ институтовъ, откуда были взяты только при переѣздѣ ихъ отца обратно въ Россію. Онѣ не только не знали ни слова по-русски, но видимо никогда даже не слыхали русской рѣчи, такъ какъ мачеха ихъ (родная мать ихъ умерла въ Италіи, оставивъ ихъ крошечными дѣтьми) была иностранка и сама одновременно съ падчерицами начала брать уроки русскаго языка, котораго, сколько я помню, все-таки усвоить не могла.

Не научились отчетливой русской рѣчи и обѣ Т...., хотя къ окончанію курса и говорили довольно свободно, но все-таки съ замѣтнымъ акцентомъ.

Я хорошо помню, какъ меньшая изъ сестеръ Т...выхъ, послѣ двухъ или трехмѣсячнаго пребыванія въ Смольномъ, читая уже довольно бойко по-русски, но продолжая дѣлать до невозможности неправильныя ударенія, прочитала фразу: «Онъ билъ боленъ» и на вопросъ тетки моей, понимаетъ ли она прочитанное, пресерьезно отвѣчала по-французски:

— Разумѣется, понимаю... Рѣчь идетъ объ Аннѣ Болейнъ, супругѣ Генриха VIII.

Закону Божію обѣ Т... учились особенно усердно и всегда впослѣдствіи отличались религіозностью, хотя дома у нихъ мачеха была, кажется, католичка, а отецъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и просвѣщенныхъ людей своего вѣка, врядъ ли вполнѣ сознательно исповѣдывалъ какую бы то ни было религію. Самого Т... я впослѣдствіи часто и близко видала и имѣла полную возможность оцѣнить и этотъ свѣтлый умъ, и эту свѣтлую душу.

Въ числѣ титулованныхъ дѣвочекъ нашего класса одною изъ самыхъ замѣтныхъ по оригинальности и по крайней, изъ ряда вонъ выходившей смѣлости была маленькая княжна Э..., прехорошенькая дѣвочка, съ задорнымъ личикомъ и не менѣе задорнымъ нравомъ.

Она никого положительно не слушалась, не признавала никакихъ властей и съ утра до ночи воевала со всѣми классными дамами, которыя, однако, не рѣшались особенно строго взыскивать съ нея и очень рѣдко ее наказывали, именно въ силу того, что она никогда и ничему не подчинялась.

Помню, какъ въ бытность нашу въ маленькомъ классѣ она обратила на себя особенное вниманіе великаго князя Константина Николаевича во время выпускныхъ экзаменовъ старшаго класса, на которыхъ мы присутствовали какъ посторонніе зрительницы, разсаженныя по лавкамъ, за баллюстрадой большой мраморной залы.

Она болтала всякій вздоръ, увѣряла великаго князя, что великая княгиня Александра Іосифовна, въ то время бывшая его невѣстой, не въ примѣръ красивѣе его, и подъ конецъ до того разошлась, что, обращаясь съ нимъ совершенно фамильярно, пресерьезно сказала:

— Подите, пожалуйста, пгиведите ко мнѣ вашего бгата.

Она очень сильно картавила.

Великій князь Константинъ ужасно хохоталъ, увѣрялъ, что онъ ревнуетъ ее къ «своему брату»,—рѣчь шла, кажется, о покойномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ—и въ заключеніе предложилъ ей промѣнять разговоръ съ его братомъ на коробку конфетъ, которую обѣщалъ ей принести. Маленькая шалунья согласилась, и великій князь, отойдя на нѣсколько минутъ, вернулся въ сопровожденіи камеръ-лакея, который несъ громадный подносъ съ конфетами. Великому князю легко было это исполнить, такъ какъ въ дни такъ называемыхъ императорскихъ экзаменовъ, когда весь дворъ обыкновенно присутствовалъ при танцахъ и пѣніи воспитанницъ, съ утра въ Смольный привозилась царская кухня и пріѣзжали придворные повара и камеръ-лакеи.

Въ то время это было цѣлымъ событіемъ, на всю жизнь оставлявшимъ неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ дѣвочекъ.

Княжна Э... была поставлена въ особыя семейныя условія. Отецъ и мать ея жили порознь и никогда не встрѣчались, а между тѣмъ Надю—такъ звали маленькую княжну—они оба очень любили, и ей не мало горя доставляла эта семейная рознь, причины которой ей, какъ ребенку, были, конечно, не совсѣмъ понятны, но ко-

торая сильно отражалась на ней. Помню я явственно, какъ одинъ разъ съ бѣдной Надей сдѣлался почти нервный припадокъ, когда въ большую мраморную залу, въ которой обыкновенно происходили свиданія дѣтей съ родными, въ назначенный часъ появились разомъ и мать и отецъ ребенка, и оба, на минуту остановившись, враждебнымъ взглядомъ смѣрили другъ друга.

— Папа!.. Мама!.. могла только выговорить бѣдная дѣвочка и разразилась горькими рыданіями.

Князь уступилъ и, молча передавъ дочери привезенные гостинцы, вышелъ изъ залы, весь блѣдный отъ волненія.

Впослѣдствіи наше начальство, съ согласія членовъ совѣта,— или, точнѣе, даже по ихъ указанію, вошло въ разборъ этихъ семейныхъ распрей, и матери дѣвочекъ, разошедшіяся съ мужьями, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли возможности разговаривать и бесѣдовать съ дочерьми иначе, какъ въ присутствіи дежурной классной дамы.

Такое распоряженіе одновременно и подрывало навсегда родительскій авторитетъ, и ставило ребенка въ неловкое положеніе передъ подругами, въ дѣтскомъ умѣ которыхъ развивалась мысль: что же за мать у воспитанницы такой-то, если ей даже съ родной дочерью говорить запрещено?...

Распоряженіе это являлось одною изъ многочисленныхъ, крайне нелогичныхъ выходокъ нашего институтскаго начальства, по міровоззрѣнію котораго, очевидно, вся жизнь дѣвочки должна была окончиться стѣнами Смольнаго монастыря и которое ни съ чѣмъ остальнымъ въ этой жизни даже считаться не желало.

Впослѣдствіи судьба хорошенькой княжны Нади сложилась довольно оригинально.

Отецъ ея, долгое время державшій какіе-то винные откупа, почти совершенно разорился, и она всецѣло осталась на иждивеніи матери, какъ и сама княгиня всецѣло жила на иждивеніи извѣстнаго въ то время богача и чудака Я..., тратившаго на красавицу княгиню громадныя деньги. Въ эпоху нашего выпуска, княгиня Э..., несмотря на присутствіе взрослой дочери, была еще совершенной красавицей, и увлеченіе милліонера Я... было вполнѣ понятно.

Гардеробомъ княжны къ выпуску занялась сама княгиня, и такъ какъ она сама любила франтить и франтила со вкусомъ и умѣньемъ, а щадить съ безумной щедростью выдаваемыхъ ей денегъ она не имѣла ни повода, ни желанія, то все, что готовилось и привозилось для примѣрки княжнѣ Надѣ, являлось верхомъ роскоши и изящнаго вкуса.

Княжна принимала все это съ удовольствіемъ, но... понимая щекотливость положенія матери въ обществѣ, въ то далекое время несравненно болѣе строгомъ на подобные вопросы, нежели теперь, она ходила какая-то грустная и сконфуженная и очень обрадовалась, когда мать предложила ей пригласить одну изъ воспитанницъ нашего выходящаго класса въ компаньонки.

Приглашена была баронесса Р..., присутствіе которой въ домѣ княгини Э... привело ее, какъ я потомъ слышала, къ результату не особенно хорошему.

Послѣ выпуска для княжны настали дни горькаго испытанія. Ложность положенія матери, конечно, тотчасъ же была понята и оцѣнена ею, и вскорѣ она попросила мать не вывозить ее вовсе въ свѣтъ.

— Это почему?... удивилась и слегка обидѣлась княгиня.

Дочь, послѣ нѣкотораго замѣшательства, созналась ей, что замѣчаетъ относительно себя нѣсколько пренебрежительный тонъ, даже со стороны много и часто танцующихъ съ ней кавалеровъ.

Княгиня, огорченная словами дочери, въ тотъ же день передала суть этого разговора Я...ву, который, хотя жилъ на отдѣльной квартирѣ, но ежедневно посѣщалъ княгиню.

Тотъ внимательно выслушалъ ее и съ обычнымъ ему лѣнивымъ, слегка высокомѣрнымъ тономъ, проговорилъ:

— Вотъ еще вздоръ!... Скажите вашей дочери, чтобъ она выбрала себѣ жениха... какого ей вздумается!... Чтобъ не стѣснялась, и выбирала именно въ средѣ вотъ этихъ... «пренебрегающихъ»!.. И когда выберетъ, пусть скажетъ мнѣ или вамъ... а ужъ за то, что выбранный ею женихъ за нее посватается, я вамъ порука!

Въ тотъ же день, отправившись въ клубъ, Я...въ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ въ разговорѣ:

— Что за глупый народъ петербургскіе женихи! Мимо такихъ невѣстъ проходятъ, какъ хорошенькая княжна Э... Вѣдь она мало того, что собой хороша, она и богата очень: мать даетъ за ней ровно милліонъ, наличными деньгами, да и даетъ-то какъ... прямо въ руки зятю, въ самый день свадьбы!..

Я... всѣ знали хорошо, его отношенія къ княгинѣ не были ни для кого тайной, и слова его съ быстротою молніи облетѣли весь Петербургъ.

Тѣмъ временемъ и сама княжна, предупрежденная матерью, стала выбирать себѣ жениха, и выборъ ея остановился на гордомъ и заносчивомъ красавцѣ, князѣ Г..., служившемъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и, по слухамъ, обремененномъ долгами. Княгиня передала результатъ выбора дочери Я... и ровно черезъ недѣлю послѣ этого Надя Э... была объявлена невѣстой князя Г... Дало ли ей это супружество хоть искру прочнаго счастья,—сказать не берусь, но что чудакъ Я..., не сморгнувъ, выдалъ жениху обѣщанную колоссальную сумму, это я знаю навѣрное.

Деньги и въ то время играли могучую роль во всѣхъ людскихъ дѣлахъ, но тогда онѣ тратились какъ-то шире и текли болѣе могучей, болѣе смѣлой и, ежели можно такъ выразиться, болѣе барскою волной.

(До слѣд. №).

А. Соколова.

Эрнестъ Ренанъ

какъ человѣкъ и какъ историкъ еврейскаго народа.

ЛИШЬ три задачи исторической наукой въ современномъ ея значеніи считаются основными: во-первыхъ, она стремится дать объективную критику накопившихся традицій, документовъ и фактовъ; во-вторыхъ, она расчищаетъ почву для философіи человѣческихъ дѣяній, пытаясь открыть научные законы, которымъ эти дѣянія подчинены; и, наконецъ, въ третьихъ, — она возсоздаетъ прошлое, вдыхаетъ въ него жизнь, возстанавливаетъ его связь съ настоящимъ. Въ девятнадцатомъ столѣтіи Франція выдвинула трехъ мыслителей, которые распредѣлили между собою эти три задачи. Эрнестъ Ренанъ былъ историкомъ-критикомъ, въ лицѣ Тэна мы имѣемъ историка-философа, Мишлэ явился историкомъ-реставраторомъ, возсоздателемъ прошлаго. Быть можетъ, вѣрно то, что въ каждомъ изъ первыхъ двухъ историкъ постепенно вырабатывался, тогда какъ третій родился историкомъ, въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ о поэтахъ, что они рождаются (Poëtae nascuntur).

Настоящая статья посвящена первому изъ трехъ названныхъ мыслителей, Эрнесту Ренану, и должна быть разсматриваема лишь, какъ попытка подѣлиться думами о человѣкѣ, которымъ гордится современная Франція, о мыслителѣ, въ которомъ философъ, поэтъ, моралистъ и ученый счастливо сочетались, въ своемъ взаимодѣйствіи явивъ міру образецъ критическаго изслѣдованія прошлыхъ судебъ людскихъ, наконецъ, о душѣ и тво-

реніяхъ великаго покойника, какъ объ источникѣ силы и бодрости для живыхъ. Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о поколѣніи, къ которому принадлежалъ авторъ семитомнаго труда по исторіи происхожденія христіанства и труда пятитомнаго по исторіи народа израильскаго.

Замѣчено, что въ эпохи коренныхъ общественныхъ переворотовъ и политическихъ кризисовъ обществу не до философіи, ему нужны люди практики, которые осуществили бы идеи лучшаго, выработанныя предшествовавшимъ трудомъ мысли. Отсюда выводятъ обратное предположеніе, по которому періоды усиленныхъ философскихъ занятій совпадаютъ съ періодами политической бездѣятельности общества. Быть можетъ, оно дѣйствительно такъ, но во всякомъ случаѣ это совпаденіе не служитъ признакомъ регресса. Правда то, что когда политическое движеніе общества останавливается, когда надежды на лучшее оказываются неосуществившимися, мысль начинаетъ работать и чертить планы новыхъ лучшихъ временъ, но регресса, застоя тутъ нѣтъ, потому что мысль жива и указываетъ путь впередъ. Регрессъ только тамъ, гдѣ мысль задавленная либо молчитъ, либо изъ-подъ палки поетъ хвалы мраку. Поучителенъ въ этомъ отношеніи тотъ періодъ въ исторіи Франціи, который обнимаетъ сорокалѣтіе 1830—1870 годовъ. Это именно тотъ періодъ, когда формировались, созрѣвали и крѣпли во Франціи такіе умы, какъ Ренанъ и Тэнъ, и достигалъ апогея своей славы Мишлэ [1]). Поколѣніе современное Ренану видѣло кровавый переворотъ Наполеона III, слышало о жертвахъ, разстрѣлянныхъ на улицахъ Парижа и сосланныхъ въ Гвіану. Оно училось въ школѣ, которою заправлялъ іезуитскій патеръ, распинавшій мысль и науку. Въ юности оно видѣло права народа попранными продажной палатой и сатурналіями второй имперіи. То же переживало оно до зрѣлаго возраста, нося въ себѣ отравлявшее жизнь сознаніе по-

[1]) Ренанъ родился въ 1823 году, а въ 1838 году, пятнадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ семинарію св. Николая и готовился въ священники; первыя статьи его появились въ „Revue de l'Instruction publique" въ 1847 году, а въ слѣдующемъ 1848 году мы видимъ его сотрудникомъ въ журналѣ „La Liberté de penser" Жюль Симона. Тэнъ родился въ 1828 году, а расцвѣтъ его научно-философской дѣятельности, такъ же какъ и Ренана, относится къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ. Наконецъ, Мишлэ старше Ренана и Тэна на 29 лѣтъ, озарялъ своей славой весь періодъ отъ 1831 года („Введеніе во всемірную исторію") до 1874 года, когда онъ и скончался.

зора и уничиженія. Когда же оно достигло возраста вполнѣ зрѣлаго, предъ нимъ предстала Франція поруганная и проданная врагамъ. Въ это сорокалѣтіе Франція пережила такъ много потрясеній, вѣнчала и развѣнчивала столько вождей, ставила и свергала такъ много кумировъ, поднимала и рвала столько знаменъ, пролила такъ много крови, сгубила такъ много жертвъ, что могла создать только надорванныя, расшатанныя поколѣнія. Такія эпохи обыкновенно вырабатываютъ ловкихъ дѣльцовъ и, говоря словами нашего безсмертнаго сатирика, порождаютъ не мало „торжествующихъ свиней", но онѣ же выковываютъ и борцовъ подъ знамена великихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, а изъ натуръ созерцательныхъ онѣ вырабатываютъ мыслителей—враговъ пессимизма, того пессимизма, который еще очень недавно явился на смѣну вѣрѣ въ достоинство человѣка. Такою именно созерцательною натурою, притомъ глубокой и оригинальной, былъ Эрнестъ Ренанъ. Отворачиваясь отъ алчныхъ и продажныхъ актеровъ и пассивныхъ зрителей позорной комедіи, разыгранной второй имперіей, онъ весь ушелъ въ прошлое, и въ то время, какъ родина его изъ затасканныхъ въ грязи новыхъ и старыхъ лоскутьевъ выкраивала новую императорскую мантію, онъ отдался созерцанію всего человѣчества со всѣмъ великимъ и святымъ, что въ немъ живетъ и медленно и неотразимо подготовляетъ торжество справедливости на землѣ.

I.

Въ Бретани, на родинѣ Ренана, существуетъ одна чудная легенда. Городъ „Is" давно уже, очень давно поглощенъ моремъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ указываютъ, гдѣ именно находился этотъ баснословный городъ, и отъ мѣстныхъ рыбаковъ вы услышите самые таинственные разсказы. Во дни бури и ненастья, разсказываютъ они, когда море сильно бушуетъ, куполы церквей погибшаго города виднѣются въ глубинахъ волнъ, а въ тихую, спокойную погоду со дна морского доносится звонъ колоколовъ, и вы слышите восторженный гимнъ наступающему дню. „Мнѣ кажется, говоритъ Ренанъ, что въ глубинѣ моей души тоже обрѣтается своего рода городъ „Is", колокольный звонъ котораго раздается по всей округѣ и съ любовію зоветъ людей къ какому-то священнодѣйствію. По временамъ я съ восторгомъ внимаю этимъ дрожащимъ звукамъ; они доходятъ до меня изъ безконечныхъ глубинъ и кажутся мнѣ голосами изъ

другого, лучшаго міра. По мѣрѣ того, какъ старость становится для меня все болѣе чувствительной, я все охотнѣе прислушиваюсь къ этимъ голосамъ изъ исчезнувшей атлантиды". Въ этихъ немногихъ словахъ предъ нами вся душа великаго француза, во всей силѣ ея блеска и обаянія. Всю жизнь свою Ренанъ прислушивался къ этимъ „голосамъ, зовущимъ къ священнодѣйствію", и если эта жизнь, какъ у большинства крупныхъ и оригинальныхъ людей, распадается на различные періоды, съ перваго взгляда рѣзко противорѣчащіе другъ другу, то въ сущности она представляетъ психологическую цѣльность и единство. Послѣ дѣтства, скрашеннаго легендами Бретани, преисполненнаго святыхъ, поэтическихъ грезъ, невинности и безпредѣльной любви къ окружающимъ, Ренанъ, изъ дома своей матери, въ небольшомъ бретанскомъ городѣ Трегье, попадаетъ въ мѣстную духовную семинарію, и здѣсь, готовясь посвятить себя католической церкви, онъ погружается въ лабиринтъ мрачной, средневѣковой схоластики. Послушайте, что онъ самъ говоритъ, вспоминая объ этомъ періодѣ:

„Эта жесткая, черствая школа не разъ ввергала меня въ ужасное состояніе и я переживалъ мучительные часы. Мозгъ, воспаленный сухими и запутанными отвлеченностями, жаждалъ простора, какъ жаждетъ воды спаленная солнцемъ пустыня. Я часто доходилъ тогда уже до послѣдней степени сомнѣнія, искалъ помощи въ окружающихъ, не находилъ ее, и почему-то въ самыя тяжелыя минуты думалъ, что предѣлъ страданіямъ можетъ и должна положить высоконравственная, красивая женщина, одна изъ тѣхъ женскихъ душъ, которыми такъ богата Бретань. Это наводило меня на мысль о великой роли женщины въ дѣлѣ религіознаго воспитанія". Юноша Ренанъ судилъ тогда о женщинахъ по тому нравственному ореолу, которымъ въ его глазахъ окружены были его мать и сестра, Генріетта, имѣвшая огромное вліяніе на его дальнѣйшее умственное и нравственное развитіе. „Въ нашей обширной моральной пустынѣ, восклицаетъ онъ тутъ же, женщины—это тѣнистыя деревья и хрустальныя озера".

Изолированная отъ остальнаго міра жизнь въ семинаріи, куда кромѣ богословскихъ книгъ ничего не проникало, грозила большими опасностями будущему автору Les origines du Christianisme, но она имѣла и свои благодѣтельныя стороны. Воспитатели заботились о строгой нравственной чистоплотности дѣтей, имъ довѣренныхъ. Они брали волю Бога, какъ исходный пунктъ,

какъ основу всякаго воспитанія и обученія. Наука, которая преподавалась патерами, страдала многими недостатками, но зато она, по свидѣтельству Ренана, пріучала смотрѣть на жизнь, какъ на долгъ, который каждый обязанъ исполнить по отношенію къ истинѣ. Научная система, основанная на ветхозавѣтной космогоніи, рухнула впослѣдствіи, когда занятія по сравнительной филологіи, Гезеніусъ, Эйхвальдъ и Тюбингенская школа сдѣлали свое дѣло, но незыблемымъ осталось убѣжденіе въ томъ, что *жизнь есть самая скверная вещь, если не смотрѣть на нее, какъ на великій долгъ.* „Я пришелъ, говоритъ Ренанъ въ своихъ воспоминаніяхъ къ познанію полной несостоятельности вашихъ методовъ и вашей философіи, дорогіе учителя мои, но вы привили мнѣ принципъ, который сталъ моей второй натурой, принципъ, заключающійся въ томъ, что цѣлью всякаго благороднаго существованія должно быть безкорыстное стремленіе къ идеалу“. Такимъ образомъ изъ семинаріи въ Трегье Ренанъ выноситъ двѣ истины, какъ единственный багажъ, который онъ привезъ съ собой въ Парижъ. Во-первыхъ: для человѣка, себя уважающаго, все на свѣтѣ носитъ третьестепенный характеръ, важно лишь служеніе идеалу, и, во-вторыхъ: полнымъ и законченнымъ выраженіемъ всякаго идеала является христіанство. Ясно, что для него не могло быть другой цѣли, кромѣ служенія церкви. И дѣйствительно, мысль о томъ, что онъ долженъ стать священникомъ, не была результатомъ тщательнаго обдумыванія или стремленіемъ къ какому-нибудь общественному положенію, она подразумѣвалась, какъ будто сама собой.

Какимъ образомъ этотъ „прирожденный“, по выраженію его учителей, пастырь католической церкви сдѣлался авторомъ цѣлой серіи трудовъ, столь враждебныхъ догмѣ и авторитету той же церкви? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо послѣдовать за 15-лѣтнимъ Ренаномъ изъ Трегье въ Парижъ, куда онъ отправился въ 1838 году.

„Если бы, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какой-нибудь буддійскій лама или мусульманскій факиръ внезапно былъ перемѣщенъ изъ центральной Азіи на парижскіе бульвары, его удивленіе не было бы такъ велико, какъ мое, когда я попалъ изъ маленькаго Трегье въ Парижъ. Мое прибытіе въ Парижъ было для меня переходомъ въ новую религію. Я нашелъ здѣсь иное христіанство, отличное отъ того, которое исповѣдывалъ въ католической семинаріи въ Бретани. Тамъ мои

патеры казались мнѣ магами, располагающими вѣчной истиной, здѣсь какая-то хрупкая, я сказалъ бы женственная, теологія. Нравственно я былъ совершенно сформированъ, когда прибылъ въ Парижъ, но въ смыслѣ знанія мнѣ недоставало всего. 5-ый и 6-ой томы Histoire de France Мишлэ, случайно попавшіе въ мои руки, имѣли такой же эффектъ, какъ электрическій свѣтъ, внезапно озаряющій мрачную пещеру. Съ удивленіемъ я узналъ, что есть и внѣ стѣнъ семинаріи честные и знающіе люди, что кромѣ древности католицизма существуетъ еще нѣчто на свѣтѣ, наконецъ, я узналъ, что помимо латинской библіи существуетъ еще цѣлая литература, достойная вниманія. Странное событіе совершилось тогда; я узналъ, что на дворѣ стоитъ сентябрь 1838 года, что исторія человѣчества вовсе не пріостановилась со смертью Людовика XIV, словомъ, я сразу попалъ изъ XVII столѣтія въ XIX".

Надо ли пояснить, что эта чистая юношеская душа, до сихъ поръ спокойная и невозмутимая, заволновалась, и, разъ заволновавшись, не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были найдены отвѣты на всѣ вопросы? Если католическая религія, какъ ее преподавали патеры, есть истинное откровеніе, то какой же для католика можетъ быть иной долгъ, какъ не изученіе исторіи этого откровенія? Въ тотъ день, когда въ головѣ будущаго автора столь прославленныхъ книгъ возникъ этотъ вопросъ, положено было начало обширному зданію, сооруженному впослѣдствіи подъ именемъ Les Origines du Christianisme, но потребовалось еще 4 года непрерывныхъ усиленныхъ занятій для того, чтобы изъ глубины наболѣвшей души вырвался этотъ страшный крикъ: „здѣсь нѣтъ истины!"—Въ тотъ день, когда это случилось, Ренанъ, хотя и сохранившій вѣру, воспринятую имъ съ молокомъ матери, тутъ же рѣшилъ, что ему не быть служителемъ церкви, что путь ему предстоитъ иной. Путь этотъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ длинный, сорокъ лѣтъ тянувшійся, шедшій черезъ Палестину, Сирію, Египетъ, Грецію и закончившійся во французской академіи, гдѣ Ренанъ въ 1879 году занялъ мѣсто Клода Бернара. Покинувъ семинарію, гдѣ ему, по собственному его выраженію, „стало душно", онъ поступилъ въ Сорбонну, гдѣ изучалъ математику, естественныя науки, семитическіе языки и, намѣтивъ цѣлью своей жизни изученіе исторіи происхожденія христіанства, онъ отправился на Востокъ для того, чтобы своими глазами видѣть „тѣ чудныя страны, въ которыхъ 19 вѣковъ тому

назадъ положено было начало дѣлу возрожденія человѣчества къ новой жизни". Въ „Молитвѣ", которую Ренанъ написалъ послѣ посѣщенія храма богини Аѳины на Акрополѣ, куда онъ попалъ, возвращаясь на родину, ярко сказалось міровоззрѣніе, съ которымъ вернулся изъ Палестины неутомимый искатель истины. Предоставимъ слово самому историку, душа котораго потрясена нетлѣнной красотою:

„Впечатлѣніе, которое произвели на меня Аѳины, не поддается описанію и принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ, когда-либо мною испытанныхъ. Есть на землѣ хоть одно мѣсто, гдѣ существуетъ совершенство, другого такого мѣста нѣтъ. Ничего подобнаго я никогда и не представлялъ себѣ. До тѣхъ поръ я думалъ, что совершенство въ нашемъ мірѣ немыслимо. Чудесъ въ собственномъ смыслѣ слова я давно уже не признавалъ; однѣ лишь судьбы еврейскаго народа съ Іисусомъ и христіанствомъ, какъ вѣнцомъ зданія, рисовались мнѣ великимъ чудомъ. Какъ вдругъ рядомъ съ чудомъ еврейскимъ умѣстилось и чудо греческое, вещь, которая существовала разъ только, которая больше не повторится, но эффектъ которой будетъ жить вѣчно, я хочу сказать—типъ вѣчной красоты, свободной отъ всякихъ признаковъ мѣстныхъ, національныхъ. Я зналъ еще до путешествія, что Греція создала науку, искусство, философію, цивилизацію, но мнѣ недоставало критерія, масштаба. Когда же я увидѣлъ Акрополь, на меня нашло божественное вдохновеніе, подобное тому, которое я испыталъ въ тотъ моментъ, когда глазамъ моимъ открылась Іорданская долина. Весь остальной міръ показался мнѣ грубымъ варварствомъ; Востокъ смущалъ меня своей помпой, чувственностью и пестротой; римляне оказались лишь грубыми солдатами. Въ сравненіи съ простымъ благородствомъ и красотою этой богини, величіе какого-нибудь Августа или Траяна мнѣ казалось позированіемъ. Кельты, германцы, славяне казались мнѣ противными, хотя цивилизованными скиѳами. Карлъ Великій превратился въ толстаго нѣмецкаго конюха. Остался одинъ лишь народъ аристократовъ, публика, состоящая сплошь изъ знатоковъ, демократія, уловившая самые тонкіе нюансы красоты. Это откровеніе истиннаго и простого величія поразило меня до глубины души. Все, до сихъ поръ извѣстное въ области красоты, показалось мнѣ распутствомъ, шарлатанствомъ и каррикатурой. Особенно волновали меня эти чувства на Акрополѣ. Одинъ знаменитый архитекторъ говорилъ мнѣ тогда, что для него обаяніе

тѣхъ или другихъ боговъ всегда находится въ извѣстномъ соотношеніи къ красотѣ храмовъ, имъ сооруженныхъ. Съ этой точки зрѣнія Атенеумъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Часы, проведенные мною въ этомъ храмѣ, были для меня часами молитвы. Вся моя жизнь прошла, точно детальная исповѣдь, передъ моими глазами.

„О, благородство, о, красота простая, истинная! Богиня, культъ которой обозначаетъ разумъ и мудрость—твой храмъ—вѣчный урокъ совѣсти и искренности, но поздно, слишкомъ поздно открылась мнѣ тайна твоя; на алтарь твой я приношу много угрызеній совѣсти. Чтобы найти тебя, мнѣ надо было долго, долго искать; то, что ты давала каждому аѳинянину одной лишь улыбкой, мнѣ пришлось пріобрѣтать путемъ долгихъ, мучительныхъ усилій ума. О, голубоглазая богиня, я родился отъ варваровъ родителей, отъ благодушныхъ и добродѣтельныхъ кимвровъ, обитающихъ на побережьи мрачнаго моря, подъ вѣчно облачнымъ небомъ. Истинный свѣтъ солнца намъ мало доступенъ, цвѣтовъ у насъ мало, радостей почти нѣтъ. Предки мои, по нашимъ стариннымъ хроникамъ, были смѣлые мореплаватели, но въ моря, гдѣ плавали твои аргонавты, они не попадали; въ молодости я слышалъ пѣсни о полярныхъ моряхъ, напѣвы о вѣчномъ снѣгѣ убаюкивали мои дѣтскіе годы. Жрецы чужеземнаго культа, занесеннаго къ намъ изъ Сиріи и Палестины, заботились о моемъ воспитаніи. То были жрецы мудрые и святые. Они мнѣ разсказывали длинныя исторіи о Кроносѣ, сотворившемъ міръ, о сынѣ его, который, говорятъ, совершилъ путешествіе по этому міру... Храмы ихъ въ три раза выше твоего и напоминаютъ огромные таинственные лѣса, но они, эти храмы, не прочны, они рушатся черезъ 5 — 6 столѣтій. Это продукты фантазіи варваровъ, вообразившихъ, что можно создать что-нибудь истинно хорошаго и красиваго помимо вѣчныхъ незыблемыхъ законовъ красоты, установленныхъ тобой, чудная богиня. Но эти храмы мнѣ нравились: я тогда не зналъ еще тебя... Я вспоминаю еще нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя тамъ пѣлись... Прости, чудная богиня, что въ храмѣ твоемъ я отдаюсь воспоминаніямъ... Ты навѣрное простила бы, если бъ знала, какой борьбы, какихъ мукъ мнѣ стоило добиться свободы духа и узрѣть твою правду, ничѣмъ не прикрытую. Если бъ ты знала, какъ трудно стало служить тебѣ... Всякое благородство исчезло, скиѳы завоевали міръ. Нѣтъ больше маленькихъ свободныхъ республикъ людей, есть какіе-то ничтожные

царьки, какія-то жалкія величества, которыя на твоихъ устахъ способны вызвать лишь презрительную улыбку. Какіе-то неуклюжіе, неповоротливые гиперборейцы преслѣдуютъ всѣхъ, кто хочетъ служить тебѣ. Настала эпоха одичанія, чудовищный союзъ всякихъ глупостей разставляетъ свои сѣти, и мы, умѣющіе любить и цѣнить тебя, задыхаемся подъ свинцовой тяжестью кошмара... Недавно я написалъ книгу о молодомъ богѣ, которому въ молодости поклонялся... Что за крики подняли эти варвары-жрецы. Давай имъ объясненія, зачѣмъ, для какой цѣли я написалъ!!.Какъ будто такую книгу можно написать съ какой-нибудь иной цѣлью, кромѣ той, чтобъ заставить любить истинно божественное и показать, что это божественное живетъ и будетъ жить всегда въ сердцахъ людей".

Въ заключительныхъ словахъ „Молитвы" на Акрополѣ заключается основная мысль, которая проходитъ черезъ всѣ труды Ренана по исторіи происхожденія христіанства и по исторіи израильскаго народа.

II.

Мы знаемъ уже, что въ воспитанной на строгомъ католицизмѣ душѣ Ренана червь сомнѣнія началъ свою работу чуть ли не съ дѣтскаго возраста. Онъ видѣлъ предъ собою строго моральныхъ, отшельнической жизнью живущихъ патеровъ, къ которымъ не могъ не питать слѣпой, глубокой вѣры, какъ къ людямъ, но ихъ ученія объ откровеніи, ихъ манера толковать ветхій и новый завѣтъ, картины прошлаго, которыя они развертывали, не мирились съ духомъ критицизма, со стремленіемъ не только найти истину, но претворить, ассимилировать ее. Тщательное изученіе древне-еврейскаго языка и знакомство съ пятикнижіемъ и твореніями пророковъ по оригиналамъ привело Ренана къ убѣжденію въ томъ, что первые вѣка христіанства могутъ быть изучены не иначе, какъ въ тѣсной и неразрывной связи съ судьбами израильскаго народа, и это выстраданное имъ убѣжденіе отбросило его мысль на 9 вѣковъ назадъ, къ эпохѣ пророковъ, великихъ трибуновъ и глашатаевъ правды и справедливости на землѣ. Изученію этихъ 9 вѣковъ, предшествовавшихъ Христу, изслѣдованію судебъ Іудеи Ренанъ и отдалъ свою жизнь, но труды его появились въ свѣтъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ, а именно, онъ далъ прежде исторію земной жизни Спасителя, за которой слѣдуетъ капитальный трудъ объ апостолахъ, объ

антихристѣ, о первыхъ вѣкахъ христіанства, а затѣмъ уже онъ вернулся назадъ, даль 3 тома, въ которыхъ судьбы израильскаго народа изучены отъ эпохи патріарховъ до возвращенія изъ вавилонскаго плѣна и реставраціи храма и, послѣ нѣкотораго перерыва, далъ еще два тома, въ которыхъ обработанъ періодъ отъ возвращенія изъ плѣна до Христа, т. е. послѣдніе 5—6 вѣковъ жизни Іудеи. Пятый и послѣдній томы „Исторіи израильскаго народа“ такимъ образомъ перебрасываютъ мостъ, ведущій къ эпохѣ Христа. Нѣсколько выдержекъ изъ введенія къ обширному труду, составляющему одно цѣлое, мы сказали бы, одно огромное полотно, въ которомъ съ одинаковой силой сказались творческая фантазія художника и глубокій критическій умъ безстрастнаго изслѣдователя, ознакомятъ насъ съ требованіями, которыя предъявляетъ Ренанъ къ историку, съ его собственнымъ пониманіемъ смысла и цѣли историческаго изученія.

„Исторія представляетъ собою науку, какъ и другія отрасли человѣческаго знанія, какъ химія или геологія. Для того, чтобы быть основательно понятой, она требуетъ серьезныхъ изслѣдованій, которыя въ конечномъ результатѣ приводятъ къ умѣнію устанавливать разницу между отдѣльными эпохами, странами, націями и расами. Въ настоящее время люди, вѣрующіе въ колдовство и чародѣйство, кромѣ смѣха ничего въ насъ не возбуждаютъ, но нѣкогда самые серьезные люди вѣровали во все это, а въ иныхъ странахъ и въ наши дни, быть можетъ, найдется не мало людей, придающихъ важное значеніе подобнымъ заблужденіямъ. Глубокая разница между нашей эпохой и эпохой помянутыхъ выше вѣрованій постигается путемъ серьезныхъ размышленій, многосторонней начитанности и научныхъ путешествій; при отсутствіи же этихъ условій разсказы изъ прошлыхъ судебъ людей часто ставятъ въ тупикъ простого читателя, что весьма понятно и неизбѣжно: вѣдь какъ ни величественно и оригинально это прошлое, оно все же обо многихъ весьма важныхъ явленіяхъ имѣло совершенно иныя представленія, отличныя отъ нашихъ. Передъ этими-то затрудненіями не можетъ отступить серьезный историкъ, хотя бы даже онъ рисковалъ впасть въ заблужденія. Истинная наука чужда всякихъ мудрствованій лукавыхъ, и нѣтъ въ мірѣ такой причины, по которой ученый обязанъ былъ бы стѣснять себя въ изложеніи своихъ взглядовъ на то, что онъ считаетъ истиной... Надо всецѣло отдаться отыскиванію настоя-

щаго смысла великихъ событій, того смысла, который могутъ и должны усвоить себѣ рѣшительно всѣ. Надо цѣликомъ уйти въ область той чистой возвышенной поэзіи, которою проникнуты древнія повѣствованія. Химику хорошо извѣстно, что алмазъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ одинъ изъ видовъ угля, но вытекаетъ ли изъ этого, что въ практической жизни онъ обязанъ смотрѣть на алмазъ, какъ на кусокъ простого угля? Я задался цѣлью представить земную жизнь Христа въ ея исторической дѣйствительности, чуждой ложнаго резонерства и обскурантизма. Какъ историкъ, я поставилъ себѣ задачей нарисовать образъ Христа, который по своимъ чертамъ, по физіономіи, былъ бы истиннымъ представителемъ своей расы.

„Не стану въ сотый разъ опровергать посылаемые мнѣ съ разныхъ сторонъ упреки въ подрываніи вѣры. Я того мнѣнія, что не только не наношу ущерба религіи, но оказалъ ей услуги. Многіе почему-то полагаютъ, что путемъ робкаго умалчиванія о тѣхъ или другихъ вопросахъ возможно убить въ массахъ народныхъ всякую потребность въ критикѣ, въ осмысленномъ отношеніи къ прошлому.

„Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько такой взглядъ самъ по себѣ честенъ, замѣчу только, что онъ лишенъ основанія. Народъ давно уже выработалъ въ себѣ такія потребности и идетъ въ этомъ отношеніи рука объ руку съ положительнымъ знаніемъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ чуждается тѣхъ высшихъ вѣрованій, которыя составляютъ истинное благородство души? Нисколько. Народъ религіозенъ по-своему. Что можетъ быть трогательнѣе его уваженія къ смерти? Его бодрость, присущая ему ясность души, его желаніе совершенствоваться, его великіе героическіе инстинкты, его вкусъ въ произведеніяхъ искусства и поэзіи, этотъ вѣчно юношескій огонь, который воспламеняется въ немъ каждый разъ, когда рѣчь заходитъ объ отечествѣ, о національной славѣ—развѣ все это не свидѣтельствуетъ о глубокой народной религіозности въ лучшемъ смыслѣ слова?

„Но насколько вредно и преступно покушеніе на религіозное чувство народа, настолько безполезны всякія попытки возродить въ немъ отжившія свой вѣкъ вѣрованія въ предразсудки. Благодаря свойственнымъ ему глубокому инстинкту и способности быстро улавливать результаты, добытые наукой, народъ видитъ, что изъ многихъ существовавшихъ религіозныхъ формъ ни одна

не можетъ претендовать на абсолютно вѣрное содержаніе, но въ то же время онъ знаетъ, что сама религія въ своемъ основаніи отъ этого нисколько не поколеблена. Внушить народу уваженіе именно къ этимъ-то переходнымъ формамъ, показать ему великое въ исторіи, рельефно изобразить все, что эти древнія формы вмѣщали въ себѣ чистаго и святого,—это ли не значитъ служить религіи? Я лично думаю, что послѣдней возможности спасенія народъ лишится въ тотъ день, когда въ немъ заглохнутъ чувства самопожертвованія, самоотреченія, любви. Тотъ фактъ, что во всѣхъ великихъ историческихъ движеніяхъ, политическаго или религіознаго характера, весьма важную роль играли иллюзіи, вовсе не дѣлаетъ эти движенія менѣе симпатичными, менѣе достойными нашего удивленія. Можно быть очень хорошимъ французомъ и въ то же время отрицать святость мира, которымъ помазывались на царство французскіе короли; можно любить Орлеанскую дѣву и въ то же время отрицать реальность ея видѣній. Когда-то для того, чтобы быть истиннымъ французомъ, необходимо было вѣрить, что Франція величайшая изъ націй, что французскій роялизмъ, безподобный по своимъ неоцѣнимымъ достоинствамъ, пользуется особеннымъ покровительствомъ Господа Бога. Нынѣ мы знаемъ, что Богъ одинаково хранитъ всѣ королевства, всѣ имперіи, всѣ республики; мы признаемъ теперь, что среди французскихъ королей были люди достойные порицанія и даже презрѣнія; мы знаемъ, что французскій національный характеръ имѣетъ свои недостатки. И что же? Перестали мы послѣ этого быть добрыми французами, пострадало въ насъ національное самосознаніе? Напротивъ того, мы сдѣлались лучшими патріотами, потому что, не закрывая глаза на наши недостатки, мы стараемся исправлять ихъ и, вмѣсто того, чтобы хулить все чужое, мы заимствуемъ извнѣ все доброе и полезное. Точно также мы и не измѣнились какъ христіане. Тотъ, кто грубо обрушивается на средневѣковый роялизмъ, на Людовика XIV, на Революцію, на Имперію, по меньшей мѣрѣ обнаруживаетъ дурной вкусъ. Тотъ, кто говоритъ неблагоговѣйно о христіанствѣ, о церкви, къ которой онъ принадлежитъ, грѣшитъ черной неблагодарностью. Но сыновняя признательность не должна ослѣплять насъ и заставить насъ отворачиваться отъ истины. Указывать на тѣ или другіе недостатки правительства, на его неспособность удовлетворять всѣмъ потребностямъ людей, не значитъ еще отказывать ему въ уваженіи; указывать на неустра-

нимыя противорѣчія между научнымъ знаніемъ и вѣрой въ сверхъестественное не значитъ еще впадать въ невѣріе или кощунство.

„Вотъ почему я полагалъ, что весьма полезно представить народу возможно полную картину величайшей эволюціи въ области человѣческаго духа, память о которой сохранена человѣчествомъ. Изображая жизнь лучшаго друга народа, эта эпопея происхожденія христіанства представляетъ собою исторію величайшихъ сыновъ народныхъ, какіе когда-либо жили. Христосъ любилъ бѣдныхъ, ненавидѣлъ богатыхъ и свѣтскихъ святошей, смотрѣлъ на существующія власти, какъ на необходимыя установленія; онъ смѣло поставилъ интересы нравственной жизни на подобающую имъ высоту, онъ проповѣдывалъ о томъ, что все въ мірѣ суетно, мимолетно, обманчиво, что истинное царство Божіе заключается въ идеалѣ, что идеалъ принадлежитъ всѣмъ людямъ. Эта исторія является источникомъ вѣчныхъ утѣшеній; она вдохновляетъ и ободряетъ, она будитъ сознаніе, зоветъ къ работѣ, къ улучшенію нравовъ и въ то же время преслѣдуетъ лицемѣріе; она даетъ истинное понятіе о свободѣ и заставляетъ задумываться надъ жгучими соціальными вопросами, знаменующими наше время. Въ этомъ отношеніи исторія происхожденія христіанства открываетъ вамъ широкіе горизонты, и изъ нея вы выносите непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что политика не можетъ быть суетной игрой, что она рано или поздно должна поставить своей цѣлью просвѣщеніе, счастье и благо всѣхъ людей, что всякая попытка упразднить соціальные вопросы по меньшей мѣрѣ безполезна и, наконецъ, что спасеніе въ самоотверженномъ трудѣ и взаимной любви, въ наукѣ, которая охватываетъ всѣ законы человѣческой жизни, подчиняетъ матерію, создаетъ достоинство человѣка и истинную свободу".

III.

Отдавъ 12 лучшихъ лѣтъ своей жизни сооруженію колоссальнаго зданія Les origines du christianisme, Ренанъ пришелъ къ убѣжденію, что юдаизмъ является источникомъ всякаго знанія и пониманія въ области религіозной исторіи человѣчества. „Кто хочетъ что-нибудь знать и понимать въ религіи, тотъ долженъ обратиться къ изученію религіознаго прошлаго Израиля"— вотъ его основная точка зрѣнія, и отсюда уже ясно, что авторъ „Les origines" съ вопіющей необходимостью

долженъ былъ сдѣлаться авторомъ „Histoire du peuple d'Israël". Девять столѣтій, предшествовавшихъ Христу— это обширное введеніе въ исторію происхожденія христіанства, это періодъ, составляющій величайшую славу израильскаго народа. Переходъ отъ религіи нездоровой, полной всякихъ суевѣрій, къ религіи чистой и общечеловѣческой совершился именно въ этотъ девятивѣковой періодъ. Начиная съ девятаго вѣка до нашей эры, суровая дѣйствительность все болѣе и болѣе подчиняетъ тогдашній міръ власти грубой силы, нещадно разбиваетъ чаянія и надежды народа, считавшаго себя обладателемъ божественныхъ обѣтованій великаго, безконечнаго будущаго. Колоссальная, гигантская мечта охватываетъ „избранный" народъ и втеченіе многихъ столѣтій служитъ ему крѣпкой опорой, поддерживаетъ въ немъ бодрость вопреки наступившей уже старческой дряхлости. Чуждая мірской, свѣтской цивилизаціи, Іудея сосредоточиваетъ всю мощь своей любви, всю силу своихъ порывовъ и стремленій на своей національной будущности. Создаются самыя невозможныя комбинаціи идей. Народное воображеніе работаетъ напряженно, нервно, уносится въ какую-то заоблачную таинственную высь. Въ эпоху, предшествовавшую вавилонскому плѣненію, когда распаденіе сѣверныхъ областей наноситъ непоправимый ударъ національному тѣлу Израиля, народъ мечтаетъ о реставраціи дома Давидова, о возсоединеніи обѣихъ народныхъ фракцій, о торжествѣ теократіи и культа Іеговы надъ культами языческими. Въ эпоху же плѣненія, великій поэтъ въ чудныхъ гармоническихъ образахъ (Исаія) воспѣваетъ будущій Іерусалимъ, которому всѣ народы и самые отдаленные острова добровольно подчиняются и платятъ дань. Народу плѣненному онъ рисуетъ будущій Іерусалимъ въ яркихъ, нѣжныхъ образахъ, словно лучъ Христа озарилъ и согрѣлъ его на пространствѣ цѣлыхъ шести столѣтій.

Побѣда, одержанная Киромъ, еще болѣе оживляетъ народныя вѣрованія, мечты какъ будто превращаются уже въ дѣйствительность. Суровые ученики Авесты и приверженцы Іеговы почувствовали себя братьями. Персія приближалась къ единобожію; Израиль подъ властью Асмонидовъ успѣлъ оправиться и даже внушалъ страхъ обитателямъ Ирана. Но шумное и часто грубое вторженіе греческой и римской цивилизаціи въ Азію снова окрыляетъ народныя мечты и ввергаетъ Израиля въ міръ незбыточныхъ фантазій. Болѣе чѣмъ когда-либо призывалъ онъ теперь Мессію, какъ судью

народовъ; ему необходимо было полное обновленіе; необходимъ былъ переворотъ, который заставилъ бы шаръ земной содрогнуться, потрясъ бы землю отъ коры до центра—дотого велика была въ немъ потребность отмщенія, потребность, вызванная сознаніемъ своего внутренняго превосходства надъ другими народами и созерцаніемъ своего приниженнаго состоянія.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ девятивѣковой періодъ Іудеи, какъ бы перебросившій мостъ отъ „религіи нездоровой и полной всякихъ суевѣрій къ религіи чистой и общечеловѣческой“. Это періодъ, въ свою очередь неразрывно связанный съ періодомъ болѣе раннимъ, теряющимся въ сѣдой древности, съ періодомъ патріарховъ, исхода изъ Египта, синайскаго законодательства, странствованія по пустынѣ аравійской, завоеванія Палестины и возникновенія царизма. Эта сѣдая древность и составила матеріалъ перваго тома „Histoire du peuple d'Israël“. Здѣсь великое религіозное движеніе Израиля, охватившее впослѣдствіи весь міръ, не совсѣмъ еще ясно обрисовалось, нѣтъ еще опредѣленнаго знамени, которое отличало бы его отъ сосѣдей и племенъ однородныхъ. Съ перваго взгляда онъ представляется такимъ же небольшимъ племенемъ сирійско-арабскаго происхожденія, какихъ тогда много существовало. Но дѣтство избранниковъ всегда отличается множествомъ неясныхъ намековъ и предвѣстій, на которыя лишь отдаленное будущее проливаетъ свѣтъ. Важнѣйшая эпоха въ жизни народа, такъ же какъ въ жизни единичной личности—это юность, въ которой, какъ сквозь вуаль, обрисовывается его будущность. И судьбы Израиля начертаны уже неизгладимыми буквами въ раннюю патріархальную эпоху, когда „Беней Израэль“ находились еще въ состояніи кочевниковъ. Весь періодъ отъ появленія семитовъ въ Сиріи до ихъ водворенія на ханаанской землѣ обслѣдованъ съ поразительной силой критическаго духа. Само собою разумѣется, что личности патріарховъ, Моисея и Іисуса Навина не могли быть обрисованы съ такою же рельефностью, съ какою рисуетъ Ренанъ личности историческія, но крѣпнетъ, становится болѣе фактическимъ и увѣреннымъ въ себѣ языкъ историка, по мѣрѣ того, какъ Беней Израэль изъ кочевниковъ превращаются въ колѣна или трибы, по мѣрѣ того, какъ ихъ Іегова изъ бога матеріальнаго и надѣленнаго всѣми человѣческими слабостями приближается къ своему истинному призванію Бога справедливаго и универсальнаго. Чувствуется, что самъ историкъ выстрадалъ эпоху блужданія

еврейскаго духа въ аравійской пустынѣ и радъ обрѣсть, наконецъ, почву, твердую историческую почву подъ ногами съ появленіемъ Самуила и Давида.

Мы дошли до второго тома Histoire du peuple d'Israël, обнимающаго періодъ отъ воцаренія Давида до паденія Израильскаго царства. Здѣсь Іегова, національный Богъ Израиля, переживаетъ сильныя потрясенія. Изъ бога мѣстнаго и провинціальнаго онъ постепенно превращается въ бога универсальнаго, создавшаго небо и землю. Особенно въ немъ замѣтной становится справедливость,—качество, которымъ не могутъ похвалиться боги національные, необходимо пристрастные къ своимъ приверженцамъ. Проникновеніе моральнаго начала въ религію, такимъ образомъ, уже совершившійся фактъ. Пророки Амосъ, Осія, Михей и Исаія провозгласили это начало съ безподобной силой духа и красотой слова. Съ перваго взгляда юдаизмъ кажется религіей, родившейся вмѣстѣ со вселенной или, точнѣе, религіей, не имѣвшей начала, но это взглядъ ошибочный. Юдаизмъ, какъ и все на свѣтѣ, имѣлъ свое начало и ему понадобилось 4 столѣтія для того, чтобы сформироваться. За тысячу лѣтъ до Христа юдаизмъ не существовалъ еще. Религія Соломона и Давида ничѣмъ не отличалась отъ другихъ сосѣднихъ съ Палестиной народовъ. Лишь за 9 вѣковъ до Христа начинаетъ съ точностью обрисовываться міровое религіозное призваніе Израиля. Пророки являются творцами его въ настоящемъ смыслѣ слова. Легендарными представителями этой великой духовной революціи служатъ пророки Илья и Елисей. Затѣмъ движеніе представлено уже людьми, которыхъ мы такъ сказать физически ощущаемъ, потому что у насъ въ рукахъ ихъ безсмертныя творенія. Въ дѣйствительности ко времени царя Іезекіи, т. е. за 725 до Христа, юдаизмъ окончательно сформированъ. Слѣдующая затѣмъ эпоха отъ Іезекіи до возвращенія изъ вавилонскаго плѣна и реставраціи храма составляетъ матеріалъ 3-го тома „Histoire de peuple", цѣликомъ посвященнаго нравственной исторіи народа, которому міръ обязанъ своимъ лучшимъ достояніемъ.

Со времени Іезекіи и до вавилонскаго плѣненія въ маленькой Іудеѣ параллельно развиваются познаніе единаго, универсальнаго Бога и мечта о теократическомъ соціализмѣ.

Пророки и ихъ приверженцы лелѣяли мечту объ идеальномъ, справедливомъ устройствѣ на землѣ. Мы видимъ борьбу благочестивыхъ, бѣдныхъ, кроткихъ („anavim") противъ политиковъ и аристократовъ, противъ

тѣхъ, которые понимали, что существованіе сильнаго общества немыслимо безъ системы, основанной на неравенствѣ и привиллегіяхъ. Мы видимъ, какъ цари Іудейскіе то становятся на сторону пророковъ, то вступаютъ съ ними въ жестокую борьбу. Мы видимъ, какъ эти „anavim“ приносятъ свое маленькое отечество въ жертву своей мечтѣ, призывая и поддерживая ассирійцевъ, на которыхъ они смотрятъ, какъ на орудіе, избранное самимъ Іеговой. Мы видимъ, наконецъ, какъ втеченіе 70 лѣтъ вавилонскаго плѣненія мечта пророковъ еще болѣе окрыляется, Богъ національный превращается въ Бога универсальнаго, Іегова трансформируется въ Адоная. Духъ вашъ на всемъ протяженіи огромнаго тома живетъ въ высшихъ сферахъ, гдѣ витаютъ вѣчныя идеи, т. е. идеи, глубоко затрагивающія человѣческую совѣсть. Невольно вы вспоминаете евангельскую картину искушенія, возноситесь на высокую гору, откуда всѣ крупныя полосы человѣческой исторіи, точно огромныя рѣки въ безконечномъ руслѣ, открываются вашему взору. При этомъ языкъ Ренана, тамъ, гдѣ онъ воспроизводитъ тексты еврейскіе, становится такимъ же сильнымъ, образнымъ, вдохновеннымъ, какъ святой языкъ святого оригинала. Въ этомъ тѣ, кому доступны книги пророковъ и псалмы въ оригиналѣ, могутъ легко убѣдиться при чтеніи многочисленныхъ цитатъ, которыми испещренъ 3-й томъ. Душевныя страданія пророковъ, этихъ людей, не шедшихъ ни на какіе компромиссы, ихъ пламенный патріотизмъ въ высшемъ значеніи слова, ихъ глубокая ненависть къ напускному, фальшивому, пышному, ко всякому идолопоклонству въ различныхъ его видахъ, невольно сообщаются читателю и душа его, витая въ области отдаленнаго прошлаго, невольно вопрошаетъ себя: не все ли это и теперь происходитъ на нашихъ глазахъ, не событія ли это сегодняшняго дня. Маленькая Іудея, истерзанная, измученная внутренними междоусобіями, борьбою свѣтской и духовной власти, падаетъ, тѣло ея разлагается, но духъ ея живъ. Ударъ, нанесенный Вавилономъ, оказался губительнымъ для политическаго тѣла, но этотъ ударъ высвободилъ духъ изъ національныхъ рамокъ и окрылилъ надежду на золотой вѣкъ, когда „земля наполнится знаніемъ, какъ воды наполняютъ глубины моря“... „Пойте Господу новую пѣснь“— вотъ торжественный гимнъ этой эпохи. „Бѣдное человѣчество, восклицаетъ Ренанъ,—оно такъ часто нуждается въ этомъ самообманѣ, воображаетъ, что поетъ новую пѣснь, тогда какъ въ сущности оно повторяетъ

лишь старые мотивы". Никогда ни одинъ народъ не жилъ такъ надеждой, какъ народъ еврейскій. Юдаизмъ есть именно религія надежды par excellence. Возвращеніе изъ Вавилона является результатомъ доведенія надежды до какой-то экзальтаціи, до безумія, и, какъ это часто бываетъ въ исторіи, безуміе и на этотъ разъ имѣло спасительный результатъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ. Если бъ въ маленькой Іудеѣ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, восторжествовала партія политикановъ и роялистовъ, можетъ быть, она устояла бы еще нѣкоторое время противъ напора грозной силы, но современемъ она все-таки исчезла бы съ лица земли, не оставивъ по себѣ слѣда; торжество же партіи „анавимъ" равносильно было торжеству духа надъ матеріей. То былъ торжественный моментъ въ исторіи Іудеи и всего человѣчества, моментъ, когда рѣшался вопросъ жизни и смерти. Безъ этой побѣды партіи anavim и обусловленнаго ею возвращенія изъ плѣна, Іудею постигла бы судьба другихъ давно исчезнувшихъ царствъ, погибли бы памятники ея письменности и человѣчество ничего не знало бы о тѣхъ книгахъ, которыя теперь составляютъ его гордость и утѣшеніе.

IV.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что Ренанъ задался цѣлью написать апологію еврейской исторіи. Далеко нѣтъ. Какъ всякое произведеніе рукъ человѣческихъ, замѣчаетъ онъ, твореніе Израиля исполнялось при участіи всевозможныхъ страстей, вѣроломствъ, насилій. Духъ еврейскій черпалъ свои силы изъ наименѣе симпатичныхъ сторонъ своей натуры, изъ фанатизма и исключительныхъ тенденцій. Утверждать это, значитъ сказать нѣчто банальное. Французскій роялизмъ, объединеніе средневѣковаго католичества, протестантство, французская революція осуществились при участіи цѣлаго ряда преступленій и заблужденій. Великій человѣкъ создается при одинаковомъ участіи хорошихъ и дурныхъ сторонъ своей натуры. Грубости, рѣзкости и жестокости Бонапарта составляли необходимую принадлежность его огромной силы; благовоспитанный, скромный, полированный—Наполеонъ былъ бы осужденъ на заурядность и посредственность. Тѣмъ, которые хотѣли видѣть въ его трудѣ систематическую хвалу израильскому народу, Ренанъ напоминаетъ одно мѣсто изъ рѣчи,

произнесенной имъ въ 1883 г. въ „Cercle Saint Simon“ [1]): „Нѣтъ исторіи абсолютно чистой, незапятнанной. Исторія еврейскаго народа одна изъ самыхъ чудныхъ, прекрасныхъ, какія когда-либо были созданы, и я не жалѣю о томъ, что посвятилъ ей свою жизнь. Однако, я далекъ отъ мысли о томъ, что исторія эта свободна отъ какихъ бы то ни было пятенъ; въ такомъ случаѣ она была бы внѣ сферы общечеловѣческой. Если бы мнѣ дано было начать новую жизнь, я посвятилъ бы ее изученію греческой исторіи, которая во многихъ отношеніяхъ еще возвышеннѣй, еще прекраснѣй исторіи еврейской. Обѣ эти исторіи въ своемъ родѣ верховныя властительницы міра. Но если бъ я рѣшился написать эту поистинѣ чудесную исторію греческихъ народовъ, то навѣрное изложилъ бы и всѣ слабыя, недостойныя ея стороны. Можно проникнуться удивленіемъ къ Греціи и въ то же время порицать Клеона и дурныя страницы въ лѣтописяхъ аѳинской демагогіи“.

Разсмотрѣть міръ и человѣка со всѣхъ сторонъ, отъ глубочайшихъ вопросовъ до послѣднихъ житейскихъ мелочей — вотъ единственная цѣль, которой служилъ Ренанъ всю свою жизнь. Для него важна одна только ничѣмъ не прикрытая правда о прошедшемъ и настоящемъ человѣчества, и съ одинаковымъ одушевленіемъ онъ ищетъ этой правды всегда, на протяженіи всего пройденнаго имъ пути: пятнадцатилѣтній семинаристъ, только что очутившійся въ Парижѣ, онъ такой же ревностный и неумолимый искатель правды, какимъ мы видимъ его, когда онъ уже писатель, достигшій совершенства и пользуется міровой славой. Всякій, кто прочтетъ его „Будущность науки“ [2]), — книгу, написанную двадцатипятилѣтнимъ Ренаномъ, — всякій, кто прослѣдитъ тончайшія нити, связывающія эту книгу со всѣми его позднѣйшими произведеніями, придетъ къ убѣжденію, что этотъ человѣкъ, составившій гордость и славу современной Франціи, имѣлъ право требовать, чтобы на надгробномъ камнѣ его красовались только два слова: „veritatem dilexit“. Въ этой книгѣ, написанной въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ хорошо отполированномъ зеркалѣ, отразился весь Ренанъ со всѣми идеями о мірѣ и жизни, которымъ онъ оставался вѣрнымъ до конца, которыя онъ излагалъ въ многочисленныхъ книгахъ, соединяя въ себѣ художественную живость и яркость

[1]) „Le Iudaisme comme race et comme peuple“.

[2]) L'avenir de la science написана въ 1852 году и въ первый разъ издана въ 1890 году.

съ чисто ученою точностью языка. Здѣсь онъ съ юношескимъ энтузіазмомъ привѣтствуетъ зарю новой эры, когда строго научное міропониманіе вытѣснитъ міропониманіе метафизическое и теологическое. Естествовѣдѣніе, исторія и филологія не только освободятъ духъ человѣческій отъ всякихъ оковъ, но сами получатъ власть надъ жизнью. Педагогика, политика, нравственность — все это должно возродиться черезъ истинно научное знаніе. Наука, и только она одна, водворитъ справедливость въ человѣчествѣ, она же станетъ для него источникомъ духовнаго, религіознаго обновленія.

Человѣкъ, въ юности испытавшій твердое умственное убѣжденіе, мыслитель, которому строгое научное познаніе рано открылось во всей своей силѣ и прелести, ученый, для котораго наука всегда была серьезнымъ дѣломъ души,—Ренанъ въ двадцать пять лѣтъ, такъ же какъ въ шестьдесятъ, видитъ въ соціальномъ злѣ, во всѣхъ погрѣшностяхъ настоящаго слѣдствіе заблужденій предшествовавшихъ. Вотъ какъ онъ на закатѣ дней своихъ, стоя уже одной ногой въ могилѣ, иллюстрируетъ это свое убѣжденіе:

„Если бы, говоритъ онъ, Людовикъ XIV черпалъ свѣдѣнія по исторіи протестантства изъ источниковъ болѣе надежныхъ, чѣмъ его галликанскіе теологи, нантскій эдиктъ не былъ бы имъ отмѣненъ. Если бы Людовикъ Святой яснѣе понималъ исторію церкви, онъ не отдавалъ бы десятаго изъ своихъ подданныхъ на жертву инквизиціи. Если бы Маркъ Аврелій былъ вполнѣ посвященъ въ исторію христіанства, дикія сцены въ Ліонскомъ амфитеатрѣ не имѣли бы мѣста. Если бы законодатели эпохи революціи лучше понимали сущность католицизма, по крайней мѣрѣ со времени тріентскаго собора (1545—1563), они не мечтали бы о національной церкви для Франціи“.

Само собою разумѣется, что значеніе историческаго знанія, или, какъ любитъ выражаться Ренанъ, значеніе „изслѣдованія періодовъ человѣческихъ блужданій“, не исчерпывается такими чисто отрицательными выводами. Нравственное совершенствованіе и укрѣпленіе человѣка— вотъ объектъ исторіи. „Жертва несправедливости со стороны ему подобныхъ, человѣкъ обращаетъ свой взоръ къ небу... Какой-нибудь великодушный порывъ, чуждый личныхъ интересовъ, часто усиливаетъ біеніе его сердца. Элогимы не обитаютъ уже въ области вѣчныхъ снѣговъ; ихъ нельзя также встрѣчать въ горныхъ ущельяхъ, какъ это было во времена Моисея; они

обитаютъ въ сердцѣ человѣка, и отсюда нельзя ихъ изгнать. Есть какая-то высшая сила, которая требуетъ истины, справедливости, добра. Прогрессъ разума опасенъ только для ложныхъ боговъ. Богъ единый, которому поклоняются исканіемъ истины, добрымъ дѣломъ, служеніемъ благу, вѣченъ и къ нему приближаетъ насъ прогрессъ разума, а не отдаляетъ отъ него. Я могъ ошибаться въ частностяхъ, но въ общемъ, кажется, я вѣрно постигъ великую идею, которую духъ Божій осуществилъ черезъ Израиля".

V.

Изъ памяти моей никогда не изгладится образъ Ренана, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ въ октябрѣ 1883 года въ Парижѣ, у гроба Тургенева... Жоржъ Зандъ гдѣ-то замѣчаетъ: „La vue des grands hommes donne des battements de coeur", и я испыталъ на себѣ въ первый разъ справедливость этихъ словъ, въ моментъ, когда толпа, наполнявшая огромную Chapelle, наскоро сооруженную недалеко отъ Сѣвернаго вокзала, куда доставили останки Тургенева, по слову распорядителя, раздѣлилась на двѣ части съ тѣмъ, чтобы дать дорогу „à monsieur Renan, qui parlera au nom de ses amis". Во внѣшности Ренана не было ничего такого, что могло бы сразу поразить васъ. Ниже средняго роста, плотно сложенный, съ огромной головой, водруженной на широкихъ плечахъ, съ тщательно выбритымъ подбородкомъ, съ болѣзненнымъ, желтоватымъ цвѣтомъ лица, онъ скорѣе казался некрасивымъ. Но вотъ онъ на каѳедрѣ и, поклонившись гробу великаго русскаго писателя, тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, произноситъ первыя слова... Какая чарующая сила слова, какое благородство красоты во всѣхъ жестахъ и движеніяхъ! Нельзя оторваться отъ этого могучаго, широкаго лба и хочется хоть на одинъ мигъ изловить на себѣ взглядъ глубоко сидящихъ большихъ глазъ, такъ много видѣвшихъ, дышащихъ умомъ и испускающихъ изъ себя лучи мягкаго свѣта... „Мы не можемъ не сказать прости возвращающемуся на родину геніальному гостю, котораго намъ дано было знать и любить втеченіе многихъ лѣтъ"... И полилась эта рѣчь „о душѣ Тургенева", о „великомъ человѣкѣ, которому таинственныя велѣнія судебъ дали величайшее призваніе, какое только они дать могутъ, призваніе—быть воплощенною совѣстью своего народа", о Тургеневѣ, который, „прежде чѣмъ

родился, жилъ уже въ духѣ цѣлыхъ тысячелѣтій", о Тургеневѣ, въ которомъ „жилъ цѣлый своеобразный міръ, такъ что длинный рядъ предшествовавшихъ поколѣній въ немъ и черезъ него воплотились въ жизни и въ живомъ словѣ"... И всѣ мы сразу почувствовали, что надъ нами витаетъ душа великаго художника русскаго слова, въ которомъ „нашла себѣ живое олицетвореніе славянская раса, та раса, появленіе которой на всемірно-исторической аренѣ составляетъ величайшій феноменъ нашего столѣтія". И въ каждомъ словѣ, въ каждомъ сравненіи и сопоставленіи до насъ доносился голосъ того же историка, который съ такой силой ума и художественнаго творчества проникалъ въ глубь временъ, вдыхалъ жизнь въ давно изсохшія кости героевъ прошлаго, часто съ топографической точностью возстанавляя ихъ каждый шагъ на землѣ. Недолго продолжалась эта рѣчь, но мы могли видѣть и слышать именно мыслителя, характерная и отличительная черта котораго заключалась въ способности понимать исторію и природу людей, народовъ и странъ въ ихъ безконечномъ разнообразіи.

Ренана часто сравнивали съ Вольтеромъ, на томъ основаніи, что, подобно Вольтеру, онъ былъ представителемъ своего вѣка, но великій французскій энциклопедистъ не имѣлъ ни его знаній, ни оригинальности его мысли и стиля. Ренана часто сравнивали съ Гете, но у цезаря нѣмецкой поэзіи, умершаго, когда автору „Les origines" было одиннадцать лѣтъ, не могло быть такой широты умственнаго горизонта. Умъ болѣе универсальный, чѣмъ Ренанъ, неизвѣстенъ девятнадцатому столѣтію. Китай, Индія, классическая древность, средніе вѣка, текущая современность съ ея безконечно широкими перспективами будущаго, всѣ цивилизаціи, всѣ философскія и религіозныя системы—все это зналъ, во все это углублялся великій французъ. О Тургеневѣ онъ сказалъ, что „устами его цѣлый своеобразный міръ говорилъ", о немъ самомъ, быть можетъ, справедливо сказать, что вселенная умѣстилась въ его головѣ, въ его мозговомъ аппаратѣ, и онъ пережилъ и выстрадалъ ее въ мукахъ художественнаго творчества и строгонаучнаго мышленія. Ко всему имъ пережитому, продуманному и возсозданному онъ умѣлъ пріобщать другихъ, и притомъ въ формѣ совершенной и чарующей.

Шалмель-Лакуръ, занявшій кресло Ренана во французской академіи, однажды выразился такъ: „Ренанъ мыслитъ какъ мужчина, чувствуетъ какъ женщина и

дѣйствуетъ какъ дитя". Быть можетъ, въ этихъ словахъ наиболѣе полная характеристика Ренана, какъ человѣка. Онъ понималъ жизнь только какъ долгъ мышленія, въ немъ преобладала женская, воспринимающая и рождающая сторона человѣческой природы, и, какъ дитя, онъ былъ чистъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Оттого намъ слышится голосъ правды въ немногихъ строкахъ, написанныхъ имъ въ преклонный возрастъ, когда болѣзнь сильно напоминала ему о близости развязки: „Жизнь была для меня истиннымъ благомъ. Если бы мнѣ дано было начать ее снова, я съ радостью согласился бы. Разставаясь съ нею, я кланяюсь и благодарю Источникъ всѣхъ благъ за чудную прогулку, которую мнѣ дано было совершить".

Б. Бурдесъ.

Послѣдній валъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ИСПАНІИ.

(*Окончаніе*).

V.

На площади.

Гонецъ.

Гдѣ здѣсь у васъ красавица Альгамбры?

Голоса въ народѣ.

Кто ты? Зачѣмъ? Куда ее зовутъ?

Гонецъ.

Ее зоветъ въ Севилью королева.
Дошла до ней стоустая молва
О красотѣ и чудномъ дарѣ пѣсенъ
Какой-то дѣвушки, которую вездѣ
Красавицей Альгамбры величаютъ.
Вы слышали, что бѣдный нашъ король,
Давно больной, врачуется лишь пѣснью,
Что пѣньемъ въ немъ поддерживаютъ жизнь,
Зане врачи давно ужъ отступились
И сами признаютъ свое безсилье.
Есть во дворцѣ немало музыкантовъ,
Пѣвцовъ, пѣвицъ и всякаго народа,
Но злой недугъ властительнѣй, чѣмъ прежде,
На этотъ разъ напалъ на короля
И оковалъ его больное тѣло
И держитъ крѣпко. Кое кто болтаетъ,

Что съ жизнью нашъ король ужъ распростился,
Что онъ лежитъ давно холоднымъ трупомъ…
Но королева ждетъ отъ пѣсенъ чуда
И въ смерть его не вѣритъ. Гдѣ же ваша
Красавица Альгамбры?

Голоса.

За стѣною!
Тамъ на горѣ! Ведемъ его, ведемъ!

VI.

Во дворцѣ.

Епископъ.

Повѣрьте, королева: рано-ль, поздно-ль,
А съ правдою должны мы примириться,
Какъ ни была-бъ печальна эта правда
И какъ бы намъ ни возмущала сердце.
Ужасна смерть, но власть ея отъ Бога;
Она хранитъ ревниво эту власть
И взятое назадъ не возвращаетъ.
Ужъ тридцать дней мы видимъ предъ собою
Безжизненное тѣло короля…
Ужъ тридцать дней мы грустно вмѣстѣ съ вами
Слѣдимъ за каждою чертой его лица,
За положеньемъ членовъ онѣмѣлыхъ,
За каждой складкой царскаго покрова…
Недвижно все… Надъ всѣмъ ужъ воцарился
Покой державный смерти… Безпокойно
Одна бездомная душа еще блуждаетъ,
Обречена носиться надъ землею
И не вступать въ надзвѣздную обитель,
Пока ея земное одѣянье
Землѣ не возвратимъ мы со слезами
И пѣніемъ надгробнымъ… Королева!
Пусти скиталицу въ открытый ей чертогъ,
Не сдерживай непрочными цѣпями
Ея паренья!..

Королева.

Я еще не вѣрю,
Что умеръ донъ Филиппъ; я изучила
Всѣ странности тяжелаго недуга,
Касалась до невѣдомыхъ врачамъ
И Богу лишь извѣстныхъ нитей жизни.
Не разъ передо мною мой супругъ
Лежалъ холоднымъ и недвижнымъ трупомъ;
И уловить старалась я дыханье,
Услышать сердца стукъ… но все напрасно.
А между тѣмъ мой тихій, нѣжный шепотъ,

А иногда и пѣснь моя простая
Едва касались царственнаго слуха—
И на лицѣ недвижномъ появлялась
Тогда едва замѣтная улыбка,
И понемногу кровь въ немъ шевелилась,
И пробуждался къ жизни мой король.

Епископъ.

Но тридцать дней прошло вѣдь, королева,
А тридцать дней не то же, что часы...

Королева.

Что жъ тридцать дней! Отецъ мой, кто пытлъ
Тѣ тайныя невѣдомыя нити,
Что жизнь связуютъ съ бѣднымъ нашимъ тѣломъ?
Въ чемъ мнѣ залогъ, что жизнь отъ короля
Уже совсѣмъ навѣки отлетѣла
И гдѣ-нибудь еще не тлѣетъ искрой?

Донъ Діего.

Но тридцать дней прошло ужъ, королева!
Вездѣ въ народъ проникла злая вѣсть
О смерти короля. За первой скорбью
Идетъ въ толпѣ и недовольный ропотъ...
Народъ смущенъ, не чуя надъ собою
Законнаго ярма законной власти...
Ты крѣпко руль держала корабля,
Но лѣвая рука твоя все время
Покоилась на царственномъ плечѣ
Недужнаго владыки королевства...
Угасъ король—и силы нѣтъ въ тебѣ,
И страшенъ ропотъ буйнаго народа.
Еще страшнѣй таинственная смута
И происки соперниковъ ревнивыхъ...
Угасъ король, а ты сама кормило
Не хочешь сжать привычною рукой
И слышать, какъ отъ моря и до моря
Раздастся кличъ привѣтственный народа
Тебѣ, его любимой королевѣ...
Возьми же скиптръ и царствуй!...

Королева.

Донъ Діего!

Когда отца духовнаго глаголы
Сомнѣній рой во мнѣ не побѣдили,
Когда его безсильно было слово,
То могутъ ли владѣть моимъ рѣшеньемъ
Знакомыя мнѣ нужды государства
Или боязнь навѣкъ лишиться власти?
Мнѣ говорилъ епископъ, что я душу
Супруга въ рай блаженный не пускаю
И на землѣ держу ее цѣпями...

Что жъ передъ тѣмъ всѣ суетныя мысли
О крѣпости и благѣ государства
И вся боязнь за бремя сладкой власти?
Ничто, ничто, повѣрь мнѣ...

Гонзальви.

Королева!
Позволь и мнѣ свое промолвить слово.
Я призванъ былъ отъ родины моей,
Италіи пѣвучей и прекрасной,
Чтобъ душу чуткую больного короля
Будить и къ жизни возвращать искусствомъ.
Не спорю я, что часто струнъ моихъ
Манящіе, плѣняющіе звуки
Побѣдно отражали власть недуга,
Что на моихъ глазахъ мой повелитель,
Казалось, жизнь утратившій навѣки,
Вдругъ оживалъ подъ звуки пѣснопѣній
И говоръ струнъ. Но все жъ не тридцать дней
Онъ въ тѣ разы безжизненнымъ казался,
Не тридцать дней недвижный и холодный
Лежалъ въ объятьяхъ и оковахъ смерти...
Я истощилъ теперь свое искусство,
И звуки струнъ то къ небу поднимались,
Какъ стрѣлы упираясь въ сводъ небесный,
То опускались тихо въ глубь земную
И нѣдра мрачныя подземной шевелили...
Всѣ камни замка стараго дрожали
И посылали свой могучій откликъ,
И оглашалъ тотъ откликъ своды залы,—
И лишь король недвижимъ оставался
Подъ складками дрожащаго покрова.
Не вѣря больше въ собственную силу,
Я созвалъ всѣхъ Испаніи пѣвцовъ,
И голоса ихъ въ чудномъ, стройномъ хорѣ
Здѣсь раздавались то раскатомъ грома,
То сладкогласнымъ шелестомъ дубравы,
Или ручья сокрытаго журчаньемъ,
Иль дуновеньемъ вѣтерка, что въ душу
Съ неуловимой лаской проникаетъ.
Напрасно все... Безжизненное тѣло
Передавать не можетъ здѣшнихъ звуковъ
Душѣ, порвавшей жизненныя связи
И внемлющей ужъ безтѣлеснымъ слухомъ
Въ иномъ краю...

Королева.

Что ты сказалъ, Гонзальви,
Давно гнететъ мой робкій умъ и душу
Мнѣ наполняетъ ужасомъ... Но все же,
Хоть сѣмена въ меня и вкрались страха,—

Не вѣрю я, чтобъ умеръ мой король...
Взгляни, нетлѣненъ онъ. Конечно, можетъ
Могучій Богъ нетлѣнье даровать
И тѣлу мертвому; конечно, тихъ былъ
И сердцемъ чистъ блаженный мой супругъ.
И очищалъ онъ часто покаяньемъ
Больную душу... Но опять скажу я:
Кто мнѣ укажетъ порванныя нити
Межъ тѣломъ и душой? Кто мнѣ скажетъ,
Что видитъ смерть лицомъ къ лицу въ холодныхъ
Чертахъ прекраснаго, недвижнаго лица?
Кто лезвіе косы ея ощупалъ?
Кто слышалъ взмахъ могучій и разящій?
А если такъ, то кто жъ меня заставитъ,
Чтобъ вѣрила въ незримую я смерть,
Когда я въ жизнь невидимую вѣрю?
Ты говоришь, Гонзальви, что искусство
Свою надъ нимъ исчерпало ужъ силу,
Что звуки струнъ и голосъ пѣснопѣній
Надъ нимъ своей не проявляютъ власти...
Такъ слушай же!.. Когда-то въ раннемъ дѣтствѣ
Я видѣла, какъ у рѣчной запруды
Вздымались грозно съ пѣной валъ за валомъ
И сокрушить стремилися плотину,
Созданье слабыхъ рукъ... Но былъ напрасенъ
Ихъ мощный ревъ и мощныя усилья.
Не поддавалась гордая твердыня
И новыхъ волнъ съ надменностью ждала...
И новые нахлынули потоки,
И ринулись опять напоромъ дружнымъ,
Но у плотины пали, негодуя,
И съ ропотомъ безсильнымъ разбивались...
И вотъ я видѣла, Гонзальви, валъ послѣдній...
Онъ мало былъ отличенъ отъ другихъ,
Но онъ собою силы ихъ умножилъ
И крѣпкую твердыню сокрушилъ.
Я видѣла передъ собой, Гонзальви,
Какъ, вырвавшись изъ тягостнаго плѣна,
Рѣка свободно, вольно понеслась...
А кто же все содѣлалъ?.. Валъ послѣдній...
Я жду его отъ пѣсенъ, отъ пѣвцовъ,
И вѣрю въ жизнь, пока его не зрѣла...

Епископъ и донъ Діего.

Но это ужъ безумье, королева!

Королева.

Да, королева я и то кормило,
О коемъ мнѣ напомнилъ донъ Діего,
Беру я вновь привычною рукою,
Опершись на плечо живого мужа.

(Подходитъ къ лежащему королю)

И издала приказъ. Внемлите. люди,
Епископъ, свита, воины и всѣ
Концы Испаніи: пока не объявлю я
Смерть короля, отъ моря и до моря
Никто не смѣетъ разглашать и думать,
Что умеръ благородный донъ Филиппо,
Что бѣдная страна осиротѣла.
Пока меня надежда не покинетъ
Никто да не дерзаетъ заикнуться
О горестномъ обрядѣ похоронномъ
Надъ все еще живымъ моимъ супругомъ...
Я поклялась... Я снова королева
И скипетра правленья не держу напрасно...

Епископъ (въ сторону).

Она безумствуетъ!..

Голоса на улицѣ.

Привѣтствуемъ тебя,
Красавица Альгамбры!

Королева.

Боже! Боже!
Вотъ мой послѣдній валъ... Иду, спѣшу
Навстрѣчу ей. Я вѣрю, не напрасна
Надежда, свившая пріютъ въ моей груди...
О, дѣва чудная Альгамбры! Ты прекрасна,
Могучъ твой даръ; иди сюда, иди!
Здѣсь мой король... Но если только волосъ,
Лишь волосокъ съ землей его роднитъ,
Къ его душѣ проникнетъ дивный голосъ
И короля народу возвратитъ.

VII.

У окна.

Королева.

Что слышу я? Поетъ она, поетъ...
Я вижу, къ ней ужъ простираетъ руки
Восторженно внимающій народъ...
Вотъ льются чудные, плѣнительные звуки,
Изъ устъ ея взлетая къ небесамъ
И къ намъ дождемъ на землю ниспадая...
По дѣвственнымъ красавицы чертамъ
Скользитъ улыбка чудная, живая...
Но, Боже мой! Какая красота!
Какая, намъ невѣдомая, сила
Кипитъ въ груди и двигаетъ уста!
Не чары то... Нѣтъ, самая могила,
Гдѣ мертвый спитъ подъ сѣнію креста,
Разверзлась бы и жизни путь открыла.

Голосъ Инезы.

Мнѣ пѣсни свободная сила дана;
Пою словно птица лѣсная,
И пѣсни моей вся родная страна
Внимаетъ отъ края до края.
Звенитъ отголоскомъ та пѣсня въ горахъ,
Несется въ небесные своды,
Сливается съ хоромъ согласнымъ въ поляхъ
И звучно спадаетъ на воды;
И въ души она проникаетъ людей,
И дышитъ въ нихъ нѣгой и страстью...
Горжусь я свободною пѣснью моей,
Горжусь ея дивною властью.
Звени-жъ, моя пѣсня! Лети въ небеса!
Несись черезъ горы и волны
И въ мірѣ людей совершай чудеса,
Да будутъ всѣ радостью полны.

Голоса народа.

Ты—красота! ты—соловей Гранады!
Не уходи! останься здѣсь въ Севильѣ
И чудеса свершай своей пѣснью.

Королева.

Да, чудеса... Спѣши сюда, пѣвунья!

VIII.

Донъ Діего.

Хоть вы бы вразумили королеву
Иль попытались вразумить, Лоренцо!
Давно пора свершить, какъ подобаетъ,
Надъ королемъ обычные обряды.
Предать землѣ безжизненное тѣло,
Иль, отложивъ на время погребенье,
Хоть объявить о смерти короля,
Чтобъ положить конецъ тревожнымъ толкамъ.
Безкоролевье, вѣрьте мнѣ, не шутка
И можетъ дать печальные плоды.

Лоренцо—врачъ.

Я пробовалъ, пытался, донъ Діего!..

Донъ Діего.

И что же вамъ сказала королева?

Лоренцо.

Вы знаете, конечно, донъ Діего,
Что королева мало довѣряетъ
И можетъ довѣрять моимъ словамъ,
Не вѣря больше въ самую науку.

Недугъ, давно держащій короля,
Такъ необыченъ, страненъ и чудесенъ,
Такъ рѣдокъ и безвѣстенъ медицинѣ,
Что врачеванью поддается плохо,
А, можетъ быть, совсѣмъ не поддается...
Безплодны были всѣ мои усилья
Проникнуть въ смыслъ таинственной загадки,
Къ которой нѣтъ въ рукахъ моихъ ключа...
Но видѣлъ я, что пѣнье почему-то
Имѣетъ власть надъ духомъ короля
И какъ-то укрѣпляетъ нити жизни...
И вотъ, я передалъ права свои пѣвцамъ
И объявилъ безсиліе науки.

Донъ Діего.

Вы говорите о недугѣ странномъ;
Но конченъ онъ... Не въ немъ теперь и сила.
Вамъ говорить о смерти надлежало.

Лоренцо.

О смерти передалъ я королевѣ
Все. что о ней извѣстно для науки.

Донъ Діего.

И что же вамъ въ отвѣтъ на ваши рѣчи
Сказала королева?

Лоренцо.

Ничего.
Она задумалась, потомъ вздохнула,
Кивнула мнѣ, на небо поглядѣла
И съ грустною улыбкой отошла.

Донъ Діего.

Но вы, однако, говорили ясно?
Вы доказали бѣдной королевѣ.
Что въ смерти сомнѣваться невозможно.

Лоренцо.

Я доказалъ, какъ дважды два четыре,—
Что могъ сказать отъ имени науки.

Донъ Діего.

А именно?

Лоренцо.

А то, что жизнь и смерть
Взаимно исключаются другъ другомъ,
А потому не могутъ совмѣщаться
Въ одномъ и томъ же тѣлѣ, что отсюда
Все мертвое не можетъ быть живымъ
И все живое не бываетъ мертвымъ,
Пока живетъ. Тѣмъ кончилось вступленье.

Донъ Діего.

Довольно безполезное, Лоренцо!

Лоренцо.

Въ отдѣльности,—конечно; но оно
Даетъ всему дальнѣйшему основу,
А потому вполнѣ необходимо.
Итакъ, въ виду различья между ними,—
Я говорю о жизни и о смерти,
Должны, конечно, различаться также
И признаки, являемые ими,
Какъ признаки двухъ полюсовъ природы.

Донъ Діего.

Но это всѣмъ само собой понятно...

Лоренцо.

Позвольте продолжать мнѣ! Согласиться
Въ основахъ надо; иначе все зданье
Не будетъ прочнымъ. Продолжаю дальше:
Такъ признаками смерти принимаемъ
Отсутствіе дыханья, теплоты,
Отсутствіе всѣхъ видимыхъ движеній
И все тому подобное. Исчислилъ
Я все, какъ слѣдуетъ, по пунктамъ королевѣ.
А жизни признаки, какъ разъ обратно,
Присутствіе дыханья, теплоты,
Наличность видимыхъ движеній тѣла
И далѣе, какъ я уже сказалъ ..
Вы понимаете, конечно, донъ Діего?
Я выражаюсь какъ нельзя яснѣе...

Донъ Діего.

Такъ, стало быть, по вашему, король нашъ
Давно ужъ мертвъ, и въ этомъ вы сомнѣнья
Не допускаете...

Лоренцо.

О, нѣтъ! позвольте!
Я не былъ бы ученымъ, донъ Діего,
Когда бы я не допускалъ сомнѣнья
Всегда, вездѣ, повсюду, внѣ предѣловъ
Того, что намъ доподлинно извѣстно...
Извѣстны признаки; а потому открыто
И смѣло утверждаю, что субъектъ,
Его величество Филиппъ, король испанскій,
Рядъ признаковъ намъ проявляетъ смерти...
Но весь ли рядъ,—сказать еще не смѣю.
Зане всего не вѣдаемъ мы ряда,
Пока не знаемъ тайны бытія.
Посылки не даютъ намъ заключенья...
Быть можетъ, живъ король, быть можетъ, умеръ...

Нельзя пускаться далѣе предѣла
Того, что намъ извѣстно: передъ нами
Лишь признаки, а сущность бытія
Невѣдома для насъ и непонятна,
А потому предвижу, что придется
Сказать о многомъ: ignorabimus.
Я изложилъ, что вѣдаетъ наука,
И тѣмъ исполнилъ долгъ свой передъ нею.

Донъ Діего.

И королева, говорите вы,
Отвѣтила молчаніемъ на это?

Лоренцо.

Да, молчаливой, странною улыбкой.

Донъ Діего.

Немудрено. Вы кончили, Лоренцо?

Лоренцо.

Позвольте, донъ Діего! только началъ...
Я высказалъ пока, что удалось
Мнѣ высказать предъ нашей королевой,
Которая сама своимъ уходомъ
Мою замкнула рѣчь...

Донъ Діего.

Такъ продолжайте!

Лоренцо.

Я изложилъ извѣстное наукѣ
И кончилъ словомъ ignorabimus,
Но область неизвѣстнаго, Діего,
Стократъ обширнѣе и главное чудеснѣй.
По временамъ природа проявляетъ
Намъ чудеса, которыя, какъ громомъ,
Все зданіе науки потрясаютъ
И учатъ насъ научному смиренью.
Запомните, Діего, это слово
И слушайте! Когда я былъ евреемъ,
Не осѣненнымъ знаменьемъ креста,
Я долго странствовалъ, ища пріюта,
И въ поискахъ дошелъ до дальней Польши.
Тамъ испыталъ я самъ свирѣпость хлада,
Какого здѣсь нельзя вообразить намъ;
Тамъ я видалъ людей окоченѣвшихъ,
Казавшихся мнѣ явно мертвецами,
Но подъ рукою земляковъ умѣлыхъ
Вновь начинавшихъ жить. Но, донъ Діего,
Они не воскресали... нѣтъ!.. таилась
Еще въ нихъ жизнь, когда вся внѣшность смерть
И только смерть одну лишь представляла

Въ наличности всѣхъ признаковъ ея.
Я не скажу, чтобъ жизнь до пробужденья
Держалась въ нихъ на тонкомъ волоскѣ;
Нѣтъ, тоньше и ничтожнѣй были связи;
Глазъ ихъ не зрѣлъ, не схватывало ухо...
Но чудеса природа совершала
Своимъ жезломъ, какъ Моисей въ пустынѣ:
Ничтожную, невидимую искру
Она въ костеръ пылающій вздувала,
Хотя ничто не выдавало искры,—
И капля, намъ незримая, въ источникъ
Живой воды и силы обращалась.
Что жъ мнѣ сказать въ итогѣ, донъ Діего?—
Что живъ король? не знаю; что онъ умеръ?
Не знаю также. Будемъ ожидать,
Что скажетъ намъ природа, коль захочетъ;
А не захочетъ,—ignorabimus.
Что дѣлать? какъ вамъ быть?—рѣшайте сами;
Я не могу; я все теперь сказалъ.

(Уходитъ).

Донъ Діего.

Часъ отъ часу не легче. Все смутилось...
Что жизнь? что смерть?—нельзя и разобраться!
И какъ мнѣ поступать и что мнѣ дѣлать—
Не знаю я. А на моихъ плечахъ
Лежитъ весь грузъ заботъ и попеченій
О благѣ государства. Какъ тутъ быть?
Спѣшить нельзя, но ждать нельзя вѣдь также...
Да, спуталъ всѣ дѣла намъ донъ Филиппъ.

IX.

Епископъ.

Свершилось невозможное, Діего!
Король нашъ живъ... Но гдѣ жъ вы были сами?

Діего.

Я уходилъ нарочно, чтобъ не видѣть
И не слыхать того, что почиталъ я
Безумствомъ явнымъ, жалкою насмѣшкой
Надъ королемъ. Но вы меня смутили
Тѣмъ, что сказали... Говорите дальше!

Епископъ.

Я говорю: предъ нами, донъ Діего,
Свершилось невозможное—не чудо,
А что-то все жъ негаданное нами...
Король воскресъ... Но я не такъ сказалъ;
Вѣдь нужно умереть, чтобы воскреснуть...
Король не умиралъ... Не можетъ рѣчь
И выразить, что очи увидали...

Король живетъ... Едва она вошла,
Какъ на нее всѣ взоры обратились.
Едва она запѣла... правый Боже!
Всѣ устремили взгляды къ королю,
Въ себѣ самихъ приливъ почуявъ жизни,—
И въ мигъ одинъ надежда шевельнулась
У всѣхъ въ душѣ. И пѣла пѣснь она
Неслыханную нами, и слова
Какъ будто бы подсказывалъ ей кто-то,
А звуки чудные въ душѣ ея рождались
И оглашали залу. Но король
Недвиженъ, бездыханенъ оставался,
Какъ былъ онъ прежде. Пѣснь смѣнила пѣснь,
И показалось всѣмъ, что на ланитахъ
У короля румянецъ появился...
Звенѣла пѣснь—и видѣли мы ясно,
Какъ всколыхнулись складки у покрова,
Какъ грудь дышать замѣтно начала...
Тогда лишь снова обратили взоры
Мы на пѣвицу... О! молва недаромъ
Ее красой Альгамбры называетъ:
Не чаяли такой мы красоты...
Не выдержалъ внезапно пажъ Алонзо,
Безумный юноша; онъ бросился впередъ
Черезъ толпу, упалъ и началъ ноги
Ей страстно цѣловать... Она же пѣла,
Какъ будто ничего не замѣчая,
Какъ будто вся она далеко гдѣ-то
И ничего передъ собой не видитъ:
Ни короля, ни залы, ни безумца,
Котораго съ трудомъ мы оттащили...
Издалека она намъ слала пѣсни,
Съ высотъ какихъ-то... Вотъ она запѣла
О битвѣ съ маврами, какъ горсть отважныхъ
И храбрыхъ витязей подъ знаменемъ креста
Отъ полчища невѣрныхъ отбивалась...
И вдругъ король, на ложѣ приподнявшись,
Вскричалъ:—«Коня! Ведите мнѣ коня!
Вы видите: они ужъ отступаютъ...»
И вновь затѣмъ поникъ онъ головой
И въ крѣпкій сонъ спокойно погрузился...
Онъ спитъ теперь... Она жъ поетъ
И видимо его врачуетъ пѣньемъ.
Я выдержать не могъ, оставилъ залу,
Пришелъ сюда, чтобы собраться съ силой
И сбросить гнетъ пережитыхъ волненій...

Донъ Діего.

Да, чудеса! Но пѣнье прекратилось...
Мнѣ слышится ужъ близкій шумъ шаговъ...
Идутъ сюда весь дворъ и королева...

X.

Оберъ-церемонійместеръ (въ дверяхъ).

Идетъ король со всѣмъ своимъ дворомъ.

Король (вносится на креслахъ).

Я слабъ еще, но чувствую, что скоро
Оправлюсь я... Пока же я прошу
Прекрасную подругу королеву
Держать еще на время жезлъ правленья
Въ своей рукѣ и высказать все то,
Что щедро такъ мнѣ наполняетъ душу,
Но что сказать мѣшаютъ мнѣ волненье
И слабость силъ.

Королева.

Діего! Объявить
Во всѣ концы Испаніи, что нынѣ
Господней милостью и дивной силой пѣсни
Король опять для жизни возвратился
И шлетъ народу радостный привѣтъ.
(Къ Инесѣ).
Приблизься же, красавица Альгамбры!—
Какъ иначе назвать тебя, не знаю...

Инеса.

Инеса де Альварецъ; мой отецъ
Родриго де Альварецъ назывался...

Король.

Родриго де Альварецъ! Онъ со мною
Сражался рядомъ въ битвѣ подъ Саланкой
И палъ къ моимъ ногамъ, обрызганъ кровью;
Я самъ склонясь закрылъ ему глаза
И прошепталъ надъ нимъ слова молитвы.
Но продолжайте дальше, королева!
Я говорить не въ силахъ отъ волненья...

Королева.

Инеса де Альварецъ!..

Алонзо (вбѣгаетъ и падаетъ къ ногамъ Инесы).

Королева.

Что съ тобою?
Она ужъ не поетъ, и чарой пѣсни
Оправдывать нельзя твое безумство...

Инеса.

Алонзо!

Королева.

Какъ? Вы знаете другъ друга?

Инеса.

Ты обманулъ меня... Ты не вернулся...
Ты только говорить заставилъ тетю...

Алонзо.

Прости, Инеса! Тщетно умолялъ я
И преклонялъ колѣна, слезами
Я рисковалъ Севилью затопить,
Но вымолить не могъ я позволенья
На бракъ съ тобою. Вотъ и мой отецъ;
Онъ подтвердитъ тебѣ, что такъ все было.

Инеса.

О, вѣрю я...

Королева.

Такъ, вмѣсто всякихъ словъ,
Я тотчасъ же явлюсь, Инеса, свахой
И передъ славнымъ нашимъ донъ Рамиро
Съ моей смиренной просьбой поклонюсь.

Донъ Рамиро.

Вы шутите, конечно, королева!
Я приказанья ждалъ бы, а не просьбы...
Но и оно теперь ужъ запоздало;
Я побѣжденъ красавицей Альгамбры
И самъ прошу руки ея для сына.

Королева.

Приданое Инесы де Альварецъ
Даетъ король...

Инеса.

Ахъ, еслибъ поскорѣе
Послать за тетей...

Королева.

Прикажи, Діего
Позвать ее!

Донъ Діего (дѣлая знакъ).

Она здѣсь за дверями.

Донья Клара (въ дверяхъ).

Я чуяла, что здѣсь она погибнетъ...

Лоренцо (входя въ другія двери).

Да, чуялъ я, что не смолчитъ природа
И наградитъ научное смиренье,
И, хоть на мигъ, слегка подыметъ пологъ,
Скрывающій незримыя черты.

Однимъ жрецамъ извѣстенъ этотъ пологъ,
Зане толпа и полога не видитъ,
Стоитъ извнѣ, толпится у притворовъ,
Стучитъ усердно въ стѣны молотками
И, отбивая краску съ штукатуркой,
Гордится тѣмъ. что познаетъ природу
И въ глубь ея отважно проникаетъ...
За стукомъ молотковъ не слышенъ хохотъ
И ропотъ негодующей природы...
Вотъ бьетъ о камень Моисеевъ жезлъ—
И видимъ мы... Но что въ жезлѣ, что въ камнѣ,
Въ сцѣпленіи и въ сущности частицъ,
Невѣдомыхъ, невидимыхъ для глаза,
Не знаемъ мы... И что творитъ ударъ,
Вдругъ пробуждая дремлющую силу,—
Не знаемъ также... Нѣчто бьетъ о нѣчто
И нѣчто, намъ безвѣстное, свершаетъ...
Но брызнула живительная влага,
И солнце отражается въ ручьѣ,
Клокочущемъ изъ мертвой груды камня.
Хвала тебѣ, научное смиренье!
Встрѣчаешь ты природы чудеса
Не затуманеннымъ и свѣтлымъ окомъ.
Но чудный жезлъ былъ у тебя, Гонзальви,
Не у меня... Я только преклонился,
Когда увидѣлъ творческій ударъ.

Гонзальви.

Я жезлъ отвергъ... Я грѣшенъ предъ искусствомъ:
Я измѣнилъ ему, по малодушью,
И самъ величью смерти подчинился...
Почувствовавъ весь страхъ ея и холодъ,
Я выпустилъ свой жезлъ—и онъ упалъ,
И на полу онъ тотчасъ сталъ змѣей,
Змѣей сомнѣнія—и голову поднялъ,
И на меня свои направилъ взоры,
Холодные, бездушные, какъ смерть...
Я вѣрилъ въ смерть и въ жизнь уже не вѣрилъ,
И мнѣ мое искусство измѣнило.
Но тотъ же жезлъ въ рукахъ у королевы
Держался крѣпко и упасть не могъ;
Она одна его не выпускала
И вала новаго, послѣдняго ждала...

Королева.

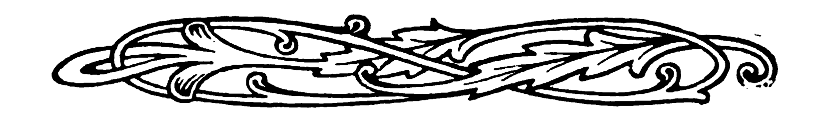
И грянулъ валъ—и дивное свершилось...
Но не въ рукахъ испанской королевы
Былъ чудный жезлъ. Еще намъ пѣснь, Инеса!

Взмахни еще жезломъ своимъ волшебнымъ!
Въ твоихъ рукахъ онъ былъ жезломъ любви...

Инеса (поетъ).

Я вольная птица, я птица полей
И горъ, и дубравы тѣнистой;
Мой вѣрный товарищъ лѣсной соловей.
Любимецъ весны голосистый.
Я малая птичка, но чувствую я
Въ наитіи вѣщаго духа,
Какъ тихо свершается ходъ бытія,
Сокрытый для гордаго слуха.
Я чую, какъ бьется, клокочетъ вода
Въ безжизненной горной твердынѣ.
Какъ шепчетъ молитву на небѣ звѣзда
И носится пѣснь по пустынѣ;
И въ грохотѣ, стукѣ и шумѣ людскомъ
Порой я внимаю, робѣя,
Какъ вдругъ о холодные камни, какъ громъ,
Ударится жезлъ Моисея.

Н. Аксаковъ.



Исторія одной книги.

I.

Просматривая многочисленныя узаконенія, распоряженія и постановленія по народному образованію, изданныя въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I [1]), можно замѣтить, какъ видоизмѣнялся взглядъ правительства на народное образованіе. Екатерина II хотѣла создать *новую породу людей*; она желала, „чтобъ съ изящнымъ разумомъ, изящнѣйшее еще соединялось сердце, ибо качество разума не занимаетъ еще первой степени въ достоинствахъ человѣка, оно украшаетъ онаго, а не составляетъ". Говоря о школьной реформѣ императрицы

---

[1]) *Сборники* постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томы I и II, годы изданій 1875 и 76.

Сборники распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, томы I и II, изданія 1866.

Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

В. Стоюнинъ. Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи съ XVIII вѣка. „Русскій педагогическій вѣстникъ". 1857 и 58.

Н. Лавровскій. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II.

А. Никольскій. Школьная реформа императрицы Екатерины II.

Гр. Д. А. Толстой. Городскія училища въ царствованіе Екатерины II.

А. С. Вороновъ. Янковичъ де Миріево или народныя училища при Екатеринѣ II.

Его же. Историко-статистическое обозрѣніе училищъ С.-Петербургскаго округа.

Владимирскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVIII вѣка.

П. П. Пекарскій. Матеріалы для журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II.

К. Арсеньевъ. Историко-статистическій очеркъ народнаго образованія въ Россіи до конца XVIII вѣка.

М. Демковъ. Исторія русской педагогики.

Аристовъ. Образованіе при Александрѣ I. (Извѣстіе историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ 1879).

Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при императорѣ Александрѣ I.

А. Пыпинъ. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.

Лалаевъ. Николай I—зиждитель русской школы (Педагогическій сборникъ).

Екатерины II, Бецкій употребляетъ слѣдующее изысканное выраженіе: „Петръ создалъ людей въ Россіи, ваше величество влагаетъ въ нихъ душу" [1]). Школа, по понятіямъ русскихъ педагоговъ XVIII столѣтія, должна была имѣть воспитательное значеніе, стремиться развивать человѣка. „Званіе учителя обязываетъ ихъ (учителей) также стараться сдѣлать изъ учениковъ своихъ полезныхъ членовъ общества, а для сего должны они поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ ученика и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать *разумно, честно и благопристойно*" [2])—въ этихъ словахъ довольно ярко выражается требованіе, предъявляемое школѣ при Екатеринѣ II. При Александрѣ I взгляды правительства начинаютъ измѣняться и формулируются къ концу царствованія (1821 г.) слѣдующимъ образомъ: „Народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ, необходимо направить къ истинной высокой цѣли, къ содержанію въ составѣ общества постояннаго и спасительнаго *согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію* или, другими словами, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ" [3]).

Въ послѣдующее царствованіе этотъ взглядъ нашелъ вполнѣ законченное выраженіе. Теперь школа должна дать „образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплой вѣрой въ истинно-русскія хранительныя начала *православія, самодержавія и народности*", составляющія вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества [4]). Такимъ образомъ мы видимъ, какъ совершалось измѣненіе взгляда правительственныхъ сферъ на школу. Школа, вмѣсто созиданія новой породы людей, должна была стать орудіемъ въ рукахъ правительства. Понятіе о школѣ, какъ объ орудіи, — насколько намъ удалось провѣрить,—въ первый разъ употреблено С. С. Уваровымъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о ревизіи Московскаго университета въ 1832 году. Ува-

[1]) Собраніе узаконеній и предписаній касательно воспитанія въ Россіи. 1789 г., стр. 159 и 160.

[2]) Руководство учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ. СПБ. 1783 г.

[3]) Журналъ департамента народнаго просвѣщенія 1821 г. Февраль. Отдѣленіе II. Инструкція главному правленію училищъ.

[4]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ II. Царствованіе императора Николая I. 1825—1855. Отдѣленіе первое. Изданіе второе. Спб. 1875, ст. 510.

ровъ указываетъ, что онъ самъ „раздѣлялъ со многими нѣкоторые предразсудки на счетъ духа, господствующаго въ семъ важномъ заведеніи“ [1]), но по ревизіи оказалось, что все обстоитъ благополучно, что профессора представляютъ „нѣсколько способныхъ и усердныхъ *орудій* для выполненія цѣлей правительства, а студенты отличаются глубокимъ спокойствіемъ и легкостью слѣдовать всѣмъ направленіямъ, даваемымъ правительствомъ“. Во времена Екатерины II открытіе училищъ совершалось торжественно и принимались всѣ мѣры, чтобы пропагандировать школу среди населенія. Такъ, въ Тамбовѣ, утромъ въ день открытія школы, въ соборную Казанскую церковь собрались всѣ служащіе въ Тамбовѣ, дворянство и множество народу. Обѣдню служилъ самъ архіерей. При возглашеніи многолѣтія государю и всему императорскому дому производилась пушечная пальба. По окончаніи богослуженія все собраніе вслѣдъ за духовенствомъ направилось въ училищный домъ, который, послѣ молебна, окропленъ былъ святой водой; ученики уже стояли всѣ за учебными столами. Здѣсь снова возглашено было многолѣтіе императрицѣ, возобновилась пушечная пальба... Въ это время учитель Василій Ромынскій сказалъ благодарственную рѣчь за оказанное народу благодѣяніе. По окончаніи церемоніи губернаторъ угощалъ какъ благородное общество, такъ и духовенство обѣденнымъ столомъ, а народъ на площади предъ намѣстническимъ домомъ довольствованъ былъ питіемъ и обѣдомъ отъ купца Матвѣя Бородулина. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ. Кромѣ подобныхъ описаній до насъ дошли и приглашенія, разсылаемыя отъ учебныхъ заведеній къ различнымъ лицамъ. Вотъ полное заглавіе одного изъ нихъ: „Приглашеніе къ открытому испытанію обучающихся въ Пажескомъ Двора Ея Императорскаго Величества корпусѣ 1787 года Іюля 31-го дня. Начало въ 9 часовъ пополудни“ [2]). Въ рескриптѣ, данномъ императоромъ Николаемъ I на имя министра народнаго просвѣщенія, говорится слѣдующее: „До свѣдѣнія моего дошло, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ... Я нахожу нужнымъ повелѣть, чтобъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно и въ

---

[1]) Ib., стр. 511.

[2]) Собраніе сочиненій Державина, редакція Грота. 5-ый томъ. Біографія.

гимназіяхъ, принимались и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній и чтобы помѣщичьи крѣпостные люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ". Незадолго до появленія этого рескрипта министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ въ предварительномъ совѣщаніи членовъ главнаго правленія училищъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ слѣдующее: „Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное число онаго количества людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы". Затрудненія въ доступѣ къ образованію заключались въ воспрещеніи крѣпостнымъ поступать въ гимназіи и университеты, въ назначеніи и увеличеніи платы за ученіе и, наконецъ, въ раздѣленіи училищъ по сословіямъ. Послѣдняя мѣра была пояснена слѣдующимъ образомъ въ докладной запискѣ министра народнаго просвѣщенія Шишкова: „Приходскія училища должны у насъ существовать для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя для купечества, оберъ-офицерскихъ чиновъ и дворянъ; гимназіи преимущественно для дворянъ". Съ этихъ поръ программа дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія выразилась „въ удержаніи стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій" и въ „искорененіи пагубныхъ мечтаній и низкихъ страстей".

Съ измѣненіемъ основного взгляда правительства на образованіе произошли, конечно, измѣненія и въ частностяхъ. Въ руководствѣ для учителей, изданномъ при Екатеринѣ II, мы читаемъ слѣдующія знаменательныя строки: „какъ въ благоустроенныхъ училищахъ предполагается, что учителя во время ученія безотлучно при дѣтяхъ находиться будутъ, занимая вниманіе ихъ безпрестанно какимъ ни есть упражненіемъ, то почти нельзя и подумать, чтобъ *дѣти* при таковомъ распорядкѣ могли въ школѣ что ни есть такое дѣлать, что бы ***тѣлеснаго наказанія достойно было.*** Если же они таковые проступки и оказали, то оные, конечно, должно будетъ причесть *въ вину больше учительскому небреженію* и несмотрѣнію, нежели худому поведенію учениковъ. Буде же случатся преступленія, кои подлежатъ наказанію, то учитель употребляетъ для отвращенія отъ нихъ впредь слѣдующія средства: а) лишеніе пріятныхъ вещей, б) соотвѣтственныя проступку устыженія. ***Запрещаются же вообще всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они не были,*** напримѣръ: а) ремень, палка, плети, линейки, розги, б) подщечины,

толчки—кулаки, в) драніе за волосы, ставленіе на колѣни, драніе за уши, г) всѣ посрамленія и чести трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и тому подобное" [1]). Въ уставѣ приходскихъ училищъ (1828 года) въ § 31 находимъ: „какъ, несмотря на всѣ старанія, иногда *нельзя обходиться* безъ строгихъ и *даже тѣлесныхъ наказаній*, то учитель можетъ въ случаѣ нужды употреблять и сіи мѣры исправленія, но не иначе, какъ истощивъ всѣ другія" [2]). Но кромѣ подобныхъ измѣненій въ карательномъ отношеніи—изъ курса низшихъ учебныхъ заведеній былъ изъятъ даже цѣлый предметъ преподаванія, а именно мораль.

II.

Система народнаго образованія, введенная Екатериной II, отличалась замѣчательною стройностью въ расположеніи курса училища. Каждый послѣдующій классъ дополнялъ предшествующій; предметъ, начатый въ низшемъ классѣ, получалъ болѣе полное и оконченное изложеніе въ слѣдующихъ. Сейчасъ же послѣ азбуки въ первомъ классѣ слѣдовало начальное гражданское ученіе, которое и печаталось въ азбукѣ, затѣмъ слѣдовало чтеніе школьныхъ правилъ и, наконецъ, во второмъ классѣ преподаваніе заканчивалось прохожденіемъ обстоятельной книги *о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина.*

Къ числу особенностей XVIII вѣка надо причислить и любовь къ афоризмамъ. Еще Бецкій въ своемъ генеральномъ планѣ воспитанія предполагалъ написать на стѣнахъ крупными буквами нѣкоторыя нравственныя изрѣченія, которыя, по его мнѣнію, могли легко запоминаться дѣтьми и такимъ образомъ влiять на нихъ. Вслѣдствіе этой же причины—благотворнаго вліянія афоризмовъ на дѣтей—и императрица Екатерина II изложила гражданское ученіе въ 88 афоризмахъ. Приведемъ нѣкоторыя, на нашъ взглядъ, наиболѣе характерныя:

1) „Всякое дитя родится неученнымъ.

2) Долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе.

16) Не дѣлай другому, чего не хочешь, что-бъ тебѣ сдѣлано было.

---

[1]) Руководство для учителей перваго и второго класса народныхъ училищъ. 1783 г.

[2]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія 1828 годъ.

17) Кто состояніемъ своимъ доволенъ, тому жить весело.

65) Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ.

67) Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, что всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

68) Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ.

72) Гдѣ есть раздѣленіе между особами, тамъ есть также и преимущества особамъ, законами утвержденныя" *).

Начавъ такимъ образомъ съ афоризмовъ, школа при помощи другихъ средствъ стремилась, чтобы ребенокъ относился къ этимъ афоризмамъ сознательно. Въ курсѣ перваго класса училищъ была введена книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Правила для учащихся въ народныхъ училищахъ, изданныя по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II." Эта книга состояла изъ 24стр. in 8° и стоила 4 коп. безъ переплета: изъ низкой цѣны можно заключить, что Екатерина II желала ей большаго распространенія. По содержанію она дѣлилась на три части: I) Какъ ученики поступать должны передъ Богомъ и въ церкви, II) Какъ ученики должны сходиться въ училище, въ ономъ поступать и изъ онаго выходить и III) Какъ ученикамъ внѣ училища и церкви въ прочемъ поступать. Изложеніе этой книжки по тогдашнему времени называлось таблицами съ уступами, т. е. было катехизаціонное, но вопросы выкинуты и обозначались лишь буквами и цифрами А, а, I, 1, причемъ подъ А заносили главную мысль, подъ а, I, 1 ея расчлененія и поясненія; начиналась эта книжка слѣдующимъ образомъ: „Начало премудрости есть страхъ Божій, таковый страхъ должно въ училищахъ паче всего внушать ученикамъ; ибо оный побуждаетъ ихъ ко благоповеденію и души, наполнившіяся онаго, воздержатся отъ поступковъ, къ которымъ плотской человѣкъ весьма склоненъ. Ученики должны, какъ симъ, такъ и благоговѣніемъ и любовію ко Всемогущему, Премудрому и Преблагому Творцу неба и земли преполнены и убѣждены быть въ томъ, что токмо тѣ человѣки насладятся Божіемъ просвѣщеніемъ и сподобятся Божіей помощи, которые Бога любятъ и боятся и, слѣдовательно, благочестивы суть".

*) Изданіе сочиненій Екатерины II въ „Дешевой Библіотекѣ".

Послѣ такого богословскаго вступленія подробно и тщательно регламентировалось поведеніе ученика въ школѣ, дома и въ церкви, не забывались даже самыя мелочи: „ученикъ долженъ каждое утро, нежели пойдетъ въ училище, помыть лицо и руки, причесать волосы и обрѣзать буде надобно ногти и, соверша утреннее моленіе, собрать свои книги, тетради, перо, численную доску и все ему потребное. Ученикъ долженъ прежде прихода въ училище помыслить о естественной нуждѣ, чтобы во время ученія не былъ понужденъ выходить изъ училища, ибо подобные выбѣги неудобно дозволять, а хотя бы и позволялись, то немногимъ вдругъ, но всегда по одному. Ученикъ, собираясь спать, долженъ прочитать молитву на сонъ грядущій, родителямъ своимъ пожелать доброй ночи, потомъ снять съ себя платье и положить его въ надлежащее мѣсто, дабы найти по утру оное на томъ же мѣстѣ".

Но кромѣ указанія на то, какъ долженъ вести себя ученикъ, правила стремятся убѣдить ученика, что, поступивъ въ училище, онъ наложилъ на себя извѣстныя обязанности, которыя долженъ тщательно выполнять, и кромѣ того долженъ всѣми зависящими отъ него средствами стараться о распространеніи хорошаго мнѣнія о школѣ, такъ сказать пропагандировать ее среди населенія. По крайней мѣрѣ въ правилахъ мы находимъ слѣдующую фразу: „такожде взоромъ, словомъ, дѣломъ показывать, что признаютъ сію обязанность и готовы исполнять ее". А кончаются правила слѣдующимъ образомъ: „каждый ученикъ долженъ симъ образомъ поступать и наблюдать сіи правила, чтобы плоды наставленія, пріемлемаго въ училищѣ, свѣту явить дѣломъ и тѣмъ самимъ себѣ и учителямъ честь доставлять".

По произведеніямъ литературы того времени мы знаемъ, что положеніе учителя было очень плачевно. Въ кондиціи для учителя дома Дурыкина говорится слѣдующее [1]:

3) Жить онъ будетъ у меня въ домѣ, обѣдать съ камердинеромъ.

5) При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.

7) При мнѣ и при женѣ моей, ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволю накрыться и то, когда мятель большая.

---

[1]) Собраніе сочиненій Фонвизина, редакція А. Введенскаго стр. 191.

10) Онъ долженъ исполнять сіе условіе, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть выгнану по шеѣ изъ дома.

Эта выписка изъ „Стародума“ Фонвизина вполнѣ характеризуетъ положеніе учителей. Противъ такого взгляда на учителя, распространеннаго въ массѣ общества, данныя правила энергично возстаютъ и стараются вкоренить иное мнѣніе объ учителяхъ. „Каждый ученикъ долженъ чувствовать особливую любовь и сущую сыновнюю довѣренность къ своему учителю, въ учебныхъ обстоятельствахъ спрашивать его совѣта и помощи, притомъ увѣриться, что все, что учитель съ нимъ предпріемлетъ, то спѣшествуетъ къ его благополучію“. „Ученики обязаны своимъ учителямъ являть всякое почтеніе и безпрекословное послушаніе“.

Не довольствуясь указаніями на необходимость послушанія, правила поясняютъ эту необходимость. „Кто въ юности учителю не послушенъ, тотъ возмужавши и власти гражданской обыкновенно не покоряется“. Кромѣ того, эти правила стремились влiять и на родителей ученика, а именно: „ученику, окончившему свое ученіе, не дозволяется оставлять училище самовольно, но долженъ онъ, по окончаніи учебнаго преподаванія, съ родителями и опекунами своими являться къ учителю, поблагодарить его за трудъ и притомъ испросить у него письменнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи“. Такъ какъ эти правила читались въ теченіе цѣлаго года и каждое прочитывалось учениками по одиночкѣ и всѣмъ классомъ не менѣе 12—20 разъ и кромѣ того учитель обязанъ былъ задавать пояснительные вопросы[1]), то понятно, что ученики должны были ихъ запоминать и кое-что исполнять. Конечно, нельзя было ожидать, что при тогдашнемъ состояніи общества эти правила войдутъ цѣликомъ въ жизнь. Ученикъ видѣлъ вокругъ себя прямо противоположное (вспомнимъ хотя бы комедіи Екатерины II и Фонвизина), но отрицать вполнѣ ихъ значеніе нѣтъ возможности: все-таки они сослужили обществу извѣстную службу въ его развитіи.

III.

О введеніи въ курсъ школы преподаванія морали заботился уже Петръ Великій. Въ инструкціи, которую

[1]) А. Вороновъ. „Янковичъ де Миріево“. М. Демковъ. „Исторія русской педагогики. Руководство для учителей перваго и второго класса.“

онъ далъ наставникамъ царевича Алексѣя, предполагалось перевести для царевича сочиненіе Пуффендорфа De officiis hominis et civis juxta legem naturalem; London. 1673 an. (первое изданіе). Въ 1724 году 11 сентября Петръ прислалъ синоду слѣдующій указъ: „Посылаю при семъ книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата о должностяхъ человѣка и гражданина, другой о вѣрѣ христіанской, но требую, чтобы токмо первой переведенъ былъ, понеже въ другомъ нечаю къ пользѣ нуждѣ быть и прошу дабы не поконецъ рукъ переведена, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ. Петръ".

Переводъ былъ порученъ Гавріилу Бужинскому. Петръ очень интересовался этимъ переводомъ, самъ поправлялъ его, торопилъ переводчика, велѣлъ печатать въ количествѣ 600 экземпляровъ. Но переводъ вышелъ уже по смерти Петра, при его преемникѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*О должности человѣка и гражданина по закону естественному книги двѣ, сочиненныя Самуиломъ Пуффендорфомъ, нынѣ же на Россійской съ Латинскаго переведенныя Повелѣніемъ Благочестивѣйшія Великія Государыни Екатерины Алексѣевны Императрицы Самодержицы Всероссійскія. Благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода Всероссійскаго напечатаны же въ Санктъ-Петербургской типографіи ноября въ 17 день 1726 г.*" (8°; стр. 8 и 537 нум. и 4 ненум. [1]). Съ учрежденіемъ въ 1782 году комиссіи о народныхъ училищахъ послѣднею была издана книга для чтенія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „О должностяхъ человѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по высочайшему повелѣнію, цѣна безъ переплета 25 коп." С.-Петербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. т 8° [2]) (4 ненумеров. и 180 нумер. стран.). Первое изданіе вышло двойное, одно для учениковъ, другое для учителей.

Разница между ними заключалась въ томъ, что въ изданіи для учителей содержаніе книги повторялось въ катехизаціонномъ видѣ. По этимъ вопросамъ

[1]) Объ этой книгѣ библіографическія указанія можно найти: 1) Пекарскій. Введеніе въ Исторію въ Россіи XVIII столѣтія Спб. 1862 г. ст., 139, 211—213. 2) Филаретъ, арх. Черн. Обозрѣніе духовной литературы, кн. 2, стр. 2. 3) Де-Губерти. Матеріалы для библіограф. В. I, стр. 15—18. 4) Березинъ-Ширяевъ. Послѣдніе матеріалы etc. Спб. 1884, стр. 62.

[2]) Библіографія книги: 1) А. Вороновъ, Ѳед. Ив. Янковичъ. де Миріево или училища въ царствованіе Екатерины II, ст. 132—138. 2) Демковъ. Исторія русской педагогики, ч. II, гл. XXVIII, ст. 382—391. 3) Пахолковъ. Опыты педагогической хрестоматіи. Идеалы воспитанія и обученія русск. нач. учит. 1886, № 4, 6—7. 4) Березинъ-Ширяевъ. Матеріалы etc., к. 8, ст. 58.

учитель обязанъ былъ спрашивать учениковъ. Въ руководствѣ же для учителей рекомендовалось учителямъ заучить эти вопросы на память и показывалось, какъ спрашивать учениковъ: „Когда ребенокъ ничего не отвѣчаетъ, то долженъ учитель напомнить ему что-нибудь такое, что имѣетъ связь съ требуемымъ отвѣтомъ, буде же не послѣдуетъ и тогда отвѣта, то долженъ онъ отвѣтъ превратить въ вопросъ и смотрѣть, будетъ ли ученикъ отвѣтствовать справедливо по крайней мѣрѣ черезъ да и нѣтъ, тогда раздроби дѣло и скажи ему объ одномъ кратко и спрашивай снова" [1]). Эта книга выдержала до 1817 года 11 изданій. Но въ царствованіе Александра I, почти въ самомъ концѣ его, именно въ 1819 г., архіепископъ тверской Филаретъ (Дроздовъ), впослѣдствіи митрополитъ московскій, на предложеніе учебнаго комитета относительно учебныхъ предметовъ курса приходскихъ училищъ и гимназій отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Нужно ли читать дѣтямъ должности человѣка и гражданина, изложенныя по философскимъ трактатамъ, всегда слабымъ, и не лучше ли вмѣсто того распространить учебное время и наставленіе въ должностяхъ въ классѣ закона Божьяго" [2]). Такъ какъ бывшій въ то время министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Филарета [3]), то въ отвѣтъ на мнѣніе послѣдняго отъ 20 марта 1809 года, появилось циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія 5 іюня того же года слѣдующаго содержанія: „Вмѣсто употребляемой нынѣ въ уѣздныхъ училищахъ книги о должностяхъ человѣка и гражданина ввести въ употребленіе по всѣмъ училищамъ, какого бы рода они не были, чтенія изъ священнаго писанія, кои въ особенности содержали бы въ себѣ нравственныя поученія" [4]).Такимъ образомъ книга была изъята изъ употребленія. Дальнѣйшая ея судьба была еще интереснѣе. Новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, замѣнившій князя А. Н. Голицына, въ началѣ 1823 г. обратился къ императору Александру I съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Книга подъ названіемъ о должностяхъ человѣка и гражданина издана была въ 1783 году и назначена по

---

[1]) Руководство для учителей перваго и второго класса народныхъ училищъ.

[2]) Митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ). Собраніе мнѣній и отзывовъ по вопросамъ учебнымъ и церковно-государственнымъ, т. II.

[3]) О данномъ обстоятельствѣ смотри „Русскій Вѣстникъ" 1883 г. № 1, статью Корсунскаго, а также статьи Чистовича.

[4]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія.

то что иное заключать можемъ? И не должно ли высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II для чтенія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. Съ того времени издано оной было 11 тисненій; послѣдное въ 1817 году и, дабы всякій могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно 25 коп. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ Императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоученію въ ней заключающемуся, едва ли не самою ею сочиненная, около 40 лѣтъ почиталась полезною и существовала въ народныхъ училищахъ. Но въ 1819 году членъ главнаго управленія училищъ, преосвященный Филаретъ, предложилъ сему правленію, что „не нужно учителямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ:" [1]). Вслѣдствіе сего предложенія, по приказанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ училищъ были отобраны и черезъ бывшаго директора Попова велѣно ихъ продать, съ заплатою по 50 коп. за пудъ, бумажному фабриканту съ тѣмъ, чтобы оныхъ никому не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ, книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанная на выписанныхъ изъ Евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ Государю и полезнымъ отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукой великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, якобы оная изложена по философскимъ началамъ, есть столько же неопредѣлительное, сколько несправедливое изреченіе, ибо если наставленія, на правилахъ Вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительнѣ философскими, то какія же на мѣсто ихъ могутъ преподаваемы быть другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ, но когда мы видимъ, что вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ печатались и выпускались богохульныя, отвергающія вѣру и нравственность книги, когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ,—

[1]) На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ сильныя. О времена! О нравы! *Примѣчаніе Шишкова.*

послѣдуя прочимъ державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры? Я прошу дозволенія выше означенную книгу, яко весьма для юношества полезную, принять и ввести въ народныя училища".[1])

Но просьба Шишкова осталась безъ удовлетворенія и около 7 тысячъ экземпляровъ этой книги пролежали вплоть до 1832 года въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Чтобы понять, почему Шишковъ защищалъ эту книгу, надо припомнить, что Шишковъ принадлежалъ къ партіи, противной митрополиту Филарету. Надъ послѣднимъ въ это время собиралась гроза, его обвиняли въ неправославіи, въ желаніи уронить важность священнаго писанія, въ стремленіи произвести расколъ и ереси вслѣдствіе изданія имъ катехизисовъ [2]). Въ этой послѣдней исторіи очень характерно обрисовался самъ Шишковъ. Мы видѣли, какъ онъ ужасался, что книгу о должностяхъ хотѣли продать на бумажную фабрику. Но, когда митрополитъ Серафимъ высказалъ сомнѣніе, куда же дѣваться съ такимъ множествомъ отпечатанныхъ катехизисовъ (свыше 18 тысячъ), Шишковъ едва удержался „въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія", а графъ Аракчеевъ прямо сказалъ: „здѣсь дѣло не о деньгахъ, пусть ихъ пропадутъ". Слѣдовательно, въ принципѣ Шишковъ ничего не имѣлъ противъ истребленія книгъ и лишь по необходимости и вслѣдствіе желанія сильнѣе поразить противника бралъ на себя роль защитника катехизисовъ. Между тѣмъ, защищая книгу о должностяхъ, Шишковъ обвинялъ Филарета и въ масонствѣ и чуть ли не въ революціонныхъ замыслахъ. Но Филаретъ не пострадалъ, хотя ему и пришлось переправить свой катехизисъ, но онъ не забылъ взводимыхъ на него обвиненій и впослѣдствіи отвѣчалъ тѣмъ же.

Итакъ просьба Шишкова о введеніи снова книги о должностяхъ человѣка и гражданина не была исполнена. При вступленіи С. С. Уварова на постъ министра народнаго просвѣщенія на складъ хранящихся при департаментѣ книгъ было обращено вниманіе императора Николая I. Уваровъ, не зная, на основаніи какихъ причинъ лежитъ эта книжка, обратился за разъясненіемъ къ митрополиту Филарету—со вступленіемъ императора Николая I снова вошедшему въ силу.

„Митрополитъ Филаретъ прислалъ огромный отзывъ,

---

[1]) Чтенія въ им. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ 1868, к. III, стр. 80—81. Записки адмирала А. С. Шишкова.

[2]) Смотри хотя бы статью Корсунскаго „Р. Вѣстн." 1883 г. № 1.

въ которомъ уже не щадилъ своихъ бывшихъ противниковъ, обвиняя ихъ въ революціонныхъ замыслахъ, какъ нѣкогда это самое дѣлали и они относительно его. Указавъ въ началѣ отзыва на недостатки книги въ педагогическомъ отношеніи, архипастырь добавилъ: „на стр. 88 и 89, гдѣ говорится о составѣ государства, только ничего не говорится о преимуществѣ монархическихъ правъ, но даже нѣтъ имени монархіи,ни имени самодержавія, а имя республики выставлено курсивомъ и съ холоднымъ неутралитетомъ къ образу правленія сказано: хотя бы тѣмъ или инымъ образомъ правленіе въ какой землѣ было установлено, однако въ каждой есть либо одинъ или многіе повелѣвающіе, коимъ прочіе должны повиноваться. Не скроемъ, что на стр. 112 и 113 удостоили, наконецъ, упомянуть о монархіи, но и тутъ республику написали курсивомъ, а монархію просто, дефиницію монархіи помѣстили не въ текстѣ книги, а какъ будто вещь постороннюю въ примѣчаніи и не прежде, какъ назвавъ республику государствомъ вольнымъ. Сего надѣюсь довольно". О своихъ бывшихъ противникахъ Филаретъ отзывается такъ: „что разсматриваемая книга была одобрена для училищъ въ 1783 году, то не трудно изъяснить изъ господствующаго тогда предразсудка. Самозванная философія оглушила тогда Европу шумомъ своего имени и вездѣ старалась поставить себя на мѣсто христіанства. Теперь Европа видитъ, куда вело сіе направленіе умомъ, а именно: къ потрясенію основъ и уничтоженію освященнаго и высокочтимаго, къ революціи, къ демократіи и нынѣ даже французское правительство, по конституціи 1830 года слишкомъ не пристрастное къ христіанству, при всемъ томъ въ первоначальномъ обученіи дѣтей оказываетъ уваженіе и покровительство методѣ христіанской. И такъ кажется и россійское министерство народнаго просвѣщенія 1819 г. нельзя винить въ томъ, что оно въ первоначальномъ обученіи предпочло методу христіанскую методѣ философской" [1]). Послѣ этого отзыва появилась слѣдующая Высочайшая резолюція, написанная собственноручно карандашемъ на докладѣ графа С. С. Уварова: „такъ какъ она (т. е. эта книга) вышла изъ употребленія, то, оставивъ изъ любопытства нѣсколько экземпляровъ въ публичной академической библіотекѣ, прочіе экземпляры уничтожить". Судьба книги была рѣшена безповоротно.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ митроп. Филарета etc. 330—335.

IV.

Что же представляла изъ себя эта книга? По мнѣнію Филарета: „она была смѣсь сухихъ слабыхъ перепутанныхъ понятій вольфіанской философіи въ сбивчивыхъ устарѣлыхъ выраженіяхъ“ и пропагандировала революціонныя идеи; по мнѣнію Шишкова она содержала чистыя нравоученія, основанныя на евангельскихъ текстахъ. Революціоннаго, даже по понятіямъ того времени, ничего не было въ этой книгѣ, да и не могло быть, если знать, гдѣ источникъ этой книги. Наоборотъ, провозглашалось положительное подчиненіе верховной власти; такъ мы читаемъ: „каждый подданный долженъ оказывать почтеніе, любовь, послушаніе и вѣрность не только державствующему, но и опредѣленнымъ установленнымъ отъ него меньшимъ властямъ“. Въ другомъ мѣстѣ: „*подданные* (курсивъ подлинника) должны имѣть совершенную довѣренность къ высшему разуму верховныхъ своихъ начальниковъ, на благость ихъ полагаться и твердо уповать, что повелѣвающіе вѣдаютъ, что государству, подданнымъ и вообще всему гражданскому обществу полезно и что они ничего онаго не желаютъ, кромѣ того, что обществу полезное признаютъ“. Вмѣсто духа революціи, потрясающаго основы, какъ писалъ Филаретъ, въ данной книжкѣ проводится слѣдующая мысль: „о верховныхъ властяхъ надлежитъ такъ разсуждать, что онѣ по большему свѣдѣнію обстоятельствъ все то лучше разумѣютъ и что онѣ при уставахъ и учрежденіяхъ своихъ никакого другого намѣренія не имѣютъ, кромѣ пользы общества и такъ противъ учрежденія верховныхъ властей роптать или во злотолковать весьма не правильно и наказанія достойно“.

Одной изъ отличительныхъ чертъ этой книги является стремленіе ея разграничить двѣ области, мораль религіозную и мораль жизни повседневной. Такъ во второй части этой книги помѣщено слѣдующее: „должности, которыя надлежитъ воздавать Богу, предлагаются обстоятельно въ катехизисѣ, здѣсь токмо скажемъ, что честному человѣку надлежитъ быть благочестивому и что истинное благочестіе не только въ родоначальномъ храненіи до службы Божіей касающихся обрядовъ и въ совершенномъ вѣденіи закона и онаго должностей, но и наипаче въ томъ состоитъ, чтобы любить и почитать Бога всѣмъ сердцемъ, волю его исполнять, всегда по ней жить и сіе для того, что мы отъ Бога на то сотворены“. Это обстоятельство—разграниченіе двухъ сто-

ронъ морали, конечно,не могло нравиться такому церковному дѣятелю, какъ митрополитъ Филаретъ. Учиться быть нравственнымъ, по его мнѣнію, можно было лишь по книгамъ св. Писанія. Отсюда и вытекаетъ такое сильное нападеніе на книгу о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина. Но вслѣдствіе постороннихъ причинъ—боязни, главнымъ образомъ, охватившей всѣхъ государей Европы передъ революціей,—Филаретъ въ своемъ отзывѣ и указываетъ на будто бы революціонныя мѣста и выраженія, выписывая фразы безъ начала и конца. Въ исторіи этой книги, которая, безспорно, какъ видитъ читатель вносила прогрессирующія идеи, произошелъ казусъ, повтореніе котораго едва ли возможно. Защитниками этой книги явились Аракчеевъ и Шишковъ; конечно, они защищали по невѣдѣнію и вслѣдствіе совсѣмъ постороннихъ причинъ, но все же трудно представить себѣ что-либо болѣе неподходящее, какъ графа Аракчеева въ роли апостола „естественнаго права".

Пострадавшая книга заключаетъ въ себѣ 180 стр. и дѣлится на вступленіе (1—5 стр.) и четыре части: I—Образованіе души (5—48 стр.); II О попеченіи о тѣлѣ (48—72 стр.); III — О должностяхъ общественныхъ, на которыя мы отъ Бога опредѣлены (172—160 стр.); IV—О домоводствѣ (160—180 стр.) Въ введеніи прямо высказана цѣль книги въ слѣдующихъ словахъ:

„Всякъ человѣкъ желаетъ себѣ благополучія и недовольно того, чтобъ другіе о насъ думали, что мы благополучны; но всякъ хочетъ быть въ самомъ дѣлѣ благополучнымъ и сего благополучія желаетъ не на короткое время, но на всегда вѣчно". Въ части I излагаются естественныя доказательства существованія у насъ души; затѣмъ идетъ краткая психологія, въ которой поясняются такія понятія, какъ душевныя силы,—умъ, разумъ, воля и желаніе, признается, конечно полная свобода воли. Далѣе слѣдуетъ изображеніе добродѣтелей человѣческихъ, должностей къ ближнему, къ самому себѣ и, наконецъ, изображеніе пороковъ. Большинство понятій, излагающихся въ этой части, было неизвѣстно тогдашнему обществу. Приведемъ рядъ выписокъ по которымъ читатель можетъ судить какъ о содержаніи книги, такъ и о манерѣ изложенія:

„Отъ самыхъ еще молодыхъ лѣтъ нашихъ должно намъ научаться познавать самихъ себя и другихъ, подражать добрымъ и честнымъ людямъ, мудрыхъ наставленія принимать съ охотою, злыхъ же и порочныхъ избѣгать тщательно, на каждый день поступки свои напередъ ра-

зумно располагать и по окончаніи дня испытывать, каковы дѣла наши были и въ чемъ мы того дня познанія наши распространяли“.

„Довольство есть склонность и стараніе праведно пріобрѣтеннымъ имѣніемъ довольствоваться. Что Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся. Чего же не дано, о томъ не сокрушайся. На всякой степени пріятная есть часть, на всякой степени есть такъ же и напасть. О, смертный! не дерзай ты мыслью заблуждаться, чтобъ благость Божія могла тебя чуждаться. Чего достойны мы, то Богъ больше намъ даетъ, а удаляетъ то всегда, что намъ во вредъ. Титла и похвалы суть обыкновенно суета, разумный и не взираетъ на то, каковой кто титулъ носитъ, но на достоинства токмо смотритъ. Когда онъ увидитъ достоинства въ человѣкѣ титла не имѣющемъ, то почитаетъ его болѣе всякаго титла имѣющаго, но не достойно оныя носящаго. Часто и самая нищета похвальна, когда кто при ней разумомъ и добродѣтелью другихъ превосходитъ. Кто чести своей въ многоцѣнной одеждѣ ищетъ, тотъ по большей части отъ однихъ купцовъ и ремесленниковъ высоко почитается, поелика онъ имъ доставляетъ большую прибыль.“

„Проклинанія (ругательства) и клятвы обыкновенно людьми напрасно употребляются. Нѣкоторыя люди, а особливо извозщики думаютъ, что скотъ проклинанія болѣе слушается; однако причину того не въ проклинаніяхъ, но въ крѣпкомъ голосѣ искать надобно. Проклинанія ни къ чему не служатъ, какъ только показать другимъ, сколько мы сердиты и свирѣпы и что въ сердцахъ больше бы сдѣлать хотѣли, нежели въ самомъ дѣлѣ можемъ“.

Глава I части II можетъ быть названа „популярной гигіеною“, въ ней давался рядъ указаній, какъ поступать при болѣзни и какъ заботиться о здоровьѣ. Извѣстно, что Екатерина II и Бецкій обращали громадное вниманіе на физическое воспитаніе. Еще въ 1766 году было издано „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи.“ Эта книга, начинающаяся знаменательною фразою: „кто оскорбляетъ беременную женщину, тотъ рода человѣческаго злодѣй“, была разослана по различнымъ городамъ для распространенія. Забота о физическомъ воспитаніи была немаловажною для дѣятелей того времени и потому они считали необходимымъ въ книгу для чтенія включить краткій курсъ гигіены. Вторая глава этой части „о благопристойности“ содер-

житъ въ себѣ наставленія, какъ нужно держать себя въ обществѣ; происхожденіе этой главы очень древнее, она была и въ Домостроѣ Сильвестра и вызывалась обстоятельствами времени. Митрополитъ Филаретъ, критикуя данную часть, дѣлаетъ рядъ выписокъ, отдѣльно вырванныхъ изъ текста, вслѣдствіе чего какъ бы получается курьезъ, а именно: стр. 62: „благопристойно ходимъ, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ" и проч.... Стр. 63:" Непристойно ходимъ, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ—какимъ должностямъ научится ученикъ изъ сего пристойнаго и непристойнаго выворачиванія ногъ" *). Дѣйствительно, эти выписки могутъ вызвать улыбку, но въ текстѣ книги имѣютъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Фразы читаются такъ:,,Благопристойно ходимъ, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ, однако не принужденнымъ и не черезмѣрнымъ образомъ. Непристойно ходимъ, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ и лѣниво ихъ по землѣ тащимъ. Указанія, какъ видитъ читатель, вполнѣ понятныя: ученикъ, соблюдая эти правила, не будетъ косолапымъ, а вполнѣ приличнымъ человѣкомъ. Филаретъ разбираетъ эту книгу, какъ будто бы она была учебникомъ богословія, а эта книга замѣняла собою настоящую христоматію для чтенія.

Самая большая часть книги третья „о должностяхъ общественныхъ, на которыя мы отъ Бога опредѣлены", она заключаетъ въ себѣ 88 страницъ—почти половину всей книги. Она раздѣляется по изложенію на двѣ части—„теоретическую и практическую", если такъ можно выразиться. Въ теоретической разсматривается происхожденіе государства съ точки зрѣнія „естественнаго права", въ практической говорится о должностяхъ членовъ общества. Рисуя происхожденіе государства исторически, авторъ, вслѣдствіе принятой точки зрѣнія, происхожденіе республики объясняетъ раньше, чѣмъ происхожденіе монархіи, такъ какъ, по мнѣнію автора, монархія произошла изъ республики. Вотъ почему имя республики появилось въ изложеніи раньше имени монархіи, а вовсе, конечно, не изъ предпочтенія, которое авторъ, по словамъ Филарета, оказываетъ республикѣ.

Главною общественною добродѣтелью,—съ этого начинается практическая часть книги, признается *любовь къ отечеству*, которую различныя сословія должны выражать различно. „Простой народъ, т. е. питающіеся хлѣ-

*) Собраніе отзывовъ и мнѣній Филарета etc. стр. 330—335.

бопашествомъ и рукодѣліемъ, составляютъ самую послѣднюю степень гражданъ въ государствѣ. Они должны оказывать любовь къ отечеству, особливо повиновеніемъ и дѣятельностью, то есть трудолюбіемъ; къ тому имѣютъ они многообразные случаи: а именно когда избираются изъ нихъ солдаты, защитники отечества противъ внѣшнихъ враговъ, когда правительство повелѣваетъ земледѣльцамъ или для помощи государству въ нуждѣ, или для снабженія пищею войска, удѣлять нѣчто отъ пріобрѣтеннаго земледѣліемъ, или привозить или также держать постои". Духовенство оказываетъ любовь къ отечеству тѣмъ, что „наставленіями своими людей къ вѣрности и любви къ государю и отечеству побуждали, духомъ кротости отводили ихъ отъ вредныхъ заблужденій и суевѣрныхъ мнѣній и душу ихъ истинными ко благополучію служащими правилами такъ просвѣщали, чтобы они могли быть полезными и благопотребными членами общества и служили отечеству съ успѣхомъ, исполнены добродѣтелью, хорошими свойствами и добрыми мнѣніями".—„Любовь къ государю и непоколебимая къ нему вѣрность есть главнѣйшій долгъ дворянина; онъ имѣетъ больше случаевъ являть оныя, нежели люди другихъ состояній, болѣе отдаленные отъ особы монаршей". „Воинъ долженствуетъ любовь къ отечеству являть повиновеніемъ и храбростью, что стоитъ ему несравненно дороже, нежели другимъ людямъ, ибо онъ долженъ или принесть дѣйствительно въ жертву покой, здравіе и свободу и самую жизнь свою, или по крайней мѣрѣ готовъ быть жертвовать всѣмъ симъ для блага общества; на всякій часъ достойно ему воздавать честь и благодарность". Обо всѣхъ этихъ должностяхъ и обязанностяхъ митрополитъ Филаретъ не говоритъ ни слова въ своемъ отзывѣ.

Слѣдующія выписки изъ третьей части, по нашему мнѣнію, должны вполнѣ охарактеризовать направленіе книги.

„Подданные суть различнаго состоянія, иные изъ нихъ *знатные*, иные же *низкіе*, между низкими есть свободные люди, есть и такіе, кои господамъ своимъ службою, нѣкоторыми податями и иными различными образами обязаны, отчасти же и такъ присвоены, что ни они сами, ни дѣти ихъ безъ соизволенія господъ съ того мѣста, гдѣ они живутъ, на другое переселиться не могутъ". „Между склонностями къ добродѣтели и дѣлами добраго гражданина считается особливо *любовь къ отечеству* и дѣйствія оной и для сего (т. е. для воз-

бужденія этой любви) нужно дѣлать то же, что дѣлали римляне и особливо древніе греки, почитали воспитаніе дѣтей государственнымъ предметомъ... Ежели станутъ въ наши времена поступать съ юношествомъ такимъ же образомъ, то возбудятъ въ немъ по примѣру древнихъ любовь къ отечеству и тогда подданные монархическаго государства будутъ дѣлать то же, чему удивляемся „мы въ сынахъ отечества древнихъ свободныхъ областей".

„Дворянство есть, собственно говоря, награжденіе великихъ и полезныхъ дѣйствій, произведенныхъ или самимъ благороднымъ, или предками его. Любовь къ отечеству требуетъ однако отъ благородныхъ, дабы они почитали согражданами себѣ и нижайшаго состоянія людей, не презирали бы и ни мало бы не обижали бы ихъ. Благородные долженствуютъ помнить, что каждая степень подданныхъ въ государствѣ споспѣшествуетъ къ всеобщему благу и что каждаго состоянія люди имѣютъ право участвовать въ доставляемыхъ государствомъ выгодахъ всему обществу и какъ дворяне многоразличными образами пользуются отъ нижайшихъ сословій, такъ долженствуютъ и они сами стараться быть взаимно имъ полезными".

„Какъ разумъ, такъ и откровеніе научаютъ насъ весьма важнымъ истинамъ, а именно: а) что всякое званіе и всякое состояніе, въ которомъ честнымъ и позволеннымъ образомъ пропитать себя можно, каждый себѣ избрать и въ немъ пребывать можетъ; б) что всякій обязанъ такъ поступать, какъ требуютъ должности и качества того званія, въ которомъ кто пребываетъ".

„Чтобъ единожды избранное званіе легкомысленно не покладать, а изъ сего слѣдуетъ, что *человѣку состояніемъ своимъ, которое онъ самъ себѣ избралъ, или инымъ какимъ нибудь образомъ въ оное поставленъ, должно быть довольнымъ и въ ономъ повозможности стараться себѣ и другимъ быть полезнымъ*" (курс. нашъ).

„Всякое званіе, всякое ремесло, всякое художество и всякая наука приноситъ пользу человѣческому обществу и для того всякое званіе и всякъ какому званію себя посвятилъ почтенія достоинъ. Несправедливо было бы нѣчто полезное презирать; все, что истинную пользу приноситъ, важно и почтенія достойно; и потому не должно никакое ремесло и никакой способъ къ честному себя пропитанію презирать. *Невозможно всѣмъ въ одномъ званіи быть* (курсивъ нашъ). Итакъ одно званіе и одно ремесло да не презираетъ другое; ибо всѣ весьма полезны обществу".

„Надлежитъ намъ удивляться и благодарить за благость и премудрость Бога, что Онъ не только многоразличныя вещи сотворилъ и землѣ непрестанно то произносить повелѣлъ, изъ чего столь многое, къ нуждѣ, выгодамъ и наслажденію человѣческому служащее, приготовляться можетъ, но и даровалъ людямъ склонность и способности столь различными образами упражняться и черезъ то другъ другу служить".

Данными выдержками исчерпывается вполнѣ содержаніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина. Эта книга, какъ можно было замѣтить, выражала собою офиціальную мораль. Мы видимъ, что два вопроса возбуждали въ то время вниманіе населенія — крѣпостное состояніе и воинская повинность. Школьная или вѣрнѣе офиціальная мораль спѣшитъ доказать необходимость подобнаго положенія вещей. Какъ читатель могъ замѣтить, вопросъ о неравномѣрности состояній разсматривался въ разныхъ мѣстахъ книги, и послѣдняя стремилась впитать въ школьникѣ убѣжденіе, что „всякій человѣкъ обязанъ быть доволенъ своимъ званіемъ". Это положеніе подкрѣплялось ссылками на священное писаніе и доказывалось на основаніи естественнаго состоянія человѣка.

„Военному состоянію" въ книгѣ удѣлено значительное мѣсто, именно страницъ, около $^1/_{16}$ всей книги. И здѣсь, не довольствуясь одними разсужденіями прибѣгаютъ къ усиленію доказательствъ къ откровенію. „Должность же воиновъ есть, какъ то уже и Предтеча Христовъ воинамъ своего времени изрекъ: быть довольными своимъ жалованьемъ и никого (то есть, кто не врагъ отечества) не обижать да и самимъ врагамъ не должны они больше вреда дѣлать, какъ не велѣно отъ начальства. Всеобщее человѣколюбіе обязываетъ насъ поступать кротко и съ непріятельскими подданными, и особливо, когда они не подъемлютъ оружія".

Но, помимо распространенія такой офиціальной морали, данная книжка проводила въ жизнь много новыхъ понятій, отличаясь вообще широкимъ гуманнымъ взглядомъ. Она стремилась доказать, что не „почести и титла составляютъ суть въ человѣкѣ, а внутреннія его достоинства". Не менѣе замѣчательно и обстоятельство, что слова „крѣпостной, крѣпостная зависимость" не встрѣчаются въ данной книжкѣ. Въ ней, конечно, говорится о рабахъ, но это слово не имѣло того значенія, въ какомъ употребляемъ мы его, да и самое рабство книга объясняетъ, какъ союзъ господъ и слугъ, при-

чемъ господамъ совѣтуется „рабовъ своихъ и домашними работами выше силъ не отягощать, ниже требовать отъ нихъ болѣе того, къ чему они обязаны“, и далѣе: „ко всякому добру, а паче ко службѣ Божіей побуждать, обходиться съ ними человѣколюбиво, обыкновенную или обѣщанную имъ плату и хлѣбъ въ надлежащее время и безъ убавки выдавать“. Надо, конечно, сознаться, что эти рѣчи въ то время были явленіемъ вполнѣ необычайнымъ и они должны были произвести на извѣстную часть общества сильное вліяніе. Сопоставивъ сейчасъ приведенныя выписки со словами Простаковой: „лежитъ! ахъ она бестія! какъ будто благородная!“—мы увидимъ, что школа Екатерины II не стремилась удерживать мысль въ извѣстныхъ предѣлахъ, доказывать, что все обстоитъ благополучно, а наоборотъ, преслѣдовала задачи истинной школы—расширить горизонтъ мышленія, пробудить человѣческія достоинства, ввести новыя понятія, дать толчекъ самодѣятельности. Спору нѣтъ, что вліяніе этой школы не распространилось на массу населенія, что подобно, притчѣ Спасителя, хорошія сѣмена упали на каменистую почву, но все же эта школа вліяла на нѣкоторыя выдающіяся личности, давала имъ возможность развивать свои способности, а этими личностями безспорно гордится Россія. Въ книгѣ этой мы наталкиваемся на рядъ довольно многочисленныхъ противорѣчій, на стремленія согласовать прямо противоположныя понятія. Но всѣ эти противорѣчія ужъ слишкомъ обыденное явленіе въ исторіи человѣческой.

Мы не коснулись еще одного обвиненія митрополита Филарета, тяготѣющаго надъ этой книгой, а именно, Филаретъ пишетъ:

„Стр. 24. „Кто къ другимъ столь добросердеченъ, что и о своемъ благосостояніи забываетъ, тотъ поступаетъ неразсудно“—вотъ, если угодно, именно статья, которую я нахожу вредною. Она прямо противорѣчитъ слову Христову: больше сія любви никтоже имать, да кто душу положитъ за други своея (I. XV. 13). Сіе добросердечное самопожертвованіе разсматриваемая книга признаетъ поступкомъ неразсуднымъ. Книга сія боится, чтобы ученикъ ея не былъ слишкомъ добросердеченъ къ другимъ и чтобы въ немъ не оказалось недостатка эгоизма. Какъ угодно старой премудрости бывшихъ народныхъ училищъ, а я думаю, что надлежало сказать, именно, противное, т. е. кто столь добросердеченъ къ другимъ, во-первыхъ же и преимущественно къ госу-

дарю и отечеству, что для нихъ и о своемъ благосостояніи забываетъ и самой жизни своей за нихъ не щадитъ, тотъ поступаетъ не неразсудно, а возвышенно, благородно, какъ истинный сынъ отечества, какъ истинный христіанинъ".

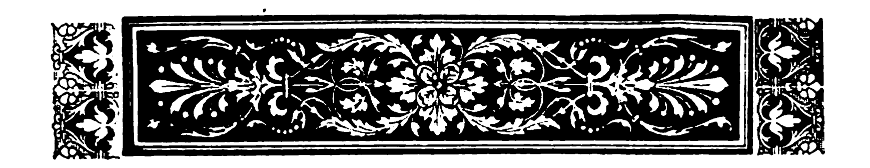
Относительно того, что человѣкъ долженъ жертвовать жизнью за государя и отечество, книга очень убѣдительно говоритъ въ своемъ мѣстѣ, а именно: „какъ господа, такъ и частныя семейства земскихъ обывателей должны тому сообразоваться, когда государь кого изъ принадлежащихъ имъ людей для службы военной возьметъ; а тѣ, кои таковымъ образомъ взяты бываютъ, должны къ новому своему состоянію привыкать и въ ономъ вѣрно и честно служить, не щадя своей жизни". Но здѣсь книга разсуждаетъ о этикѣ повседневной жизни, а послѣдняя, конечно, далека отъ идеала. Книга приглашала помогать ближнему, но она возставала противъ безразсудной помощи, и мнѣніе, высказанное ею, было общераспространеннымъ въ то время; напр. въ сочиненіяхъ масоновъ проповѣдывались слѣдующіе взгляды: „оказываемъ брату услуги, которыя безъ отягощенія семейства или обстоятельствъ нашихъ не вредя, человѣколюбіе и религіи ко спасенію сотварей нашихъ исполнять намъ повелѣваетъ", или еще одно мѣсто: „твори добро по силамъ твоимъ".

Мы разобрали какъ самую книгу, такъ и отзывъ о ней Филарета. Эта книга составляла, если такъ можно выразиться, вѣнецъ ученія морали въ училищахъ Екатерины II, и мы должны отдать полную справедливость тогдашней школьной системѣ—она производитъ впечатлѣніе вполнѣ законченнаго цѣлаго. Начавъ съ ряда афоризмовъ (гражданское начальное ученіе), она внушала ученику принципы морали постепенно, сначала въ правилахъ школы, а затѣмъ давала уже вполнѣ законченное ученіе въ книгѣ о должностяхъ и обязанностяхъ человѣка и гражданина. Этой постепенности уже не стало въ послѣдующей школѣ.

П. Столпянскій.

---

[81]) Духъ масонства Вильгельма Гучинсона стр. 191.
[82]) Братскія увѣщеванія къ нѣкоторымъ братьямъ, стр. 151—158.



Столѣтіе Государственнаго Совѣта (1801—1901).

Историческій очеркъ учрежденія.

I.

Исторія возникновенія и дѣятельности высшаго въ Россіи государственнаго учрежденія имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что представляетъ послѣдовательно весь ходъ процесса, приведшаго къ полной централизаціи и единству въ дѣлѣ управленія русскимъ государствомъ, а также и ходъ постепеннаго развитія чиновничества взамѣнъ прежняго служилаго сословія изъ привилегированнаго класса.

По самому характеру самодержавной власти необходимымъ являлось отдѣлить власть законодательную отъ власти исполнительной и первую сосредоточить въ особомъ учрежденіи, которое бы, однако, носило характеръ лишь совѣщательный.

Такая система при всей своей теоретической стройности нуждалась, однако, при своемъ осуществленіи въ извѣстной поправкѣ, каковой мы и должны считать учрежденіе министерствъ и предоставленіе министрамъ достаточно обширной инціативы и компетенціи. Несомнѣнно, что учрежденіе министерствъ, послѣдовавшее почти непосредственно за учрежденіемъ государственнаго совѣта, до извѣстной степени ослабило значеніе послѣдняго. Хотя министры состоятъ одновременно и членами государственнаго совѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ являются и какъ бы самостоятельными посредниками между властью верховной и государственною жизнью, а также общественною, въ ея наиболѣе существенныхъ проявленіяхъ и насущныхъ нуждахъ.

XVIII столѣтіе, а отчасти и первая половина XIX были заняты выработкой опредѣленнаго взгляда на задачи высшаго государственнаго учрежденія, и неоднократно замѣчаются уклоненія, показывающія, что въ разные періоды русской исторіи задачи эти понимались далеко не одинаково.

Государственный совѣтъ представляетъ въ настоящее время

одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей правительственнаго механизма. Но ранѣе ближайшее къ верховной власти учрежденіе разсматривалось иногда какъ нѣчто болѣе или менѣе самостоятельное. Несомнѣнно, можно указать нѣкоторую историческую преемственность государственнаго совѣта съ боярской думой, которая вообще носила характеръ чисто совѣщательный. но въ иные историческіе моменты имѣла непосредственное вліяніе на управленіе государствомъ, и въ сущности думѣ не была чужда идея аристократической олигархіи.

Ближайшимъ предшественникомъ государственнаго совѣта былъ учрежденный императрицею Екатериною II «негласный совѣтъ», который 26 марта 1801 г. Высочайшимъ указомъ было упраздненъ, а 30 марта того же года учрежденъ «непремѣнный» совѣтъ, наименованный «государственнымъ».

II.

Изданный 5 апрѣля 1801 г. наказъ опредѣлилъ личный составъ совѣта. степень его власти, предметы его разсужденій, порядокъ производствам въ немъ дѣлъ и основныя правила ихъ дѣйствія. Совѣту отводилась роль исключительно законодательная, въ отличіе отъ сената—учрежденія исполнительнаго. Новый совѣтъ обладалъ весьма широкой программой и могъ въ сферѣ законодательной обсуждать «все, что принадлежитъ до государственныхъ постановленій, временныхъ или коренныхъ и непреложныхъ». Хотя мнѣнія совѣта получали силу лишь по утвержденіи верховною властью, но вопросы обсужденій могли возбуждаться не только по Высочайшему повелѣнію, но и по инціативѣ самихъ членовъ. причемъ имъ предоставлялось право составлять спеціальныя коммиссіи. Наказъ расширяетъ компетенцію новаго учрежденія до заботъ о самыхъ основахъ государственнаго строя. Такъ, императоръ Александръ I призываетъ совѣтъ къ огражденію правъ дворянскихъ и къ попеченію о крестьянскомъ сословіи, въ состояніи котораго желательны возможныя облегченія. Въ дѣлахъ внѣшней политики задача совѣта заключается въ поддержкѣ политическаго достоин-

Д. П. Трощинскій,
составитель проекта учрежденія Государственнаго Совѣта.

Послѣднее засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта въ Зимнемъ Эрмитажѣ.

Маріинскій дворецъ.—Зданіе Государственнаго Совѣта.

ства имперіи; въ положеніяхъ о вооруженной силѣ совѣтъ долженъ соображаться не только съ величіемъ и славой государства, но и съ его внутренними средствами, чтобы она не отягощала тѣхъ, кого оборонять предназначено; въ дѣлѣ внутренняго гражданскаго

Графъ Н. И. Салтыковъ,

первый предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

устройства — «разными постановленіями вдохнуть духъ жизни и бодрости въ нижнія состоянія людей, обращая покровительство закона на земледѣліе» и всѣ другіе виды народнаго труда.

Во всемъ наказѣ чувствуется стремленіе слѣдовать завѣтамъ Екатерины Великой и идти впередъ по начертанному ею пути къ совершенствованію государственнаго строя, основаннаго на благѣ

всего народа. Предполагается, что весьма большое участіе въ составленіи наказа принималъ М. М. Сперанскій, удостоенный 19 марта 1801 г. званія статсъ-секретаря, а въ 1802 г. перешедшій на службу въ канцелярію государственнаго совѣта.

Первыми членами государственнаго совѣта были назначены слѣдующія двѣнадцать лицъ: генералъ-фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ, генералы-отъ-инфантеріи: князь Платонъ и графъ Валеріанъ Зубовы, вице-канцлеръ князь А. Б. Куракинъ, генералъ-прокуроръ А. А. Беклешовъ, вице-президентъ военной коллегіи, генералъ-отъ-инфантеріи И. В. Ламбъ, государственный казначей баронъ А. И. Васильевъ, с.-петербургскій военный губернаторъ графъ П. А. фонъ-деръ-Паленъ, дѣйствительные тайные совѣтники: князь П. В. Лопухинъ и князь Г. П. Гагаринъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, адмиралъ графъ Г. Г. Кушелевъ и тайный совѣтникъ Д. П. Трощинскій, которому и было ввѣрено начальствованіе надъ канцеляріей совѣта.

Канцелярія раздѣлялась на четыре отдѣленія: 1) по иностранной коммерческой части; 2) военныхъ дѣлъ: сухопутныхъ и морскихъ; 3) по гражданской и духовной части, и 4) государственнаго хозяйства.

Засѣданія государственнаго совѣта происходили обыкновенно по понедѣльникамъ и четвергамъ и до 1810 г. въ нихъ предсѣдательствовалъ большею частью генералъ-фельдмаршалъ Н. И. Салтыковъ, какъ старшій въ чинѣ.

Въ 1802 г. манифестомъ отъ 8 сентября вновь учрежденные министры назначались и членами государственнаго совѣта. Этимъ достигалось большее единство дѣйствій начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, но съ другой стороны, по мѣрѣ расширенія дѣятельности самихъ министерствъ, значеніе государственнаго совѣта оказалось ослабленнымъ и потребовало его преобразованія.

До реформы 1810 г. государственный совѣтъ разсмотрѣлъ множество дѣлъ, изъ которыхъ укажемъ главнѣйшія: царствованіе Павла I оставило въ наслѣдство войну съ Англіей, которую желательно было прекратить скорѣйшимъ образомъ. Обсужденіе этого дѣла государственнымъ совѣтомъ имѣло благопріятный исходъ: 5 іюня 1801 г. была заключена конвенція между Россіей и Англіей. Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ о присоединеніи Грузіи, вопросъ тѣмъ болѣе интересный, что самъ императоръ высказалъ свое явное отвращеніе къ «присвоенію чужихъ земель». Однако, мнѣніе государственнаго совѣта въ данномъ случаѣ восторжествовало и кромѣ Грузіи къ Россіи были присоединены ханства: Дербентское, Кубинское и Бакинское. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ въ первые года существованія государственнаго совѣта нужно признать обсужденіе состоянія крестьянскаго сословія. Но большинство было противъ коренной ломки существующихъ сословныхъ отношеній и стояло лишь за нѣкоторыя ограниченія крѣпостного права. Даже предполагавшійся законъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли не получилъ окончательнаго разрѣшенія, а указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ явился, повидимому, благодаря иниціативѣ С. П. Румянцева, который ходатайствовалъ о разрѣ-

шеніи ему освободить собственныхъ крестьянъ. Твердыня рабства получила лишь самую незначительную брешь, несмотря на то, что и въ то время находились люди вродѣ графа С. П. Румянцева, который писалъ: «теперь нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе рабства, которое ничто иное, какъ ужасное бѣдствіе».

Въ 1802 г. произошла довольно крупная перемѣна во вліяніи нѣкоторыхъ личностей на ходъ государственныхъ дѣлъ: Д. П. Трощинскій теряетъ постепенно свое значеніе и въ 1806 г. даже выходитъ изъ членовъ государственнаго совѣта, а М. М. Сперанскій въ 1802 г. 8 сентября причисляется къ министерству внутреннихъ дѣлъ и становится лицомъ, особенно близкимъ къ государю.

Послѣ знаменитаго свиданія императоровъ въ 1808 г. въ Эрфуртѣ, Сперанскій, сопровождавшій Александра I и имѣвшій случай познакомиться съ внутреннимъ строемъ иноземныхъ государствъ, началъ писать преобразовательные проекты, придавая большое значеніе выборному началу и разсматривая государственный совѣтъ въ качествѣ посредника между самодержавной властью и учрежденіями законодательными, исполнительными и судебными. Этотъ проектъ остался безъ движенія и имѣлъ лишь нѣкоторое примѣненіе въ смыслѣ преобразованія государственнаго совѣта, въ 1810 г.

Проектъ Сперанскаго крайне заинтересовалъ императора Александра I, что видно изъ множества примѣчаній, сдѣланныхъ собственною рукою государя. Всеобщее преобразованіе Россіи, предлагаемое въ проектѣ, можно смѣло назвать торжествомъ бюрократическаго начала и кабинетнаго зиждительства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ какъ бы предвосхищенъ государственный планъ, при которомъ между верховною властью и народомъ предполагается существованіе нѣкоторой посредствующей организованной массы, вѣдающей по нисходящей лѣстницѣ всѣ дѣла правленія и соприкасающейся съ народомъ черезъ посредство лицъ, отъ него выбранныхъ. Такимъ образомъ, Сперанскій является талантливѣйшимъ выразителемъ идеи *средостѣнія*. Вся исторія Сперанскаго и самое участіе его въ дѣлахъ государственныхъ есть крупный моментъ въ исторіи русскаго чиновничества—тотъ моментъ, когда оно окрѣпло настолько, чтобы сдѣлаться опорой верховной власти, замѣнивъ собою вполнѣ начало аристократическое, всегда не чуждое стремленій играть высшую роль въ государствѣ по праву происхожденія и вносить въ свою дѣятельность личную волю.

Александръ I взялъ изъ преобразовательнаго проекта Сперанскаго лишь часть, касающуюся государственнаго совѣта.

По проекту предполагалось три высшихъ государственныхъ установленія: 1) государственная дума, въ которой сосредоточивалось все выборное управленіе; 2) судебный сенатъ и 3) правительствующій сенатъ, т. е. установленіе исполнительное.

«Но какимъ образомъ»—спрашиваетъ Сперанскій.—«власть державная должна дѣйствовать на сіи установленія? По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы лицо державное, само собою и непосредственно на

нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностію ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы начальныя ихъ правила и дѣйствія были единообразно соображаемы. Отсюда происходитъ необходимость четвертаго установленія, въ коемъ бы три предыдущія во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ державной власти сливались воедино и въ семъ единствѣ входили бы къ верховному ея утвержденію. Это четвертое установленіе есть государственный совѣтъ. Онъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются».

Александръ I, однако. все еще колебался, и тогда Сперанскій подалъ отдѣльную записку. касающуюся уже исключительно государственнаго совѣта. Авторъ настаиваетъ на необходимости твердыхъ единообразныхъ законовъ. Современное ему положеніе онъ критикуетъ весьма рѣзко: «всѣ законы. всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самые, кои соображаемы были съ установленіями нынѣ существующими совокупно всѣми ихъ членами. имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія. измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ». «Отсюда происходитъ. что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону». «Каждый исполнитель при первомъ затрудненіи въ законѣ находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять непрестанно о неудобствахъ. изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ вышнее управленіе въ непрерывный безпорядокъ. Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами. Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона».

Поэтому Сперанскій приходитъ къ слѣдующему выводу: „1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной, 2) что отъ недостатка сего установленія происходятъ главный безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія, 3) что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4) что, наконецъ, великія государства движутся установленіями. лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и втеченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя“.

Наступилъ крайне важный моментъ въ русской исторіи. Въ началѣ XVIII вѣка объединителемъ всей правительственной системы была личность самого Петра I—въ началѣ XIX вѣка такимъ же объединителемъ явился безличный законъ. Личность смертна, на смѣну ей можетъ явиться другая, не могущая выполнить того же значенія—законъ безсмертенъ и неизмѣненъ. Центральная личность Петра не повторялась болѣе въ русской исторіи въ полномъ ея объемѣ и въ послѣдующее царствованіе взамѣнъ ея даже въ лучшія

времена являлись вельможныя и самовластныя лица, которыя не отличались единствомъ и согласіемъ дѣйствія и ставили судьбы Россіи въ зависимость отъ своихъ личныхъ умственныхъ и душевныхъ качествъ. Теперь на историческую арену выступаетъ безстрастный и нелицепріятный законъ, выполняемый безсословнымъ, преданнымъ чиновничествомъ.

III.

Участіе Александра I въ дѣятельности государственнаго совѣта было, повидимому, самое близкое. Такъ, въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 23 декабря 1805 г. государь писалъ: „Съ крайнимъ удивленіемъ видѣлъ я изъ послѣднихъ бумагъ, представленныхъ мнѣ изъ совѣта, возникшіяся колкости между нѣкоторыми лицами, составляющими оный; считаю нужнымъ замѣтить, что оныя терпимы мною никогда не будутъ, и въ первый подобный примѣръ тотъ членъ совѣта, который позволитъ себѣ оныя, будетъ лишенъ права засѣдать въ ономъ“.

Но съ особымъ интересомъ отнесся Александръ I къ преобразованію совѣта, и знаменательное событіе это было обставлено необыкновенно торжественно. 31 декабря 1809 г. членамъ совѣта были разосланы повѣстки собраться на слѣдующій день въ 8½ часовъ утра. 1 января 1810 года государь прибылъ въ 9 часовъ утра и открылъ засѣданіе рѣчью, авторомъ которой былъ Сперанскій, но представленный имъ списокъ потерпѣлъ многія дополненія и измѣненія, сдѣланныя рукою императора.

„Въ сей день“,—говорилось въ рѣчи—„съ началомъ новаго года имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій. Государственный совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ“. Значеніе закона, который долженъ былъ замѣнить „личное дѣйствіе власти“, выражено въ рѣчи совершенно опредѣленно: „лица умираютъ, одни установленія живутъ и втеченіе вѣковъ охраняютъ основаніе государствъ“.

Послѣ рѣчи государя Сперанскій прочелъ манифестъ объ образованіи совѣта, списокъ его предсѣдателей и членовъ, назначеніе государственнаго секретаря и другихъ членовъ канцеляріи. Затѣмъ государемъ былъ врученъ предсѣдателю проектъ гражданскаго уложенія и планъ финансовъ.

При государственномъ совѣтѣ учреждались три установленія: 1) государственная канцелярія, оставшаяся и понынѣ почти безъ измѣненія; 2) комиссія составленія законовъ, директоромъ которой былъ назначенъ государственный секретарь Сперанскій, и 3) комиссія прошеній. Предсѣдателемъ совѣта былъ назначенъ государственный канцлеръ Н. П. Румянцевъ.

Началась усиленная дѣятельность. Государь почти еженедѣльно присутствовалъ на засѣданіяхъ совѣта. Сперанскій получалъ все большее вліяніе и поражалъ своею плодовитостью по части плановъ и проектовъ.

Взаимоотношенія между верховной властью и государственнымъ

совѣтомъ выражались въ формѣ, неслыханной до того времени и измѣнившейся впослѣдствіи кореннымъ образомъ. Утвержденныя мнѣнія совѣта 1810—1812 гг. объявлялись въ видѣ манифестовъ, начинавшихся формулой: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ".

Какое значеніе придавалъ Сперанскій этимъ словамъ, видно изъ общаго всеподданнѣйшаго отчета 1810 г.: „Однимъ симъ учрежденіемъ (т. е. государственнымъ совѣтомъ) сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы русскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта", два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню".

Многимъ людямъ того времени выработанная формула казалась несовмѣстной съ самодержавной властью и Карамзинъ въ своей знаменитой запискѣ „о старой и новой Россіи" раздѣляетъ то же мнѣніе и рѣзко осуждаетъ „изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ". Императорскій исторіографъ утверждаетъ, что всѣ, даже высшія учрежденія суть только способы дѣйствій самодержавной власти или повѣренные государя: „ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ".

Мнѣнія эти не остались безъ вліянія на Александра I и, быть можетъ, послужили началомъ охлажденія его къ Сперанскому.

Арестъ и ссылка государственнаго секретаря (17 марта 1812 г.) вмѣстѣ съ его ближайшимъ сотрудникомъ М. Л. Магницкимъ представляютъ крупное событіе въ исторіи государственнаго совѣта. Можно сказать, что съ 1812 г. это учрежденіе вступаетъ окончательно на путь законодательный въ тѣсномъ смыслѣ и перестаетъ быть „краеугольнымъ камнемъ" какого-то новаго, предсказаннаго Сперанскимъ государственнаго зданія.

Новымъ государственнымъ секретаремъ назначается А. С. Шишковъ, которому и поручено составленіе манифеста о войнѣ съ французами.

Во время отечественной войны дѣятельность государственнаго совѣта, несмотря на предоставленное ему особое полномочіе въ виду отбытія государя изъ столицы, ограничилось по преимуществу изысканіемъ способовъ покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ.

Въ 1814 г. состоялось знаменитое и единственное въ своемъ родѣ соединенное засѣданіе государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода для выраженія поздравленія и благодарности государю отъ лица всей Россіи и для поднесенія ему титула «Благословеннаго»; причемъ ходатайствовалось о выбитіи особой медали и о постройкѣ памятника въ честь Александра I. Какъ извѣстно, государь отказался отъ такихъ почестей при жизни.

Въ 1816 г. государственному совѣту впервые пришлось выступить въ качествѣ верховнаго суда по обвиненію генерала-отъ-инфантеріи князя А. И. Горчакова, управлявшаго военнымъ министерствомъ, въ злоупотребленіяхъ по поставкамъ казнѣ. Этотъ печальный эпилогъ великой войны не окончился, благодаря смерти обвиняемаго, приговоромъ, но интересенъ тѣмъ, что послужилъ какъ бы предсказаніемъ подобныхъ же дѣлъ, омрачившихъ геройскую защиту Севастополя.

Для того, чтобы закончить эпоху царствованія Александра I и указать на окончательный поворотъ во взглядахъ на государственный совѣтъ, какъ на учрежденіе лишь совѣщательное, а не имѣющее самостоятельной власти, приведемъ нѣкоторыя подробности разсмотрѣнія проекта министра финансовъ Д. А. Гурьева о пошлинномъ и гербовомъ сборѣ (въ 1821 году). Проектъ, предлагающій всесторонніе налоги на акты по частнымъ сдѣлкамъ и повышеніе пошлинъ съ актовъ крѣпостныхъ, встрѣтилъ рѣзкій отпоръ въ совѣтѣ и общую критику какъ дѣйствій министра финансовъ, такъ и устройства непомѣрно расширившагося министерства. Въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ вспоминается, что и «въ тяжкія горестныя времена», «когда жизнь и собственность не были уважаемы, когда имперія управлялась доносчиками и наполнялись сокровища властелина», «властолюбивый Августъ не осмѣливался посягнуть на права первой степени родства и освободилъ отъ сего налога получающихъ наслѣдіе послѣ отца и матери, дѣтей и обратно; избавилъ же отъ онаго и всѣхъ людей бѣднаго состоянія». Восхваляется императоръ Троянъ по поводу уничтоженія имъ налоговъ съ наслѣдства и приводится мнѣніе Адама Смита. О предложенномъ же поощреніи доносовъ для открытія утаекъ по пошлинному и гербовому сбору журналъ говоритъ: «Вводимые имъ (министромъ) въ семейныя дѣла доносы возмущаютъ чувство человѣка». Осуждается зависимость отъ министерства финансовъ всѣхъ прочихъ учрежденій, предлагается выдѣлить управленіе казначействомъ и комиссію погашенія долговъ, а также установить контроль надъ дѣйствіями самого министра. Въ заключеніе говорится: «министръ финансовъ продолжаетъ требовать новыхъ налоговъ и кромѣ налоговъ не находитъ иныхъ способовъ къ наполненію въ государственныхъ доходахъ недостатка, о дѣйствительности коего департаменты не могутъ знать, ибо предъ государственнымъ совѣтомъ министръ финансовъ съ 1812 г., по управленію его, строгую соблюдаетъ тайну и всю воспріялъ на себя отвѣтственность».

Проектъ о налогахъ департаментами былъ отвергнутъ. Министръ финансовъ отвѣчалъ рѣзко и объяснилъ, что, «не имѣя школьнаго краснорѣчія», не желаетъ отвѣчать на неосновательныя произведенія ума чиновъ департамента и изъясняетъ просто, что современное политическое положеніе требуетъ увеличенія военной силы, а это въ свою очередь вызываетъ необходимость жертвъ со стороны русскихъ подданныхъ.

Еще рѣзче осудилъ департаменты самъ государь въ высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя князя Лопухина:

«Департаменты полагаютъ, что министерство финансовъ прямо

или косвенно распространило власть свою почти на всѣ части государственнаго управленія, мнѣніе столько же странное, какъ и несовмѣстное. Власть каждаго министерства опредѣляется мною. Никому не могу я попустить распространять ее по своему произволу. Министерство финансовъ, какъ и всякое другое, не можетъ ни распространять, ни стѣснять власти своей внѣ назначенныхъ ему предѣловъ; предѣлы же сіи постановлены въ уставахъ и учрежденіяхъ, мною утвержденныхъ».

«Я счелъ нужнымъ изъяснить здѣсь сіи замѣчанія на тотъ конецъ, чтобы означить, сколь считаю я необходимымъ, дабы государственный совѣтъ въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, пользуясь всею свободою мнѣній точнѣе вникать въ силу вопросовъ, не удалялся бы отъ существа ихъ и, не предаваясь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ, основывалъ бы свои заключенія на свѣдѣніяхъ положительныхъ, а не на однихъ простыхъ показаніяхъ, чтобъ наконецъ въ совѣщаніяхъ сего сословія не было допускаемо разглашеній, столько же противныхъ существу его установленія, какъ и присягѣ его членовъ».

Въ рескриптѣ отъ 15 ноября 1821 г. мы не узнаемъ языка высочайшей рѣчи 1 января 1810 года, языка манифеста о задачахъ преобразованнаго государственнаго совѣта.

Туманный идеализмъ Сперанскаго и недоговоренность цѣли замѣнились яснымъ реализмомъ и рѣзкой опредѣлительностью графа Аракчеева.

Самъ императоръ въ то время казалось уже разочаровался въ мечтахъ и стремленіяхъ своей юности.

IV.

Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая Павловича, довершили поворотъ во взглядахъ на характеръ государственнаго правленія, начавшійся въ 1812 г. Значеніе государственнаго совѣта какъ высшаго учрежденія служебной іерархіи окончательно опредѣлилось, что совпало съ полной побѣдой чиновничества, какъ преданнаго представительства единой верховной воли надъ попытками представительства самостоятельнаго и ограничительнаго. Государственный механизмъ приходитъ постепенно въ полное равновѣсіе и отдѣльныя его части выполняютъ лишь строго намѣченную работу.

Въ декабрѣ 1825 г. на долю государственнаго совѣта выпало не мало волненій, сужденій противорѣчивыхъ, колебаній въ образѣ дѣйствія и чрезвычайныхъ засѣданій. Съ октября 1823 г. архивъ совѣта хранилъ въ нѣдрахъ своихъ государственную тайну—пакетъ, запечатанный императорскою печатью и собственноручно надписанный Александромъ I: «Хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи».

Въ день полученія извѣстія о кончинѣ императора, 27 ноября, члены государственнаго совѣта къ двумъ часамъ дня съѣхались въ Зимній дворецъ. Въ самомъ началѣ засѣданія уже возникло необы-

Засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 22 мая 1900 г.

Государь Императоръ Николай Павловичъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г. послѣ окончательнаго разсмотрѣнія и утвержденія Свода Законовъ Имперіи, вставъ съ своего мѣста, изволилъ подозвать къ себѣ составителя Свода Мих. Мих. Сперанскаго, обнялъ его и, снявъ съ себя звѣзду ордена Св. Андрея Первозваннаго, возложилъ на него въ знакъ своей признательности къ его великому труду.

чайное недоразумѣніе. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта приняли присягу императору Константину I, другіе недоумѣвали, кому имъ слѣдуетъ присягать. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ остерегалъ отъ присяги, указывая, что хранящіеся въ пакетѣ документы переписаны собственною его рукою по приказанію государя и содержатъ отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича. Противникомъ его мнѣнія явился министръ юстиціи князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, уже присягнувшій новому императору. Онъ громко заявлялъ, что вскрывать пакета не нужно и что «les morts n'ont point de volonté' ». Его поддерживалъ адмиралъ А. С. Шишковъ, настаивая на присягѣ. Однако, мнѣніе большинства перевѣсило и предсѣдатель совѣта князь Лопухинъ послалъ исправляющаго должность государственнаго секретаря Оленина въ архивъ за пакетомъ. Раздался новый голосъ, В. А. Пашкова, заявлявшій, что въ раскрытіи документовъ нѣтъ нужды, разъ самъ вел. кн. Николай Павловичъ присягнулъ Константину I, а за нимъ послѣдовало и все войско. Князь А. Н. Голицынъ со слезами на глазахъ продолжалъ настаивать на распечатаніи пакета. Явился с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ и предложилъ членамъ совѣта принять въ свою очередь присягу Константину Павловичу. Благодаря давленію большинства, пакетъ былъ распечатанъ. Тайна, хранившаяся два года въ архивѣ государственнаго совѣта, содержала въ себѣ: манифестъ отъ 16 августа 1823 г. и копію съ письма вел. кн. Константина Павловича отъ 14 января 1822 г. на имя государя. Въ письмѣ цесаревичъ заранѣе отказывался отъ престола—манифестъ подтверждалъ фактъ отреченія и право наслѣдованія передавалось вел. кн. Николаю Павловичу. Причиной отказа отъ престола цесаревичъ выставляетъ отсутствіе въ себѣ дарованій, силъ и духа, необходимыхъ для многотруднаго дѣла правленія, а сверхъ того настоящее отреченіе считаетъ подтвержденіемъ прежняго обязательства, «которое далъ я непринужденно и торжественно при случаѣ развода моего съ первою моею женою».

Предсѣдатель совѣта послѣ чтенія этихъ документовъ обратился къ графу Милорадовичу съ просьбою убѣдительнѣйше просить вел. кн. Николая Павловича удостоить государственный совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, дабы изъ собственныхъ его устъ услышать его волю, но Николай Павловичъ объявилъ, что, не состоя членомъ государственнаго совѣта, не считаетъ себя въ правѣ присутствовать на его засѣданіи. Тогда государственный совѣтъ in corpore отправился въ комнаты дворца, гдѣ находился въ ожиданіи великій князь. Вмѣстѣ съ нимъ члены государственнаго совѣта отправились въ большую дворцовую церковь, гдѣ была принята присяга Константину I. Вечеромъ того же дня журналъ засѣданія совѣта былъ представленъ Оленинымъ великому князю и тотъ сдѣлалъ въ немъ существенное исправленіе. Въ журналѣ было сказано: «государственный совѣтъ желалъ явиться предъ лицомъ его высочества, дабы удостоиться изъ собственныхъ его устъ услышать великодушную его рѣшимость». Исправлено: «дабы удостоиться изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его по сему предмету волю».

13 декабря предсѣдатель государственнаго совѣта получилъ рескриптъ собраться совѣту въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера въ секретномъ собранiи. Оленину было объявлено, что Николай Павловичъ ожидаетъ лишь прибытiя вел. кн. Михаила Павловича, чтобы обоимъ явиться на засѣданiе совѣта. Въ назначенное время всѣ члены собрались и ожидали въ большомъ волненiи дальнѣйшихъ событiй. Въ полночь прибылъ въ собранiе великiй князь, одинъ, такъ какъ не могъ дождаться прибытiя Михаила Павловича, благодаря неаккуратности курьера. Великiй князь, занявъ предсѣдательское мѣсто, прочелъ манифестъ о принятiи имъ императорскаго сана. Въ началѣ чтенiя всѣ сидѣли, но затѣмъ поднялись съ своихъ мѣстъ и слушали стоя. Замѣтивъ это, всталъ и императоръ Николай I. Затѣмъ Оленинъ прочелъ рескриптъ цесаревича Константина Павловича, въ которомъ подтверждалось отреченiе и высказывалось душевное прискорбiе по поводу принятiя ему присяги государственнымъ совѣтомъ.

М. М. Сперанскiй, государственный секретарь, впослѣдствiи составитель Собранiя и Свода Законовъ.

На слѣдующiй день была назначена присяга новому государю. Слѣдующiй день было 14 декабря 1825 г.

Сперанскiй вновь былъ призванъ, но высказывалъ уже другiя мысли. Онъ думалъ, что нужно «не созидать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые», довершать неоконченное и «исправлять то, что совратилось съ своего пути». Дѣло составленiя законовъ императоръ принялъ въ собственное свое вѣдѣнiе, а многосложную сiю работу выполнялъ Сперанскiй, не получая, однако, офицiальнаго званiя. 19 января 1833 г. было созвано чрезвычайное собранiе государственнаго совѣта для разсмотрѣнiя свода законовъ.

На вопросъ о мнѣнiи государственнаго совѣта послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ сводъ законовъ былъ принятъ безусловно и рѣшено: «признать статьи свода единственнымъ основанiемъ въ рѣшенiи дѣлъ, но такъ, чтобъ текстъ законовъ служилъ только указанiемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ». Другiя редакцiи, предлагавшiя въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгать къ новому толкованiю законовъ, были отвергнуты.

Становясь обязательнымъ для подданныхъ и для самого верховнаго правителя, законъ долженъ былъ имѣть форму категорическую

непреложную, а дополненія и измѣненія могли появляться лишь законодательнымъ путемъ при Высочайшемъ утвержденіи, а отнюдь не путемъ толкованія со стороны отдѣльныхъ лицъ и учрежденій судебнаго и иныхъ вѣдомствъ гражданскаго правленія. Самодержавный правитель и самодержавный законъ, какъ единственный коррективъ власти—вотъ смыслъ знаменательнаго событія утвержденія свода законовъ 1833 года.

На этотъ разъ работа Сперанскаго была доведена до конца, удостоилась высочайшей благодарности и награжденія орденомъ св. Андрея Первозваннаго, звѣзда коего была снята государемъ съ своей груди и возложена на Сперанскаго въ присутствіи всего государственнаго совѣта.

Далѣе послѣдовалъ новый огромный трудъ выработки уголовнаго уложенія, утвержденнаго въ 1845 г. Уложеніе составлено Сперанскимъ и министромъ юстиціи Д. В. Дашковымъ, а по смерти ихъ закончено Д. Н. Блудовымъ.

Второе важное дѣло, которымъ былъ занятъ въ то время государственный совѣтъ—крестьянскій вопросъ. Но если устройство быта государственныхъ крестьянъ и учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ (1 января 1838 г.) не встрѣтили затрудненій. нельзя сказать того же о бытѣ крестьянъ помѣщичьихъ. Къ этому вопросу подходили съ величайшею осторожностью, вызываемой, несомнѣнно, какъ опасеніемъ, что среди народа будутъ распространяться невѣрные и возмутительные слухи, такъ и нежеланіемъ кореннымъ образомъ ломать тѣ отношенія, которыя служили послѣднимъ оплотомъ самостоятельной жизни привиллегированнаго сословія. При государственномъ совѣтѣ былъ учрежденъ особый секретный комитетъ, названный для отклоненія подозрѣнія и догадокъ «комитетомъ для уравненія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ». Предсѣдательствовалъ въ немъ князь И. В. Васильчиковъ.

Надо отдать справедливость членамъ комитета, большинство изъ нихъ стояло за реформу крестьянскаго быта и, кажется, только адмиралъ князь А. С. Меньшиковъ находилъ, что ни въ какихъ перемѣнахъ надобности не имѣется. Графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, представилъ проектъ, предоставлявшій помѣщикамъ, не стѣсняясь закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, заключать по взаимному соглашенію съ крестьянами такія условія, по которымъ помѣщикъ, удерживая полное право вотчинной собственности на всю свою землю, отдавалъ бы крестьянамъ участки земли въ пользованіе за условныя повинности, деньгами или въ натурѣ. 30 марта 1839 г. проектъ разсматривался въ общемъ собраніи государственнаго совѣта при личномъ присутствіи государя и цесаревича.

Государь, указавъ въ своей рѣчи, что не находитъ возможнымъ даже возбуждать вопроса о полномъ освобожденіи крестьянъ, тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ подготовлять переходное состояніе и воздѣйствовать на злоупотребленіе помѣщичьей властью.

Проектъ Киселева былъ принятъ, но много голосовъ раздалось противъ него и государю пришлось въ отвѣтъ на высказанное опасеніе волненіи и превратныхъ толковъ, заявить что онъ беретъ всю отвѣтственность лично на себя.

Общей характеристикой дѣятельности государственнаго совѣта служитъ учрежденіе многочисленныхъ комитетовъ по высочайшему рескрипту и отдѣльно по каждому вопросу. Рѣшенія комитета просмотрѣнныя государемъ, передавались на обсужденіе государственнаго совѣта, роль котораго такимъ образомъ сводилась къ преніямъ по поводу уже одобреннаго государемъ мнѣнія. Въ самомъ совѣтѣ послѣдовалъ рядъ измѣненій, касающихся преимущественно изъятія многихъ дѣлъ изъ его вѣдѣнія, но вообще сила закона совѣщательная за нимъ вполнѣ сохранилась, такъ что даже въ 1839 г. одинъ изъ членовъ совѣта А. П. Ермоловъ, бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, подалъ государю докладную записку, въ которой просилъ объ увольненіи его, такъ какъ при всемъ своемъ удивленіи «благости государя, уполномочивающаго нѣсколько избранныхъ подданныхъ разбирать и оцѣнять существующіе законы и сочинять новые съ предоставленіемъ себѣ одного утвержденія ихъ мнѣній», считаетъ званіе члена совѣта «превышающимъ его свѣдѣнія и способности».

Отношенія императора къ государственному совѣту были ближайшими и такъ сказать непосредственными. Личная его воля чувствовалась повсюду. Свободное выраженіе мнѣній допускалось и даже поощрялось, но какъ смѣлая истина, высказанная вѣрноподданнымъ передъ лицомъ своего государя, а не какъ сужденіе ближайшимъ образомъ вліяющее на исходъ обсуждаемаго дѣла. Такимъ образомъ никакимъ преобразовательнымъ мечтаніямъ не было мѣста.

За дѣятельностью совѣта императоръ Николай слѣдилъ неусыпно и не оставлялъ ни малѣйшаго промаха безъ строгаго отеческаго замѣчанія. Такъ, высочайшій рескриптъ отъ 5 декабря 1831 г. имѣетъ характеръ прямого выговора: высказывается сомнѣніе, что люди «заслуживающіе мое особое благоволеніе», не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ и допустили закону о добавочныхъ пошлинахъ распространиться и на ранѣе привезенные товары, что противно идеѣ справедливости, не допускающей для всякаго закона обратной силы. Въ 1837 г. государь нашелъ, что одно дѣло было разсмотрѣно слишкомъ поверхностно, и на меморіи засѣданія совѣта въ своей резолюціи написалъ между прочимъ: «сколько я не терплю потери времени въ спорахъ, не на дѣлѣ основанныхъ, а на однѣхъ личностяхъ, или пустословіи, столь я требую, чтобы всякое дѣло, а подавно толикой важности, обсуживалось съ крайней и должной осторожностью».

Строгія замѣчанія, касающіяся государственной канцеляріи были еще опредѣленнѣе. Напримѣръ, въ 1838 г. на одной меморіи надписано: «много описокъ; того, кто провѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

Однако же компетенція государственнаго совѣта была даже нѣсколько расширена: ему было предоставлено обсужденіе смѣтъ, представляемыхъ министрами, а, сверхъ того, послѣдніе должны обязательно сообщать совѣту о результатахъ его постановленій, переданныхъ министру для исполненія.

V.

«Помните, господа, что государственный совѣтъ есть высшее въ государствѣ сословіе и потому долженъ подавать собою примѣръ всего благороднаго, полезнаго и честнаго»—такъ говорилъ императоръ Александръ Николаевичъ государственному совѣту 19 февраля 1855 г.

Послѣ парижскаго мира наступила эпоха реформъ, слишкомъ хорошо памятная всей Россіи, чтобы долго на ней останавливаться. Предшествующее царствованіе окончательно утвердило принципъ самодержавной власти и опредѣлило мѣсто и компетенцію всѣхъ государственныхъ учрежденій съ государственнымъ совѣтомъ во главѣ. Государственный механизмъ былъ вполнѣ выработанъ, оставалось лишь его обновить и съ обновленными силами начать преобразовательную работу, касающуюся уже не учрежденій, а самой внутренней жизни Россіи. Организація слугъ государевыхъ и исполнителей его воли была закончена—теперь наступилъ моментъ, долго ожидаемый, когда эта организація должна была показать себя на дѣлѣ, продуктивномъ и жизненномъ.

Совершенно напрасно нѣкоторые разсматриваютъ эту великую эпоху, какъ увлеченіе реформами, не всегда соотвѣтствовавшими истиннымъ запросамъ жизни. Съ точки зрѣнія безпристрастной исторической критики дѣло объясняется иначе. Передавая на одрѣ смерти власть своему сыну, Николай Павловичъ высказывалъ мысль, что новому царствованію предстоитъ совершить многое, чего по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могло совершить царствованіе прошлое. Эти обстоятельства выражались въ отсутствіи государственной системы, проникнутой единствомъ дѣйствій. Но коль скоро для выработки такой системы потребовалось 30 лѣтъ, то это еще не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы народная жизнь не требовала существеннаго преобразованія: напротивъ, требованіе это было въ высшей степени настойчиво, но ему нельзя было удовлетворить до полной организаціи государственныхъ силъ. Задержанная искусственно, жизнь получила сразу извѣстный просторъ и значеніе и общественный пульсъ забился ускореннымъ темпомъ.

Мы не будемъ останавливаться на слишкомъ извѣстной роли государственнаго совѣта въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и судебной реформѣ.

Изъ дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію государственнаго совѣта, остановимся на народномъ просвѣщеніи и законахъ о печати. Университетскій уставъ 1863 г., составленный подъ руководствомъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Головнина, не вызвалъ особыхъ разногласій въ государственномъ совѣтѣ. Напротивъ, вопросъ о среднемъ образованіи въ 1871 г. сильно взволновалъ общество, что отразилось и на общемъ собраніи совѣта. Особенно жаркія пренія вызвалъ проектъ объ учрежденіи реальныхъ училищъ. Поставленный на обсужденіе вопросъ о допущеніи воспитанниковъ реальнаго училища въ университетъ раздѣлилъ голоса. Большинство (29 членовъ) было за допущеніе, меньшинство (19 членовъ)—было противъ. Высочайшая резолюція: «Исполнить по мнѣнію 19 членовъ».

Новый законъ о печати, внесшій благотворную струю въ русскую литературу, возбудилъ вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли оставить цензуру въ вѣдѣніи народнаго просвѣщенія или передать его въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ? Согласно мнѣнію А. С. Головнина, что министерство народнаго просвѣщенія, имѣющее по существу своему задачею покровительство литературѣ и заботу о развитіи и преуспѣяніи оной, а „посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ быть строгимъ судьею"—цензура была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1874 г. послѣдовало введеніе общей воинской повинности, встрѣтившей въ государственномъ совѣтѣ единогласное сочувствіе.

Что касается внутренней жизни самого государственнаго совѣта, то положеніе этого учрежденія въ достаточной мѣрѣ опредѣляется резолюціей императора, на докладной запискѣ государственнаго секретаря, по дѣлу о срокѣ пребыванія за границею русскихъ подданныхъ (1857 г.): „совѣтъ не предлагаетъ, а долженъ разсматривать проекты новыхъ законовъ, которые по моему приказанію представляются на разсмотрѣніе. Прошу, чтобы впредь подобное не повторялось".

Главное преобразованіе въ устройствѣ государственнаго совѣта касается отдѣленія власти судебной отъ административной и законодательной, но зато послѣднее, въ совѣщательномъ смыслѣ, а также управленіе финансовое получили новое развитіе и большую опредѣлительность. Разсмотрѣніе и утвержденіе государственныхъ смѣтъ стало играть значительную роль въ дѣятельности совѣта. Выдающееся значеніе въ качествѣ предсѣдателей имѣли князь А. Ѳ. Орловъ, Д. Н. Блудовъ и вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

VI.

Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Александра III, и все его царствованіе, а также и дѣятельность выдающихся лицъ и высшихъ учрежденій не отдѣлены отъ насъ настолько значительнымъ періодомъ времени, чтобы возможна была безпристрастная историко-критическая оцѣнка.

Въ этотъ періодъ мы наблюдали преимущественное проявленіе высочайшей воли, что имѣло непосредственное вліяніе на дѣятельность высшихъ государственныхъ учрежденій и государственнаго совѣта въ особенности.

Общее отношеніе верховной власти къ мнѣнію государственнаго совѣта выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 38 случаяхъ государю угодно было согласиться съ большинствомъ, въ 19 случаяхъ—съ меньшинствомъ. Въ 2 случаяхъ императоръ Александръ III согласился съ мнѣніемъ *одного*, а именно: въ 1887 г. съ П. С. Ванновскимъ о необходимости присоединенія къ области войска Донского Таганрогскаго градоначальства и Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губерніи и въ 1892 г. съ К. П. Побѣдоносцевымъ о преждевременности учрежденія женскаго медицинскаго института

въ С.-Петербургѣ. Въ числѣ особыхъ резолюцій государя нельзя не упомянуть также и о резолюціи по дѣлу „объ обращеніи въ ресурсы государственнаго казначейства остатковъ отъ кредита на учебные сборы ратниковъ ополченія". На меморіи 1 іюня 1893 г. собственноручно написано: „находя совершенно справедливымъ мнѣніе 21 членовъ, я присоединяюсь къ рѣшенію 25 членовъ, чтобы не ставить военное министерство въ затруднительное положеніе".

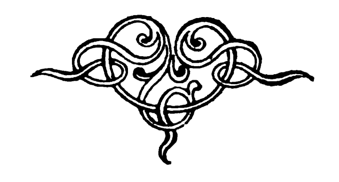
За сто лѣтъ своего существованія государственный совѣтъ неоднократно мѣнялъ свое помѣщеніе. До 1821 г. онъ занималъ домъ, называвшійся тогда канцлерскимъ, а нынѣ занятый министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Съ 1821 г. совѣтъ собирался въ зимнемъ дворцѣ, а въ первые годы царствованія Николая Павловича переведенъ въ эрмитажное зданіе. Въ 1884 г. возникъ вопросъ о пріобрѣтеніи принадлежащаго ихъ императорскимъ высочествамъ герцогамъ Лейхтенбергскимъ Маріинскаго дворца, каковое названіе по высочайшему распоряженію оставлено за нимъ и до сихъ поръ. Торжественное освященіе новаго помѣщенія состоялось 11 февраля 1885 г. Въ царствованіе Александра III былъ переведенъ въ особое зданіе и архивъ государственнаго совѣта.

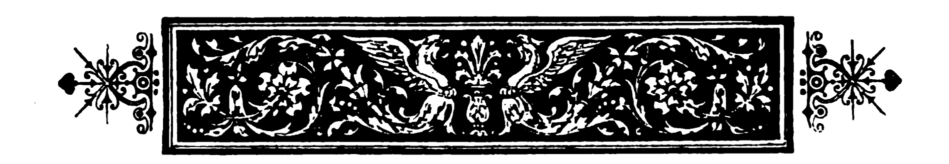
---

7 мая текущаго года состоялось торжественное празднованіе столѣтія государственнаго совѣта, происходившее подъ предсѣдательствомъ Государя Императора. Двумя актами былъ отмѣченъ этотъ юбилей: назначеніемъ Наслѣдника престола членомъ государственнаго совѣта и дарованіемъ государственному совѣту новаго учрежденія на смѣну стараго, дарованнаго въ 1842 г. императоромъ Николаемъ I. Въ Высочайшей грамотѣ, данной совѣту по случаю 100-лѣтія его существованія, указано, что по прошествіи 60 почти лѣтъ доселѣ существовавшее «узаконеніе уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ теченія дѣлъ законодательныхъ», вслѣдствіе чего повелѣно было «пересмотрѣть учрежденіе совѣта и, сохранивъ въ немъ главныя начала, отвѣчающія образу правленія Россійской Державы, дополнить его нѣкоторыми правилами относительно порядка соображенія особо важныхъ и сложныхъ предначертаній, въ совѣтъ поступающихъ». Часть новыхъ статей узаконяетъ лишь то, что фактически уже существовало, — таковы ст. 5 относительно присутствія въ совѣтѣ главноуправляющихъ отдѣльными частями, ст. 12, точно опредѣляющая минимальный составъ членовъ, требуемый для засѣданія департамента; болѣе широкое предоставленіе приглашать (безъ права голоса) въ засѣданія департаментовъ лицъ, отъ коихъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій (ст. 16); возложеніе на государственную канцелярію разработки и изданія свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній Россійской Имперіи и полнаго собранія законовъ (ст. 20). Къ предметамъ вѣдѣнія государственнаго совѣта и ихъ распредѣленія (глава вторая) заново отнесены (ст. 31) отчеты государственнаго контроля по исполненію государственной росписи, кассовый отчетъ министра финансовъ, дѣла объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній; проекты законовъ, распространяемыхъ на Великое Княжество Финляндское или издаваемыхъ для

него. Расширена компетенція государственнаго совѣта въ отношеніи сужденія о дѣлахъ объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы чинами первыхъ трехъ классовъ, а также главнокомандующихъ, главныхъ командировъ, командующихъ войсками въ военныхъ округахъ и др. Изъяты изъ вѣдѣнія совѣта дѣла о лишеніи дворянства и классныхъ или офицерскихъ чиновъ за преступленія, и введены дѣла о передачѣ дворянами фамилій, гербовъ и титуловъ. Въ кругъ вѣдѣнія совѣта включены дѣла объ отмѣнѣ или измѣненіи постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ, а также приговоровъ собраній городскихъ уполномоченныхъ, не соотвѣтствующихъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающихъ интересы мѣстнаго населенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда такая отмѣна или измѣненіе вызываетъ возвышеніе земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго общественными установленіями, а также объ отнесеніи нѣкоторыхъ земскихъ расходовъ губерніи или уѣзда на счетъ казны или объ оказаніи земству воспособленія иного рода (ст. 31 и 20). Глава третья заключаетъ въ себѣ пространство власти государственнаго совѣта. Здѣсь новыми являются: ст. 36, согласно которой всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, а также ст. 38, обязывающая министровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта имъ предоставлено привести въ исполненіе предначертанныя совѣтомъ мѣры или же дать въ установленномъ порядкѣ движеніе возникшимъ въ совѣтѣ вопросамъ, доводятъ своевременно до свѣдѣнія государственнаго совѣта о послѣдовавшихъ по этимъ положеніямъ распоряженіяхъ и о движеніи этихъ дѣлъ. Новою является статья 72, опредѣляющая порядокъ и существо разсмотрѣнія въ департаментѣ государственной экономіи, государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій. Вновь введено отдѣленіе пятое той же главы, трактующее о порядкѣ производства дѣлъ объ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго управленія (ст. 105 — 113). Обсужденіе такихъ дѣлъ возлагается на департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, причемъ, въ случаѣ признанія нужнымъ предварительнаго слѣдствія, послѣднее возлагается на одного изъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, по Высочайшему назначенію, а прокурорскія по этому слѣдствію обязанности возлагаются на министра юстиціи. Удостоенное Высочайшаго утвержденія постановленіе департамента о преданіи суду члена государственнаго совѣта, министра, главноуправляющаго отдѣльною частью, генералъ-губернатора или главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ служитъ основаніемъ обвинительнаго акта, который составляется министромъ юстиціи и вносится имъ въ верховный уголовный судъ (ст. 113). Значительнымъ измѣненіямъ подверглась глава шестая, содержащая образъ исполненія дѣлъ по государственному совѣту. Ст. 124 точно опредѣлены дѣла, требующія собственноручнаго Высочайшаго утвержденія, а именно: 1) всякій новый законъ, уставъ или учрежденіе (не разумѣя, однако, подъ симъ поясненія или пополненія существующихъ узаконеній); 2) установленіе въ

пользу казны налоговъ и отмѣна оныхъ; 3) штаты; 4) государственная роспись доходовъ и расходовъ и 5) отчужденіе частной собственности для государственной или общественной пользы. Вмѣсто прежнихъ 12 статей этой главы, въ новомъ учрежденіи имѣются только 8. Наконецъ, вновь введены въ учрежденіе двѣ главы: седьмая—о порядкѣ изданія свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній и полнаго собранія законовъ Россійской имперіи (ст. 139—государственному секретарю предоставлено издавать отдѣльныя законоположенія, съ изложеніемъ ранѣе не опубликованныхъ разсужденій, на которыхъ они основаны, а также дозволять такого рода изданія; такія же законоположенія могутъ быть издаваемы подлежащими вѣдомствами — въ обоихъ случаяхъ съ разрѣшенія предсѣдателя государственнаго совѣта) и восьмая—объ учрежденіи особаго присутствія при государственномъ совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія жалобы на опредѣленія департаментовъ правительствующаго сената.





Изъ дальнихъ лѣтъ.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ СТУДЕНЧЕСТВА.

I.

Не простилъ смѣха...

Всякой женщинѣ, чтобы любить человѣка, мужчину, мужа, надобно навѣрное знать, что въ самой глубинѣ его души есть такое хорошее, передъ чѣмъ благоговѣть...

Множество женщинъ и хорошихъ и честныхъ, и чистыхъ и талантливыхъ, способныхъ могутъ сгинуть, пропасть задаромъ, не отвѣдавъ счастія сознательной жизни, если ихъ не пробудитъ избранный человѣкъ и то, что таится въ глубинѣ этого избраннаго сердца...

Кругомъ нея могутъ быть и книги, въ которыхъ масса интереснаго и важнаго, но, пока не явится это „во образѣ", въ живомъ словѣ, книга можетъ лежать покойно тысячу лѣтъ...

Гл. Успенскій.

Анна Николаевна, я уже много разъ говорилъ вамъ—не задумывайтесь, отъ этого волосы падаютъ, насмѣшливо заявилъ Кротковъ, горбатенькій и невзрачный студентъ-математикъ, своей собесѣдницѣ—бойкой Анютѣ Николаевой, слушательницѣ акушерскихъ курсовъ, больше, впрочемъ, кажется, любившей поплясать на студенческихъ вечеринкахъ, чѣмъ слушать какіе-либо курсы.

Надувши губки, Анюта слѣзла съ окна, на которомъ сидѣла, и, не находя, противъ обыкновенія, отвѣта, нѣсколько сконфуженно стала одѣваться.

— Не обращайте вниманія на этотъ дерзкій логарифмъ

во образѣ человѣка, вступился я за обиженную гостью,— вы сами виноваты: слишкомъ большую волю ему дали, избравъ его чуть не какимъ-то руководителемъ вашей совѣсти, какъ говорятъ набожныя католички. Онъ и покушается теперь на все... даже на остроуміе.

Веселая улыбка быстро вернулась на лицо Николаевой и, по-мальчишески подскочивъ къ Кроткову, она нѣсколько разъ ударила его концомъ полунадѣтаго рукава кофточки.

— Боже, до чего мы дошли, продолжая шутить, въ комическомъ ужасѣ воскликнулъ тотъ,—даже до „дѣйствія“ вмѣсто духовнаго воздѣйствія. Знаете ли вы, барышня, что точно такъ же поступилъ бы бычекъ, что по двору сего „палаццо“ бѣгаетъ, если бы я показалъ ему красный платокъ...

„Вотъ вы и не правы, наконецъ-то, хоть въ этомъ не правы, смѣясь, возразила Николаева,—бычекъ бы разсердился, а я шучу и не сержусь. Да, наконецъ, бычекъ хотѣлъ бы боднуть, сдѣлать вамъ больно, а я...— и у Николаевой внезапно задрожалъ голосъ,— а я—не хочу вамъ даже сдѣлать больно тѣмъ... ну тѣмъ, что покажу вамъ, какъ мнѣ больно, что вы презираете меня.

Послѣднія слова Николаева произнесла почти сквозь слезы и, сѣвъ около стола, грустно опустила свою хорошенькую бѣлокурую голову.

Сконфуженный на этотъ разъ въ свою очередь, Кротковъ повернулся лицомъ въ окно и, вѣроятно, сохранилъ бы довольно долго это положеніе, если бы вошедшая прислуга не подала ему письмо.

— Прощайте, я окончательно ухожу, мнѣ нездоровится сегодня, заявила Николаева, вставая, но остановилась при взглядѣ на Кроткова, сильно поблѣднѣвшаго, вѣроятно, отъ впечатлѣній прочитаннаго посланія.

Очевидно, Анютѣ хотѣлось спросить „что такое“, сказать что-нибудь этому бѣдному, обдѣленному по внѣшности судьбой человѣку, сумѣвшему быстро очаровать ее глубиной своей кристальной души, но развѣ это не было бы важнымъ нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ нашего небольшого кружка, въ которомъ, между прочимъ, строго предписывалось: не дѣлать никогда никакихъ *личныхъ* вопросовъ.

Анюту недавно ввелъ Кротковъ въ этотъ кружокъ и она была особенно строгой исполнительницей всего нашего „общественнаго договора“, какъ мы называли сводъ правилъ, не отличавшійся, впрочемъ, особой сложностью.

Важнѣйшія два другихъ положенія состояли, насколько помню, въ томъ, что не допускались никакія замѣчанія относительно внѣшности. Послѣднее можетъ показаться особенно страннымъ,—не дозволялись замѣчанія относительно словопроизношенія и удареній въ словахъ.

Всѣ три указанныя положенія имѣли, между тѣмъ, если въ нихъ вдуматься, глубокое основаніе и едва ли нежелательны къ примѣненію повсюду. Первыя два, повидимому, не нуждаются въ особомъ толкованіи, необходимость же послѣдняго правила вытекала изъ уваженія къ говорамъ представителей различныхъ національностей кружка и изъ сознанной необходимости отдавать предпочтеніе сущности, мысли, передъ формой, словомъ.

Кружокъ былъ явленіемъ совсѣмъ особаго рода — чуждымъ обычному единенію „землячествъ".

Члены этого кружка были объединены, какъ гласилъ, можетъ быть, слишкомъ громко, первый параграфъ гектографированной программы, „задачами по выработкѣ идеала частнаго, личнаго, и общественнаго, коллективнаго, на почвѣ отношеній современности и т. д."

Здѣсь читались добровольцами обоего пола рефераты по вопросамъ этическимъ, религіознымъ, экономическимъ и т. п.

Обыкновенно всякій вновь вступавшій выбиралъ руководителя чтенія и занятій, хотя бы на первое время. Такимъ путемъ Кротковъ и превратился въ своеобразнаго „directeur de consience" Анны Николаевны.

Дочитавъ письмо, Кротковъ молча подалъ руку, въ знакъ прощанія, Анютѣ, и она, ничего не сказавъ, удалилась, унося съ собой и всю радость жизни изъ болѣе чѣмъ скромной комнаты Кроткова, въ которой мы находились.

По ея уходѣ онъ протянулъ мнѣ письмо и опять отошелъ къ окну.

Краткое посланіе это, безъ подписи, гласило слѣдующее:

„Другъ считаетъ нужнымъ вамъ сообщить, что Николаева весьма неосторожна... Если хотите видѣть интересную жанровую картинку, приходите къ Николаевой сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ"...

— Почему же ты не показалъ письмо Анютѣ? покраснѣвъ отъ негодованія, спросилъ я.

— Ясно почему—я не имѣю никакого права, только потому, что люблю ее самъ, производить о ней дознаніе и предлагать какіе-либо вопросы, съ горечью возразилъ

Кротковъ,—конечно, не имѣю, хотя это и ужасно, ужасно потому, что она слишкомъ легкомысленна.

—Ну,знаешь—не смѣшиваешь ли ты веселость характера съ легкомысліемъ — это еще вопросъ. А сердце у нея получше нашего съ тобой, возразилъ я ему, вспоминая недавнюю сценку и сердито прощаясь...

Рано утромъ на слѣдующій день меня разбудилъ сильный стукъ въ дверь. Поспѣшно надѣвъ верхнее платье, я отворилъ... Передо мной, повязанная платочкомъ, вся въ слезахъ, стояла Анюта.

—Что такое, что съ вами? испуганно спросилъ я, окончательно просыпаясь и усаживая гостью на ближайшій стулъ.

— Вы знаете, между Кротковымъ и мной все кончено, не сдерживая рыданій, заявила Анюта, — да, все кончено—и вотъ почему. Вчера вечеромъ онъ неожиданно вошелъ ко мнѣ въ комнату... У меня были гости, и я, повернувшись спиной къ двери, танцовала... да, танцовала одна передъ своими гостями и не замѣтила, какъ онъ вошелъ. Когда я обернулась, онъ молча повернулся обратно и вышелъ... Я побѣжала за нимъ, я умоляла вернуться — но напрасно. Молча онъ продолжалъ идти... и ушелъ.

Остановившись на минуту отъ душившихъ ее слезъ, Николаева затѣмъ продолжала:

— Я знаю, какой онъ хорошій. Вѣдь мы изъ одной деревни—я дочь просвирни, вдовы бывшаго батюшки, а онъ—сынъ доктора тамошняго. Отецъ у него умеръ, а мать бѣдная, пребѣдная, онъ ей помогаетъ, она вмѣстѣ съ моей матерью живетъ... Какъ же можетъ онъ про меня дурно думать... Сколько разъ я давала себѣ слово никогда не смѣяться—за смѣхъ этотъ онъ меня и презираетъ...

—Что за чепуха—презираетъ за смѣхъ; развѣ можно за смѣхъ презирать! возразилъ я почти съ негодованіемъ, пытаясь успокоить растерянную дѣвушку.—Подождите, я схожу за нимъ, вамъ нужно объясниться... Или лучше пойдемте къ нему немедленно, онъ долженъ быть еще дома“.

Черезъ четверть часа мы звонили къ Кроткову, звонили энергично и продолжительно...

Отворившая намъ дверь заспанная прислуга заявила, что Кроткова нѣтъ, что онъ уѣхалъ, забравъ свои вещи, и оставилъ лишь письмо на мое имя.

Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„... Кстати, ты, вѣроятно, увидишь Анюту Николаеву,

такъ передай ей о полученіи мною письма—это объяснитъ ей, какъ я попалъ къ ней вчера вечеромъ, несмотря на то, что хотѣлъ работать дома... Но этого мало, скажи ей еще слѣдующее: ничему этому я не придаю никакого значенія; я знаю, его написалъ ея неудачный женихъ изъ семинаристовъ, тотъ самый, что былъ со своими пріятелями у нея въ гостяхъ и передъ которымъ она, по его же просьбѣ, танцовала. Я понимаю, что и танцы эти сей господинъ затѣялъ въ ожиданіи моего прихода... Все это, съ танцами включительно, сущія пустяки...

„Одно скверно: я люблю Анюту и люблю не такъ, какъ слѣдуетъ... Она любитъ меня за то хорошее, что ей во мнѣ чудится, право, лишь чудится... А я совсѣмъ не такой, какъ она думаетъ.

„Мнѣ даже иногда бывало досадно, что она такая красавица, такая здоровая, веселая, а я — такой некрасивый, больной, грустный...

„Меня унижаетъ ея красота, а ее — подавляетъ моя психика—мы не пара. Анюта нѣсколько разъ говорила мнѣ, что я не могу ей простить ея смѣха. Она права — я люблю ее, но ея смѣхъ не для меня, я какъ-то не умѣю смѣяться и боюсь заглушить и ея смѣхъ. Итакъ, тебѣ—до свиданья, а Анютѣ—прощай. Твой Кротковъ".

По прочтеніи этихъ строкъ мы безмолвно простились съ Анютой, затѣмъ какъ-то совершенно переставшей бывать на всѣхъ нашихъ студенческихъ собраніяхъ.

Я уже думалъ, что Анюта вышла замужъ за семинариста и превратилась въ деревенскую матушку, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ отъ нея письмо изъ Швейцаріи, гдѣ она поступила на медицинскіе курсы.

„Онъ (т. е. Кротковъ), писала мнѣ Анюта, не простилъ мнѣ моего смѣха — и онъ былъ правъ... Понявъ это, я твердо принялась за работу, а когда я буду врачемъ, я посмотрю, отвернется ли онъ отъ меня опять"...

Послѣ сообщенія различныхъ подробностей о своей жизни Анюта все еще нѣсколько по-дѣтски заканчивала:

„А какъ вы думаете, вѣдь онъ меня любитъ, вѣдь радъ мнѣ будетъ?"

Но и этой надеждѣ не суждено было осуществиться: Кротковъ умеръ, заразившись тифомъ въ больницѣ, до окончанія курса Николаевой, которая вернулась врачемъ въ Россію и служитъ въ одномъ земствѣ, но теперь, говорятъ, смѣется весьма мало...

Можетъ быть, потому, что ей такъ и не простилъ смѣха ея милый...

М. Головинскій.

Странички прошлаго.

Начало изученія раскола.

Однимъ изъ жгучихъ вопросовъ русской дѣйствительности съ давнихъ поръ былъ вопросъ о расколѣ и раскольникахъ. Нельзя даже предполагать, что раскольники играли весьма немаловажную роль въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ. Какъ это ни странно, а въ дѣйствительности было такъ. „Владыко (митрополитъ петербургскій)—читаемъ мы въ письмѣ Григорія, епископа ревельскаго,—хотѣлъ представить Государю, чтобы не было перевода Ветхаго завѣта. Насилу я могъ его остановить. Теперь онъ, кажется соглашается на такое условіе, что при немъ будетъ хорошее предисловіе, въ которомъ говорится особливо ясно, что субботу не должно праздновать въ Новомъ завѣтѣ. Суббота есть главная причина, по которой онъ не хочетъ выдавать пятикнижія; ибо субботники весьма умножаются“... [1])

Въ то время даже и правительственныя сферы были плохо освѣдомлены въ вопросѣ раскола. Министръ Л. Перовскій пишетъ Филарету отъ 15 мая 1845 года:—„доселѣ унасъ не было собрано нигдѣ подробныхъ, вѣрныхъ и полныхъ свѣдѣній о различныхъ раскольничьихъ толкахъ, согласіяхъ, кругахъ и корабляхъ, а каждый частный случай, доходившій до свѣдѣнія правительства, обсуживался отдѣльно, по себѣ, что неминуемо должно было вести иногда къ недоумѣніямъ и противорѣчіямъ. Считая необходимымъ привести

[1]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету, изд. *А. Н. Львов*. Спб. 1900.

въ полную извѣстность этотъ весьма важный предметъ—я намѣреваюсь продолжать разысканія относительно всѣхъ важнѣйшихъ ересей". Такимъ образомъ изысканія начались всего лишь въ 1845 г. Особенно усиленно принялся за нихъ другой министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Бибиковъ, который предлагалъ привлечь духовенство къ собиранію свѣдѣній. Бибиковъ полагалъ, что каждый священникъ въ приходѣ своемъ, посредствомъ прихожанъ, можетъ ближайшимъ образомъ узнать то, что недоступно гражданскому чиновнику. Митрополитъ Филаретъ нашелъ неудобнымъ подобное предложеніе.

Но въ то же время, какъ начали собирать свѣдѣнія о расколѣ, главнымъ желаніемъ было сохранить полную тайну. Бумаги посылались съ припискою: „совершенно секретно", „секретно", „совершенно секретно и конфиденціально" и т. д. Впрочемъ, гласности боялись и не только въ 30-хъ годахъ, но и позднѣе.

Были сильные протесты противъ гласности и въ секретномъ комитетѣ по дѣламъ раскольниковъ. Съ грустью и сожалѣніемъ митрополитъ петербургскій Григорій приводитъ описаніе одного изъ засѣданій этого комитета, когда великій князь Константинъ Николаевичъ сказалъ: „секретныя дѣла? къ чему секретныя дѣла? Надо дѣйствовать открыто. Нынѣ требуется гласность". Митрополитъ Григорій прибавляетъ:— „Эти слова показали, что за люди, съ которыми мы имѣемъ дѣло, и что говорить что-нибудь въ опроверженіе ихъ мнѣній значитъ раскалить ихъ до совершеннаго безумія. Я не сказалъ ничего".

Мѣры принимались большей частью репрессивныя, и съ ними соглашалось большинство. У одного только архіепископа, а именно Иннокентія камчатскаго мы находимъ слѣдующій взглядъ: „умноженіе викаріевъ нужно, во-первыхъ, для того, чтобы не раскольниковъ только обращать! нѣтъ, ихъ можетъ обратить Самъ только Богъ, но чтобы служеніемъ архіерейскимъ и живымъ словомъ ихъ сохранить въ православіи тѣхъ, кои еще считаются нашими".

Въ этомъ случаѣ—въ отысканіи мѣръ противъ раскольниковъ—одной изъ самыхъ сильныхъ было предпринятое ограниченіе министромъ Бибиковымъ: „при объявленіи купеческихъ капиталовъ требовались отъ предъявителей свидѣтельства о принадлежности къ православной церкви безусловно или на правилахъ единовѣрія, не предъявившимъ же таковыхъ доказательствъ, каковыми могутъ быть выписки

изъ метрическихъ или исповѣдныхъ книгъ, выдавались бы свидѣтельства по гильдіямъ на временномъ правѣ".

Дѣйствуя такимъ образомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ очень часто обращалось къ митрополиту Филарету съ просьбою о помощи. Такъ, въ письмахъ того же самаго министра мы читаемъ: „и можетъ быть ваше высокопреосвященство признаете нынѣшнее время благопріятнымъ для обращенія съ словомъ истины къ этимъ людямъ".

Но министерство мало сомнѣвалось въ успѣхѣ предпринятыхъ имъ мѣръ:—„сіи распоряженія должны убѣдить раскольниковъ, что правительство будетъ неуклонно слѣдовать принятымъ правиламъ, а чрезъ сіе очиститъ отъ препятствій путь внушеніямъ церкви къ сердцу и разуму всѣхъ тѣхъ, кои остаются въ расколѣ по одному закоренѣлому заблужденію".

Въ одномъ изъ писемъ мы находимъ и цифровой матеріалъ 1855 г. Именно Исидоръ, экзархъ Грузіи, будущій митрополитъ новгородскій и петербургскій, сообщаетъ Филарету, что въ Закавказье вывезено изъ Россіи до 22 тысячъ раскольниковъ: молоканъ, духоборцевъ, скопцовъ, немолякъ, коммунистовъ, духовидцевъ, сапуновъ, скакуновъ и пр. „Въ этомъ сору много диковинныхъ вещей"... **П. С.**

Недостатокъ духовенства.

Положеніе низшаго духовенства было незавидно въ началѣ и срединѣ истекшаго вѣка и составляло большую заботу митрополитовъ и архіереевъ. Вотъ какъ характеризуетъ Филаретъ, епископъ рязанскій, состояніе своей епархіи въ 1825 г.: „однихъ дѣлъ нерѣшенныхъ уже извѣстныхъ около шестисотъ, а вѣроятно и еще откроются. Это бы еще не велика бѣда, ежели бы на тѣхъ, чрезъ которыхъ должно дѣйствовать, можно было бы сколько-нибудь положиться. Но большая половина членовъ консисторіи, восхитивши себѣ непринадлежащую имъ власть, явно торговали и мѣстами и правосудіемъ. И, кажется, вся атмосфера рязанской епархіи заражена зловоннымъ воздухомъ корыстолюбія". Другою немаловажною заботою высшихъ іерарховъ церкви было отыскиваніе людей, достойныхъ и способныхъ. Архіереи жалуются митрополиту Филарету, что нѣтъ священниковъ. Евсевій, архіепископъ иркутскій, говоритъ слѣдующее: „въ помянутой странѣ бурятскаго населенія до 10 тысячъ бурятъ обоего пола, и около нихъ не нашелъ я ни одного священника, который бы за-

ботился или имѣлъ возможность съ удобствомъ заботиться о просвѣщеніи ихъ; но, напротивъ, двоихъ встрѣтилъ такихъ, которыхъ бы надлежало немедленно устранить отъ своихъ мѣстъ, какъ вредно дѣйствующихъ на бурятъ своимъ обращеніемъ съ ними. Хотя вполнѣ благонадежныхъ не имѣю въ виду, но по крайней мѣрѣ устраню неблагонадежныхъ, а новымъ дамъ наставленіе при назначеніи на мѣста—поступать не по примѣру предмѣстниковъ". Такъ было въ глухой окраинѣ, немногимъ лучше обстояло дѣло и въ центрѣ; напр., и въ Черниговской епархіи архіерей „посвящалъ на одной литургіи до 20 и болѣе священниковъ и діаконовъ и даже въ отроческомъ возрастѣ, лѣтъ десяти, приказавъ ихъ прежде обвѣнчать; и они начинали священнодѣйствовать въ такомъ возрастѣ. Что дѣлать съ ними? Извергать ли ихъ или нѣтъ, ибо и теперь (1858 г.) есть еще много дѣтей въ числѣ ихъ, а и такъ оставить нельзя".

Тяжело было положеніе и членовъ синода:—„сегодня (1828 г.) было избраніе на орловскую епархію и въ викарные, съ большимъ трудомъ набрали 6 кандидатовъ при извѣстной вамъ, можно, скудости въ достойныхъ и способныхъ людяхъ". Далѣе: „не мало будетъ труда и въ выборѣ священника для Америки (1864), если дойдетъ дѣло до выбора. Такъ мало у насъ людей, готовыхъ на дѣло Божіе въ краю отдаленномъ, не обѣщающемъ значительныхъ житейскихъ выгодъ!"

Ко всему этому присоединялась еще и рознь между духовенствомъ. Антоній, епископъ смоленскій, такъ пишетъ Филарету: „общеніе и совѣтованіе другъ съ другомъ толь намъ нужны нынѣ (1866), какъ хлѣбъ насущный, но, къ сожалѣнію, мы отвыкли или лучше вовсе не привыкли къ этому дѣлу".

П. С.

Наказаніе городничаго.

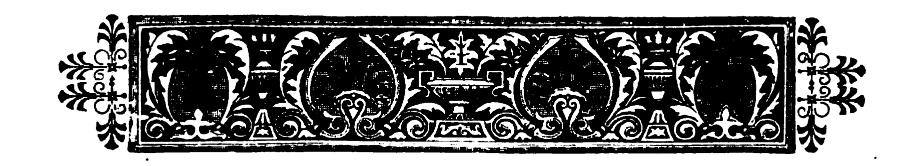
„№ 18606. Іюля 28 года 1798. Именный Высочайшій указъ данный Генералъ-Прокурору. *О наказаніи Городничаго Пирха за развратные поступки и пренебреженіе своей должности.*

Изъ доклада, поднесеннаго Намъ отъ Генерала-Аудитора Князя Шаховского, по дѣлу Апшеронскаго мушкетернаго полка Полковника Жукова, усмотрѣли Мы развратные поступки Литовской губерніи Бржеского Городничаго Пирха, который, забывъ всѣ обязанности служенія, противу узаконеніевъ Нашихъ публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе, употребляя также казенныхъ людей въ свои домаш-

нія услуги: а потому, выкинувъ изъ службы онаго Городничаго Пирха, велили Мы просить прощеніе при разводѣ на колѣняхъ у Полковника Жукова. Вы жъ имѣете сіе Наше повелѣніе содѣлать гласнымъ со всѣми обстоятельствами развратности Городничаго Пирха, дабы и всѣ прочіе, таковаго буйства, наглости и пренебреженія должности своей, позволить себѣ не дерзали".

Въ этомъ указѣ, кромѣ указанія на то, что считалось при Павлѣ I «развратнымъ поведеніемъ», «наглостью», «буйствомъ и пренебреженіемъ должности»—а именно ношеніе фрака и круглой шляпы, очень интересно выраженіе: «выкинувъ изъ службы онаго городничаго». На человѣка смотрѣли, какъ на вещь, которую можно выкинуть. Этотъ оборотъ рѣчи, насколько намъ удалось прослѣдить, встрѣчается чуть ли не единственный разъ. Кромѣ того въ этомъ указѣ непонятна роль полковника Жукова, но, съ другой стороны, есть указаніе на то, что обстоятельства этого дѣла были опубликованы. Конечно, имѣлъ бы значеніе розыскъ этого опубликованія,—въ результатѣ получился бы очень интересный эпизодъ изъ царствованія Павла I.

П. С.



Изъ области археологіи.

Востокъ или Римъ. (*Josef Strzygowski. «Orient oder Rom».* Лейпцигъ. 1901 г.). Почтенный археологическій трудъ I. Стриговскаго послужилъ Я. И. Смирнову темою доклада, сдѣланнаго въ засѣданіи классическаго отдѣленія И. Р. А. О. 23 апрѣля. Трудъ этотъ представляетъ большой интересъ для лицъ, занимающихся христіанскою и восточною археологіею. Характеръ работы Стриговскаго— полемическій; въ книгѣ заключается цѣлый рядъ аргументовъ о первенствующей роли Востока въ образованіи и начальномъ развитіи древне-христіанскаго искусства. Въ этомъ, такъ называемомъ, восточномъ вопросѣ археологіи, авторъ смѣло становится на точку зрѣнія большинства русскихъ ученыхъ, считающихъ колыбелью христіанскаго искусства Востокъ, а не Римъ, вопреки распространенному на Западѣ взгляду о той важной роли, которую игралъ вѣчный городъ въ первоначальномъ развитіи христіанскаго искусства. И взглядъ автора о вліяніи Востока неизмѣнно проводится во всемъ его трудѣ, находя себѣ подтвержденіе въ восточномъ происхожденіи описываемыхъ имъ древнихъ памятниковъ.

Описанія составлены полно, научно обоснованы, снабжены рисунками. Подробно описана катакомба, относящаяся къ III вѣку христіанской эры, открытая датскимъ ученымъ въ 1895 году въ Пальмирѣ при вскрытіи одного кургана. Въ 1899 году произведены были и фотографическіе съ нея снимки. Въ настоящее время на катакомбу обращено вниманіе Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Членъ этого института Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ нѣсколько дополненій и исправленій въ описаніи катакомбы. Форма ея крестообразна. Назначеніе несомнѣнно погребальное, вѣроятнѣе всего предполагать здѣсь семейныя усыпальницы. Погребено въ ней до 366 тѣлъ въ отдѣльныхъ камерахъ. Обнаружено три саркофага. Стѣны и потолокъ украшены замѣчательными росписями: орнаментами и различными изображеніями; встрѣчается изображеніе Ахиллеса и Одиссея, но большинство—портреты погребенныхъ. На одной изъ стѣнъ находится изображеніе женщины съ ребенкомъ на рукѣ, съ указаніемъ и ея имени; портреты, по мнѣнію автора, писались при жизни заранѣе для всей семьи. Любопытно, что изображенія ангеловъ часто безъ крыльевъ, а съ пальмовою

вѣтвью въ рукѣ. Одна изъ росписей подтверждаетъ существованіе вѣрованія въ силу «дурного глаза»: чтобы оказать покойнику защиту, «отогнать дурной глазъ», стѣны разрисовывались змѣями и скорпіонами, какъ бы устремляющимися куда-то къ одному центру. Происхожденіе росписей приписывается пришлымъ грекамъ изъ Египта, Сиріи и Малой Азіи.

Въ описываемомъ далѣе «Пятикнижіи» Моисея, относящемся къ VII вѣку, авторъ отказывается видѣть въ его миніатюрахъ германскій элементъ, считая ихъ за еврейское произведеніе. Доказательствомъ служитъ знакомство художника миніатюръ съ деталями еврейской жизни.

Вторая часть книги посвящена мраморному рельефу, составляющему боковую сторону огромнаго саркофага. Рельефъ изображаетъ Іисуса Христа между двумя апостолами и относится къ IV столѣтію по Р. Х. Происхожденіе малоазійское. Русскій ученый Д. В. Айналовъ относитъ рельефъ къ V вѣку.

Въ третьей части описывается оригинальный монументъ, истинное значеніе котораго не выяснено. Изображается на немъ городъ. Кругомъ кипитъ битва. Конница бѣжитъ, поражаемая пѣхотою. Изъ города выѣзжаютъ воины, предводитель ихъ выдѣляется своимъ высокимъ ростомъ; знаменосецъ держитъ знамя со знакомъ креста. На стѣнахъ города воины; вдали видны 3 висѣлицы съ повѣшенными. Кругомъ скалы, на нихъ виднѣются двѣ фигуры. Происхожденіе изображенія египетское. Авторомъ придается этому изображенію символическое значеніе торжества креста и христіанства вообще, но скорѣе здѣсь можно признать иллюстрацію какого-либо реальнаго историческаго факта. Общій смыслъ сюжета—Богъ, церковь и кесарь защищаютъ городъ отъ варваровъ.

Въ дополненіе къ этой части описывается рельефъ, изъ числа памятниковъ египетской группы, это «Перенесеніе мощей 40 мучениковъ въ 552 году изъ св. Софіи». Мощи перевозятся на царской колесницѣ въ сопровожденіи двухъ патріарховъ. Здѣсь же изображена фигура св. Ирины въ царскомъ костюмѣ; въ рукахъ ея большой крестъ.

Въ четвертой части указывается на одноцвѣтныя египетскія ткани. На одной ткани краснаго цвѣта изображена сцена «Даніилъ во рву львиномъ».

Въ отдѣлѣ «иконъ» указывается на двѣ рѣдкія, единственныя пока въ своемъ родѣ иконы: «св. Константина и Елены» и «св. Сергія», хранящіяся уже около 40 лѣтъ въ музеѣ Кіевской духовной академіи. Любопытно, что иконы эти являются теперь «впервые» изданными и—«нѣмецкимъ ученымъ».

Достойнымъ завершеніемъ труда по новизнѣ и оригинальности выводовъ служитъ послѣдняя 5-я часть книги. Въ ней описываются постройки и храмъ на мѣстѣ Гроба Господня и разсматривается вопросъ о времени и происхожденіи построекъ и о степени участія въ этомъ дѣлѣ крестоносцевъ.

Уголокъ древне-римской жизни. Изслѣдователь римскихъ древностей М. И. Ростовцевъ, весьма удачно комбинируя археологическія и историческія данныя, постепенно воскрешаетъ прошлое вѣчнаго

города среди его простой будничной жизни. Въ засѣданіи И. Р. А. О. онъ коснулся вопроса, существовали ли въ древнемъ Римѣ «билеты» на проѣздъ на какомъ-либо суднѣ? Разрѣшается этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ; но «билеты» дѣлались не изъ бумаги, какъ въ настоящее время, а изъ металла, что впрочемъ, практикуется нынѣ въ Парижѣ. «Билетами» въ Римѣ служили свинцовыя пломбы, «тессеры». Назначеніе такихъ тессеръ случайно открыто и объяснено М. И. Ростовцевымъ: ихъ всего 6 типовъ; изображены на нихъ рисунки судна, съ веслами и мачтой и отдѣльныя буквы. Послѣднія означали: типъ судна, на которомъ совершался переѣздъ, плату за провозъ и имя судовладѣльца. Въ виду огромнаго развитія судоходства въ то время типы лодокъ были весьма многочисленны и каждый видъ ихъ носилъ особое названіе, обыкновенно греческое. На одной изъ неизданныхъ еще мозаикъ, по словамъ М. И. Ростовцева, онъ нашелъ 25 типовъ лодокъ и ихъ названій.

Судя по сохранившимся даннымъ промыселъ перевоза черезъ Тибръ, жившій въ то время полною и бойкою жизнью, былъ свободнымъ, но организованнымъ предпріятіемъ. Для переѣзда, напримѣръ, на этрусскую сторону Рима бралась на самой лодкѣ опредѣленная плата и для контроля станцій отправленія, назначенія и промежуточныхъ служили вышеупомянутыя тессеры. Въ Римѣ государство, весьма вѣроятно, не вмѣшивалось въ дѣла промышленныхъ компаній, въ другихъ же мѣстностяхъ промыселъ составлялъ монополію городовъ, и послѣдніе сдавали эти промыслы въ аренду за извѣстное вознагражденіе. Особеннымъ развитіемъ всевозможныхъ монополій славился Египетъ.

Приговоръ Понтія Пилата. Итальянскія газеты сообщаютъ объ интересномъ открытіи. Недалеко отъ маленькаго итальянскаго городка Кесаріи находится часовня, въ которой открыта плита съ написаннымъ на ней смертнымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ Іисусомъ Христомъ. Текстъ приговора оригинальный и написанъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Парижское археологическое общество уже отправило спеціальную комиссію, чтобы переписать этотъ текстъ приговора. Вотъ его содержаніе: *Приговоръ, произнесенный Понтіемъ Пилатомъ, намѣстникомъ Нижней Галилеи, гласитъ, чтобы Іисусъ Назаретянинъ* умеръ смертью на крестѣ, на 17-мъ году царствованія Кесаря Тиберія, 25-го дня мѣсяца марта въ святомъ градѣ Іерусалимѣ, когда Анна и Каіафа были священниками и первосвященниками Господними.

Понтій Пилатъ, намѣстникъ Нижней Галилеи, возсѣдая намѣстникомъ столицы Паетона, приговариваетъ Іисуса Назаретянина къ смерти на крестѣ между двумя разбойниками, такъ какъ видные и извѣстные люди изъ народа свидѣтельствуютъ, что

1) Іисусъ—подстрекатель, 2) Іисусъ—бунтовщикъ, 3) Іисусъ—врагъ законовъ, 4) Іисусъ—ложно выдаетъ себя за «Сына Божія», 5) Іисусъ—ложно выдаетъ себя за царя Израиля, 6) Іисусъ съ пальмовой вѣткой въ рукахъ, сопровождаемый массой народа, вошелъ въ храмъ.

Понтій Пилатъ приказываетъ Корнелію Квирилину, первому цен-

туріону, вести его на мѣсто казни и отстранить всѣхъ убогихъ и богатыхъ, которые помѣшаютъ смерти Іисуса. Свидѣтели, подписавшіе смертный приговоръ Іисусу, слѣдующіе:

1) Данилъ Робани, фарисей, 2) Іоаннъ Зарабателъ, 3) Рафаилъ Робани, 4) Каперъ-книжникъ.

Іисуса проведутъ изъ Іерусалима на мѣсто казни черезъ ворота Серену.

На одной сторонѣ отъ текста можно прочесть слѣдующее замѣчаніе:

«Каждому племени отправлена такая же дощечка».

Однако, эти дощечки еще не разысканы и эта, только что открытая въ городѣ Кесаріи, первая изъ нихъ.

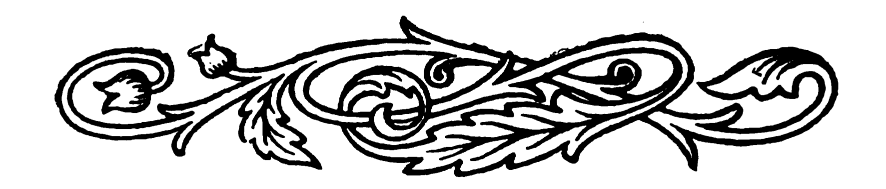
Къ XII археологическому съѣзду. 26 марта состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о сообщеніи комитету секретаремъ статистическаго комитета В. В. Ивановымъ—дополнительныхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи и о его предложеніи — обратиться ко всѣмъ губернаторамъ въ районѣ, подлежащемъ изученію предстоящаго съѣзда, съ просьбой о запросѣ земскихъ начальниковъ ихъ губерній по поводу древностей, коллекцій и т. п. Предложеніе это принято и рѣшено при обращеніи послать въ качествѣ образца тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился харьковскій губернаторъ къ земскимъ начальникамъ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ предсѣдателя историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко проф. А. Добіаша о результатахъ дѣятельности состоящей при обществѣ особой коммиссіи по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности, въ предѣлахъ Черниговской губерніи, къ XII археологическому съѣзду. Изъ этого доклада видно, что работы коммиссіи со времени перваго отчета еще болѣе расширились, нашли сочувствіе и поддержку и среди общества, администраціи, духовенства и народныхъ учителей и учительницъ. Благодаря помощи черниговскаго губернатора, коммиссія получаетъ свѣдѣнія о древностяхъ и самые памятники даже изъ захолустныхъ мѣстъ Черниговской губерніи: пакеты доставляются и чрезъ волостныя правленія и чрезъ исправниковъ. Рѣшено докладъ напечатать въ «Трудахъ предварительнаго комитета», исходатайствовать коммиссіи 200 руб. на различные расходы у московскаго археологическаго общества, находящійся въ распоряженіи коммиссіи атласъ малороссійскихъ картъ и плановъ малороссійскихъ городовъ—просить для археологической выставки; равно просить: 1) доставить комитету брошюру П. Н. Тихонова «Черниговскіе старцы» и Б. Д. Гринченки «Описаніе музея Тарновскаго»; 2) доставить предметы, представленные коммиссіи М. И. Лилеевымъ: образъ Николая Чудотворца, два старинныхъ казацкихъ пояса изъ шелка-сырца, двѣ старинныхъ женскихъ рубашки съ расшитыми шелками по подолу узорами, отрывокъ изъ лѣчебника XVIII вѣка. Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ поступившаго отъ И. В. Попова въ распоряженіе комитета рукописнаго сборника подъ заглавіемъ:

«Планъ Новороссійской губерніи». Сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ печатныхъ указовъ Екатерины II; рукописные документы—копіи съ разныхъ распоряженій, касающихся устройства Новороссійской губерніи въ 1764 году: «статьи» новороссійской губернской канцеляріи, гусарскихъ и пикинерскихъ полковъ, сенатскій указъ генералъ-поручику Мельгунову о разныхъ предметахъ по устройству новой губерніи, выписка о преимуществахъ поселенцевъ Новороссійской губерніи, предложенія г.-м. Брандта о содержаніи офицеровъ гусарскихъ и пикинерскихъ полковъ во время командировокъ, докладъ Вильбоа, Панина, Чернышева и Мельгунова объ устройствѣ Новороссійской губерніи, таможенный уставъ. Большая часть документовъ напечатана въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи. Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о согласіи г. Поддубнаго издать карты Харьковской губерніи, а также карты г. Харькова.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ о пожертвованіи предварительному комитету его членомъ А. Ѳ. Бантышемъ ста рублей и познакомилъ съ памятниками, поступившими въ полное распоряженіе комитета для археологической выставки.



Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Разладъ теоріи романиста съ собственной практикой.—Новые „Сибирскіе разсказы" г. Короленко.—Политическая эволюція XIX вѣка.—Характеристическое различіе двухъ его пятидесятилѣтій.

Существуетъ представленіе, что г. Боборыкинъ, будто бы, изложилъ въ художественныхъ образахъ исторію русской общественной жизни за послѣднія сорокъ лѣтъ, ея развитіе, колебанія, шатанія, порывы и настроенія. Доказательства этого у самого г. Боборыкина, въ его сочиненіяхъ, мы не находимъ. Можетъ быть, онъ намъ далъ вѣрную *исторію*, а можетъ быть—сочинилъ ее. Мы знаемъ только одно, что темы романовъ г. Боборыкина, подобно равнымъ геометрическимъ фигурамъ, совпадаютъ во всѣхъ точкахъ съ публицистическими статьями изъ русскихъ газетъ и журналовъ за указанный сорокалѣтній періодъ. Но публицистическія статьи нашей печати, въ силу извѣстныхъ условій, выражаютъ не дѣйствительность нашей общественной жизни, не изъявительное наклоненіе, а желательное и условное. Статьи эти часто напоминаютъ телеграммы россійскаго телеграфнаго агентства: „Городъ ликовалъ и украсилъ себя флагами". Въ дѣйствительности никто въ городѣ не ликовалъ, и флаги городу никакой красоты не придали. Одинъ только человѣкъ въ городѣ, мѣстный публицистъ, объединялъ эту толпу съ *торжествомъ*. И обыватель на другой день съ выскочившими на лобъ глазами убѣждался, какую онъ важную роль сыгралъ вчерашній день въ судьбахъ отечества. Затѣмъ, въ ближайшемъ номерѣ ежемѣсячника онъ усматривалъ свой, фигурировавшій на торжествѣ, собственный образъ въ романѣ г. Боборыкина, и, конечно, вѣрилъ его

художественному воспроизведенію, потому что кто же откажется отъ превосходныхъ качествъ, хотя бы и навязанныхъ его особѣ безъ всякихъ основаній.

И друзья, и враги г. Боборыкина, всѣ какъ будто сговорились въ такой оцѣнкѣ его и смотрѣли на его романы какъ на легкое воспроизведеніе тяжеловѣсныхъ публицистическихъ статей нашей ежедневной и ежемѣсячной печати. Въ настоящее время критикъ „Русскаго Богатства", г. Горнфельдъ, констатируетъ тотъ фактъ, что, при чтеніи романовъ г. Боборыкина, читателями всегда „овладѣвало умственное удовлетвореніе". Несомнѣнно, однако, что существовали также читатели, для которыхъ удовлетвореніе это являлось такимъ, что лучше бы его и не было. Лучше бы было, если бы романы г. Боборыкина давали читателю не удовлетвореніе, его, читателя, собственными достоинствами, а обнаженную дѣйствительность русской общественной жизни.

Обширный трудъ г. Боборыкина—„Европейскій романъ въ XIX столѣтіи",—посвященный исторіи и теоріи романа вообще, обѣщалъ разгадать очень многое въ творчествѣ самого г. Боборыкина, на котораго у насъ все еще хотятъ смотрѣть какъ на интересную психологическую загадку. Мы уже видѣли раньше (см. № 1 нашего журнала), какъ всѣ прискорбно разочаровались въ этихъ ожиданіяхъ. Намъ удивительно, что г. Горнфельдъ, послѣ г. Когана, завѣдомаго противника г. Боборыкина, и послѣ г. Спасовича, завѣдомо симпатизирующаго г. Боборыкину, послѣ этихъ двухъ судей, сошедшихся въ произнесеніи согласнаго приговора о новомъ трудѣ романиста, какъ рѣшительно несостоятельномъ, приступилъ къ разбору этого труда съ большой увѣренностью въ его совершенствѣ и, конечно, за эту увѣренность былъ наказанъ.

Мы ждали просвѣтовъ отъ книги г. Боборыкина, говоритъ онъ, и къ большому сожалѣнію не нашли ихъ. „То же, что мы нашли, оказалось настолько лишеннымъ непосредственнаго признанія, настолько отравленнымъ готовыми воззрѣніями на суть творческаго процесса, что воспользоваться этими, увы, не столько признаніями, сколько мудрствованіями, едва ли придется какому-либо теоретику".

Главная основа труда г. Боборыкина—научность,—важная и единственная основа всякаго труда. Оказывается, однако, что эта основа у г. Боборыкина не совсѣмъ благополучна. „Сплошь и рядомъ онъ (г. Боборыкинъ) предполагаетъ яснымъ, опредѣленнымъ и извѣстнымъ себѣ и читателю то, что при совре-

менномъ состояніи знаній едва ли можетъ показаться таковымъ". Самая терминологія романиста, а нынѣ художественнаго критика, является неустановленной; авторъ „орудуетъ исключительно общими мѣстами—не въ смыслѣ трюизмовъ, а въ смыслѣ неопредѣленныхъ складочныхъ понятій, куда всякій можетъ вложить многое. *Изящное творчество*, *прекрасное творчество, сліяніе жизни и творчества*, *сліяніе идеи съ замысломъ*, *осуществленіе моментовъ красоты*,—едва ли эти формулы отчетливы для автора, не говоря уже о читателѣ". Такъ аттестуетъ г. Боборыкина г. Горнфельдъ.

Другіе критики г. Боборыкина останавливались преимущественно на сужденіяхъ его о содержаніи европейскаго романа, такъ сказать, на практической сторонѣ дѣла; г. Горнфельдъ останавливается преимущественно на теоретической сторонѣ вопроса, поднятаго и разработаннаго г. Боборыкинымъ, на его методѣ этой разработки. Оказывается, что г. Боборыкинъ даетъ только названіе этого метода и не примѣняетъ его къ своему труду: „Авторъ вообще ставитъ требованія энергичнѣе, чѣмъ исполняетъ ихъ". Затѣмъ, до сего времени многіе были увѣрены, что г. Боборыкинъ человѣкъ передовой, шагающій съ вѣкомъ наравнѣ, тонко улавливающій вѣянія времени, провидящій вдаль, открывающій новыя перспективы и обличающій людей науки и искусства въ ихъ медленномъ и отсталомъ движеніи. Г. Горнфельдъ сдергиваетъ съ г. Боборыкина это мишурное облаченіе. Всѣ такого рода упреки и ламентаціи г. Боборыкина, особенно его недовольство „существующими пріемами изученія литературы", были бы, говоритъ г. Горнфельдъ, вѣрны, если бы они не запаздывали; эволюціонизмъ г. Боборыкина мишурный, заимствованный у Брюньетера; обвиненіе, предъявленное г. Боборыкинымъ къ современной наукѣ исторіи литературы, которая будто бы до сихъ поръ не отрѣшилась отъ устарѣлаго описательнаго и біографическаго характера, основано на недоразумѣніи: „онъ говоритъ о наукѣ нашего времени, а думаетъ о наукѣ своей юности".

Въ чемъ же заключаются у г. Боборыкина требованія теоріи творчества? Онъ говоритъ, что „имѣетъ прежде всего въ виду прекрасное творчество и его природу", что „область прекраснаго въ литературной исторіи культурныхъ народовъ представляетъ собою нѣчто, имѣющее самостоятельную цѣль, связанное главнымъ образомъ съ удовлетвореніемъ потребности въ прекрасномъ". Пусть бы это такъ и оставалось, если бы г. Бо-

борыкинъ въ опредѣленіи понятій не кокетничалъ какой-то преднамѣренной наивностью. Большая часть его опредѣленій, говоритъ г. Горнфельдъ, основана на неразложенныхъ понятіяхъ; прекрасное у него имѣетъ самодовлѣющій характеръ, красота—объективное бытіе; творчество выражаетъ психическую способность человѣка къ созиданію комбинацій творческаго характера. Едва ли найдутся теперь люди, которые въ этомъ повѣрятъ г. Боборыкину „на слово".

Такова теорія г. Боборыкина, а практику его мы уже знаемъ. Мы теперь знаемъ и тайны творческаго процесса г. Боборыкина, несмотря на то, что онъ, подъ видомъ раскрытія ихъ, старался скрыть ихъ отъ насъ. О Брюнетьерѣ говорили, что онъ напоминаетъ тѣхъ дантовскихъ грѣшниковъ, которые шествуютъ впередъ, съ лицомъ, обращеннымъ назадъ. За нимъ слѣдуетъ такимъ же маненомъ и его послѣдователь, г. Боборыкинъ, и въ этомъ вся разгадка его дѣятельности: онъ желаетъ казаться передовымъ, но органическія его склонности тянутъ его назадъ.

Г. Горнфельдъ очень снисходительно опредѣляетъ г. Боборыкина: „въ теоріи творчества онъ сторонникъ самодовлѣющаго искусства, въ романахъ—человѣкъ партіи, направленецъ и принципистъ". Конечно, г. Боборыкинъ—человѣкъ партіи, но какой? Онъ всегда шелъ слѣдомъ за какой-нибудь партіей; въ теченіе сорока лѣтъ не было партіи, къ которой бы онъ не примыкалъ, и потому, выражаясь мягче, его можно просто причислить къ безпартійнымъ людямъ. Г. Боборыкинымъ никогда не написать никакой исторіи; ее можетъ написать только именно человѣкъ партіи, иначе сказать—съ сложившимися и ясными общественными убѣжденіями. На отсутствіе этихъ убѣжденій у г. Боборыкина указываетъ самый его методъ, эволюціонно-объективный, предлагаемый имъ для приложенія къ такимъ изслѣдованіямъ, какъ исторія литературы, т. е. такой науки, которая всецѣло относится къ области соціологіи. Между тѣмъ, въ соціологіи нѣтъ другого метода, кромѣ субъективнаго; здѣсь нѣтъ абсолютныхъ истинъ, а есть только относительныя; здѣсь истина есть только удовлетвореніе познавательной потребности человѣка въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, въ рамкахъ извѣстнаго слоя, класса, общества, эпохи. Но г. Боборыкинъ заявляетъ, что исторія литературы къ соціальнымъ наукамъ не относится (!?).

Въ книжкахъ „Русскаго Богатства" за текущій годъ печатаются бытовые разсказы г. Короленко изъ сибирской жизни. Разсказы эти носятъ не одинъ только современно-бытовой характеръ. При чтеніи ихъ кажется, что они рисуютъ жизнь русскаго человѣка годовъ за 200 до нашего времени, а можетъ и за 400 лѣтъ. Только нѣкоторые авторскіе штрихи указываютъ, что описываемая жизнь совершается въ наше время. Давно, когда-то, эта жизнь сложилась и тянется неизмѣнно въ отвердѣвшихъ формахъ до сего времени. Въ Россіи такой жизни нигдѣ нельзя больше встрѣтить кромѣ Сибири, и притомъ только на сѣверѣ ея. Описывать эту жизнь крайне трудно по ея убивающему однообразію, по отсутствію въ ней какихъ-либо выдающихся моментовъ, порывистыхъ движеній. Необходимо огромное умѣнье автора, чтобы внести въ описаніе хоть какіе-нибудь оттѣнки, не усыпить читателя однотонностью разсказа, повтореніями, варіяціями одного и того же явленія. Но г. Короленко способенъ устранить это затрудненіе поразительно легко. Ему достаточно ввести въ эту жизнь свѣжаго человѣка, и она подъ его перомъ совершенно преображается. У этихъ своего рода *пещерныхъ* и *свайныхъ* людей обнаруживается исторія, свое міросозерцаніе, опредѣленныя общественныя убѣжденія. Между тѣмъ, эти люди живутъ при совершенно невозможной обстановкѣ. Человѣка въ этомъ отношеніи опредѣляютъ такъ: это есть животное, способное жить подъ всѣми широтами земного шара. Разсказы г. Короленко относятся къ той мѣстности Сибири (нижнее теченіе рѣки Лены), гдѣ морозы въ 40—50°—явленіе самое обыкновенное, гдѣ бываютъ дни, когда солнце появляется надъ горизонтомъ только на какіе-нибудь 10 минутъ.

„Ударилъ морозъ въ 30, 35, 40 градусовъ. Потомъ на одной изъ станцій мы уже увидѣли замерзшую въ термометрѣ ртуть, и намъ сказали, что такъ она стоитъ дня два. Птицы замедляли полетъ, судорожно взмахивали крыльями и падали на землю, медвѣди зябли въ берлогахъ и выходили тощіе, испуганные и злые. Мы тоже начали зябнуть... Дыханія не хватаетъ, моргнешь глазами —между рѣсницами протягиваются тонкія льдины, холодъ забирается подъ одежду, потомъ въ мускулы, въ кости, до мозга костей... Васъ охватываетъ дрожь, какая-то внутренняя, пронизывающая, непріятная и даже, право, унизительная. Пріѣдешь на станцію, до полуночи едва начнешь обогрѣваться, а на утро трогаешься въ путь и чувствуешь, что въ тебѣ что-то убыло, что начнешь зябнуть

раньше, чѣмъ вчера, и пріѣдешь на ночлегъ болѣе озябшій. Настроеніе мѣняется, впечатлѣнія постоянно тускнѣютъ, люди кажутся непріятнѣе... Самъ себѣ тоже становишься противенъ. Въ концѣ концовъ, закутываешься какъ можно плотнѣе, садишься поудобнѣе и стараешься объ одномъ: какъ можно меньше движеній, какъ можно меньше мыслей, организмъ инстинктивно избѣгаетъ всякой траты. Сидишь и понемногу стынешь". Человѣкъ, кажется, принялъ всѣ мѣры предосторожности отъ холода, между тѣмъ, смотришь, отморозилъ пальцы. Пѣшеходы, встрѣчающіеся по безконечно-долгой дорогѣ, мерзнущіе, взывающіе о помощи, не возбуждаютъ въ васъ ни сожалѣнія, ни даже вниманія. При такихъ-то условіяхъ живутъ люди, описываемые въ разсказахъ г. Короленко. Это—преимущественно ямщики по ленскому тракту, или станочники—какъ они тамъ называются. Они когда-то переселились сюда изъ Россіи нести ямскую „государеву службу"; имъ сулили въ этой странѣ груды золота. Такова ихъ исторія. Они до сего времени сохранили свой великорусскій способъ выраженій, возвышенный въ важныхъ случахъ жизни:

— Ну, что такое набѣдокурили? Признавайтесь Богу, великому государю...

— Братцы!.. Видитъ Богъ, Святая Владычица...

Повседневный ихъ говоръ нѣсколько измѣнился подъ вліяніемъ инородцевъ, искажающихъ русскую рѣчь. Вѣроисповѣдныя понятія стали запутываться.

— Другіе говорятъ... никакой Богъ нѣтъ... Ты умный, бумага пишешь. Скажи,—можетъ это быть?..—Не можетъ быть!.. Враки!.. Хоть худенькій—худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣломъ те правитъ.

Описаніе „послѣдняго луча" солнца, появившагося на нѣсколько минутъ и скрывшагося затѣмъ на долгіе мѣсяцы, принадлежитъ въ разсказѣ къ замѣчательно простымъ и, какъ говорится, поэтическимъ. По склонности автора къ романтизму онъ заставляетъ смотрѣть на этотъ *послѣдній* умирающій лучъ мальчика, потомка одного изъ ссыльныхъ декабристовъ, Чернышева, который поселился въ этой „ленской щели", опростился, женился на мѣстной крестьянкѣ и оставилъ послѣ себя потомство. Послѣдній представитель этого потомства и былъ этотъ мальчикъ, болѣзненный, припадочный, тоже—послѣдній лучъ.

Скучно тянется жизнь этихъ своеобразныхъ ямщицкихъ общинъ. Большинство этихъ забытыхъ жизнью „государевыхъ

ямщиковъ" производитъ впечатлѣніе медленнаго вымиранія. Они болѣзненны, блѣдны, печальны, хмуры, какъ берега ихъ рѣки. Свою родную рѣку они зовутъ „проклятою" или „гиблою щелью", увѣряютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, будто „начальники" (устанавливающіе съ ними „добровольное соглашеніе", или контракты, на станочную, или ямщицкую гоньбу) не вѣрятъ въ Бога, отчего земля ни одного изъ нихъ послѣ смерти не принимаетъ въ свои нѣдра... Что губернаторы, что исправники, что засѣдатели—все одно. Положатъ его въ домовину, онъ такъ черезъ землю и пойдетъ, въ самые, видно, тартарары.

Среди этихъ забытыхъ и забитыхъ природою людей встрѣчаются и протестующіе, которые, конечно, въ этой средѣ слывутъ за „порченыхъ". Такое безпокойное существо, „съ очень смуглымъ лицомъ и глубокими вдумчивыми глазами", выведено въ разсказѣ „Микеша".

Въ одномъ изъ разсказовъ „Отчаянный человѣкъ на Титаринскомъ станкѣ" очень живо описывается мощная, упорная, несламывающаяся, при всѣхъ страшныхъ невзгодахъ и неудачахъ, фигура ссыльнаго поляка-уніата, попавшаго въ ленскую щель и, несмотря на нечеловѣческія усилія, не смогшаго ни покорить здѣшней природы, ни приспособиться къ ней.

Г. Короленко пишетъ уже болѣе 15 лѣтъ. Всѣ его разсказы заставляютъ видѣть въ немъ человѣка впечатлительнаго, съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ. Но тѣ его разсказы, которые наиболѣе извѣстны публикѣ, какъ, напр., „Въ дурномъ обществѣ", „Лѣсъ шумитъ", „Слѣпой музыкантъ", черезъ мѣру раскрашены яркими красками юга, ландшафтами южной природы, дышащей и даже говорящей за автора, что заставляетъ насъ, сѣверянъ, видѣть въ нихъ дѣланность, идеализацію, излишній романтизмъ. Наоборотъ, „Сибирскіе разсказы", какъ прежніе, такъ и нынѣ появившіеся, составляющіе непосредственный продуктъ собственныхъ наблюденій автора, изложены съ замѣчательной простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ умѣньемъ выхватить изъ жизни только существенное, типическое. Здѣсь нѣтъ ни завязокъ, ни развязокъ; здѣсь все такъ, какъ въ жизни. Это—этнографическіе наброски въ превосходно обработанной беллетристической формѣ.

Г. Южаковъ (въ „Русскомъ Богатствѣ") задается вопросомъ: что намъ далъ XIX вѣкъ въ политикѣ?

Прежде всего авторъ останавливается на отличіи XIX вѣка отъ своихъ предшественниковъ. Прошлые вѣка наполнены были борьбою изъ-за религіозныхъ, сословныхъ и династическихъ разногласій. Эти мотивы въ XIX вѣкѣ мало-по-малу исчезали и къ концу его если и остаются, то лишь въ видѣ дополненій къ сложной игрѣ новыхъ силъ и явленій, каковы: рабочее движеніе, соціализмъ, націонализмъ, плутократія, имперіализмъ. Въ свою очередь, старое оружіе—взрывчатыя вещества—уступаетъ новому орудію борьбы: массовымъ стачкамъ, бойкотированію, обструкціи.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обозрѣнію фактовъ по главнымъ націямъ міра.

Центральную фигуру европейской исторіи и въ XIX вѣкѣ представляла собою Франція. Политическій строй этой страны въ началѣ вѣка характеризуется, какъ централизованная бюрократія, управляющая демократическимъ обществомъ подъ властью центральнаго самодержавнаго правительства. Дальнѣйшая внутренняя политическая исторія Франціи XIX в. можетъ быть резюмирована такъ: „Въ теченіе всего вѣка идетъ ожесточенная борьба за верховную власть между абсолютизмомъ, плутократіей и демократіей съ утвержденіемъ народовластія къ концу вѣка. Въ началѣ вѣка и въ серединѣ его происходитъ сліяніе демократическаго радикализма и націонализма и затѣмъ распаденіе ихъ въ послѣднюю четверть вѣка, закончившееся борьбою и пораженіемъ націонализма. Возникшія въ началѣ вѣка соціалистическія идеи претерпѣваютъ пораженіе въ серединѣ его, а въ концѣ дѣлаютъ вновь быстрые успѣхи до привлеченія соціалистической партіи къ правительству“.

Въ Англіи политическая свобода и власть націи были законами политической жизни уже въ началѣ вѣка, но за демократизацію общества и нѣкоторое обузданіе своеволія привилегированныхъ корпорацій въ пользу центральнаго правительства велась все столѣтіе самая ожесточенная борьба. Политическая свобода и народовластіе практически существовали лишь для господствующихъ классовъ. Низшіе классы были безправны и угнетены. Удержать полноту власти за представителями націи, но въ націю включить весь народъ—такова была задача политической эволюціи Англіи въ XIX вѣкѣ. Втеченіе всего вѣка Англія быстро шла по пути къ установленію окончательнаго торжества демократіи и достигла бы этого, если бы въ средѣ самой партіи не произошелъ расколъ, очевидно, надолго ослабившій ее и создавшій къ концу вѣка

силу и значеніе старымъ, ранѣе побѣжденнымъ элементамъ. Эти элементы выдвинули вопросъ такъ называемаго англійскаго имперіализма, и, какъ ни странно, имперіализмъ значительную силу почерпнулъ въ той же демократіи. Но это недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что значительная часть англійской демократіи отличается крайней политической невоспитанностью, невѣжествомъ и предразсудками, для которой иноземцы представляются какъ враги или порочные люди, блескъ внѣшнихъ успѣховъ, громы славы и мечты о британскомъ всемогуществѣ и всемірномъ господствѣ предпочитаются внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ якобы совершенная англійская нація менѣе всего нуждается. Имперіализмъ овладѣлъ наибольшею частью англійскаго общества, и свободная аристократическая страна преобразовалась къ концу вѣка въ демократію съ могущественною плутократіей.

Мелкія государства, Бельгія, Голландія, Данія—въ началѣ вѣка были демократіи безъ политической свободы; Швейцарія, Швеція и Голландія обладали этой свободой при аристократическомъ строѣ. Послѣ многихъ пертурбацій втеченіе вѣка эти страны, къ концу его, расширили народовластіе, развили демократизацію и пользуются политической свободой, приближающейся у однихъ къ типу англійской, у другихъ—французской.

Если политическій строй Франціи и Англіи въ началѣ XIX вѣка можно резюмировать въ такихъ формулахъ: „демократизмъ безъ политической свободы"—въ первой и „политическая свобода безъ демократизма" — во второй, то къ остальной Европѣ приложима формула: „ни демократизма, ни политической свободы". Это все были абсолютныя монархіи, причемъ Германія и Италія не составляли даже объединенныхъ государствъ: они были раздроблены на множество народовъ, управлявшихся абсолютными монархами. Германія, несмотря на культурное величіе, не имѣла ни національнаго единства, ни политической свободы. Лишь длинною и тягостною эволюціей, въ теченіе цѣлаго вѣка, она достигла и того, и другого и пріобрѣла третье—демократію.

Если раздѣлить европейскую политическую исторію XIX вѣка на нѣсколько періодовъ, на которые къ тому же она дѣлится удобно, то развитіе Германіи до нѣкоторой степени обозначится, какъ равно—Италіи и Австріи.

Періодъ 1800—1815, первая французская гегемонія, окончательная демократизація, бюрократизація и централизація

Франціи, и распространеніе этихъ началъ вмѣстѣ съ успѣхами французскаго оружія.

Періодъ 1815—1830, реставрація, повсемѣстное стремленіе отречься отъ началъ предыдущаго періода, политическое главенство Россіи.

Періодъ 1830—1848, продолженіе политическаго главенства Россіи, образованіе оппозиціонной группы западныхъ либеральныхъ державъ, повсемѣстное оживленное политическое и литературное движеніе въ направленіи прогрессивныхъ идей.

Періодъ 1848—1856, продолженіе русской гегемоніи, борьба за нее и ея устраненіе, реакція прогрессивному движенію предыдущаго періода.

Періодъ 1856—1870, вторая французская гегемонія, быстрое распространеніе конституціонализма по всей Западной Европѣ, національное объединеніе Германіи, Италіи, Румыніи, возрожденіе національной политической жизни Венгріи, обширныя реформы, демократизовавшія Россію.

Періодъ 1870—1890, германская гегемонія, опирающаяся на тройственный союзъ и на изолированность Франціи и Россіи, крайнее преобладаніе національзма и реакція самымъ существеннымъ прогрессивнымъ пріобрѣтеніямъ предыдущаго періода, сопровождаемая порою ожесточенною политическою борьбою со стороны противниковъ новаго курса.

„Національзмъ, весьма незначительный въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка и захватившій подъ свое владычество могущественные слои всѣхъ цивилизованныхъ націй въ концѣ вѣка, обязанъ этимъ успѣхомъ преимущественно германской политической эволюціи и воцарился вмѣстѣ съ торжествомъ Германіи... Результатъ этой эволюціи за столѣтіе: демократизація, хотя менѣе полная, нежели въ Англіи и Франціи; политическая свобода, тоже менѣе полная; ограниченное народовластіе: и продолжающееся господство національзма. Отставая отъ Франціи и Англіи по первымъ тремъ пунктамъ, Германія далеко превосходитъ ихъ по четвертому".

Въ „Вѣстникѣ Европы" (февраль и мартъ), въ статьѣ „Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX в.", г. Евг. Тарле подробно останавливается на главныхъ событіяхъ, давшихъ особенное направленіе политической эволюціи европейскихъ народовъ, это—чартистское движеніе въ Англіи и февральская революція во Франціи, а затѣмъ примыкавшія

къ нимъ движенія конституціоналистовъ и сторонниковъ объединенія въ Германіи и націоналистовъ Венгріи, Италіи и Польши. Какъ въ X вѣкѣ охватило массы трепетное ожиданіе кончины вѣка, такъ въ теченіе всей первой половины XIX в. пульсъ общественной жизни былъ повышенъ чувствомъ увѣренности въ исчезновеніи существующаго и въ замѣнѣ его новымъ порядкомъ вещей. И чартистское движеніе и февральская революція были порожденіемъ совершенно новаго общественнаго элемента, вызваннаго въ XIX вѣкѣ къ политической жизни, именно—рабочаго сословія. На политической сценѣ въ первой половинѣ XIX в. господствовали и боролись за власть два сословія—аристократія и буржуазія, — причемъ за послѣдней во второй четверти вѣка оставался очевидный перевѣсъ, но пока не окончательное торжество. Для достиженія господства власти, буржуазіи было выгодно привлечь рабочее сословіе къ политической жизни, а послѣднее видѣло въ буржуазіи такого союзника, отъ котораго только и можно было ожидать содѣйствія въ улучшеніи положенія рабочихъ. Вся вторая четверть вѣка проходитъ въ игрѣ словами между двумя сторонами, старавшимися придти къ соглашенію или показывавшими видъ желаемости соглашенія. Въ Англіи эта игра кончилась раньше. Англійской буржуазіи удалось безъ содѣйствія рабочихъ достичь зенита своей власти. Въ 1832 году буржуазія добилась новой избирательной реформы, усилившей число избирателей въ полтора раза. Для виговъ этого было достаточно, и они сочли болѣе выгоднымъ оберегать существующій режимъ. На рѣчь Моллесварта, сторонника дальнѣйшей реформы—о необходимости допустить къ урнѣ и низшіе слои населенія,—членъ тогдашняго вигскаго кабинета (1837 г.) лордъ Джонъ Россель объявилъ, что реформы „никакой никогда“ не будетъ, что она окончена! Это заявленіе и было исходнымъ пунктомъ для чартистскаго движенія. Немедленно составилось „общество лондонскихъ рабочихъ“, которое и формулировало „народную хартію“ (people's charter); по ней стало называться все движеніе. Хартіей требовалось только одно—всеобщее избирательное право! А разрѣшеніе экономическихъ задачъ предполагалось, какъ естественное послѣдствіе разъ захваченной политической власти.

Движеніе приняло сразу бурный, небывалый и неслыханный съ давнихъ поръ въ Англіи характеръ. Митинги чартистовъ стали принимать огромные размѣры; толпы рабочихъ собирались при свѣтѣ факеловъ, пѣли бравурныя пѣсни

Произошла битва съ войсками. Не замедлилъ обнаружиться формальный разрывъ рабочаго сословія съ буржуазіей. Въ 1841 г. на выборахъ произошло любопытное соединеніе чартистовъ съ торіями. Торіи побѣдили, и рабочіе торжествовали свое отмщеніе вигамъ. Союзъ съ торіями, понятно, не привелъ ни къ какому благопріятному результату для рабочихъ. Петиція, покрытая 1.975.000 подписей, привезенная на колесницѣ къ парламенту, была оставлена имъ безъ послѣдствій. Энергія рабочаго сословія, истощенная продолжительной борьбой, изсякла, чартистское движеніе мало-по-малу уменьшалось и окончательно исчезло въ 1853 году.

То же происходило въ остальной Европѣ. Повсюду буржуазія побѣдила. Надежды же, лелѣянныя четверть вѣка четвертымъ сословіемъ и всѣмъ пролетаріатомъ и съ такимъ было успѣхомъ въ концѣ его осуществленныя, были разбиты по всѣмъ пунктамъ. Но, какъ ни велико было торжество буржуазіи, настроеніе ея оказалось менѣе повышено, менѣе твердо, чѣмъ оно было до побѣды. Размѣры борьбы даже и на побѣдителей произвели неизгладимое и пугающее впечатлѣніе. Англійская буржуазія сознала это раньше всѣхъ: обѣ господствующія въ этой странѣ партіи пошли на уступки вновь народившейся третьей—рабочему сословію. Вслѣдъ за Англіей сознала необходимость уступокъ и Германія, которая въ лицѣ Бисмарка доходила до попытки къ соглашенію даже съ однимъ изъ крайнихъ представителей четвертаго сословія — Лассалемъ; наконецъ, наполеоновская Франція принуждена была постоянно усыплять рабочихъ мелкими уступками или тѣшить обѣщаніемъ крупныхъ реформъ. Съ одной стороны, сознавая свою слабость для активной борьбы за пріобрѣтеніе правъ, съ другой—лелѣя себя надеждой на постепенное полученіе этихъ правъ отъ господствующей власти мирнымъ путемъ и по доброму ея почину, четвертое сословіе втеченіе всей второй половины столѣтія сдерживало свои революціонныя стремленія, которыя мало-по-малу стали исчезать изъ умственнаго и моральнаго обихода всего европейскаго общества. Въ отношеніи революціонизма XIX столѣтіе можно раздѣлить на двѣ части, совпадающія съ его половинами. *Первая половина характеризуется наростаніемъ революціонизма, вторая—паденіемъ его.* Даже при поверхностномъ обзорѣ историческихъ фактовъ нельзя не замѣтить, что не только коренныя, но и второстепенныя явленія соціальной и политической эволюціи тѣсно переплетались съ этимъ основнымъ, руководящимъ мотивомъ вѣка. **И. М.**

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Пророчицы временъ революціи.—Исторія пиротехники. — Король изъ республиканцевъ.

Время, предшествующее революціи, отмѣчено необычайнымъ влеченіемъ къ мистицизму, заразившему подъ различными формами всѣ классы общества. Члены высшаго свѣта искали разрѣшенія мучившихъ ихъ загадокъ у Сведенборга, Сенъ-Мартена или у маговъ Каліостро и Месмера, тогда какъ люди низшихъ сословій собирались вокругъ разныхъ пророчицъ вродѣ Сюзетты Лабруссъ или Катерины Тео *), предсказывавшихъ съ Евангеліемъ въ рукахъ близкую катастрофу, изъ которой человѣчество выйдетъ перерожденнымъ справедливостью и любовью. Какъ и во времена реформаціи, католичество не удовлетворяло искателей истины; философская пропаганда проникла всюду, даже въ самыя темныя головы. Хотя вѣра была еще по-прежнему велика, но довѣріе къ порочному духовенству, не въ мѣру злоупотреблявшему своей властью, было подорвано. Нападки на него энциклопедистовъ, горячіе призывы Руссо къ возвращенію въ первобытное состояніе,—все это не могло не смущать экзальтированные умы и волновать въ предчувствіи чего-то новаго, неизвѣстнаго.

Нѣкоторыя духовныя лица, какъ Фоше, Ламуретъ, Понтаръ, Донъ Жерлъ и друг., были также увлечены этимъ движеніемъ, мечтали о новой, философской религіи, очищенной отъ всякаго зла. Они читали Исаію и Езекіиля и ждали, что Божій гнѣвъ разразится скоро надъ новымъ Вавилономъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ настроеніи большинства каждый человѣкъ, обѣщавшій что-нибудь новое, какое-нибудь разрѣшеніе мучительныхъ вопросовъ, находилъ множество приверженцевъ. Успѣхъ Сюзетты Лабруссъ и Катерины Тео, предсказывавшихъ паденіе духовенства и воображавшихъ, что Богъ возложилъ на нихъ миссію возстановить Евангеліе, слѣдуетъ, конечно, отнести къ патологическимъ явленіямъ.

Однако, и для историка онѣ далеко не безъинтересны, такъ какъ эти фанатички были въ свое время очень популярны, и исторія ихъ жизни и дѣятельности бросаетъ яркій свѣтъ на умственное состояніе народныхъ массъ того времени.

*) Revue de Paris, 15 Avril, 1901.

Сюзетта Лабруссъ была первой пророчицей, получившей извѣстность въ народѣ. Дѣтство ея прошло въ непрерывномъ экстазѣ; ея главнымъ желаніемъ было увидѣть Бога. Гуляя по полямъ своей родины, она часто ложилась на спину и проводила такъ долгіе часы, устремивъ глаза въ небо, стараясь пронизать его своимъ взглядомъ и узрѣть Бога по ту сторону голубого свода. Съ молодыхъ лѣтъ она начала умерщвлять свою плоть, носила власяницу, спала на постели, усыпанной гвоздями, примѣшивала желчь къ своей пищѣ. Въ двадцать-два года она поступила въ монастырь, но тяжелая болѣзнь заставила ее вновь вернуться на родину, гдѣ уже распространилась слава о ея святости. Въ 1779 году Донъ Жерль навѣстилъ ее, и она разсказывала ему о своихъ видѣніяхъ. По ея словамъ, она слышала голоса, повелѣвавшіе ей исцѣлить раны церкви и унизить великихъ міра сего. Донъ Жерль, философъ и мистикъ, крайне впечатлительный, охотно слушалъ Сюзетту и вслѣдъ затѣмъ завязалъ съ нею продолжительную переписку. Скоро Сюзетта начала пророчествовать болѣе опредѣленно: она говорила о грядущихъ великихъ перемѣнахъ, о томъ, что „глава церкви не будетъ имѣть никакой свѣтской власти", что духовенство потеряетъ свои имущества, эту причину всѣхъ его пороковъ. Миръ возстановится между людьми и между націями. Разразившаяся революція, казалось, подтвердила ея пророчества, и популярность Сюзетты возросла до невѣроятныхъ размѣровъ. Донъ Жерль, сдѣлавшійся, какъ она предсказывала, депутатомъ въ учредительномъ собраніи, не постѣснялся даже говорить въ собраніи о сверхъестественныхъ милостяхъ, дарованныхъ пророчицѣ. Онъ доказывалъ, что гражданская конституція была дѣйствительно Божіимъ дѣломъ, такъ какъ бѣдная дѣвушка, вдохновленная свыше, предсказала ее за одиннадцать лѣтъ.

Ему не дали окончить, но онъ не смутился и черезъ нѣсколько дней опубликовалъ нѣчто вродѣ біографіи Сюзетты Лабруссъ. Въ этой брошюркѣ онъ говорилъ о томъ, что пророчица имѣла намѣреніе отправиться въ Римъ, съ цѣлью просвѣтить папу насчетъ Франціи, но прежде собиралась изложить свой планъ собранію конституціонныхъ епископовъ. Она дѣйствительно пріѣхала въ Парижъ. Фоше, Дебуа и другіе стали на ея сторону, но очень скоро покинули ее. Если вѣрить ея запискамъ, она завязала сношенія съ нѣкоторыми государственными людьми, съ Робеспьеромъ, который будто бы сказалъ ей: „Впослѣдствіи я долженъ буду возстановить то,

что стараюсь теперь разрушить,—религію, и вы мнѣ поможете въ этомъ". Въ 1792 г. Понтаръ основалъ „Пророческій журналъ", посвященный исключительно Сюзеттѣ Лабруссъ. Наконецъ, 19 февраля 1792 г. семь конституціонныхъ епископовъ собрались, чтобы рѣшить, должна ли Сюзетта ѣхать въ Римъ просвѣщать святѣйшаго отца, и большинствомъ (противъ одного голоса) проектъ былъ одобренъ. Сюзетта отправилась въ Римъ весною 1792 г., проповѣдуя по пути въ церквахъ и клубахъ. Вѣрующіе устраивали ей вездѣ торжественныя встрѣчи. Несчастная дѣвушка пріѣхала въ Болонью въ концѣ года. Папскіе легаты объявили ее сумасшедшею и заперли въ замокъ Святого Ангела, изъ котораго она была въ 1798 г. освобождена французскими войсками. Сюзетта возвратилась во Францію во время консульства и умерла въ 1821 г., оставивъ свои бумаги Понтару, котораго сдѣлала своимъ душеприказчикомъ.

Неудача миссіи Сюзетты Лабруссъ не отняла надежду на божественное вмѣшательство у мистиковъ конституціоннаго духовенства и главнымъ образомъ у Донъ Жерля. Въ началѣ 1792 г. онъ познакомился съ другой пророчицей, получившей въ свою очередь широкую извѣстность. Гораздо менѣе образованная, чѣмъ Сюзетта Лабруссъ (она умѣла только читать, но не умѣла писать), и болѣе низкаго происхожденія, Катерина Тео пророчествовала втеченіе двадцати лѣтъ. Въ очень молодыхъ годахъ она пріѣхала въ Парижъ и поступила служанкой въ женскій монастырь, гдѣ ежедневно причащалась. „Впродолженіе восемнадцати лѣтъ, говорила она, я ни разу не пропустила ранней обѣдни, какъ зимой, такъ и лѣтомъ".

Она носила власяницу, желѣзный кушакъ, усаженный гвоздями, такіе же браслеты на ногахъ и на рукахъ и цѣлыми часами лежала, распростертая на землѣ, со скрещенными руками. Невъ мѣру аскетическій образъ жизни помутилъ ея разумъ.

Зачитываясь описаніемъ житія святой Терезы и святой Катерины Сіенской, она вообразила себя тоже избранной невѣстой Христа, непорочной дѣвой, назначенной отъ Бога принять младенца Іисуса, который сойдетъ на землю на рукахъ ангеловъ и возстановитъ миръ на землѣ. Съ этого момента она перестала причащаться и возненавидѣла всѣхъ священниковъ. Вскорѣ вокругъ нея собралось множество приверженцевъ, устраивались собранія, на которыхъ нѣкто Михаилъ Гастенъ писалъ подъ ея диктовку. Однажды она велѣла написать посланія нѣсколькимъ парижскимъ священникамъ, воз-

вѣщая имъ скорое пришествіе Мессіи, громила ихъ пороки и увѣщевала обратиться на путь истины. Но парижскій архіепископъ Христофоръ де-Бомонъ зорко слѣдилъ за пророчицей, и въ декабрѣ 1779 г. она была схвачена и посажена въ Бастилію, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ приверженцевъ, оттуда переведена въ больницу и выпущена только въ 1782 г., когда ее признали болѣе или менѣе нормальной. Революція произвела на нее сильное впечатлѣніе и возвратила къ прежнимъ грезамъ. Въ революціи она видѣла доказательство своихъ пророчествъ и съ новой энергіей принялась за прежнюю дѣятельность.

Катерина Тео возобновила свои собранія въ домѣ вдовы Годфруа, съ которой она жила. Прокуроръ коммуны Шаметтъ, будущій апостолъ культа Разума, обратилъ вниманіе на эти собранія. По его приказанію, у нея былъ сдѣланъ обыскъ и найдена цѣлая кипа бумагъ, по большей части ея пророческихъ изрѣченій, записанныхъ Гастеномъ. Шаметтъ пожелалъ ближе ознакомиться съ этой новой религіей. Въ мартѣ 1793 г. Гастенъ явился къ нему по его приглашенію и преподнесъ ему „Изложеніе чувствъ и религіи гражданки Катерины Тео“, а спустя нѣкоторое время еще объясненія Апокалипсиса, подъ заглавіемъ *De Bestia*. При чтеніи этихъ записокъ нетрудно перенестись къ среднимъ вѣкамъ. „Господь вознаградилъ Катерину Тео за ея долгое и усердное служеніе ему, избравъ ее своей дочерью, дѣвой, которая зачнетъ Слово Божіе, чтобы просвѣтить людей. Царство Божіе близко. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только правильно толковать священное писаніе. Все, о чемъ тамъ говорится, никогда не существовало, все это есть только „прообразъ того, что еще придетъ“. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ Бытія сказано, что въ началѣ Богъ создалъ человѣка по своему образу и подобію, а я говорю вамъ, что вы еще находитесь въ необработанномъ видѣ съ вашей порочной природой, но Господь завершитъ свой трудъ въ концѣ шестого дня—это время, въ которое мы живемъ (тысяча лѣтъ равняется одному дню въ глазахъ Господа)— и человѣкъ выйдетъ изъ-подъ его руки такимъ прекраснымъ и совершеннымъ, какъ тѣлесно, такъ и духовно, какимъ ему назначено быть“. Далѣе она развиваетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: „Прошедшее есть только прообразъ будущаго. Никогда въ дѣйствительности не существовало ни Моисея, ни Соломона, ни Дѣвы Маріи, ни Спасителя, ни царствія Божія. Но все это будетъ въ свое время и всѣ они будутъ жить на землѣ. Матерь

Божія уже явилась: это сама Катерина Тео. Спаситель тоже скоро появится. Онъ разрушитъ все существующее зло и возстановитъ рай на землѣ".

Авторъ не безосновательно предполагаетъ, что Донъ Жерль имѣлъ не малое вліяніе на развитіе религіозной доктрины Катерины Тео. Это доказывается тѣмъ, что въ его бумагахъ нашли послѣ ареста рукописи, чрезвычайно схожія по содержанію съ записками, переданными Гастеномъ Шаметту.

Мало-по-малу собранія „матери Божіей",—такъ она сама называла себя,—приняли литургическій характеръ. Она предсѣдательствовала, сидя на высокомъ креслѣ. Около нея садился Донъ Жерль, чрезвычайно аккуратно посѣщавшій эти собранія. Вѣрующіе размѣщались на стульяхъ въ глубинѣ залы. Вдова Годфруа, стоя недалеко отъ матери, исполняла роль *просвѣтительницы*, т. е. читала вслухъ Апокалипсисъ и Евангеліе и просвѣщала собраніе на счетъ ихъ дѣйствительнаго значенія. Другая женщина пѣла гимны въ различные моменты службы. Донъ Жерль также отъ времени до времени говорилъ подходящую проповѣдь. Новые послѣдователи принимались въ собраніе послѣ своеобразной церемоніи посвященія: новообращенный становился на колѣна передъ матерью Божіей, просвѣтительница брала его за голову и говорила: „братъ мой, вы получите сейчасъ семь печатей Божьяго свѣта". Мать давала ему семь поцѣлуевъ въ лицо: сперва въ лобъ, затѣмъ въ лѣвую щеку, въ оба глаза, дважды въ подбородокъ и сзади праваго уха. Потомъ чертила крестъ на лбу. Посвященный повторялъ тѣ же знаки на лицѣ матери и церемонія заканчивалась двукратнымъ поцѣлуемъ въ губы.

Судя по различнымъ источникамъ, у Катерины Тео было порядочное количество послѣдователей, мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Но на ея собраніяхъ не занимались политикой и, читая протоколъ ареста, трудно усмотрѣть въ ихъ разговорахъ какой-нибудь намекъ на заговоръ противъ республики.

Дѣло Катерины Тео было вызвано враждою двухъ комитетовъ общественнаго благополучія и общественной безопасности, борьбою Робеспьера съ его врагами, окончившейся 9 термидоромъ.

Робеспьеръ былъ христіаниномъ въ душѣ. Онъ энергично выступилъ противъ похода гебертистовъ на христіанство. Онъ вотировалъ декретъ 18 фримера II года, воспрещавшій „всякія насилія и мѣры, противныя свободѣ вѣроисповѣданій".

Хотя члены комитета общественной безопасности были ярыми противниками гебертистовъ, потому что боялись диктатуры парижской коммуны, но они держались приблизительно одинаковой съ ними религіозной программы. Они помогли Робеспьеру разбить гебертистовъ, но имъ не нравилось его попустительство христіанству.

Законъ 18 фримера, поддерживавшій легальное существованіе католицизма, былъ для нихъ ненавистнымъ препятствіемъ. Республика, казалось имъ, несовмѣстима съ католичествомъ, а потому они хотѣли во что бы то ни стало уничтожить его, отнявъ у него его легальную поддержку. Робеспьеръ, а съ нимъ и новая парижская коммуна, составленная изъ его приверженцевъ, боялся вызвать возстаніе, выступивъ противъ свободы вѣроисповѣданій. Онъ тоже находилъ, что католичество отжило свой вѣкъ. Вотъ почему онъ старался замѣнить его новой религіей деистской и національной, культомъ Высшаго Существа; но онъ не хотѣлъ вводить ее силой. Ему было достаточно установить эту религію, какъ конкурренцію католичеству. Крайнимъ противникамъ христіанства эта система Робеспьера казалась чѣмъ-то вродѣ измѣны, его деизмъ представлялся имъ все тѣмъ же католичествомъ въ слегка измѣненной формѣ; послѣ закона 22 прерьяля они стали подозрѣвать въ немъ тайные замыслы на диктатуру.

Таково было состояніе умовъ въ правительствующихъ комитетахъ въ концѣ жерминаля II года. Противники христіанства измышляли способъ испросить уничтоженіе закона 18 фримера, утверждавшаго легальное существованіе католичества.

Чтобы побудить конвентъ къ новымъ анти-религіознымъ мѣрамъ, необходимо было показать, что республикѣ угрожала опасность отъ священниковъ и нуженъ былъ ясный примѣръ, указывающій на необходимость уничтожить фанатизмъ съ его корнемъ. Собранія у Катерины Тео были, казалось, подходящимъ предлогомъ, и комитетъ общественной безопасности учредилъ надъ ними тайный надзоръ съ начала флореаля. Донъ Жерль говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что онъ дѣйствительно сталъ замѣчать около этого времени появленіе многихъ подозрительныхъ личностей, которыя и были, вѣроятно, подосланы комитетомъ.

По словамъ Донъ Жерля, агенты комитета общественной безопасности старались скомпрометировать Робеспьера съ Катериной Тео, выставить ихъ единомышленниками и сообщниками. Подозрительныя личности, являвшіяся на собра-

нія «матери Божіей», расточая похвалы Донъ Жерлю, уговаривали его отправиться къ Робеспьеру и просвѣтить его, направить на путь истины (онъ, однако, не пошелъ), они же, вѣроятно, побудили Катерину написать Робеспьеру письмо (найденное у нея подъ матрасомъ въ день ея ареста), въ которомъ она называетъ его своимъ „первымъ пророкомъ", „дорогимъ министромъ" и поздравляетъ его съ почестями, которыя онъ воздастъ Высшему Существу, ея сыну.

Едва ли Робеспьеръ зналъ что-нибудь объ этой мистической сектѣ и вообще было чрезвычайно нелѣпо подозрѣвать его въ сообщничествѣ съ нею. Всѣ его отношенія къ Донъ Жерлю за послѣдніе годы ограничивались двумя визитами этого послѣдняго, желавшаго получить отъ него свидѣтельство о политической благонадежности, нужное ему для какихъ-то финансовыхъ дѣлъ. Робеспьеръ выдалъ свидѣтельство на основаніи своего знакомства съ Донъ Жерлемъ какъ со своимъ коллегою по учредительному собранію. Оба раза они разговаривали въ присутствіи постороннихъ лицъ. Но этого было достаточно членамъ комитета общественной безопасности, чтобы скомпрометировать изобрѣтателя религіи Высшаго Существа и выставить его въ смѣшномъ видѣ.

28 флореаля II года Катерина Тео и ея сообщники были арестованы и, чтобы придать дѣлу видъ политическаго заговора, арестовали также бывшаго доктора Орлеанскаго дома Кевремонъ-Ламата, жившаго въ одномъ домѣ съ Донъ Жерлемъ, маркизу Шатенуа, у которой нашли нѣсколько книгъ о магіи и колдовствѣ, и племянника Катерины Тео, бывшаго священника. Надъ ними нарядили слѣдствіе и дѣло уже было назначено къ слушанію, но друзья Робеспьера предупредили его объ этомъ. Робеспьеръ понялъ, что огласка дѣла нанесла бы ему непоправимый ударъ, и употребилъ всю свою власть, чтобы помѣшать этому.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ и спасли Катерину Тео и ея приверженцевъ отъ угрожавшей имъ казни. Всѣ они были одинъ за другимъ выпущены на волю, и сама пророчица была бы возвращена ея ученикамъ, но она, не дождавшись свободы, умерла въ мѣсяцѣ жерминалѣ. Донъ Жерль вылечился отъ своего мистицизма и болѣе не заставлялъ о себѣ говорить.

Съ Катериной Тео исчезъ христіанскій мистицизмъ революціонной эпохи.

Въ апрѣльскомъ нумерѣ „Lecture pour tous" *) помѣщенъ интересный очеркъ пиротехническаго искусства въ его историческомъ развитіи.

Во всѣ времена огонь производилъ чарующее впечатлѣніе на человѣческое воображеніе. Сначала люди трепетали передъ этой страшной и величественной стихіей, дразнившей ихъ своими неуловимыми блестящими языками. Но вскорѣ они научились управлять имъ и тотчасъ же стали придумывать способы извлекать изъ него пользу, а вслѣдъ затѣмъ превратили и въ средство забавы. Искусство явилось на помощь и фейерверки входили уже въ число народныхъ развлеченій въ римскихъ амфитеатрахъ, какъ это видно изъ одного отрывка сочиненій поэта Клавдіана, гдѣ онъ разсказываетъ о движущихся зданіяхъ, по которымъ бѣгали огненные шары, взбирались на башни и покрывали и открывали ихъ по данному знаку. Какимъ образомъ получались эти движущіеся огни, о которыхъ говорятъ также еще два другіе автора?—разумѣется, посредствомъ химическихъ соединеній, основаніемъ которыхъ служили сѣра, селитра и смола. Тотъ же рецептъ служилъ, вѣроятно, знаменитому греческому огню, появившемуся въ среднихъ вѣкахъ, который пускали во время сраженій для устрашенія непріятельскихъ войскъ. Онъ происходилъ изъ Византіи и о составѣ его знали только нѣсколько посвященныхъ; по словамъ современниковъ, это былъ адскій огонь, пускавшійся изъ трубочекъ, спрятанныхъ въ пасти драконовъ, сдѣланныхъ изъ позолоченаго дерева. „Хвостъ, волочившійся за нимъ, пишетъ Жуэнвиль, былъ такъ великъ, какъ большое лезвіе; онъ былъ похожъ на небесную молнію". Далѣе онъ продолжаетъ: „однажды лошадь короля (Людовика Святого) вся была покрыта имъ; казалось, что звѣзды попадали съ неба". Это были простыя ракеты и ничего болѣе. Смѣшно подумать, что фейерверкъ служилъ нѣкогда военнымъ оружіемъ и служилъ очень успѣшно, такъ какъ наводилъ паническій страхъ на невѣжественныхъ солдатъ. Всѣ считали его изобрѣтеніемъ сатаны.

Точно также подъ видомъ ракетъ и шутихъ порохъ впервые сталъ извѣстенъ въ Европѣ. Но вскорѣ люди открыли его ужасныя свойства и сдѣлали изъ него орудіе смерти; съ этого же времени начинается настоящее развитіе пиротехническаго искусства, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь.

Этотъ новый родъ развлеченія былъ принятъ всѣми съ

*) Lecture pour tous, Avril, 1901.

восторгомъ и сдѣлался обязательнымъ при большихъ общественныхъ праздникахъ. Фейерверкъ обставлялся въ то время какъ настоящій спектакль, къ которому приготовлялись задолго до представленія; въ немъ принимали участіе многочисленные актеры и фиганты. Въ 1612 г. 24 августа въ день праздника короля (Людовика XIII) былъ устроенъ великолѣпный фейерверкъ, расположенный на нѣсколькихъ островкахъ; онъ изображалъ большой замокъ, бомбардируемый разставленными кругомъ маленькими крѣпостями, — настоящее артиллерійское сраженіе, украшенное безконечнымъ количествомъ ракетъ и шутихъ.

Пиротехника, какъ и всякое другое искусство, примѣнялась ко вкусамъ каждой эпохи. Такъ, въ царствованіе Людовика XIV фейерверкъ отличается величіемъ и пышностью, свойственными этому времени. Въ день открытія статуи, воздвигнутой монарху городомъ Парижемъ, фейерверкъ изображалъ „храмъ чести"; четыре статуи, олицетворявшія благоговѣніе, вѣрность, уваженіе и благодарность, эмблема чувствъ народа къ монарху, помѣщались въ центрѣ; онѣ поддерживали пятую статую, изображавшую самого Людовика XIV, которая послѣ сожженія осталась одна стоять непоколебимо.

Когда 19 іюля 1660 г. король вѣнчался съ Маріей-Терезой Австрійской, инфантой испанской, фейерверкъ, пущенный на Сенѣ, былъ расположенъ на кораблѣ, изображавшемъ знаменитое судно Аргонавтовъ, отправляющееся съ Язономъ за золотымъ руномъ, намекъ на золотое руно Испаніи, которое король получилъ за Маріей-Терезой. Когда у нихъ родился сынъ, великій дофинъ, то во время празднествъ по всему небу летали маленькіе, свѣтящіеся дельфины, „которые, по словамъ газеты того времени, своимъ блескомъ и трескомъ олицетворяли торжество въ честь новорожденнаго и извѣщали небо о земной радости".

Въ XVIII вѣкѣ вкусъ къ фейерверкамъ доходитъ чуть не до сумасшествія. Они устраиваются всюду, начиная съ домовъ знатныхъ вельможъ и кончая мелкими буржуа; даже въ религіозныхъ обществахъ и монастыряхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вкусъ становится утонченнѣе: отъ фейерверка требуется художественность; изъ Италіи пріѣзжаютъ во Францію знаменитые братья Руджіери и показываютъ новыя чудеса пиротехники. Въ великолѣпномъ Версалѣ, въ присутствіи короля и королевы и массы гостей, устраиваются на Латонскомъ бассейнѣ настоящія волшебныя представленія. Выстрѣлъ

восьмисотъ бомбъ извѣщаетъ о началѣ спектакля. Появляется Вулканъ, окруженный циклопами, и располагается въ своей кузницѣ: они мѣрно бьютъ по наковальнѣ и вызываютъ снопы искръ, разсыпающихся въ видѣ дождя звѣздъ. Вдругъ раздается нѣжная мелодія и съ неба спускается Венера на колесницѣ, окруженной блестящимъ облакомъ; ее сопровождаютъ Амуръ и Граціи. Затѣмъ появляется Марсъ; и въ то время, когда Вулканъ отвертывается къ своей кузницѣ, Амуръ пускаетъ стрѣлу въ бога войны, который тотчасъ же бросается на колѣни передъ Венерой. Повернувшись и увидавъ эту сцену, Вулканъ разражается гнѣвомъ, а Венера въ испугѣ улетаетъ со своей свитой. Соперники сражаются, и Вулканъ скоро ослабѣваетъ; тогда циклопы бѣгутъ къ нему на помощь и своими огромными мѣхами раздуваютъ огонь, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ Марса. Затѣмъ всюду разрываются бомбы, и фигуранты исчезаютъ во всеобщемъ пожарѣ.

Однако, эти забавы были далеко не всегда безопасны. Такъ, напримѣръ, 16 мая 1770 г. въ день бракосочетанія дофина. впослѣдствіи Людовика XVI, съ Маріей-Антуанеттой, фейерверкъ произвелъ ужасную катастрофу: произошелъ сильнѣйшій' взрывъ, причинившій массу смертей и увѣчій. Это было принято за дурное предзнаменованіе; и въ самомъ дѣлѣ, двадцать лѣтъ спустя, на этомъ самомъ мѣстѣ была поставлена гильотина.

За время революціи фейерверки вышли изъ употребленія, но, какъ только была провозглашена имперія, они снова получили широкое примѣненіе. Особенно блестящія представленія были даны въ день бракосочетанія Наполеона съ Маріей-Луизой и въ день рожденія сына ихъ, римскаго короля.

Во время Реставраціи фейерверки также были въ ходу, но затѣмъ мало-по-малу изъ искусства пиротехника превратилась въ обыкновенное ремесло, и въ наше время она не обнаруживаетъ того разнообразія и той художественности, какъ въ былое время.

Жанъ Батистъ Жюль Бернадоттъ, сынъ адвоката изъ Пау, родился въ 1763 г., во время революціи 1789 г. былъ сержантъ-майоромъ, въ 1794 г. произведенъ въ дивизіонные генералы. Посланный въ 1797 году съ подкрѣпленіемъ въ Италію, онъ взялъ Градиску и вошелъ въ особенное довѣріе

къ Наполеону I-му. Въ 1798 г. Бернадоттъ сталъ родственникомъ Наполеона, женившись на Евгеніи Клари, свояченицѣ Жозефа Бонапарта, а въ 1804 г. получилъ маршальское достоинство и орденъ почетнаго легіона. Въ 1809 г. маршалъ навлекъ на себя неудовольствіе императора. Въ 1810 г., 21 августа, настроенная въ пользу французовъ шведская партія, желая пріобрѣсти милость французскаго императора и съ его помощью возвратить себѣ Финляндію, выбрала Бернадотта кронпринцемъ. 19 октября онъ пріѣхалъ въ Гельсингеръ, принялъ тамъ лютеранскую религію, 5-го ноября былъ усыновленъ Карломъ XIII, подъ именемъ Карла-Іоганна, и принималъ присягу, какъ кронпринцъ и наслѣдникъ престола. Съ этого времени Бернадоттъ сталъ принимать участіе въ дѣлахъ Швеціи.

Въ 1818 г., послѣ смерти Карла XIII, бывшій французскій маршалъ сдѣлался королемъ Швеціи подъ именемъ Карла XIV. Онъ держался мирной политики, заслужилъ всеобщую любовь народа и умеръ въ 1844 г. 81 года отъ роду.

Съ 1815 г. по 1844 г. Бернадоттъ, королевскій принцъ и король Швеціи, жилъ подъ двойнымъ гнетомъ своихъ государственныхъ обязанностей и своихъ воспоминаній республиканскаго солдата и маршала Имперіи. Французъ по рожденію, сражавшійся на своемъ вѣку подъ различными знаменами и ставшій на склонѣ жизни королемъ Швеціи, Бернадоттъ до конца чувствовалъ себя нѣсколько выбитымъ изъ колеи. Признанный въ своихъ правахъ, но едва терпимый другими правительствами, подозрительный во Франціи, по различнымъ мотивамъ, и роялистамъ, и либераламъ, и бонапартистамъ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, забытымъ и почти плѣнникомъ въ своемъ новомъ отечествѣ.

Хотя Бернадоттъ и называлъ себя шведомъ, но менѣе всего былъ таковымъ въ жизни. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ окончательно отказался отъ изученія языка своего народа. Нетрудно понять и извинить такое рѣшеніе съ его стороны: нелегко на старости приниматься за грамматику. Его несчастная идея прочитать тронную рѣчь въ 1812 г., не понимая ее, по спеціально приготовленной рукописи, произвела такое впечатлѣніе на его аудиторію, что онъ уже никогда болѣе не возобновлялъ подобной попытки: съ той поры онъ безмолвно присутствовалъ при открытіи законодательныхъ собраній, въ костюмѣ средневѣковаго государя, на серебряномъ тронѣ и въ готической коронѣ, давая

цѣловать ту самую руку, которую нѣкогда поднималъ для клятвы въ вѣчной ненависти королевской власти. Въ королевскомъ дворцѣ, въ Стокгольмѣ или въ своей лѣтней резиденціи въ Розендалѣ, Карлъ XIV былъ недоступенъ большинству своихъ подданныхъ. Онъ вставалъ очень поздно и въ постели выслушивалъ рапорты, диктовалъ письма, приготовлялся къ аудіенціямъ, придумывая разныя эффектныя фразы; затѣмъ, онъ принимался за частную корреспонденцію со своими личными агентами. До конца жизни онъ боялся, что сынъ его будетъ лишенъ королевскаго наслѣдства, и хотѣлъ оставить ему по крайней мѣрѣ капиталъ въ нѣсколько милліоновъ.

Вечера король проводилъ въ безконечныхъ разговорахъ, особенно съ иностранными дипломатами, хорошо знавшими его родной языкъ. Онъ любилъ разговаривать объ общественныхъ дѣлахъ Европы и особенно о Франціи, по которой никогда не переставалъ грустить. Преемникъ Эриковъ и Густавовъ, Карлъ XIV въ глубинѣ души навсегда остался французомъ.

Бернадоттъ узналъ, что Бурбоны не могли простить ему его поведеніе въ 1814 г., плохо замаскированный отказъ служить имъ и попытку лишить ихъ власти. Людовикъ XVIII надѣялся выхлопотать у Вѣнскаго конгресса возстановленіе въ Стокгольмѣ династіи Вазы и въ Неаполѣ династіи Бурбоновъ. Эта мысль не была, однако, одобрена его представителями и у него хватило такта отказаться отъ нея. Тѣмъ не менѣе, слухъ о замыслѣ Людовика дошелъ до Бернадотта и далъ ему поводъ сказать знаменитую фразу, въ свою очередь дошедшую до Парижа: „Если ужъ такъ много жертвовать праву рожденія, то вмѣсто потомка Гуго Капета слѣдовало бы провозгласить королемъ г. Монтескье, который ведетъ свое происхожденіе отъ Хлодвига“. Свойственная южанамъ страсть къ хвастовству навсегда сохранила надъ нимъ свои права, до такой степени, что однажды онъ даже не постѣснялся сказать: „Если бы какія-нибудь соображенія побудили Швецію сохранить нѣкоторую привязанность къ Франціи, то это объяснялось бы только благодарностью за подарокъ, который Франція въ моемъ видѣ сдѣлала ей“.

О Наполеонѣ, котораго Карлъ XIV считалъ почти своимъ врагомъ и соперникомъ по популярности, онъ отзывался различно, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы Бернадоттъ называлъ его первымъ полководцемъ въ мірѣ, величайшимъ человѣкомъ, превосхо-

дящимъ Аннибала, Цезаря и Моисея; послѣ битвы при Ватерлоо, побѣжденный императоръ сдѣлался въ его устахъ бездарнымъ генераломъ, заслужившимъ свое паденіе. Франціи онъ пожелалъ тогда возстановленія республики; до того онъ боялся возвращенія Бурбоновъ. Пока Наполеонъ былъ живъ, Карлъ XIV ни разу не пробовалъ ходатайствовать за него передъ европейскими кабинетами; вспоминая о своемъ великомъ врагѣ и желая чѣмъ-нибудь утѣшить свою тайную зависть, онъ старался увѣрить себя въ томъ, что превосходитъ Бонапарта умѣренностью и благоразуміемъ: „сколько несчастій избѣгнулъ бы онъ, если бы слушался меня!“ 5-го мая 1821 г. Карлъ XIV, какъ бы вдохновленный пророческимъ сномъ, объявилъ, что императоръ только что умеръ; дѣйствительно черезъ нѣсколько недѣль, отправляясь въ совѣтъ, онъ получилъ извѣстіе о смерти Наполеона и сказалъ при этомъ такое надгробное слово: „Наполеонъ не былъ побѣжденъ людьми... онъ былъ больше насъ всѣхъ. Но Богъ наказалъ его за то, что онъ разсчитывалъ только на самого себя, на свой умъ, а такъ какъ все истощается, то и этотъ необыкновенный умъ истощился, слишкомъ себя насилуя. Только доброта души и чистота сердца никогда не истощаются“.

Восшествіе на престолъ Карла X снова поставило Бернадотта въ дурное положеніе относительно французскаго правительства. Роялистская партія опять забрала въ руки власть, начиналась настоящая реставрація. Въ Тюильери на Бернадотта смотрѣли какъ на временнаго короля и ждали только случая окончить прерванное дѣло въ Швеціи, какъ и въ остальной Европѣ. Но въ самой Швеціи никто и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ, такъ что Карлу XIV было очень легко удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ постарался ослабить эти интриги, разсыпаясь въ любезностяхъ передъ французскимъ королемъ. „Передайте его величеству, сказалъ онъ министру Франціи, что я не забылъ, что родился французомъ и главное, что я былъ его подданнымъ“.

Въ 1828 г. онъ выразился однажды такъ: „Если бы трону Бурбоновъ угрожала опасность, я оставилъ бы моему сыну корону, къ которой я его приготовилъ, и, взявъ шпагу, полетѣлъ бы защищать короля Франціи!“

Два года спустя этотъ тронъ рушился, но Карлъ XIV и не подумалъ бросать свою корону и мѣнять ее на шпагу.

Революція 1830 г. произвела на него сильное впечатлѣніе. Съ новымъ королемъ Людовикомъ-Филиппомъ онъ былъ въ

довольно хорошихъ отношеніяхъ. Въ это царствованіе въ Парижѣ появилось множество водевилей на короля Швеціи, очень прозрачныхъ и оскорбительныхъ, и Карлъ XIV до такой степени выходилъ изъ себя, что однажды даже сказалъ такую необдуманную фразу: „Франція забыла о моихъ благодѣяніяхъ; она забыла также, что я могу отомстить, и я отомщу". Какъ ни старались утѣшить его и доказать ему, что въ этихъ пьесахъ не было ничего оскорбительнаго, ничто не помогало. Наконецъ, французское правительство обѣщало запретить эти нападки на его королевское величество, и Карлъ XIV мало-по-малу успокоился.

Бернадоттъ умеръ 3-го марта 1844 г., болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Когда во время его болѣзни ему подали письмо Людовика-Филиппа, онъ сказалъ: „Есть еще одинъ французъ, который интересуется мною и который понимаетъ, что я былъ побѣжденъ обстоятельствами".

Новыя книги.

Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ общей редакціей *М. М. Филиппова.* Съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ и пр. Спб. 1901. Изданіе П. П. Сойкина.

Заглавіе книги не совсѣмъ точно: уже подзаглавіе значительно суживаетъ тему, ограничивая ее обзоромъ только науки, техники и политическихъ событій; кромѣ того, на самомъ дѣлѣ въ книгѣ данъ не обзоръ „науки" вообще, а только естественныхъ наукъ, наукъ о природѣ организованной (ботаника, зоологія) и неорганизованной (физика, химія, астрономія, геологія). Изъ 11 главъ книги 7 посвящено естественнымъ наукамъ и техникѣ. Остальныя 4 статьи носятъ заглавія: „Успѣхи отдѣльныхъ цивилизацій", „Изъ исторіи умственныхъ и соціальныхъ теченій въ XIX вѣкѣ", „Обзоръ политическихъ событій" и „Подвиги археологіи". За исключеніемъ послѣдней, принадлежащей г. Ольгерду Вильчинскому, остальныя 3 статьи переводныя съ нѣмецкаго; это нигдѣ не оговорено (предисловія къ книгѣ и вовсе нѣтъ), но сразу бросается въ глаза самому невнимательному читателю; переводъ отличается точностью, отнюдь, однако, не похвальной, такъ какъ переведены

буквально, безъ исправленій и безъ оговорокъ, и тѣ мѣста, гдѣ нѣмецкій оригиналъ впадаетъ въ фактическія ошибки, гдѣ высказываются специфически-нѣмецкіе, вовсе неосновательные взгляды на Россію, южныхъ Славянъ и пр. „Мы", „нашъ" обозначаетъ „нѣмцевъ" и „нѣмецкій" (сс. 308, 309), годъ взятія Казани данъ невѣрный (с. 187), оренбургскіе казаки причислены къ инородцамъ (с. 187), расширеніе нашихъ владѣній въ Азіи приписано „полудикимъ казацкимъ ордамъ" (с. 186), покореніе Кавказа—панславистамъ (с. 424); на с. 181 читаемъ цѣлую тираду въ оправданіе возстанія сербовъ противъ турокъ, какъ будто кто-нибудь сомнѣвался въ его законности и т. д. Списокъ этотъ можно продолжать до безконечности.

Подъ названіемъ „Изъ исторіи умственныхъ и соціальныхъ теченій въ XIX вѣкѣ" намъ даютъ очеркъ литературно-философскихъ направленій въ Германіи (и только въ ней одной!) конца XVIII и первой половины XIX вѣка, а именно просвѣщенія, классицизма, романтизма и шеллингіанства. Въ началѣ очерка авторъ говоритъ: „Передъ нами широкое волнующееся море, и много надо мужества, чтобъ переплыть его". „Море" это, положимъ, не такъ ужъ „широко", а всего въ 51 страницу, но переплыть его—дѣйствительно надо много мужества, на которое способенъ только журнальный рецензентъ; плаваніе это мы повторять не собираемся, да и другимъ не совѣтуемъ, а любопытнымъ сообщимъ, что „море" состоитъ изъ сухой воды (вещь невозможная только съ точки зрѣнія физики, но не литературы) и изобилуетъ перлами. Вотъ одинъ: на с. 311 авторъ выражаетъ готовность раздѣлить жизнь Германіи въ XIX вѣкѣ на эпохи Гете, Гейне, Фридриха-Вильгельма IV, Бисмарка, Бебеля и Ницше и еще спрашиваетъ: „характерно, не правда ли?" Да, и еще какъ! Это все равно, что русскую исторію XIX вѣка раздѣлить на эпохи Пушкина, г. Скальковскаго, Александра II, Аракчеева, Герцена и Владиміра Соловьева.

Еще менѣе понятенъ выборъ для перевода статьи „Успѣхи отдѣльныхъ цивилизацій". Хотя подъ статьей читается подпись профессора Филипсона (одинъ изъ составителей одной изъ многотомныхъ „Allgemeine Geschichte"), но составлена она, очевидно, какимъ-то грубымъ, кровожаднымъ и невѣжественнымъ нѣмецкимъ фельдфебелемъ. Съ высоты своего нѣмецкаго величія авторъ всѣ низшія расы приговариваетъ къ истребленію: на с. 197 восхваляется истребленіе англичанами

американскихъ и австралійскихъ туземцевъ; на с. 208 Бразиліи рекомендуется поступить такъ же со своими уцѣлѣвшими дикарями; на с. 211 низкій уровень культуры въ Южной Америкѣ объясняется тѣмъ, что въ свое время туземцы не были истреблены, а смѣшались съ бѣлыми, а этнологія установила „неопровержимую истину" (с. 208), что метисы всегда ближе къ худшей изъ смѣшавшихся расъ. Далѣе (с. 210) сообщается (тоже, вѣроятно, въ качествѣ неопровержимой истины), что чистокровные бѣлые въ Южной Америкѣ вымираютъ, подъ вліяніемъ климата и... отпаденія Южной Америки отъ Испаніи, послѣ котораго бѣлые перестали получать подкрѣпленіе изъ Европы. Все это, конечно, не стоитъ и опроверженія: кто не знаетъ, какъ сильна теперь европейская эмиграція въ Южную Америку? кто доказалъ, что бѣлые тамъ вымираютъ? какія это „неопровержимыя истины" въ такой „наукѣ", какъ этнологія, если даже и признать ее наукой?

Впрочемъ, ко взглядамъ автора не слѣдуетъ относиться серьезно; вотъ примѣръ: на стр. 178 мы читаемъ сперва, что главное препятствіе для цивилизаціи турокъ — ихъ религія; далѣе,—что арабамъ мы обязаны всей нашей культурой и наукой, а турки даже погубили остатки арабской цивилизаціи; еще далѣе,—что „религія мѣняется при передачѣ одному народу другимъ" и культурѣ враждебенъ не исламъ, а турецкій элементъ, который свой исламъ обратилъ въ „шутовство" (sic!). Затѣмъ опять перемѣна фронта: „исламу не предстоитъ играть высокой культурной роли", всѣ мусульмане одинаковы, всѣ—фанатики, а не патріоты, для всѣхъ отечество — въ гаремѣ (sic!) и всѣ воюютъ съ невѣрными, чтобъ истребить ихъ. Но турокъ—исключеніе: онъ даже вѣротерпимъ, ибо „въ качествѣ урало-алтайца слишкомъ апатиченъ и лѣнивъ мыслить"; наконецъ, еще далѣе, турокъ оказывается фанатикомъ разрушенія, а упадокъ ислама—слѣдствіемъ распространенія турецкаго элемента! Повѣритъ ли читатель, что все это мы читаемъ не только на одной (178) страницѣ, но даже въ одномъ абзацѣ? Черезъ нѣсколько страницъ (на с. 182) слышимъ, что смѣшеніе съ черкесами обратило турокъ „изъ безобразнаго туркмена въ весьма красивое племя", но способными къ цивилизаціи все-таки ихъ не сдѣлало; турки же, оказывается, научили болгаръ и сербовъ обрѣзывать носы, уши и пр. у плѣнныхъ и преступниковъ.

Невѣжественный относительно прошлаго, авторъ тѣмъ болѣе охочъ обсуждать (съ своей, т. е. фельдфебельской, точки

зрѣнія) настоящее и предсказывать будущее. Такъ, напр., Ирландія, по его мнѣнію, неизбѣжно отдѣлится отъ Англіи, лишь только получитъ автономію (с. 167). Соединенные Штаты—единственный въ исторіи примѣръ многолюдной и обширной республики (с. 198) и удивительны тѣмъ, что являются „націей, которая не составляетъ народа" (sic!). Борьба съ рабствомъ негровъ порицается и рабство ихъ объявляется неизбѣжнымъ, потому что на рабовъ есть и спросъ, и предложеніе. Вильберфорсъ объявляется „невѣжественнымъ": стоило въ самомъ дѣлѣ всю жизнь отдавать на то, чтобъ торговля рабами исчезла хотя бы тамъ, куда долетали ядра англійскихъ кораблей. А вотъ голландское правительство восхваляется за мудрость, такъ какъ запретило въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ проповѣдь христіанскихъ миссіонеровъ (с. 214); догматы христіанства отличаются запутанностью (с. 214) для фельдфебельскаго разумѣнія.

„Обзоръ политическихъ событій" кратокъ и суховатъ, охватываетъ только Францію, Германію, Англію и Россію. Исторія Россіи доведена только до объявленія войны Турціи (въ 1877 г.). Затѣмъ краснорѣчивое многоточіе и конецъ книги! Допуская даже, что нѣмецкаго оригинала нельзя было или не слѣдовало переводить по его тенденціозности (хотя мы видѣли, какія вещи были признаны достойными перевода), неужели нельзя было перевести его фактическую часть, сгладивъ тенденцію? Наконецъ, нетрудно было бы и самой редакціи составить строго-фактическій обзоръ русскихъ событій послѣ 1877 г.

Единственную оригинальную статью „Подвиги археологіи въ XIX вѣкѣ" нельзя не упрекнуть прежде всего за крайнюю безпорядочность изложенія. Во-вторыхъ, авторъ излишне, хотя повидимому совершенно искренне, увлекается своей наукой и до смѣшного преувеличиваетъ ея значеніе. Ему дорогъ всякій успѣхъ археологіи и при всякомъ успѣхѣ ея объявляется, что до сихъ поръ археологія еще не была наукой; въ результатѣ выходитъ, что читатель впадаетъ въ полное недоумѣніе, что такое наука археологіи и когда она началась. Библіографическихъ данныхъ множество, но разбросаны они повсюду, въ величайшемъ безпорядкѣ и иногда невольно вызываютъ улыбку (напр. указанія на „бѣлизну бумаги" одного изданія на с. 254 или сообщеніе, къ какому археологическому журналу подшивается другой такой же журналъ на с. 246).

Языкъ статьи могъ бы быть менѣе небреженъ, выборъ научныхъ авторитетовъ—болѣе осторожнымъ, а истины въ родѣ,

„рутина замедляетъ движеніе наукъ“ (с. 238), могли бы быть и вовсе опущены, несмотря на всю ихъ несомнѣнность.

Вылазки автора за предѣлы своей науки совершенно неудачны. При всемъ уваженіи къ археологіи, не можемъ согласиться, чтобъ XVIII-й вѣкъ былъ временемъ „густого мрака невѣжества“, пока, наконецъ, не появилась (въ 1798 г.) наука археологіи (с. 221). Невѣрно также, что только въ XVIII вѣкѣ ученые замѣтили недостовѣрность греческихъ и римскихъ историковъ и, замѣтивъ ее, обратились къ археологіи (с. 256). Еще менѣе вѣрно относить начало изученія классическихъ древностей къ 1831 г. (какая точность даты!).

Еще менѣе удачны экскурсіи въ область богословскихъ наукъ. Авторъ говоритъ напр. (с. 257), что „археологія добралась и до непогрѣшимости папы“! И знаете, какъ „добралась“? Выписываемъ буквально: „Апостолъ Петръ написалъ письмо (sic!) изъ Вавилона; письмо это напечатано (sic!) въ новомъ завѣтѣ. Папа и епископы изъ этого слова (!) вывели заключеніе, что Петръ былъ папой въ Римѣ и что римскаго первосвященника І. Христосъ наименовалъ своимъ намѣстникомъ. Но ни православные, ни протестанты не согласились на такое нелѣпое толкованіе слова Вавилонъ; а равно и Исидоровы декреталіи оказались подложными. Тогда усердные католики І. Марки и Д. Росси принялись за изслѣдованіе римскихъ катакомбъ. Но археологическія изысканія привели къ совершенно противоположному заключенію. Остовы первыхъ христіанъ почиваютъ въ катакомбахъ въ своемъ естественномъ положеніи и никакихъ насильственныхъ мѣръ со стороны вѣротерпимыхъ римлянъ не испытали“. Эту тираду, одинаково своеобразную и съ внѣшней и съ внутренней стороны, мы не будемъ и разбирать: мѣста не хватитъ! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, въ рецензіи указывать евангельскіе тексты, на которые католики ссылаются при защитѣ папской власти, и другіе ихъ доводы; объяснять, почему большинство богослововъ, безразлично отъ вѣроисповѣданія, слово „Вавилонъ“ понимаетъ (въ стихѣ 13 главы 5, I посланія Петра), какъ иносказательное обозначеніе Рима; напоминать, когда была доказана подложность „Исидоровыхъ декреталій“ и когда появились первыя сомнѣнія относительно числа и свирѣпости гоненій на христіанъ и пр. А вотъ автора попросимъ объяснить, какія измѣненія произошли бы въ научной постановкѣ вопроса о папской власти, если бы оказалось, что первые христіане „почиваютъ въ катакомбахъ“ въ самомъ противоестественномъ положеніи?

Н. У.

Оболенскій, *Л. Е.* **Исторія мысли.** Опытъ критической исторіи философіи. Спб. 1901. Изд. Н. И. Гервея. Ц. 1 р. 25 коп.

Характеризуя свой трудъ какъ „опытъ критической исторіи философіи", авторъ какъ будто извиняется предъ читателемъ за первоначальное названіе книги „Исторія мысли" и этимъ обезсиливаетъ рецензента, а не сдѣлай онъ этой существенной оговорки — читатель разочаровался бы, познакомившись съ трудомъ г. Оболенскаго, а рецензенту пришлось бы подойти къ оцѣнкѣ книги съ другими болѣе строгими требованіями. На стр. VIII своего предисловія авторъ замѣчаетъ, „что философское міровоззрѣніе имѣетъ большое вліяніе и на обыденную жизнь и на историческую жизнь народовъ, а потому понятно мое желаніе—сдѣлать исторію философіи наиболѣе общедоступной".

Передовой русскій читатель всегда интересовался философіей, съ жадностью набрасываясь на всякую попытку популяризаціи основъ мышленія того или другого изъ представителей философіи, и понятное намъ желаніе г. Оболенскаго—похвально въ той степени, въ какой этого заслуживаетъ его трудъ, во всякомъ случаѣ своевременный и интересный, какъ конспектъ, полезный новичку при изученіи философіи и ея исторіи. Къ сожалѣнію, объемъ книги г. Оболенскаго не соотвѣтствуетъ тому колоссальному содержанію, чѣмъ богата сокровищница человѣческой мысли съ древнѣйшаго времени и до нашихъ дней. Въ этомъ отношеніи, вѣроятно, и самъ авторъ согласится съ нами, тѣмъ болѣе что на стр. IX своего предисловія онъ говоритъ слѣдующее: „Предупреждаю: выполнить эту задачу, хотя бы даже приблизительно, я не имѣлъ ни силы, ни средствъ, ни времени. Это дѣло—грядущей и, вѣроятно, коллективной работы. Даже и матеріала для такой „науки о мысли" собрано очень мало. Я даю общедоступный очеркъ, гдѣ многое по необходимости эскизно и кратко". Содержаніе приведенной цитаты, по нашему мнѣнію, лучшая характеристика книги г. Оболенскаго.

По первой главѣ книги „Исторія мысли" читатель знакомится съ общей картиной развитія мысли, начиная съ вопроса: „что заставляетъ мыслить человѣка?" и кончая подраздѣленіемъ философской мысли на четыре категоріи: теологическую, позитивную, научную и философскую; во второй главѣ книги трактуется о роли философіи какъ особой науки. „Въ остальныхъ главахъ моей книги—говоритъ авторъ на 28 страницѣ—я перейду къ болѣе детальному, но сперва теорети-

ческому обзору главнѣйшихъ объективныхъ вліяній на мысль (условій антропологическихъ, этнографическихъ, наслѣдственныхъ, — условій политическихъ, экономическихъ и т. п.). Путемъ историко-психологической критики ихъ, я постараюсь опредѣлить, что въ этихъ условіяхъ было болѣе или менѣе существенно, что вовсе не существенно, и что можетъ быть сведено къ другимъ условіямъ или причинамъ".

Излагая міросозерцаніе того или другого изъ философовъ, г. Оболенскій недостаточно объективенъ, несмотря на то, что въ одномъ мѣстѣ своего труда объективность историка мысли считаетъ необходимымъ условіемъ процесса историческаго творчества. Особенно любовно останавливаясь на міросозерцаніи нѣкоторыхъ мыслителей, очевидно, близкихъ къ міросозерцанію самого автора, г. Оболенскій удѣляетъ мало вниманія другимъ; напримѣръ, Гегеля авторъ, очевидно, не жалуетъ, находя, что „излагать подробно его философствованье не нужно и не интересно", и останавливая особенное вниманіе на Огюстѣ Контѣ и друг. его прямыхъ или косвенныхъ наслѣдникахъ. Книга Л. Е. Оболенскаго издана Н. И. Гервеемъ и имѣетъ такой же, какъ и другія его изданія, изящный видъ. **В. Б.**

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ). **Біографія и мои о немъ воспоминанія.** *А. И. Фаресова.* Спб. 1901.

Книга эта написана съ отступленіями отъ обычныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ пишутся біографіи. Кромѣ собственно описательной части, „личныхъ воспоминаній" и, разумѣется, необходимой въ данномъ случаѣ литературной характеристики, значительную часть книги занимаютъ письма: г. Фаресова къ Шеллеру, Шеллера къ г. Фаресову и другимъ лицамъ, преимущественно къ писателямъ, и этихъ послѣднихъ тоже къ Шеллеру; затѣмъ приведены дословныя бесѣды Шеллера съ г. Фаресовымъ и другими писателями, а также помѣщены нѣкоторыя стихотворенія Шеллера. Такимъ образомъ, въ книгѣ заключается не только біографія, но и самый матеріалъ, на основаніи котораго она составлена. Біографъ какъ будто говоритъ: вотъ какимъ я матеріаломъ пользовался, а ты, читатель, если хочешь—пользуйся имъ по-своему. Такое совмѣстительство не ослабило интереса къ книгѣ, но мы должны замѣтить, что собственно біографическая сторона на основаніи перечисленнаго матеріала разработана слабо. Книгу слѣдовало бы озаглавить такъ: „Матеріалы для біографіи Шеллера, съ толкованіями автора". Ма-

теріалы относятся преимущественно къ позднѣйшему времени, когда Шеллеръ состоялъ редакторомъ „Живописнаго Обозрѣнія“ и „Сына Отечества“, а потому болѣе полная характеристика его возсоздается только за это время. О Шеллерѣ же, какъ о ближайшемъ сотрудникѣ двухъ видныхъ журналовъ „Русское Слово“ и „Дѣло“, сказано только нѣсколько незначительныхъ словъ. Но этотъ недостатокъ книги искупается написанными г. Фаресовымъ очень живо и мѣтко характеристиками беллетристическихъ произведеній Шеллера: какъ въ этихъ произведеніяхъ отразились общественные типы русской жизни за послѣднія 40 лѣтъ. Здѣсь главное достоинство книги. Остается только пожалѣть, что характеристики эти очень кратки. Не лишено интереса, тоже въ смыслѣ матеріала, поясненіе біографа, что переводныя стихотворенія Шеллера, изъ Коппе, Петефи, Фрейлиграта, Шамиссо и др., имѣютъ для переводчика автобіографическій характеръ. Затѣмъ біографъ подробно останавливается на научно-популярныхъ работахъ Шеллера, замѣчая, что хотя Шеллеръ всегда съ большимъ интересомъ занимался изслѣдованіями народныхъ движеній, соціалистическихъ системъ и подобныхъ исключительныхъ вопросовъ, но самъ во многомъ не сочувствовалъ ни этимъ движеніямъ и утопіямъ, ни ихъ иниціаторамъ и творцамъ. Если такъ, то это очень характерная біографическая черта для Шеллера; она вмѣстѣ съ тѣмъ является новой и неожиданной, если принять въ соображеніе, какъ Шеллеръ увлекательно излагалъ эти *движенія* и *утопіи*. Мы помнимъ то время, когда читатели смотрѣли на эти произведенія Шеллера какъ на призывъ его слѣдовать указываемымъ имъ примѣрамъ; по меньшей мѣрѣ, у читателя являлся подъемъ настроенія.

Въ біографіи не выяснена одна существенная черта въ литературной дѣятельности Шеллера. Возникаетъ интересный вопросъ, почему Шеллеръ по прекращеніи „Дѣла“ не примкнулъ къ изданіямъ, ближе подходящимъ по направленію къ этому журналу, а сталъ писать въ „Наблюдателяхъ“ и „Сѣверныхъ Вѣстникахъ“, съ которыми онъ долженъ былъ діаметрально расходиться. Вѣдь, его соратникъ на прежнемъ боевомъ полѣ, Шелгуновъ, не пошелъ же вмѣстѣ съ нимъ. Мы думаемъ, что начавшійся съ этого момента „трагизмъ положенія Шеллера“ (выраженіе г. Фаресова) заключался въ томъ, что этотъ человѣкъ даже при своемъ значительномъ умѣ и извѣстныхъ устойчивыхъ взглядахъ, не обладалъ въ

то же время твердымъ характеромъ и совсѣмъ не умѣлъ различать людей. Вращаясь въ кружкѣ „Русскаго Слова“ и „Дѣла“, онъ подчинялся людямъ этого кружка, по счастливой случайности совпадая съ ними во взглядахъ. По распаденіи этого кружка, случай толкнулъ его въ „гнилыя болота“. А мы уже знаемъ, по свидѣтельству самого Шеллера, какъ эти болота засасываютъ людей, подобныхъ ему.

Мы желали бы книгѣ г. Фаресова дожить до 2-го изданія и совѣтовали бы ему въ новомъ изданіи остановиться преимущественно на лучшей порѣ дѣятельности Шеллера, именно въ первыя двадцать лѣтъ. Этотъ періодъ освѣтитъ Шеллера цѣльнѣе и дастъ о его литературной физіономіи иное представленіе. Шеллеръ важенъ въ русской литературѣ не какъ редакторъ „Живописнаго Обозрѣнія“ и „Сына Отечества“, а какъ сотрудникъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дѣла“. Намъ интересно его отношеніе къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ работалъ на *общей* литературной нивѣ по искреннему убѣжденію.

Книга г. Фаресова должна заинтересовать многихъ читателей, кругъ которыхъ у Шеллера былъ огромный.

И. М.

Я. Ц. Мирскій. **Лебединая пѣснь графа Л. Н. Толстого.** Критическій этюдъ по поводу романа „Воскресеніе“. С.-Петербургъ. 1901 г.

„Передо мной объемистый томъ „Воскресенья“; и, прочитавъ его, мнѣ сдѣлалось грустно; и грустно сдѣлалось потому, что сдѣлалъ я открытіе, и немаловажное... Князь Нехлюдовъ никто иной, какъ самъ глубокоуважаемый графъ Левъ Николаевичъ“. Такъ г. Мирскій начинаетъ свой „критическій этюдъ“. Г. Мирскій, какъ видно, слишкомъ скроменъ: на самомъ дѣлѣ онъ сдѣлалъ не одно „открытіе и немаловажное“, а цѣлыхъ два, такъ какъ открылъ намъ свое полное незнакомство съ философскими, религіозными и соціальными трактатами Толстого, по прочтеніи которыхъ (а первые трактаты появились лѣтъ 20 назадъ) для обыкновенныхъ смертныхъ, неспособныхъ „дѣлать открытія“, стало ясно, какъ день, что Толстой во многихъ своихъ герояхъ (Левинъ въ „Аннѣ Карениной“, Оленинъ въ „Казакахъ“ и пр.) воплотилъ черты своего собственнаго развитія.

Незнакомство г. Мирскаго съ религіозными, философскими

и соціальными трактатами Толстого нисколько насъ не удивляетъ. Иные, въ томъ числѣ и г. Мирскій, способны пребывать, не испытывая головокруженія, на такихъ высотахъ мысли, откуда системы Генри Джорджа и Спенсера представляются „годными развѣ только для досужаго времяпрепровожденія послѣ сытнаго обѣда, въ уютномъ кабинетѣ, за хорошей сигарой“ (с. 87), „ученіемъ безусловно нелѣпымъ и совершенно непримѣнимымъ къ русскому мужицкому хозяйству“ (с. 93), а о Толстомъ ужъ и говорить нечего!

Прогрустивъ 145 стр., г. Мирскій на предпослѣдней 146 с. „сразу просвѣтлѣлъ“. Еще бы! Новое „открытіе“! „Ура! Нашелъ!“, кричитъ въ восторгѣ г. Мирскій (с. 146). Нехлюдовъ—„совсѣмъ не князь, а сумасшедшій, вообразившій себя княземъ... Въ томъ же, что онъ сумасшедшій, я окончательно убѣдился изъ того, что онъ, этотъ мнимый князь, считаетъ самъ всѣхъ другихъ, разумныхъ, занимающихся своимъ дѣломъ и не шляющихся за проститутками людей—сумасшедшими. Такъ какъ къ послѣднимъ принадлежу и я, и каждый изъ насъ, то могу ли я самъ себя считать сумасшедшимъ? Никогда!“ (сс. 149 и147).

Итакъ, на первой и на послѣдней страницахъ—по открытію. Изъ среднихъ 145 стр. страницъ 70 заняты сплошной перепечаткой изъ „Воскресенья“, причемъ авторъ счелъ за лишнее соблюдать правило грамматики, по которому „чужія слова ставятся въ кавычкахъ“, справедливо надѣясь, что читатель (если онъ знакомъ хоть сколько-нибудь съ Толстымъ) самъ разберетъ, гдѣ начинается г. Мирскій и кончается Толстой. Принадлежащія самому г. Мирскому страницы „критическаго этюда“ содержатъ яркую (ярче и представить нельзя) характеристику Нехлюдова; Нехлюдовъ—„негодяй“ (стр. 69). „полусумасшедшій, отъ бездѣлья дурѣющій князь“ (стр. 88), рѣчь котораго часто представляетъ „безсвязный бредъ“ (с. 64); въ то же время это „непонятная, полная таинственныхъ противорѣчій натура“ (с. 39), такъ какъ, доживши до 30 лѣтъ, все еще не отдѣлался отъ неловкости при мысли, что его громадные доходы—результатъ крестьянскаго малоземелья. Все это г. Мирскій доказываетъ самымъ строгимъ образомъ, буквально выписывая подрядъ по 8, по 10 страницъ романа. Несчастный Нехлюдовъ, увлекшись нелѣпыми ученіями Генри Джорджа и Спенсера и отдавъ землю въ аренду крестьянамъ по крайне дешевой цѣнѣ, не подумалъ, что могъ бы посовѣтоваться съ г. Мирскимъ, который, во-первыхъ, умѣетъ раз-

рѣшать аграрныя недоразумѣнія (с. 94); во-вторыхъ, научилъ бы его, какую рѣчь держать передъ крестьянами (къ счастью для насъ, рѣчь г. Мирскимъ составлена и напечатана на с. 84).

Составъ суда, изображенный Толстымъ, (предсѣдатель торопится на свиданіе, судебный приставъ—пьяница и пр.), прямо невозможенъ и „есть плодъ, созданіе больной фантазіи автора" (с. 47).

Изъ остальныхъ „открытій" г. Мирскаго (ихъ множество) сообщимъ читателямъ только два: говорить "аллегорически" значитъ говорить „въ обратно-противоположномъ смыслѣ" (с. 10); кромѣ того, Толстой впалъ въ страшную ошибку, назвавъ сапоги Нехлюдова „вычищенными какъ зеркало", ибо „зеркало ваксой не чистятъ" (с. 53).

Я уже собирался съ подобающимъ почтеніемъ закрыть и отложить книгу, но сдѣлалъ и самъ при этомъ два „открытія": годъ изданія на обложкѣ показанъ 1901, а на титульномъ листѣ—1900. На обложкѣ же г. Мирскій обѣщаетъ въ скоромъ времени осчастливить читающую публику книжкой разсказовъ подъ названіемъ „Кое-что о женщинахъ". Послѣ этого у меня исчезли всякія опасенія за драгоцѣнное для отечества состояніе умственнаго здоровья г. Мирскаго.

Н. У.

И. Гофштеттеръ. **Забытый государственный человѣкъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ.** По русскимъ и иностраннымъ источникамъ. Съ портретомъ Н. А. Милютина. Спб. 1901.

Авторъ справедливо удивляется и скорбитъ, что имя самаго главнаго работника крестьянской реформы и преобразователя олигархической Польши Н. А. Милютина забыто исторіей и русскимъ обществомъ. Даже въ дни 40-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ печать не вспомнила о самомъ крупномъ поборникѣ освободительнаго движенія. Въ такомъ популярномъ изданіи, какъ книга покойнаго Джаншіева „Изъ эпохи великихъ реформъ", нѣтъ спеціальнаго очерка, посвященнаго человѣку, который былъ главнымъ защитникомъ интересовъ народа. Г. Гофштеттеръ въ своей маленькой брошюркѣ, конечно, не беретъ на себя задачи восполнить этотъ существенный пробѣлъ въ исторической литературѣ о 60-хъ годахъ, онъ только будитъ вниманіе общества къ обойденному славой великому государственному человѣку, въ лицѣ котораго, говоритъ онъ, „Россія, еще темная для самой себя, не отдающая себѣ отчета въ историческихъ пу-

тяхъ, не имѣющая ясной программы прогресса, рутинная и въ своемъ либерализмѣ и въ своемъ консерватизмѣ, потеряла одного изъ величайшихъ государственныхъ людей". „Онъ унесъ съ собою въ могилу великія государственныя идеи и цѣлую программу преобразованій, которая, быть можетъ, обновила бы жизнь народа и могла бы избавить Россію отъ мучительно-тяжелыхъ и неразрѣшимыхъ диссонансовъ и противорѣчій россійскаго прогресса". **В.**

Гюи де-Мопассанъ. **Воскресенія парижскаго буржуа.** Переводъ П. И. Каменоградскаго. Спб. 1901 г. 192 стр., съ 64 иллюстраціями.

Названный посмертный трудъ знаменитаго писателя впервые появляется на русскомъ языкѣ. „Воскресенія" представляетъ одинъ большой, раздѣленный на десять очерковъ, разсказъ о различныхъ похожденіяхъ парижскаго буржуа—чиновника Патиссо, которому докторъ предписалъ проводить на воздухѣ воскресные дни. Книжка издана очень изящно, снабжена массой рисунковъ. Произведеніе геніальнаго писателя легко и съ удовольствіемъ читается въ превосходномъ переводѣ г. Каменоградскаго.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). **Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву.** Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Это—и не біографія интересной личности, и не обстоятельное изслѣдованіе любопытнаго историческаго момента, а лишь матерьялы для того и другого, за обнародованіе которыхъ, однако, слѣдуетъ выразить автору благодарность. В. А. Перовскій—человѣкъ примѣчательный уже въ силу своеобразныхъ событій своей личной жизни: въ 1812 году онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ, былъ отправленъ пѣшкомъ во Францію и лишь въ 1814 г. бѣжалъ изъ плѣна; въ 1839 г. онъ совершилъ хотя и неудачный, но необычайный походъ по направленію къ Хивѣ; въ 1853 г. онъ снова пошелъ въ Зауральскую степь и взялъ Акъ-Мечеть (фортъ Перовскій). Вмѣстѣ съ тѣмъ Перовскій былъ личный другъ поэта Жуковскаго, дружилъ также съ Пушкинымъ и самъ проявлялъ литературныя способности, какъ можно судить по отрывку его записокъ. Все, что касается прямо біографіи Перовскаго, собрано въ первой части книжки. Это, во-первыхъ, выписка изъ книги кн. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ", дающая нѣчто въ родѣ формуляра Перовскаго, затѣмъ собственный разсказъ его о пребываніи въ плѣну у французовъ, письма его къ В. А. Жуковскому, замѣтка о нихъ дружбѣ также на

основаніи ихъ любопытной переписки, замѣтка о кончинѣ Перовскаго съ его письмами къ епископу Евсевію. Вторая часть книжки имѣетъ болѣе цѣльный характеръ. Это, повторяемъ, не объективное научное изслѣдованіе, а преимущественно изложеніе доставшихся г. Захарьину записокъ участника похода Зеленина. Это обстоятельство придаетъ всей статьѣ, какъ и самому походу, одностороннюю окраску. Можетъ быть, было бы лучше сообщить записки г. Зеленина цѣликомъ, и тогда авторъ книжки снялъ бы съ себя упрекъ въ исключительномъ пристрастіи къ Перовскому и странной ненависти къ „поляку" Ціолковскому, съ которымъ тотъ, кто писалъ записки, видимо сводилъ поздніе счеты. Г. Захарьинъ указываетъ, какъ главныя причины неудачи похода, то, что онъ былъ предпринятъ зимою и не той, какъ бы слѣдовало, дорогой. И во всемъ этомъ онъ совершенно снимаетъ вину съ Перовскаго, а укоряетъ его совѣтчиковъ, между прочимъ того же Ціолковскаго. А между тѣмъ, уже возвратясь изъ похода, самъ Перовскій заявлялъ: „нѣтъ лучшаго пути, какъ тотъ, который я избралъ, ни другого времени года,—какъ зима, чтобы дойти до Хивы" (стр. 177). Не безъ вины Перовскій и въ томъ, что пустилъ свою армію одѣтою какъ на парадъ, хотя знакомъ былъ съ климатическими условіями края. И правъ былъ Ермоловъ, говоря, что „это понтировка въ банкъ" (стр. 173). Указанныя нами цитаты взяты изъ писемъ Перовскаго къ А. Я. Булгакову, которыя приводятся вслѣдъ за статьей о походѣ вмѣстѣ съ рескриптами и приказами Перовскаго.

М. Н. М.

Ончуковъ. **По Чердынскому уѣзду**. Поѣздка на Вишеру, на Колву и на Печору. Спб. 1901.

Поѣздку свою г. Ончуковъ совершилъ съ этнографическою цѣлью. Онъ обстоятельно и живымъ языкомъ описалъ всѣ поселки по названнымъ рѣкамъ въ предѣлахъ уѣзда съ ихъ мѣстными особенностями и естественными достопримѣчательностями. Конечно, здѣсь нѣтъ обстоятельнаго изслѣдованія жизни разноплеменныхъ туземцевъ, но масса характерныхъ черточекъ, замѣченныхъ авторомъ по пути, говоритъ о его наблюдательности. Особенно интересны свѣдѣнія о Вишерѣ и о тулпанскихъ раскольникахъ.

А. Лященко. **Замѣтка о сочиненіяхъ Ѳеодосія**, писателя XII вѣка. Спб. 1900.

„Замѣтка" г. Лященко даетъ гораздо больше, чѣмъ можно ожидать отъ такой спеціальной темы. Авторъ ясно и точно

отграничиваетъ св. Ѳеодосія отъ Ѳеодосія, игумена печерскаго XII в., который былъ грекъ. Опредѣляя литературное наслѣдіе послѣдняго, г. Лященко обстоятельно выясняетъ, что извѣстное слово „о вѣрѣ варяжской" (т. е. латинской) принадлежитъ Ѳеодосію-греку, а отсюда важный выводъ тотъ, что единственный изъ писателей русскихъ XII св. Ѳеодосій, принимавшій яко бы участіе въ полемикѣ съ „латинами", оказывается въ этомъ неповиннымъ. Далѣе выясняется, что борьба съ латинами была важна именно для грековъ, такъ какъ они, придя въ Россію, застали здѣсь своихъ исконныхъ враговъ, католическихъ священниковъ, и прозелитовъ изъ русскихъ, крещенныхъ по римскому обряду. Сопоставляя различныя историческія свидѣтельства, авторъ приходитъ къ тому выводу, что католичество было значительно распространено въ Кіевѣ, и можно думать, что первые русскіе христіане были просвѣщены западными проповѣдниками.

Г. Лященко обѣщаетъ дать обстоятельную работу по избранному имъ вопросу, и нужно пожелать, чтобы этотъ трудъ скорѣе осуществился.

И. С. Соколовъ. **Дома.** Очерки современной деревни. Спб. 1900.

Интересные очерки г. Соколова первоначально появились въ „Вѣстникѣ Европы". Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія авторъ возвратился въ родную деревню и нашелъ въ ней новое настроеніе. Произошла „реформа", и въ деревнѣ появилась „твердая власть". Собственно, прогрессъ выразился въ „обновленіи кутузки". Прежде она была въ забросѣ и весьма неприглядная, а теперь была ремонтирована и стала похожа на настоящую тюрьму. Въ деревнѣ стали преслѣдовать игру на гармоникѣ и т. п. Но съ другой стороны и народъ сталъ не прежній: парень предпочитаетъ идти въ Сибирь, чѣмъ дать себя „стегать". Видно, что деревня далеко опередила существующій для нея особый законъ и можетъ и должна зажить общей со всѣми гражданской жизнью.

П. П. Гнѣдичъ. **Купальные огни.** Романъ. Спб. 1901.

Названный романъ талантливаго беллетриста былъ напечатанъ въ прошломъ году въ „Книжкахъ Недѣли", а въ настоящее время появился отдѣльнымъ изданіемъ. Имя автора ручается за изложеніе и интересъ „Купальныхъ огней", рисующихъ быть высшаго чиновнаго петербургскаго круга, а также литературнаго, вводя читателя, попутно, въ разные другіе слои, въ томъ числѣ купеческія семьи. Съ присущимъ мастер-

ствомъ г. Гнѣдичъ выставляетъ недостатки и пустоту какъ чиновничьяго міра, такъ и тѣхъ, кого романъ попутно задѣваетъ. Содержаніе „Купальныхъ огней", захватывая читателя, полно самыхъ разнообразныхъ, какъ сама жизнь, сочетаній и столкновеній. благодаря чему не трудно предсказать успѣхъ новому роману П. П. Гнѣдича. Отдавая справедливость должному, мы не можемъ не указать, что называть своихъ героевъ фамиліями извѣстныхъ лицъ и попавшихъ на страницы исторіи—не слѣдуетъ.

Д. М. Левшинъ. **Т. Н. Грановскій**. Опытъ историческаго синтеза. Спб. 1901 г.

Грановскимъ за послѣднее время стали снова интересоваться въ русскомъ обществѣ. Послѣ извѣстной біографіи А. Станкевича (выпущенной въ 1869 г. и переизданной въ 1897 г.) появился цѣлый рядъ частныхъ характеристикъ московскаго профессора. Но всѣ эти сочиненія, добросовѣстно и прекрасно написанныя, не давали полнаго понятія о личности Грановскаго, они не указывали намъ, въ чемъ именно заключался подвигъ его жизни, и ту роль, которую онъ сыгралъ въ исторіи развитія, нравственнаго и умственнаго, русскаго общества. Эту задачу взялся разрѣшить молодой ученый Д. М. Левшинъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о Грановскомъ, который онъ скромно назвалъ «опытомъ историческаго синтеза». Новый трудъ этотъ, въ которомъ подведены итоги всему уже сказанному и для котораго послужила матеріаломъ недавно обнародованная частная переписка Грановскаго, выясняетъ личность этого замѣчательнаго ученаго и значеніе его общественной дѣятельности. Книга г. Левшина переноситъ насъ совсѣмъ въ иную область, указываетъ совсѣмъ на иной характеръ творчества и пониманія. Неудивительно, послѣ этого, что маленькая книга г. Левшина надѣлала много шуму, вызвавъ, съ одной стороны, хвалебные о ней отзывы, а съ другой порицанія. Если произвести хотя самую поверхностную оцѣнку сказаннаго о книгѣ г. Левшина, то неблагопріятные, сравнительно не въ большомъ количествѣ, о ней отзывы. составлены по обыкновенному шаблону, съ передержками и голословными недоказательными обвиненіями. Большинство же критиковъ признающихъ достоинства книги, однако, старается указать, что новаго въ ней нѣтъ ничего, ни по методу, ни по идеѣ, и это несмотря на то, что авторъ ни въ чемъ не обнаруживаетъ желанія удивить міръ небывалою новинкою. Такого рода отношеніе критики лучше всего показываетъ, что въ книгѣ г. Левшина дѣйствительно чуется что-то новое, но не такъ легко опредѣлить, въ чемъ оно состоитъ, и не потому, чтобы нельзя было его разгадать, а просто потому, что для этого потребовалось бы поглубже вникнуть въ книгу, трудъ, который не хотѣли взять на себя г.г. рецензенты.

Дѣйствительно, не новъ синтетическій методъ, употребленный г. Левшинымъ, не онъ его выдумалъ. а имъ пользовался мастерски и самъ профессоръ Грановскій, на что авторъ и указываетъ; не новъ и критическій методъ, который служитъ автору для разбора,

для сопоставленія и для выдѣленія нужнаго для выводовъ обильнаго матеріала, указаннаго въ ссылкахъ. Не нова и попытка уяснить процессы, совершавшіеся въ русскомъ обществѣ,—дѣлали это и Щановъ, и Милюковъ, и Ключевскій и другіе. Новымъ въ этой маленькой книжкѣ является то, что авторъ, оставаясь вѣренъ синтетическому методу, устанавливаетъ главные процессы, выясняетъ ихъ и приходитъ къ совершенно вѣрной мысли, что еще до Петра, въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, среди вершителей судебъ, зародился подражательный процессъ, за развитіемъ котораго онъ и слѣдитъ. Совершенно вѣрно устанавливаетъ онъ и тотъ фактъ, что въ концѣ XVIII столѣтія понемногу сталъ зарождаться и контръ-процессъ творческій, ясно и опредѣленно обозначившійся послѣ 1812 года; далѣе онъ слѣдитъ за развитіемъ и борьбой этихъ двухъ процессовъ, но слѣдитъ такъ, что они какъ-то сами собой выступаютъ наружу изъ ряда яркихъ картинъ, характеризующихъ состояніе общества двухъ царствованій, Александра I и Николая I. Благодаря этому краски не обезцвѣчиваются, но все вмѣстѣ является болѣе опредѣленнымъ, осмысленнымъ и законченнымъ. Установленіе этихъ двухъ процессовъ и ознакомленіе публики съ судьбами ихъ сдѣланы впервые авторомъ. этой книгѣ ничто не пропущено, всѣ новѣйшія данныя научной психологіи и отчасти психіатріи использованы, причемъ и тутъ авторъ остается вѣренъ синтезу, онъ все время старается выдѣлять главныя черты, главные психологическіе процессы, включающіе многіе второстепенные. Ни въ одной біографіи мы не встрѣчали до сихъ поръ такого полнаго примѣненія научной психологіи, которая ведетъ, опять-таки, не къ затемнѣнію личности Грановскаго и не обезцвѣчиванію его какъ живой индивидуальности, а вводитъ только въ тайну выработки характера и въ концѣ концовъ обрисовываетъ его очень ясно и художественно. Ново въ этой книжкѣ сопоставленіе Грановскаго какъ результата психическихъ процессовъ, совершавшихся въ его время, съ соціальнымъ процессомъ и выясненіе этимъ путемъ его исторической роли и, притомъ, не механическое и искусственное сопоставленіе, а живое, естественное, какъ бы само собою напрашивающееся. Такимъ образомъ, мы впервые получаемъ научно-обоснованный наглядный примѣръ того, какая связь существуетъ между соціологіею и психологіею. До сихъ поръ такъ конкретно, такъ пластично, по крайней мѣрѣ у насъ, не была выяснена роль личности въ исторіи. Нова и малообычна также и удивительная добросовѣстность автора, заставляющая его указывать не только всѣ источники, но даже и художественныя сравненія, ярко рисующія ту или другую картину, но заимствованныя у другихъ, напримѣръ, сравненіе съ Бельями, дѣйствительно очень подходящее къ обрисовкѣ крѣпостного права. Наконецъ, нова и поразительная обоснованность всѣхъ положеній, для подкрѣпленія которыхъ въ ссылкахъ указаны всѣ факты, позволившіе сдѣлать тотъ или другой выводъ. Авторъ не даетъ ни одной характеристики историческаго лица безъ того, чтобы не указать, какіе факты послужили основаніемъ для нея. Благодаря этому разборъ и провѣрка всѣхъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Левшинымъ, облегчены до послѣдней степени. Но, для того, чтобы такъ писать,

нужно очень много подумать, очень много изучить и благодаря этому только быть увѣреннымъ, что даешь выводы, которые въ состояніи отстоять. Соціологическія, психологическія и чисто-историческія знанія автора дѣлаютъ то, что книга его явилась крѣпостью, которую атаковать очень нелегко, въ которой сидитъ сильный противникъ, готовый отразить какія угодно нападенія. А ясность и простота выводовъ сдѣлали въ свою очередь то, что на первый взглядъ для и легкомысленнаго читателя книга можетъ показаться далеко не научной и серьезной, но стоитъ только немного вникнуть въ нее, чтобы понять, что каждое слово въ ней обдумано, находится въ связи со всѣми послѣдующими и предыдущими, что всѣ части гармонично связаны между собой, что онѣ потребовали немало труда, обнаружили разностороннее научное образованіе автора, какъ спеціальное, такъ и общее, и показали, что онъ умѣетъ владѣть матеріаломъ, господствовать надъ нимъ и претворять его. И, въ самомъ дѣлѣ, казалось, что все уже сказано о Грановскомъ и что болѣе нечего о немъ распространяться, а г. Левшинъ своимъ сочиненіемъ доказалъ, что не была уяснена его роль въ отношеніи двухъ соціальныхъ процессовъ, несомнѣнно совершившихся въ нѣдрахъ русскаго общества, а во-вторыхъ, что и сама личность его не была до сихъ поръ разобрана психологически, или, вѣрнѣе, не были представлены ни психологическій ея ростъ, ни научно установлены психологическія особенности. Грановскій-христіанинъ никогда не выступалъ такъ отчетливо и такъ ярко, какъ представилъ его г. Левшинъ. Онъ показываетъ его намъ какъ историка-мыслителя, интересовавшагося вопросами философіи исторіи, и доказываетъ, что его историческое міросозерцаніе не представляетъ особой выдержанной философски обоснованной исторической теоріи, являясь скорѣе лишь рядомъ убѣжденій, связанныхъ одной общей идеей. «Фанатикъ долга, говоритъ г. Левшинъ, снисходительный къ другимъ, способный понять и все простить, это и, сверхъ всего, высоко-нравственный, созданный природою, бесѣдою съ матерью, Станкевичемъ, Фроловой, трудными обстоятельствами жизни и философіей Гегеля»,—такимъ выступаетъ Грановскій въ роли ученаго историка, т. е. другими словами ученымъ и въ то же время христіаниномъ. Вотъ почему, несмотря на невеликое наслѣдство, оставленное послѣ Грановскаго въ его сочиненіяхъ, нравственное вліяніе его, какъ профессора, пережило его самого. Это настолько крупная личность, что всякій трудъ о немъ, серьезно и добросовѣстно составленный, долженъ быть привѣтствованъ, какъ что-то желанное; но, когда за него берется художникъ, достаточно талантливый и смѣлый, чтобы говорить своимъ языкомъ и рисовать свободною кистью историческіе портреты, и достаточно ученый и чуткій въ оцѣнкѣ общественной психологіи, то такое г. Левшинъ, произведеніе должно быть привѣтствовано всѣми, кому дороги успѣхи нашей исторической литературы.

Если прибавить ко всему сказанному, что книга г. Левшина написана прекраснымъ языкомъ, что въ авторѣ видна творческая способность созиданія образовъ изъ характерныхъ признаковъ эпохи, угаданныхъ историческимъ его чутьемъ и отобранныхъ анализомъ,

то можно будетъ смѣло пожелать молодому ученому продолжать такъ хорошо начатый имъ путь и обогащать нашу историческую литературу произведеніями, подобными этому опыту историческаго синтеза. Впрочемъ, чтобы не распространяться, скажемъ, что лучшей рекомендаціей этой книжки служитъ то обстоятельство, что она, какъ намъ извѣстно, была встрѣчена очень сочувственно нѣкоторыми иностранными и многими русскими учеными. **Н. Волковъ.**

General Muzac. *Le tsarévitch Alexis.* Drame en 5 actes, en vers. Paris.

Генералъ Мюзакъ (Muzac), вдохновленный произведеніемъ виконта де-Вогюэ „Царскій сынъ", написалъ драму въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ „Le Tsarevitch Alexis" и посвятилъ ее своему вдохновителю.

Если замѣнить въ этой драмѣ русскія имена дѣйствующихъ лицъ (Петръ, Екатерина, Менщиковъ, Румянцевъ и др.) французскими, то русскому читателю ни на одно мгновеніе не придетъ на мысль сходство содержанія драмы, написанной генераломъ Мюзакомъ, съ той дѣйствительной драмой, которая разыгралась въ Россіи въ семьѣ Петра I-го въ 1718 году. Словоохотливый, вѣчно резонирующій, но не рѣшительный Петръ; твердая характеромъ Екатерина, появляющаяся на сценѣ каждый разъ, когда мужъ ея колеблется принять то или другое рѣшеніе; архіепископъ Игнатьевъ(?), опытный интриганъ и заговорщикъ, руководящій дѣйствіями царевича; герой драмы, царевичъ Алексѣй Петровичъ, лицо совершенно безцвѣтное, о которомъ ровно ничего нельзя сказать; любовница его Евфросинья, самая заурядная женщина, желающая, однако, сдѣлаться царицею и потому толкающая своего любовника-царевича въ объятія Игнатьева и другихъ заговорщиковъ,—таковы главные персонажи драмы Мюзака: остальные, Менщиковъ, Лапушинъ, Лопухинъ (?) Румянцевъ, полковникъ Борисъ (?) и др. не болѣе, какъ статисты. Всѣ эти лица, говорящія языкомъ французской классической трагедіи, производятъ очень забавное впечатлѣніе на читателя, сколько-нибудь знакомаго съ нравами и обычаями русскаго двора того времени и историческими образами Петра, Екатерины, царевича Алексѣя и наиболѣе приближенныхъ къ нимъ лицъ. Особенно курьезна заключительная сцена, діалогъ Петра съ царевичемъ, приговореннымъ уже къ смерти высшимъ судилищемъ. Этотъ конецъ драмы построенъ у генерала Мюзака согласно съ тѣмъ, какъ событіе смерти царевича Алексѣя изложено въ рескриптахъ Петра къ своимъ заграничнымъ министрамъ: „Всемогущій

Богъ, восхотѣвъ черезъ собственную волю и праведнымъ судомъ Своимъ по милости Своей насъ отъ такого сумнѣнія и Домъ нашъ и государство отъ опасности и стыда свободити, пресѣкъ вчерашняго дня (т. е. 26 іюня) его, сына нашего Алексѣя, животъ, по приключившейся ему по изъявленіи оной сентенціи и обличеніи его такъ великихъ противъ насъ и всего государства преступленій, жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи".

У генерала Мюзака Петръ приходитъ къ сыну въ казематъ, объявляетъ ему приговоръ верховнаго суда и говоритъ длинные монологи о своемъ „сумнѣніи", причемъ подробно объясняетъ политическія соображенія, въ силу которыхъ онъ не можетъ согласиться на мольбы Алексѣя о дарованіи ему жизни и замѣнѣ казни вѣчнымъ заключеніемъ или изгнаніемъ. Являются исполнители приговора за осужденнымъ, чтобы вести его на казнь; Алексѣй въ ужасѣ, а отецъ продолжаетъ резонировать:

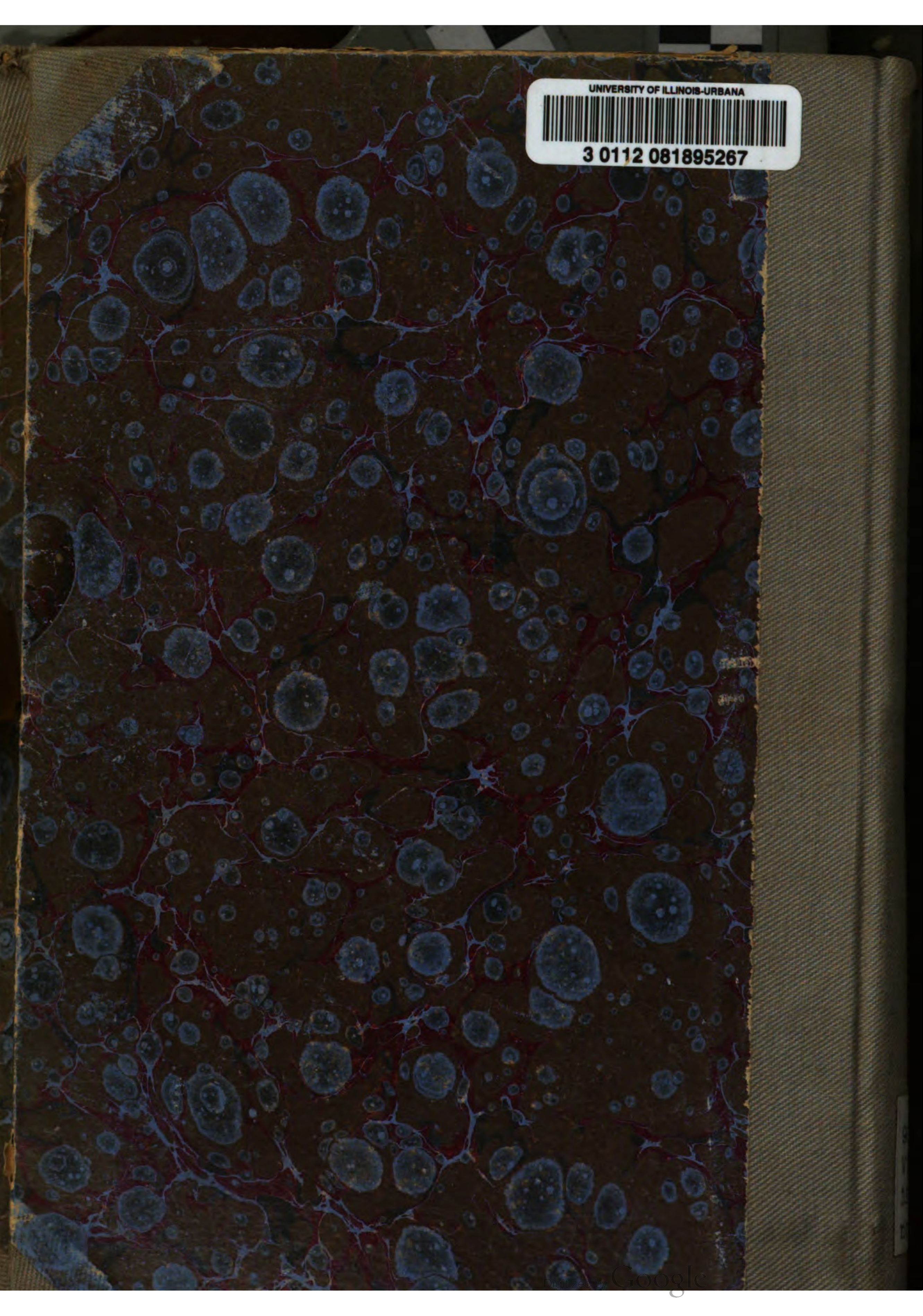
„Мой сынъ! Время настало! Побори свой страхъ, какъ я поборолъ нѣжное къ тебѣ чувство! Мужественно встрѣтивъ смерть, заслужи прощеніе потомства и исторіи! Ступай! Смерть не страшна для того, кто смѣло встрѣчаетъ ее! Взойди на эшафотъ съ величіемъ, свойственнымъ тебѣ по происхожденію, съ подъятымъ челомъ, не сгибая колѣна! Помни, что на тебя смотритъ весь мой народъ!"

Послѣ этого Алексѣй, проговоривъ не менѣе напыщенный монологъ, умираетъ на рукахъ отца. Занавѣсъ падаетъ.

The Living Races of Mankind. By *H. Hutchinson*, *J. Gregory*, *R. Lydekker*, assisted by eminent specialists. Vol. I. With 339 illustrations. (Hutchinson & Co). London. 1901.

Работа эта, озаглавленная «Современныя человѣческія расы», является въ сущности популярной этнологіей, очень живо и интересно написанной и снабженной массой превосходныхъ иллюстрацій, научная цѣнность которыхъ несомнѣнна, потому что онѣ воспроизведены съ фотографій. Нѣсколько непріятно поражаетъ читателя «имперіалистское» предисловіе Гутчинсона, который заявляетъ, между прочимъ, что имперіалистская политика требуетъ точнаго и тщательнаго знакомства съ различными человѣческими расами, которыя находятся подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ британской цивилизаціи. Но за исключеніемъ этого предисловія, въ которомъ ученый авторъ заплатилъ дань злобѣ дня, книга, какъ мы уже сказали, очень интересна и въ виду популярности изложенія заслуживала бы перевода на русскій языкъ. **В. Б—скій.**

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 081895267